Том 1

Владимир Ильич Ленин
Полное собрание сочинений. Том 1. 1893–1894

Серия «Полное собрание сочинений в 55-ти томах», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17083486
Полное собрание сочинений: Издательство политической литературы; Москва; 1967

Аннотация

В первый том входят произведения, написанные В. И. Лениным в 1893–1894 годах, – в начальный период его революционной деятельности.

Содержание

Предисловие к полному собранию сочинений 9
Предисловие к первому тому 24
1893 г. 36
Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни. По поводу книги В. Е. Постникова – «Южно-русское крестьянское хозяйство»{1} 36
I 38
II 44
III 64
IV 81
V 119
По поводу так называемого вопроса о рынках{14} 126
I 127
II 128
III 136
IV 143
V 149
VI 161
VII 173
VIII 193
1894 г. 199

Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «русского богатства» против марксистов){20} 199
Выпуск I 199
От издателей{55} 303
К предлагаемому изданию{56} 304
Выпуск III 306
Приложение I 456
Приложение II 463
Приложение III 489
Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (отражение марксизма в буржуазной литературе) По поводу книги П. Струве: «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». СПБ. 1894 г.{87} 499
Глава I. Подстрочный комментарий к народнической profession de foi 504
Глава II. Критика народнической социологии 593
Глава III. Постановка экономических вопросов у народников и У Г. Струве 638
Глава IV. Объяснение некоторых черт пореформенной экономики россии У Г. Струве 678
I 681

II 723
III 732
IV 737
V 743
VI 754
Подготовительные материалы 764
Приложения 779
Прошения В. И. Ульянова (Ленина) 1887–1893 гг. 779
1 779
2 780
3 781
4 782
5 783
6 784
7 785
8 786
9 787
10 788
11 789
12 790
13 791
Список неразысканных работ В. И. Ленина 792
Список работ В. И. Ленина, относящихся к 1891–1894 гг., до настоящего времени не разысканных 792

Список работ, переведенных В. И. Лениным 795
Указатель литературных работ и источников, цитируемых и упоминаемых В. И. Лениным 796
Указатель имен 815
Даты жизни и деятельности В. И. Ленина 867
Комментарии

Ленин
Полное собрание сочинений
Том 1
1893–1894

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Издание пятое

Предисловие к полному собранию сочинений

По постановлению Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС выпускает полное собрание Сочинений В. И. Ленина в 55 томах.

Первое издание Сочинений В. И. Ленина было выпущено по постановлению IX съезда партии в период с 1920 по 1926 год в количестве 20 томов. Всего вышло 26 книг (6 томов состояли из 2 частей), в которых напечатано свыше 1500 произведений В. И. Ленина. Первое издание Сочинений В. И. Ленина было далеко не полным; в него не были включены многие ленинские статьи из газет «Искра», «Пролетарий», «Правда», опубликованные без подписей или под псевдонимами, так как принадлежность их Ленину тогда еще не была установлена; не вошли также и другие работы и письма Ленина.

Второе и одинаковое с ним по содержанию третье издания Сочинений были выпущены по постановлению II съезда Советов СССР и XIII съезда партии в период с 1925 по 1932 год. Каждое из этих изданий состоит из 30 томов. В них вошло свыше 2700 произведений В. И. Ленина. Но второе и третье издания Сочинений также были не полными.

Четвертое издание Сочинений В. И. Ленина вышло по постановлению ЦК партии в 1941, 1946–1950 годах. Оно состоит из 35 томов (в том числе два тома писем). В его состав вошло 2927 произведений. По сравнению с третьим изданием в него включено много новых документов (из них 62 опубликованы впервые). При подготовке четвертого издания текст всех произведений В. И. Ленина был заново сверен с первоисточниками, благодаря чему устранены отдельные ошибки и неточности в расшифровке рукописей В. И. Ленина и опечатки, имевшиеся в предыдущих изданиях. Многие произведения напечатаны в четвертом издании по новым, более точным и полным источникам, например, по рукописям вместо печатного текста, по стенограммам вместо кратких газетных отчетов. Ко всему изданию выпущен справочный том в двух частях, включающий предметный, алфавитный и ряд других указателей.

Однако в четвертое издание не вошел ряд документов и многие подготовительные материалы, как опубликованные в свое время, так и неопубликованные. Выполняя пожелания подписчиков четвертого издания, Институт марксизма-ленинизма выпускает к этому изданию 10 дополнительных томов.

В полное собрание Сочинений В. И. Ленина, являющееся пятым изданием ленинских трудов, входят все материалы, напечатанные в третьем и четвертом изданиях, что составляет более 3000 документов. В собрание Сочинений в

хронологической последовательности включаются гениальные ленинские труды: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Развитие капитализма в России», «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Материализм и эмпириокритицизм», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Государство и революция», «Очередные задачи Советской власти», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», «О продовольственном налоге», «О кооперации» и другие. В это издание входят статьи В. И. Ленина, печатавшиеся в газетах «Искра», «Вперед», «Пролетарий», «Социал-Демократ», «Правда», в большевистских журналах и сборниках, а также статьи и интервью, опубликованные в разных органах русской и иностранной печати; войдут также доклады и речи В. И. Ленина на партийных съездах, конференциях, съездах Советов, конгрессах Коминтерна, выступления на заседаниях руководящих центров партии, на массовых собраниях и митингах; листовки, заявления, обращения, программные документы, проекты резолюций, декреты, приветствия, автором которых был В. И. Ленин, письма, телеграммы, записки, записи разговоров по прямому проводу, анкеты и другие материалы.

Наряду с законченными произведениями в полное собрание Сочинений включаются подготовительные материалы: планы, конспекты, наброски, заметки поправки к докумен-

там, написанным другими авторами а также замечания и пометки В. И. Ленина на книгах, брошюрах и статьях других авторов, выписки из книг, журналов и газет.

В полное собрание Сочинений входят «Философские тетради», «Тетради по империализму» с подготовительными материалами к книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» и тетрадь «Марксизм о государстве», содержащая подготовительные материалы к книге «Государство и революция».

В виде дополнительных книг к настоящему изданию будут выпущены подготовительные материалы к книге В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», «Материалы по аграрному вопросу», конспект В. И. Ленина, сделанный им при изучении четырех томов переписки К. Маркса с Ф. Энгельсом, изданной в 1913 году на немецком языке.

По сравнению с предыдущими изданиями тома пятого издания дополняются новыми материалами, относящимися к периоду «Искры» – письмами В. И. Ленина Г. В. Плеханову, Г. М. Кржижановскому, С. И. и И. И. Радченко, В. Д. Бонч-Бруевичу, значительным числом новых ленинских документов, относящихся к кануну и периоду первой русской революции, в том числе некоторыми материалами III съезда партии.

Ряд документов, впервые включенных в Сочинения, характеризует деятельность В. И. Ленина в годы реакции и в период нового революционного подъема рабочего движения.

Это главным образом письма Г. В. Плеханову, В. А. Карпинскому, Ф. А. Ротштейну, Л. Тышке и другим. В них отражается борьба В. И. Ленина против ликвидаторов за сохранение и укрепление партии, борьба против идейных шатаний и отступлений от марксизма.

В полное собрание Сочинений В. И. Ленина входят многочисленные новые материалы по аграрному и национальному вопросам: письма, планы, пометки на прочитанных книгах, выписки из книг с замечаниями, статистические сводки и т. п.; многие из них публикуются впервые.

В настоящее издание включен ряд новых документов, относящихся к первой мировой войне: план ненаписанной брошюры «Европейская война и европейский социализм», материалы Циммервальдской конференции, значительное число писем. Все эти документы отражают борьбу В. И. Ленина против империалистической войны, против социал-шовинизма и центризма, за интернациональное сплочение рабочих.

В Сочинения впервые включено много документов о Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической революциях: материалы к выступлению на собрании большевиков во дворце Кшесинской в ночь с 3 на 4 апреля 1917 года, незаконченная автобиография, конспект резолюции об экономических мерах борьбы с разрухой, письма и др.

Огромное значение представляют новые документы,

впервые включаемые в Сочинения, относящиеся к советскому периоду. Значительное количество этих документов отражает деятельность В. И. Ленина по руководству народным хозяйством страны, разработку им основных положений управления хозяйственным строительством. В полное собрание Сочинений включены, например, планы известной работы «Очередные задачи Советской власти», в которой В. И. Ленин разработал программу социалистического строительства, разъяснил значение производительности труда, социалистического соревнования. В этих и других произведениях В. И. Ленин всесторонне разработал принцип демократического централизма в руководстве хозяйственным строительством. В ряде документов В. И. Ленин дает указания о необходимости изучения местного опыта, его популяризации и распространения, наглядно показывает, какими приемами достигается улучшение работы.

Много новых документов посвящено работе советского государственного аппарата. Они отражают борьбу В. И. Ленина против бюрократизма, за удешевление и упрощение аппарата, усиление его связи с народом и привлечение самых широких слоев трудящихся к управлению государством, за строгое соблюдение советских законов. В Сочинения входит «Проект третьего пункта общеполитической части программы (для программной комиссии VIII съезда партии)», в котором В. И. Ленин ярко показал сущность пролетарской, подлинно народной советской демократии, ее коренное от-

личие от демократии буржуазной.

Новые документы периода иностранной военной интервенции и гражданской войны характеризуют гигантскую деятельность В. И. Ленина, как председателя Совета Рабочей и Крестьянской Обороны, его неустанную заботу об укреплении Красной Армии, о мобилизации сил для разгрома интервентов и внутренней контрреволюции, его руководство разработкой военно-стратегических планов и директив.

Ряд впервые включенных в Сочинения документов содержит обоснование В. И. Лениным принципов мирного сосуществования государств с различным общественно-политическим строем, его руководство внешней политикой Советского государства, последовательную борьбу за мир, за укрепление деловых связей со всеми странами.

Большое место в полном собрании Сочинений занимают материалы о международном рабочем движении. В настоящее издание впервые включаются: план статьи «О задачах III Интернационала», план доклада на II конгрессе Коминтерна о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала, документы, связанные с работой III конгресса Коминтерна, «Замечания к тезисам о едином фронте» и другие.

В полное собрание Сочинений В. И. Ленина входят важнейшие документы, продиктованные Лениным в декабре 1922 – январе 1923 года: «Письмо к съезду», известное под названием «Завещания», письма «О придании законо-

дательных функций Госплану» и «К вопросу о национальностях или об «автономизации»». Эти документы примыкают к последним работам В. И. Ленина, имеющим программное значение: «Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Раб крин», «Лучше меньше, да лучше».

Документы, впервые включаемые в полное собрание Сочинений В. И. Ленина, по объему составляют около 20 томов. Напечатанные в Ленинских сборниках, в журналах и газетах они сравнительно мало были известны читателям. Включение этих документов в Сочинения делает их более доступными для изучения широкими массами.

Все ленинские документы в новом издании располагаются в хронологическом порядке.

Исключения допускаются лишь в тех случаях, когда это вызывается необходимостью сохранить цельность и органическую связь между произведениями, написанными в разное время. Внутри томов все материалы располагаются по датам их написания (речи и доклады – по датам выступления); документы, даты написания которых не установлены, – по датам их опубликования. Планы и конспекты ленинских работ, например, планы статьи «О праве наций на самоопределение», планы работы «Империализм и раскол социализма», даются в томах, где помещены эти работы, в особом разделе тома под общим названием «Подготовительные материалы».

Переписка (письма, телеграммы, предписания, распоря-

жения, записки и т. п.) собрана в особые тома и публикуется в конце всего издания. Отдельный том составят письма В. И. Ленина к родным.

В некоторых томах полного собрания Сочинений В. И. Ленина даются приложения, в которые включаются: заявления, прошения и другие материалы биографического характера.

Для полного собрания Сочинений текст произведений В. И. Ленина заново сверяется с первоисточниками: ленинскими рукописями, изданиями работ Ленина, лично им подготовленными к печати, статьями в газетах и журналах, опубликованными при его жизни, отредактированными им стенограммами и т. п. Работы, написанные В. И. Лениным на иностранных языках, печатаются на языке оригинала и в переводах на русский язык.

Полное собрание Сочинений сопровождается научно-справочным аппаратом, который должен помочь читателям в изучении трудов В. И. Ленина: общим предисловием ко всему изданию; предисловием к каждому тому с краткой характеристикой исторической обстановки, в которой были написаны произведения, вошедшие в том, а также с изложением содержащихся в этих произведениях основных идей В. И. Ленина в их развитии. В справочный материал входят также даты жизни и деятельности В. И. Ленина, относящиеся к периоду, охватываемому томом; примечания к историческим событиям, отдельным фактам, органам печати и т. п.;

именной указатель с краткими биографическими справками об упоминаемых лицах и указатель литературы, цитируемой и упоминаемой В. И. Лениным.

Подстрочные примечания содержат переводы иностранного текста, библиографические ссылки к произведениям В. И. Ленина, которые упоминаются или цитируются в тексте, и варианты наиболее важных разночтений.

Редакционные, заголовки работ В. И. Ленина отмечены в содержании томов звездочкой.

Произведения В. И. Ленина содержат неоценимое идейное богатство, представляют поистине неисчерпаемый источник знаний о законах общественного развития, о путях строительства коммунизма. В трудах В. И. Ленина – организатора и вождя Коммунистической партии Советского Союза, основателя Советского социалистического государства – получило дальнейшее развитие великое учение марксизма в новых исторических условиях – в эпоху империализма и пролетарских революций, в эпоху перехода от капитализма к коммунизму. В работах В. И. Ленина нашли дальнейшее развитие все три составные части марксизма – философия, политическая экономия, теория научного коммунизма. В. И. Ленин обогатил марксизм новыми выводами и положениями, творчески развил его применительно к новой исторической эпохе, в соответствии с новыми задачами, вставшими перед рабочим классом и его партией в этот период. В своих

бессмертных трудах В. И. Ленин дал ответы на все коренные вопросы, которые поставила перед международным пролетариатом новая историческая эпоха.

В. И. Ленин создал цельное учение о партии, ее руководящей роли, ее организационных, политических и идеологических основах, стратегии и тактике, ее политике; обосновал интернациональный принцип построения пролетарской партии. Он постоянно подчеркивал, что без руководства марксистской партии нового типа, вооруженной передовой революционной теорией, рабочий класс не сможет выполнить свою историческую миссию строителя нового, коммунистического общества.

Произведения В. И. Ленина показывают его неустанную борьбу за единство, монолитность и чистоту рядов партии, за неразрывную связь партии с массами, за строжайшую партийную дисциплину, последовательное осуществление норм партийной жизни и принципов партийного руководства, главным из которых является коллективность.

В. И. Ленин первый дал глубокий марксистский анализ империализма, как последней стадии капитализма, раскрыл его неразрешимые противоречия. Он показал, что развитие капитализма на этой стадии приобретает в высшей степени неравномерный, скачкообразный характер, и сделал всемирно-исторического значения вывод о том, что в эпоху империализма возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, стране. Этот

гениальный вывод нашел наглядное подтверждение в Великой Октябрьской социалистической революции и в построении социализма в СССР, в строительстве социализма в странах народной демократии.

Обобщая опыт Великой Октябрьской социалистической революции и раскрывая ее международное значение, В. И. Ленин показал, что ее коренные закономерности и черты являются общими для социалистической революции во всех странах. Большевизм, писал Ленин, дал теорию, программу и тактику для мирового коммунистического движения. «Большевизм *годится как образец тактики для всех»* (Сочинения, 4 изд., том 28, стр. 270).

В. И. Ленин развил марксистскую теорию государства, теорию диктатуры пролетариата. Он обосновал, что вопрос о диктатуре пролетариата является главным в учении Маркса. Марксист лишь тот, – разъяснял Ленин, – кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В. И. Ленин подчеркивал, что диктатура пролетариата является высшим типом демократии, подлинной народной демократией. В. И. Ленин открыл в Советах, рожденных революционным творчеством рабочего класса России, государственную форму диктатуры пролетариата; при этом он предвидел неизбежность разнообразия политических форм пролетарской диктатуры в зависимости от конкретных исторических условий разных стран, что нашло блестящее подтверждение в режиме народной демократии.

В. И. Ленин разработал программу социалистического строительства в СССР, дал основные указания о путях построения коммунистического общества. Ленинская программа предусматривала социалистическую индустриализацию страны, всемерное развитие тяжелой промышленности, электрификацию всего народного хозяйства, преобразование сельского хозяйства на социалистических началах, проведение культурной революции. Осуществление ленинской программы привело к построению социализма в нашей стране, к превращению СССР в могучую социалистическую индустриальную и колхозную державу.

В своих трудах В. И. Ленин разработал вопрос о руководящей роли пролетариата, о союзе пролетариата с крестьянством как решающей силе общественного развития. Союз рабочего класса и крестьянства при руководящей роли рабочего класса он называл самой чудесной силой в мире, которая способна под руководством Коммунистической партии перестроить общество на новых, социалистических началах.

Великий вклад В. И. Ленин внес в разработку национального вопроса. В своих работах он отстаивал право наций на самоопределение, вплоть до отделения и самостоятельного государственного существования. Он постоянно подчеркивал необходимость последовательного проведения принципов пролетарского интернационализма, теснейшего союза рабочих и крестьян всех национальностей в борьбе за свое освобождение от социального и национального гнета, необ-

ходимость непримиримой борьбы против буржуазного национализма и шовинизма.

В. И. Ленин вел и учил вести непримиримую борьбу против буржуазной идеологии, против ревизионистов, оппортунистов – агентов буржуазии в рабочем движении. В. И. Ленин считал оппортунизм главным врагом внутри рабочего движения. Произведения В. И. Ленина отражают его борьбу против «легальных марксистов», «экономистов», меньшевиков, троцкистов, буржуазных националистов, анархистов. Эта борьба имеет громадное международное значение. Через все труды В. И. Ленина проходит также красной нитью его борьба против догматизма, против превращения марксизма в собрание застывших положений и формул, оторванных от жизни, от практики.

* * *

Выход в свет полного собрания Сочинений В. И. Ленина – большое событие в идейной жизни Коммунистической партии Советского Союза. Это издание поможет миллионам советских людей еще глубже овладеть бессмертными творениями ленинского гения и успешнее бороться за их осуществление.

Во всей своей деятельности по строительству коммунистического общества наша партия, ее Центральный Комитет руководствуются великими идеями ленинизма, неустан-

но борются за претворение их в жизнь и творчески развивают марксистско-ленинское учение. Всеми своими успехами партия обязана верности ленинизму.

Марксизм-ленинизм творчески развивается коммунистическими и рабочими партиями всех стран. Он обогащается опытом строительства коммунизма в СССР, строительства социализма в странах социалистического содружества, опытом борьбы трудящихся в странах, где еще господствует капитализм, опытом национально-освободительного движения.

Марксизм-ленинизм есть интернациональное учение. Его благородные идеи, указывающие путь всему человечеству к светлому будущему, все шире распространяются среди трудящихся масс всего мира, оказывают все большее влияние на ход мировой истории. Победное шествие марксизма-ленинизма не могут остановить никакие силы. Полное торжество великих марксистско-ленинских идей неотвратимо.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Предисловие к первому тому

В первый том входят произведения, написанные В. И. Лениным в 1893–1894 годах, – в начальный период его революционной деятельности.

90-е годы ознаменовались для России быстрым развитием промышленности и ростом рабочего класса, общим подъемом рабочего движения. Высокая концентрация крупной промышленности способствовала сплочению и организованности рабочих. Значительно усиливается стачечная борьба. В среду рабочих стали проникать идеи марксизма.

С именем Ленина связано начало нового этапа в рабочем движении России. В своих произведениях 1893–1894 годов В. И. Ленин дал глубокий марксистский анализ общественно-экономического строя страны конца XIX века, определил основные задачи революционной борьбы рабочего класса и социал-демократии России. Ленин поставил перед российскими социал-демократами задачу создания марксистской партии. Творчески подходя к революционной теории марксизма, Ленин первым среди марксистов разрабатывает вопрос об особенностях предстоящей в России буржуазно-демократической революции, ее движущих силах и перерастании в революцию социалистическую.

В произведениях, вошедших в том, основной удар В. И. Ленин направляет против философских и экономических

взглядов народников, их политической платформы и тактики, являвшихся в тот период главным идейным препятствием на пути распространения марксизма и социал-демократического движения в России. В этих работах Ленин выступает также против извращения марксизма в буржуазном духе представителями «легального марксизма».

Первый том содержит четыре произведения В. И. Ленина: «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни (По поводу книги В. Е. Постникова – «Южно-русское крестьянское хозяйство»)», «По поводу так называемого вопроса о рынках», «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов)», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе)».

Статья «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», которой открывается том, – первая из сохранившихся литературных работ В. И. Ленина, написанная им еще в самарский период его деятельности, весной 1893 года. Эта статья показывает, с каким умением, самостоятельностью, глубиной и последовательностью молодой Ленин применял марксистскую теорию к изучению крестьянской жизни. Используя земские статистические данные, приводимые в книге Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство», и критикуя автора книги за непоследовательность и методологические ошибки, Ленин дает марксистскую характеристи-

ку положения деревни, вскрывает процессы и формы развития капитализма в сельском хозяйстве, разбивает народнический миф о якобы нетронутом капитализмом «общинном» крестьянстве. Он доказывает, что, вопреки народническим теориям, капитализм в России развивается с неудержимой силой, что крестьянство в действительности раскололось на непримиримые классы: сельскую буржуазию и сельский пролетариат, растущие за счет размываемого при капитализме среднего крестьянства. На основе богатейшего материала Ленин вскрывает мелкобуржуазный характер крестьянской общины, нелепость и вредность народнических представлений о крестьянской общине как основе социализма. Он доказывает, что в крестьянстве прочно укоренились буржуазные экономические отношения.

Статья «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» была написана для легальной печати. В одном из писем того периода В. И. Ленин подчеркивает, что изложенные в ней положения служат для него основанием гораздо более важных и гораздо дальше идущих выводов, чем это сделано в самой статье.

К статье «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» примыкают по своему содержанию пометки, вычисления и подчеркивания В. И. Ленина в книге В. Е. Постникова, которые печатаются в настоящем томе в разделе: «Подготовительные материалы». Некоторые из этих ленинских вычислений печатаются впервые.

В работе «По поводу так называемого вопроса о рынках», написанной осенью 1893 года, В. И. Ленин дал образец творческого применения экономической теории К. Маркса к изучению хозяйственных порядков в России. На основе глубокого знания «Капитала» Маркса, применяя диалектический метод, Ленин показал, как в результате роста общественного разделения труда натуральное хозяйство мелких производителей постепенно превращается в товарное, а товарное, в свою очередь, в капиталистическое, как это разделение труда неизбежно приводит к классовому расслоению производителей и росту внутреннего рынка. Таким образом, Ленин опроверг ходячие народнические теории о том, что развитие капитализма в России якобы не имеет под собой почвы, и доказал, что капитализм уже стал «основным фоном хозяйственной жизни России» (см. настоящий том, стр. 105). Одновременно он подверг критике утверждения Г. Б. Красина, которые впоследствии отстаивались «легальными марксистами», что капиталистическое производство необходимо требует внешних рынков для реализации прибавочной стоимости и что производство средств производства не связано с производством предметов потребления. Ленин показал, что подобные воззрения ничем по существу не отличаются от народнических взглядов по вопросу о рынках, и подчеркнул ту мысль, что марксисты должны заботиться не о рынках для буржуазии, а о развитии классовой борьбы пролетариата против буржуазии.

В работе «По поводу так называемого вопроса о рынках» Ленин развил положение Маркса о соотношении двух подразделений общественного производства, определив преимущественный рост первого подразделения, как экономический закон расширенного воспроизводства. На основе марксовой схемы воспроизводства он показал те изменения в расширенном воспроизводстве, которые происходят в результате технического прогресса.

Центральное место в первом томе занимает выдающийся труд В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», написанный весной – летом 1894 года.

В конце 1893 года журнал «Русское Богатство», вокруг которого группировались либеральные народники, и другие народнические журналы объявили поход против марксизма. В них печатались статьи, сознательно искажавшие марксистское учение об обществе, о революции, о социализме; народники грубо искажали взгляды русских марксистов. Не имея своих печатных органов в России, марксисты не могли дать достойную отповедь народникам в открытой печати. Большую роль в разгроме народничества сыграла книга Ленина, которая издавалась нелегально. В этом подлинном манифесте революционного марксизма, его программном документе, дана глубокая характеристика научного мировоззрения, диалектического и исторического материализма, экономического учения Маркса и всесторонняя критика философ-

ских, экономических и политических взглядов либеральных народников, их программы и тактики. В. И. Ленин показал, что политическая программа этих фальшивых «друзей народа» выражает интересы кулачества; он разоблачил либеральных народников как типичных реформаторов, которые, выступая против революционной борьбы с царским самодержавием, изображали его стоящим над классами и способным улучшить положение народа. В. И. Ленин вскрыл несостоятельность и ошибочность народнических теорий об особом, внекапиталистическом пути развития России и показал, как либеральные народники умышленно затушевывали факты капиталистической эксплуатации в деревне.

В своем произведении В. И. Ленин разоблачил теоретиков народничества как представителей антинаучного, субъективного метода в социологии, как идеалистов, отрицающих объективный характер законов общественного развития и решающую роль народных масс в истории. Народники полагали, что можно произвольно направлять ход истории согласно желаниям отдельных «выдающихся» личностей. Ленин разбил эти субъективистские взгляды и противопоставил им материалистическое понимание общественной жизни; он раскрыл содержание марксистского учения об обществе и показал, что ход истории обусловливается объективными законами развития, что главной движущей силой общественного развития является народ, классы, борьба которых определяет развитие общества.

В труде «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин впервые поставил перед российскими социал-демократами задачу создания марксистской рабочей партии и выдвинул идею революционного союза рабочего класса и крестьянства как главного средства свержения царизма, помещиков и буржуазии и создания коммунистического общества.

Подчеркивая великую историческую роль рабочего класса России, В. И. Ленин писал: «На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, – тогда русский РАБОЧИЙ, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ** (рядом с пролетариатом **ВСЕХ СТРАН**) *прямой дорогой открытой политической борьбы к* **ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»** (стр 311–312).

Первый том заканчивается работой «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе)», которая была написана Лениным в конце 1894 – начале 1895 го-

да. По словам Ленина, она во многих отношениях является конспектом его позднейших экономических работ, особенно «Развития капитализма в России». В этом произведении В. И. Ленин показал, что народники являются представителями интересов мелкого производителя, что источник народничества – преобладание класса мелких производителей в пореформенной капиталистической России. Продолжая критику народнических воззрений, данную в предшествующих произведениях, Ленин в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» показал чисто буржуазный характер экономических требований либеральных народников, утопичность и реакционность их политической программы, идеалистическую сущность их социологических взглядов.

Резко критикуя народническую систему взглядов, Ленин в то же время обращает внимание читателей на положительные, в глазах марксиста, черты и стороны народничества 60–70-х годов, как революционно-демократического течения в стране, переживавшей канун буржуазной революции.

Вместе с тем в этом произведении В. И. Ленин подверг критике извращения марксизма в буржуазном духе представителем «легального марксизма» П. Струве. Ленин разоблачил попытки «легальных марксистов» выхолостить революционное содержание марксизма и показал, что в основе взглядов «легальных марксистов» лежит буржуазный объективизм, означающий оправдание капитализма и затуше-

вывание классовых противоречий. В струвизме, «легальном марксизме», Ленин увидел зародыш международного ревизионизма. В связи с критикой буржуазного объективизма В. И. Ленин обосновал принцип партийности общественной науки, философии. «… Материализм, – указывал Ленин, – включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы…» (стр. 419).

В. И. Ленин показал, что так называемый объективизм в науке в условиях буржуазного общества является прикрытием классовых корыстных интересов господствующих эксплуататорских классов. Марксистская наука, открыто и неразрывно связанная с рабочим классом, служит делу революционного преобразования общества, заинтересована в раскрытии законов общественного развития. Поэтому ее партийность совпадает с научностью.

Уже в ранний период своей революционной деятельности Ленин дал образец принципиальной критики различных лжесоциалистических и ревизионистских теорий, образец беззаветной борьбы за интересы рабочего класса. Произведения В. И. Ленина проникнуты творческим пониманием марксизма и мастерским применением его к анализу экономического и политического положения России, к определению задач, вставших перед российским рабочим движением.

Они учат международный пролетариат, коммунистические и рабочие партии всех стран уменью разоблачать мно-

гочисленных современных «друзей народа» и ревизионистов, пытающихся использовать рабочее движение в интересах буржуазии.

В приложениях к первому тому впервые в Сочинениях В. И. Ленина даются «Прошения В. И. Ульянова (Ленина) 1887–1893 гг.». Эти документы являются дополнительным материалом к биографии В. И. Ленина. Два прошения: в Самарский окружной суд от 5 января 1893 года и председателю Самарского окружного суда от 16 августа 1893 года – печатаются впервые.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

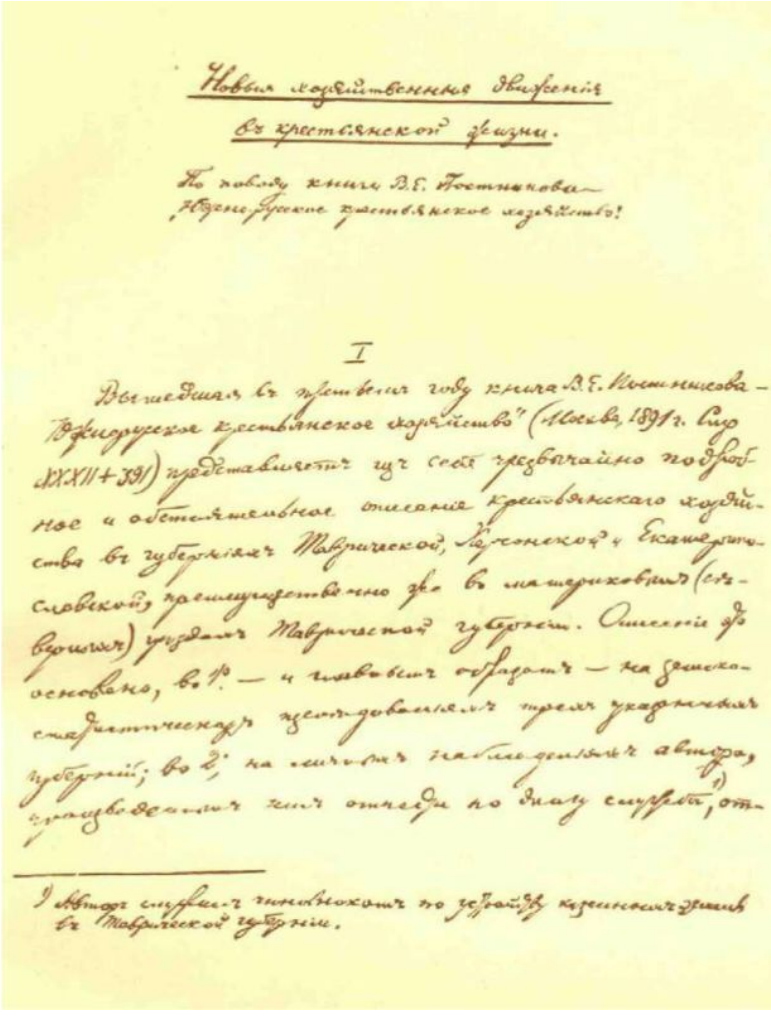
В. И. Ленин (1890–1891)

1893 г.

Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни. По поводу книги В. Е. Постникова – «Южно-русское крестьянское хозяйство»[1]

Написано весной 1893 г. *Печатается по рукописи*

Впервые напечатано в 1923 г. в сборнике «К двадцатипятилетию первого съезда партии (1898–1923)»



Новые хозяйственные движения
въ крестьянской жизни.

По поводу книги В. Е. Постникова — „Южно-русское крестьянское хозяйство".

I

Вышедшая въ прошлом году книга В. Е. Постникова — „Южнорусское крестьянское хозяйство" (Москва, 1891 г. Стр. XXXII + 391) представляетъ изъ себя чрезвычайно подробное и обстоятельное описаніе крестьянскаго хозяйства въ губерніяхъ Таврической, Херсонской и Екатеринославской, преимущественно же въ мазериховыхъ (сезонныхъ) уѣздахъ Таврической губерніи. Описаніе это основано, во 1-м — и главнымъ образомъ — на земско-статистическихъ изслѣдованіяхъ трехъ указанныхъ губерній; во 2-м, на личныхъ наблюденіяхъ автора, руководившимъ этимъ отчетомъ по дѣлу статистики,[1] от-

[1] Авторъ служилъ чиновникомъ по судебной части и жилъ въ Таврической губерніи.

Первая страница рукописи В. И. Ленина «Новые хозяй-

ственные движения в крестьянской жизни» – 1893 г. (*Уменьшено*)

I

Вышедшая в третьем году книга В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство» (Москва, 1891 г. Стр. XXXII + 391) представляет из себя чрезвычайно подробное и обстоятельное описание крестьянского хозяйства в губерниях Таврической, Херсонской и Екатеринославской, преимущественно же в материковых (северных) уездах Таврической губернии. Описание это основано, во-первых, – и главным образом – на земско-статистических исследованиях[2] трех указанных губерний; во-вторых, на личных наблюдениях автора, произведенных им отчасти по долгу службы[1], отчасти с специальной целью изучения крестьянского хозяйства в 1887–1890 гг.

Попытка свести земско-статистические исследования по целому району в одно целое и изложить результаты их в систематической форме сама по себе представляет громад-ныи интерес, так как земская статистика дает громадный и детальнейший материал об экономическом положении крестьянства, но дает в такой форме, что для публики эти исследования пропадают почти бесследно: земско-статистические

---

[1] Автор служил чиновником по устройству казенных земель в Таврической губернии.

сборники представляют из себя целые тома таблиц (обыкновенно каждому уезду посвящен отдельный том), одна сводка которых в достаточно крупные и ясные рубрики требует специальных занятий. Необходимость сводки данных земской статистики и обработки их чувствуется уже давно. В последнее время с этой целью предпринято издание «Итогов земской статистики». План этого издания таков: берется известный частный вопрос, характеризующий крестьянское хозяйство, и особое исследование посвящается сводке всех данных по этому вопросу, имеющихся в земской статистике; соединяются вместе данные, относящиеся и к черноземному югу России и к нечерноземному северу, к губерниям исключительно земледельческим и к губерниям промысловым. По этому плану составлены два вышедшие тома «Итогов»; первый посвящен «крестьянской общине» (В. В.), второй – «крестьянским вненадельным арендам» (Н. Карышев)[3]. Позволительно усомниться в правильности такого приема сводки: приходится, во-первых, сводить вместе данные, относящиеся к различным хозяйственным районам с различными экономическими условиями (при этом отдельная характеристика каждого района представляет громадные трудности вследствие неоконченности земских исследований и пропусков многих уездов: трудности эти сказались уже во 2-ом томе «Итогов»; попытка Карышева распределить имеющиеся в земской статистике данные к различным определенным районам – не удалась); во-вторых, описывать отдельно

известную сторону крестьянского хозяйства, не касаясь других сторон, – совершенно невозможно; отрывать известный вопрос приходится искусственно, и цельность представления теряется. Крестьянские вненадельные аренды отрываются от аренды надельных земель, от общих данных об экономической группировке крестьян, о величине посевной площади; они рассматриваются только как часть крестьянского хозяйства, тогда как они представляют собой часто особый способ ведения частновладельческого хозяйства. Поэтому свод данных земской статистики по известному району с однородными хозяйственными условиями был бы, мне кажется, предпочтительнее.

Излагая мимоходом свои мысли о более правильном приеме сводки земско-статистических исследований, мысли, на которые наводит сравнение «Итогов» с книгой Постникова, я должен, однако, оговориться, что Постников, собственно, не задавался целями *сводки:* он отодвигает на задний план цифирный материал и все внимание обращает на полноту и выпуклость описания.

В своем описании автор почти с равным вниманием останавливается на вопросах характера экономического, административно-юридического (формы землевладения) и технического (межевой вопрос; система хозяйства; урожаи), но вопросы первого рода он намеревался выдвинуть на первый план.

«Должен признаться, – говорит г. Постников в Предисло-

вии, – что я меньше останавливаю внимания на технике крестьянского хозяйства, чем это можно было сделать, но поступаю так потому, что условия экономического характера, на мой взгляд, играют более важную роль в крестьянском хозяйстве, чем техника. В нашей печати… обыкновенно игнорируют экономическую сторону… Очень мало внимания посвящается исследованию коренных экономических вопросов, какими являются для нашего крестьянского хозяйства вопросы аграрный и межевой. Настоящая книга более отводит места выяснению именно этих вопросов и в особенности вопроса аграрного» (Предисловие, с. IX).

Вполне разделяя взгляд автора на сравнительную важность экономических и технических вопросов, я и намерен посвятить свою статью изложению лишь той части труда г. Постникова, в которой крестьянское хозяйство подвергается политико-экономическому исследованию[2].

Главные пункты этого исследования автор характеризует в предисловии следующим образом:

«Являющееся в последнее время большое употребление машин в крестьянском земледелии и заметное расширение размеров хозяйства у зажиточной части крестьянства да-

---

[2] Такое изложение мне представляется нелишним, потому что книга г. Постникова, представляющая из себя одно из наиболее выдающихся явлений в нашей экономической литературе последних лет, осталась почти незамеченной. Отчасти, может быть, объясняется это тем, что автор, хотя и признает большую важность экономических вопросов, но излагает их слишком отрывочно и загромождает изложение подробностями других вопросов.

ют нашей аграрной жизни новую фазу, развитию которой, без сомнения, дадут новый толчок тяжелые хозяйственные условия настоящего года. Производительность крестьянского труда и рабочая способность семьи значительно повышаются с увеличением размеров хозяйства и употреблением машин, что до сих пор упускалось из виду при определении площади, какую может обработать крестьянская семья…

Употребление машин в крестьянском хозяйстве вызывает существенные бытовые изменения: сокращая в земледелии запрос на рабочие руки и делая еще более чувствительной для крестьян существующую у нас перенаселенность земледелия, оно способствует увеличению числа семей, которые, становясь лишними для села, должны искать заработка на стороне и фактически становиться безземельными. Введение крупных машин в крестьянское хозяйство вместе с тем поднимает, крестьянское благосостояние, при наличных приемах земледелия и его экстенсивности, на такую высоту, о которой до сих пор нельзя было и думать. В этом обстоятельстве лежит залог силы новых хозяйственных движений в крестьянской жизни. Отметить и выяснить эти движения в южно-русском крестьянстве составляет ближайшую задачу настоящей книги» (Предисловие, с. X).

Прежде чем перейти к изложению того, в чем состоят, по мнению автора, эти новые хозяйственные движения, я должен сделать еще две оговорки.

Во-первых, выше было замечено, что Постников сообща-

ет данные о губерниях Херсонской, Екатеринославской и Таврической, но достаточной подробностью отличаются только данные, относящиеся к последней губернии и притом не ко всей: автор не дает данных о Крыме, поставленном в несколько отличные хозяйственные условия, и ограничивается исключительно тремя северными материковыми уездами Таврической губернии – Бердянским, Мелитопольским и Днепровским. Я ограничусь данными только по этим трем уездам.

Во-вторых, Таврическая губерния населена кроме русских также немцами и болгарами, число которых, впрочем, невелико сравнительно с русским населением: в Днепровском уезде 113 дворов немецких колонистов из 19586 дворов уезда, т. е. всего 0,6 %. В Мелитопольском уезде немцев и болгар (1874 + 285 =) 2159 дворов из 34978, т. е. 6,1 %. Наконец, в Бердянском уезде 7224 двора из 28794, т. е. 25 %. Всего по трем уездам колонистов 9496 дворов из 83358, т. е. около /9. След., в общем число колонистов очень незначительно, а в уезде Днепровском и совсем ничтожно. Автор описывает колонистское хозяйство подробно, отделяя всегда его от русского. Все эти описания я опускаю, ограничиваясь исключительно хозяйством русских крестьян. Правда, цифирные данные соединяют вместе русских и немцев, но присоединение последних, по незначительности их, не может изменить общих соотношений, так что вполне можно на основании этих данных характеризовать русское крестьян-

ское хозяйство. Русское население Таврической губернии, заселившее этот край в последние 30 лет, отличается от крестьянства других русских губерний только своей большей зажиточностью. Общинное землевладение является в этой местности, по словам автора, «типичным и устойчивым»[3]; одним словом, за выделением колонистов, крестьянское хозяйство в Таврической губернии не представляет никаких коренных отличий от общего типа русского крестьянского хозяйства.

II

«В настоящее время, – говорит Постников, – всякое сколько-нибудь значительное южно-русское село (и то же, вероятно, можно сказать о большинстве местностей России) представляет столько разнообразия в экономическом положении отдельных групп своего населения, что крайне трудно говорить о благосостоянии отдельных селений, как целых единиц, и рисовать это благосостояние средними цифрами. Такие средние цифры указывают некоторые общие определяющие условия экономического быта крестьянства, но они не дают никакого понятия о всем разнообразии экономических явлений в действительности» (с. 106). Несколько ниже Постников выражается с еще большей определенностью: «Разнообразие экономического благосостояния, – говорит

[3] Только 5 селений имеют подворное землевладение.

он, – весьма сильно затрудняет вопрос об общей зажиточности населения. Лица, бегло проезжающие чрез большие селения Таврической губернии, обыкновенно выносят заключения о большой зажиточности местных крестьян; но можно ли назвать село зажиточным, если в нем половина крестьян состоит из богатеев, а другая постоянно бедствует? И какими признаками следует определять относительно большую или меньшую зажиточность того и другого селения? Очевидно, что средние цифры, характеризующие обстановку населения всего села или района, недостаточны для заключения о крестьянском достатке. О последнем можно судить лишь по совокупности многих данных, *расчленяя население на группы»* (с. 154).

Может показаться, что в этом констатировании дифференциации в среде крестьянства нет ничего нового: о ней упоминается почти в каждом сочинении, посвященном крестьянскому хозяйству вообще. Но дело в том, что обыкновенно, упоминая об этом факте, не придают ему значения, считают его несущественным или даже случайным, находят возможным говорить о типе крестьянского хозяйства, характеризуя этот тип средними цифрами, обсуждают значение разных практических мероприятий по отношению ко всему крестьянству. В книге Постникова виден протест против таких взглядов. Он указывает (и не раз) на «огромное разнообразие экономического положения отдельных дворов внутри общины» (с. 323) и вооружается против «стремления рас-

сматривать крестьянский мир как нечто цельное и однородное, каким он и до сих пор еще представляется нашей городской интеллигенции» (с. 351). «Земско-статистические исследования последнего десятилетия, – говорит он, – выяснили, что наша сельская община вовсе не представляет такой однородной единицы, какою она казалась нашим публицистам в 70-х годах, и что в последние десятилетия в ней происходила дифференциация населения на группы с весьма различной степенью экономического достатка» (с. 323).

Свое мнение Постников подтверждает массой данных, разбросанных по всей книге, и мы должны теперь заняться систематической сводкой всех этих данных, чтобы проверить правильность этого мнения, чтобы решить вопрос, кто прав – «городская ли интеллигенция», рассматривающая крестьянство как нечто однородное, или Постников, утверждающий, что разнородность огромная? и затем насколько глубока эта разнородность? препятствует ли она общей характеристике крестьянского хозяйства со стороны политико-экономической, на основании одних только средних данных? способна ли она изменить действие и влияние практических мероприятий по отношению к различным разрядам крестьянства?

Прежде чем приводить цифры, дающие материал для разрешения этих вопросов, следует заметить, что все данные этого рода взяты Постниковым из земско-статистических сборников по Таврической губ. Первоначально земская ста-

тистика ограничивалась при переписях данными пообщинными, не собирая данных о каждом крестьянском дворе. Скоро, однако, заметили различия в имущественном положении этих дворов и предприняли подворные переписи – это было первым шагом на пути к более глубокому изучению экономического положения крестьян. Следующим шагом было введение комбинационных таблиц: исходя из убеждения, что имущественные различия крестьян внутри общины[4] глубже различий разных юридических разрядов крестьян, статистики стали группировать все показатели экономического положения крестьян до известным имущественным различиям, напр., разбивая крестьян на группы по числу десятин посева, по числу рабочего скота, по количеству надельной пашни на двор и т. д.

Таврическая земская статистика группирует крестьян по числу десятин посева. Постников полагает, что такая группировка «представляется удачной» (с. XII), так как «в условиях хозяйства Таврических уездов размер посева является наиболее существенным признаком крестьянского благосостояния» (с. XII). «В южном степном крае, – говорит Постников, – развитие всякого рода неземледельческих промыслов у крестьян пока относительно ничтожно, и главным занятием огромного большинства сельского населения является в настоящее время земледелие, основанное на посеве хлебов». «По показанию земской статистики, в северных уездах Таврической губернии исключительно занимаются про-

мыслами 7,6 % коренного сельского населения и кроме того 16,3 % населения имеет при собственном земледелии подсобные промыслы» (с. 108). В самом деле, группировка по размерам посева даже и для других местностей России представляется гораздо более правильной, чем другие принятые земскими статистиками основания группировки, напр., по числу десятин надельной земли или надельной пашни на двор: с одной стороны, количество надельной земли не указывает прямо на состоятельность двора, потому что размер надела определяется числом ревизских [5] или наличных душ мужского пола в семье и находится только в косвенной зависимости от состоятельности хозяина, потому, наконец, что крестьянин, может быть, не пользуется надельной землей, сдает ее, и при отсутствии инвентаря и не может ею пользоваться. С другой стороны, если главное занятие населения – земледелие, то определение посевной площади необходимо для учета производства, для определения количества хлеба, потребляемого крестьянином, покупаемого им и поступающего в продажу, ибо без выяснения этих вопросов весьма важная сторона крестьянского хозяйства останется неосвещенной, будет неясен характер его земледельческого хозяйства, значение его сравнительно с заработками и т. д. Наконец, необходимо положить в основание группировки именно посевную площадь, чтобы иметь возможность сравнивать хозяйство двора с так называемыми нормами крестьянского землевладения и земледелия, с нормой продовольственной

(Nahrungsfläche) и рабочей (Arbeitsfläche). Одним словом, группировка по посеву представляется не только удачной, но наилучшей и безусловно необходимой.

По размерам посева таврические статистики разделяют крестьян на 6 групп: 1) не сеющих; 2) засевающих до 5 дес; 3) – от 5 до 10 дес; 4) от 10 до 25 д.; 5) от 25 до 50 д. и 6) – более 50 дес. на двор. По трем уездам соотношение этих групп по числу дворов следующее:

Уезды

Проценты дворов	Бердянский	Мелитопольский	Днепровский	Приходится на 1 двор в среднем десятин посева по всем 3 уездам
	0	%	%	
Не сеющих	6	7,5	9	—
Сеющих до 5 д.	12	11,5	11	3,5
» 5—10 »	22	21	20	8
» 10—25 »	38	39	41,8	16,4
» 25—50 »	19	16,6	15,1	34,5
» более 50 »	3	4.4	3.1	75

Общие соотношения (эти %% даны о всем населении, включая и немцев) мало изменяются с выключением немцев: так, всего автор считает в Таврических уездах 40 % малосеющих (до 10 д.), 40 % среднесеющих (от 10 до 25 д.) и 20 % многосеющих. Исключение же немцев понижает последнюю цифру до [1]*1в* (16,7 %, т. е. всего на 3,3 % ниже), повышая

соответственно число малосеющих.

Определяя степень разнородности этих групп, начнем с землевладения и землепользования.

Постников дает такую таблицу (суммы трех указанных в ней разрядов земли автор не исчислял (с. 145)):

Группы крестьян	*Приходится на двор в среднем десятин пашни*											
	Уезд Бердянский				Уезд Мелитопольский				Уезд Днепровский			
	надельной	купчей	арендованной	всего	надельной	купчей	арендованной	всего	надельной	купчей	арендованной	всего
Не сеющие	6,8	3,1	0,09	10	8,7	0,7	—	9,4	6,4	0,9	0,1	7,4
Засев. до 5 д.	6,9	0,7	0,4	8,0	7,1	0,2	0,4	7,7	5,5	0,04	0,6	6,1
» 5—10 »	9	—	1,1	10,1	9	0,2	1,4	10,6	8,7	0,05	1,6	10,3
» 10—25 »	14,1	0,6	4	18,7	12,8	0,3	4,5	17,6	12,5	0,6	5,8	18,9
» 25—50 »	27,6	2,1	9,8	39,5	23,5	1,5	13,4	38,4	16,6	2,3	17,4	36,3
» более 50 »	36,7	31,3	48,4	116,4	36,2	21,3	42,5	100	17,4	30	44	91,4
По уезду	14,8	1,6	5	21,4	14,1	1,4	6,7	22,2	11,2	1,7	7,0	19,9

«Эти цифры показывают, – говорит Постников, – как более зажиточная группа крестьян в Таврических уездах не только пользуется большим наделом, что может происходить вследствие большого состава семей, но в то же время она является и наиболее покупающей землю и наиболее ее аренду-

ющей» (с. 146).

По поводу этого следует только заметить, мне кажется, что возрастание надела от низшей группы к высшей не может быть *вполне* объяснено увеличением состава семей. Постников дает следующую таблицу о составе семей по группам для трех уездов:

	Приходится на 1 семью в среднем					
	Бердянский уезд		Мелитопольский уезд		Днепровский уезд	
	душ об. пола	работников	душ.	работн.	душ	работн.
У не сеющих	4,5	0,9	4,1	0,9	4,6	1
» засев, до 5 д.	4,9	1Д	4,6	1	4,9	1,1
» » 5—10 »	5,6	1,2	5,3	1,2	5,4	1,2
» » 10—25 »	7,1	1,6	6,8	1,5	6,3	1,4
» » 25—50 »	8,2	1,8	8,6	1,9	8,2	1,9
» » более 50 »	10,6	2,3	10,8	2,3	10,1	2,3
По уездам	6,6	1,5	6,5	1,5	6,2	1,4

Из таблицы видно, что количество надельной земли на двор повышается от низшей группы к высшей гораздо быстрее, чем число душ обоего пола и работников. Иллюстрируем это, принимая цифры для низшей группы по Днепровскому уезду за 100:

	надельн. земли	работн.	душ об. пола
У не сеющих	100	100	100
» засев. до 5 д.	86	ПО	106
» » 5—10 »	136	120	117
» » 10—25 »	195	140	137
» » 25—50 »	259	190	178
» » более 50 »	272	230	219

Ясно, что определителем величины надела является, кроме состава семьи, и состоятельность двора.

Рассматривая данные о количестве купчей земли в различных группах, мы видим, что покупают землю почти исключительно высшие группы, с посевом выше 25 дес, и – главным образом – совершенно крупные посевщики, с посевом в 75 дес. на двор. Следовательно, данные о купчей земле вполне подтверждают мнение Постникова о разнородности групп крестьянства. Такое, например, сведение, которое дает автор на с. 147, говоря, что «крестьянами Таврических уездов куплено 96 146 дес. земли», – совершенно не характеризует явления: почти вся эта земля находится в руках незначительного меньшинства, наиболее обеспеченного уже надельной землей, крестьян «зажиточных», как говорит Постников, а таких не более $^{x}/_{b}$ населения.

То же самое приходится сказать и об аренде. Вышеприведенная таблица содержит общую цифру арендованной земли, надельной и вненадельной. Оказывается, что размер

аренды с полной правильностью возрастает по мере большего обеспечения крестьян, что, следовательно, чем обеспеченнее крестьянин своей землей, тем более арендует он земли, лишая таким образом беднейшие группы необходимой для них земельной площади.

Следует заметить, что это явление – общее для всей России. Проф. Карышев, подводя итоги крестьянским вненадельным арендам по всей России, где только имеются земско-статистические исследования, формулирует прямую зависимость между размером аренды и обеспеченностью арендатора как общий закон[4].

Впрочем, Постников дает еще более детальные цифры о распределении аренды (вненадельных и надельных земель вместе), которые я и привожу:

	Уезд Берлинский			Уезд Мелитопольский			Уезд Днепровский		
	% аренд. дворов	Пашни на аренд. двор	Цена 1 дес.	% аренд. дворов	Пашни на аренд. двор	Цена 1 дес.	% аренд. дворов	Пашни на аренд. двор	Цена 1 дес.
У сеющих до 5 д.	18,7	2,1	11	14,4	3	5,50	25	2,4	15,25
» » 5—10 »	33,6	3,2	9,20	34,8	4,1	5,52	42	3,9	12
» » 10—25 »	57	7	7,65	59,3	7,5	5,74	69	8,5	4,75
» » 25—50 »	60,6	16,1	6,80	80,5	16,9	6,33	88	20	3,75
» » более 50 »	78,5	62	4,20	83,8	47,6	3,93	91	48,6	3,55
По уездам	44,8	11,1	5,80	50	12,4	4,86	56,2	12,4	4,23

[4] «Итоги экономического исследования России по данным земской статистики». Т. П. *Н. Карышев*. Крестьянские вненадельные аренды. Дерпт. 1892. Стр. 122, 133 и др.

Мы видим и здесь, что средние цифры совершенно не в состоянии характеризовать явления: говоря, например, что в Днепровском уезде к аренде прибегает 56 % крестьян, мы сообщаем очень неполное представление об этой аренде, потому что в тех группах, которые имеют (как ниже будет показано) недостаточно своей земли, % арендаторов гораздо ниже – только 25 % в 1-ой группе, между тем как высшая группа, вполне обеспеченная своей землей, почти вся прибегает к аренде (91 %). Разница в количестве арендованных десятин на 1 арендующий двор еще значительнее: высший разряд арендует в 30–15–24 раза более низшего. Очевидно, что это изменяет и самый характер аренды, потому что в высшем разряде это уже коммерческое предприятие, а в низшем – может быть, операция, вызванная горькой нуждой. Последнее предположение подтверждается данными об арендной плате: оказывается, что низшие группы дороже платят за землю, иногда даже вчетверо дороже сравнительно с высшим разрядом (в Днепровском уезде). Напомнить следует по этому поводу, что и возрастание арендной платы по мере понижения размеров аренды не составляет особенности нашего юга: труд Карышева доказывает общую применимость этого закона.

«Арендой земель в Таврических уездах, – говорит Постников по поводу этих данных, – по преимуществу занимаются крестьяне зажиточные, имеющие достаточное количество

надельной и собственной пашни; в особенности это следует сказать об аренде вненадельных земель, т. е. земель владельческих и казны, находящихся на более дальних расстояниях от селений. В сущности это и весьма естественно: для аренды более дальних земель нужно иметь достаточное количество рабочего скота, а крестьяне менее зажиточные не имеют его здесь в нужном размере и для обработки своих надельных земель» (с. 148).

Не следует думать, что подобное распределение аренды зависит от съема земли в одиночку. Дело нисколько не изменяется при съеме земли обществом, не изменяется по той простой причине, что распределение земли делается по тем же основаниям, т. е. «по деньгам».

«По окладным книгам Управления государственными имуществами, – говорит Постников, – в 1890 г. из 133852 дес. казенных земель трех уездов, сдававшихся в аренду по контрактам, в пользовании крестьянских обществ состояло 84756 дес. удобной земли, т. е. около 63 % всей площади. Но земля, арендуемая крестьянскими обществами, находилась в пользовании сравнительно небольшого числа домохозяев и притом преимущественно зажиточных. Подворная перепись земства указывает этот факт довольно рельефно» (с. 150)[5]{127}: [см. таблицу на стр. 17. – *Ред.*]

---

[5] Последнего столбца этой таблицы (итоги по 3-м уездам) Постников не дает. К таблице{127} он замечает, что «по условиям аренды крестьяне имеют право распахивать только *1/6* часть арендованной земли».

Группы крестьян	Уезд Бердянский			Уезд Мелитопольский			Уезд Днепровский			По трем уездам			
	Число		На аренд. двор	Число		На аренд. двор	Число		На аренд. двор	Число		в%	На
	аренд. дворов	аренд. дес.		аренд. дворов	аренд. дес.		аренд. дворов	аренд. дес.		аренд. дворов	аренд. дес.		аренд. двор
Сеющие до 5 д.	39	66	1,7	24	383	16	20	62	3,1	83	511	1	6,1
» 5—10 »	227	400	1,8	159	776	4,8	58	251	4,3	444	1427	3	3,2
» 10—25 »	687	2 642	3,8	707	4 569	6,4	338	1500	4,4	1732	8711	20	5,0
» 25—50 »	387	3 755	9,7	672	8 564	12,7	186	1056	5,7	1245	13 375	30	10,7
» более 50 »	113	3194	28,3	440	15 365	34,9	79	1724	21,8	632	20 283	46	32,1
Сумма	1453	10 057	7	2 002	29 657	14,8	681	4 593	6,7	4 136	44 307	100	10,7

«Таким образом, – заключает Постников, – в Днепровском уезде у зажиточной группы крестьян находилось в пользовании более *l*^ всей арендованной пашни, в Бердянском уезде – более *21* % а в Мелитопольском, где всего более арендуется казенной земли, даже более 4А арендованной площади. У беднейшей же группы крестьян (засевающих до 10 дес.) находилось во всех уездах всего 1938 дес, или около 4 % арендованных земель» (с. 150). Автор дает затем целый ряд примеров неравномерного распределения снятой обществами земли, но приводить их излишне.

{127} В. И. Ленин исправил в таблице ошибки В. Е. Постникова в суммарных цифрах: 1 476 на 1 453; 10 107 на 10 057; 4 595 на 4 593 (см. настоящий том, стр. 541).

По поводу выводов Постникова о зависимости аренды от достатка арендаторов крайне интересно отметить противоположное мнение земских статистиков.

В начале книги Постников поместил свою статью: «О земско-статистических работах в губерниях Таврической, Херсонской и Екатеринославской» (с. XI–XXXII). Здесь он рассматривает, между прочим, изданную Таврическим земством в 1889 году «Памятную книжку Таврической губернии», в которой были подведены краткие итоги всему исследованию. Разбирая тот отдел этой книги, который посвящен аренде, Постников говорит:

«В наших многоземельных южных и восточных губерниях земская статистика обнаружила довольно видный процент зажиточного крестьянства, которое, сверх собственного значительного надела, довольно много еще арендует земли на стороне. Хозяйство здесь преследует не только удовлетворение собственных потребностей семьи, но еще и получение некоторого излишка, дохода, благодаря которому крестьяне улучшают свои постройки, заводят машины, прикупают землю. Желание довольно естественное и ничего греховного в себе не заключающее, так как никаких кулацких элементов в нем еще не выражается». [Кулацких элементов здесь действительно нет, но элементы эксплуатации, без сомнения, есть: арендуя землю в размере, далеко превышающем потребность, зажиточные крестьяне отбивают у бедных землю, нужную тем на продовольствие; расширяя раз-

меры хозяйства, они нуждаются в добавочных рабочих силах и прибегают к найму.] «Но некоторые из земских статистиков, видимо считая такие проявления в крестьянской жизни чем-то незаконным, стараются умалить их и доказать, что крестьянская аренда главным образом руководится нуждою в продовольствии и что если крестьяне достаточные и арендуют много земли, то % этих арендаторов все-таки постоянно уменьшается с увеличением размеров надела» (с. XVII) – составитель «Памятной книжки» г. Вернер, чтобы доказать такую мысль, группировал по величине надела крестьян *всей* Таврической губернии, имеющих 1–2 работников и 2–3 штуки рабочего скота. Оказалось, что «с размером надела правильно понижается процент арендующих дворов и менее правильно размер арендуемой на двор земли» (с. XVIII). Постников совершенно справедливо говорит, что подобный прием совсем не доказателен, так как *часть* крестьян (только те, кто имеет 2–3 штуки рабочего скота) выделена произвольно, причем устранено именно зажиточное крестьянство, и кроме того – соединять вместе материковые уезды Таврической губернии и Крым – невозможно, ибо условия аренды в них не одинаковы: в Крыму /г— *Ц* населения – безземельные (так наз. десятинщики), в северных уездах – только 3–4 %. В Крыму почти всегда легко найти землю для аренды; в северных уездах – иногда невозможно. Интересно отметить, что у земских статистиков других губерний замечались такие же попытки (конечно, одинако-

во неудачные) затушевать такие «незаконные» проявления крестьянской жизни, как аренда с целью получения дохода. (См. Карышева, назв. соч.)

Если, таким образом, распределение вненадельной аренды у крестьян констатирует существование между отдельными крестьянскими хозяйствами различий не только количественных (много арендует, мало арендует), но и качественных (арендует из нужды в продовольствии; арендует с коммерческой целью), – то еще более приходится сказать это об аренде *надельной* земли.

«Всей надельной земли, – говорит Постников, – снимаемой крестьянами в аренду у крестьян же, зарегистрировано в 3-х Таврических уездах подворною переписью 1884–1886 гг. – 256716 дес, что составляет здесь ^{1}*Ц* всей крестьянской надельной пашни, и сюда еще не вошла та площадь, которую крестьяне сдают внаймы разночинцам, проживающим в селениях, а также писарям, учителям, духовным и др. лицам, не входящим в состав крестьянства и не подлежавшим опросу при подворной переписи. Вся эта масса земель арендуется почти всецело крестьянами зажиточных групп, что показывают следующие цифры. Переписью зарегистрировано число десятин надельной пашни, снимаемой у соседей домохозяевами:

Засевающими до	10 дес.	на двор	16 594	дес. т.е.	6%
»от 10 до	25 »	» »	89 526	» »	35
»свыше	25 »	» »	150 596	» »	59
	Всего		256 716	дес.	100%

Наибольшее же количество этой сдаваемой земли, как и самое число сдатчиков земель, принадлежит к группе несеющих, бесхозяйных и малосеющих крестьян. Таким образом, значительная часть крестьян Таврических уездов (приблизительно около $^{1}/_{3}$ всего населения) частью по нежеланию, но в большинстве случаев по неимению нужного для ведения хозяйства скота и инвентаря, не эксплуатирует всей своей надельной земли, сдает ее в аренду и тем увеличивает землепользование другой более зажиточной половины крестьян. Большинство сдатчиков земель принадлежит, несомненно, к числу расстроенных, падающих домохозяев» (с. 136–137).

Подтверждением сказанного служит следующая табличка «по 2-м уездам Тавр. губ. (по Мелитопольскому уезду земская статистика не дает сведений), показывающая относительное число домохозяев, сдающих наделы, и процент сдаваемой ими надельной пашни» (с. 135):

	Уезд Бердянский		Уезд Днепровский	
	домохозяев, сдающих надельную земли	сдаваемой надельной земли	домохозяев, сдающих надельную земли	сдаваемой надельной земли
	73	97	80	97,1
д	65	54	30	38,4
»	46	23,6	23	17,2
»	21,5	8,3	16	8,1
»	9	2,7	7	2,9
»				
	32,7			
		11,2		
Не сеющие				14,9
Засев. до 5 »	12,7	6,3	7	13,8
5—10 » 10—25 » 25—50 » более 50			25,7	

По уездам

От землевладения и землепользования крестьян перейдем к распределению инвентаря. О количестве рабочего скота по группам Постников дает такие данные – по всем трем уездам вместе:

	В сего		*Приходится на 1 зор в среонем*			% дворов, не имеющих
	лошаде	волов	рабоч. скота	прочего	всего	рабоч. скота
У не сеющих	—	—	0,3	0,8	1,1	80,5
» засев, до 5 д	6 467	3 082	1,0	1,4	2,4	48,3
» » 5—10 »	25 152	8 924	1,9	2,3	4,2	12,5
» » 10—25 »	80 517	24 943	3,2	4,1	7,3	1,4
» » 25—50 »	62 823	19 030	5,8	8,1	13,9	0,1
» » более 50 »	21003	11648	10.5	19.5	30	0.03
Всего	195 962	67 627	3,1	4,5	7,6	

«Прочего, всего» – в переводе на крупный.

Сами по себе эти цифры не характеризуют разрядов – это будет сделано ниже, при описании техники земледелия и при группировке экономических разрядов крестьян. Здесь отметим только, что различие групп крестьян по количеству имеющегося у них рабочего скота так глубоко, что у высших групп мы видим гораздо больше скота, чем может потребоваться на нужды семьи, а у низших – так мало (особенно рабочего скота), что самостоятельное ведение хозяйства становится невозможным.

Совершенно однородны данные о распределении мертвого инвентаря. «Подворная перепись, зарегистрировавшая крестьянский инвентарь в плугах и буккерах, дает следующие цифры для всего населения уездов» (с. 214):

	% дворов		
	не имеющих пахотных орудий	имеющих только буккер	имеющих плуг и др.
Уезд Берлинский	33	10	57
» Мелитопольский	37,8	28,2	34
» Днепровский	39,3	7	53,7

Эта таблица показывает, какая громадная группа крестьян лишена возможности вести *самостоятельное* хозяйство. Как обстоит дело в высших группах, это видно из следующих данных о количестве инвентаря, приходящегося на двор в различных группах по посеву:

	Приходится инвентаря на двор					
	Уезд Бердянский		Уезд Мелитопольский		Уезд Днепровский	
	Перевозочного (брички и пр.)	Пахотного (плугов и буккеров)	Перевозочного	Пахотного	Перевозочного	Пахотного
У засев. 5—10 д.	0,8	0,5	0,8	0,4	0,8	0,5
» » 10—25 » » »	1,2	1,3	1,2	1	1	1
25—50 » » »	2,1	2	2	1,6	1,7	1,5
более 50 »	3,4	3,3	3,2	2,8	2,7	2,4

По количеству инвентаря высшая группа превосходит низшую (группу с посевом до 5 дес. автор совсем отбросил) в 4–6 раз; по числу же работников[6] она превышает ту же группу в $^{23}/n$ раза, т. е. менее чем вдвое. Уже отсюда следует, что высшая группа должна прибегать к найму рабочих, между тем как в низшей половина дворов лишена пахотного инвентаря (N. B.[7] Эта «низшая» группа – третья снизу) и, следовательно, возможности самостоятельного хозяйничанья.

Естественно, что вышеуказанные различия в количестве земли и инвентаря обусловливают собой и различия в размере посевной площади. Количество десятин посева, приходящееся на каждый двор 6-ти групп, было приведено выше. Общее количество посевной площади крестьянства Таврической губернии распределяется между группами следующим образом:

---

[6] См. выше – таблицу о составе семей по группам.

[7] Nota bene – заметьте. – *Ред.*

Десятин в /о посева У сеющих

до 5 д. 34 070 2,4 ^ Ll2% посева у 40% населения »

» 5—10 » 140 426 9,7 J

» » 10—25 » 540 093 37,6 38% » » 40% »

» » 25—50 » 494 095 34,3 """ı Г50% » » 20% » » » »

более 50 » 230 583 16 -J

Всего 1 439 267 100 %

Цифры эти говорят сами за себя. Следует только добавить, что средней посевной площадью, при которой семья может жить только земледелием, Постников считает (с. 272) – 16–18 дес. посева на двор.

III

В предыдущей главе были сведены данные, характеризующие степень имущественного обеспечения крестьян и размеры их хозяйства в разных группах. Теперь следует свести данные, определяющие характер хозяйства крестьян различных групп, способ и систему ведения хозяйства.

Остановимся прежде всего на том положении Постникова, что «производительность крестьянского труда и рабочая способность семьи значительно повышаются с увеличени-

ем размеров хозяйства и употреблением машин» (с. X). Автор доказывает это положение, исчисляя, сколько приходится работников и рабочего скота на *данную* посевную площадь в разных экономических группах. При этом пользоваться данными о составе семей невозможно, так как «низшие экономические группы часть своих работников отпускают на сторону в батраки, а высшие группы принанимают к себе батраков» (с. 114). Таврическая земская статистика не дает числа нанимаемых и отпускаемых рабочих, и Постников вычисляет приблизительно это количество, исходя из данных земской статистики о количестве дворов, нанимавших работников, и из расчета, сколько необходимо работников на данный размер пахотной площади. Постников признает, что эти вычисленные данные не могут претендовать на полную точность, но он думает, что его расчет может значительно изменить состав семьи только в 2-х высших группах, потому что в остальных число наймитов небольшое. Сравнивая вышеприведенные данные о составе семей с нижеследующей таблицей, читатель может проверить правильность этого взгляда:

По трем уездам Таврической губернии

				Приходится на 1 двор	
У не сеющих	нанималось	Работников отпускалось	Разность	душ в семье (с наймитами)	работников мье
	239	1077	— 838	4,3	0,9
» засев. до 5 д.	247	1484	— 1237	4,8	1,0
» » 5—10 »	465	4 292	— 3 827	5,2	1,0
» » 10—25 »	2 846	3 389	— 543	6,8	1,6
» » 25—50 »	6 041	—	+ 6 041	8,9	2,4
» » более 50 »	8 241	—	+ 8 241	13,3	5
Всего	18 079	10 242	+ 7 837		

Сравнивая этот последний столбец с данными о составе семей, мы видим, что Постников несколько уменьшил число рабочих в низших группах и увеличил – в высших. Так как цель его – доказать, что с увеличением размеров хозяйства уменьшается число рабочих на данную посевную площадь, то, следовательно, приблизительные выкладки автора могли скорее ослабить, чем усилить это уменьшение.

После этого предварительного расчета, Постников дает такую таблицу соотношений посевной площади с количеством работников, рабочего скота, затем населения вообще в разных группах крестьян (с. 117):

	Посева на пару рабоч. скота	*Приходится 100 дес. посева* дворов	душ	работников (с наймитами)	голов рабоч. скота
У сеющих до 5 д.	7,1 дес.	28,7	136	28,5	28,2
» » 5—10 » »	8,2 »	12,9	67	12,6	25
» 10—25 » » »	10,2 »	6,1	41,2	9,3	20
25—50 » » »	12,5 »	2,9	25,5	7	16,6
более 50 »	14,5 »	1.3	18	6,8	14
Всего	10,9 дес.	5,4	36,6	9	18,3

«Таким образом, с увеличением размера хозяйства и запашки у крестьян расход по содержанию рабочих сил, людей и скота, этот главнейший расход в сельском хозяйстве, прогрессивно уменьшается и у многосеющих крестьян делается почти в 2 раза менее на десятину посева, чем у групп с малой распашкой» (с. 117).

То положение, что расход на работников и рабочий скот является преобладающим в сельском хозяйстве, автор подтверждает ниже на примере подробного бюджета одного меннонитского[6] хозяйства: из всего расхода 24,3 % составляет расход для хозяйства; 23,6 % – расход на рабочий скот и 52,1 % – на работников (с. 284).

Своему заключению о повышении производительности труда по мере повышения размеров хозяйства Постников придает большое значение (что видно и из приведенной выше цитаты, помещенной им в предисловии), и нельзя не признать его действительную важность – во-первых, по изучению экономического быта нашего крестьянства и характера

хозяйства в различных группах; во-вторых, по общему вопросу о соотношении мелкой и крупной культуры. Этот последний вопрос сильно запутан многими авторами, и главной причиной путаницы было то, что сравнивались хозяйства неоднородные, поставленные в различные общественные условия, отличающиеся по самому типу ведения хозяйства; сравнивались, напр., хозяйства, в которых доход извлекается посредством производства сельскохозяйственных продуктов, с хозяйствами, в которых доход извлекается эксплуатацией нужды других хозяйств в земле (напр., хозяйства крестьянское и помещичье в эпоху, непосредственно следующую за реформой 1861 г.[7]). Постников совершенно свободен от этой ошибки и не забывает основного правила сравнения: чтобы сравниваемые явления были однородны.

Подробнее доказывая свое положение относительно Таврических уездов, автор приводит данные, во-первых, по каждому уезду отдельно; во-вторых, отдельно для русского населения, именно самой многочисленной его группы – бывш. государственных крестьян (с. 273–274):

Приходится десятин посева на пару рабочего скота

	по уездам вообще			в группе бывш.		госуд.
	Берд.	Мелит.	Днепр.	Берд	Мелит.	Днепр.
У сеющих до 5 д.	8,9	8,7	4,3	—	—	—
» » 5—10 »	8,9	8,7	6,8	8,9	9,1	6,8
» » 10—25 »	10,2	10,6	9,7	10,3	10,9	9,6
» » 25—50 »	11,6	12,4	12,3	12,3	12,8	11,9
» » более 50 »	13,5	13,8	15,7	13,7	14,3	15
В среднем	10,7	11,3	10,1	—	—	

Вывод тот же: «в хозяйстве малого размера относительное число рабочего скота на данную площадь посева превышает в 1 *l*^—2 раза это же число в «полном» крестьянском хозяйстве. Тот же закон подворная перепись обнаруживает и для всех других, более мелких групп: бывш. помещ. крестьян, арендаторов и пр., и во всех, даже самых небольших районах местности, ограниченных размером одной волости и даже одного селения» (с. 274).

Соотношение между размерами посева и расходами хозяйства оказывается не в пользу мелких хозяйств также и по отношению к другого рода расходу: содержанию мертвого инвентаря и продуктивного скота.

Мы выше видели, с какой быстротой возрастает число и того и другого на 1 двор от низшей группы к высшей. Если расчислить этот инвентарь на данную площадь посева, то получим *уменьшение* его от низшей группы к высшей (с. 318):

	Приходится на 100 dec. посева			
		Продукт, скота	плугов и буккеров	бричек
У сеющих до 5 д.	42	головы	4,7	10
» » 5—10 »	28,8	»	5,9	9
» » 10—25 »	24,9	»	6,5	7
» » 25—50 »	23,7	»	4,8	5,7
» » более 50 »	25,8	»	3,8	4,3
По трем уездам:	25,5	головы	5,4	6,5

«Эта таблица показывает, что с возрастанием посева на двор наиболее крупный инвентарь (орудия обработки и перевозки) прогрессивно уменьшается в числе на данную площадь посева, а потому в хозяйстве высших групп расход по содержанию орудий обработки почвы и перевозки должен быть на десятину относительно менее. Группа с посевом до 10 дес. на двор представляет некоторое исключение: она имеет сравнительно менее орудий обработки, чем следующая группа с посевом 16 дес. на двор, но лишь потому, что в ней многие работают не собственным инвентарем, а наемным, что отнюдь не сокращает расходов на инвентарь» (с. 318).

«Земская статистика, – говорит Постников, – с неоспоримою ясностью показывает, что чем более размер крестьянского хозяйства, тем менее на данную площадь пахотной земли содержится инвентаря, рабочих людей и рабочего ско-

та» (с. 162).

«В предыдущих главах было уже показано, – замечает Постников ниже, – что в Таврических уездах это явление имеет место по всем группам крестьян и всем районам местности. Это явление обнаруживается в крестьянском хозяйстве, по данным земской статистики, и в других губерниях, где земледелие также является главной отраслью крестьянского хозяйства. Таким образом, явление это имеет широкое распространение и принимает вид закона, получающего большое экономическое значение, так как этим законом в значительной мере уничтожается экономический смысл мелкого земледельческого хозяйства» (с. 313).

Последнее замечание Постникова несколько преждевременно: чтобы доказать неизбежность вытеснения мелких хозяйств крупными, недостаточно установить большую выгодность последних (большую дешевизну продукта); необходимо еще установить преобладание денежного (точнее: товарного) хозяйства над натуральным, потому что при натуральном хозяйстве, когда продукт идет на собственное потребление производителя, а не на рынок, дешевый продукт не встретится с дорогим на рынке, а потому и не в состоянии будет его вытеснить. Об этом, впрочем, подробнее будет речь ниже.

Чтобы доказать применимость вышеустановленного закона ко всей России, Постников берет те уезды, по которым земская статистика детально провела экономическую груп-

пировку населения, и вычисляет размер пахотной площади, приходящейся на пару рабочего скота и на работника в различных группах. Вывод получается прежний: «что при малом размере крестьянского хозяйства пахотная площадь должна оплачивать содержание рабочих сил в 1V2–2 раза более, чем при хозяйстве более достаточного размера» (с. 316). Это верно как для Пермской губернии (с. 314), так и для Воронежской, как для Саратовской, так и для Черниговской (с. 315), так что Постников, несомненно, доказал распространимость этого закона на всю Россию.

Перейдем теперь к вопросу о «доходах и расходах» (гл. IX) разных групп крестьянских хозяйств и об отношении их к рынку:

«В каждом хозяйстве, – говорит Постников, – представляющем собою самостоятельную единицу, площадь территории состоит из следующих 4-х частей: одна часть производит пищу для прокормления рабочей семьи и работников, живущих в хозяйстве; это – в узком смысле – *пищевая* площадь хозяйства; другая часть доставляет корм скоту, работающему в хозяйстве, и может быть названа *кормовою* площадью. Третья часть состоит из усадебной земли, дорог, прудов и пр. и той части посевной площади, которая дает семена для посева; ее можно назвать *хозяйственной* площадью, так как она служит без различия всему хозяйству. Наконец, четвертая часть производит зерно и растения, подлежащие, в сыром или переработанном виде, сбыту из хозяйства на рынок.

Это – *торговая* или *рыночная* площадь хозяйства. Разделение территории на четыре указанные части определяется в каждом частном хозяйстве не родом культивируемых растений, а ближайшей целью их возделывания.

Денежный доход хозяйства определяется торговой частью его территории, и чем более эта последняя площадь и выше относительная ценность получаемых с нее продуктов, тем более запрос, предъявляемый рынку сельскими хозяевами, и то количество труда, которое страна может держать вне земледелия в районе своего рынка, тем выше является государственное (податное) и культурное значение для страны ее сельского хозяйства, а также выше и чистый доход самого хозяина и его ресурсы для производства сельскохозяйственных затрат и улучшений» (с. 257).

Это рассуждение Постникова было бы совершенно верно, если бы сделать к нему одну, довольно существенную поправку: автор говорит о значении торговой площади хозяйства для страны вообще, тогда как, очевидно, речь может идти только о такой стране, в которой денежное хозяйство является преобладающим, в которой большая часть продуктов принимает форму *товаров.* Забывать это условие, считать его подразумевающимся само собою, опускать точное исследование, насколько оно приложимо к данной стране, – значило бы впадать в ошибку вульгарной политической экономии.

Выделение из всего хозяйства его рыночной площади –

очень важно. Для внутреннего *рынка* имеет значение совсем не доход производителя вообще (которым, т. е. доходом, определяется благосостояние этого производителя), а исключительно *денежный* его доход. Обладание денежными средствами совсем не определяется благосостоянием производителя: крестьянин, получающий с своего участка вполне достаточное на собственное потребление количество продуктов, но ведущий натуральное хозяйство, – пользуется благосостоянием, но не обладает денежными средствами; крестьянин полуразоренный, получающий с участка только небольшую часть нужного ему хлеба и добывающий остальное количество хлеба (хотя бы в меньшем количестве и худшего качества) случайными «заработками», – не пользуется благосостоянием, но обладает денежными средствами. Ясно отсюда, что всякое рассуждение о значении крестьянских хозяйств и их доходности для рынка, не основанное на учете денежной части дохода, не может иметь никакой цены.

Для определения того, как велики четыре указанные части посевной площади в хозяйстве крестьян разных групп, Постников исчисляет предварительно годовое потребление хлеба, принимая круглым счетом 2 четверти хлебного зерна на душу (с. 259), что составит $^2/_3$ дес. на душу в составе посевной площади. Затем определяет кормовую площадь в $1\,^1/_2$ *дес.* на каждую лошадь, а посевную площадь – в 6 % пахот-

ной территории и получает следующие данные[8] (с. 319):

	Приходится 100 дес. посева на площадь				*Получается денежного дохода*	
	хозяйственную	пищевую	кормовую	торговую	на 1 дес. посева	на 1 двор
					(рубли)	
У сеющих до 5 д.	6	90,7	42,3	— 39	----------	----
» » 5—10 »	6	44,7	37,5	+ 11,8	3,77	30
» » 10—25 »	6	27,5	30	36,5	11,68	191
» » 25—50 »	6	17	25	52	16,64	574
» » более 50 »	6	12	21	61	19,52	1500

«Показанная разница в денежных доходах хозяйства у отдельных групп, – говорит Постников, – достаточно иллюстрирует значение величины хозяйства, но в действительности эта разница между доходностью посевов в группах должна быть еще больше, так как у высших групп следует предполагать большие урожаи на десятине и высшую ценность сбываемого хлеба.

В этом учете доходности мы ввели в вычисление не всю площадь хозяйства, а только пахотную, потому что не имеем у себя точных данных потребления отдельными видами ско-

---

[8] Для определения денежного дохода Постников поступал так: принимал, что вся торговая площадь находится под самым дорогим хлебом – пшеницей и, зная средний урожай ее и цены, вычислял получаемое с этой площади количество ценностей.

та прочих угодий в крестьянских хозяйствах Таврических уездов; но так как денежный доход южно-русского крестьянина, исключительно занимающегося земледелием, определяется почти всецело посевной площадью, то приведенные цифры довольно точно обрисовывают различие в денежном доходе от хозяйства у различных групп крестьян. Эти цифры показывают, как сильно изменяется этот доход с размерами посева. Семья, имеющая 75 дес. посева, получает в год денежной выручки до 1500 рублей, семья с посевом 34V2 *dec.* имеет в год 574 руб., а с посевом в 1б7з дес. только 191 руб. Семья, засевающая 8 дес, получает только 30 руб., т. е. такую сумму, которая недостаточна для покрытия денежных расходов по хозяйству без сторонних промыслов. Конечно, приведенные цифры еще не показывают ренты от хозяйства, и для получения последней нужно вычесть из них все денежные расходы по хозяйству в налогах, инвентаре, постройках, на покупку одежды, обуви и т. д. Но расходы эти возрастают не пропорционально увеличению размеров хозяйства. Расходы по содержанию семьи возрастают пропорционально численности семьи, а увеличение состава последней, как видно из таблицы, идет гораздо медленнее, чем увеличение площади посева в группах. Что касается всех хозяйственных расходов (уплаты земельного налога и арендной платы, ремонта построек и инвентаря), то они возрастают в хозяйстве во всяком случае не более чем пропорционально размерам хозяйства, между тем как валовой денежный доход от хозяйства,

как показывает предыдущая таблица, возрастает более чем пропорционально размерам посева. Притом же все эти хозяйственные расходы весьма невелики сравнительно с главным расходом хозяйства по содержанию рабочих сил. Таким образом, мы можем формулировать то явление, что рента от земледелия в крестьянском хозяйстве прогрессивно уменьшается на десятину по мере уменьшения его размеров» (с. 320).

Из данных Постникова мы видим таким образом, что по отношению к рынку земледельческое хозяйство крестьян в различных группах является существенно различным: высшие группы (с посевом более 25 дес. на двор) ведут уже коммерческое хозяйство; целью производства хлеба является получение дохода. Наоборот, в низших группах земледелие не покрывает необходимых нужд семьи (это относится к посевщикам, обрабатывающим до 10 дес. на двор); если подсчитать с точностью все расходы по хозяйству, то наверное окажется, что хозяйство в таких группах ведется в убыток.

Крайне интересно также воспользоваться теми данными, которые приводит Постников, для разрешения вопроса о том, в каком отношении стоит раскол крестьянства на разнородные группы к размеру предъявляемого рынку спроса? Мы знаем, что размер этого спроса зависит от величины торговой площади, а эта последняя возрастает с увеличением размеров хозяйства; но ведь параллельно с этим увеличением размеров хозяйства в высших группах идет уменьшение

этих размеров в низших группах. По количеству дворов низшие группы вдвое многочисленнее высших групп: первых 40 % в Таврических уездах, вторых – только 20 %. Не получается ли в общем и целом, что вышеуказанный хозяйственный раскол уменьшает размер предъявляемого рынку спроса? Собственно говоря, мы вправе ответить на этот вопрос отрицательно уже на основании априорных соображений: дело в том, что в низших группах размер хозяйства так мал, что все нужды семьи не могут быть покрыты земледелием; чтобы не умереть с голоду, представителям этих низших групп придется нести на рынок свою рабочую силу, продажа которой даст им известные денежные средства и уравновесит таким образом (до известной степени) то уменьшение спроса, которое произойдет от уменьшения размеров хозяйства. Но данные Постникова позволяют дать на поставленный вопрос более точный ответ.

Возьмем какое-нибудь количество посевной площади, например, 1600 дес. и представим себе двоякое распределение ее: во-первых, между однородным экономически крестьянством и, во-вторых, между крестьянами, расколовшимися на разнородные группы, какие мы видим в Таврических уездах, в настоящее время. В 1-ом случае, полагая на среднее крестьянское хозяйство 16 дес. посева (как это и обстоит на деле в Таврических уездах), получим 100 хозяйств, вполне покрывающих свои нужды земледелием. Предъявляемый рынку спрос будет равняться 191 × 100= 19 100 руб. – Второй

случай: 1600 дес. посева распределены между прежними 100 дворами иначе, именно так, как распределяется в действительности посевная площадь между крестьянами Таврических уездов: 8 дворов совсем не имеют посева; 12 засевают по 4 дес; 20 по 8; 40 по 16; 17 по 34 и 3 по 75 (всего посева получается 1583 дес, т. е. немного даже менее 1600 дес). При таком распределении весьма значительная часть крестьян (40 %) не будет в состоянии получить с своей земли достаточно дохода на покрытие всех нужд. Размер предъявляемого рынку денежного спроса, считая только хозяйства с посевом более 5 дес на двор, будет следующий: $20 \cdot 30 + 40 \cdot 191 + 17 \cdot 574 + 3 \cdot 1500 = 21\ 350$ руб. Мы видим таким образом, что несмотря на опущение целых 20 дворов [несомненно, получающих тоже денежный доход, только не от продажи своих продуктов], несмотря на сокращение посевной площади до 1535 дес. – общий размер предъявляемого рынку денежного спроса повысился[8].

Было уже сказано, что крестьяне низших экономических групп вынуждены продавать свою рабочую силу; наоборот, представители высших групп должны покупать ее, так как собственных рабочих уже недостаточно для обработки их крупной посевной площади. Мы должны теперь поподробнее остановиться на этом важном явлении. Постников как будто не причисляет это явление к «новым хозяйственным движениям в крестьянской жизни» (по крайней мере, не упоминает о нем в предисловии, где резюмирует результа-

ты труда), но оно заслуживает гораздо большего внимания, чем введение машин или расширение запашки у зажиточных крестьян.

«Более зажиточное крестьянство в Таврических уездах, – говорит автор, – вообще пользуется в значительной мере наемными работниками и ведет свое хозяйство на такой площади, которая далеко превышает рабочую способность самих семейств. Так, в 3-х уездах на 100 семей держат наемных работников, по всем разрядам крестьян:

Не имеющие посева			3,8%
Засевающие	до 5	дес	2,5
»	5—10	»	2,6
»	10—25	»	8,7
»	25—50	»	34,7
»	более 50	»	64,1
	Всего		12,9%

Эти цифры показывают, что наемных работников держат преимущественно хозяева зажиточные, с более значитель-

ными посевами» (с. 144).

Сравнивая вышеприведенные данные о составе семей по группам без наймитов (по трем уездам отдельно) и с наймитами (по трем уездам вместе), мы видим, что хозяева, засевающие от 25 до 50 дес. на двор, увеличивают число рабочих сил в своем хозяйстве посредством найма – приблизительно на $^1/_3$ (с 1,8–1,9 работника на семью до 2,4), а хозяева с посевом более 50 дес. на двор увеличивают число рабочих почти вдвое (с 2,3 до 5); даже более чем вдвое по расчету автора, который считает, что они должны нанимать до 8241 работника (с. 115), имея своих 7129 человек. Что низшие группы должны отпускать рабочих на сторону в весьма значительном количестве – это явствует уже из того, что земледельческое хозяйство не в состоянии дать им необходимое на собственное содержание количество продуктов. К сожалению, точных данных о количестве отпускаемых на сторону работников мы не имеем. Косвенным показателем этого количества может служить число домохозяев, сдающих свои наделы: выше было приведено заявление Постникова, что в Таврических уездах около $^1/_3$ населения не эксплуатирует вполне своей надельной земли.

IV

Из приведенных выше данных видно, что Постников вполне доказал свое положение об «огромном разнообра-

зии» в экономическом положении отдельных дворов. Это разнообразие простирается не только на степень имущественного обеспечения крестьян и размеры их посевов, но даже на характер хозяйства в разных группах. Мало этого. Оказывается, что термины: «разнообразие», «дифференциация» недостаточны для полной характеристики явления. Если один крестьянин имеет 1 штуку рабочего скота, а другой – 10, мы называем это дифференциацией, но если один арендует десятки десятин земли сверх обеспечивающего его надела с единственной целью извлечь доход из ее эксплуатации и тем лишает другого крестьянина возможности арендовать землю, в которой он нуждается для прокормления своей семьи, – то мы имеем пред собой, очевидно, нечто гораздо большее; мы должны назвать такое явление «рознью» (с. 323), «борьбой экономических интересов» (с. XXXII). Употребляя эти термины, Постников недостаточно оценивает всю их важность; он не замечает также, что и эти последние термины оказываются недостаточными. Аренда надельной земли у обедневшей группы населения, наем в батраки крестьянина, переставшего вести свое хозяйство, – это уже не только рознь, это – прямая эксплуатация.

Признавая глубокую экономическую рознь в современном крестьянстве, мы не можем уже ограничиться одним разделением крестьян на несколько слоев по степени имущественного обеспечения. Такое разделение было бы достаточно, если бы все вышеуказанное разнообразие сводилось к

различиям количественным. Но это не так. Если у одной части крестьян целью земледелия является коммерческая выгода и результатом – крупный денежный доход, а у другой – земледелие не покрывает даже необходимых потребностей семьи, если высшие группы крестьян основывают свое улучшенное хозяйство на разорении низших, если зажиточное крестьянство в значительной степени пользуется наемным трудом, а бедное вынуждается прибегать к продаже своей рабочей силы, – то это уже, несомненно, качественные различия, и нашей задачей теперь должно быть группировать крестьянство по различиям в самом характере их хозяйства (разумея под характером хозяйства особенности не техники, а экономики).

Постников слишком мало обратил внимания на эти последние различия; поэтому хотя он и признает необходимость «более общего расчленения населения на группы» (с. ПО) и пытается сделать такое расчленение, но попытка его, как мы сейчас увидим, не может быть признана вполне удачной.

«Для более общего расчленения населения на экономические группы, – говорит Постников, – мы воспользуемся другим признаком, который хотя по местностям и не представляет однородного экономического значения, но более согласуется с делением на группы, какое делают у себя сами крестьяне и которое также отмечено по всем уездам и земскими статистиками. Деление это делается по степени самосто-

ятельности домохозяев в способах ведения хозяйства, в зависимости от количества рабочего скота во дворе» (с. ПО).

«В настоящее время крестьянство южно-русского района можно разбить, по степени хозяйственной самостоятельности домохозяев и в то же время по способам их хозяйствования, на три следующие главные группы:

1) Домохозяев тягловых или имеющих тягло, т. е. полный плуг или заменяющее его орудие для пахоты, и обходящихся в полевых работах собственным скотом, без найма скота и без супряги[9]. При плужном или буккерном тягле эти домохозяева имеют у себя 3–2 пары или более рабочего скота и, соответственно тому, во дворе 3-х взрос лых работников или, по крайней мере, 2-х взрослых работников и одного полурабочего.

2) Полутягловых или супряжников, т. е. домохозяев, спрягающихся между собою для полевых работ, по неимению достаточного числа скота для самостоятельной за пряжки. У таких хозяев во дворе держится одна или 1 /г пары и даже в некоторых случаях 2 пары рабочего скота и, соответственно тому, один или два взрослых работника. При тяжелой почве и при необходимости работать на плуге (или заменяющем его буккере) с 3 парами скота такие домохозяева обязательно спрягаются, если имеют и 2 пары рабочего скота.

3) Домохозяев бестяглых или «пеших», вовсе не имеющих скота, или имеющих одну рабочую скотину (большею частью лошадь, так как волы обыкновенно держатся парами и ходят

лишь в парной упряжи). Они работают наймом чужого скота или сдают свои земли внаймы из части урожая и вовсе не имеют посева.

Такая группировка по коренному в крестьянской жизни хозяйственному признаку, каким в данном случае является количество рабочего скота и способ запряжки, делается обыкновенно самими крестьянами. Но в ней есть большие вариации как в пределах каждой отдельной поименованной выше группы, так и в расчленении между собой самых групп» (с. 121).

Численный состав этих групп в % к общему числу дворов следующий (с. 125):

	I	II	III	
	Работавших собств. скотом	Работавших сvп-рягой	Работавших наймом скота	Не имевших посева
Уезд Берлинский	37	44,6	11,7	6,7
» Мелитопольский	32,7	46,8	13	7,5
» Днепровский	43	34,8	13,2	9

Рядом с этой таблицей автор дает группировку дворов по количеству содержимого в них рабочего скота, чтобы определить состав тягла в описываемых уездах:

	Число дворов в % общего их числа			
	4 и более шт.	Имеющих во дворе рабочего скота 2—3 шт.	1 штуку	Не имеющих рабоч.скота
Уезд Бердянский	36,2	41,6	7,2	15
» Мелитопольский	34,4	44,7	5,3	15,6
» Днепровский	44,3	36,6	5Д	14

Следовательно, в Таврических уездах полное тягло требует наличности не менее 4-х штук рабочего скота во дворе.

Такая группировка Постникова не может быть признана вполне удачной прежде всего потому, что в пределах каждой из этих 3-х групп замечаются сильные различия:

«В группе тягловых домохозяев, – говорит автор, – мы встречаем в южной России большое разнообразие: наряду с большим тяглом у зажиточных крестьян существует и тягло малое у более бедных. Первое в свою очередь делится на тягло полное (6–8 штук рабочего скота) и неполное (4–6 штук) … Категория «пеших» домохозяев представляет также много разнообразия в степени достатка» (с. 124).

Другое неудобство принимаемого Постниковым расчленения состоит в том, что в земской статистике группировка населения произведена, как уже было указано выше, не по количеству рабочего скота, а по размерам посева. Чтобы иметь возможность выражать точно имущественное положение разных групп, приходится поэтому взять группировку

по размерам посева.

По этому признаку Постников делит население точно так же на три группы: на домохозяев малосеющих – с посевом до 10 дес. и без посева; среднесеющих – с посевом 10–25 дес, и многосеющих – с посевом выше 25 дес. на двор. Первую группу автор называет «бедной», вторую – средней, третью – зажиточной.

О численном составе этих групп Постников говорит:

«В общем у таврических крестьян (без колонистов) многосеющие составляют около 7б части всего числа дворов, имеющие средние посевы – около 40 % и несколько более 40 % дают дворы малосеющие с несеющими. В целом же населении Таврических уездов (с колонистами) к многосеющим принадлежит /s часть населения, или около 20 %, к среднесеющим – 40 % и к малосеющим с несеющими – около 40 %» (с. 112).

Следовательно, присоединение немцев крайне незначительно изменяет состав групп, так что пользование общими данными о всем уезде не составит неправильности.

Наша задача теперь должна состоять в том, чтобы охарактеризовать по возможности точнее экономическое положение каждой из этих групп в отдельности и постараться выяснить таким образом размеры и причины экономической розни в крестьянстве.

Постников не поставил себе такой задачи; поэтому приводимые им данные отличаются большой разбросанностью, а

общие отзывы о группах – недостаточной определенностью.

Начнем с низшей группы – бедной, к которой относится в Таврических уездах /5 населения.

Насколько эта группа в действительности бедна, об этом лучше всего судить по количеству рабочего скота (главное орудие производства в сельском хозяйстве). По трем уездам Таврической губернии из всего количества рабочего скота – 263 589 штук – у низшей группы находится (с. 117) – 43 625 штук, т. е. всего 17 %, в 2V3 раза менее среднего. Данные о % дворов, не имеющих рабочего скота, были приведены выше (80 % – 48 % – 12 % по 3-м подразделениям низшей группы). Постников на основании этих данных сделал вывод, что «% домохозяев, не имеющих у себя собственного скота, значителен только в группах без посева и с посевом до 10 дес. на двор» (с. 135). Количество посева у этой группы находится в соответствии с количеством скота: на собственной земле засевается 146 114 дес. из всего количества 962 933 дес. (по 3-м уездам), т. е. 15 %. Прибавление арендованной земли увеличивает посев до 174 496 дес, но так как при этом увеличивается посев и в других группах и увеличивается в большем размере, чем в низшей группе, то в результате получается, что посев низшей группы составляет лишь 12 % всего посева, т. е. *1* % посева приходится на более чем *1* % населения. Если припомнить, что нормальным (т. е. покрывающим все нужды семьи) посевом автор считает именно средний посев тавричанина, то легко видеть, насколько обделена эта группа

с посевом в $3^1/_3$ раза менее среднего.

Очень естественно, что при таких условиях земледельческое хозяйство этой группы находится в крайне печальном положении: мы видели выше, что 33–39 % населения в Таврических уездах – следовательно, подавляющее большинство низшей группы – совсем не имеют пахотных орудий. Неимение инвентаря заставляет крестьян бросать землю, сдавать наделы в аренду: Постников считает, что число таких сдатчиков (с хозяйством, несомненно, уже совершенно расстроенным) составляет около $^1/_3$ населения, т. е. опять-таки значительное большинство бедной группы. Заметим мимоходом, что это явление «продажи» наделов (употребляя обычное крестьянское выражение) констатировано земской статистикой повсюду и в весьма значительных размерах. Пресса, отметившая этот факт, успела уже изобрести и средство против него – неотчуждаемость наделов. Постников совершенно справедливо возражает против действительности подобных мер, обличающих в авторах чисто чиновничью веру в могущество предписаний начальства. «Несомненно, – говорит он, – что одно запрещение сдачи земель в аренду не уничтожит этого явления, корни которого лежат слишком глубоко в настоящем экономическом строе крестьянского быта. Крестьянин, у которого нет инвентаря и средств для собственного хозяйства, фактически не может пользоваться своим наделом и должен отдавать его в наем

другим крестьянам со средствами для ведения хозяйства. Прямое запрещение сдачи земель заставит производить эту сдачу тайно, без контроля и, вероятно, на худших условиях для сдающего землю, чем теперь, потому что сдающий землю вынужден ее сдавать. Затем, для оплаты казенных недоимок на крестьянах, наделы их чаще станут сдаваться чрез сельскую расправу[10], а такая сдача для бедных крестьян менее всего будет выгодна» (с. 140).

Полный упадок хозяйства замечается у всей бедной группы:

«В сущности, – говорит Постников, – несеющие домохозяева и малосеющие, обрабатывающие свою землю наймом чужого скота, не представляют большой разницы в своем хозяйственном положении. Первые сдают в аренду односельцам всю свою землю, вторые – только часть ее, но как те, так и другие *либо служат батраками* у своих односельчан, *либо* промышляют *сторонними и большею частью земледельческими лее заработками,* проживая в собственной усадьбе. Поэтому *обе категории крестьян – несеющих и малосеющих – молено рассматривать вместе;* и те и другие принадлежат к домохозяевам, теряющим свое хозяйство, в большинстве случаев разорившимся или разоряющимся, не имеющим нужного для ведения хозяйства скота и инвентаря» (с. 135).

«Если дворы бесхозяйные и не сеющие в большинстве случаев представляют собою разорившиеся хозяйства, – го-

ворит Постников несколько ниже, – то малосеющие, сдающие внаймы свою землю, представляют собой кандидатов в первые. Всякий значительный неурожай или случайное несчастье, как пожар, пропажа лошадей и т. п., каждый раз выбивают из этой группы часть домохозяев в разряд бесхозяйных и батраков. Домохозяин, лишившийся почему-либо рабочего скота, делает первый шаг к упадку. Обработка земли наймом чужого скота представляет много случайного, беспорядочного и обыкновенно вынуждает к уменьшению запашки. Такому мужику отказывают в кредите местные сельские ссудосберегательные кассы и односельчане [в примечании: «в Таврических уездах очень многочисленны ссудосберегательные товарищества в больших селениях, действующие с помощью ссуд из государственного банка, но пользуются займами из них лишь зажиточные и достаточные домохозяева»]; заем он получает обыкновенно на более тяжелых условиях, чем крестьяне «заможние». «Как ему дать, – говорят крестьяне, – когда с него нечего взять». Раз запутавшись в долгах, он при первом несчастье теряет и землю, в особенности если за ним числится еще и казенная недоимка» (с. 139).

До какой степени глубок упадок земледельческого хозяйства у крестьян бедной группы, это лучше всего видно из того, что автор отказывается даже ответить на вопрос, как именно ведется у них это хозяйство. У хозяйств, засевающих менее 10 дес. на двор, говорит он, – «земледелие стоит

в условиях слишком случайных, чтобы оно могло быть охарактеризовано определенными приемами» (с. 278).

Приведенные характеристики хозяйства крестьян низшей группы, несмотря на свою многочисленность, совершенно недостаточны: они – исключительно отрицательные, тогда как должна же быть и положительная характеристика. Мы слышали до сих пор только о том, что относить крестьян этой группы к самостоятельным хозяевам-земледельцам не доводится, потому что земледелие у них в полном упадке, потому что посевная площадь крайне недостаточна, потому, наконец, что земледелие ведется у них случайно: «Придерживаться какого-либо порядка в посевах, – замечают статистики в описании Бахмутского уезда, – могут лишь состоятельные и зажиточные хозяева, не нуждающиеся в семенах, а бедняки сеют, что у них окажется налицо, где и как попало» (с. 278). Однако существование всей той массы крестьянства, которую включает низшая группа (в 3-х Таврических уездах свыше 30 тыс. дворов и более 200 тысяч душ обоего пола), не может быть случайным. Если они кормятся не от своего собственного хозяйства, то чем же живут они? Главным образом продажей своей рабочей силы. Мы видели выше, что Постников говорил про крестьян этой группы, что существуют они батрачеством и сторонними заработками. При почти полном отсутствии промыслов на юге, эти заработки – большею частью земледельческие и сводятся, следовательно, к *найму* на сельскохозяйственные рабо-

ты. Чтобы подробнее доказать, что именно продажа труда является главной чертой хозяйства крестьян низшей группы, обратимся к рассмотрению этой группы по тем разрядам, на которые делит ее земская статистика. О домохозяевах не сеющих нечего и говорить: это полные батраки. Во 2-ом разряде мы имеем уже посевщиков с посевом до 5 дес. на двор (в среднем 3,5 дес). Из приведенного выше разделения посевной площади на хозяйственную, кормовую, пищевую и торговую видно, что такой посев совершенно недостаточен. «Первая группа с посевом до 5 дес. на двор, – говорит Постников, – не имеет в своих посевах рыночной, торговой площади; ее существование возможно лишь при сторонних заработках, добываемых батрачеством и др. способами» (с. 319). Остается последний разряд – хозяев с посевом 5–10 дес. на двор. Спрашивается, в каком отношении у крестьян этой группы стоит самостоятельное земледельческое хозяйство к так называемым «заработкам»? Для точного ответа на этот вопрос необходимо было бы иметь несколько *типичных* крестьянских бюджетов, относящихся к хозяевам *этой группы.* Постников вполне признает необходимость и важность данных о бюджетах, но указывает, что «собирание таких данных весьма затруднительно, а во многих случаях для статистиков и просто невозможно» (с. 107). С последним замечанием согласиться очень трудно: московские статистики собрали несколько чрезвычайно интересных и подробных бюджетов (см. «Сборник стат. свед. по Моск. губ.». Отдел хо-

зяйственной статистики. Тт. VI и VII); по некоторым уездам Воронежской губернии, как указывает сам же автор, данные о бюджетах собраны даже подворно.

Очень жаль, что собственные данные Постникова о бюджетах крайне недостаточны: он приводит 7 бюджетов немецких колонистов и только один бюджет русского крестьянина, причем все бюджеты относятся к крупным посевщикам (minimum – у русского – 39V2 дес. посева), т. е. к такой группе, хозяйство которой можно достаточно ясно представить себе на основании имеющихся в земской статистике данных. Выражая сожаление, что ему «не удалось собрать при поездке большее количество крестьянских бюджетов», Постников говорит, что «точное определение этих бюджетов – дело вообще нелегкое. Тавричане дают свои хозяйственные показания довольно открыто, но точных цифр своего дохода и расхода они большею частью и сами не знают. Еще более верно припоминают крестьяне общую цифру своего расхода, или крупнейшие приходы и расходы, но мелочные цифры почти всегда ускользают из их памяти» (с. 288). Лучше бы, однако, собрать несколько бюджетов, хотя и без мелочных подробностей, чем собирать, как это сделал автор, «до 90 описаний с оценкой» хозяйственной обстановки, которая достаточно выясняется земскими подворными переписями.

За отсутствием бюджетов в нашем распоряжении оказываются только двоякие данные для определения характера хозяйства рассматриваемой группы: во-первых, расчеты

Постникова[9] о количестве посева на двор, необходимом на прокормление средней семьи; во-вторых, данные о разделении посевной площади на 4 части, и о среднем количестве денежных расходов (на семью в год) у местных крестьян.

На основании подробных расчетов о количестве десятин посева, необходимом на продовольствие семьи, на посев и на корм скоту, Постников делает такой окончательный вывод:

«Крестьянская семья среднего состава и достатка, живущая исключительно земледелием и сводящая свой баланс без дефицита, при средних урожаях должна иметь в своей посевной площади – 4 дес. на продовольствие 6V2 душ семьи, 4!/г дес. для корма 3-х рабочих лошадей, 1V2 дес. для сбора посевных семян и 6–8 дес. для продажи зерна на рынок, всего 16–18 десятин посева. … Средний тавричанин имеет около 18 дес. посева на двор, но 40 % населения 3-х Таврических уездов имеет посева у себя ниже 10 дес. на двор, и если оно все-таки занимается земледелием, то лишь потому, что часть своего дохода добывает сторонними заработками и отдачей внаймы своей земли. Хозяйственное положение этой части населения – ненормальное, шаткое, потому что в большинстве случаев она не может иметь у себя запасов на черный год» (с. 272).

Так как средний размер посева на двор в рассматриваемой группе – 8 дес. т. е. менее половины необходимого (17 дес.),

---

[9] 3V2 дес. пищевой площади дадут по 25 руб. ценностей на 1 дес. (25 х 3,5 = 87,5) – расчет Постникова, с. 272.

то мы вправе заключить, что крестьяне этой группы большую часть дохода получают от «заработков», т. е. от продажи своего труда.

Другой расчет: по вышеприведенным данным Постникова о распределении посевной площади, из 8 дес. посева – 0,48 дес. пойдет на семена; 3 дес. на корм скоту (в этой группе на двор приходится 2, а не 3 штуки рабочего скота); 3,576 дес. – на продовольствие семьи (состав ее тоже ниже среднего – около 5½ душ, а не 6½), так что на торговую площадь останется менее 1 дес. (0,944), доход с которой автор исчисляет в 30 руб. Но сумма необходимых денежных расходов для тавричанина гораздо выше. Собрать данные о количестве денежных расходов гораздо легче, чем о бюджетах, говорит автор, потому что крестьяне нередко сами производят расчеты на эту тему. По этим расчетам оказывается, что:

«Для семьи среднего состава, т. е. состоящей из мужа-работника, жены и 4-х детей и подростков, если она ведет хозяйство на собственной земле, примерно 20 десятинах, не прибегая к аренде, сумма необходимых денежных расходов в году тавричанами определяется в 200–250 руб. Сумма в 150–180 руб. считается минимумом того денежного расхода, который должна иметь малая семья, если она при этом будет во всем ограничивать себя. Годовой доход ниже этой цифры считается уже невозможным, ибо работник с женою добывает в этой местности батрачеством, при готовом продовольствии и помещении, 120 руб. в год, причем не несет никаких

расходов по содержанию скота, инвентаря и пр. и может еще получать «верхи» от земли, сдаваемой им внаймы своим односельцам» (с. 289). Так как рассматриваемая группа ниже средней, то мы возьмем минимальный, а не средний денежный расход и даже низшую цифру minimum'a, – 150 руб., которые должны быть добыты «заработками». При этом расчете, собственное хозяйство дает крестьянину рассматриваемой группы (30 + 87,5 =) 117,5 руб., а продажа своего труда – 120 руб. Следовательно, опять-таки мы получаем, что самостоятельным земледельческим хозяйством крестьяне этой группы могут покрыть только *меньшую половину* своих минимальных расходов[10{128}].

---

[10] Расчеты г. Южакова в «Русской Мысли»{128} за 1885 г. № 9 («Нормы народного землевладения») вполне подтверждают такой вывод. Продовольственной, т. е. низшей, нормой надела на двор он считает для Таврич. губ. – 9 дес. посева. Но г. Южаков относит на счет надела *только* продовольствие *зерновыми* продуктами и налоги, полагая, что остальные расходы покрываются заработками. Бюджеты земской статистики доказывают, что расходы второго рода составляют большую половину всех расходов. Так, в Воронежской губернии средний расход крестьянской семьи – 495,39 руб., считая и натуральный и денежный расход. Из этой суммы – 109,10 идет на содержание скота [N. В. Южаков относит содержание скота на счет сенокосов и вспомогательных угодий, а не на счет пашни], 135,80 – на продовольствие растительной пищей и налоги и 250,49 – на остальные расходы – одежду, инвентарь, аренду, разные хоз. нужды и проч. [24 бюджета в «Сборнике стат. свед. по Острог, уезду»]. – В Московской губернии средний годовой расход семьи – 348,83 руб., из них 156,03 – продовольствие зерновыми продуктами и налоги и 192,80 – на остальные расходы. [Среднее из 8 бюджетов, собранных московскими статистиками, – 1. с. (loco citato – в цитированном месте. – *Ред.*)]

{128} *«Русская Мысль»* – ежемесячный журнал либерально-народнического направления; выходил в Москве с 1880 года. В 90-х годах во время полемики марк-

Таким образом, рассмотрение характера хозяйства во всех подразделениях низшей группы приводит к тому несомненному выводу, что хотя большинство крестьян и имеет небольшие посевы, тем не менее преобладающим источником средств к жизни является у них продажа своей рабочей силы. Все крестьяне этой группы – более наемные рабочие, чем хозяева-земледельцы.

Постников не поставил этого вопроса о характере хозяйства крестьян низшей группы и не выяснил отношения заработков к своему хозяйству – это составляет крупный недостаток его труда. В силу этого осталось у него недостаточно выясненным то странное на первый взгляд явление, что крестьяне низшей группы, имея слишком мало своей земли, забрасывают ее, сдают внаймы; в силу этого остался несвязанным с общим характером хозяйства тот крупный факт, что количество средств производства (т. е. земли и инвентаря) у крестьян низшей группы значительно ниже среднего. Так как среднее количество средств производства, как мы видели, обеспечивает как раз только удовлетворение необходимых потребностей семьи, то из указанной обделенности

систов с либеральными народниками редакция журнала, оставаясь на народнических позициях, иногда предоставляла страницы журнала для статей марксистов. В отделе художественной литературы журнала печатались прогрессивные писатели – А. М. Горький, В. Г. Короленко, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Г. И. Успенский, А. П. Чехов и др.После революции 1905 года журнал стал органом правого крыла кадетской партии и выходил под редакцией П. Б. Струве. Закрыт в середине 1918 года.

бедных крестьян с безусловной необходимостью следует для них – обязательность искать чужих средств производства для приложения своего труда, т. е. продаваться.

Переходим ко второй группе – *средней,* обнимающей тоже 40 % населения. Сюда принадлежат хозяева с посевом от 10 до 25 дес. на двор. Термин «средней» является вполне применимым к этой группе, с тою, впрочем, оговоркой, что ее средства производства несколько (немногим) ниже средних: посев на двор – 16,4 дес. при среднем для всех крестьян – 17 дес. Скота – 7,3 штуки на двор при среднем – 7,6 штуки (рабочего скота – 3,2 при среднем – 3,1). Всей пашни на двор 17–18 дес. (надельной, купчей и арендованной), при среднем – 20–21 дес. по уездам. Сравнение количества десятин посева на 1 двор с той нормой, которую дал Постников, показывает, что хозяйство на собственной земле дает этой группе в обрез столько, сколько необходимо на прокормление.

По всем этим данным можно бы, казалось, думать, что хозяйство крестьян этой группы окажется наиболее прочным: крестьянин покрывает им все свои расходы; он работает не ради получения дохода, а только для удовлетворения первых потребностей. На самом деле, однако, мы видим как раз обратное: хозяйство крестьян этой группы отличается весьма значительной непрочностью.

Прежде всего достаточным оказывается в этой группе средний размер посева – 16 дес. Следовательно, хозяева, имеющие от 10 до 16 дес. посева, не покрывают земледелием

всех расходов и вынуждены тоже прибегать к заработкам. Из приведенного выше приблизительного расчета Постникова мы видим, что в этой группе нанимается 2846 рабочих, а отпускается 3389, т. е. больше на 543. Около половины хозяйств этой группы, следовательно, обеспечены не вполне.

Далее, в этой группе приходится рабочего скота на двор – 3,2 штуки, между тем как на тягло требуется, как мы видели выше, 4 штуки. Следовательно, значительная часть хозяев этой группы не может обойтись своим скотом при обработке земли и должна прибегать к супряге. Число супряжников в этой группе также не менее ^: так можно думать потому, что общее число тягловых хозяйств – около 40 %, из которых 20 % пополнят зажиточную высшую группу, а остальные 20 % придутся на среднюю, так что не менее /г средней группы окажется не имеющей тягла. Точного числа супряжников в этой группе Постников не сообщает. Обращаясь к сборникам земской статистики, находим следующие данные (по двум уездам)[11].

---

[11] «Сборник стат. свед. по Мелит, уезду» (Прил. к I т. Сборника по Тавр. губ.). Симф. 1885. Стр. Б 195. «Сборн. стат. свед. по Днепр, уезду» (т. II Сборника по Тавр. губ.). Симф. 1886. Стр. Б 123.

Из всего числа засеянных десятин обрабатывают:

	Всего в группе с посевом 10-25 дес.		своим скотом		супрягою		наймом		другим способом	
	дворов	десятин посева	дво-ров	десятин	дво-ров	десятин	дво-ров	деся-тин	дво-ров	деся-тин
Уезд Мелитоп.	13789	226389,21	4218	79726,55	9201	141483,26	321	4405,8	49	773,3
» Днепр.	8234	137343,75	4029	71125,2	3835	61159,05	320	4352,5	50	707,25

Таким образом, по обоим уездам в средней группе меньшинство дворов обрабатывает землю своим скотом: в Мелитопольском уезде – менее $^{1}/_{3}$ дворов; в Днепровском уезде – менее V2. Следовательно, число супряжников, взятое выше для всех 3-х уездов (V2), скорее слишком низко и никак не преувеличено. Конечно, невозможность обработать землю своим скотом уже достаточно характеризует непрочность хозяйства, но для иллюстрации приведем описание супряги, даваемое Постниковым, который уделяет, к сожалению, слишком мало внимания этому интересному и в экономическом и в бытовом отношениях явлению.

«У домохозяев, работающих супрягой, – говорит Постников, – норма рабочей площади ниже [чем у крестьян, работающих своим скотом] в силу того же правила механики, по которому 3 лошади, запряженные вместе, не оказывают тяги в 3 раза большей противу одной лошади. Спрягающиеся между собою могут жить в разных концах села (спрягаются преимущественно родственники), затем число полевых участков у двух домохозяев (спрягаются также и 3 хозяина) вдвое

более, чем у одного. Все это увеличивает расходы на переезды. [В примечании: «При разделе земель каждый двор получает в известном клину на свои души сплошной участок, и потому у малодушных участки меньше. Условия супряги в Таврической губернии очень различны. Кто из супряжников имеет буккер, тому выорывается лишняя десятина, например, одному 10, а другому – 11 дес, или на не имеющего буккера падают все расходы по починке его во время работ. Тоже при неравенстве в количестве спрягаемого скота: одному пашут лишний день и т. д. В с. Каменке владелец буккера получает деньгами от 3-х до 6 руб. за весну. Несогласия между супряжниками вообще очень часты».] Для того, чтобы наладить согласие, тратится также известное время, и случается, что до окончания работы согласие это расстраивается. В иных случаях у супряжников недостает лошадей для бороньбы, тогда их выпрягают из буккера: одни лошади едут за водой, другие боронят. В селе Юзкуях мне передавали, что супряжники часто буккеруют в день не более 1 дес, т. е. вдвое меньше против нормы» (с. 233).

К недостаточности живого инвентаря присоединяется малочисленность мертвого. Из приведенной выше таблицы о количестве инвентаря, приходящегося на 1 двор в разных группах, видно, что в средней группе во всех уездах приходится не менее 1 штуки пахотного инвентаря на 1 двор. Но на самом деле распределение инвентаря даже в пределах группы не отличается равномерностью. Постников не дает, к со-

жалению, об этом данных, и нам приходится обратиться к сборникам земской статистики. В Днепровском уезде 1808 дворов из 8227 совсем не имеют пахотных орудий; в Мелитопольском – 2954 из 13789; в 1-ом уезде % обделенных дворов = 21,9 %; во 2-ом – 21,4 %. Несомненно, что домохозяева, лишенные пахотных орудий, приближаются по своему экономическому положению к низшей группе, тогда как домохозяева, имеющие их более 1 штуки на двор, – к высшей. Число домохозяев, не имеющих плугов, еще больше: 32,5 % в Днепровском уезде и 65,5 % в Мелитопольском. Наконец, машинами для уборки хлеба (имеющими очень важное значение в хозяйстве южнорусского крестьянина вследствие недостатка рабочих для ручной уборки и длинноземелья[11], растягивающего возовицу хлеба на целые месяцы) – хозяева этой группы обладают совершенно уже в ничтожном количестве: в Днепровском уезде на всю группу приходится 20 косилок и жаток (1 штука на 400 дворов); в Мелитопольском – $178^{x}/2$ (1 шт. на 700 дворов).

Общую систему хозяйства крестьян этой группы Постников рисует так: «Домохозяева, имеющие у себя менее 4-х голов рабочего скота, обязательно спрягаются для обработки полей и посева. Домохозяева этого разряда имеют во дворе либо 2-х работников, либо одного. Уменьшение относительной рабочей способности таких хозяев следует уже в силу меньшего размера хозяйства, супряги и более скудного инвентаря. Пахота производится супряжниками часто малым,

трехлемешным буккером, который работает медленнее. Если такие хозяева убирают хлеб машиною, нанимаемой у соседей, то они получают ее тогда, когда сосед успел уже скосить свой хлеб. При ручной уборке хлеба она долее тянется, в некоторых случаях требует найма поденных рабочих и дороже обходится. У хозяев одиноких всякое экстренное домашнее дело или исполнение общественных обязанностей прерывает работу. Если домохозяин-одиночка едет на полевые работы в дальнее поле, где крестьяне часто проводят целую неделю, зараз оканчивая посев и оранку, то он должен чаще возвращаться домой в село, чтобы навестить оставшуюся семью» (с. 278). Таких одиноких домохозяев (имеющих одного работника) в рассматриваемой группе большинство, как видно из следующей таблицы, приводимой Постниковым и показывающей рабочий состав семей в разных посевных группах по всем 3-м уездам Таврической губернии (с. 143).

	На 100 дворов приходится			
	без работника муж. пола	с 1 работником	с 2 работниками	с 3 и более работниками
Не сеющие	19	67	11	3
Засев, до 5 дес.	9	77,6	11,7	1,7
» 5—10 »	4,2	74,8	17,7	3,3
» 10—25 »	1,7	59	29	10,3
» 25—50 »	1,2	40	35,7	23,1
» более 50 »	0,9	25	34,3	39,8
Всего	**4,3**	60,6	24,6	10,5

Из этой таблицы видно, что в средней группе /5 семей имеют по 1 работнику или вовсе без работника[12].

Чтобы иллюстрировать отношение средней группы к высшей и вообще прочность ее хозяйства, приведем из Сборника статистических сведений по Днепровскому уезду данные о распределении между группами всей находящейся в распоряжении крестьян земельной площади и в частности площади под посевом[13]. Получаем следующую таблицу:

---

[12] В подтверждение своего положения о значительных преимуществах в хозяйстве, которыми пользуются домохозяева семьяные (т. е. со многими работниками) над одиночками, – Постников ссылается на известную книгу Трирогова: «Община и подать».

[13] Данные относятся ко всему Днепровскому уезду, включая селения, не причисленные к волостям. – Данные графы: «все землепользование» вычислены мною – сложено количество земли надельной, арендованной и купчей и вычтена земля, сданная в аренду. – Днепровский уезд взят потому, что он почти сплошь русский.

Группы крестьян	Состав группы % дворов	Надельной пашни		Купчей земли		Арендованной земли		Сданной в аренду земли	Все землепользование группы		Посевная площадь	
		десятин	%	десятин	%	дес.	%		дес.	%	дес.	%
Бедная группа	39,9	56444,95	25,5	2003,25	6	7838,75	6	21551,25	44735,7	12,4	38439,25	11
Средняя	41,7	102793,7	46,5	5376	16	48397,75	35	8311	148256,45	41,2	137343,75	43
Зажиточная	18,4	61844,25	28	26530,75	78	81645,95	59	3039,25	166981,7	46,4	150614,45	46
Всего	100	221082,9	100	33910	100	137882,45	100	32901,5	359973,85	100	326397,45	100

Из этой таблицы видно, что по количеству надельной пашни средняя группа стояла впереди всех: в ее руках было 46,5 % земли. Недостаточность надельной земли вынудила крестьян прибегнуть к аренде, благодаря которой площадь крестьянского землепользования возросла в общем более чем в полтора раза. Количество земли у средней группы *абсолютно* тоже возросло, но *относительно* уменьшилось: у нее стало только 41,2 % всей земельной площади и 43 % посева; первое место заняла высшая группа. Следовательно, не только низшая группа, но и средняя испытывает прямое давление со стороны высшей, отбивающей у них землю.

Все вышеизложенное дает нам право следующим образом характеризовать экономическое положение средней группы. Сюда относятся хозяева-земледельцы, живущие исключительно доходом от своего собственного посева; размер последнего почти равен среднему посеву местного крестьянства (или несколько ниже) и покрывает в обрез необходимые потребности семьи. Но недостаток живого и мертвого инвентаря и неравномерное его распределение делают хозяйство

крестьян этой группы непрочным, шатким, особенно ввиду угрожающей тенденции высшей группы к вытеснению низшей и средней.

Обращаемся к последней – высшей группе, обнимающей зажиточное крестьянство. Сюда относится в Таврических уездах – А населения с посевом свыше 25 дес. на двор. Насколько действительно богаче других эта группа и рабочим скотом, и инвентарем, и надельной и др. землею – об этом приведено было достаточно данных выше. Чтобы показать, насколько именно состоятельнее крестьяне этой группы, чем средние крестьяне, приведем еще только данные о посеве: в Днепровском уезде в зажиточной группе приходится 41,3 дес. посева на двор, а в среднем по уезду – 17,8 дес, т. е. менее в два с лишним раза. Вообще эта сторона дела, большая зажиточность многосеющих крестьян, выяснена Постниковым с достаточной полнотою, но он почти совсем не обратил внимания на другой, гораздо более важный вопрос: какое значение имеет хозяйство этой группы в общем сельскохозяйственном производстве района и какою ценою (для других групп) покупается успех высшей.

Дело в том, что численно группа эта очень мала: в самой зажиточной области юга, в губернии Таврической, всего только 20 % населения. Можно бы думать поэтому, что значение ее в хозяйстве всей местности не велико[14]{129}. Но

---

[14] В такую ошибку впадает, например, г. Слонимский, который в статье о книге Постникова говорит: «Зажиточная группа крестьян теряется в массе бедноты и в

на деле мы видим как раз обратное: в общем производстве сельскохозяйственных продуктов это зажиточное меньшинство играет преобладающую роль. В 3-х Таврических уездах – из всей посевной площади – 1 439 267 дес. – в руках зажиточного крестьянства находится 724 678 дес, т. е. более половины. Разумеется, цифры эти далеко не точно выражают преобладание высшей группы, так как урожаи у зажиточных крестьян гораздо выше, чем у бедных и средних, не ведущих, по вышеприведенной характеристике Постникова, никакого правильного хозяйства.

Таким образом производят хлеб главным образом крестьяне высшей группы, и потому (что особенно важно и что особенно часто игнорируется) всевозможные характеристики сельского хозяйства, отзывы об агрикультурных улучшениях и т. п. относятся преимущественно и более всего (иногда даже исключительно) к состоятельному меньшинству. Возьмем, например, данные о распространении улучшенных орудий. Постников сообщает об инвентаре таврического крестьянина следующее: «Крестьянский инвентарь за небольшим исключением тот же, что и у немцев-колонистов, но менее разнообразен, отчасти хуже качеством и

иных местах как будто совершенно отсутствует» («Вестник Европы» {129}, 1893 г., № 3, стр. 307).

{129} *«Вестник Европы»* – ежемесячный историко-политический и литературный журнал буржуазно-либерального направления; выходил в Петербурге с 1866 года по 1918 год. В журнале печатались статьи против революционных марксистов.

потому дешевле. Исключением является юго-западная, редко и малонаселенная часть Днепровского уезда, сохраняющая пока первобытный малороссийский инвентарь с тяжелым деревянным плугом и деревянным ралом при железных зубьях. В остальном районе Таврических уездов у крестьян плуги употребляются повсеместно улучшенные, железные. Наряду с плугом занимает первостепенное место в обработке почвы и буккер, который во многих случаях является даже единственным пахотным орудием у крестьян. Но чаще буккер употребляется наряду с плугом… Боронами служат повсеместно деревянные бороны с железными зубьями, которые бывают 2-х родов: двуконные бороны, захватывающие полосу в 10 фут. ширины, и одноконные, имеющие в ширину около сажня… Буккер является в виде трех-, четырех- и пятилемешного орудия… К буккеру очень часто прикрепляют впереди небольшую сеялку, действующую в связи с ходовым колесом буккера. Она производит посев одновременно с заделкой его буккером. Из прочих орудий по обработке почвы у крестьян встречается еще, хотя и не часто, деревянный каток, служащий для укатывания полей после посева. Жатвенные машины в особенности распространились у крестьян в последнее 10-летие. В зажиточных селах, по словам крестьян, их имеет у себя почти V2 дворов… Косилки у крестьян встречаются гораздо реже, чем жнейки… Точно так же мало распространены у крестьян конные грабли и молотилки. Употребление веялок повсеместное… Для перевоз-

ки служат исключительно немецкие брички и мажары, приготовляемые теперь во многих русских селениях… Для молотьбы повсеместно служат каменные зубчатые катки большей или меньшей длины» (с. 213–215).

Чтобы узнать, как распределяется этот инвентарь, приходится обратиться к земским статистическим сборникам, хотя и в них данные не полны: таврические статистики регистрировали только плуги и буккеры, жнейки и косилки и делижаны (т. е. брички или мажары). Сводя вместе данные по Мелитопольскому и Днепровскому уездам, получаем, что из всего числа плугов и скоропашек (46522) в руках высшей группы находится – 19987, т. е. 42,9 %; бричек – 23747 из 59478, т. е. 39,9 %; наконец, жнеек и косилок – 2841 из 3061, т. е. 92,8 %.

Выше были приведены данные, показывающие, что производительность труда в высших группах крестьянства значительно выше, чем в низших и средних. Посмотрим теперь, какими особенностями техники обусловлена такая особенность хозяйства у крупных посевщиков.

«Размер землевладения и землепользования у крестьян, – говорит Постников, – определяет собой в значительной мере также систему и характер земледелия. Эта зависимость между тем и другим, к сожалению, до сих пор мало изучалась у нас исследователями крестьянского хозяйства, для которых последнее еще нередко представляется однородным во всех слоях сельского населения. Оставляя в стороне систе-

му земледелия, постараюсь вкратце резюмировать эти особенности в технике хозяйства отдельных групп крестьян, насколько они выяснились для меня из поездок в Таврических уездах.

Домохозяева, работающие собственным скотом, обходящиеся без супряги, держат в хозяйстве 4–5–6 и более голов рабочего скота[15], и хозяйственное положение их при этом представляет много различия. Четырехлемешный буккер требует запряжки 4-х голов скота, при пятилемешном нужно уже 5 голов. За вспашкой следует боронование, и если хозяин не имеет лишней лошади, то он должен бороновать поле не следом, а по окончании вспашки, т. е. закрывать семена уже несколько просохшей землей, что для прорастания их является условием неблагоприятным. Если пахота идет на дальнем расстоянии от села и требует подвоза воды и корма, отсутствие лишней лошади также прерывает работу. Во всех этих случаях, при отсутствии полного комплекта рабочего скота, происходит потеря времени, запаздывание посевов. При большем количестве рабочего скота и работе многолемешным буккером крестьяне производят свои посевы скорее, лучше пользуются благоприятной погодой, заделывают семена более влажной землей. Преимущества техники весеннего посева остаются таким образом за хозяином «полным», имеющим во дворе 6, а еще лучше 7 штук рабочего

[15] Крестьяне зажиточной группы имеют 6–10 штук рабочего скота на двор (см. выше).

скота. При 7 лошадях одновременно могут работать пятилемешный буккер и 2 бороны. У такого хозяина – говорят крестьяне – «нет остановки в работах».

Еще важнее является различие в положении этих хозяев в период, следующий за жатвой хлеба, когда в местном хозяйстве, в случае хорошего урожая, требуется наибольшее напряжение рабочих сил. У хозяина с 6 головами рабочего скота одновременно с возкой хлеба производится и молотьба его, хлеб в скирды не складывается, чем, конечно, сберегается время и рабочая сила» (с. 277).

Для окончательной обрисовки характера хозяйства у этих крупных посевщиков следует еще заметить, что посев является в этой группе земледельцев – «коммерческим» предприятием, по замечанию Постникова. Вышеприведенные данные о размере торговой площади вполне подтверждают характеристику автора, так как большая часть посевной площади дает продукт, идущий на рынок, именно 52 % всей площади в хозяйствах с посевом от 25 до 50 дес. и 61 % – в хозяйствах с посевом выше 50 дес. О том же свидетельствует количество получаемого денежного дохода: даже minimum этого дохода для зажиточной группы – 574 руб. на двор – более чем вдвое превышает сумму необходимого денежного расхода (200–250 р.), составляя таким образом излишек, который накопляется и служит к расширению хозяйства и улучшению его. «У наиболее зажиточных крестьян, с посевом более 50 дес. на двор», даже «одна из отраслей скотовод-

ства – выращивание грубошерстных овец – принимает уже рыночный характер», как сообщает Постников (с. 188).

Перейдем теперь к другому вопросу, тоже недостаточно разработанному (даже почти не затронутому) Постниковым: как отражаются хозяйственные успехи меньшинства крестьян на массе? Несомненно, совершенно отрицательно: вышеприведенные данные (особенно об аренде) дают достаточные доказательства этого, так что здесь можно ограничиться только подведением итогов. По всем 3-м уездам Таврической губернии арендуется крестьянами всего 476334 дес. земли (вненадельной и надельной), из которых зажиточная группа берет 298727 дес, т. е. более $^3/_5$ (63 %). На долю бедной группы достается только 6 %, и средней – 31 %. Если принять во внимание, что в аренде нуждаются более всего – если не исключительно – 2 низшие группы (вышеприведенные данные о распределении между группами крестьян земельной площади Днепровского уезда показывают, что в высшей группе одной надельной пашни почти достаточно для «нормальных» размеров посева), то будет понятно, какое громадное стеснение в земле должны они испытывать благодаря коммерческому расширению запашек зажиточных крестьян[16].

---

[16] «Немец давит местного крестьянина… тем, что лишает его соседней земли, которую он мог бы арендовать или купить» (с. 292), – говорит Постников. Очевидно, что в этом отношении русский зажиточный крестьянин ближе к немцу-колонисту, чем к своему бедному соотечественнику.

Совершенно такие же выводы дает и распределение аренды надельных земель, данные о котором приведены выше. Чтобы показать, какое значение имеет для крестьян разных групп аренда наделов, приведем описание этого явления из IV главы сочинения Постникова.

«Надельная земля, – говорит он, – служит в настоящее время предметом обширных спекуляций в южнорусском крестьянском быту. Под землю получаются займы с выдачею векселей, весьма распространенных здесь между таврическими крестьянами, причем доход от земли остается в пользу ссудившего деньги впредь до уплаты долга, земля сдается или продается на год, два и более долгие сроки, 8, 9 и 11 лет, и такие сдачи наделов формально свидетельствуются в волостных и сельских правлениях. По воскресным и праздничным дням мне случалось видеть в больших селах перед зданием сельских правлений целые толпы оживленного народа. На вопрос о причинах сбора мне отвечали, что это идет угощение и продажа наделов, свидетельствуемая в книгах сельскими властями… Запродажа наделов в чужое пользование практикуется как в тех селениях, где существует раскладка земли по ревизским душам и никаких коренных переделов земли не происходит, так и в селах с раскладкой земли по наличным душам и коренными переделами, только в последних срок запродажи обыкновенно короче и рассчитан на срок передела земли, который в последнее время здесь большею частью заранее определяется в мирском приговоре о пе-

ределе. В настоящее время эта запродажа надельной земли в южно-русских селениях сосредоточивает в себе самые жизненные интересы местного зажиточного крестьянства, столь многочисленного здесь, особенно в Таврических уездах. Она составляет, между прочим, одно из главных условий для широкой распашки земель, практикуемой здесь зажиточными таври-чанами и доставляющей им большие экономические выгоды. Поэтому-то зажиточные крестьяне в настоящее время и относятся чувствительно ко всяким изменениям в их быте, которые могли бы лишить их этой, в большинстве случаев дешевой, аренды земель, и притом земель, находящихся вблизи» (с. 140). Далее рассказывается, как Мелитопольское уездное по крестьянским делам присутствие[12] потребовало, чтобы каждый отдельный случай сдачи наделов происходил с согласия сельского схода, как стеснены были крестьяне этим распоряжением и как «последствием его явилось пока лишь то, что договорные книги о землях исчезли из расправ, хотя в качестве неофициальных книг они, вероятно, ведутся еще» (с. 140).

Несмотря на арендование громадных количеств земли, зажиточные крестьяне являются и почти единственными покупщиками земель: в Днепровском уезде – в их руках 78 % всей купчей земли, в Мелитопольском – 42 737 дес. из всего числа 48 099 дес, т. е. 88 %.

Наконец, этот же разряд крестьян исключительно пользуется и кредитом: в добавление к вышеприведенной заметке

автора о сельских кассах на юге приведем следующую характеристику их:

«Те сельские кассы и ссудосберегательные товарищества, которые теперь распространены у нас местами – напр., они очень многочисленны в Таврических уездах, – оказывают свою помощь главным образом зажиточным крестьянам. Помощь их, можно думать, существенная. Мне не раз приходилось слышать от таврических крестьян, где действуют эти кассы, такие речи: «слава богу, теперь мы освободились от жидов», но говорят это крестьяне с достатком. Крестьяне маломощные поручителей за себя не находят и ссудами не пользуются» (с. 368). Такая монополизация кредита не представляет из себя ничего неожиданного: кредитная сделка есть не что иное, как купля-продажа с отсроченным платежом. Очень естественно, что произвести платеж может только тот, кто имеет средства, а таковыми среди южно-русских крестьян обладает только зажиточное меньшинство.

Для полной обрисовки характера хозяйства этой группы, превосходящей по результатам своей производительной деятельности все другие группы, вместо взятые, остается только напомнить, что она «в значительной мере» пользуется наемным трудом, поставщиком которого вынуждены являться представители низшей группы. Необходимо заметить по этому поводу, что точный учет наемного труда в сельскохозяйственном производстве представляет из себя громадные трудности, которых, кажется, еще не поборола наша земская

статистика. Так как земледелие требует не постоянного и равномерного труда в течение целого года, а лишь усиленного труда в известный период времени, то регистрирование одних только постоянных наемных рабочих далеко не выразит степени эксплуатации наемного труда, а подсчет рабочих временных (часто издельных) крайне труден. Рассчитывая приблизительно число наемных рабочих в каждой группе, Постников принимал за рабочую норму в зажиточной группе – 15 дес. посева на 1 работника[17]. Из главы VII его сочинения, где автор подробно рассматривает, каков в действительности размер рабочей площади, видно, что подобная норма достигается лишь при машинной уборке хлеба. Между тем даже в зажиточной группе количество жаток не велико: напр., в Днепровском уезде около 1 штуки на 10 дворов, так что даже принимая во внимание заявление автора, что хозяева машин по окончании своей уборки отдают их внаймы, все-таки окажется, что большая часть крестьян должна обходиться без машин и, следовательно, нанимать поденных рабочих. Пользование наемным трудом в высшей группе должно быть поэтому в больших размерах, чем исчисляет автор, так что высокий денежный доход, получаемый крестьянами этой группы, представляет из себя в значительной степени (если не целиком) доход от *капитала* в том специфическом

[17] На 1,8–2,3 работника это составит 27–34,5 дес, а крестьяне зажиточной группы сеют 34,5–75 дес. Следовательно, общая характеристика этой группы – та, что размеры ее хозяйства много выше рабочей нормы семьи.

значении этого термина, которое придает ему научная политическая экономия.

Резюмируя сказанное о 3-ей группе, получаем следующую характеристику ее: зажиточное крестьянство, у которого средства производства значительно выше среднего и труд в силу этого отличается большей продуктивностью, является главным, преобладающим над остальными группами, производителем сельскохозяйственных продуктов во всем районе; по характеру своему хозяйство этой группы – коммерческое, основанное в весьма значительной степени на эксплуатации наемного труда.

Произведенный краткий обзор политико-экономических различий в хозяйстве 3-х групп местного населения был основан на систематизации имеющегося в книге Постникова материала о южно-русском крестьянском хозяйстве. Обзор этот доказывает, мне кажется, что изучение крестьянского хозяйства (с политико-экономической стороны) совершенно невозможно без разделения крестьян на группы. Постников, как выше уже было отмечено, признает это и даже бросает земской статистике упрек, что она не делает этого, что ее комбинации при всем обилии цифр «неясны», что «за деревьями она не видит леса» (с. XII). Делать подобный упрек земской статистике Постников едва ли вправе, потому что он сам не провел систематически разделения крестьян на «ясные» группы, но правильность его требования не подлежит сомнению. Раз признано, что между отдельными хозяйства-

ми замечаются различия не только количественные, а и качественные[18], является уже безусловно необходимым разделять крестьян на группы, отличающиеся не «достатком», а общественно-экономическим характером хозяйства. Позволительно надеяться, что земская статистика не замедлит сделать это.

V

Не ограничиваясь констатированием экономической розни в крестьянстве, Постников указывает на усиление этого явления:

«Разнообразие в крестьянском достатке по группам существует у нас повсеместно, – говорит он, – и существовало искари, но в последние десятилетия эта дифференциация крестьянского населения стала проявляться очень резко и, повидимому, прогрессивно возрастает» (с. 130). Тяжелые хозяйственные условия 1891 года[13] должны были дать, по мнению автора, новый толчок этому процессу.

Спрашивается, какие же причины этого явления, имеющего такое громадное влияние на все крестьянское население?

«Таврическая губерния, – говорит Постников, – представ-

---

[18] Характер хозяйства – самопотребительский, коммерческий; характер эксплуатации труда – продажа своей рабочей силы, как главный источник средств к жизни, и покупка рабочей силы, как необходимое следствие расширения посевов за пределы рабочей способности семьи.

ляется одною из наиболее многоземельных в Европейской России, с наибольшим наделением крестьян землею, в ней повсеместно существует общинное землевладение, с более или менее равномерным распределением земли по душам, и земледелие составляет почти исключительное занятие сельского населения, и однако же здесь подворная перепись показывает 15 % сельского населения, которое не имеет у себя никакого рабочего скота, и около 7з населения, не имеющего достаточного инвентаря для обработки своей надельной земли» (с. 106). «От чего зависит, – спрашивает автор, – такое широкое разнообразие в группах и, в частности, чем определяется при исключительно земледельческом хозяйстве такой высокий процент домохозяев без посева и без рабочего скота, какой существует теперь в описываемом районе?» (с. 130).

Отправляясь на розыски причин этого явления, Постников (к счастью, ненадолго) совершенно сбивается с пути и принимается рассуждать о «шалтайстве», «пьянстве», даже пожарах и конокрадстве. Вывод все-таки получается тот, что не в таких причинах «заключается наиболее существенная сторона дела». Сиротство семей, т. е. неимение взрослых работников, точно так же ничего не объясняет: из всего числа бесхозяйных дворов в Таврических уездах (т. е. не имеющих посева) сиротские семьи составляют только 18 %.

«Главные причины бесхозяйности, – заключает автор, – должны быть отыскиваемы в других факторах экономиче-

ского быта крестьян» (с. 134). Именно, Постников полагает, что «В числе указанных причин, служащих к упадку крестьянского хозяйства у отдельных домохозяев, та, которую можно считать наиболее коренной и которая, к сожалению, до сих пор мало выяснена нашей земской статистикой, заключается в *измельчании наделов* и в ограниченности размеров крестьянского землепользования, в уменьшении среднего размера крестьянского хозяйства» (с. 141). «Коренная причина экономической бедности России, – говорит автор, – есть малый размер крестьянского землевладения и хозяйства, не позволяющий утилизировать всю рабочую способность крестьянской семьи» (с. 341).

Чтобы пояснить это положение Постникова, – выраженное до крайности неточно, ибо автор сам установил, что средний размер крестьянского хозяйства (17–18 дес. посева) достаточен для безбедного существования семьи и что общая, огульная характеристика всего крестьянства в отношении размеров хозяйства невозможна, – надо напомнить, что выше он установил общий закон о повышении производительности крестьянского труда по мере увеличения размеров хозяйства. Полная утилизация рабочих сил семьи (и рабочего скота) достигается, по его расчету, только в высших группах: напр., в Таврических уездах только у зажиточных крестьян; громадное большинство населения «ковыряет землю непроизводительно» (с. 340), растрачивая даром массу сил.

Несмотря на то, что автором вполне доказана зависимость

продуктивности труда от размеров хозяйства и крайне низкая производительность в низших группах крестьян, – видеть в этом законе (Постников называет его перенаселенностью земледелия в России, пресыщенностью земледелия трудом) причину разложения крестьянства не доводится: вопрос ведь в том именно, почему распалось крестьянство на столь различные группы, а перенаселенность земледелия уже предполагает такое распадение; самое понятие о ней автор составил, сличая хозяйства мелкие и крупные и их доходность. Поэтому отвечать на вопрос: «от чего зависит широкое разнообразие в группах?» указанием на перенаселенность земледелия нельзя. Это сознает, по-видимому, и Постников, но только он не поставил себе определенно задачи – исследовать причины явления, так что его замечания грешат некоторой отрывочностью: рядом с недоговоренными, неточными положениями стоят и верные мысли. Так, например, он говорит:

«Нельзя ожидать, чтобы ожесточенная борьба, происходящая теперь в сельской жизни на почве землевладения, способствовала в будущем развитию в населении начал общинности и согласия. И борьба эта не есть временная, вызываемая случайными условиями… Она представляется нам не борьбою общинных традиций и развивающегося в сельской жизни индивидуализма, а простою борьбой экономических интересов, которая должна окончиться роковым исходом для одной части населения, в силу существующего ма-

лоземелья» (с. XXXII).

«Истина довольно ясная, – говорит Постников в другом месте, – что при малоземелье и малом размере хозяйства, при отсутствии достаточных промыслов не может быть достатка в крестьянстве, и все слабое в хозяйственном смысле так или иначе, рано или поздно, должно быть выброшено из крестьянского земледелия» (с. 368).

Эти замечания содержат в себе гораздо более верный ответ на вопрос, притом такой ответ, который гармонирует вполне с вышеустановленным явлением дифференциации населения. Ответ таков: появление массы бесхозяйных дворов и увеличение числа их определяется борьбою экономических интересов в крестьянстве. На какой почве ведется эта борьба и какими средствами? Что касается до средств, то таковыми является не только и даже не столько перебой земли (как можно бы подумать из приведенных сейчас замечаний Постникова), сколько уменьшение издержек производства, идущее вслед за увеличением размера хозяйства, – о чем было достаточно говорено выше. Что же касается почвы, на которой возникает борьба, то на нее указывает достаточно ясно следующее замечание Постникова:

«Есть известный minimum хозяйственной площади, ниже которого крестьянское хозяйство не может опускаться, потому что оно становится тогда невыгодным или даже невозможным. Для прокормления семьи и скота (?) в хозяйстве нужна известная пищевая площадь; в хозяйстве, у которого

нет сторонних промыслов или они малые, нужна еще и некоторая рыночная площадь для сбыта ее продуктов, чтобы дать крестьянской семье денежные средства на уплату податей, обзаведение одеждой и обувью, на необходимые для хозяйства расходы в орудиях, постройке и проч. Если размер крестьянского хозяйства опускается ниже этого минимума, оно становится невозможным. В таком случае крестьянин найдет более выгод бросить хозяйство и стать в положение батрака, расходы которого ограниченнее, а потребности могут быть удовлетворены полнее и при меньшем валовом доходе» (с. 141).

Если, с одной стороны, крестьянин находит выгодным расширять свои посевы далеко за пределы собственной потребности в хлебе, то это происходит потому, что он может продать свой продукт. Если, с другой стороны, крестьянин находит выгодным бросить хозяйство и идти в батраки, то это происходит потому, что удовлетворение большей части его потребностей требует денежных расходов, т. е. продаж [19]; а так как, продавая продукты своего хозяйства, он встречает на рынке соперника, борьба с которым ему непосильна, то ему только уже и остается – продавать свою рабочую силу. Одним словом, почвой, на которой вырастают вышеопи-

[19] Ср. вышеприведенные данные о пищевой и торговой площади посева (только с этих площадей доход идет на покрытие нужд земледельца, а не земледелия, т. е. представляет доход в собственном смысле, а не издержки производства), а также данные о среднем денежном расходе тавричанина в связи с количеством идущего на продовольствие хлеба (2 четв. на душу обоего пола).

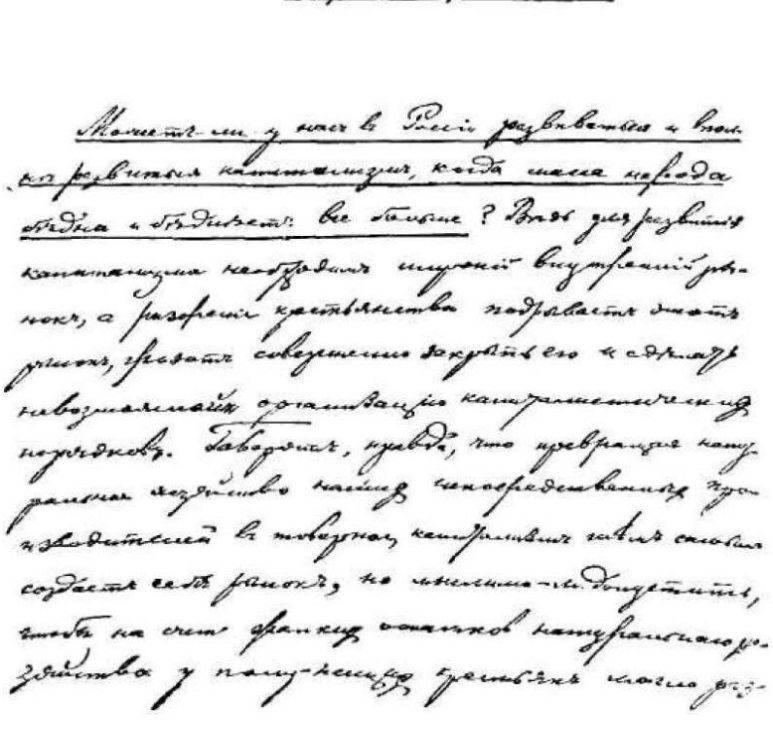
санные явления, является производство продукта на продажу. Основная причина возникновения в крестьянстве борьбы экономических интересов – существование таких порядков, при которых регулятором общественного производства является рынок.

Покончив с описанием «новых хозяйственных движений в крестьянской жизни» и с попыткой их объяснения, Постников переходит к изложению практических мероприятий, долженствующих разрешить «аграрный вопрос». Мы не последуем за автором в эту область, во-первых, потому, что это не входит в план предлагаемой статьи; во-вторых, потому, что эта часть сочинения Постникова – самая слабая. Последнее будет вполне понятно, если припомнить, что более всего противоречий и недомолвок встречалось у автора именно тогда, когда он пытался объяснить хозяйственные процессы, а без полного и точного объяснения их не может быть и речи об указании каких-нибудь практических мероприятий.

По поводу так называемого вопроса о рынках[14]

Написано осенью 1893 г. *Печатается по рукописи*

Впервые напечатано 7 ноября 1937 г. в журнале «Большевик» № 21



По поводу так-называемого вопроса о рынках.

Может ли у нас в России развиваться и вполне развить капитализм, когда масса народа бедна и бедствует все больше? Разве для развития капитализма необходим широкий внутренний рынок, а разорение крестьянства подрывает этот рынок, грозит совершенно закрыть его и сделать невозможным ограничение капиталистического производства. Говорят, будто, что превращение натурального хозяйства наличных непосредственных производителей в товарное, капиталистическое хозяйство создает себе рынок, но нельзя ли допустить, чтобы на счет фондов натурального хозяйства у потребителей, требовать какого-

Первая страница рукописи В. И. Ленина «По поводу так называемого вопроса о рынках». – 1893 г. (*Уменьшено*)

I

Может ли у нас в России развиваться и вполне развить-

ся капитализм, когда масса народа бедна и беднеет все больше? Ведь для развития капитализма необходим широкий внутренний рынок, а разорение крестьянства подрывает этот рынок, грозит совершенно закрыть его и сделать невозможной организацию капиталистических порядков. Говорят, правда, что, превращая натуральное хозяйство наших непосредственных производителей в товарное, капитализм тем самым создает себе рынок, но мыслимо ли допустить, чтобы на счет жалких остатков натурального хозяйства у полунищих крестьян могло развиться у нас то могучее капиталистическое производство, какое мы видим на Западе? Не ясно ли, что, вследствие одного уже обеднения массы, наш капитализм представляет из себя нечто бессильное и беспочвенное, неспособное охватить все производство страны и сделаться *основой* нашего общественного хозяйства?

Таковы вопросы, выдвигаемые сплошь да рядом нашей литературой против русских марксистов; соображение об отсутствии рынка является одним из главнейших доводов против применимости теории Маркса к России. Опровержению этого довода посвящен, между прочим, реферат *«Вопрос о рынках»,* разбором которого нам предстоит заняться.

II

Основной посылкой для референта служит предположение об «общем и исключительном господстве капиталисти-

ческого производства». Исходя из этой посылки, референт излагает содержание XXI главы II тома «Капитала» (Отдел 3-й – «Воспроизводство и обращение всего общественного капитала»).

Маркс ставит здесь себе задачей исследовать, каким образом общественное производство возмещает ту часть продукта, которая служит на удовлетворение личных нужд рабочих и капиталистов, и ту, которая служит для образования элементов производительного капитала. Поэтому, если в I томе, при исследовании производства и воспроизводства *индивидуального* капитала, можно было ограничиться анализом составных частей капитала и продукта по их стоимости – [стоимость продукта, как показано в I томе «Капитала», состоит из c (постоянного капитала) + v (переменного капитала) + m (прибавочной стоимости)], – то здесь уже необходимо принять во внимание разделение продукта по его материальному составу, потому что та часть продукта, которая состоит из элементов капитала, не может служить для личного потребления, и наоборот. Ввиду этого Маркс делит все общественное производство – а, следовательно, и весь общественный продукт, – на два подразделения: I) производство средств производства, т. е. элементов производительного капитала, – товаров, которые могут идти только на производительное потребление, и II) производство средств потребления, т. е. товаров, идущих на личное потребление класса рабочих и класса капиталистов.

В основу исследования берется следующая схема [арабские цифры означают единицы ценности – миллионы рублей, например, а римские – указанные подразделения общественного производства. Норма прибавочной стоимости берется в 100 %]:

14000 c +1000 ν +1000 m = 6000 (Капитал = 7500 Ί II
2000 c+500 ν+500 m =3000 \Продукт = 9000 J

Предположим сначала, что имеем дело с простым воспроизводством, т. е. допустим, что производство не расширяется, оставаясь постоянно в прежних размерах; это означает, что вся сверхстоимость[15] потребляется капиталистами непроизводительно, расходуется на личные нужды, а не на накопление. При этом условии очевидно, во-первых, что II 500 ν и II 500 m должны быть потреблены капиталистами и рабочими II-го же подразделения, потому что этот продукт существует в форме средств потребления, предназначенных на удовлетворение личных нужд. Далее, I 4000 c в своей натуральной форме должны быть потреблены капиталистами 1-го же подразделения, так как условие неизменности размеров производства требует сохранения к следующему году того же капитала для производства средств производства; следовательно, возмещение этой части капитала тоже не представляет никакой трудности: соответственная часть продукта, существующая в натуральной форме угля, железа, машин

и т. п., будет обменена между капиталистами, занимающимися производством средств производства, и послужит для них по-прежнему постоянным капиталом. Остаются, таким образом, I (ν + m) и II c. I 1000 ν + I 1000 m – продукт, существующий в форме средств производства, а II 2000 c – в форме средств потребления. Рабочие и капиталисты 1-го подразделения (при условии простого воспроизводства, т. е. потребления всей сверхстоимости) должны потребить средств потребления стоимостью в 2000 [1000 (ν) + 1000 (m)]. Капиталисты П-го подразделения, чтобы иметь возможность продолжать производство в прежних размерах, должны приобрести средств производства на 2000, чтобы возместить свой постоянный капитал (2000 II c). Ясно отсюда, что I ν + I m должны быть обменены на II c, потому что без этого невозможно производство в прежних размерах. Условием простого воспроизводства является равенство суммы переменного капитала и сверхстоимости 1-го подразделения с постоянным капиталом П-го подразделения: I (ν + m) = II c. Другими словами, можно формулировать этот закон так: сумма *всей вновь* произведенной в течение года стоимости (в обоих подразделениях) должна равняться валовой стоимости продукта, существующего в форме средств потребления: I (ν + m) + II (ν + m) = II (c + ν + m). В действительности, разумеется, простого воспроизводства быть не может как потому, что производство всего общества не может оставаться каждый год в прежних размерах, так и потому, что накоп-

ление является законом капиталистических порядков. Рассмотрим поэтому, каким образом происходит общественное производство в расширяющихся размерах или накопление. При накоплении только часть сверхстоимости потребляется капиталистами на личные нужды, другая же часть потребляется производительно, т. е. обращается в элементы производительного капитала для расширения производства. Поэтому при накоплении равенство между I (v + m) и II c невозможно: необходимо, чтобы I (v + m) было больше II c, для того чтобы часть сверхстоимости в I подразделении (I m) не была обменена на средства потребления, а послужила для расширения производства. Итак, получаем

А. *Схема простого воспроизводства:*
I 4000 c + 1000 v + 1000 m = 6000.
II 2000 c + 500 v + 500 m = 3000.
I (v + m) = II c.

Б. *Исходная схема для накопления:*
I 4000 c + 1000 v + 1000 m = 6000.
II 1500 c + 750 v + 750 m = 3000.
I (v + m) > II c.

Посмотрим теперь, каким образом должно идти общественное производство при условии накопления. Первый год.

I 4000 c + 1000 ν + 1000 m = 6000. Капитал = 7250
II 1500 c + 750 ν + 750 m = 3000. Продукт = 9000

I (1000 ν + 500 m) обмениваются на II 1500 c (как и при простом воспроизводстве). I 500 m накопляются, т. е. идут на расширение производства, превращаются в *капитал.* Если принять прежнее деление на постоянный и переменный капитал, то получим

I 500 m = 400 c + 100 ν.

Добавочный постоянный капитал (400 c) имеется в самом продукте I (его натуральная форма – средства производства); добавочный же переменный капитал (100 ν) должен быть получен от капиталистов II подразделения, которые, следовательно, тоже должны накоплять: они обменяют часть своей сверхстоимости (II 100 т) на средства производства (I 100 ν) и обратят эти средства производства в добавочный постоянный капитал. Следовательно, их постоянный капитал возрастет с 1500 c до 1600 c; для обработки его необходима добавочная рабочая сила – *50 ν,* — которые берутся опять-таки из сверхстоимости капиталистов II подразделения.

Присоединяя добавочный капитал в I и во II подразделениях к первоначальному, получаем такое распределение продукта:

I 4400 c + 1100 ν + (500 т) = 6000.
II 1600 c + 800 ν + (600 т) = 3000.

Поставленная в скобки сверхстоимость означает потребительный фонд капиталистов, т. е. ту часть сверхстоимости, которая идет не на накопление, а на личные нужды капиталистов.

Если производство будет идти по-прежнему, то в конце года получим:

$$\begin{array}{l} \text{I } 4400\ c + 1100\ \nu + 1100\ m = 6600 \\ \text{II } 1600\ c + 800\ \nu + 800\ m = 3200 \end{array} \left\{ \begin{array}{l} \text{Капитал} = 7900 \\ \text{Продукт} = 9800 \end{array} \right\}$$

I (1100 ν + 550 m) обмениваются на II 1650 c, причем добавочные 50 c берутся из 800 II m [причем увеличение *c* на 50 вызывает увеличение ν на 25]. Далее 550 I m накопляются по-прежнему:

550 Im = 440 c + ПО v

165 II m= 110c + 55v.

Присоединяя теперь к первоначальному капиталу добавочный [к I 4400 c – 440 c; к I 1100 v – 110 v. Ко II 1600 c – 50 c и 110 c; а ко II 800 v – 25 v – и 55 v], получаем:

I 4840 c + 1210 v + (550 m) = 6600.
II 1760 c + 880 v + (560 m) = 3200.

При дальнейшем движении производства получим

I 4840 c + 1210 v + 1210 m = 7260 ГКапитал = 8 690 ′I
II 1760 c + 880 v + 880 m = 3520 ^Продукт = 10 78o[

и так далее.

Вот – в существеннейших чертах – результаты исследований Маркса по вопросу о воспроизводстве всего общественного капитала. Исследования эти (необходимо оговориться) переданы здесь в самом сжатом виде; опущено очень многое, подробно анализируемое Марксом, – например, денежное обращение, возмещение основного капитала, снашивае-

мого постепенно и т. п., – потому что все это не имеет прямого отношения к рассматриваемому вопросу.

III

Какие же выводы делает референт из этих исследований Маркса? К сожалению, он не дает вполне точной и определенной формулировки своих выводов, так что приходится самому заключать о них по некоторым замечаниям, не вполне гармонирующим друг с другом. Так, например, мы читаем:

«Мы видели здесь, – говорит референт, – каким образом совершается накопление в I подразделении, в производстве средств производства для средств производства: … это накопление совершается независимо как от движения производства предметов потребления, так и от самого личного потребления, чье бы оно ни было» (лист $^{15}/_{3}$).

Конечно, говорить о «независимости» накопления от производства предметов потребления нельзя уже потому, что для расширения производства требуется новый переменный капитал, а, следовательно, и предметы потребления; автор, вероятно, хотел этим выражением просто оттенить ту особенность схемы, что воспроизводство 1с – постоянного капитала в I подразделении – происходит без обменов с II-м подразделением, т. е. каждогодно в обществе известная часть, скажем, угля производится для добычи угля же. Ра-

зумеется, это производство (угля для добычи угля) рядом последующих обменов свяжется с производством предметов потребления: – иначе бы не могли существовать ни углепромышленники, ни их рабочие.

В другом месте референт выражается уже значительно слабее: «*Главное* движение капиталистического накопления, – говорит он, – совершается и совершалось (за исключением весьма ранних периодов) независимо от каких-либо непосредственных производителей, независимо от личного потребления какого-либо слоя населения» (л. 8). Здесь уже указывается только на преобладание производства средств производства над производством предметов потребления в историческом развитии капитализма. Указание такое повторяется еще раз: «Если для капиталистического общества типично, с одной стороны, накопление для накопления, производительное потребление, но не личное, то, с другой стороны, для него *типично* именно производство средств производства для средств производства» (л. /г). Если автор этими указаниями хотел сказать то, что капиталистическое общество отличается от других, предшествующих ему экономических организаций, именно развитием машин и необходимых для них предметов (угля, железа и т. п.), то это совершенно верно. По высоте техники капиталистическое общество стоит выше всех других, а прогресс техники в том и выражается, что человеческий труд все более и более отступает на задний план перед трудом машин.

Вместо того, чтобы заниматься критикой недостаточно ясных заявлений референта, лучше поэтому обратиться прямо к Марксу и посмотреть, можно ли из его теории сделать вывод о «преобладании» 1-го подразделения над П-ым, и в каком смысле надо понимать это преобладание.

Из вышеприведенной схемы Маркса никакого вывода о преобладании 1-го подразделения над П-ым сделать нельзя: оба развиваются там параллельно. Но эта схема не принимает во внимание именно технического прогресса. Как это доказано Марксом в I томе «Капитала», технический прогресс выражается в том, что отношение переменного капитала к постоянному $\left(\frac{v}{\ }\right)$ постепенно уменьшается, между тем как в схеме это отношение принято за неизменное.

Понятно уже само собою, что если внести это изменение в схему, то получится более быстрое возрастание средств производства сравнительно с предметами потребления. Тем не менее, мне кажется, не лишним будет привести этот расчет, во-первых, для наглядности, а, во-вторых, для предупреждения возможных неправильных выводов из этой посылки.

[В нижеследующей таблице норма накопления принята неизменной: половина сверхстоимости накопляется и половина потребляется лично.]

[Нижеследующую схему можно опустить и перейти прямо

к выводам из нее на следующей странице. Буква *д.* означает добавочный капитал, идущий на расширение производства, т. е. накопляемую часть сверхстоимости.]

1-ый I 4000 c + 1000 v+1000 m = 6000 ..... v : (c + v) = 20,0%

год) II 1500 c + 750 v +750 m = 3000..... » » » 33,3%

I (1000 v +500 m) = 11 1500 c

д. 1500 m = 450 c+ 50 v..... » » » Vio

д. II60m = 50c+ 10 v..... » » » /6

I 4450 c + 1050 v + (500 m) = 6000 II

1550 c+ 760 v+ (690 m) = 3000

2-ой I 4450 c + 1050 v + 1050 m = 6550..... » » » 19,2%

год) II 1550 c+ 760 v+ 760 m = 3070..... » » » 32,9%

I(1050v + 525m)=II 1575 c

II (1550 c+ 25 m)

д. II 28 m = 25c+3v..... » » » ок. /9

д. 1525 m = 500 c+ 25 v ..... » » » ок. V2i

д. II 28 m = 25 c + 3v .....»

I 4950 c + 1075 v + (525 m) = 6550

II 1602 c + 766 v +(702 m) = 3070

3-ий I 4950 c + 1075 v+1075 m = 7100 ..... » » » 17,8%

год) II 1602 c + 766 v +766 m = 3134 ..... » » » 32,3%

I (1075 v + 537V2 m)= II 1612V_2 c

II (1602c + ЮТгт)

д. II llV$_2$ m = 10V$_2$ c + 1 v ..... » » » ок. Vi2

д. I537$^1/_2$m = 517$^1/_2$c+20v ..... » » » ок. V$_{26}$

д. II22m = 20c + 2v..... » » » l_n

I 546772 c + 1095 v +(53772 m) = 7100 II

163472 c + 769 v +(73072 m) = 3134

4-ый I 546772 c + 1095 v+1095 m = 76577$_2$.....» » » 16,7%

год) II 163472 c+ 769 v+ 769 m = 31727$_2$ .....» » » 32,0%

и так далее[16].

Сопоставим теперь выводы из этой схемы относительно возрастания различных частей общественного продукта[17]:

	Средства производства для средств производства	в%	Средства производства для средств потребления	в%	Средства потребления	в%	Весь общественный продукт	в%
1-ый год	4 000	100	2 000	100	3 000	100	9 000	100
2-ой год	4 450	111,25	2 100	105	3 070	102	9 620	107
3-ий год	4 950	123,75	2 150	107,5	3 134	104	10 234	114
4-ый год	5 467V_2	136,7	2 190	109,5	3 172	106	10 828V_2	120

Мы видим таким образом, что всего быстрее возрастает производство средств производства для средств производства, затем производство средств производства для средств потребления и всего медленнее производство средств потребления. К этому выводу можно бы было прийти и без исследований Маркса во II томе «Капитала» на основании того закона, что постоянный капитал имеет тенденцию возрастать быстрее переменного: положение о быстрейшем возрастании средств производства есть простая перефразировка этого закона применительно ко всему общественному производству.

Но, может быть, следует сделать еще шаг дальше? Если мы принимали, что отношение v к $c + v$ постоянно уменьшается, то почему не принять, что v становится равным нулю, что то же количество рабочих остается достаточным для большего количества средств производства? Тогда накопляемая часть сверхстоимости будет прямо присоединяться к постоянному капиталу в I подразделении, и рост общественного производства пойдет исключительно на счет средств производства для средств производства при полном застое П-го подразделения[20].

---

[20] Я не хочу сказать, чтобы подобное явление было абсолютно невозможно, как отдельный случай. Но ведь здесь речь идет не о казусах, а об общем законе развития капиталистического общества. В пояснение покажу на схеме, о чем идет речь:I 4000 c + 1000 v + 1000 m = 6000II 1500 c + 750 v + 750 m = 3000 I (1000 v + 500 m) = II 1500 c I 500 m накопляются, присоединяясь к 14000 c:I 4500

Разумеется, это было бы уже злоупотребление схемами, потому что такой вывод основан на невероятных предположениях и потому неправилен. Допустимо ли, что прогресс техники, уменьшающий отношение *v к c,* выразится только в I подразделении, оставив П-ое в полном застое? Сообразно ли с законами капиталистического общества, *требующего* от каждого капиталиста расширения предприятия под угрозой гибели, чтобы во П-ом подразделении совершенно не происходило накопления?

Итак, единственно правильным выводом, который можно сделать из вышеизложенных исследований Маркса, будет тот, что *в капиталистическом обществе производство средств производства возрастает быстрее, чем производство средств потребления.* Как уже сказано, вывод этот – прямое следствие того общеизвестного положения, что капиталистическое производство создает неизмеримо более высоко развитую технику сравнительно с прежними временами[21]. Маркс – специально по этому вопросу – только в одном месте высказывается с полной определенностью, и это

---

c + 1000 v + (500 m) = 6000II 1500 c + 750 v + 750 m = 3000I 4500 c + 1000 v + 1000 m = 6500II 1500 c + 750 v + 750 m = 3000 I (1000 v + 500 m) = II 1500 c I 500 m накопляются по-прежнему и т. д.

[21] Поэтому изложенный вывод можно формулировать еще несколько иначе: в капиталистическом обществе рост производства (а следовательно, и «рынка») может идти либо на счет возрастания предметов потребления, либо – и это – главным образом – на счет прогресса техники, т. е. вытеснения ручного труда машинным, – так как изменение отношения v к c и выражает собой именно уменьшение роли ручного труда.

место вполне подтверждает правильность сделанной формулировки:

«Отличие капиталистического общества от дикарей состоит не в том, в чем его видит Сениор, – будто привилегией и особенностью именно дикаря является такое расходование своего труда, которое не дает ему никаких продуктов, могущих превратиться в доход, т. е. в средства потребления, – а отличие состоит в том, что

а) капиталистическое общество расходует больше [Nota bene[22]] находящегося в его распоряжении годового рабочего времени на производство средств производства (ergo[23] – постоянного капитала), которые не могут сделаться доходом ни в форме заработной платы, ни в форме сверхстоимости, но могут функционировать только в качестве капитала» («Das Kapital», II Bd., Seite 436[24{130}]).

IV

Спрашивается теперь, какое же отношение имеет изложенная теория к «пресловутому вопросу о рынках»? Ведь она исходит из предположения об «общем и исключительном господстве капиталистического способа производства»,

---

[22] Заметьте. – *Ред*

[23] Следовательно. – *Ред*.

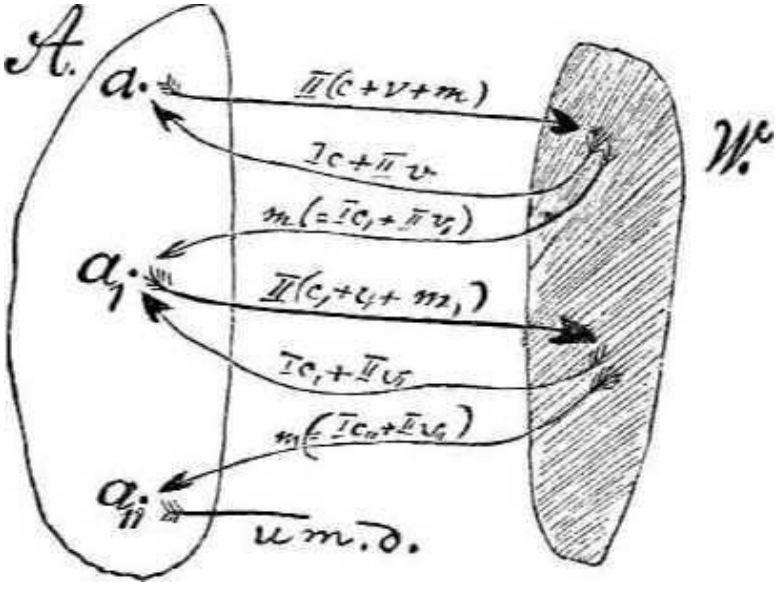
[24] «Капитал», т. II, стр. 436.{130} – *Ред*.

{130} См. К. Маркс. «Капитал», т. II, 1955, стр. 439.

а «вопрос» в том и состоит, «возможно ли» в России полное развитие капитализма. Правда, эта теория вносит поправку в обычное представление о развитии капитализма, но очевидно, что уяснение того, как развивается капитализм *вообще,* нимало еще не подвигает вперед вопроса о «возможности» (и необходимости) развития капитализма в России.

Референт, однако, не ограничивается изложением теории Маркса о ходе всего общественного производства, организованного капиталистически. Он указывает на необходимость отличать «два *существенно различных* момента в накоплении капитала: 1) развитие капиталистического производства вширь, когда оно захватывает уже готовые сферы труда, вытесняя собой натуральное хозяйство, и расширяется на счет последнего; и 2) развитие капиталистического производства, если можно так выразиться, вглубь, когда расширение его происходит независимо от натурального хозяйства, т. е. при общем и исключительном господстве капиталистического способа производства». Не вдаваясь пока в критику этого разделения, перейдем прямо к рассмотрению того, что разумеет автор под развитием капитализма вширь: выяснение этого процесса, состоящего в замене натурального хозяйства капиталистическим, должно показать нам, каким образом русский капитализм «охватит всю страну».

Референт иллюстрирует развитие капитализма вширь следующей схемой:



A – капиталисты; *W* – непосредственные производители. a, ai ац – капиталистические предприятия. Стрелки указывают на движение обмениваемых товаров. c, v, m – составные части стоимости товаров. I, II – натуральная форма товаров: I – средства производства; II – средства потребления.

«Существенное отличие мест A и W, – говорит референт, – состоит в том, что в A – производители – капиталисты, которые потребляют свою сверхстоимость производительно, а в W – непосредственные производители, которые

свою сверхстоимость (я разумею здесь излишек ценности продукта над стоимостью средств производства и необходимых средств пропитания) потребляют непроизводительно.

Последуем по схеме за стрелками и легко увидим, как развивается капиталистическое производство в А на счет потребления в W, захватывая его постепенно». Продукт капиталистического предприятия *a* отправляется «непосредственным производителям» в форме предметов потребления; в обмен на него «непосредственные производители» возвращают постоянный капитал (c) в форме средств производства и переменный капитал (v) в форме средств потребления, а сверхстоимость (m) в форме элементов дополнительного производительного капитала: c ι + vi. Этот капитал служит для основания нового капиталистического предприятия ai которое точно так же посылает свой продукт в форме предметов потребления «непосредственным производителям» и так далее. «Из приведенной схемы развития капитализма вширь следует, что все производство находится в теснейшей зависимости от потребления на «внешних» рынках, потребления масс (причем с общей точки зрения решительно все равно, где находятся эти массы, – под боком ли у капиталистов или где-нибудь за океаном). Очевидно, что расширение производства в *A,* т. е. развитие капитализма в этом направлении, окончится, как только все непосредственные производители в *W* обратятся в товаропроизводителей, ибо, как мы видели выше, каждое новое предприятие (или

расширение старого) рассчитано на новый круг потребителей *W*. Ходячее представление, – говорит в заключение референт, – о капиталистическом накоплении, т. е. о капиталистическом воспроизводстве в расширенных размерах, только подобным взглядом на вещи и ограничивается, не подозревая о развитии капиталистического производства вглубь, независимо от каких бы то ни было стран с непосредственными производителями, т. е. независимо от так называемых внешних рынков».

Из всего изложенного можно согласиться только с тем, что представление это о развитии капитализма вширь и иллюстрирующая его схема находится в полнейшем соответствии с ходячими, народническими воззрениями на предмет.

В самом деле, трудно рельефнее и нагляднее изобразить всю нелепость и бессодержательность ходячих воззрений, чем это сделано в приведенной схеме.

«Ходячее представление» всегда смотрело на наш капитализм как на нечто оторванное от «народного строя», стоящее в стороне от него, – точь-в-точь так, как это изображено в схеме: из нее совершенно не видно, в чем состоит связь двух «мест», капиталистического и народного. Почему товары, отправляемые из *A*, находят себе сбыт в *W?* чем вызывается превращение натурального хозяйства в *W* в товарное? Ходячее воззрение никогда не давало ответа на эти вопросы, смотря на обмен как на какую-то случайность, а не как на известную *систему хозяйства.*

Далее, ходячее воззрение никогда не давало *объяснения* тому, откуда и каким образом возник наш капитализм – точно так же, как не объясняет этого и схема: дело представляется так, как будто капиталисты извне откуда-то пришли, а не из среды тех же «непосредственных производителей». Остается непонятным, откуда добывают себе капиталисты «свободных рабочих», необходимых для предприятий a, ai и т. д. Всякий знает, что в действительности рабочие эти берутся именно из «непосредственных производителей», но из схемы нимало не видно, чтобы товарное производство, охватывая «место» *W,* создавало там контингент свободных рабочих.

Одним словом, схема эта – точь-в-точь как и ходячее воззрение – ровно ничего не объясняет в явлениях наших капиталистических порядков и потому никуда не годится. Та цель, ради которой она составлена, – пояснение того, как капитализм развивается на счет натурального хозяйства, охватывая всю страну, – совершенно ею не достигается, потому что, как это видит и сам референт, – «если последовательно держаться разбираемого воззрения, то необходимо заключить, что до повсеместного развития капиталистического способа производства дело дойти никак не может».

Остается только удивляться после этого, что автор, хотя бы и отчасти, примыкает сам к этому воззрению, говоря, что «капитализм действительно (?) развивался в периоды своего

младенчества таким легчайшим (sic!?[25]) способом (легчайшим потому, что здесь захватываются готовые отрасли труда), отчасти он развивается в этом направлении и теперь (??), поскольку на земном шаре еще имеются остатки натурального хозяйства и поскольку увеличивается население».

На самом деле, это – не «легчайший» способ развития капитализма, а просто-напросто – «легчайший способ понимания» процесса, настолько «легчайший», что вернее назвать его полным непониманием. Российские народники всяческих оттенков и по сю пору пробавляются этими «легчайшими» приемами: не помышляя никогда о том, чтобы *объяснить,* каким образом возник наш капитализм и каким образом он функционирует, они ограничиваются сопоставлением «больного места» наших порядков, капитализма, с «здоровым» – непосредственными производителями, «народом»; первое ставится ошую, второе – одесную, и все глубокомыслие завершается сентиментальными фразами о том, что «вредно» и что «полезно» для «человеческого общежития».

V

Чтобы исправить вышеприведенную схему, необходимо начать с выяснения содержания тех понятий, о которых идет речь. Под товарным производством разумеется такая орга-

[25] Так!? – *Ред.*

низация общественного хозяйства, когда продукты производятся отдельными, обособленными производителями, причем каждый специализируется на выработке одного какого-либо продукта, так что для удовлетворения общественных потребностей необходима купля-продажа продуктов (становящихся в силу этого товарами) на рынке. Под капитализмом разумеется та стадия развития товарного производства, когда товаром становятся уже не только продукты человеческого труда, но и самая рабочая сила человека. Таким образом, в историческом развитии капитализма важны два момента: 1) превращение натурального хозяйства непосредственных производителей в товарное и 2) превращение товарного хозяйства в капиталистическое. Первое превращение совершается в силу того, что появляется общественное разделение труда – специализация обособленных [NB: это – непременное условие товарного хозяйства], отдельных производителей по занятию одной только отраслью промышленности. Второе превращение совершается в силу того, что отдельные производители, производя каждый особняком товары на рынок, становятся в отношение конкуренции: каждый стремится дороже продать, дешевле купить, и необходимым результатом является усиление сильного и падение слабого, обогащение меньшинства и разорение массы, ведущее к превращению самостоятельных производителей в наемных рабочих и многих мелких заведений в немногие крупные. Таким образом, схема должна быть составлена так, чтобы по-

казать оба эти момента в развитии капитализма и те изменения, которые производит это развитие в величине рынка, т. е. в количестве продуктов, превращающихся в товары.

Нижеследующая схема и составлена по этому плану: абстрагированы все посторонние обстоятельства, т. е. приняты за неизменные (например, количество населения, производительность труда и многое другое), чтобы проанализировать влияние на рынок *одних только* указанных моментов развития капитализма.

	Производители	Производство				Натуральное потребление
		Отрасли промышленности			Всего	
		a	*b*	*c*		
	I	a	b	c	9	9
1.	II	a	b	c	9	9
	III	a	b	c	9	9
	IV	a	b	c	9	9
	V	a	b	c	9	9
	VI	a	b	c	9	9
	Итог	6a	6b	6c	54	54
	I	a	—	2c	9	6
3.	II	a	2b	—	9	6
	III	a	—	2c	9	6
	IV	a	2b	—	9	6
	V	a	—	2c	9	6

Рынок		Производители	Производство				Натуральное потребление	Рынок	
			отрасли промышленности			всего			
Продает	Покупает		a	b	c			Продает	Покупает
—	—	I	a	—	2c	9	6	3	3
—	—	II	a	$^6/_5$b	$^4/_5$c	9	$8^2/_5$	$^3/_5$	$^3/_5$
—	—	III	a	$^6/_5$b	$^4/_5$c	9	$8^2/_5$	$^3/_5$	$^3/_5$
—	—	IV	a	$^6/_5$b	$^4/_5$c	9	$8^2/_5$	$^3/_5$	$^3/_5$
—	—	V	a	$^6/_5$b	$^4/_5$c	9	$8^2/_5$	$^3/_5$	$^3/_5$
—	—	VI	a	$^6/_5$b	$^4/_5$c	9	$8^2/_5$	$^3/_5$	$^3/_5$
—	—	*Итог*	6a	6b	6c	54	48	6	6
3	3	I	a		6c	21	10	11	3 (+8 р. с.)
3	3	II	a	—	—	3	3	(4 р. с.)	4
3	3	III	a	—	—	3	3	(4 р. с.)	4
3	3	IV	a	6b	—	21	10	11	3 (+8 р. с.)
3	3	V	a	—	—	3	3	(4 р. с.)	4
3	3	VI	a	—	—	3	3	(4 р. с.)	4
18	18	*Итог*	6a	6b	6c	54	32	22 (+16 р. с.)	22 (+16 р. с.)
13	3 (+10 р. с.)	I	6a	—	—	18	6	12	6 (+6 р. с.)
(5 р. с.)	5	II	—	—	—	—	—	(6 р. с.)	6
(5 р. с.)	5	III	—	6b	—	18	6	12	6 (+6 р. с.)
13	3 (+10 р. с.)	IV	—	—	—	—	—	(6 р. с.)	6
(5 р. с.)	5	V	—	—	6c	18	6	12	6 (+6 р. с.)

Пояснения к схеме:

I – П… – VI – производители.

а, 6, с – отрасли промышленности (например, земледелие, промышленность добывающая и обрабатывающая).

а = b = с = 3. Величина стоимости продуктов *a* = *b* = *c* равна 3 (трем единицам стоимости), из которых *1* приходится на сверхстоимость[26].

В графе «рынок» означается величина стоимости продаваемых (и покупаемых) *продуктов;* в скобках поставлена величина стоимости продаваемой (и покупаемой) рабочей силы (= р. с).

Стрелки, идущие от одного производителя к другому, означают, что 1-ый состоит наемным рабочим у второго.

Предполагается *простое воспроизводство:* вся сверхстоимость потребляется капиталистами непроизводительно.

Разберем теперь эту схему, показывающую последовательные изменения в системе хозяйства общины, состоящей из 6-ти производителей. В схеме приведены 6 периодов, выражающих стадии превращения натурального хозяйства в капиталистическое.

1-ый период. Имеем 6 производителей, из которых каждый расходует свой труд во всех 3-х отраслях промышлен-

---

[26] Та часть стоимости, которая возмещает постоянный капитал, принята за неизменную и поэтому откинута.

ности (в а, в *Ъ* и в *с*). Получаемый продукт (9 у каждого производителя: а + b + с = 9) тратится на себя в своем же хозяйстве. Поэтому мы имеем чистый вид натурального хозяйства; на рынок продукты не поступают совершенно.

Период 2-ой. Производитель 1-ый изменяет производительность своего труда: он оставляет промышленность *b* и тратит время, прежде употреблявшееся на эту отрасль промышленности, на промышленность с. В силу такой специализации одного производителя, остальные сокращают производство *с,* так как 1-ым хозяином произведен излишек против собственного потребления, и усиливают производство *Ъ,* чтобы произвести продукт для 1-го производителя. Появившееся разделение труда неизбежно ведет к товарному производству: 1-ый производитель продает 1 с и покупает 1 Ь, остальные производители продают 1 b (каждый из 5 по /5 Ь) и покупают 1 с (каждый по /5 с); на рынок поступает количество продукта стоимостью в *6.* Величина рынка в точности соответствует степени специализации общественного труда: специализировалось производство одного *с* (1 с = 3), и одного *Ъ* (1 b = 3), т. е. одной девятой части всего общественного производства [18 с (= а = Ь)], и на рынок поступила *1/э* всего общественного продукта.

Период 3-ий. Разделение труда подвигается дальше, вполне охватывая отрасли промышленности *b и с:* трое производителей занимаются только промышленностью 6, трое – только промышленностью *с.* Каждый продает 1 с (или 1 Ь),

т. е. 3 единицы стоимости, и покупает тоже 3–1 b (или 1 c). Это усиление разделения труда ведет к возрастанию рынка, на который поступает теперь уже 18 единиц стоимости. Величина рынка опять-таки в точности соответствует степени специализации (= разделения) общественного труда: специализировалось производство 3 *Ъ* и 3 c, т. е. /з общественного производства, и на рынок поступает $^{1}/_{3}$ общественного продукта.

Период 4-ый изображает уже капиталистическое производство: процесс преобразования товарного производства в капиталистическое не вошел в схему и потому должен быть отдельно описан.

В предыдущем периоде каждый производитель являлся уже товаропроизводителем (в областях промышленности *Ъ не, о* которых только и идет речь): каждый производил отдельно, особняком, независимо от других производителей, производил на рынок, величина которого не была, разумеется, известна ни одному из них. Это отношение обособленных производителей, работающих на общий рынок, называется конкуренцией. Понятно само собою, что равновесие между производством и потреблением (предложением и спросом), при этих условиях, достигается только рядом колебаний. Более искусный, предприимчивый, сильный производитель усилится еще более вследствие этих колебаний, – слабый и неискусный будет раздавлен ими. Обогащение немногих личностей и обнищание массы – таковы неизбежные

следствия закона конкуренции. Дело кончается тем, что разорившиеся производители теряют хозяйственную самостоятельность и поступают наемными рабочими в расширенное заведение своего счастливого соперника. Именно это положение и изображено в схеме. Отрасли промышленности Ъ и с, распределенные раньше между всеми 6 производителями, теперь концентрировались в руках 2-х производителей (1-го и IV-го). Остальные производители работают у них по найму, получая уже не весь продукт своего труда, а без сверхстоимости, присваиваемой хозяином [напомню, что сверхстоимость, по предположению, равна /з продукта, так что производящий 2 Ъ (= 6) получит от хозяина /з – т. е. 4]. В результате получаем усиление разделения труда – и возрастание рынка, на который поступает уже 22, несмотря на то, что «масса» «обеднела»: – производители, сделавшиеся (отчасти) наемными рабочими, получают всего продукта уже не по 9, а только по 7, – 3 получает он от самостоятельного хозяйства (земледельческого – промышленность а) и 4 от наемного труда (от производства 2 Ъ или 2 *с*). Эти производители, являющиеся уже более наемными рабочими, чем самостоятельными хозяевами, потеряли возможность нести на рынок какой бы то ни было продукт своего труда, потому что разорение отняло у них средства производства, необходимые для выработки продукта. Им пришлось прибегать к «заработкам», т. е. нести на рынок свою рабочую силу и на полученные от продажи этого нового товара деньги покупать

необходимый для себя продукт.

Из схемы видно, что производители II и III, V и VI продают каждый рабочей силы на 4 единицы стоимости и покупают на ту же сумму предметов потребления. Что касается до производителей – капиталистов, 1-го и IV-го, то каждый из них производит продукта на 21; из этого он сам потребляет 10 [3 (= а) + 3 (= с или t>) + 4 (сверхстоимость от 2 с или 2 *Ь*)] и продает 11; покупает же он товаров на 3 (*с* или *Ъ*) + 8 (рабочая сила).

В этом случае, необходимо заметить, мы не получаем абсолютного соответствия между степенью специализации общественного труда (специализировалось производство 5 *Ъ* и 5 с, т. е. на сумму 30) и величиной рынка (22), – но эта неправильность схемы зависит от принятия простого воспроизводства[27], т. е. отсутствия накопления, почему и оказалось, что сверхстоимость, отбираемая у рабочих (по 4 – каждым капиталистом), потребляется вся *натурой.* Так как отсутствие накопления невозможно в капиталистическом обществе, то ниже будет сделана соответствующая поправка.

Период 5-ый. Разложение товаропроизводителей распространилось и на земледельческую промышленность (а): наемные рабочие не могли продолжать хозяйства, работая главным образом в чужих промышленных заведениях, и разорились: у них остались только жалкие остатки земледель-

[27] Это относится равным образом и к 5-му и к 6-му периодам.

ческого хозяйства, в размере $^{1}1_{2}$ прежнего количества (которое, по нашему предположению, было как раз достаточно на покрытие нужд семьи) – точно так же, как теперешние посевы громадной массы наших крестьян – «земледельцев» представляют из себя только жалкие крохи самостоятельного земледельческого хозяйства. Промышленность *а* начала точно так же концентрироваться в незначительное число крупных заведений. Так как наемные рабочие теперь не в состоянии уже обойтись своим хлебом, то заработная плата, понижавшаяся самостоятельным земледельческим хозяйством рабочих, повышается, давая рабочему денежные средства на покупку хлеба (хотя и в меньшем количестве, чем потреблял он, будучи сам хозяином): теперь рабочий сам производит $\backslash^{1}1_{2}$ (= $^{l}l_{2}$ а) и прикупает 1, получая всего 2 /г, вместо прежних 3 (=а). Хозяева – капиталисты, присоединившие к своим промышленным заведениям расширенное земледельческое хозяйство, производят теперь по 2 а (=6), из которых 2 переходит рабочим в виде заработной платы, а 1 (7 г а) – сверхстоимость – достается им. Развитие капитализма, изображаемое этой схемой, сопровождается «обеднением» «народа» (рабочие потребляют всего уже только по $6^{1}/_{2}$, а не по 7, как в 4 периоде) и возрастанием рынка, на который поступает уже 26. «Упадок земледельческого хозяйства» у большинства производителей вызвал не сокращение, а увеличение рынка земледельческих продуктов.

Период 6-ой. Завершение специализации занятий, т. е. разделения общественного труда. Все отрасли промышленности отделились и стали специальностью отдельных производителей. Наемные рабочие совершенно потеряли самостоятельное хозяйство и существуют уже исключительно наемным трудом. Результат опять тот же: развитие капитализма [самостоятельное хозяйство на себя вытеснено окончательно], «обеднение массы» [хотя заработная плата и возросла, но потребление понизилось у рабочих с б7 г до 6: они производят по *9* (За, ЗЬ, Зс) и отдают $^{1}/_{3}$ хозяину, как сверхстоимость] и дальнейший рост рынка, на который поступает теперь уже $^{2}/_{3}$ общественного продукта (36).

VI

Подведем теперь выводы, вытекающие из приведенной схемы.

Первый вывод состоит в том, что понятие «рынка» совершенно неотделимо от понятия общественного разделения труда, – этого, как Маркс говорит, «общего основания всякого товарного [а следовательно, – добавим от себя – и капиталистического] производства». «Рынок» является там и постольку, где и поскольку появляется общественное разделение труда и товарное производство. Величина рынка неразрывно связана с степенью специализации общественного труда.

«Товар приобретает всеобщую, общественно-признанную эквивалентную форму только в качестве денег, а деньги находятся в чужом кармане. Чтобы извлечь их оттуда, товар должен быть прежде всего потребительной стоимостью для владельца денег, и, следовательно, труд, потраченный на производство этого товара, должен быть израсходован в общественно-полезной форме, другими словами, *должен явиться членом общественного разделения труда.* Но разделение труда представляет из себя естественно выросший производственный организм, ткани которого сплетались и продолжают сплетаться за спиной товаропроизводителей. Возможно, что товар является продуктом нового вида труда, предназначенного удовлетворять вновь возникшую потребность или своим появлением впервые создать новую потребность. *Какое-нибудь особое действие в процессе труда, – вчера еще бывшее одной из многих функций одного и того же товаропроизводителя, – сегодня, может быть, отрывается от этого процесса, становится самостоятельным и, именно в силу этого, посылает свой частичный продукт в качестве самостоятельного товара на рынок»* («Das Kapital», I Bd., S. 85[28{131}]. Курсив мой).

Таким образом, пределы развитию рынка, при существовании капиталистического общества, ставятся пределами специализации общественного труда. А специализация эта,

---

[28] «Капитал», т. I, стр. 85.{131} – *Ред.*

{131} См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 113.

по самому существу своему, бесконечна – точно так же, как и развитие техники. Для того, чтобы повысилась производительность человеческого труда, направленного, например, на изготовление какой-нибудь частички всего продукта, необходимо, чтобы производство этой частички специализировалось, стало особым производством, имеющим дело с массовым продуктом и потому допускающим (и вызывающим) применение машин и т. п. Это с одной стороны. А с другой стороны, прогресс техники в капиталистическом обществе состоит в обобществлении труда, а это обобществление необходимо требует специализации различных функций процесса производства, превращения их из раздробленных, единичных, повторяющихся особо в каждом заведении, занятом этим производством, – в обобществленные, сосредоточившиеся в одном, новом заведении и рассчитанные на удовлетворение потребностей всего общества. Приведу пример.

«За последнее время в Северо-Американских Штатах деревообрабатывающие заводы все более и более специализируются, «возникают заводы для выделки, например, исключительно топорищ, или метельных ручек, или раздвижных столов… Машинное дело безостановочно подвигается вперед, постоянно изобретаются новые машины, упрощающие и удешевляющие известную сторону производства… Каждая отрасль, например, мебельного дела обратилась в специальность, требует особых машин и особых рабочих… В экипаж-

ном деле колесные ободья производятся на особых заводах (Миссури, Арканзас, Тенесси), колесные спицы в Индиане и Огайо, ступицы опять-таки на специальных заводах Кентукки и Иллинойса. Все эти отдельные части покупаются особыми заводами, которых специальность – целые колеса. Таким образом целый десяток заводов участвует в изготовлении какого-нибудь дешевого экипажа» (г. Тверской: «Десять лет в Америке». «Вестник Европы», 1893, 1. – Цитирую по Ник.—ону, стр. 91, прим. 1).

Отсюда видно, до какой степени неправильным является утверждение, будто рост рынка в капиталистическом обществе, вызываемый специализацией общественного труда, должен окончиться, как только все натуральные производители превратятся в товаропроизводителей. Русское экипажное производство давно уже превратилось в товарное, но какие-нибудь колесные ободья производятся все еще в каждом экипажном (или колесном) заведении отдельно; техника низка, производство раздроблено между массой производителей. Прогресс техники должен повести за собой специализацию различных частей производства, обобществление их и, следовательно, увеличение рынка.

Здесь следует оговориться. Все изложенное нимало не ведет к отрицанию того положения, что капиталистическая нация не может существовать без внешних рынков. При капиталистическом производстве равновесие производства с потреблением достигается только рядом колебаний; чем круп-

нее производство, чем более широк круг потребителей, на которых оно рассчитано, тем сильнее эти колебания. Понятно поэтому, что когда буржуазное производство достигло высокой степени развития, ему уже невозможно удержаться в рамках национального государства: конкуренция вынуждает капиталистов все расширять производство и отыскивать себе внешних рынков для массового сбыта продукта. Очевидно, что необходимость внешних рынков для капиталистической нации так же мало нарушает тот закон, что рынок есть простое выражение общественного разделения труда при товарном хозяйстве и что, следовательно, он может расти так же бесконечно, как и разделение труда, – как мало кризисы нарушают закон стоимости. Печалования о рынках появились в русской литературе только тогда, когда капиталистическое производство наше в известных своих отраслях (например, хлопчатобумажная промышленность) достигло полного развития, охватило почти весь внутренний рынок, сложилось в немногие громадные предприятия. Что материальным основанием толков и «вопросов» о рынках являются именно интересы нашей крупной капиталистической промышленности, – лучшим доказательством этому служит тот факт, что никто еще в нашей литературе не пророчил гибели нашей кустарной промышленности вследствие исчезновения «рынков», хотя кустарная промышленность производит ценностей более чем на миллиард рублей и работает на тот же самый обнищавший «народ». Вопли о гибели нашей

промышленности по недостатку рынков – не что иное, как сшитый белыми нитками маневр наших капиталистов, которые таким образом производят давление на политику, отождествляют (в скромном сознании своего «бессилия») интересы своего кармана с интересами «страны» и оказываются способными толкнуть правительство на путь завоевательной колониальной политики, вовлечь даже его в войну, ради охранения таких «государственных» интересов. Нужна именно вся бездонная пропасть народнического утопизма и народнической наивности, чтобы принимать вопли о рынках – эти крокодиловы слезы вполне окрепшей и успевшей уже зазнаться буржуазии – за доказательство «бессилия» нашего капитализма!

Второй вывод состоит в том, что «обеднение массы народа» (этот непременный член всех народнических рассуждений о рынке) не только не препятствует развитию капитализма, а напротив, именно выражает собой его развитие, является условием капитализма и усиливает его. Для капитализма нужен «свободный рабочий», и обеднение в том и состоит, что мелкие производители превращаются в наемных рабочих. Это обеднение массы сопровождается обогащением немногих эксплуататоров, разорение и упадок мелких заведений сопровождается усилением и развитием более крупных; оба процесса содействуют возрастанию рынка: «обедневший» крестьянин, существовавший прежде своим хозяйством, теперь живет «заработками», т. е. продажей своей ра-

бочей силы; ему приходится теперь покупать себе необходимые предметы потребления (хотя бы и в меньшем количестве и худшего качества); с другой стороны, те средства производства, от которых освобождается этот крестьянин, концентрируются в руках меньшинства, превращаются в *капитал,* и произведенный продукт поступает уже на рынок. Только этим и объясняется то явление, что массовая экспроприация нашего крестьянства в пореформенную эпоху сопровождалась не уменьшением, а увеличением валовой производительности страны[29] и возрастанием внутреннего рынка: общеизвестен факт, что громадно увеличилось производство крупных фабрик и заводов, что значительно распространились кустарные промыслы – и те и другие работают

---

[29] Спорным может показаться это только разве по отношению к земледельческой промышленности. «Хлебное производство находится в абсолютном застое», – говорит, например, г. Н.—он. Он делает этот вывод, основываясь на данных только за 8 лет (1871–1878 гг.). Посмотрим на данные о более продолжительном периоде: 8-летний, разумеется, слишком мал. Сравним данные за 60-е годы. [«Военно-стат. сборник», 1871], 70-е [данные Н.—она] и 80-е [«Сборник сведений о России», 1890]. Данные относятся к 50 губерниям Европейской России и обнимают все хлеба, включая картофель.

Средние годовые за	Посеяно		Собрано		Урожай сам	Население (тысячи)	
	тысяч ч		етвертей (за выч. семян)				
1864—1866 гг. (3)	71696	100	151 840	100	3,12	21 г.)	100 (1867
1871—1878 гг. (8)	71 378	99,5	195 024	128,4	3,73	594 г.)	124,7 (1876
1883—1887 гг. (5)	80 293	111,9	254 914	167,8	4,17	395 г.)	139,0 (1886

главным образом на внутренний рынок, – равным образом увеличилось и количество хлеба, обращавшегося на внутренних рынках (развитие хлебной торговли внутри страны).

Третий вывод – о значении производства средств производства – требует внесения поправки в схему. Как уже было замечено, схема эта отнюдь не претендует на изображение всего процесса развития капитализма, но только на изображение того, как отражается на рынке смена натурального хозяйства товарным и этого последнего капиталистическим. Поэтому там и было абстрагировано накопление. Между тем в действительности капиталистическое общество не может существовать, не накопляя, так как конкуренция вынуждает каждого капиталиста, под угрозой разорения, расширять производство. Такое расширение производства было изображено и в схеме: 1-й производитель, например, в течение промежутка между 3-им и 4-ым периодами расширил свое производство *c* втрое: с 2 с до 6 с; прежде он один работал в заведении, – теперь с двумя наемными рабочими. Ясно, что это расширение производства не могло произойти без накопления: требовалась постройка особой мастерской на нескольких человек, приобретение орудий производства в большем размере, закупка сырья в большем количестве и мн. др. То же самое применимо и к IV-му производителю, расширившему производство *Ъ*. Это расширение отдельных заведений, концентрация производства необходимо должна была вызвать (или усилить – это все равно) производство

средств производства для капиталистов: машин, железа, угля и т. п. Концентрация производства повысила производительность труда, заменила ручной труд машинным и выбросила вон известное число рабочих. С другой стороны, развивалось и производство этих машин и других средств производства, обращаемых капиталистами в постоянный капитал, начинающий теперь возрастать быстрее переменного. Если бы сравнить, например, период 4-ый с 6-ым, то получилось бы возрастание производства средств производства в 1 /г раза (так как в 1-ом случае – 2 капиталистических предприятия, требующих увеличения постоянного капитала, а в последнем – 3): сравнивая это возрастание с ростом производства предметов потребления, мы получили бы то самое быстрейшее возрастание производства средств производства, о котором говорено было выше.

Весь смысл и все значение этого закона о быстрейшем возрастании средств производства в том только и состоит, что замена ручного труда машинным, – вообще прогресс техники при машинной индустрии, – требует усиленного развития производств по добыче угля и железа, этих настоящих «средств производства для средств производства». Что референт не понял смысла этого закона и за схемами, изображающими процесс, просмотрел действительное содержание процесса, это ясно видно из такого его заявления: «На сторонний взгляд такое производство средств производства для средств производства кажется совершенно нелепым, но

ведь и [sic!] плюшкинское собирание денег для денег было процессом тоже (?!!) совершенно нелепым. Ни те, ни тот не ведают бо, что творят». Народники именно и усиливаются доказать это самое – нелепость русского капитализма, разоряющего, дескать, народ, но не дающего высшей организации производства. Разумеется, это сказки. В замене ручного труда машинным нет ничего «нелепого»: напротив, в этом и состоит вся прогрессивная работа человеческой техники. Чем выше развивается техника, тем более вытесняется ручной труд человека, заменяясь рядом все более и более сложных машин: в общем производстве страны все большее место занимают машины и необходимые для их выделки предметы[30].

Эти три вывода необходимо дополнить еще двумя замечаниями.

Во-первых, изложенное нимало не отрицает того «противоречия в капиталистическом способе производства», о котором Маркс говорит в следующих словах:

«Рабочие в качестве покупщиков товара важны для рынка. Но капиталистическое общество имеет тенденцию огра-

---

[30] Понятно поэтому, что разделять развитие капитализма на развитие вширь и – вглубь неправильно: все развитие идет одинаково на счет разделения труда; «существенной» разницы между этими моментами нет. Действительно же существующее между ними различие сводится к разным стадиям прогресса техники. Низшие стадии развития капиталистической техники – простая кооперация и мануфактура – не знают еще производства средств производства для средств производства: оно возникает и достигает громадного развития только при высшей стадии – крупной машинной индустрии.

ничивать плату им, как продавцам своего товара – рабочей силы – минимумом цены» («Kapital», Bd. II, S. 303, № 32[31{132}]). Выше было уже указано, что в капиталистическом обществе не может не возрастать и та часть общественного производства, которая производит предметы потребления. Развитие производства средств производства только отодвигает указанное противоречие, но не уничтожает его. Оно может быть устранено только с устранением самого капиталистического способа производства. Само собою разумеется, однако, что видеть в этом противоречии препятствие к полному развитию капитализма в России (как это любят делать народники) – совсем уже нелепо; – впрочем, это достаточно уже разъяснено схемой.

Во-вторых, при обсуждении соотношения между ростом капитализма и «рынка» невозможно опускать из виду той несомненной истины, что развитие капитализма неизбежно влечет за собой возрастание уровня потребностей всего населения и рабочего пролетариата. Это возрастание создается вообще учащением обменов продуктами, приводящим к более частым столкновениям между жителями города и деревни, различных географических местностей и т. п. К этому же приводит и сплоченность, скученность рабочего пролетариата, повышающая его сознательность и чувство человеческого достоинства и дающая ему возможность успешной борьбы

---

[31] «Капитал», т. II, стр. 303, прим. 32.{132} – *Ред.*

{132} См. К. Маркс. «Капитал», т. II, 1955, стр. 314 (примечание 32).

против хищнических тенденций капиталистических порядков. Этот закон возвышения потребностей с полной силой сказался в истории Европы – сравнить, например, французского пролетария конца XVIII и конца XIX в. или английского рабочего 1840-х годов[32] и современного. Этот же закон проявляет свое действие и в России: быстрое развитие товарного хозяйства и капитализма в пореформенную эпоху вызвало и повышение уровня потребностей «крестьянства»: крестьяне стали жить «чище» (в отношении одежды, жилища и т. п.). Что это, несомненно прогрессивное, явление должно быть поставлено в кредит именно русскому капитализму и ничему иному, – это доказывается хотя бы уже тем общеизвестным фактом (отмечаемым всеми исследователями наших кустарных промыслов и крестьянского хозяйства вообще), что крестьяне промышленных местностей живут гораздо «чище» крестьян, занимающихся одним земледелием и незатронутых почти капитализмом. Разумеется, это явление сказывается прежде всего и легче всего в перенимании чисто внешней, показной стороны «цивилизации», но только отъявленные реакционеры, вроде г. В. В., способны оплакивать это явление и не видеть в нем ничего, кроме «упадка».

---

[32] Ср. *Fr. Engels* (Фр. Энгельс. – *Ред.*). «Положение рабочего класса в Англии в 1844 г.». Это – состояние самой ужасной и грязной нищеты (в буквальном значении слова) и полного упадка чувства человеческого достоинства.

VII

Чтобы понять, в чем собственно состоит «вопрос о рынках», лучше всего сравнить народническое и марксистское представление о процессе, иллюстрируемое схемами *Iov* (об обмене между капиталистами места *A* и непосредственными производителями места *W*) и *2-ой* (о превращении натурального хозяйства 6-ти производителей в капиталистическое).

Примем 1-ую схему – и мы ничего не сумеем объяснить себе. Почему развивается капитализм? откуда берется он? Он представляется какой-то «случайностью», возникновение его приписывается либо тому, что *«мы* шли не по тому пути»… либо «насаждению» начальства… Почему «беднеет масса»? на это опять не дает ответа схема, и народники, вместо ответа, отделываются сентиментальными фразами об «освященном веками строе», об уклонении с правильного пути и т. п. пустяками, на которые так изобретателен знаменитый «субъективный метод в социологии».

Неумение объяснить капитализм и предпочтение утопий изучению и выяснению действительности ведет к тому, что отрицается значение и сила капитализма. Это – точно какой-то безнадежно больной, которому неоткуда почерпнуть сил для развития. И мы внесем в положение этого больного ничтожное, почти неощутимое улучшение, если скажем, что он может развиваться на счет производства «средств произ-

водства для средств производства». Ведь для этого нужно развитие техники капитализма[33], а «мы видим», что именно этого-то развития и нет. Для этого нужно, чтобы капитализм охватил всю страну, а мы видим, что «до повсеместного развития капитализма дело дойти никак не может».

Наоборот, если мы примем 2-ую схему, нам уже ни развитие капитализма, ни обеднение народа не покажется случайностью. Это – необходимые спутники роста товарного хозяйства, основанного на разделении общественного труда. Вопрос о рынке устраняется совершенно, потому что рынок есть не что иное, как выражение этого разделения труда и товарного производства. Развитие капитализма представляется уже не только возможным [что в лучшем случае[34] мог бы доказать референт], но и необходимым, потому что прогресс техники, раз уже общественное хозяйство основано на разделении труда и товарной форме продукта, не может не вести к усилению и углублению капитализма.

Спрашивается теперь, почему же следует принять именно второе воззрение? в чем критерий его правильности?

В фактах современной русской экономической действительности.

Центром тяжести в 2-ой схеме является переход от товар-

---

[33] То есть смена мелких промышленных единиц крупными, вытеснение ручного труда машинным.

[34] То есть в том случае, если бы он правильно оценил и верно понял значение производства средств производства.

ного хозяйства к капиталистическому, разложение товаропроизводителей на капиталистов и пролетариат. И если мы обратимся к явлениям современного общественного хозяйства России, то увидим, что главное место занимает именно *разложение* наших мелких производителей. Возьмем ли мы крестьян-земледельцев – окажется, что, с одной стороны, крестьяне массами забрасывают землю, теряют хозяйственную самостоятельность, обращаются в пролетариев, с другой стороны, крестьяне расширяют постоянно запашки и переходят к улучшенной культуре. С одной стороны, крестьяне теряют земледельческий инвентарь (живой и мертвый), – с другой стороны, крестьяне заводят улучшенный инвентарь, начинают приобретать машины и т. п. [Ср. *В. В.* «Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве».] С одной стороны, крестьяне бросают землю, продают наделы, сдают их в аренду, – с другой стороны, крестьяне же арендуют наделы и с жадностью покупают частновладельческие земли. Все это – общеизвестные, давным-давно установленные факты[35], единственное *объяснение* которых заключается в законах товарного хозяйства, разлагающего и наше «общинное» крестьянство на буржуазию и пролетариат. Возьмем мы кустарей, – окажется, что в пореформенную эпоху не только возникали новые промыслы и развивались быстрее старые

---

[35] Сами крестьяне очень метко назвали этот процесс *«раскрестьяниванием»*. [См. «Сельскохозяйственный обзор Нижегородской губ. за 1892 год». Н.-Н., 1893. Вып. III, стр. 186–187.]

[это явление – результат только что указанного разложения земледельческого крестьянства, результат прогрессирующего общественного разделения труда[36]], но кроме того, масса кустарей все более и более беднела, впадала в нищету и теряла хозяйственную самостоятельность, тогда как незначительное меньшинство обогащалось на счет этой массы, скапливало огромные капиталы, превращалось в скупщиков, забиравших в свои руки сбыт и организовавших в конце концов, в громадном большинстве наших кустарных промыслов, совершенно уже капиталистическую *домашнюю систему крупного производства*.

Наличность этих двух полярных течений в среде наших мелких производителей наглядно показывает, что капитализм и обеднение массы не только не исключают, а, напротив, взаимно обусловливают друг друга, – и неопровержимо доказывает, что капитализм уже в настоящее время является основным фоном хозяйственной жизни России.

Вот почему не будет парадоксом сказать, что разрешение «вопроса о рынках» лежит именно в факте разложения крестьянства.

Нельзя не заметить также, что в самой уже (ходячей) постановке пресловутого «вопроса о рынках» скрывается ряд нелепостей. Обычная формулировка (см. § I) прямо уже построена на невероятнейших предположениях, – будто хозяй-

---

[36] В игнорировании этого явления состоит одна из крупнейших теоретических ошибок г. Николая—она.

ственные порядки общества могут созидаться или уничтожаться по воле какой-нибудь группы лиц, – «интеллигенции» или «правительства» (потому что иначе нельзя бы и спрашивать так: «может» ли развиться капитализм? «должна» ли Россия пройти через капитализм? «следует» ли сохранить общину? и т. п.), – будто капитализм исключает обеднение народа, – будто рынок есть нечто отдельное и независимое от капитализма, какое-то особое условие его развития.

Не исправив этих нелепостей, невозможно разрешить вопроса.

Представим себе, в самом деле, что кто-нибудь вздумал бы на вопрос: «может ли в России развиваться капитализм, когда масса народа бедна и беднеет все больше?» отвечать таким образом: «Да, может, потому что капитализм будет развиваться не на счет предметов потребления, а на счет средств производства». Очевидно, что в основании такого ответа лежит совершенно верная мысль, что рост валовой производительности капиталистической нации идет главным образом на счет средств производства (т. е. более на счет средств производства, чем предметов потребления), но еще более очевидно, что такой ответ не может ни на йоту подвинуть вперед решения вопроса, как не может получиться правильного вывода из силлогизма, если верна малая посылка, но нелепа большая. Такой ответ (повторяю еще раз) уже предполагает, что капитализм развивается, охватывает всю

страну, переходит в высшую техническую стадию (крупную машинную индустрию), тогда как вопрос именно и построен на отрицании возможности развития капитализма и замены мелкой формы производства крупною.

«Вопрос о рынках» необходимо свести из сферы бесплодных спекуляций о «возможном» и «должном» на почву действительности, на почву изучения и *объяснения* того, как складываются русские хозяйственные порядки и почему они складываются именно так, а не иначе.

Я ограничусь приведением кое-каких примеров из имеющегося у меня материала, чтобы показать конкретно, какого именно рода данные лежат в основании предыдущего изложения.

Чтобы показать разложение мелких производителей и наличность в их среде не только процесса обеднения, но и процесса созидания крупного (сравнительно), буржуазного хозяйства, приведу данные о трех чисто земледельческих уездах Европейской России, принадлежащих к разным губерниям: о Днепровском уезде Таврической губернии, Новоузенском уезде Самарской губернии и Камышинском уезде Саратовской губернии. Данные взяты из земско-статистических сборников. В предупреждение возможных указаний на нетипичность избранных уездов (на наших окраинах, почти не знавших крепостного права и в значительной степени заселенных уже при пореформенных, «свободных» порядках, разложение действительно сделало более быстрые шаги, чем

в центре) скажу следующее:

Из трех материковых уездов Таврической губернии Днепровский выбран потому, что он – сплошь русский [0,6 % колонистских дворов], населен крестьянами-общинниками.

По Новоузенскому уезду взяты данные только о русском (общинном) населении [см. «Сборник статистических сведений по Новоузенскому уезду», с. 432–439. Рубрика а], причем не включены так называемые «хуторяне», т. е. те из крестьян-общинников, которые ушли из общины и поселились отдельно на купчей или арендованной земле. Присоединение этих прямых представителей фермерского хозяйства[37] значительно бы усилило разложение.

3) По Камышинскому уезду взяты данные только о великорусском (общинном) населении.

[См. таблицу на стр. 108. – *Ред.*]

Группировка произведена в сборниках – по Днепровскому уезду – по количеству десятин посева на двор, а в остальных по количеству рабочего скота.

К *бедной* группе отнесены дворы – в Днепровском уезде – не сеющие и с посевом до 10 дес. на двор; в Новоузенском и Камышинском уездах – дворы без рабочего скота и с 1 штукой рабочего скота. К *средней* – дворы с посевом 10–25 дес. на двор в Днепровском уезде; в Новоузенском уезде дворы с

---

[37] В самом деле у 2294 хуторян 123252 дес. посева (т. е. по 53 дес. в среднем на 1 хозяина). У них 2662 наемных работника (и 234 работницы). Лошадей и быков у них > 40000. Очень много усовершенствованных орудий; см. стр. 453 «Сборника статистических сведений по Новоузенскому уезду».

2–4 штуками рабочего скота; в Камышинском уезде – дворы с 2–3 штуками рабочего скота. К *зажиточной* группе – дворы с посевом свыше 25 дес. (Днепровский уезд) или имеющие рабочего скота более 4-х штук на двор (Новоузенский уезд) и более 3-х (Камышинский уезд).

Группы крестьян по состоятельности	Уезд Днепровский						Уезд Новоузенский						Уезд Камышинский					
	Число дворов	в %	Число десятин посева	в %	На 1 двор десятин посева		Число дворов	в %	Число десятин посева	в %	На 1 двор десятин посева		Число дворов	в %	Число десятин посева	в %	На 1 двор десятин посева	
Бедная группа	7880	40	38439	11	4,8	10,9	10504	37	36007	8	3,4	7,75	9313	54	29194	20	3,1	5,7
Средняя группа	8234	42	137344	43	16,6		10757	38	128986	29	12		4980	29	52735	35	10,6	
Зажиточная группа	3643	18	150614	46	41,3		7015[24]	25	284069	63	40,5		2881	17	67844	45	23,5	
Итого	19757	100	326397	100	17,8		28276	100	449062	100	15,9		17174	100	149773[25]	100	8,7	

7015[24][18]; 149 773[25][19]

Из этих данных ясно видно, что в нашем земледельческом и общинном крестьянстве идет процесс не обеднения и разорения вообще, а процесс разложения на буржуазию и пролетариат. Громадная масса крестьян (бедная группа) – около V2 в среднем – теряет хозяйственную самостоятельность. В ее руках находится уже только ничтожная частичка всего земледельческого хозяйства местных крестьян – каких-нибудь 13 % (в среднем) посевной площади; на двор приходится 3–4 десятины посева. Чтобы судить о том, что означает такой посев, скажем, что в Таврической губернии крестьянско-

му двору для того, чтобы существовать исключительно самостоятельным земледельческим хозяйством, не прибегая к так называемым «заработкам», необходимо 17–18 дес.[38] посева. Ясно, что представители низшей группы существуют уже гораздо более не от своего хозяйства, а от заработков, т. е. от продажи своей рабочей силы. И если мы обратимся к более подробным данным, характеризующим положение крестьян этой группы, то увидим, что именно она поставляет наибольший контингент забросивших хозяйство, сдающих наделы, лишенных рабочего инвентаря и уходящих на заработки. Крестьянство этой группы – представители нашего сельского пролетариата.

Но, с другой стороны, из тех же самых крестьян-общинников выделяется совсем другая группа с диаметрально противоположным характером. Крестьяне высшей группы имеют посевы, в 7–10 раз превышающие посевы низшей группы. Если сравнить эти посевы (23–40 дес. на двор) с тем «нормальным» количеством десятин посева, при котором семья может безбедно существовать одним своим земледельческим хозяйством, то увидим, что они превышают эти последние в 2–3 раза. Ясно, что это крестьянство занимается земледелием уже для получения дохода, для торговли хлебом. Оно скапливает изрядные сбережения и употребляет их на улучшение хозяйства и повышение культуры, заводит, на-

---

[38] В Самарской и Саратовской губ. норма эта будет ниже раза в полтора – ввиду меньшей зажиточности местного населения.

пример, сельскохозяйственные машины и улучшенные орудия: например, в Новоузенском уезде вообще у 14 % домохозяев есть улучшенные земледельческие орудия; у крестьян же высшей группы – 42 % домохозяев имеет улучшенные орудия (так что на долю крестьян высшей группы приходится 75 % всего по-уездного количества дворов с улучшенными земледельческими орудиями) и в их руках сосредоточено 82 % всех имеющихся у «крестьянства» улучшенных орудий[39].

Собственными своими рабочими силами крестьяне высшей группы не могут уже справиться с своими посевами и потому прибегают к найму рабочих: например, в Новоузенском уезде 35 % домохозяев высшей группы держат постоянных наемных рабочих (не считая тех, которые нанимаются, например, на жнитво и т. п.); то же и в Днепровском уезде. Одним словом, крестьяне высшей группы представляют уже из себя, несомненно, буржуазию. Сила их основывается уже не на грабеже других производителей (как сила ростовщиков и «кулаков»), а на самостоятельной организации[40] производства: в руках этой группы, составляющей всего /5 часть крестьянства, сосредоточено более 7 г посевной площади [я беру общую среднюю величину по всем 3-м уездам]. Если принять во внимание, что производительность труда (т. е. уро-

---

[39] Всего по уезду крестьянство имеет 5724 улучшенных орудия.

[40] Основанной, конечно, тоже на грабеже, но только уже не самостоятельных производителей, а рабочих.

жаи) у этих крестьян неизмеримо выше, чем у ковыряющих землю пролетариев низшей группы, – то нельзя не сделать того вывода, что главным двигателем хлебного производства является сельская буржуазия.

Какое же влияние должен был оказать этот раскол крестьянства на буржуазию и пролетариат [народники не видят в этом процессе ничего, кроме «обеднения массы»] на величину «рынка», т. е. на величину той доли хлеба, которая превращается в *товар?* Ясно, что эта доля должна была значительно возрасти, потому что масса хлеба у крестьян высшей группы далеко превышала их собственные нужды и шла на рынок; с другой стороны, представители низшей группы должны были прикупать хлеба на те денежные средства, которые давали им заработки.

Чтобы привести точные данные по этому вопросу, нам придется уже обратиться не к земско-статистическим сборникам, а к сочинению В. Е. Постникова: «Южно-русское крестьянское хозяйство». Постников описывает, по данным земской статистики, крестьянское хозяйство 3-х материковых уездов Таврической губернии (Бердянского, Мелитопольского и Днепровского) и анализирует это хозяйство по различным группам крестьян [разделенных на 6 категорий по величине посевной площади: 1) не сеющие; 2) сеющие до 5 дес; 3) – от 5 до 10 д.; 4) 10–25 д.; 5) 25–50 д. и 6) свыше 50 дес]. Исследуя отношение различных групп к рынку, автор делит посевную площадь каждого земледельческого хо-

зяйства на следующие 4 части: 1) *хозяйственная площадь* – так называет Постников ту часть посевной площади, которая дает семена, необходимые для посева; 2) *пищевая площадь* – дает хлеб для прокормления рабочей семьи и работников; 3) *кормовая площадь* – дает корм рабочему скоту и, наконец, 4) *торговая* или *рыночная* площадь, дает продукт, превращаемый в товар, отчуждаемый на рынке. Понятно, что только последняя площадь дает *денежный* доход, а остальные – натуральный, т. е. дают продукт, потребляемый в самом хозяйстве.

Произведя учет величины каждой из этих площадей в разных посевных группах крестьянства, Постников дает следующую таблицу: [см. таблицу на стр. 112. – *Ред.*]

Мы видим из этих данных, что чем крупнее становится хозяйство, тем более приобретает оно товарный характер, тем большую часть хлеба производит для продажи [12–36–52–61 % по группам]. Главные посевщики, крестьяне 2-х высших групп (у них более /г всего посева), отчуждают более половины всего своего земледельческого продукта [52 и 61 %].

Если бы не было раскола крестьянства на буржуазию и пролетариат, если бы, другими словами, посевная площадь была распределена между всеми «крестьянами» «уравнительно», тогда бы *все* крестьяне принадлежали к средней группе (сеющей 10–25 дес), и на рынок поступало бы только 36 % всего хлеба, т. е. продукт 518136 посевных десятин

(36 % от 1439267 = 518136). Теперь же, как видно из таблицы, на рынок идет 42 % всего хлеба, продукт 608 869 десятин. Таким образом, «обеднение массы», полный упадок хозяйства у 40 % крестьян (бедная группа, т. е. сеющая до 10 дес), образование сельского пролетариата, – повело к тому, что на рынок был брошен продукт *90 тыс.*[41] десятин посева.

	Приходится из 100 десятин посева на площадь				Получается денежного дохода		В 3-х уездах Таврической губернии		Средняя величина посева в каждой группе
	хозяйственную	пищевую	кормовую	торговую	на 1 десятину посева (рубли)	на 1 двор (рубли)	количество десятин посева	из них под торговой площадью	
У сеющих до 5 десятин	6	90,7	42,3	−39	-	-	34 070	-	3,5 д.
» » 5-10 »	6	44,7	37,5	+11,8	3,77	30	140426	16851	8 »
» » 10-25 »	6	27,5	30	36,5	11,68	191	540093	194433	16,4 »
» » 25-50 »	6	17,0	25	52	16,64	574	494095	256929	34,5 »
» » более 50 »	6	12,0	21	61	19,52	1500	230583	140656	75 »
Итого	6			42			1439267	608869	17-18 »

Примечание к таблице:

1) Постников не дает предпоследнего столбца; он вычислен мною.

2) Величину денежного дохода Постников определяет,

[41] 90 733 дес. = 6,3 % всей посевной площади.

предполагая, что вся торговая площадь засеяна пшеницей и высчитывая среднюю урожайность и среднюю ценность хлеба.

Я совсем не хочу сказать, чтобы увеличение «рынка» вследствие разложения крестьянства ограничивалось этим. Далеко нет. Мы видели, например, что крестьяне заводят улучшенные орудия, т. о. обращают свои сбережения на «производство средств производства». Мы видели, что на рынок, кроме хлеба, поступил еще другой товар – рабочая сила человека. Я не упоминаю обо всем этом только потому, что привел этот пример с узкой и специальной целью: показать, что у нас в России действительно обнищание массы ведет к усилению товарного и капиталистического хозяйства. Нарочно выбрал такой продукт, как хлеб, который везде и всегда всего позже и всего медленнее втягивается в товарное обращение. Поэтому и местность взята была исключительно земледельческая.

Возьму теперь другой пример, относящийся к области чисто промышленной, к Московской губернии. Крестьянское хозяйство описано земскими статистиками в VI и VII томах «Сборника статистических сведений по Московской губернии», содержащих ряд превосходных очерков кустарных промыслов. Я ограничусь приведением одного места из очерка *«Кружевной промысел»*[42], объясняющего, каким об-

[42] «Сборник стат. свед. по Моск. губ.». Отдел хозяйственной статистики. Т. VI,

разом и почему в пореформенную эпоху особенно быстро развивались крестьянские промыслы.

Кружевной промысел возник в 20-х годах текущего столетия в 2-х соседних деревнях Вороновской волости Подольского уезда. «В 1840-х годах он медленно начинает распространяться по другим близлежащим деревням, хотя все еще не захватывает большого района. Зато начиная с 60-х годов, особенно за последние 3–4 года, быстро распространяется по окрестности».

Из 32-х селений, в которых в настоящее время существует промысел, он возник

в 2-х	селениях	– в 1820 г.
« 4	»	– » 1840 г.
« 5	»	—» 1860-х гг.
« 7	»	—» 1870–1875.
« 14	»	—» 1876–1879.

«Если вникнуть в причины, порождающие такое явление, – говорит автор очерка, – т. е. явление чрезвычайно быстрого распространения промысла именно в последние годы, то мы увидим, что, с одной стороны, за это время условия крестьянского быта значительно ухудшились, а, с другой стороны, потребности населения – той части его, которая находится в более благоприятных условиях – значительно возросли».

В подтверждение этого автор заимствует из Московской

вып. П. Промыслы Московской губернии, вып. П. Москва, 1880.

земской статистики следующие данные, которые я привожу в форме таблицы[43]: [см. таблицу на стр. 115. – *Ред.*]

«Эти цифры, – продолжает автор, – красноречиво говорят, что *общее* количество лошадей, коров и мелкого скота в этой волости увеличилось, но это увеличение благосостояния пало на долю отдельных личностей, именно на категорию домохозяев, имеющих по 2–3 и более лошадей…

…Мы, следовательно, видим, что рядом с увеличением числа крестьян, не имеющих ни коровы ни лошади, увеличивается число и тех, которые перестают обрабатывать землю: нет скотины, нет и достаточного количества удобрения; земля истощается, ее не стоит засевать; для того, чтобы прокормить себя, семью, не умереть с голода, недостаточно одним мужчинам заниматься промыслом, – ведь они занимались им и прежде в свободное от земледельческих работ время – нужно, чтобы и другие члены семьи искали постороннего заработка…

Вороновская волость Подольского уезда:

В Вороновской волости	Число домохозяев	Количество		На 100 душ об. п. приходилось			Число домохозяев					Число лошадей у хозяев				Число надельных домохозяев			
		лошадей	коров	лошадей	коров	мелкого скота	безлошадных	с 1 лошадью	с 2 лошадьми	с 3 лошадьми	более 3 лошадей	с 1 лошадью	с 2 лошадьми	с 3 лошадьми	более 3 лошадей	Всего	обрабатывают надел		не заним. хлеб
																	лично	наймом	
В 1869 г. было	1233	1473	1472	22	22	30	276	567	298	70	22	567	596	210	100	1067	900	92	75
							22%	46%	24%	6%	2%	39%	40%	14%	7%		84%	9%	7%
В 1877 г. было	1244	1607	1726	25	27	38	319	465	313	95	52	465	626	285	231	1166	965	5	196
							26%	37%	25%	8%	4%	29%	39%	18%	14%		82,5%	0,5%	17%

[43] Я опустил данные о распределении коров (вывод – тот же) и добавил процентные исчисления.

…Приведенные нами цифровые данные в таблицах указали нам и на другое явление; в этих селах, деревнях *увеличилось* также число людей, имеющих 2–3 лошади, коровы. Следовательно, благосостояние этих крестьян увеличилось, а между тем одновременно с этим мы заявили, что «все женщины, дети такого-то села поголовно занимаются промыслом». Чем же объяснить себе такое явление?.. Чтобы уяснить себе это явление, нам придется посмотреть, какою жизнью живут эти села, познакомиться поближе с их домашней обстановкой и тогда, может быть, уяснить себе, чем вызывается это сильное стремление к производству товара на сбыт?

Мы здесь, конечно, не станем подробно исследовать, при каких счастливых обстоятельствах из среды крестьянского населения выделяются мало-помалу более сильные личности, семьи, вследствие каких условий создается их благосостояние и вследствие каких общественных условий благосостояние это, раз появившись, может быстро возрасти и возрастает настолько, что значительно выделяет одну часть жителей села от другой. Достаточно проследить этот процесс, указывая на одно из самых заурядных явлений крестьянского села. В деревне такой-то крестьянин слывет между своими односельчанами за здорового, сильного, трезвого, работящего человека; у него большая семья, все больше сыновья, отличающиеся таким же крепким сложением и хорошим направлением; живут они все вместе, не делятся; получают на-

дел на 4–5 душ. Понятно, что для обработки его все-таки не требуется всего наличного числа рук. Вот 2–3 сына занимаются отхожим или местным промыслом постоянно, и только во время сенокоса на короткое время бросают промысел и помогают семье в полевых работах. Заработок отдельных членов семьи не дробится, а составляет общее достояние; при прочих благоприятных условиях он значительно превышает расход на удовлетворение потребностей семьи. Является сбережение, вследствие которого семья в состоянии заниматься промыслом при лучших условиях: может покупать сырой материал на чистые деньги из первых рук, произведенный товар продавать тогда, когда он в цене, может обойтись без посредства разных «датчиков», торговцев и торговок и т. п.

Является возможность принанять одного рабочего, другого, или раздавать работу по домам бедным крестьянам, потерявшим возможность совершенно самостоятельно вести какое-либо дело. В силу этих и других подобных условий, приведенная нами сильная семья имеет возможность получать прибыль не только от своего собственного труда. Здесь мы, конечно, не касаемся тех случаев, когда из среды таких семей развиваются личности, известные под именем кулаков, мироедов, а рассматриваем лишь самые обыкновенные явления в среде крестьянского населения. Таблицы, помещенные во II томе Сборника и в вып. 1 тома VI, ясно показывают, как по мере ухудшения положения одной части крестьянства

является в большинстве случаев увеличение благосостояния другой, малой части его или отдельных членов.

По мере того, как занятие промыслом распространяется, сношения с внешним миром, с городом, в данном случае с Москвой, становятся чаще, и некоторые московские порядки понемногу проникают в село и проявляются вначале именно в этих более зажиточных семьях. Заводится самовар, необходимая стеклянная и фаянсовая посуда, одежда «почище». Если эта чистота одежды у мужика вначале проявляется в том, что он вместо лаптей наденет сапоги, то у женщин башмаки и сапожки довершают, так сказать, более чистую одежду; они прежде всего увлекаются яркими, пестрыми ситцами, платками, шерстяными узорчатыми шалями и т. п. прелестями…

…В крестьянской семье «испокон веку» водится, что жена одевает мужа, себя и детей… Пока лен сеяли свой, приходилось менее тратить денег на покупку материала и предметов, необходимых для одежды, и эти деньги добывались продажей курицы, яиц, грибов, ягод, оставшегося мотка ниток или лишнего конца холстины. Остальное все производилось дома. Именно такими условиями, т. е. домашним производством всех тех произведений, которые требовались от крестьянок, и тем, что на это уходило все их свободное от полевых работ время, объясняется в данном случае чрезвычайно медленное развитие кружевного промысла в селениях Вороновской волости. Кружева плелись преимуществен-

но девушками из более обеспеченных или более многочисленных семей, где не было необходимости, чтобы все наличные женские руки занимались прядением льна, тканьем холста. Но дешевые ситцы, миткаль, понемногу стали вытеснять холстину; к этому прибавились и другие условия: то лен не уродится, то захочется мужу сшить рубашку кумачную и себе «шубку» (сарафан) понаряднее, и вот мало-помалу вытесняется или очень сильно ограничивается обычай ткать дома различные холсты, платки для крестьянской одежды. И одежда сама изменяется, отчасти под влиянием вытеснения тканей домашнего производства и замены их тканями, произведенными на фабриках…

…Этим объясняется необходимость для большинства населения стремиться к производству товара на сбыт и привлечение даже детских рук к такому производству».

Этот бесхитростный рассказ внимательного наблюдателя наглядно показывает, каким образом идет в нашей крестьянской массе процесс разделения общественного труда, как это ведет к усилению товарного производства [а следовательно, и рынка] и как это товарное производство, само собою, т. е. силою тех самых отношений, в которые оно ставит производителя к рынку, приводит к тому, что «самым обыкновенным явлением» становится купля-продажа человеческой рабочей силы.

VIII

В заключение не лишним, может быть, будет иллюстрировать спорный вопрос, – слишком уже, кажется, загроможденный абстракциями, схемами и формулами, – разбором рассуждений одного из новейших и виднейших представителей «ходячих воззрений».

Я говорю о г. Николае—оне[44].

Крупнейшее «препятствие» развитию капитализма в России он видит в «сокращении» внутреннего рынка, в «уменьшении» покупательной способности крестьян. Капитализация промыслов – говорит он – вытеснила домашнее производство изделий; крестьянину пришлось покупать себе одежду. Чтобы добыть для этого денег, крестьянин обратился к усиленной распашке земель и вследствие недостаточности наделов расширил эту запашку далеко за пределы, полагаемые разумным хозяйством; он поднял до безобразных размеров плату за арендные земли – ив конце концов разорился. Капитализм сам вырыл себе могилу, привел «народное хозяйство» к страшному кризису 1891 года и… остановился, не имея под собой почвы, не будучи в силах продолжать «идти тем же путем». Сознавши, что *«мы* уклонились

---

[44] Разумеется, не может быть и речи здесь о разборе всего его сочинения – для этого нужен особый труд, – а только о разборе одного из его любимых аргументов.

от освященного веками народного строя», Россия и ждет теперь… распоряжений начальства о «прививке крупного производства к общине».

В чем состоит нелепость этой «вечно новой» (для российских народников) теории?

В том ли, что автор ее не понимает значения «производства средств производства для средств производства»? Конечно, нет. Г-н Ник.—он хорошо знает этот закон и упоминает даже о том, что он проявил себя и у нас (стр. 186, 203–204). Правда, в силу своей способности самому побивать себя противоречиями, он иногда (ср. с. 123) забывает об этом законе, но ясно, что исправление подобных противоречий нимало не исправило бы основного (вышеприведенного) рассуждения автора.

Нелепость его теории состоит в том, что он не умеет объяснить нашего капитализма и свои рассуждения о нем строит на чистейших фикциях.

«Крестьянство», которое разорилось от вытеснения домашних продуктов фабричными, г. Ник.—он рассматривает как нечто однородное, солидарное внутри себя, реагирующее на всякие жизненные явления как один человек.

Ничего подобного нет в действительности. Товарное производство не могло бы и возникнуть в России, если бы не существовало обособленности производительных единиц (крестьянских дворов), и всякий знает, что наш крестьянин на самом деле хозяйничает каждый отдельно и независимо

от других; ведет производство продуктов, поступающих в его частную собственность, на свой лично риск и страх; вступает в сношение с «рынком» поодиночке.

Посмотрим, как обстоит дело в «крестьянстве».

«Нуждаясь в деньгах, крестьянин непомерно расширяет запашку и разоряется».

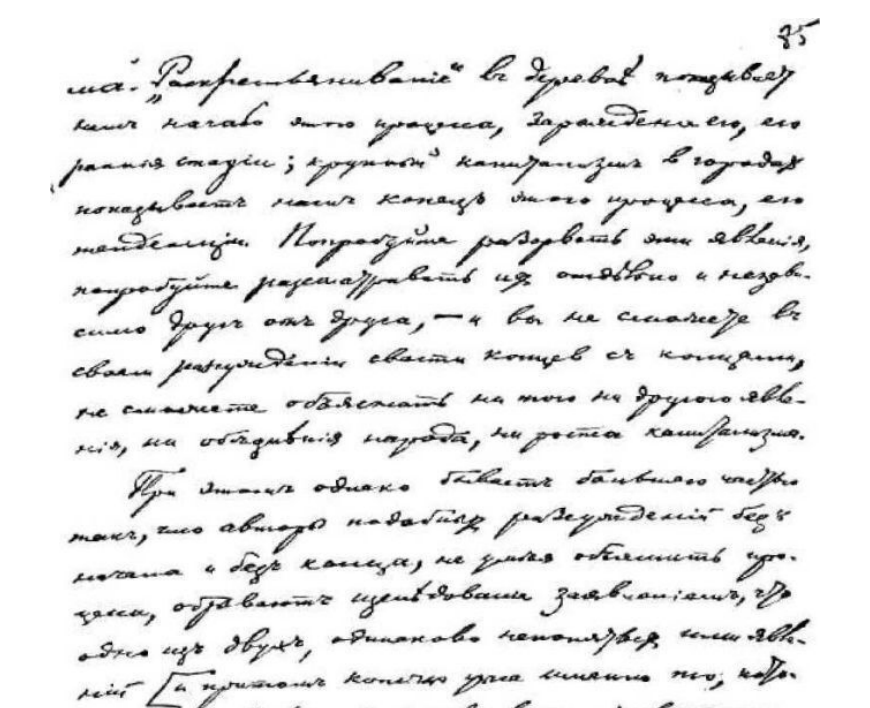
Но расширять запашку в состоянии только крестьянин состоятельный, имеющий семена для посева, достаточное количество живого и мертвого инвентаря. *Такие* крестьяне (а их, как известно, меньшинство) действительно увеличивают посевы и расширяют свое хозяйство до таких пределов, что даже не могут с ним справиться без помощи работничков. Большинство же крестьян совершенно не в состоянии удовлетворить нужду в деньгах расширением хозяйства, не имея никаких запасов, ни достаточных средств производства. *Такой* крестьянин, чтобы добыть денег, идет на «заработки», т. е. несет на рынок уже не свой продукт, а свою рабочую силу. Уход на заработки, естественно, ведет за собой дальнейший упадок земледельческого хозяйства, и этот крестьянин кончает тем, что сдает свой надел богатому однообщиннику, который округляет свое хозяйство и, понятно, не сам потребляет продукт с снятого надела, а отправляет его на *рынок*. Получается «обеднение народа», рост капитализма и увеличение рынка. Но этого мало. Наш богатый крестьянин, занятый вполне своим расширенным земледельческим хозяйством, не может уже по-прежнему производить сам на

себя – ну, скажем, обувь: ему выгоднее купить ее. Что касается до обедневшего крестьянина, то ему тоже приходится прибегать к покупной обуви: он не может производить ее в своем хозяйстве по той простой причине, что не имеет уже своего хозяйства. Возникает спрос на обувь и предложение хлеба, в избытке произведенного хозяйственным мужиком, умиляющим г-на В. В. прогрессивным течением своего хозяйства. Соседи – кустари, производящие обувь, оказываются в таком же положении, в каком были сейчас земледельцы: чтобы купить хлеба, которого слишком мало дает падающее хозяйство, надо расширить производство. И опять-таки, разумеется, расширяет производство только такой кустарь, у которого появились сбережения, т. е. представитель меньшинства; он получает возможность принанять рабочих или раздавать работу на дом бедным крестьянам. Представителям же большинства кустарей нечего и думать о расширении заведения: они рады будут, если им «даст работу» разжившийся скупщик, т. е. если они смогут найти покупателя своего единственного товара – рабочей силы. Получается снова обеднение народа, рост капитализма и увеличение рынка; дается новый толчок дальнейшему развитию и углублению общественного разделения труда. Где окончится это движение? Этого никто не сумеет сказать, точно так же, как и того, где оно началось; да это и не важно. Важно то, что мы имеем пред собой один живой органический процесс, процесс развития товарного хозяйства и роста капитализма. «Раскре-

стьянивание» в деревне показывает нам начало этого процесса, зарождение его, его ранние стадии; крупный капитализм в городах показывает нам конец этого процесса, его тенденции. Попробуйте разорвать эти явления, попробуйте рассматривать их отдельно и независимо друг от друга, – и вы не сможете в своем рассуждении свести концов с концами, не сможете объяснить ни того, ни другого явления, ни обеднения народа, ни роста капитализма.

При этом, однако, бывает большею частью так, что авторы подобных рассуждений без начала и без конца, не умея объяснить процесса, обрывают исследование заявлением, что одно из двух, одинаково непонятых ими явлений [и притом, конечно, уже именно то, которое противоречит «нравственно развитому чувству критически мыслящей личности»] – «нелепо», «случайно», «висит в воздухе».

На самом деле, разумеется, «висят в воздухе» одни только их собственные рассуждения.



85

ма. „Расчленение“ в деревне показывает нам начало этого процесса, зарождение его ранних стадий; „крупный капитализм“ в городах показывает нам конец этого процесса, его завершение. Попробуйте разорвать эти явления, попробуйте разделить их отдельно и независимо друг от друга, — и вы не сможете в своем рассуждении свести концов с концами, не сможете объяснить ни того, ни другого явления, ни объединения народа, ни роста капитализма.

При этом однако бывает большого часто так, что авторы подобных рассуждений без начала и без конца, не умея объяснить процесса, обращают исследование заявлениями, что одно из двух, одинаково непонятных, явлений [и притом конечно урна именно то, которое противоречит „нравственному чувству критической мысли“ данности] — „случайно“, „висит в воздухе“.

На самом деле разорвется „висит в воздухе“ одна только из собственных рассуждений.

Последняя страница рукописи В. И. Ленина «По поводу так называемого вопроса о рынках». – 1893 г. (*Уменьшено*)

1894 г.

Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «русского богатства» против марксистов)[20]

Написано весной – летом 1894 г. *Печатается по тексту*

Напечатано в 1894 г. на гектографе гектографированного издания 1894 г.

Выпуск I

«Русское Богатство»[21] открыло поход против социал-демократов. Еще в № 10 за прошлый год один из главарей этого журнала, г-н Н. Михайловский, объявил о предстоящей «полемике» против «наших так называемых марксистов или социал-демократов»[22]. Затем появились статьи г-на С. Кривенко: «По поводу культурных одиночек» (№ 12) и г. Н. Михайловского: «Литература и жизнь» (№№ 1 и 2 «Р. Б.» за 1894 г.). Что касается до собственных воззрений журнала на нашу экономическую действительность, то они всего полнее

изложены были г. С. Южаковым в статье: «Вопросы экономического развития России» (в №№ 11 и 12). Претендуя вообще в своем журнале представлять идеи и тактику истинных «друзей народа», эти господа являются отъявленными врагами социал-демократии. Попробуем же присмотреться к этим «друзьям народа», к их критике марксизма, к их идеям, к их тактике.

Г-н Н. Михайловский обращает более всего внимания на теоретические основания марксизма и потому специально останавливается на разборе материалистического понимания истории. Изложивши, в общих чертах, содержание обширной марксистской литературы, излагающей эту доктрину, г-н Михайловский открывает свою критику такой тирадой:

«Прежде всего, – говорит он, – является сам собою вопрос: в каком сочинении Маркс изложил свое материалистическое понимание истории? В «Капитале» он дал нам образчик соединения логической силы с эрудицией, с кропотливым исследованием как всей экономической литературы, так и соответствующих фактов. Он вывел на белый свет давно забытых или никому ныне неизвестных теоретиков экономической науки и не оставил без внимания мельчайших подробностей в каких-нибудь отчетах фабричных инспекторов или показаниях экспертов в разных специальных комиссиях; словом, перерыл подавляющую массу фактического материала частью для обоснования, частью для иллюстра-

ции своих экономических теорий. Если он создал «совершенно новое» понимание исторического процесса, объяснил все прошедшее человечества с новой точки зрения и подвел итог всем доселе существовавшим философско-историческим теориям, то сделал это, конечно, с таким же тщанием: действительно пересмотрел и подверг критическому анализу все известные теории исторического процесса, поработал над массою фактов всемирной истории. Сравнение с Дарвином, столь обычное в марксистской литературе, еще более утверждает в этой мысли. Что такое вся работа Дарвина? Несколько обобщающих, теснейшим образом между собой связанных идей, венчающих целый Монблан фактического материала. Где же соответственная работа Маркса? Ее нет. И не только нет такой работы Маркса, но ее нет и во всей марксистской литературе, несмотря на всю ее количественную обширность и распространенность».

Вся эта тирада в высшей степени характерна для уразумения того, как мало понимают «Капитал» и Маркса в публике. Подавленные громадной доказательностью изложения, они расшаркиваются перед Марксом, хвалят его и в то же время совершенно упускают из виду основное содержание доктрины и, как ни в чем не бывало, продолжают старые песенки «субъективной социологии». Нельзя не вспомнить по этому поводу очень верного эпиграфа, выбранного Каутским в его книге об экономическом учении Маркса:

Wer wird nicht einen Klopstock loben?

Doch wird ihn jeder lesen? Nein. Wir
wollen weniger erhoben Und fleissiger gelesen sein![45]

Именно так! Г-ну Михайловскому следовало бы поменьше хвалить Маркса да поприлежнее читать его, или, лучше, посерьезнее вдумываться в то, что он читает.

«В «Капитале» Маркс дал нам образчик соединения логической силы с эрудицией», – говорит г-н Михайловский. Г. Михайловский в этой фразе дал нам образчик соединения блестящей фразы с пустотой содержания, – заметил один марксист. И замечание это совершенно справедливо. В самом деле, в чем же проявилась эта логическая сила Маркса? Какие дала она результаты? Читая приводимую тираду г-на Михайловского, можно подумать, что вся эта сила направлена была на «экономические теории» в самом тесном значении слова, – и только. И – чтобы оттенить сильнее узкие пределы поля, на котором проявлял Маркс свою логическую силу, г. Михайловский напирает на «мельчайшие подробности», на «кропотливость», на «никому неизвестных теоретиков» и т. п. Выходит так, как будто ничего существенно нового, достойного упоминания, Маркс не внес в приемы построения этих теорий, как будто он оставил пределы экономической науки такими же, какими они были у прежних экономистов, не расширив их, не внеся «совершенно нового» понимания самой этой науки. А между тем всякий читав-

[45] Кто не хвалит Клопштока? Но станет ли его каждый читать? Нет. Мы хотим, чтобы нас меньше почитали, но зато прилежнее читали! (Лессинг). – *Ред.*

ший «Капитал» знает, что это – сплошная неправда. Нельзя не вспомнить по этому поводу того, что писал о Марксе г-н Михайловский 16 лет тому назад, полемизируя с пошлобуржуазным г. Ю. Жуковским[23]. Времена, что ли, тогда были другие, чувства, что ли, посвежее, но только и тон и содержание статьи г-на Михайловского были совсем не те. – ««Конечная цель этого сочинения – показать закон развития (в подлиннике: Das ökonomische Bewegungsgesetz – экономический закон движения) современного общества», – говорит К. Маркс о своем «Капитале» и строго выдерживает свою программу», – так отзывался г. Михайловский в 1877 г. Посмотрим же поближе на эту, строго – по признанию критика – выдержанную программу. Она состоит в том, чтобы «показать экономический закон развития современного общества».

Самая уже эта формулировка ставит нас лицом к лицу с несколькими вопросами, требующими разъяснения. Почему это говорит Маркс о «современном (modern)» обществе, когда все экономисты до него толковали об обществе вообще? В каком смысле употребляет он слово «современный», по каким признакам выделяет особо это современное общество? И далее – что это значит: экономический закон движения общества? Мы привыкли слышать от экономистов – и это, между прочим, одна из любимых идей у публицистов и экономистов той среды, к которой принадлежит «Русское Богатство», – что только производство ценностей подчинено од-

ним лишь экономическим законам, тогда как распределение, дескать, зависит от политики, от того, в чем будет состоять воздействие на общество со стороны власти, интеллигенции и т. п. В каком же это смысле говорит Маркс об экономическом законе движения общества и еще рядом называет этот закон Naturgesetz – законом природы? Как понимать это, когда столь многие отечественные социологи исписали груды бумаги о том, что область общественных явлений выделяется особо из области естественно-исторических явлений, что поэтому и для исследования первых следует прилагать совсем особый «субъективный метод в социологии»?

Все эти недоумения возникают естественно и необходимо, и, конечно, только полное невежество может обходить их, говоря о «Капитале». Чтобы разобраться в этих вопросах, приведем предварительно еще одно место из того же предисловия к «Капиталу», – всего несколькими строками ниже;

«Моя точка зрения состоит в том, – говорит Маркс, – что я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественно-исторический процесс»[24].

Достаточно простого сопоставления хотя бы приведенных только двух мест из предисловия, чтобы видеть, что именно тут заключается основная идея «Капитала», проведенная, как мы слышали, строго выдержанно и с редкой логической силой. Отметим прежде всего два обстоятельства по поводу всего этого: Маркс говорит только об одной «обществен-

но-экономической формации», о капиталистической, т. е. говорит, что исследовал закон развития только этой формации и никакой другой. Это во-первых. А во-вторых, отметим приемы выработки Марксом его выводов: эти приемы состояли, как мы сейчас слышали от г. Михайловского, в «кропотливом исследовании соответствующих фактов».

Теперь перейдем к разбору этой основной идеи «Капитала», которую так ловко попытался обойти наш субъективный философ. В чем собственно состоит понятие экономической общественной формации? и каким образом развитие такой формации можно и должно считать естественно-историческим процессом? – вот вопросы, стоящие теперь перед нами. Я уже указывал, что с точки зрения старых (не для России) экономистов и социологов понятие общественно-экономической формации совершенно лишнее: они толкуют об обществе вообще, спорят с Спенсерами о том, что такое общество вообще, какова цель и сущность общества вообще и т. п. В таких рассуждениях эти субъективные социологи опираются на аргументы вроде тех, что цель общества – выгоды всех его членов, что поэтому справедливость требует такой-то организации, и что несоответствующие этой идеальной («Социология должна начать с некоторой утопии» – эти слова одного из авторов субъективного метода, г. Михайловского, прекрасно характеризуют сущность их приемов) организации порядки являются ненормальными и подлежащими устранению. «Существенная задача социологии, – рассужда-

ет, например, г. Михайловский, – состоит в выяснении общественных условий, при которых та или другая потребность человеческой природы получает удовлетворение». Вы видите, этого социолога интересует только такое общество, которое удовлетворяет человеческой природе, а совсем не какие-то там общественные формации, которые притом могут быть основаны на таком не соответствующем «человеческой природе» явлении, как порабощение большинства меньшинством. Вы видите также, что с точки зрения этого социолога не может быть и речи о том, чтобы смотреть на развитие общества как на естественно-исторический процесс. («Признав нечто желательным или нежелательным, социолог должен найти условия осуществления этого желательного или устранения нежелательного» – «осуществления таких-то и таких-то идеалов», – рассуждает тот же г. Михайловский.) Мало того, не может быть речи даже и о развитии, а только о разных уклонениях от «желательного», о «дефектах», случавшихся в истории вследствие… вследствие того, что люди были не умны, не умели хорошенько понять того, что требует человеческая природа, не умели найти условий осуществления таких разумных порядков. Ясное дело, что основная идея Маркса о естественно-историческом процессе развития общественно-экономических формаций в корень подрывает эту ребячью мораль, претендующую на наименование социологии. Каким же образом выработал Маркс эту основную идею? Он сделал это посредством выделения из

разных областей общественной жизни области экономической, посредством выделения из всех общественных отношений – *отношений производственных,* как основных, первоначальных, определяющих все остальные отношения. Сам Маркс так описал ход своих рассуждений по этому вопросу: «Первая работа, которую я предпринял для разрешения обуревавших меня сомнений, был критический разбор гегелевской философии права[25]. Работа привела меня к тому результату, что правовые отношения так же точно, как и политические формы, не могут быть выводимы и объясняемы из одних только юридических и политических оснований; еще менее возможно их объяснять и выводить из так называемого общего развития человеческого духа. Корень их заключается в одних только материальных, жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей 18 века, называет «гражданским обществом». Анатомию же гражданского общества следует искать в политической экономии. Результаты, к которым привело меня изучение последней, могут быть кратко формулированы следующим образом. При материальном производстве людям приходится стать в известные отношения друг к другу, в *производственные отношения.* Последние всегда соответствуют той ступени развития производительности, которою в данное время обладают их экономические силы. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальное

основание, над которым возвышается политическая и юридическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Таким образом, производственный порядок обусловливает социальные, политические и чисто духовные процессы жизни. Их существование не только не зависит от сознания человека, но, напротив, последнее само от них зависит. Но на известной ступени развития своей производительности силы приходят в столкновение с производственными отношениями людей друг к другу. Вследствие этого они начинают противоречить и тому, что служит юридическим выражением производственных отношений, т. е. имущественным порядкам. Тогда производственные отношения перестают соответствовать производительности и начинают ее стеснять. Отсюда – возникает эпоха общественного переворота. С изменением экономического основания более или менее медленно или скоро изменяется вся громадная надстройка, над ним возвышающаяся. При рассмотрении этих переворотов всегда необходимо строго различать материальную перемену в условиях производства, которая должна быть естественно-научно констатирована, и перемену в юридических, политических, религиозных, художественных и философских, словом – идеологических формах, в которых мысль о столкновении проникает в человеческое сознание и в которых скрытым образом из-за него происходит борьба. Об отдельном человеке мы не судим по тому, что он сам о себе думает; но нельзя также

судить и об эпохе переворотов по ее собственному самосознанию. Напротив, это самосознание должно быть объяснено из противоречий материальной жизни, из столкновения между условиями производства и условиями производительности… Рассматриваемые в общих чертах азиатские, античные, феодальные и новейшие, буржуазные, производственные порядки могут быть рассматриваемы как прогрессивные эпохи в истории экономических формаций общества»[26].

Уже сама по себе эта идея материализма в социологии была гениальная идея. Разумеется, *пока* это была еще только гипотеза, но такая гипотеза, которая впервые создавала возможность строго научного отношения к историческим и общественным вопросам. До сих пор, не умея спуститься до простейших и таких первоначальных отношений, как производственные, социологи брались прямо за исследование и изучение политико-юридических форм, натыкались на факт возникновения этих форм из тех или иных идей человечества в данное время – и останавливались на этом; выходило так, что будто общественные отношения строятся людьми сознательно. Но этот вывод, нашедший себе полное выражение в идее о Contrat Social[27] (следы которой очень заметны во всех системах утопического социализма), совершенно противоречил всем историческим наблюдениям. Никогда этого не было, да и теперь этого нет, чтобы члены общества представляли себе совокупность тех общественных отношений, при которых они живут, как нечто определенное,

целостное, проникнутое таким-то началом; напротив, масса прилаживается бессознательно к этим отношениям и до такой степени не имеет представления о них, как об особых исторических общественных отношениях, что, например, объяснение отношений обмена, при которых люди жили многие столетия, было дано лишь в самое последнее время. Материализм устранил это противоречие, продолжив анализ глубже, на происхождение самих этих общественных идей человека; и его вывод о зависимости хода идей от хода вещей единственно совместим с научной психологией. Далее, еще и с другой стороны, эта гипотеза впервые возвела социологию на степень науки. До сих пор социологи затруднялись отличить в сложной сети общественных явлений важные и неважные явления (это – корень субъективизма в социологии) и не умели найти объективного критерия для такого разграничения. Материализм дал вполне объективный критерий, выделив *производственные отношения,* как структуру общества, и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты. Пока они ограничивались идеологическими общественными отношениями (т. е. такими, которые, прежде чем им сложиться, проходят через сознание людей[46]), они не могли заметить повторяемости и правильности в общественных явле-

---

[46] То есть, разумеется, речь все время идет о сознании *общественных* отношений и никаких иных.

ниях разных стран, и их наука в лучшем случае была лишь описанием этих явлений, подбором сырого материала. Анализ материальных общественных отношений (т. е. таких, которые складываются, не проходя через сознание людей: обмениваясь продуктами, люди вступают в производственные отношения, даже и не сознавая, что тут имеется общественное производственное отношение) – анализ материальных общественных отношений сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие *общественной формации.* Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, что отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, что обще всем им.

Наконец, в-третьих, потому еще эта гипотеза впервые создала возможность *научной* социологии, что только сведение общественных отношений к производственным и этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для представления развития общественных формаций естественно-историческим процессом. А понятно само собой, что без такого воззрения не может быть и общественной науки. (Субъективисты, например, признавая законосообразность исторических явлений, не в состоянии, однако, были взглянуть на их эволюцию как на естественно-исторический процесс, – и именно потому, что останавливались на

общественных идеях и целях человека, не умея свести этих идей и целей к материальным общественным отношениям.)

Но вот Маркс, высказавший эту гипотезу в 40-х годах, берется за фактическое (это nota bene[47]) изучение материала. Он берет одну из общественно-экономических формаций – систему товарного хозяйства – и на основании гигантской массы данных (которые он изучал не менее 25 лет) дает подробнейший анализ законов функционирования этой формации и развития ее. Этот анализ ограничен одними производственными отношениями между членами общества: не прибегая ни разу для объяснения дела к каким-нибудь моментам, стоящим вне этих производственных отношений, Маркс дает возможность видеть, как развивается товарная организация общественного хозяйства, как превращается она в капиталистическую, создавая антагонистические (в пределах уже производственных отношений) классы буржуазии и пролетариата, как развивает она производительность общественного труда и тем самым вносит такой элемент, который становится в непримиримое противоречие с основами самой этой капиталистической организации.

Таков *скелет* «Капитала». Все дело, однако, в том, что Маркс этим скелетом не удовлетворился, что он одной «экономической теорией» в обычном смысле не ограничился, что – *объясняя* строение и развитие данной общественной формации *исключительно* производственными отношения-

---

[47] Заметьте.

ми – он тем не менее везде и постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облекал скелет плотью и кровью. Потому-то «Капитал» и имел такой гигантский успех, что эта книга «немецкого экономиста» показала читателю всю капиталистическую общественную формацию как живую – с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями. Понятно теперь, что сравнение с Дарвином вполне точно: «Капитал» – это не что иное, как «несколько обобщающих, теснейшим образом между собою связанных идей, венчающих целый Монблан фактического материала». И если кто, читая «Капитал», сумел не заметить этих обобщающих идей, то это уже вина не Маркса, который даже в предисловии, как мы видели, указал на эти идеи. Мало того, такое сравнение правильно не только с внешней стороны (неизвестно почему особенно заинтересовавшей г. Михайловского), но и с внутренней. Как Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, «богом созданные» и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменяемость видов и преемственность между ними, – так и Маркс положил конец воззрению на об-

щество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс.

Теперь – со времени появления «Капитала» – материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение, и пока мы не будем иметь другой попытки научно объяснить функционирование и развитие какой-нибудь общественной формации – именно общественной формации, а не быта какой-нибудь страны или народа, или даже класса и т. п. – другой попытки, которая бы точно так же сумела внести порядок в «соответствующие факты», как это сумел сделать материализм, точно так же сумела дать живую картину известной формации при строго научном объяснении ее, – до тех пор материалистическое понимание истории будет синонимом общественной науки. Материализм представляет из себя не «по преимуществу научное понимание истории», как думает г. Михайловский, а единственное научное понимание ее.

И теперь – можете ли себе представить более забавный курьез, как тот, что нашлись люди, которые сумели, прочитав «Капитал», не найти там материализма! Где он? – спра-

шивает с искренним недоумением г. Михайловский.

Он читал «Коммунистический манифест» и не заметил, что объяснение современных порядков – и юридических, и политических, и семейных, и религиозных, и философских – дается там материалистическое, что даже критика социалистических и коммунистических теорий ищет и находит корни их в таких-то и таких-то производственных отношениях.

Он читал «Нищету философии» и не заметил, что разбор социологии Прудона ведется там с материалистической точки зрения, что критика того решения различнейших исторических вопросов, которое предлагал Прудон, исходит из принципов материализма, что собственные указания автора на то, где нужно искать данных для разрешения этих вопросов, все сводятся к ссылкам на производственные отношения.

Он читал «Капитал» и не заметил, что имеет перед собой образец научного анализа одной – и самой сложной – общественной формации по материалистическому методу, образец всеми признанный и никем не превзойденный. И вот он сидит и думает свою крепкую думу над глубокомысленным вопросом: «в каком сочинении Маркс изложил свое материалистическое понимание истории?»

Всякий, знакомый с Марксом, ответил бы ему на это другим вопросом: в каком сочинении Маркс не излагал своего материалистического понимания истории? Но г. Михайловский, вероятно, узнает о материалистических исследова-

ниях Маркса только тогда, когда они под соответствующими номерами будут указаны в какой-нибудь историософической работе какого-нибудь Кареева под рубрикой: «экономический материализм».

Но что курьезнее всего, так это то, что г. Михайловский обвиняет Маркса в том, что он не «пересмотрел (sic![48]) всех известных теорий исторического процесса». Это уж совсем забавно. Да в чем состояли, на $^{9}/_{10}$, эти теории? В чисто априорных, догматических, абстрактных построениях того, что такое общество, что такое прогресс? и т. п. (Беру нарочно примеры, близкие уму и сердцу г. Михайловского.) Да ведь такие теории негодны уже тем, что они существуют, негодны по своим основным приемам, по своей сплошной и беспросветной метафизичности. Ведь начинать с вопросов, что такое общество, что такое прогресс? – значит начинать с конца. Откуда возьмете вы понятие об обществе и прогрессе вообще, когда вы не изучили еще ни одной общественной формации в частности, не сумели даже установить этого понятия, не сумели даже подойти к серьезному фактическому изучению, к объективному анализу каких бы то ни было общественных отношений? Это самый наглядный признак метафизики, с которой начинала всякая наука: пока не умели приняться за изучение фактов, всегда сочиняли a priori[49] общие теории, всегда остававшиеся бесплодными. Метафи-

---

[48] Так! – *Ред*.

[49] Заранее, независимо от опыта. – *Ред*.

зик-химик, не умея еще исследовать фактически химических процессов, сочинял теорию о том, что такое за сила химическое сродство? Метафизик-биолог толковал о том, что такое жизнь и жизненная сила? Метафизик-психолог рассуждал о том, что такое душа? Нелеп тут был уже прием. Нельзя рассуждать о душе, не объяснив в частности психических процессов: прогресс тут должен состоять именно в том, чтобы бросить общие теории и философские построения о том, что такое душа, и суметь поставить на научную почву изучение фактов, характеризующих те или другие психические процессы. Поэтому обвинение г. Михайловского совершенно таково же, как если бы метафизик-психолог, всю свою жизнь писавший «исследования» по вопросу, что такое душа? (не зная в точности объяснения ни одного, хотя бы простейшего, психического явления) – принялся обвинять научного психолога в том, что он не пересмотрел всех известных теорий о душе. Он, этот научный психолог, отбросил философские теории о душе и прямо взялся за изучение материального субстрата психических явлений – нервных процессов, и дал, скажем, анализ и объяснение такого-то или таких-то психических процессов. И вот наш метафизик-психолог читает эту работу, хвалит – хорошо-де описаны процессы и изучены факты, – но не удовлетворяется. Позвольте, волнуется он, слыша, как кругом толкуют о совершенно новом понимании психологии этим ученым, об особом методе научной психологии, – позвольте, кипятится философ, – да

в каком же сочинении изложен этот метод? Ведь в этой работе «одни только факты»? В ней и помину нет о пересмотре «всех известных философских теорий о душе»? Это совсем не соответственная работа! Точно так же «Капитал», разумеется, не соответственная работа для социолога-метафизика, не замечающего бесплодности априорных рассуждений о том, что такое общество, не понимающего, что вместо изучения и объяснения такие приемы дают только подсовывание под понятие общества либо буржуазных идей английского торгаша, либо мещанско-социалистических идеалов российского демократа, – и ничего больше. Поэтому-то все эти философско-исторические теории и возникали и лопались, как мыльные пузыри, являясь в лучшем случае симптомом общественных идей и отношений своего времени и не подвигая ни на волос вперед *понимания* человеком хотя бы каких-нибудь единичных, но зато действительных (а не тех, которые «соответствуют человеческой природе») общественных отношений. Гигантский шаг вперед, сделанный в этом отношении Марксом, в том и состоял, что он бросил все эти рассуждения об обществе и прогрессе вообще и зато дал *научный* анализ *одного* общества и *одного* прогресса – капиталистического. И г. Михайловский обвиняет его за то, что он начал с начала, а не с конца, с анализа фактов, а не с конечных выводов, с изучения частных, исторически определенных общественных отношений, а не с общих теорий о том, в чем состоят эти общественные отношения вообще! И он спрашивает:

«где же соответственная работа?» О, премудрый субъективный социолог!! Если бы наш субъективный философ ограничился одним недоумением по вопросу о том, в каком сочинении обоснован материализм, – это бы еще полбеды. Но он, – несмотря на то, что не нашел нигде не только обоснования, но даже изложения материалистического понимания истории (а, может быть, именно потому, что не нашел) – начинает приписывать этой доктрине притязания, никогда ею не заявленные. Приведя цитату из Блоса о том, что Маркс провозгласил совершенно новое *понимание* истории, он, нисколько не церемонясь, трактует дальше о том, будто эта теория претендует на то, что она «разъяснила человечеству его прошедшее», объяснила «все (sic!!?) прошедшее человечества» и т. п. Ведь это же все сплошная фальшь! Теория претендует только на объяснение одной капиталистической общественной организации и никакой другой. Если применение материализма к анализу и объяснению одной общественной формации дало такие блестящие результаты, то совершенно естественно, что материализм в истории становится не гипотезой уже, а научно проверенной теорией; совершенно естественно, что необходимость такого метода распространяется и на остальные общественные формации, хотя бы и не подвергшиеся специальному фактическому изучению и детальному анализу, – точно так же, как идея трансформизма, доказанная по отношению к достаточному количеству фактов, распространяется на всю область биологии, хотя бы по от-

ношению к отдельным видам животных и растений и нельзя было еще установить в точности факт их трансформации. И как трансформизм претендует совсем не на то, чтобы объяснить «всю» историю образования видов, а только на то, чтобы поставить приемы этого объяснения на научную высоту, точно так же и материализм в истории никогда не претендовал на то, чтобы все объяснить, а только на то, чтобы указать «единственно научный», по выражению Маркса («Капитал»), прием объяснения истории[28]. Можно судить по этому, какие остроумные, серьезные и приличные приемы полемики употребляет г. Михайловский, когда он сначала перевирает Маркса, приписывая материализму в истории вздорные претензии «все объяснить», найти «ключ ко всем историческим замкам» (претензии, сразу же, конечно, и в очень ядовитой форме отвергнутые Марксом в его «письме»[29] по поводу статей Михайловского), затем ломается над этими, им же самим сочиненными претензиями и, наконец, приводя точные мысли Энгельса, – точные потому, что на этот раз дается цитата, а не пересказ, – что политическая экономия, как ее понимают материалисты, «подлежит еще созданию», что «все, что мы от нее получили, ограничивается» историей капиталистического общества[30], – делает такой вывод, что «словами этими весьма суживается поле действия экономического материализма»! Какой безграничной наивностью или каким безграничным самомнением должен обладать человек, чтобы рассчитывать на то, что такие фокусы пройдут

незамеченными! Сначала переврал Маркса, затем поломался над своим враньем, потом привел точные мысли – и теперь имеет нахальство объявлять, что ими суживается поле действия экономического материализма!

Какого сорта и качества это ломанье г. Михайловского, можно видеть из следующего примера: «Маркс нигде не обосновывает их» – т. е. оснований теории экономического материализма, – говорит г. Михайловский. «Правда, Маркс вместе с Энгельсом задумал написать сочинение философско-исторического и историко-философского характера и даже написал (в 1845–1846 гг.), но оно никогда не было напечатано. Энгельс говорит: «Первую часть этого сочинения[31] составляет изложение материалистического понимания истории, которое показывает только, как недостаточны были наши познания в области экономической истории». Таким образом – заключает г. Михайловский – основные пункты «научного социализма» и теории экономического материализма были открыты, а вслед за тем и изложены в «Манифесте» в такое время, когда, по собственному признанию одного из авторов, нужные для такого дела познания были у них слабы».

Не правда ли, как мила такая критика! Энгельс говорит, что у них были слабы познания по экономической «истории» и что поэтому они и не печатали своего сочинения «общего» историко-философского характера. Г-н Михайловский перетолковывает это так, что у них слабы были познания

«для такого дела», как выработка «основных пунктов научного социализма», т. е. научной критики *буржуазного* строя, данной уже в «Манифесте». Одно из двух: или г. Михайловский не умеет понять разницы между попыткой охватить всю философию истории и попыткой научно объяснить буржуазный режим, или же он полагает, что у Маркса и Энгельса были недостаточны познания для критики политической экономии. И в таком случае он очень жесток, что не знакомит нас со своими соображениями об этой недостаточности, своими поправками и пополнениями. Решение Маркса и Энгельса не публиковать работы историко-философской и сосредоточить все силы на научном анализе одной общественной организации характеризует только высшую степень научной добросовестности. Решение г. Михайловского поломаться над этим добавленьицем, что, дескать, Маркс и Энгельс излагали свои воззрения, сами сознаваясь в недостаточности своих познаний для выработки их, характеризует только приемы полемики, не свидетельствующие ни об уме, ни о чувстве приличия.

Другой образец: «Для обоснования экономического материализма, как исторической теории, больше сделал alter ego[50] Маркса – Энгельс, – говорит г. Михайловский. – У него есть специально исторический труд: «Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи (im Anschluss) с воззрениями Моргана». Этот «Anschluss» чрезвычайно за-

---

[50] Другой я, двойник. – *Ред.*

мечателен. Книга американца Моргана появилась много лет спустя после того, как были провозглашены Марксом и Энгельсом основы экономического материализма и совершенно независимо от него». И вот, дескать, «экономические материалисты примкнули» к этой книге и притом, так как в доисторические времена не было борьбы классов, то они внесли такую «поправку» к формуле материалистического понимания истории, что определяющим моментом наряду с производством материальных ценностей является производство самого человека, т. е. детопроизводство, играющее первенствующую роль в первобытную эпоху, когда труд по своей производительности был слишком еще не развит.

«Великая заслуга Моргана состоит в том, – говорит Энгельс, – что он в родовых связях северо-американских индейцев нашел ключ к важнейшим, доселе неразрешимым загадкам древней греческой, римской и германской истории»[32].

«Итак, – изрекает по этому поводу г. Михайловский, – в конце 40-х годов было открыто и провозглашено совершенно новое, материалистическое и истинно научное понимание истории, которое сделало для исторической науки то же самое, что сделала теория Дарвина для современного естествознания». Но это понимание – повторяет затем еще раз г. Михайловский – никогда не было научно обосновано. «Оно не только не было проверено на большом и разнообразном поле фактического материала («Капитал» – «не соответствен-

ная» работа: там одни только факты да кропотливые исследования!), но не было даже достаточно мотивировано хотя бы путем критики и исключения других философско-исторических систем». Книга Энгельса – «Herrn E. Dührings Umwälzung der Wissenschaft»[51] – «только остроумные попытки, высказанные мимоходом», и г. Михайловский считает поэтому возможным совершенно обойти массу существенных вопросов, которые затронуты в этом сочинении, несмотря на то, что эти «остроумные попытки» очень остроумно показывают бессодержательность социологии, «начинающих с утопий»; несмотря на то, что в этом сочинении дана подробная критика той «теории насилия», по которой политико-юридические порядки определяют экономические и которую так усердно проводят гг. публицисты «Русского Богатства». В самом деле, гораздо легче ведь бросить о сочинении несколько ничего не выражающих фраз, чем серьезно разобрать хоть один вопрос, материалистически разрешенный в нем; это притом и безопасно, потому что цензура никогда, вероятно, не пропустит перевода этой книги, и г. Михайловский, без опасения за свою субъективную философию, может называть ее остроумной.

Еще характернее и поучительнее (к иллюстрации того, что язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли – или придавать пустоте форму мысли) отзыв о «Капитале» Маркса. «В «Капитале» есть блестящие страницы исторического со-

---

[51] «Переворот в науке, произведенный г-ном Е. Дюрингом». – *Ред.*

держания, но (это замечательное «но»! Это даже не «но», а то знаменитое «mais», которое в переводе на русский язык значит: «уши выше лба не растут») они уже по самой задаче книги приурочены к одному определенному историческому периоду и не то что утверждают основные положения экономического материализма, а просто касаются экономической стороны известной группы исторических явлений». Другими словами: «Капитал» – только и посвященный изучению именно капиталистического общества – дает материалистический анализ этого общества и его надстроек, «н о» г. Михайловский предпочитает обойти этот анализ: дело тут идет, видите ли, об «одном» только периоде, а он, г. Михайловский, хочет обнять все периоды и притом так обнять, чтобы не говорить в частности ни об одном. Понятно, что для достижения этой цели – т. е. для того, чтобы обнять все периоды, не касаясь по существу ни одного, – есть только один путь: путь общих мест и фраз, «блестящих» и пустых. И с г. Михайловским никто не сравнится в искусстве отделываться фразами. Оказывается, что не стоит (отдельно) касаться исследований Маркса по существу на том основании, что он, Маркс, «не то что утверждает основные положения экономического материализма, а просто касается экономической стороны известной группы исторических явлений». Какое глубокомыслие! – «Не утверждает», а «просто касается»! – Как просто, в самом деле, можно замазать всякий вопрос фразой! Например, если Маркс многократно показы-

вает, каким образом в основании гражданской равноправности, свободного договора и тому подобных основ правового государства лежат отношения товаропроизводителей, – что это такое? утверждает ли он этим материализм или «просто» касается? Со свойственной ему скромностью наш философ воздерживается от ответа по существу и прямо делает выводы из своих «остроумных попыток» блестяще поговорить и ничего не сказать.

«Не мудрено, – гласит этот вывод, – что для теории, претендовавшей осветить всемирную историю, спустя 40 лет после ее провозглашения древняя греческая, римская и германская история оставались неразрешенными загадками; и ключ к этим загадкам дан был, во-первых, человеком, совершенно посторонним теории экономического материализма, ничего об ней не знавшим, а во-вторых – при помощи фактора не экономического. Несколько забавное впечатление производит термин «производство самого человека», т. е. детопроизводство, за который Энгельс хватается для сохранения хотя бы словесной связи с основною формулою экономического материализма. Он вынужден, однако, признать, что жизнь человечества многие века складывалась не по этой формуле». И в самом деле, очень «немудрено» полемизируете Вы, г. Михайловский! Теория состояла в том, что для «освещения» истории надо искать основы не в идеологических, а в материальных общественных отношениях. Недостаток фактического материала не давал возможности при-

менить этот прием к анализу некоторых важнейших явлений древнейшей истории Европы, например, гентильной организации[33], которая в силу этого и оставалась загадкой[52]. Но вот в Америке богатый материал, собранный Морганом, дает ему возможность проанализировать сущность гентильной организации, и он сделал тот вывод, что объяснения ее надо искать не в идеологических отношениях (например, правовых или религиозных), а в материальных. Ясное дело, что этот факт дает блистательное подтверждение материалистического метода – и ничего больше. И когда г. Михайловский *в упрек* этой доктрине ставит то, что, во-первых, ключ к труднейшим историческим загадкам нашел человек «совершенно посторонний» теории экономического материализма – то можно только подивиться, до какой степени люди могут не отличать того, что говорит в их пользу, от того, что их жестоко побивает. Во-вторых – рассуждает наш философ – детопроизводство – фактор не экономический. Но где читали Вы у Маркса или Энгельса, чтобы они говорили непременно об экономическом материализме? Характеризуя свое миросозерцание, они называли его просто материализмом. Их основная идея (совершенно определенно выраженная хотя бы в вышеприведенной цитате из Маркса) состояла в том, что

---

[52] Г. Михайловский и тут не упускает случая поломаться: как это, дескать, так: научное понимание истории – и древняя история – загадка! Вы можете из всякого учебника узнать, г. Михайловский, что вопрос о гентильной организации принадлежит к числу труднейших, вызывавших массу теорий для своего объяснения.

общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Последние представляют собой лишь надстройку над первыми, складывающимися помимо воли и сознания человека, как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования. Объяснения политико-юридических форм – говорит Маркс в вышеприведенной цитате – надо искать в «материальных жизненных отношениях». Что же, уж не думает ли г. Михайловский, что отношения по детопроизводству принадлежат к отношениям идеологическим? Объяснения г. Михайловского по этому поводу так характерны, что на них стоит остановиться. «Как бы мы ни ухищрялись над детопроизводством, – говорит он, – стараясь установить хоть словесную связь между ним и экономическим материализмом, как бы оно ни перекрещивалось в сложной сети явлений общественной жизни с другими явлениями, в том числе и экономическими, оно имеет свои собственные, физиологические и психические корни. (Для грудных детей, что ли, рассказываете это Вы, г. Михайловский, что детопроизводство имеет физиологические корни!? Ну, что Вы зубы-то заговариваете?) И это напоминает нам, что теоретики экономического материализма не свели своих счетов не только с историей, а и с психологией. Нет никакого сомнения, что родовые связи утратили свое значение в истории цивилизованных стран, но едва ли можно сказать это с такою уверенностью о связях непосредственно половых и семейных. Они подверглись, разумеется,

сильным изменениям под напором усложняющейся жизни вообще, но при известной диалектической ловкости можно бы было доказывать, что не только юридические, но и сами экономические отношения составляют надстройку над отношениями половыми и семейными. Мы не станем этим заниматься, но укажем все-таки хоть на институт наследства».

Наконец-то посчастливилось нашему философу из области пустых фраз[53] подойти к фактам, определенным, допускающим проверку и не позволяющим так легко «заговаривать» суть дела. Посмотрим же, каким образом доказывает наш критик Маркса, что институт наследства есть надстройка над половыми и семейными отношениями. «В наследство передаются, – рассуждает г. Михайловский, – продукты экономического производства («Продукты экономического производства»!! Как это грамотно! как звучно! и какой изящный язык!), и самый институт наследства обусловлен до известной степени фактом экономической конкуренции. Но, во-первых, в наследство передаются и не материальные ценности, – что выражается в заботах о воспитании детей в духе отцов». Итак, воспитание детей входит в институт наследства! Например, в российских гражданских законах есть такая статья, что «родители должны стараться до-

[53] Как назвать иначе, в самом деле, такой прием, когда упрекают материалистов в том, что они не свели счетов с историей, не попытавшись, однако, разобрать *буквально ни одного* из многочисленных материалистических объяснений различных исторических вопросов, которые даны были материалистами? или когда говорят, что можно бы доказывать, но мы этим заниматься не будем?

машним воспитанием приготовить нравы их (детей) и содействовать видам правительства». Уж не это ли называет наш философ институтом наследства? – «а во-вторых, – оставаясь даже исключительно в экономической области, – если институт наследства немыслим без продуктов производства, передаваемых по наследству, то он точно так же немыслим и без продуктов «детопроизводства», – без них и без той сложной и напряженной психики, которая к ним непосредственно примыкает». (Нет, вы обратите внимание на язык: сложная психика «примыкает» к продуктам детопроизводства! Ведь это же прелесть!) Итак, институт наследства есть надстройка над семейными и половыми отношениями потому, что наследство немыслимо без детопроизводства! Да, ведь, это настоящее открытие Америки! До сих пор все полагали, что детопроизводство так же мало может объяснять институт наследства, как необходимость принятия пищи – институт собственности. До сих пор все думали, что если, например, в России в эпоху процветания поместной системы[34] земля не могла переходить по наследству (так как она считалась только условной собственностью), то объяснения этому нужно искать в особенностях тогдашней общественной организации. Г-н Михайловский полагает, должно быть, что дело объясняется просто тем, что психика, которая примыкала к продуктам детопроизводства тогдашнего помещика, отличалась недостаточной сложностью.

Поскребите «народного друга» – можем сказать мы, пере-

фразировывая известное изречение, – и вы найдете буржуа. В самом деле, какой иной смысл могут иметь эти рассуждения г. Михайловского о связи института наследства с воспитанием детей, с психикой детопроизводства и т. п. – как не тот, что институт наследства так же вечен, необходим и священен, как и воспитание детей! Правда, г. Михайловский постарался оставить себе лазейку, заявивши, что «до известной степени институт наследства обусловлен фактом экономической конкуренции» – но ведь это же не что иное, как покушение увильнуть от определенного ответа на вопрос и притом покушение с негодными средствами. Как можем мы принять к сведению это замечание, когда нам ни слова не сказано насчет того, до какой именно «известной степени» зависит наследство от конкуренции? когда не разъяснено совершенно, чем собственно объясняется эта связь между конкуренцией и институтом наследства? На самом деле, институт наследства предполагает уже частную собственность, а эта последняя возникает только с появлением обмена. В основании ее лежит зарождающаяся уже специализация общественного труда и отчуждение продуктов на рынке. Пока, например, все члены первобытной индейской общины вырабатывали сообща все необходимые для них продукты, – невозможна была и частная собственность. Когда же в общину проникло разделение труда и члены ее стали каждый в одиночку заниматься производством одного какого-нибудь продукта и продавать его на рынке, тогда выражением этой мате-

риальной обособленности товаропроизводителей явился институт частной собственности. И частная собственность, и наследство – категории таких общественных порядков, когда сложились уже обособленные, мелкие семьи (моногамные) и стал развиваться обмен. Пример г. Михайловского доказывает как раз обратное тому, что он хотел доказать.

Есть у г. Михайловского и еще одно фактическое указание – и опять-таки это в своем роде перл! «Что касается родовых связей, – продолжает он исправлять материализм, – то они побледнели в истории цивилизованных народов отчасти действительно в лучах влияния форм производства (опять увертка, еще только более явная. Каких же именно форм производства? Пустая фраза!), но отчасти распустились в своем собственном продолжении и обобщении – в связях национальных». Итак, национальные связи, это – продолжение и обобщение связей родовых! Г. Михайловский заимствует, очевидно, свои представления об истории общества из той детской побасенки, которой учат гимназистов. История общественности – гласит эта доктрина прописей – состоит в том, что сначала была семья, эта ячейка всякого общества[54], затем – дескать – семья разрослась в племя, а племя разрослось в государство. Если г. Михайловский с важным видом повторяет этот ребяческий вздор, так это пока-

[54] Это – чисто буржуазная идея: раздробленные, мелкие семьи сделались господствующими только при буржуазном режиме; они совершенно отсутствовали в доисторические времена. Нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современных порядков на все времена и народы.

зывает только – помимо всего другого, – что он не имеет ни малейшего представления о ходе хотя бы даже русской истории. Если можно было говорить о родовом быте в древней Руси, то несомненно, что уже в средние века, в эпоху московского царства, этих родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями, почтеннейший г. Михайловский, и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как со-

зданием связей буржуазных. Обоими своими фактическими указаниями г. Михайловский только побил самого себя и не дал нам ничего, кроме образцов буржуазных пошлостей – *пошлостей* потому, что объяснял институт наследства детопроизводством и его психикой, а национальность – родовыми связями; *буржуазных* – потому, что принимал категории и надстройки одной исторически определенной общественной формации (основанной на обмене) за категории настолько же общие и вечные, как воспитание детей и «непосредственно» половые связи.

Характерно тут в высшей степени то, что как только наш субъективный философ попробовал перейти от фраз к конкретным фактическим указаниям, – так и сел в лужу. И он прекрасно, по-видимому, чувствует себя в этой, не особенно чистой, позиции: сидит себе, охорашивается и брызжет кругом грязью. Хочет он, например, опровергнуть то положение, что история есть ряд эпизодов классовой борьбы, и вот, заявивши с глубокомысленным видом, что это – «крайность», он говорит: «Основанное Марксом международное общество рабочих, организованное в целях классовой борьбы, не помешало французским и немецким рабочим резать и разорять друг друга», чем, дескать, и доказывается, что материализм не свел счетов «с демоном национального самолюбия и национальной ненависти». Такое утверждение показывает со стороны критика грубейшее непонимание того, что очень реальные интересы торговой и промышленной

буржуазии составляют главное основание этой ненависти и что толковать о национальном чувстве, как самостоятельном факторе, значит только замазывать сущность дела. Впрочем, мы уже видели, какое глубокомысленное представление о национальности имеет наш философ. Г. Михайловский не умеет отнестись иначе к Интернационалу[35], как с чисто буренинской[36] иронией: «Маркс – глава международного общества рабочих, правда, распавшегося, но имеющего возродиться». Конечно, если видеть пес plus ultra[55] международной солидарности в системе «справедливого» обмена, как это с мещанской пошлостью размазывает хроникер внутренней жизни в № 2 «Русского Богатства», и не понимать того, что обмен, и справедливый и несправедливый, всегда предполагает и включает господство буржуазии и что без уничтожения хозяйственной организации, основанной на обмене, невозможно прекращение международных столкновений, – тогда понятно одно зубоскальство по поводу Интернационала. Тогда понятно, что г. Михайловский никак не может вместить той простой истины, что нет иного средства борьбы с национальной ненавистью, как организация и сплочение класса угнетенных для борьбы против класса угнетателей в каждой отдельной стране, как соединение таких национальных рабочих организаций в одну международную рабочую армию для борьбы против международного капитала. Что же касается того, что Интернационал не помешал рабочим

---

[55] Крайний предел. – *Ред.*

резать друг друга, то достаточно напомнить г. Михайловскому события Коммуны, показавшие действительное отношение организованного пролетариата к правящим классам, ведшим войну.

Что особенно возмутительно во всей этой полемике г. Михайловского, так это именно его приемы. Если он не доволен тактикой Интернационала, если он не разделяет тех идей, во имя которых организуются европейские рабочие, – пусть бы, по крайней мере, прямо и открыто критиковал их, излагая свои представления о более целесообразной тактике, о более правильных воззрениях. А то ведь никаких определенных, ясных возражений не делается, и только рассыпаются там и сям, среди разливанного моря фраз, бессмысленные издевки. Как же не назвать этого грязью? особенно если принять во внимание, что защита идей и тактики Интернационала легально в России не допускается? Таковы же приемы г. Михайловского, когда он полемизирует с русскими марксистами: не давая себе труда формулировать добросовестно и точно те или другие положения их, чтобы подвергнуть их прямой и определенной критике, он предпочитает уцепляться за слышанные им обрывки марксистской аргументации и перевирать ее. Судите сами: «Маркс был слишком умен и слишком учен, чтобы думать, что именно он открыл идею исторической необходимости и законосообразности общественных явлений… На низших ступенях (марксистской лестни-

цы[56]) этого не знают (что «идея исторической необходимости есть не изобретенная или открытая Марксом новость, а давно установившаяся истина») или, по крайней мере, имеют смутное понятие о той вековой затрате умственных сил и энергии, которая пошла на установление этой истины».

Понятно, что подобные заявления могут действительно произвести впечатление на такую публику, которая в первый раз слышит о марксизме, и по отношению к ней легко может быть достигнута цель критика: исказить, поломаться и «победить» (как, говорят, отзываются о статьях г. Михайловского сотрудники «Р. Б – ва»). Всякий, хоть немного знакомый с Марксом, сразу увидит всю фальшь и дутость подобных приемов. Можно не соглашаться с Марксом, но нельзя оспаривать, что он с полнейшей определенностью формулировал те свои воззрения, которые составляли *новость* по отношению к прежним социалистам. Новость состояла в том, что прежние социалисты для обоснования своих воззрений считали достаточным показать угнетение масс при современном режиме, показать превосходство такого строя, при котором каждый получал бы то, что он сам выработал, показать соот-

[56] По поводу этого бессмысленного термина надо заметить, что г. Михайловский выделяет особо Маркса (слишком умного и слишком ученого – чтобы наш критик мог прямо и открыто критиковать то или другое его положение"), затем ставит Энгельса («не столь творческий ум»), потом более или менее самостоятельных людей, как Каутский, – и остальных марксистов. Ну, какое серьезное значение может иметь эта классификация? Если критик недоволен популяризаторами Маркса, – кто мешает ему поправить их по Марксу? Ничего подобного он не делает. Очевидно, он покушался сострить, но вышло только плоско.

ветствие этого идеального строя с «человеческой природой», с понятием разумно-нравственной жизни и т. д. Маркс считал невозможным удовлетвориться таким социализмом. Не ограничиваясь характеристикой современного строя, оценкой и осуждением его, он дал научное объяснение ему, сведя этот современный строй, различный в разных европейских и неевропейских государствах, к общей основе – к капиталистической общественной формации, законы функционирования и развития которой он подверг объективному анализу (он показал *необходимость* эксплуатации при этом строе). Точно так же не считал он возможным удовлетвориться утверждением, что социалистический строй один соответствует человеческой природе, – как говорили великие утопические социалисты и их мизерные эпигоны, субъективные социологи. Тем же *объективным* анализом капиталистического строя доказывал он *необходимость* его превращения в социалистический. (К вопросу о том, как именно он это доказывал и как г. Михайловский на это возражал – нам еще придется вернуться.) – Вот источник той ссылки на необходимость, которую часто можно встретить у марксистов. Извращение, которое г. Михайловский внес в вопрос, – очевидно: он опустил все фактическое содержание теории, всю ее суть и выставил дело в таком свете, как будто бы вся теория сводится к одному слову «необходимость» («на нее одну нельзя ссылаться в сложных практических делах»), как будто *доказательство* этой теории состоит в том, что

так требует историческая необходимость. Другими словами, умолчавши о содержании доктрины, он уцепился за одну ее кличку и теперь начинает опять ломаться над тем «просто плоским кружком», в который сам же потрудился превратить учение Маркса. Мы не станем, конечно, следить за этим ломаньем, потому что достаточно уже познакомились с этою вещью. Пускай себе кувыркается на потеху и удовольствие г. Буренина (который недаром погладил по головке г. Михайловского в «Новом Времени»[37]), пускай себе, раскланявшись с Марксом, тявкает на него исподтишка: «полемика-де его с утопистами и идеалистами и без того одностороння», т. е. и без повторения ее доводов марксистами. Мы никак не можем иначе назвать этих выходок, как тявканьем, потому что *ни одного* буквально фактического, определенного, проверимого возражения им не приведено против этой полемики, так что, – как ни охотно бы вступили мы в разговор на эту тему, считая эту полемику крайне важной для разрешения русских социалистических вопросов, – мы прямо-таки не в состоянии отвечать на тявканье и можем только пожать плечами:

Аи, моська, знать она сильна, коль лает на слона!

Небезынтересно следующее за сим рассуждение г. Михайловского об исторической необходимости, так как оно вскрывает перед нами хотя отчасти действительный идей-

ный багаж «нашего известного социолога» (звание, которым пользуется г. Михайловский наравне с г. В. В. у либеральных представителей нашего «культурного общества»). Он говорит о «конфликте между идеей исторической необходимости и значением личной деятельности»: общественные деятели заблуждаются, считая себя деятелями, тогда как они «деемые», «марионетки, подергиваемые из таинственного подполья имманентными законами исторической необходимости» – такой вывод следует, дескать, из этой идеи, которая посему и именуется «бесплодной» и «расплывающейся». Не всякому читателю, пожалуй, понятно, откуда взял всю эту чепуху – марионеток и т. п. – г. Михайловский. Дело в том, что это один из любимых коньков субъективного философа – идея о конфликте между детерминизмом и нравственностью, между исторической необходимостью и значением личности. Он исписал об этом груду бумаги и наговорил бездну сентиментально-мещанского вздора, чтобы разрешить этот конфликт в пользу нравственности и роли личности. На самом деле, никакого тут конфликта нет: он выдуман г. Михайловским, опасавшимся (и не без основания), что детерминизм отнимет почву у столь любимой им мещанской морали. Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и пра-

вильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю. Равным образом и идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся слагается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей. Действительный вопрос, возникающий при оценке общественной деятельности личности, состоит в том, при каких условиях этой деятельности обеспечен успех? в чем состоят гарантии того, что деятельность эта не останется одиночным актом, тонущим в море актов противоположных? В этом же состоит и тот вопрос, который различно решают социал-демократы и остальные русские социалисты: каким образом деятельность, направленная к осуществлению социалистического строя, должна втянуть массы, чтобы принести серьезные плоды? Очевидно, что разрешение этого вопроса прямо и непосредственно зависит от представления о группировке общественных сил в России, о борьбе классов, из которой складывается русская действительность – и опять-таки г. Михайловский только походил кругом да около вопроса, не сделав даже попытки точно поставить его и попробовать дать то или иное решение. Социал-демократическое решение вопроса основывается, как известно, на том взгляде, что русские экономические порядки представляются буржуазным обществом, из которого может быть только один выход, необходимо вытекающий из самой сущности буржуазного строя, – именно классовая борьба пролетариата против буржуазии. Очевид-

но, что серьезная критика и должна бы направиться либо против того взгляда, что наши порядки – буржуазные, либо против представления о сущности этих порядков и законов развития их, – но г. Михайловский и не помышляет о том, чтобы затрагивать серьезные вопросы. Он предпочитает отделываться бессодержательным фразерством насчет того, что необходимость – слишком общая скобка и т. п. Да, ведь, всякая идея будет слишком общей скобкой, г. Михайловский, если Вы наподобие вяленой воблы сначала выкинете из нее все содержание, а потом станете возиться с оставшейся шелухой! Эта область шелухи, покрывающей действительно серьезные, жгучие вопросы современности, – любимая область г. Михайловского, и он, например, с особенной гордостью подчеркивает, что «экономический материализм игнорирует или неверно освещает вопрос о героях и толпе». Изволите ли видеть – вопрос о том, из борьбы каких именно классов и на какой почве складывается современная русская действительность – для г. Михайловского, вероятно, слишком общий – и он его обходит. Зато вопрос о том, какие отношения существуют между героем и толпой, безразлично – есть ли это толпа рабочих, крестьян, фабрикантов, помещиков, – такой вопрос его крайне интересует. Может быть, это и «интересные» вопросы, но упрекать материалистов в том, что они направляют все усилия на решение таких вопросов, которые имеют прямое отношение к освобождению трудящегося класса, – значит быть любителем фили-

стерской науки, и ничего больше. В заключение своей «критики» (?) материализма г. Михайловский дает нам еще одну попытку неверно представить факты и еще одну подтасовку. Выразивши сомнение в правильности мнения Энгельса, что «Капитал» был замалчиваем присяжными экономистами[38] (причем в обоснование приведено такое курьезное соображение, что в Германии многочисленные университеты!), г. Михайловский говорит: «Маркс отнюдь не имел в виду именно этот круг читателей (рабочих) и ожидал кое-чего и от людей науки». Совершенно неверно: Маркс прекрасно понимал, как мало можно рассчитывать на беспристрастие и на научную критику со стороны буржуазных представителей науки, и в послесловии ко 2-му изданию «Капитала» высказался на этот счет совершенно определенно. Он говорит там: «Понимание, которое быстро встретил «Капитал» в широких кругах немецкого рабочего класса, – есть лучшая награда за мой труд. Г-н Мейер, человек, стоящий в экономических вопросах на буржуазной точке зрения, в одной брошюре, вышедшей во время франко-прусской войны, изложил совершенно верную мысль, что выдающиеся способности к теоретическому мышлению (der grosse theoretische Sinn), считавшиеся наследственным достоянием немцев, совершенно исчезли у так называемых образованных классов, но зато снова оживают у них в рабочем классе»[39].

Подтасовка касается снова материализма и построена совершенно по первому шаблону. «Теория (материализма) ни-

когда не была научно обоснована и проверена». Таков тезис. – Доказательство: «Отдельные хорошие страницы исторического содержания у Энгельса, Каутского и некоторых других тоже (как и в почтенной работе Блоса) могли бы обойтись без этикетки экономического материализма, так как (заметьте: «так как»!) на деле (sic!) в них принимается в соображение вся совокупность общественной жизни, хотя бы и с преобладанием экономической струны в этом аккорде». Вывод…: «в науке экономический материализм не оправдал себя».

Знакомая штука! Чтобы доказать необоснованность теории, г. Михайловский сначала извращает ее, приписав ей нелепое намерение не принимать в соображение всей совокупности общественной жизни, – тогда как, совсем напротив, материалисты (марксисты) были первыми социалистами, выдвинувшими вопрос о необходимости анализа не одной экономической, а всех сторон общественной жизни[57]{133}{134}, – затем констатирует, что «на деле» материали-

---

[57] Это вполне ясно выразилось в «Капитале» и в тактике социал-демократов, сравнительно с прежними социалистами. Маркс прямо заявлял требование не ограничиваться экономической стороной. В 1843 г., намечая программу предполагавшегося журнала{133}, Маркс писал к Руге: «Социалистический принцип в целом представляет собой опять-таки только одну сторону… Мы же должны обратить такое же внимание и на другую сторону, на теоретическое существование человека, следовательно, сделать предметом своей критики религию, науку и пр. … Подобно тому, как *религия* представляет оглавление теоретических битв человечества, *политическое государство* представляет оглавление практических битв человечества… Таким образом, политическое государство выражает в пре-

сты «хорошо» объясняли всю совокупность общественной жизни экономикой (факт, очевидно, побивающий автора) – и, наконец, делает вывод о том, что материализм «не оправдал себя». Но зато подтасовки ваши, г. Михайловский, прекрасно оправдали себя!

Вот все, что приводит г. Михайловский в «опровержение» материализма. Повторяю, тут нет никакой критики, а есть пустая претенциозная болтовня. Если спросить кого угодно – какие же возражения привел г. Михайловский против того взгляда, что производственные отношения лежат в основе остальных? чем опровергал он правильность выработанного Марксом посредством материалистического метода понятия общественной формации и естественно-исторического процесса развития этих формаций? как доказывал невер-

---

делах своей формы sub specie rei publicae (под политическим углом зрения) все социальные битвы, потребности, интересы. Поэтому сделать предметом критики самый специальный политический вопрос – например, различие между сословной и представительной системой – нисколько не значит спуститься с hauteur des principes (с высоты принципов. – *Ред.*), так как этот вопрос выражает *политическим* языком различие между господством человека и господством частной собственности. Значит, критик не только может, но и должен касаться этих политических вопросов (которые завзятому социалисту кажутся не стоящими никакого внимания)»{134}

{133} Имеется в виду журнал «Deutsch-Französische Jahrbücher» («Немецко-Французский Ежегодник»), который издавался в Париже под редакцией К. Маркса и А. Руге на немецком языке. Вышел только первый, двойной, выпуск журнала в феврале 1844 года. Главной причиной прекращения выхода журнала были принципиальные разногласия Маркса с буржуазным радикалом Руге.

{134} См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 1, стр. 379–380.

ность приведенных хотя бы теми писателями, которых он называл, материалистических объяснений различных исторических вопросов? – всякий должен будет ответить: никак не возражал, ничем не опровергал, никаких неверностей не указывал. Он только ходил кругом да около, стараясь замазать суть дела фразами, и сочинял попутно разные пустяковинные увертки.

Трудно ждать чего-нибудь серьезного от такого критика, когда он продолжает в № 2 «Р. Б – ва» опровергать марксизм. Разница вся в том, что его изобретательность на подтасовки уже истощилась и он начинает пользоваться чужими.

Для начала он разглагольствует о «сложности» общественной жизни: вот, дескать, хотя бы гальванизм связывается и с экономическим материализмом, так как опыты Гальвани «произвели впечатление» и на Гегеля. Удивительное остроумие! С таким же успехом можно бы связать и г. Михайловского с китайским императором! Что отсюда следует, кроме того, что есть люди, которым доставляет удовольствие говорить вздор?!

«Сущность исторического хода вещей, – продолжает г. Михайловский, – неуловимая вообще, не уловлена и доктриной экономического материализма, хотя она опирается, повидимому, на 2 устоя: на открытие всеопределяющего значения форм производства и обмена и на непререкаемость диалектического процесса».

Итак, материалисты опираются на «непререкаемость»

диалектического процесса! т. е. основывают свои социологические теории на триадах Гегеля[40]. Мы имеем перед собой то шаблонное обвинение марксизма в гегелевской диалектике, которое уже, казалось, достаточно истрепано буржуазными критиками Маркса. Не будучи в состоянии возразить что-нибудь по существу против доктрины, эти господа уцеплялись за способ выражения Маркса, нападали на происхождение теории, думая тем подорвать ее сущность. И г. Михайловский не церемонится прибегать к подобным приемам. Поводом для него послужила одна глава в сочинении Энгельса против Дюринга[41]. Возражая Дюрингу, нападавшему на диалектику Маркса, Энгельс говорит, что Маркс никогда и не помышлял о том, чтобы «доказывать» что бы то ни было гегелевскими триадами, что Маркс только изучал и исследовал действительный процесс, что он единственным критерием теории признавал верность ее с действительностью. Если же, дескать, при этом иногда оказывалось, что развитие какого-нибудь общественного явления подпадало под гегелевскую схему: положение – отрицание – отрицание отрицания, то ничего тут нет удивительного, потому что в природе это вообще не редкость. И Энгельс начинает приводить примеры из области естественно-исторической (развитие зерна) и общественной – вроде того, что-де сначала был первобытный коммунизм, затем – частная собственность и потом – капиталистическое обобществление труда; или сначала примитивный материализм, потом – идеализм и, на-

конец, – научный материализм и т. п. Для всякого очевидно, что центр тяжести аргументации Энгельса лежит в том, что задача материалистов – правильно и точно изобразить действительный исторический процесс, что настаивание на диалектике, подбор примеров, доказывающих верность триады, – не что иное, как остатки того гегельянства, из которого вырос научный социализм, остатки его способа выражений. В самом деле, раз заявлено категорически, что «доказывать» триадами что-нибудь – нелепо, что об этом никто и не помышлял, – какое значение могут иметь примеры «диалектических» процессов? Не ясно ли, что это – указание на происхождение доктрины и ничего больше. Г-н Михайловский сам чувствует это, говоря, что происхождение теории не доводится ставить ей в вину. Но чтобы видеть в рассуждениях Энгельса нечто большее, чем происхождение теории, надо было бы, очевидно, доказать, что хоть один исторический *вопрос* разрешен материалистами не на основании соответствующих фактов, а посредством триад. Попытался ли доказать это г. Михайловский? Ничуть не бывало. Напротив, он сам вынужден был признать, что «Маркс до такой степени наполнил пустую диалектическую схему фактическим содержанием, что ее можно снять с этого содержания, как крышку с чашки, ничего не изменив» (об исключении, которое делает тут г. Михайловский, – насчет будущего – мы еще ниже скажем). Если так, то к чему же возится г. Михайловский с таким усердием с этой ничего не изменяющей

крышкой? К чему толкует, что материалисты «опираются» на непререкаемость диалектического процесса? К чему заявляет он, воюя с этой крышкой, что он воюет против одного из «устоев» научного социализма, тогда как это прямая неправда?

Само собой разумеется, что я не стану следить за тем, как разбирает г. Михайловский примеры триад, потому что, повторяю, никакого отношения ни к научному материализму, ни к русскому марксизму это не имеет. Но интересен вопрос: какие же все-таки были основания у г. Михайловского, чтобы так исказить отношение марксистов к диалектике? Оснований было два: во-первых, г. Михайловский слышал звон, да не понял, откуда он; во-вторых, г. Михайловский совершил (или, вернее, присвоил от Дюринга) еще одну передержку.

Ad 1)[58]. Читая марксистскую литературу, г. Михайловский постоянно натыкался на «диалектический метод» в общественной науке, на «диалектическое мышление» опять-таки в сфере общественных вопросов (о которой только и идет речь) и т. п. В простоте душевной (хорошо еще если только в простоте) он принял, что этот метод состоит в разрешении всех социологических вопросов по законам гегелевской триады. Отнесись он к делу хоть чуточку повнимательнее, он не мог бы не убедиться в нелепости этого представления. Диалектическим методом – в противоположность

[58] К 1-му пункту. – *Ред.*

метафизическому – Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития. Отношение диалектического метода к метафизическому (под каковое понятие подходит, без сомнения, и субъективный метод в социологии) мы ниже постараемся иллюстрировать на примере собственных рассуждений г. Михайловского. Теперь же отметим только, что всякий, прочитавший определение и описание диалектического метода у Энгельса ли (в полемике против Дюринга. По-русски: «Развитие социализма из утопии в науку») или у Маркса (различные примечания в «Капитале» и «Послесловие» ко 2-му изданию; «Нищета философии»)[42], – увидит, что о триадах Гегеля и речи нет, а все дело сводится к тому, чтобы рассматривать социальную эволюцию как естественно-исторический процесс развития общественно-экономических формаций. В доказательство приведу, in extenso[59], описание диалектического метода, сделанное в «Вестнике Европы» за 1872 г., № 5 (заметка: «Точка зрения политико-экономической критики у

[59] Полностью, целиком. – *Ред.*

К. Маркса»)[43], которое Маркс цитирует в «Послесловии» ко 2-му изданию «Капитала». Маркс говорит там, что метод, который он употребил в «Капитале», был плохо понят. «Немецкие рецензенты кричали, понятно, о гегелевской софистике». И вот, чтобы яснее изложить свой метод, Маркс приводит описание его в указанной заметке. Для Маркса одно важно – говорится там: именно – найти закон тех явлений, которые он исследует, и притом особенно важен для него закон изменения, развития этих явлений, перехода их из одной формы в другую, из одного порядка общественных отношений в другой. Поэтому Маркс заботится об одном: показать точным научным исследованием необходимость данных порядков общественных отношений, констатируя со всей возможной полнотой те факты, которые служат для него исходными и опорными пунктами. Для этой цели совершенно достаточно, если он, доказывая необходимость настоящего строя, доказывает вместе с тем и необходимость другого строя, который неизбежно должен вырасти из предыдущего, – все равно, верят ли люди в это или не верят, сознают ли они это или не сознают. Маркс рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, подчиняющийся законам, не только не зависящим от воли, сознания и намерений людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения. (К сведению для гг. субъективистов, выделяющих социальную эволюцию из естественно-исторической именно потому, что человек ставит себе сознатель-

ные «цели», руководствуется определенными идеалами.) Если сознательный элемент играет столь подчиненную роль в истории культуры, то понятно само собой, что критика, имеющая своим предметом самое эту культуру, менее всего другого может опираться на какую-либо форму или какой-либо результат сознания. Другими словами, исходным пунктом для нее может служить никак не идея, но только внешнее, объективное явление. Критика должна состоять в том, чтобы сравнить и сопоставить данный факт не с идеей, а с другим фактом; для нее важно только, чтобы оба факта были по возможности точно исследованы и чтобы они представляли из себя, один по отношению к другому, различные моменты развития, причем особенно необходимо, чтобы с такой же точностью был исследован весь ряд известных состояний, последовательность их и связь между различными ступенями развития. Маркс отрицает именно ту идею, что законы экономической жизни одинаковы и для прошедшего и для настоящего. Напротив, каждый исторический период имеет свои собственные законы. Экономическая жизнь представляет из себя явление, аналогичное с историей развития в других областях биологии. Прежние экономисты не понимали природы экономических законов, когда сравнивали их с законами физики и химии. Более глубокий анализ показывает, что социальные организмы так же глубоко разнятся друг от друга, как и организмы животных и растений. Ставя своей задачей с этой точки зрения исследовать капитали-

стическую экономическую организацию, Маркс этим самым строго научно формулирует ту цель, которую должно преследовать всякое точное исследование экономической жизни. Научное значение такого исследования состоит в выяснении тех особых (исторических) законов, которые регулируют возникновение, существование, развитие и смерть данного общественного организма и замену его другим, высшим организмом.

Вот – описание диалектического метода, которое Маркс выудил из бездны журнальных и газетных заметок о «Капитале» и перевел на немецкий язык потому, что эта характеристика метода, как он сам говорит, совершенно точна. Спрашивается, упоминается ли тут хоть бы словом о триадах, трихотомиях, непререкаемости диалектического процесса и т. п. чепухе, против которой так рыцарски воюет г. Михайловский? И Маркс вслед за этим описанием прямо говорит, что его метод – «прямо противоположен» методу Гегеля. По Гегелю, развитие идеи, по диалектическим законам триады, определяет собой развитие действительности. Только в этом случае, разумеется, и можно толковать о значении триад, о непререкаемости диалектического процесса. По-моему – наоборот – говорит Маркс: «идеальное есть только отражение материального». И все дело сводится таким образом к «позитивному пониманию настоящего и его необходимого развития»: для триад не остается и другого места, как роль крышки и шелухи («я кокетничал гегелевским языком», – гово-

рит Маркс в этом же послесловии), которой способны интересоваться одни филистеры. Как же, спрашивается теперь, должны мы судить о человеке, который пожелал критиковать один из «устоев» научного материализма, т. е. диалектику, и стал говорить обо всем, что вам угодно, даже о лягушках и Наполеоне, но только не о том, в чем состоит эта диалектика, не о том, действительно ли развитие общества есть естественно-исторический процесс? правильно ли материалистическое понятие об общественно-экономических формациях, как особых социальных организмах? верны ли приемы объективного анализа этих формаций? действительно ли общественные идеи не определяют собой общественного развития, а сами определяются им? и т. д. Можно ли допустить в этом случае одно только непонимание?

Ad 2)[60] … После такой «критики» диалектики г. Михайловский подсовывает Марксу эти приемы доказывания «посредством» гегелевской триады и, конечно, победоносно воюет против них. «Относительно будущего, – говорит он, – имманентные законы общества поставлены исключительно диалектически». (В этом и состоит упомянутое выше исключение.) Рассуждение Маркса о неизбежности экспроприации экспроприаторов в силу законов развития капитализма носит «исключительно диалектический характер». «Идеал» Маркса об общинности земли и капитала – «в смысле неизбежности и несомненности держится исключительно на кон-

[60] Ко 2-му пункту. – *Ред.*

це гегелевской трехчленной цепи».

Этот довод *целиком взят* у Дюринга, проводившего его в своей «Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Sozialismus» (3-te Aufl., 1879. S. 486–487)[61]. При этом г. Михайловский ни словом не упоминает о Дюринге. Может быть, впрочем, он самостоятельно додумался до этого перевирания Маркса?

Дюрингу прекрасный ответ дал Энгельс, и так как он цитирует и критику Дюринга, то мы и ограничимся этим ответом Энгельса[44]. Читатель увидит, что он целиком относится и к г. Михайловскому.

««Этот исторический очерк (генезис так называемого первоначального накопления капитала в Англии), – говорит Дюринг, – представляет из себя еще сравнительно лучшее место в книге Маркса и был бы еще лучше, если бы не опирался, помимо научных, еще и на диалектические костыли. Гегелевское отрицание отрицания играет здесь – за неимением лучших и более ясных доводов – роль повивальной бабки, благодаря услугам которой будущее высвобождается из недр прошедшего. Уничтожение индивидуальной собственности, совершившееся указанным образом с 16 века, представляет из себя первое отрицание. За ним последует другое, которое характеризуется как отрицание отрицания и вместе с тем как восстановление «индивидуальной собственно-

---

[61] «Критическая история национальной экономии и социализма» (3-е изд., 1879. Стр. 486–487). – *Ред.*

сти», но в высшей форме, основанной на общем владении землей и орудиями труда. Если эта новая «индивидуальная собственность» в то же время называется г-ном Марксом и «общинной собственностью», то в этом именно и сказывается гегелевское высшее единство, в котором противоречие устраняется (aufgehoben – специально гегелевский термин), т. е., по гегелевской игре слов, столько же превосходится, сколько и сохраняется.

…Экспроприация экспроприаторов является, таким образом, как бы автоматическим продуктом исторической действительности в ее материальных внешних условиях… Едва ли хоть один разумный человек убедится в необходимости общинного владения землей и капиталом на основании веры в гегелевские фокусы, вроде отрицания отрицания. Туманная уродливость представлений Маркса не может, впрочем, удивить того, кто знаком с тем, что можно сделать из такого научного материала, как гегелевская диалектика, или – лучше – какие нелепицы должны получиться из него. Для незнакомых с этими штуками скажу прямо, что первое отрицание играет у Гегеля роль заимствованного из катехизиса понятия грехопадения, а второе – роль высшего единства, ведущего к искуплению. На подобных фокусах аналогии, заимствованных из области религии, – конечно, уж нельзя основать логику фактов… Г. Маркс успокаивается на своей путаной идее об индивидуальной и в то же время общинной собственности и предоставляет своим адептам самим разре-

шить эту глубокомысленную диалектическую загадку». Так говорит г. Дюринг.

Итак – заключает Энгельс – Маркс не в состоянии доказать необходимость социальной революции, необходимость введения общинной собственности на землю и на произведенные трудом средства производства, не прибегая к гегелевскому отрицанию отрицания; основывая свою социалистическую теорию на таких, заимствованных у религии, фокусах аналогии, он приходит к тому выводу, что в будущем обществе будет существовать собственность в одно и то же время и индивидуальная и общинная, в качестве гегелевского высшего единства устраненного противоречия[62].

Оставим пока в стороне отрицание отрицания и посмотрим на эту «собственность, в одно и то же время и инди-

[62] Что такая формулировка воззрений Дюринга целиком приложима и к г. Михайловскому, доказательством этому служит еще следующее место из его статьи: «К. Маркс перед судом г. Ю. Жуковского». Возражая г. Жуковскому, утверждавшему, что Маркс – защитник частной собственности, г. Михайловский указывает на эту схему Маркса и поясняет ее следующим образом: «В свою схему Маркс ввернул два общеизвестных фокуса гегелевской диалектики: во-первых, схема построена по закону гегелевской триады; во-вторых, синтезис основывается на тождестве противоположностей; индивидуальной и общинной собственности. Значит, тут слово: «индивидуальный» имеет особенный, чисто условный смысл члена диалектического процесса, и ничего ровно на нем основывать нельзя». Это говорил человек с самыми благими намерениями, защищая перед русской публикой «сангвиника» Маркса от буржуа г. Жуковского. И вот с этими-то благими намерениями он поясняет Маркса таким образом, что тот свое представление о процессе основывает на «фокусах»! Г. Михайловский может извлечь отсюда небесполезную для него мораль, что одних благих намерений для какого бы то ни было дела немножко мало.

видуальную и общинную». Г-н Дюринг называет это «туманом», и он, – как это ни удивительно, – действительно прав в этом отношении. К несчастью только, находится в этом «тумане» совсем не Маркс, а опять-таки сам г. Дюринг… Поправляя Маркса по Гегелю, он подсовывает ему какое-то высшее единство собственности, о котором Маркс не сказал ни слова.

У Маркса значится: «Это – отрицание отрицания. Оно снова создает индивидуальную собственность, но на основании приобретений капиталистической эры – кооперации свободных работников и их общинного владения землей и произведенными ими средствами производства. Превращение основанной на собственном труде раздробленной частной собственности отдельных личностей в капиталистическую, конечно, является процессом гораздо более долгим, трудным и тяжелым, чем превращение капиталистической частной собственности, фактически уже основывающейся на общественном процессе производства, в общественную собственность». Вот и все. Таким образом, порядки, созданные экспроприацией экспроприаторов, характеризуются как восстановление индивидуальной собственности *на основании* общинного владения землей и созданными самими работниками средствами производства. Для всякого, кто понимает немецкий язык (и русский тоже, г. Михайловский, потому что перевод совершенно точен), это означает, что общинная собственность простирается на землю и другие

средства производства, а индивидуальная собственность на остальные продукты, т. е. на предметы потребления. А чтобы дело было понятно даже 6-летним ребятам, Маркс на стр. 56 (русс. изд. стр. 30)[45] предполагает «союз свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу», т. е. социалистически организованную общину, и говорит: «Весь продукт труда представляет из себя общественный продукт. Часть этого продукта служит снова в качестве средств производства. *Она остается общественной.* Но другая часть потребляется в качестве жизненных средств членами союза. *Поэтому она должна быть распределена между ними».* Должно же это быть достаточно ясно даже и для г. Дюринга.

Собственность и индивидуальная и общинная в то же время, – эта туманная уродливость, эта нелепица, получающаяся из гегелевской диалектики, эта путаница, эта глубокомысленная диалектическая загадка, которую Маркс предоставляет решить своим адептам, – опять-таки является вольным сочинением и выдумкой г. Дюринга…

Теперь – продолжает Энгельс – какую же роль играет у Маркса отрицание отрицания? На стр. 791 и следующих (русс. изд. стр. 648 и сл.)[46] сопоставляет он окончательные результаты изложенного на предыдущих 50 (русс. изд. – 35-ти) страницах экономического и исторического исследования о так называемом первоначальном накоплении капи-

тала. До капиталистической эры существовало, по крайней мере в Англии, мелкое производство на основании частной собственности работника на его средства производства. Так называемое первоначальное накопление состояло здесь в экспроприации этих непосредственных производителей, т. е. в уничтожении частной собственности, основанной на собственном труде. Это уничтожение сделалось возможным потому, что упомянутое мелкое производство совместимо только с узкими, примитивными рамками производства и общества, и на известной ступени развития оно само создает материальные основания для своего уничтожения. Это уничтожение, превращение индивидуальных и раздробленных орудий производства в общественно-концентрированные – образует собой первоначальную историю капитала. Как скоро работники были превращены в пролетариев, а их средства производства в капитал, как скоро капиталистический способ производства стал на собственные ноги, – дальнейшее обобществление труда и дальнейшее превращение земли и других средств производства (в капитал), а следовательно, и дальнейшая экспроприация частных собственников приобретает новую форму. «Теперь подлежит экспроприированию уже не работник, ведущий свое хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих. Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, вследствие концентрации капиталов. Один капиталист побивает насмерть многих. Рука об руку

с этой концентрацией, или экспроприацией многих капиталистов немногими, развивается кооперативная форма процесса труда в постоянно расширяющихся размерах, развивается сознательное технологическое применение науки, планомерная общественная эксплуатация земли, превращение орудий труда в такие, которые могут быть употреблены только общинно, и экономизирование всех средств производства вследствие употребления их в качестве общинных средств производства комбинированного общественного труда. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, узурпирующих и монополизирующих все выгоды этого превращения, растет масса нищеты, угнетения, рабства, деградации, эксплуатации, но также и возмущения постоянно растущего рабочего класса, обучаемого, объединяемого и организуемого самим механизмом капиталистического процесса производства. Капитал становится оковами того способа производства, который расцвел вместе с ним и под его покровом. Концентрация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимы с их капиталистической оболочкой. Она разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют».

И теперь спрашиваю я читателя, где диалектические хитрые завитки и арабески, где смешение понятий, сводящее все различия к нулю, где диалектические чудеса для правоверных и фокусы по масштабу гегелевского учения о ло-

госе, без которых Маркс, по словам Дюринга, не мог довести до конца своего изложения? Маркс доказывает исторически и здесь вкратце резюмирует, что точно так же, как некогда мелкое производство своим собственным развитием породило условия своего уничтожения, так точно теперь капиталистическое производство породило само материальные условия, от которых оно должно погибнуть. Таков исторический процесс, и если он в то же время оказывается диалектическим, то это уже не вина Маркса, как бы фатально это ни казалось г. Дюрингу.

Только теперь, покончивши с своим историко-экономическим доказательством, Маркс продолжает: «Капиталистический способ производства и присвоения, а следовательно, и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной собственности, основанной на собственном труде. Отрицание капиталистического производства производится им самим, с необходимостью естественно-исторического процесса. Это – отрицание отрицания» и т. д. (как выше цитировано).

Таким образом, называя этот процесс отрицанием отрицания, Маркс и не помышляет о том, чтобы в этом видеть доказательство его исторической необходимости. Напротив того: после того как он доказал исторически, что процесс этот отчасти уже действительно совершился, отчасти еще должен совершиться, только после этого характеризует он его как такой процесс, который притом происходит по из-

вестному диалектическому закону. Вот и все. Таким образом, это – опять-таки чистейшая передержка г. Дюринга, когда он утверждает, что отрицание отрицания оказывает здесь услуги повивальной, бабки, при помощи которых будущее высвобождается из недр прошедшего, или будто бы Маркс требует, чтобы кто-нибудь убеждался в необходимости общинного владения землей и капиталом на основании веры в закон отрицания отрицания» (стр. 125).

Читатель видит, что вся эта прекрасная отповедь Энгельса Дюрингу целиком относится и к г. Михайловскому, утверждающему точно так же, что будущее у Маркса держится исключительно на конце гегелевской цепи и что убеждение в его неизбежности может основываться только на вере[63].

Все различие между Дюрингом и г. Михайловским сводится к 2-м следующим небольшим пунктам: во-первых, Дюринг – несмотря на то, что он без пены у рта не может говорить о Марксе, тем не менее счел необходимым в следующем параграфе своей «Истории» упомянуть о том, что Маркс в послесловии[47] категорически отвергает обвинение в геге-

---

[63] Не лишнее, кажется, отметить по этому поводу, что все это разъяснение Энгельса помещено в той же главе, где он рассуждает о зерне, об учении Руссо и др. примерах диалектического процесса. Казалось бы, одного сопоставления этих примеров с такими ясными и категорическими заявлениями Энгельса (и Маркса, которому читана была предварительно рукопись этого сочинения), что не может быть и речи о том, чтобы *доказывать* что-нибудь триадами, или о том, чтобы подсовывать в изображение действительного процесса «условные члены» этих триад, – совершенно достаточно, чтобы понять нелепость обвинения марксизма в гегелевской диалектике.

льянстве. Г-н же Михайловский об этом (вышеприведенном) совершенно определенном и ясном изложении Марксом того, что он понимает под диалектическим методом, умолчал.

Во-вторых. Вторая оригинальность г. Михайловского состоит в том, что он сосредоточил все внимание на употреблении времен глаголов. Почему, говоря о будущем, Маркс употребляет настоящее время? – с победоносным видом спрашивает наш философ. Об этом вы можете справиться в каждой грамматике, достопочтенный критик: вам скажут, что настоящее употребляется вместо будущего, когда это будущее представляется неизбежным и несомненным. Но почему же это, почему оно несомненно? – тревожится г. Михайловский, желая изобразить такое сильное волнение, чтобы оно могло оправдать даже передержку. – И на этот счет Маркс дал совершенно определенный ответ. Можно считать его недостаточным или неверным, но тогда надо показать, *в чем именно* и *почему именно* он неверен, а не говорить вздора о гегельянстве.

Было время, когда г. Михайловский не только сам знал, в чем состоит этот ответ, но и других поучал. Г-н Жуковский – писал он в 1877 г. – мог основательно считать гадательным построение Маркса насчет будущего, но он «не имел нравственного права» обходить вопрос об обобществлении труда, «которому Маркс придает огромное значение». Ну, конечно! Жуковский в 1877 г. не имел нравственного права обходить вопрос, а г. Михайловский в 1894 г. имеет такое

нравственное право! Может быть, – quod licet Jovi, non licet bovi[64]?!

Не могу не вспомнить здесь одного курьеза насчет понимания этого обобществления, высказанного некогда «Отечественными Записками»[48]. В № 7 за 1883 г. помещено было там «Письмо в редакцию» некоего г. Постороннего, который точно так же, как и г. Михайловский, считал «построение» Маркса насчет будущего гадательным. «В сущности, – рассуждает этот господин, – общественная форма труда, при господстве капитализма, сводится к тому, что несколько сот или тысяч рабочих точат, бьют, вертят, накладывают, подкладывают, тянут и совершают еще множество других операций в одном помещении. Общий же характер этого режима прекрасно выражается поговоркой: «каждый за себя, а уж бог за всех». При чем тут общественная форма труда?»

Вот это сразу уже видно, что понял человек, в чем дело! «Общественная форма труда» «сводится» к «работе в одном помещении»!! И после таких диких мыслей в одном из лучших еще русских журналов – нас хотят уверить, что теоретическая часть «Капитала» общепризнана наукой. Да, не будучи в силах ничего мало-мальски серьезного возразить против «Капитала», «общепризнанная наука» стала расшаркиваться перед ним, продолжая в то же время выказывать самое элементарное невежество и повторять старые пошлости школьной экономии. Приходится остановиться несколько на

---

[64] Что позволено Юпитеру, то не позволено быку. – *Ред.*

этом вопросе, чтобы показать г. Михайловскому, в чем состоит сущность дела, которую он, по своей постоянной привычке, совершенно обошел.

Обобществление труда капиталистическим производством состоит совсем не в том, что люди работают в одном помещении (это только – частичка процесса), а в том, что концентрация капиталов сопровождается специализацией общественного труда, уменьшением числа капиталистов в каждой данной отрасли промышленности и увеличением числа особых отраслей промышленности; – в том, что многие раздробленные процессы производства сливаются в один общественный процесс производства. Если, например, в эпоху кустарного ткачества мелкие производители сами пряли пряжу и выделывали из нее ткани, то мы имели немного отраслей промышленности (пряденье и ткачество сливались вместе). Если же производство обобществляется капитализмом, то число особых отраслей промышленности увеличивается: отдельно производится бума-гопряденье, отдельно ткачество; самое это обособление и концентрация производства вызывают новые отрасли – производство машин, добывание каменного угля и т. д. В каждой отрасли промышленности, сделавшейся теперь более специализированной, число капиталистов становится все меньше. Это значит, что общественная связь между производителями все более и более укрепляется, производители сплачиваются в одно целое. Разрозненные мелкие производители

производили каждый по нескольку операций зараз и потому были сравнительно независимы от других: если, например, кустарь сам сеял лен, сам прял и ткал, – он был почти независим от других. На таком-то режиме мелких, раздробленных товаропроизводителей (и только на нем) оправдывалась поговорка: «каждый за себя, а за всех бог», т. е. анархия рыночных колебаний. Совсем иначе обстоит дело при достигнутом благодаря капитализму обобществлении труда. Фабрикант, производящий ткани, зависит от бумагопрядильного фабриканта; этот последний – от капиталиста-плантатора, посеявшего хлопок, от владельца машиностроительного завода, каменноугольной копи и т. д., и т. д. В результате получается то, что ни один капиталист не может обойтись без других. Ясное дело, что поговорка «каждый за себя» – к такому режиму совсем уже неприложима: здесь уже каждый работает на всех и все на каждого (и богу не остается места – ни в качестве заоблачной фантазии, ни в качестве земного «златого тельца»). Характер режима совершенно меняется. Если во время режима существования мелких раздробленных предприятий в каком-нибудь из них останавливалась работа, – это отражалось лишь на небольшом числе членов общества, не производило общего замешательства и потому не вызывало общего внимания, не побуждало к общественному вмешательству в дело. Но если такая остановка произошла в крупном предприятии, посвященном очень уж сильно специализированной отрасли промышленности и

потому работающем чуть ли не на все общество и в свою очередь зависящем от всего общества (я беру для простоты случай, когда обобществление достигло своей кульминационной точки) – тогда уже должно остановиться дело во всех остальных предприятиях общества, потому что они могут получить необходимые продукты только из этого предприятия – могут реализовать все свои товары только при наличности его товаров. Все производства сливаются, таким образом, в один общественный производительный процесс, а между тем каждое производство ведется отдельным капиталистом, завися от его произвола, отдавая общественные продукты в его частную собственность. Неужели же не ясно, что форма производства становится в непримиримое противоречие с формой присвоения? Неужели не очевидно, что последняя не может не приспособиться к первой, не может не сделаться тоже общественной, т. е. социалистической? А остроумный филистер из «Отеч. Записок» сводит все к работе в одном помещении. Вот уж поистине попал пальцем в небо! (Я описал один только материальный процесс, одно изменение производственных отношений, не коснувшись социальной стороны процесса, объединения, сплачивания и организации рабочих, – так как это производное, второстепенное явление.)

Если российским «демократам» приходится разъяснять такие азбучные вещи, – то причина этого лежит в том, что они до такой степени погрязли по уши в мещанских идеях,

что решительно не в состоянии представить себе иных порядков, кроме мещанских.

Возвратимся, однако, к г. Михайловскому. Что возразил он против тех фактов и соображений, на которых Маркс основал вывод о неизбежности социалистического строя в силу самих законов развития капитализма? Показал ли он, что в действительности – при товарной организации общественного хозяйства – не происходит роста специализации общественного процесса труда, концентрации капиталов и предприятий, обобществления всего процесса труда? Нет, он не привел ни одного указания в опровержение этих фактов. Поколебал ли он то положение, что капиталистическому обществу присуща анархия, не мирящаяся с обобществлением труда? Он ничего не сказал об этом. Доказывал ли он, что объединение процесса труда всех капиталистов в один общественный процесс труда может ужиться с частной собственностью? что возможен и мыслим иной выход из противоречия, кроме указанного Марксом? Нет, он ни слова не сказал об этом.

На чем же держится его критика? На подтасовках, передержках и на потоке фраз, представляющих собой не что иное, как погремушки.

Как назвать иначе, в самом деле, такие приемы, когда критик, – наговоривши предварительно много чепухи насчет тройственно-последовательных шагов истории, – задает Марксу с серьезным видом такой вопрос: «а дальше что?»,

т. е. как пойдет история за той конечной стадией процесса, которую он обрисовал. Извольте видеть, Маркс с самого начала своей литературной и революционной деятельности с полнейшей определенностью заявил свои требования от социологической теории: она должна точно изображать действительный процесс – и ничего более (ср., напр., «Коммунистический манифест» о критерии теории коммунистов[49]). В своем «Капитале» он строжайше соблюл это требование: поставив своей задачей научный анализ капиталистической общественной формации, – он поставил точку, доказавши, что действительно происходящее перед нашими глазами развитие этой организации имеет такую-то тенденцию, что она неизбежно должна погибнуть и превратиться в другую, высшую организацию. А г. Михайловский, обойдя всю сущность доктрины Маркса, задает свой глупейший вопрос: «а дальше что?» И глубокомысленно добавляет: «Я должен откровенно признаться, что не совсем ясно представляю себе ответ Энгельса». Но зато мы должны откровенно признаться, г. Михайловский, что совсем ясно представляем себе дух и приемы такой «критики»!

Или еще такое рассуждение: «В средние века марксова индивидуальная собственность, основывающаяся на собственном труде, не была ни единым, ни преобладающим фактором, даже в области экономических отношений. Рядом с ней существовало многое другое, к чему, однако, диалектический метод в толковании Маркса (а не в перевира-

нии г. Михайловского?) не предлагает возвращаться… Очевидно, что все эти схемы не представляют картины исторической действительности, или даже только ее пропорций, а только удовлетворяют склонности человеческого ума мыслить всякий предмет в состояниях прошедшего, настоящего и будущего». Даже приемы Ваших передержек, г. Михайловский, однообразны до тошноты! Сначала подсунул в схему Маркса, претендующую на формулирование действительного процесса развития капитализма[65] – и ни на что другое, намерение доказывать что бы то ни было триадами, затем констатирует, что схема Маркса не соответствует этому, навязанному ей г. Михайловским плану (3-ья стадия восстановляет только *одну* сторону первой стадии, опуская все остальные), и развязнейшим образом делает вывод, что «схема, очевидно, не представляет картины исторической действительности»!

Мыслима ли серьезная полемика с таким человеком, неспособным (употребляя выражение Энгельса о Дюринге) даже по исключению цитировать точно? Можно ли тут возражать, когда публику уверяют, что схема «очевидно» не соответствует действительности, не сделавши даже попытки

---

[65] Поэтому-то и опущены другие черты экономических порядков средних веков, что они принадлежали к феодальной общественной формации, тогда как Маркс изучает одну *капиталистическую.* В чистом своем виде процесс развития капитализма действительно начался (например, в Англии) с режима мелких, раздробленных товаропроизводителей и их индивидуальной трудовой собственности.

показать в чем-нибудь ее неверность?

Вместо того, чтобы критиковать действительное содержание марксистских воззрений, г. Михайловский упражняет свое остроумие насчет категорий прошедшего, настоящего и будущего. Энгельс, например, возражая против «вечных истин» г. Дюринга, говорит, что «нам в настоящее время проповедуют» троякую мораль: христианско-феодальную, буржуазную и пролетарскую, так что прошедшее, настоящее и будущее имеют свои теории морали[50]. Г. Михайловский по поводу этого рассуждает: «я думаю, что в основании всех тройственных делений истории на периоды лежат именно категории прошедшего, настоящего и будущего». Какое глубокомыслие! Да кто же не знает, что если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его развития, то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего? Но разве, например, Энгельс думал утверждать, чтобы история морали (он ведь говорил только о «настоящем») ограничивалась тремя указанными моментами? чтобы феодальной морали не предшествовала бы, например, рабская, а этой последней – мораль первобытной коммунистической общины? Вместо того, чтобы серьезно критиковать попытку Энгельса разобраться в современных течениях моральных идей посредством материалистического их объяснения, – г. Михайловский угощает нас пустейшим фразерством!

По поводу таких приемов «критики» г. Михайловского,

открывшейся заявлением, что он не знает, в каком сочинении изложено материалистическое понимание истории, – небесполезно, может быть, напомнить, что было время, когда автор знал одно из этих сочинений и умел правильнее оценить его. В 1877 г. г-н Михайловский так отзывался о «Капитале»: «Если снять с «Капитала» тяжелую, неуклюжую и ненужную крышку гегельянской диалектики (Что за странность такая? Отчего это в 1877 г. «гегельянская диалектика» была «ненужной», а в 1894 г. вышло так, что материализм опирается на «непререкаемость диалектического процесса»?), то, независимо от других достоинств этого сочинения, мы увидим в нем превосходно разработанный материал для решения общего вопроса об отношении форм к материальным условиям их существования и превосходную постановку этого вопроса для известной области». – «Отношение форм к материальным условиям их существования» – это, ведь, и есть тот вопрос о соотношении разных сторон общественной жизни, о надстройке идеологических общественных отношений над материальными, в известном решении которого и состоит доктрина материализма. Пойдем дальше.

«Собственно говоря *весь «Капитал»* (курсив мой) посвящен исследованию того, как раз возникшая общественная форма все развивается, усиливает свои типические черты, подчиняя себе, ассимилируя открытия, изобретения, улучшения способов производства, новые рынки, самое науку, заставляя их работать на себя, и как, наконец, дальнейших

изменений материальных условий данная форма выдержать не может».

Удивительное происшествие! В 1877 г. «весь «Капитал»» был посвящен материалистическому исследованию данной общественной формы (в чем же ином состоит материализм, как не в объяснении общественных форм материальными условиями?), – а в 1894 г. стало так, что неизвестно даже, где, в каком сочинении искать изложения этого материализма!

В 1877 г. в «Капитале» было «исследование» того, как «дальнейших изменений материальных условий данная форма (т. е. капиталистическая? не правда ли?) выдержать не может» (это заметьте), – а в 1894 г. оказалось так, что никакого исследования совсем нет, а убеждение в том, что капиталистическая форма не может выдержать дальнейшего развития производительных сил – держится «исключительно на конце гегелевской триады»! В 1877 г. г. Михайловский писал, что «анализ отношений данной общественной формы к материальным условиям ее существования *навсегда* (курсив мой) останется памятником логической силы и громадной эрудиции автора», – а в 1894 г. он объявляет, что доктрина материализма никогда и нигде не была проверена и обоснована научно!

Удивительное происшествие! Что же это такое в самом деле означает? Что такое случилось?

Случилось два обстоятельства: во-первых, *русский,* крестьянский социализм 70-х годов, «фыркавший» на свобо-

ду ради ее буржуазности, боровшийся с «яснолобыми либералами», усиленно замазывавшими антагонистичность русской жизни, и мечтавший о крестьянской революции, – совершенно разложился и породил тот пошлый мещанский либерализм, который усматривает «бодрящие впечатления» в прогрессивных течениях крестьянского хозяйства, забывая, что они сопровождаются (и обусловливаются) массовой экспроприацией крестьянства. – Во-вторых, в 1877 г. г-н Михайловский так увлекался своей задачей – защитить «сангвиника» (т. е. социалиста революционера) Маркса от либеральных критиков, что не заметил несовместимости метода Маркса с его собственным методом. Но вот разъяснили ему это непримиримое противоречие между диалектическим материализмом и субъективной социологией – разъяснили статьи и книги Энгельса, разъяснили русские социал-демократы (у Плеханова не раз встречаются очень меткие замечания по адресу г. Михайловского), – иг. Михайловский вместо того, чтобы серьезно приняться за пересмотр вопроса, просто-напросто закусил удила. Вместо приветствия Маркса (выраженного им в 1872 и 1877 гг.)[51] он лает теперь на него из-за подворотни сомнительного качества похвал и шумит и брызжет против русских марксистов, не желающих удовлетворяться «охраной экономически слабейшего», товарными складами и улучшениями в деревне, музеями и артелями для кустарей и т. п. благонамеренными мещанскими прогрессами – и желающих оставаться «сангвиниками», сто-

ронниками социальной революции и обучать, руководить и организовать действительно революционные общественные элементы.

После этого небольшого отступления в область давнопрошедшего, можно, кажется, и закончить разбор «критики» г. Михайловского теории Маркса. Попробуем же подвести итоги и резюмировать «доводы» критика.

Доктрина, которую он вознамерился разрушить, опирается, во-первых, на материалистическое понимание истории и, во-вторых, на диалектический метод.

Что касается до первого, то критик заявил прежде всего, что он не знает, в каком сочинении изложен материализм. Не найдя нигде этого изложения, он принялся сам сочинять, что такое материализм. Чтобы дать понятие о чрезмерных претензиях этого материализма, он сочинил, будто материалисты претендуют на то, что объяснили все прошедшее, настоящее и будущее человечества, – а когда потом, по справке с подлинным заявлением марксистов, оказалось, что объясненной считают одну только общественную формацию, – тогда критик решил, что материалисты суживают поле действия материализма, чем, мол, и побивают себя. Чтобы дать понятие о приемах выработки этого материализма, он сочинил, будто материалисты сами признавались в слабости познаний для такого дела, как выработка научного социализма, несмотря на то, что в слабости познаний Маркс и Энгельс сознавались (в 1845–1846 гг.) по отношению к экономической

истории вообще, и несмотря на то, что это сочинение, доказывавшее слабость их познаний, они никогда не печатали. После таких прелюдий подарили нас и критикой: «Капитал» был уничтожен тем, что касается одного только периода, тогда как критику нужны все периоды, и еще тем, что «Капитал» не утверждает экономический материализм, а просто касается его – аргументы, настолько, очевидно, веские и серьезные, что пришлось признать, что материализм никогда не был научно обоснован. Затем против материализма приведен был тот факт, что человек, совершенно посторонний этой доктрине, изучавший доисторические времена совсем в другой стране, – пришел к материалистическим же выводам. Чтобы показать далее, что детопроизводство совсем неправильно притянуто к материализму, что это – одно словесное ухищрение, – критик стал доказывать, что экономические отношения представляют надстройку над половыми и семейными. Указания, которые даны были при этом серьезным критиком в поучение материалистам, обогатили нас глубокой истиной, что наследство невозможно без детопроизводства, что к продуктам этого детопроизводства «примыкает» сложная психика и что дети воспитываются в духе отцов. Попутно узнали мы также, что национальные связи – продолжение и обобщение родовых. Продолжая свои теоретические изыскания о материализме, критик заметил, что содержание многих аргументов марксистов состоит в том, что угнетение и эксплуатация масс «необходимы» при буржуаз-

ном режиме и что этот режим «необходимо» должен превратиться в социалистический, – и вот он не замедлил объявить, что необходимость – слишком общая скобка (если не сказать о том, что именно люди считают необходимым) и что поэтому марксисты – мистики и метафизики. Критик заявил также, что полемика Маркса с идеалистами «одностороння», не сказавши ни слова о том, как относятся воззрения этих идеалистов к субъективному методу и как относится к ним диалектический материализм Маркса.

Что касается до второго устоя марксизма – диалектического метода, – то достаточно было одного толчка смелого критика, чтобы свалить этот устой. И толчок был очень меткий: критик возился и трудился с неимоверными усилиями над опровержением того, будто триадами можно что-либо доказывать, – умолчавши о том, что диалектический метод состоит совсем не в триадах, что он состоит именно в отрицании приемов идеализма и субъективизма в социологии. Другой толчок специально направлен был против Маркса: при помощи доблестного г. Дюринга, критик подсунул Марксу невероятный вздор, будто он доказывал необходимость гибели капитализма триадами, – и победоносно воевал против этого вздора.

Вот – эпопея блестящих «побед» «нашего известного социолога»! Не правда ли, как «поучительно» (Буренин) созерцание этих побед?

Нельзя не коснуться здесь еще одного обстоятельства, не

имеющего прямого отношения к критике доктрины Маркса, но крайне характерного для уяснения идеалов и понимания действительности критиком. Это – отношение его к рабочему движению на Западе.

Выше было приведено заявление г. Михайловского, что материализм не оправдал себя в «науке» (может быть, в науке германских «друзей народа»?), но этот материализм, – рассуждает г. Михайловский, – «действительно очень быстро распространяется в рабочем классе». Как же объясняет этот факт г. Михайловский? «Что касается успеха, которым экономический материализм пользуется, так сказать, в ширину, – говорит он, – его распространенности в критически непроверенном виде, то центр тяжести этого успеха лежит не в науке, а в житейской практике, устанавливаемой перспективами в сторону будущего». Какой иной смысл может иметь эта неуклюжая фраза о практике, «устанавливаемой» перспективами в сторону будущего, кроме того, что материализм распространяется не потому, чтобы он правильно объяснил действительность, а потому, что он отвернулся от этой действительности в сторону перспективы? И дальше говорится: «Перспективы эти не требуют от усвояющего их немецкого рабочего класса и принимающих горячее участие в его судьбе ни знаний, ни работы критической мысли. Они требуют только веры». Другими словами, распространение материализма и научного социализма вширь зависит от того, что эта доктрина обещает рабочим лучшее будущее! Да ведь

достаточно самого элементарного знакомства с историей социализма и рабочего движения на Западе, чтобы видеть всю вздорность и фальшь этого объяснения. Всякий знает, что никаких собственно перспектив будущего никогда научный социализм не рисовал: он ограничивался тем, что давал анализ современного буржуазного режима, изучал тенденции развития капиталистической общественной организации – и только. «Мы не говорим миру, – писал Маркс еще в 1843 г., и он в точности вы полнил эту программу, – мы не говорим миру: «перестань бороться; вся твоя борьба – пустяки», мы даем ему истинный лозунг борьбы. Мы только показываем миру, за что собственно он борется, а сознание – такая вещь, которую мир *должен* приобрести себе, хочет он этого или нет»[52]. Всякий знает, что, например, «Капитал» – это главное и основное сочинение, излагающее научный социализм – ограничивается самыми общими намеками насчет будущего, прослеживая только те, теперь уже имеющиеся на лицо, элементы, из которых вырастает будущий строй. Всякий знает, что по части перспектив будущего неизмеримо больше давали прежние социалисты, которые со всеми подробностями разрисовывали будущее общество, желая увлечь человечество картиной таких порядков, когда люди обходятся без борьбы, когда их общественные отношения основываются не на эксплуатации, а на истинных началах прогресса, соответствующих условиям человеческой природы. Однако – несмотря на целую фалангу талантливейших людей, излагав-

ших эти идеи, и убежденнейших социалистов, – их теории оставались в стороне от жизни, их программы – в стороне от народных политических движений, пока крупная машинная индустрия не вовлекла в водоворот политической жизни массы рабочего пролетариата и пока не был найден истинный лозунг его борьбы. Этот лозунг найден был Марксом, – «не утопистом, а строгим, местами даже сухим ученым», как отзывался о нем г. Михайловский в давнопрошедшие времена – 1872 г., – найден совсем не посредством каких-нибудь перспектив, а посредством научного анализа современного буржуазного режима, посредством выяснения *необходимости* эксплуатации при наличности этого режима, посредством исследования законов его развития. Г. Михайловский может, конечно, уверять читателей «Русского Богатства», что усвоение этого анализа не требует ни знаний, ни работы мысли, но мы видели уже у него самого (и увидим еще больше у его сотрудника экономиста[53]) такое грубое непонимание азбучных истин, установленных этим анализом, что подобное заявление в состоянии вызвать, разумеется, только улыбку. Остается неоспоримым фактом распространение и развитие рабочего движения именно там и постольку, где и поскольку развивается крупная капиталистическая машинная индустрия; – успех социалистической доктрины именно в том случае, когда она оставляет рассуждения об общественных условиях, соответствующих человеческой природе, и берется за материалистический анализ со-

временных общественных отношений, за выяснение необходимости теперешнего режима эксплуатации.

Попытавшись обойти действительные причины успеха материализма в рабочей среде посредством прямо уж противоположной истине характеристики отношения этой доктрины к «перспективам», г. Михайловский начинает теперь самым пошлым, мещанским образом глумиться над идеями и тактикой западноевропейского рабочего движения. Как мы видели, он не сумел буквально ни одного довода привести против доказательств Маркса о неизбежности превращения капиталистического строя в социалистический вследствие обобществления труда, – и тем не менее он развязнейшим образом иронизирует над тем, будто «армия пролетариев» подготовляет экспроприацию капиталистов, «вслед за чем прекратится уже всякая классовая борьба и наступит на земле мир и в человецех благоволение». Он, г. Михайловский, знает гораздо более простые и верные пути к осуществлению социализма, чем этот: нужно только, чтобы «друзья народа» поподробнее указали «ясные и непреложные» пути «желанной экономической эволюции» – и тогда этих «друзей народа» наверное «призовут» для решения «практических экономических проблем» (см. статью г. Южакова: «Вопросы экономического развития России», № 11 «Р. Б.»), а пока… пока рабочие должны подождать, положиться на «друзей народа» и не начинать с «неосновательной самоуверенностью» самостоятельной борьбы против эксплуата-

торов. Желая окончательно поразить насмерть эту «неосновательную самоуверенность», наш автор с пафосом негодует против «этой науки, умещающейся чуть ли не в карманном словаре». Какой ужас, в самом деле: наука – и социал-демократические брошюры, стоящие гроши и умещающиеся в кармане!! Не ясно ли, до какой степени неосновательно самоуверены те люди, которые лишь постольку и ценят науку, поскольку она учит эксплуатируемых самостоятельной борьбе за свое освобождение, учит сторониться от всяких «друзей народа», замазывающих антагонизм классов и желающих на себя взять все дело, и которые поэтому излагают эту науку в грошовых изданиях, так шокирующих филистеров. То ли бы дело, если бы рабочие предоставили свою судьбу «друзьям народа», они показали бы им настоящую, многотомную, университетскую и филистерскую науку, подробно ознакомили бы их с общественной организацией, соответствующей человеческой природе, если бы только… рабочие согласились подождать и не начинали сами борьбы с такой неосновательной самоуверенностью!

Прежде чем переходить ко второй части «критики» г. Михайловского, направленной уже не против теории Маркса вообще, а против русских социал-демократов в частности, нам приходится сделать некоторое отступление. Дело в том, что г. Михайловский, – точно так же, как он, критикуя Маркса, не только не попытался точно изложить его теорию, но

прямо-таки извратил ее, – точно так же совсем уже безбожно перевирает идеи русских социал-демократов. Необходимо восстановить правду. Сделать это всего удобнее посредством сопоставления идей прежних русских социалистов – с идеями социал-демократов. Изложение первых заимствую из статьи г. Михайловского в «Русской Мысли» за 1892 г., № 6, в которой он говорил тоже о марксизме (и говорил – в укор ему будь сказано – в приличном тоне, не касаясь вопросов, о которых трактовать в подцензурной прессе можно только по-буренински, – не смешивая марксистов со всякою грязью) и в противовес ему – или, по крайней мере, если не в противовес, то в параллель – излагал свои взгляды. Я ничуть не желаю, конечно, обижать ни г. Михайловского, т. е. причислять его к социалистам, ни русских социалистов, приравнивая к ним г. Михайловского: я думаю только, что *ход аргументации* у тех и другого в сущности один и тот же, разница же заключается в степени твердости, прямоты и последовательности убеждений.

Излагая идеи «Отечественных Записок», г. Михайловский писал: «В состав нравственно-политических идеалов мы вводили принадлежность земли земледельцу и орудий труда производителю». Исходная точка, как видите, самая благонамеренная, полная самых добрых пожеланий… «Существующие еще у нас средневековые формы труда[66] сильно

---

[66] «Под средневековыми формами труда, – пояснял автор в другом месте, – следует разуметь не только общинное землевладение, кустарную промышленность

расшатаны, но мы не видели резона совсем кончать с ними, в угоду каких бы то ни было доктрин, либеральных или нелиберальных».

Странное рассуждение! Ведь какие бы то ни было «формы труда» могут быть расшатаны только вследствие замены их другими какими-нибудь формами; а между тем мы не находим у нашего автора (да не нашли бы ни у кого из его единомышленников) даже попытки анализа этих новых форм и объяснения их, а также выяснения причин вытеснения этими новыми формами старых. Еще более странная вторая часть тирады: «мы не видели резона кончать с этими формами в, угоду доктрин». Какими же это средствами обладаем «мы» (т. е. социалисты – см. вышесделанную оговорку) для того, чтобы «кончать» с формами труда, т. е. чтобы перестраивать данные производственные отношения между членами общества? Неужели не нелепа мысль о переделке этих отношений по доктрине? Послушаем дальше: «задача наша не в том, чтобы вырастить непременно «самобытную» цивилизацию из собственных национальных недр, но и не в том, чтобы перенести на себя западную цивилизацию целиком со всеми раздирающими ее противоречиями: надо брать хорошее отовсюду, откуда можно, а свое оно будет или чужое, это уже вопрос не принципа, а практического

и артельную организацию. Все это, несомненно, средневековые формы, но к ним должны быть причислены все виды принадлежности земли или орудий производства работнику».

удобства. По-видимому, это столь просто, ясно и понятно, что и разговаривать не о чем». И в самом деле, как это просто! Хорошее «брать» отовсюду – и дело в шляпе! От средневековых форм «взять» принадлежность средств производства работнику, а от новых (т. е. капиталистических) форм «взять» свободу, равенство, просвещение, культуру. И разговаривать не о чем! Субъективный метод в социологии тут весь как на ладони: социология начинает с утопии – принадлежность земли работнику – и указывает условия осуществления желательного: «взять» хорошее оттуда-то да еще оттуда. Философ этот чисто метафизически смотрит на общественные отношения, как на простой механический агрегат тех или других институтов, простое механическое сцепление тех или других явлений. Он вырывает одно из таких явлений – принадлежность земли земледельцу в средневековых формах – и думает, что его можно точно так же пересадить во всякие другие формы, как кирпич переложить из одного здания в другое. Но ведь это же значит не изучать общественные отношения, а уродовать подлежащий изучению материал: ведь действительность не знает этой принадлежности земли земледельцу, отдельно и самостоятельно существующей, как вы ее взяли: это – только одно из звеньев тогдашних производственных отношений, которые состояли в том, что земля разделена была между крупными землевладельцами, помещиками, что помещики наделяли крестьян этой землей для того, чтобы эксплуатировать их, так

что земля была как бы натуральной заработной платой: она давала крестьянину необходимые продукты, чтобы он мог производить прибавочный продукт на помещика; она являлась фондом для несения крестьянами повинностей в пользу помещика. Почему автор не проследил этой системы производственных отношений, а ограничился тем, что вырвал одно явление, представив его, таким образом, в совершенно ложном свете? Потому что автор не умеет обращаться с общественными вопросами: он (повторяю, что пользуюсь рассуждениями г. Михайловского только как примером для критики *всего* русского социализма) совсем и не задается целью *объяснить* тогдашние «формы труда», представить их, как известную систему производственных отношений, как известную общественную формацию. Ему чужд, говоря языком Маркса, диалектический метод, обязывающий смотреть на общество, как на живой организм в его функционировании и развитии.

Вовсе и не задаваясь вопросом о причинах вытеснения старых форм труда новыми, он повторяет в рассуждении об этих новых формах совершенно такую же ошибку. Для него достаточно констатировать, что эти формы «расшатывают» принадлежность земли земледельцу, т. е., общее говоря, выражаются в отделении производителя от средств производства, – и осудить это, как не соответствующее идеалу. И опять-таки рассуждение его совершенно нелепо: он вырывает одно явление (обезземеление) и не пробуя представить его

как член другой уже системы производственных отношений, основанной на *товарном хозяйстве,* необходимо порождающем конкуренцию между товаропроизводителями, неравенство, разорение одних и обогащение других. Он отметил одно явление – разорение массы, отодвинув другое – обогащение меньшинства, – и тем поставил себя в невозможность понять ни то, ни другое.

И такие приемы называет еще – «искать ответы на вопросы жизни в их плотью и кровью одетой форме» («Р. Б.» № 1 за 1894 г.), тогда как он, как раз наоборот, не умея и не желая объяснить действительность, взглянуть ей прямо в лицо, – убежал позорно от этих вопросов жизни с ее борьбой имущего против неимущего, в область невинных утопий; это он называет – «искать ответы на вопросы жизни в идеальной постановке их жгучей и сложной реальной действительности» («Р. Б.» № 1), тогда как он на самом деле не сделал и попытки анализа и объяснения этой реальной действительности.

Вместо этого он дал нам утопию, сочиненную из бессмысленнейшего выдергивания отдельных элементов из разных общественных формаций – из средневековой взял то-то, из «новой» – то-то и т. д. Понятно, что теория, основанная на этом, не могла не остаться в стороне от действительной общественной эволюции по той простой причине, что жить-то и действовать приходилось нашим утопистам не в тех общественных отношениях, которые составлены из взятых отту-

да-то да оттуда элементов, а в тех, которые определяют отношения крестьянина к кулаку (хозяйственному мужику), кустаря к скупщику, рабочего к фабриканту и которые были совершенно не поняты ими. Их попытки и усилия переделать эти непонятые отношения по своему идеалу не могли не потерпеть неудачи.

Вот в самых общих чертах – очерк того положения вопроса о социализме в России, когда «народились русские марксисты».

Они начали именно с критики субъективных приемов прежних социалистов; не удовлетворяясь констатированием эксплуатации и осуждением ее, они пожелали *объяснить* ее. Видя, что вся пореформенная история России состоит в разорении массы и в обогащении меньшинства, наблюдая гигантскую экспроприацию мелких производителей наряду с повсеместным техническим прогрессом, замечая, что эти полярные течения возникают и усиливаются там и постольку, где и поскольку развивается и упрочивается товарное хозяйство, – они не могли не заключить, что имеют дело с буржуазной (капиталистической) организацией общественного хозяйства, *необходимо* порождающей экспроприацию и угнетение масс. Их практическая программа прямо уже определялась этим убеждением: она сводилась к тому, чтобы примкнуть к этой борьбе пролетариата с буржуазией, борьбе неимущих классов против имущих, которая составляет главное содержание экономической действительности Рос-

сии, начиная от глухой деревушки и кончая новейшей усовершенствованной фабрикой. Как примкнуть? – ответ подсказала им опять-таки сама действительность. Капитализм довел главные отрасли промышленности до стадии крупной машинной индустрии; обобществив таким образом производство, он создал материальные условия новых порядков и в то же время создал новую социальную силу: класс фабрично-заводских рабочих, городского пролетариата. Подвергаясь такой же буржуазной эксплуатации, каковою является по своей экономической сущности эксплуатация всего трудящегося населения России, – этот класс поставлен, однако, в особо выгодные условия по отношению к своему освобождению: он ничем не связан уже со старым, целиком построенным на эксплуатации, обществом; самые условия его труда и обстановка жизни организуют его, заставляют мыслить, дают возможность выступить на арену политической борьбы. Естественно, что социал-демократы обратили все свое внимание и все надежды на этот класс, что они свели свою программу к развитию его классового самосознания, направили всю свою деятельность к тому, чтобы помочь ему подняться на прямую политическую борьбу против современного режима и втянуть в эту борьбу весь русский пролетариат.

Посмотрим теперь, как воюет г. Михайловский против социал-демократов. Что приводит он в возражение против их теоретических воззрений? против их политической социа-

листической деятельности?

Теоретические воззрения марксистов излагаются критиком следующим образом: «Истина – по словам, будто бы, марксистов – состоит в том, что по имманентным законам исторической необходимости Россия разовьет свое капиталистическое производство, со всеми его внутренними противоречиями, с поеданием малых капиталов крупными, а тем временем оторванный от земли мужик обратится в пролетария, объединится, обобществится, и дело будет в шляпе, которую и останется только надеть на голову осчастливленному человечеству».

Извольте видеть, – марксисты, значит, ничем не отличаются от «друзей народа» в понимании действительности, но только в представлении будущего: они совсем, должно быть, не занимаются настоящим, а только «перспективами». Что именно такова мысль г. Михайловского, в этом не может быть сомнения: марксисты, – говорит он, – «вполне уверены, что в их провидениях будущего нет ничего утопического, а все взвешено и смерено по предписаниям строгой науки», и, наконец, еще яснее: марксисты – «веруют и исповедуют непреложность абстрактной исторической схемы».

Одним словом, мы имеем перед собой то банальнейшее и пошлейшее обвинение марксистов, на котором с давних пор выезжают все те, кто не может возразить что-либо по существу против их воззрений. «Марксисты исповедуют непреложность абстрактной исторической схемы»!!

Да ведь это же сплошная ложь и выдумка!

Ни один из марксистов нигде и никогда не аргументировал таким образом, что в России «должен быть» капитализм, «потому что» он был на Западе и т. д. Ни один из марксистов никогда не видел в теории Маркса какой-нибудь общеобязательной философско-исторической схемы, чего-нибудь большего, чем объяснение такой-то общественно-экономической формации. Один только субъективный философ, г. Михайловский, ухитрился обнаружить такое непонимание Маркса, что усмотрел у него общефилософскую теорию, в ответ на что и получил совершенно определенное разъяснение Маркса, что он ошибся в адресе. Никогда ни один марксист не основывал своих социал-демократических воззрений на чем-нибудь ином, как на соответствии ее с действительностью и историей данных, т. е. русских, общественно-экономических отношений, да и не мог основывать, потому что это требование от теории совершенно ясно и определенно заявлено и положено во главу угла всего учения самим основателем «марксизма» Марксом.

Конечно, г. Михайловский может, сколько угодно, опровергать эти заявления тем, что он «собственными ушами» слышал именно исповедание абстрактной исторической схемы. Но какое же нам, социал-демократам, или кому бы то ни было, дело до того, что г. Михайловскому приходилось выслушивать от его собеседников всякий абсурдный вздор? Не доказывает ли это только того, что он очень счастливо выби-

рает своих собеседников, и ничего больше? Очень возможно, конечно, что эти остроумные собеседники остроумного философа именовали себя марксистами, социал-демократами и т. п. – но кто же не знает, что в настоящее время (как это давно уже замечено) всякий прохвост любит рядиться в «красные» платья?[67] И если г. Михайловский настолько прозорлив, что не может отличить таких «ряженых» от марксистов, или если он настолько глубоко понял Маркса, что не заметил этого усиленнейше выдвигаемого им критерия всей его доктрины (формулирование «того, что совершается перед нашими глазами»), – то это доказывает опять-таки только, что г. Михайловский не умен, и ничего больше.

Во всяком случае, если он брался за полемику в печати против *социал-демократов,* – он должен был иметь в виду ту группу социалистов, которая уже давно носит такое имя и носит его одна, так что других нельзя смешать с нею, и которая имеет своих литературных представителей – Плеханова и его кружок[54]. И если бы он сделал так, – а так, очевидно, должен был бы поступить всякий мало-мальски порядочный человек, – и обратился хотя бы к первому социал-демократическому сочинению, к книге Плеханова: «Наши разногласия», – он увидал бы там на первых же страницах категорическое заявление автора от лица всех членов кружка:

---

[67] Все это писано в предположении, что г. Михайловский действительно слышал исповедания абстрактных исторических схем и что он ничего не переврал. Считаю, однако, безусловно необходимым по этому поводу оговориться: за что купил, за то и продаю.

«Мы ни в каком случае не хотим прикрывать свою программу авторитетом великого имени» (т. е. авторитетом Маркса). Понимаете вы русский язык, г. Михайловский? Понимаете вы разницу между исповеданием абстрактных схем и отрицанием всякого авторитета Маркса в суждении о русских делах?

Понимаете ли вы, что, выдавая первое суждение, которое вам посчастливилось слышать от ваших собеседников, за марксистское и оставляя без внимания печатное заявление одного из выдающихся членов социал-демократии от имени всей группы, – вы поступили нечестно?

И дальше заявление делается еще более определенное:

«Повторяю, – говорит Плеханов, – между самыми последовательными марксистами возможно разногласие по вопросу об оценке современной русской действительности»; наша доктрина – «первый опыт применения данной научной теории к анализу весьма сложных и запутанных общественных отношений».

Кажется, трудно говорить яснее: марксисты заимствуют безусловно из теории Маркса только драгоценные приемы, без которых невозможно уяснение общественных отношений, и, следовательно, критерий своей оценки этих отношений видят совсем не в абстрактных, схемах и т. п. вздоре, а в верности и соответствии ее с действительностью.

Или, может быть, вы думаете, что, делая такие заявления, автор на самом деле рассуждал иначе? По это неправда. Во-

прос, которым он занимался, состоял в том, – «должна ли Россия пройти через капиталистическую фазу развития?» Вопрос этот был, следовательно, формулирован совсем не по-марксистски, а по субъективным методам разных отечественных философов, видящих критерии этого долженствования не то в политике начальства, не то в деятельности «общества», не то в идеале общества, «соответствующего человеческой природе», и тому подобной белиберде. Спрашивается теперь: как должен был отвечать на подобный вопрос человек, исповедующий абстрактные схемы? Очевидно, он стал бы говорить о непререкаемости диалектического процесса, об общефилософском значении теории Маркса, о неизбежности для каждой страны пройти через фазу… и т. д., и т. д.

И как отвечал Плеханов?

Так, как только и мог отвечать марксист:

Он оставил совершенно в стороне вопрос о долженствовании, как праздный и могущий интересовать лишь субъективистов, и все время говорил лишь о действительных общественно-экономических отношениях, о действительной их эволюции. Поэтому не дал он и прямого ответа на такой неправильно поставленный вопрос, а ответил вместо того так: «Россия *вступила* на капиталистический путь».

А г. Михайловский с видом знатока толкует об исповедании абстрактной исторической схемы, об имманентных законах необходимости и т. п. невероятной ерунде! И называет

это «полемикой против социал-демократов»!!

Решительно отказываюсь понимать – если это полемист, то кто же после этого называется пустолайкой?!

Нельзя не отметить еще по поводу вышецитированного рассуждения г. Михайловского, что он излагает взгляды социал-демократов так, будто «Россия *разовьет* свое собственное капиталистическое производство». Очевидно, по мнению этого философа, в России нет «своего собственного» капиталистического производства. Автор, должно быть, примыкает к тому мнению, что русский капитализм ограничивается 1,5 миллионами рабочих, – мы ниже еще встретимся с этой ребячьей идеей наших «друзей народа», которые уж неизвестно куда причисляют всю остальную эксплуатацию свободного труда. «Россия разовьет свое собственное капиталистическое производство со всеми его внутренними противоречиями, а тем временем оторванный от земли мужик обратится в пролетария». Что дальше в лес, то больше дров! Итак, в России нет «внутренних противоречий»? т. е., говоря прямо, нет эксплуатации массы народа кучкой капиталистов? нет разорения громадного большинства населения и обогащения кучки лиц? Мужику только еще предстоит быть оторванным от земли? А в чем состоит вся пореформенная история России, как не в массовой, невиданной нигде в такой интенсивности, экспроприации крестьянства? Надо иметь большое мужество, чтобы заявлять во всеуслышание такие вещи. И г. Михайловский обладает этим муже-

ством: «Маркс оперировал над готовым пролетариатом и готовым капитализмом, а нам надо еще создавать их». России надо еще создавать пролетариат?! В России, в которой одной только можно найти такую безысходную нищету масс, такую наглую эксплуатацию трудящегося, – которую сравнивали (и законно) с Англией по положению ее бедноты, в которой голодание миллионов народа является постоянным явлением рядом, например, с все возрастающим вывозом хлеба, – в России нет пролетариата!!

Я думаю, что г. Михайловскому следовало бы живому поставить памятник за эти классические слова![68]

Мы, впрочем, еще ниже увидим, что это – постоянная и последовательнейшая тактика «друзей народа» – фарисейски закрывать глаза на невозможное положение трудящихся в России, изображать его только «пошатнувшимся», так что достаточно усилий «культурного общества» и правительства, чтобы направить все на истинный путь. Эти рыцари думают, что если они закроют глаза на тот факт, что положение трудящейся массы плохо не потому, что оно «пошатнулось»,

---

[68] Может быть, впрочем, г. Михайловский и тут попробовал бы увильнуть: я, дескать, вовсе не хотел сказать, что в России нет вообще пролетариата, а только – что в ней нет капиталистического пролетариата? – Да? Так почему же Вы тогда не сказали этого? Ведь весь вопрос-то в том и состоит: представляет ли из себя русский пролетариат такой, который свойственен буржуазной организации общественного хозяйства, или иной какой? Кто же виноват, что Вы на протяжении целых двух статей не проронили *ни слова* об этом, единственно серьезном и важном, вопросе, а предпочли болтать всякий вздор, и притом заговариваетесь до чертиков?

а потому, что она подвергается бесстыднейшему грабежу со стороны кучки эксплуататоров, что если они наподобие страусов спрячут головы, чтобы не видеть этих эксплуататоров, – то эти эксплуататоры исчезнут. И когда социал-демократы говорят им, что это – позорная трусость – бояться смотреть в лицо действительности, когда они берут за свою отправную точку этот факт эксплуатации и говорят, что единственно возможное объяснение его лежит в буржуазной организации русского общества, раскалывающей массу народа на пролетариат и буржуазию, и в классовом характере русского государства, представляющего из себя не что иное, как орган господства этой буржуазии, что поэтому *единственный выход* заключается в классовой борьбе пролетариата против буржуазии, – тогда эти «друзья народа» поднимают вопли, что социал-демократы хотят обезземелить народ!! хотят разрушить нашу народную экономическую организацию!!

Мы подходим теперь к самому возмутительному месту всей этой, по меньшей мере, неприличной «полемики» – именно к «критике» (?) г. Михайловским политической деятельности социал-демократов. Всякий понимает, что деятельность социалистов и агитаторов среди рабочих не может подвергаться честному обсуждению в нашей легальной прессе и что единственное, что может сделать в этом отношении порядочная подцензурная печать, – это «с тактом молчать». Г. Михайловский забыл это весьма элементарное правило и не посовестился воспользоваться своей монополией обраще-

ния к читающей публике для того, чтобы обливать социалистов грязью.

Найдутся, однако, средства борьбы против этого бесцеремонного критика и помимо легальной журналистики!

«Сколько я понимаю, – наивничает г. Михайловский, – русские марксисты могут быть разделены на три разряда: марксистов-зрителей (безучастные наблюдатели процесса), марксистов пассивных (только «облегчают муки родов». Они «не интересуются народом, на земле сидящим, и обращают свое внимание и надежды на тех, которые уже отлучены от средств производства») и марксистов активных (прямо настаивающих на дальнейшем разорении деревни)».

Что это такое?! Ведь не может же г. критик не знать, что русские марксисты – это социалисты, исходящие из того воззрения на действительность, что это – капиталистическое общество и что выход из него один – классовая борьба пролетариата против буржуазии? Каким же образом и с какой стати смешивает он их под одно с какой-то бессмысленной пошлостью? Какое право (нравственное, конечно) имеет он распространять термин марксистов на людей, не принимающих, очевидно, элементарнейших и основных положений марксизма, людей, которые никогда и нигде не выступали в качестве особой группы, никогда и нигде не заявляли какой-нибудь своей особой программы?

Г-н Михайловский оставил себе целый ряд лазеек, чтобы оправдать такие безобразные приемы.

«Может быть, – острит он с легкостью светского пшюта, – это и не настоящие марксисты, но они считают и объявляют себя таковыми». Где объявляли и когда? В петербургских либеральных и радикальных салонах? В частных письмах? Пусть так. Так и разговаривайте с ними в своих салонах и в своей корреспонденции! По ведь вы выступаете печатно и публично против людей, которые (под знаменем марксизма) никогда и нигде не выступали публично. И вы смеете еще при этом объявлять, что полемизируете против *социал-демократов,* зная, что это имя носит только *одна* группа социалистов революционеров и никого другого с нею смешать нельзя![69]

Г. Михайловский виляет и вертится, как уличенный гимназист: Я тут совершенно ни при чем – силится доказать он читателю – я «собственными ушами слышал и собственными глазами видел». Да, прекрасно! Мы охотно верим, что

---

[69] Остановлюсь на одном хоть *фактическом* указании, которое попадается у г. Михайловского. Всякий, прочитавший его статью, должен будет согласиться, что он и г. Скворцова (автора «Экономических причин голодовок») причисляет к «марксистам». А между тем этот г-н сам себя так не называет, и достаточно самого элементарного знакомства с сочинениями социал-демократов, чтобы видеть, что с их точки зрения это – пошлейший буржуй и ничего больше. Какой это марксист, когда он не понимает, что та общественная среда, для которой он прожектирует свои прогрессы, – есть буржуазная среда, что поэтому все «улучшения культуры», действительно замечаемые даже в крестьянском хозяйстве, означают прогресс буржуазный, улучшающий положение меньшинства и пролетаризирующий массы! Какой это марксист, когда он не понимает, что государство, к которому он обращается с прожектами, есть классовое государство, способное только поддерживать буржуазию и давить пролетариат!

у вас под глазами нет никого, кроме пошляков и негодяев, но при чем же тут мы-то, социал-демократы? Кто же не знает, что «в настоящее время, когда» не только социалистическая, но и всякая мало-мальски самостоятельная и честная общественная деятельность вызывает политическое преследование, – на одного, действительно работающего под тем или другим знаменем – народовольчества, марксизма или, хоть скажем, конституционализма – приходится несколько десятков фразеров, прикрывающих этим именем свою либеральную трусость, и еще, может быть, несколько прямых уже подлецов, обстраивающих свои собственные делишки? Не ясно ли, что только самая низменная пошлость способна бы была ставить в упрек какому бы то ни было из этих направлений тот факт, что его знамя пачкает (и притом непубличо и негласно) всякая шваль? Все изложение г. Михайловского – сплошная цепь искажений, извращений и подтасовок. Выше мы видели, что те «истины», из которых исходят социал-демократы, он совершенно переврал, изложил так, как никто из марксистов нигде и никогда их не излагал и не мог излагать. И если бы он изложил действительное понимание русской действительности социал-демократами, он не мог бы не видеть, что «сообразоваться» с этими воззрениями можно *только на один манер* – содействуя развитию классового самосознания пролетариата, организуя и сплачивая его для политической борьбы против современного режима. У него, впрочем, осталась еще одна уловка. С видом

оскорбленной невинности, он фарисейски возводит очи горе и слащаво изрекает: «Я очень рад это слышать, но я не понимаю, против чего вы протестуете» (он так и говорит во 2 № «Р. Б.»). «Прочитайте внимательнее мой отзыв о пассивных марксистах, и вы увидите, что я говорю: с этической точки зрения возразить ничего нельзя».

И это, конечно, не что иное, как пережевывание прежних, жалких уверток.

Скажите, пожалуйста, как назвали бы поступок человека, который объявил бы, что критикует социально-революционное народничество (а другое еще и не выступало – беру такой период), и который стал бы излагать примерно такие вещи:

«Народники, сколько я понимаю, разделяются на три разряда: народники последовательные, которые вполне принимают идеи мужика и в точном соответствии с его желаниями обобщают розги, женобойство и вообще проводят ту гнуснейшую политику правительства кнута и палки, которая ведь называлась же народной политикой; затем, дескать, народники-трусы, которые не интересуются мнениями мужика и только пытаются перенести в Россию чуждое ей революционное движение, посредством ассоциаций и т. п. – против чего, впрочем, с этической точки зрения ничего возразить нельзя, если бы не скользкость пути, которая легко может свести трусливого народника к последовательному или смелому; и наконец – народники-смелые, которые во всей полноте осуществляют народные идеалы хозяйственного мужи-

ка и потому садятся на землю, чтобы кулачествовать вплотную», – все порядочные люди назвали бы, конечно, это подлым и пошлым глумлением. А если бы притом излагавший такие вещи человек не мог получить опровержения от народников в той же печати; если бы при этом идеи этих народников излагались до сих пор только нелегально и потому многие не имели о них точного понятия и могли легко поверить всему, что бы им ни сказали о народниках, – тогда все согласились бы, что такой человек…

Может быть, впрочем, г. Михайловский и сам не совсем еще забыл то слово, которое следовало бы здесь поставить.

Довольно, однако! Много еще осталось подобных же инсинуаций у г. Михайловского, но я не знаю работы более утомительной, более неблагодарной, более черной, чем возня в этой грязи, собирание разбросанных там и сям намеков, сопоставление их, поиски хоть одного какого-нибудь серьезного возражения.

Довольно!

Апрель 1894.

От издателей[55]

В тексте статьи читатель найдет сноски с указанием на дальнейший разбор некоторых вопросов, тогда как на самом деле этого разбора нет.

Причина этого лежит в том, что предлагаемая статья составляет только первую часть ответа на статьи «Русского Богатства» о марксизме. Крайний недостаток времени помешал своевременному выходу этой статьи, между тем как медлить долее мы не считаем возможным: мы и так опоздали на 2 месяца. Вот почему мы решаемся выпустить пока разбор «критики» г. Н. Михайловского, не дожидаясь окончания печатания всей статьи.

В готовящихся 2-м и 3-ем изданиях читатель найдет, помимо предлагаемого разбора, также и разбор общественно-экономических воззрений других главарей «Русского Богатства», гг. С. Южакова и С. Кривенко, в связи с очерком экономической действительности России и вытекающими отсюда «идеями и тактикой социал-демократов».

К предлагаемому изданию[56]

Предлагаемое издание представляет точное воспроизведение первого. Непричастные совершенно к делу составления текста, мы не считали себя вправе подвергнуть его каким-нибудь изменениям и ограничились только издательской работой. Мотивом, побудившим нас предпринять эту работу, была уверенность в том, что предлагаемое сочинение послужит к некоторому оживлению нашей социал-демократической пропаганды.

Полагая, что готовность служить делу этой пропаганды

должна быть непременным следствием социал-демократических убеждений, мы обращаемся ко всем единомышленникам автора предлагаемой брошюры с предложением содействовать всеми средствами (особенно, конечно, переизданием) возможно более широкому распространению как предлагаемого сочинения, так и всех вообще органов марксистской пропаганды. Настоящий момент особенно удобен для такого содействия. Деятельность «Русского Богатства» принимает по отношению к нам все более и более вызывающий характер. В своем стремлении парализовать распространение в обществе социал-демократических идей журнал дошел до прямого обвинения нас в равнодушии к интересам пролетариата и в настаивании на разорении масс. Смеем думать, что такими приемами журнал только вредит себе и подготовляет нашу победу. Однако не следует забывать, что клеветники располагают всеми материальными средствами для самой широкой пропаганды своих клевет. В их распоряжении несколько тысяч экземпляров журнала, к их услугам читальни и библиотеки. Поэтому, чтобы доказать нашим врагам, что и выгоды привилегированного положения не всегда обеспечивают успех инсинуаций, мы должны приложить все наши усилия. Выражаем полную уверенность, что эти усилия найдутся.

Июль 1894.

Выпуск III

Выпускъ III.

Что такое „Друзья народа"

и

какъ они воюютъ противъ

соціал-демократовъ.

Сентябрь 1894.

Изданіе
провинціальной группы
соціал-демократовъ.

Обложка III выпуска гектографированного издания книги В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» – 1894 г. (*Уменьшено*)

В заключение познакомимся еще с одним «другом народа», г. Кривенко, выступающим тоже на прямую войну с социал-демократами.

Впрочем, мы не будем разбирать его статьи («По поводу культурных одиночек» – в № 12 за 1893 г. и «Письма с дороги» в № 1 за 1894 г.) так, как делали это по отношению к гг. Михайловскому и Южакову. Там разбор их статей целиком был необходим, чтобы ясно представить себе в первом случае – содержание их возражений против материализма и марксизма вообще; во втором – их политико-экономические теории. Теперь нам предстоит ознакомиться, чтобы составить себе полное представление о «друзьях народа», с их тактикой, с их практическими предложениями, с их политической программой. Эта программа нигде не изложена у них прямо, с такой же последовательностью и полнотой, как воззрения теоретические. Поэтому я вынужден брать эту программу из разных статей журнала, отличающегося достаточной солидарностью своих сотрудников, чтобы не встречать противоречий. Вышеупомянутых статей г. Кривенко я буду держаться лишь предпочтительно перед другими как потому, что они больше дают материала, так и потому, что автор их является таким же типичным для журнала практиком, по-

литиком, как г. Михайловский – социологом и г. Южаков – экономистом.

Однако, прежде чем переходить к их программе, безусловно необходимым представляется остановиться еще на одном теоретическом пункте. Выше мы видели, как г. Южаков отделывался ничего не говорящими фразами о народной аренде, поддерживающей народное хозяйство, и т. п., прикрывая ими свое непонимание экономики наших земледельцев. Промыслов он не коснулся, ограничившись данными о росте крупной фабрично-заводской промышленности. Теперь г. Кривенко повторяет совершенно подобные фразы о кустарных промыслах. Он прямо противополагает «нашу народную промышленность», т. е. кустарную – промышленности капиталистической (№ 12, с. 180–181). «Народное производство (sic!), – говорит он, – в большинстве случаев возникает естественно», а капиталистическая промышленность «создается сплошь и рядом искусственно». В другом месте он противополагает «мелкую народную промышленность» – «крупной, капиталистической». Если вы спросите, в чем же состоит особенность первой, – то узнаете только, что она «мелкая»[70] и что орудия труда соединены с производителем (заимствую это последнее определение из вышеупомянутой статьи г. Михайловского). Но ведь это далеко

[70] Еще можно узнать только вот что: «из нее может развиться настоящая (sic!) народная промышленность», – говорит г. Кривенко. Обычный прием «друзей народа» – говорить праздные и бессмысленные фразы, вместо того чтобы точно и прямо охарактеризовать действительность.

еще не определяет ее экономической организации, да и потом – это совершенно неверно. Г. Кривенко говорит, например, что «мелкая народная промышленность и до сих пор еще дает гораздо большую сумму валового производства и занимает больше рук, чем промышленность крупная капиталистическая». Автор имеет в виду, очевидно, данные о числе кустарей, доходящем до 4 млн., а по другому счету до 7 млн. Но кто же не знает, что преобладающей формой экономики наших кустарных промыслов является домашняя система крупного производства? что масса кустарей занимает никак не самостоятельное, а совершенно зависимое, подчиненное положение в производстве, работает не из своего материала, а из материала купца, который платит кустарю только заработную плату? Данные о преобладании этой формы приводились ведь и в легальной даже литературе. Сошлюсь, например, на превосходную работу известного статистика С. Харизоменова в «Юридическом Вестнике»[57] (1883 г., №№ 11 и 12). Сводя имеющиеся в литературе данные о наших кустарных промыслах в центральных губерниях, где они наиболее развиты, С. Харизоменов пришел к выводу о безусловном преобладании домашней системы крупного производства, т. е. несомненно капиталистической формы промышленности. «Определяя экономическую роль мелкой самостоятельной промышленности, – говорит он, – мы приходим к таким выводам: в Московской губ. 86,5 % годовых оборотов кустарной промышленности дает домашняя система круп-

ного производства и только 13,5 % принадлежит мелкой самостоятельной промышленности. В Александровском и Покровском уездах Владимирской губернии 96 % годовых оборотов кустарной промышленности падает на долю домашней системы крупного производства и мануфактуры, и только 4 % дает мелкая самостоятельная промышленность».

Данных этих никто, насколько известно, не пробовал опровергнуть, да и нельзя их опровергнуть. Как же можно обходить и замалчивать эти факты, называть такую промышленность в противоположность капиталистической – «народной» и толковать о возможности развития из нее настоящей?

Объяснение этому прямому игнорированию фактов только и может быть одно: общая тенденция «друзей народа», как и всех российских либералов, замазывать антагонизм классов и эксплуатацию трудящегося в России, представляя все это в виде простых только «дефектов». А может быть, впрочем, причина лежит вдобавок и в таких глубоких познаниях о предмете, которые выказывает, например, г. Кривенко, называя «павловское ножевое производство» – «производством полуремесленного характера». Это феноменально, до какой степени доходит искажение дела у «друзей народа»! Как можно тут толковать о ремесленном характере, когда павловские ножевщики работают на рынок, а не на заказ? Разве не относит ли г. Кривенко к ремеслу такие порядки, когда купец заказывает кустарю изделия, чтобы отправить

их на Нижегородскую ярмарку? Это уж слишком забавно, но должно быть, что это так.

На самом деле производство ножа всего менее (сравнительно с другими павловскими производствами) сохранило мелкую кустарную форму с (кажущейся) самостоятельностью производителей: «Производство столового и ремесленного ножа[71], – говорит Н. Ф. Анненский, – уже в значительной степени приближается к фабричному или, правильнее, мануфактурному». Из занятых столовым ножом кустарей в Нижегородской губернии 396-ти человек – на базар работают только 62 (16 %), на хозяина[72] – 273 (69 %) и в наемных рабочих – 61 (15 %). Следовательно, только *[1]1в* кустарей не порабощена прямо предпринимателю. Что касается до другого подразделения ножевого производства – производства складного (перочинного) ножа, – то оно, по словам того же автора, – «занимает промежуточное место между столовым ножом и замком: большая часть мастеров здесь работает уже на хозяина, но наряду с ними есть еще довольно много самостоятельных кустарей, имеющих дело с рынком».

Всего этот сорт ножа работают 2552 кустаря в Нижегородской губернии, из которых на базар работают 48 % (1236), на хозяина – 42 % (1058) и в наемных рабочих 10 % (258).

---

[71] Наиболее крупное из всех остальных, дающее изделий на 900 тыс. руб., при общей сумме павловских изделий в 2750 тыс.

[72] То есть на купца, который дает кустарям материал и платит им за работу обыкновенную заработную плату.

И здесь, следовательно, самостоятельные (?) кустари в меньшинстве. Да и самостоятельны, конечно, работающие на базар только по виду, а на деле они не менее порабощены *капиталу* скупщиков. Если мы возьмем данные о промыслах всего Горба-товского уезда Нижегородской губернии, в котором промыслами занято 21 983 работника, т. е. 84,5 % *всех наличных работников*[73], то получим следующие данные (точные данные об экономике промысла имеются лишь о 10 808 рабочих – в промыслах: металлическом, кожевенном, шорном, валяльном, пенькопрядильном): 35,6 % кустарей работают на базар; 46,7 % – на хозяина и 17,7 % – состоят в наемниках. Таким образом, *мы видим и здесь преобладание домашней системы крупного производства, преобладание таких отношений, когда труд порабощен капиталу.*

Если «друзья народа» так свободно обходят подобного рода факты, то это происходит еще потому, что в своем понимании капитализма они не ушли дальше обыденных вульгарных представлений – капиталист = богатый и образованный предприниматель, ведущий крупное машинное хозяйство, – и не хотят знать научного содержания этого понятия. Мы в предыдущей главе видели, как г. Южаков прямо начинал капитализм с машинной индустрии, минуя простую кооперацию и мануфактуру. Это – общераспространенная ошибка,

[73] Самобытные российские экономисты, измеряя русский капитализм числом фабричных рабочих (sic!), без церемоний относят этих работников и бездну подобных им к населению, занятому сельским хозяйством и страдающему не от гнета капитала, а от искусственных давлений на «народный строй».

ведущая, между прочим, и к тому, что игнорируют капиталистическую организацию наших кустарных промыслов.

Разумеется, домашняя система крупного производства – капиталистическая форма промышленности: мы имеем здесь налицо все ее признаки – товарное хозяйство на высокой уже ступени развития, концентрация средств производства в руках отдельных личностей, экспроприация массы рабочих, которые не имеют своих средств производства и потому прилагают труд к чужим, работают не на себя, а на капиталиста. Очевидно, по организации промысла это – чистый капитализм; особенность его сравнительно с крупной машинной индустрией – техническая неразвитость (объясняется главным образом безобразно низкой заработной платой) и сохранение рабочими крохотного земельного хозяйства. Это последнее обстоятельство особенно смущает «друзей народа», привыкших мыслить, как и подобает истым метафизикам, голыми непосредственными противоречиями: «да, да – нет, нет, а что сверх того, то от лукавого».

Безземельные рабочие – капитализм; владеют землей – нет капитализма; и они ограничиваются этой успокоительной философией, опуская из виду всю общественную организацию хозяйства, забывая тот общеизвестный факт, что владение землей нимало не устраняет скотской нищеты этих землевладельцев, подвергающихся самому бесстыдному грабежу со стороны других таких же землевладельцев – «крестьян».

Они и не знают, кажется, что капитализм нигде не в состоянии был – находясь на низких сравнительно ступенях развития – оторвать совершенно рабочего от земли. По отношению к Западной Европе Маркс установил тот закон, что только крупная машинная индустрия окончательно экспроприирует рабочего. Понятно поэтому, что ходячие рассуждения об отсутствии у нас капитализма, аргументирующие тем, что «народ владеет землей», – лишены всякого смысла, потому что капитализм простой кооперации и мануфактуры нигде и никогда не был связан с полным отлучением работника от земли, нисколько не переставая, разумеется, от этого быть капитализмом.

Что же касается до крупной машинной индустрии в России – а эту форму быстро принимают наиболее крупные и важные отрасли нашей промышленности – то и у нас, при всей нашей самобытности, она обладает таким же свойством, как и на всем остальном капиталистическом Западе, она абсолютно уже не мирится с сохранением связи рабочего с землей. Факт этот доказал, между прочим, Дементьев точными статистическими данными, из которых он (совершенно независимо от Маркса) сделал тот вывод, что механическое производство неразрывно связано с полным отлучением работника от земли. Исследование это еще раз доказало, что Россия – страна капиталистическая, что в ней связь трудящегося с землей так слаба и призрачна, могущество имущего (владельца денег, скупщика, крестьянского богатея, ману-

фактуриста и пр.) так уже прочно, что достаточно еще одного шага техники – и «крестьянин» (?? живущий давным-давно продажей рабочей силы) превращается в чистого рабочего[74]. Непонимание «друзьями народа» экономической организации наших кустарных промыслов далеко не ограничивается, однако, этим. Представление их даже и о тех промыслах, где нет работы «на хозяина», так же поверхностно, как и представление о земледельце (что уже мы видели выше). Это, впрочем, и вполне естественно, когда берутся судить и рядить о политико-экономических вопросах господа, только, кажется, и знающие, что есть на свете средства производства, которые «могут» быть соединены с трудящимся, – и это очень хорошо; а «могут» быть и отделены от него – и это очень плохо. На этом не далеко уедешь.

Рассуждая о промыслах, которые капитализуются и которые не капитализуются (где «свободно может существовать мелкое производство»), г. Кривенко указывает, между прочим, на то, что в некоторых производствах «основные затраты на производство» очень незначительны и где потому возможно мелкое производство. В пример приводит он кирпичное производство, стоимость затрат на которое может-де быть в 15 раз меньше годового оборота заводов.

Так как это чуть ли не единственное фактическое указа-

---

[74] Домашняя система крупного производства не только капиталистическая система, но еще и наихудшая капиталистическая система, соединяющая с наисильнейшей эксплуатацией трудящегося наименьшую возможность для рабочих вести борьбу за свое освобождение.

ние автора (это, повторяю, самая характерная черта субъективной социологии, что она боится прямо и точно характеризовать и анализировать действительность, воспаряя предпочтительно в сферу «идеалов»… мещанства), – то мы его и возьмем, чтобы показать, насколько неверны представления «друзей народа» о действительности.

Описание кирпичного промысла (выделка кирпича из белой глины) имеем в хозяйственной статистике московского земства («Сборник», т. VII, вып. I, часть 2 и т. д.). Промысел сосредоточен главным образом в 3-х волостях Богородского уезда, где находится 233 заведения с 1402 рабочими (567 семейных[75] = 41 % и 835 наемных – 59 %) и с суммой годового производства в 357000 рублей. Промысел возник давно, но особенно развился в последние 15 лет, благодаря проведению железной дороги, значительно облегчившей сбыт. До проведения железной дороги главную роль играла семейная форма производства, уступающая теперь эксплуатации наемного труда. Этот промысел тоже не свободен от зависимости мелких промышленников от крупных по сбыту: вследствие «недостатка денежных средств» первые продают последним кирпич на месте (иногда «сырцом» – не обожженный) по страшно пониженным ценам.

Однако мы имеем возможность познакомиться и с организацией промысла помимо этой зависимости благодаря

---

[75] Под «семейными» рабочими, в противоположность наемным, разумеются работающие члены хозяйских семей.

приложенной к очерку подворной переписи кустарей, – где указано число рабочих и сумма годового производства для каждого заведения.

Чтобы проследить, применим ли к этому промыслу тот закон, что товарное хозяйство есть капиталистическое хозяйство, т. е. неизбежно перерождается в него на известной ступени развития, мы должны сравнить заведения по величине их: вопрос состоит именно в взаимоотношении мелких и крупных заведений по роли в производстве, по эксплуатации наемного труда. Взяв за основание число рабочих, делим заведения кустарей на три группы: I) заведения, имеющие от 1–5 рабочих (и семейных и наемных вместе); II) имеющие от 6–10 рабочих и III) имеющие свыше 10 рабочих.

Прослеживая величину заведений, состав рабочих и сумму производства в каждой группе, получаем такие данные:

Группы кустарей по числу рабочих	Среднее число рабочих на 1 завед.	Проц.		Годов. производство 1 рабоч.	Процентное распределение			Абсолютные цифры		
		Завед. с наемн. рабоч.	Наемн. рабоч.		Заведений	Рабочих	Суммы производ.	Число заведений *	Число рабочих	Суммы производства (руб.)
I. Им. 1-5 рабоч.	2,8	25	19	251	72	34	34	167/43	476/92	119500
II. » 6-10 »	7,3	90	58	249	18	23	22	43/39	317/186	79000
III. » бол. 10 »	26,4	100	91	260	10	43	44	23/23	609/557	158500
Итого	6	45	59	254	100	100	100	233/105	1402/835	357000

* Знаменатель означает число заведений с наемными рабочими и число наемных рабочих. – То же и в следующей таблице.

Всмотритесь в эту табличку и вы увидите буржуазную или, что то же, капиталистическую организацию промысла: по мере того, как заведения становятся крупнее, повышается производительность труда[76] (средняя группа представляет исключение), усиливается эксплуатация наемного труда[77], увеличивается концентрация производства[78].

Третья группа, которая почти всецело основывает свое хозяйство на наемном труде, держит в своих руках – при 10 % всего числа заведений – 44 % общей суммы производства.

Эта концентрация средств производства в руках меньшинства, связанная с экспроприацией большинства (наемные рабочие), и объясняет нам как зависимость мелких производителей от скупщиков (крупные промышленники и являются скупщиками), так и угнетение труда в этом промысле. Мы видим, следовательно, что *причина* экспроприации трудящегося и эксплуатации его лежит в самих производственных отношениях.

Русские социалисты-народники, как известно, держались противного мнения, усматривая причину угнетения труда в кустарных промыслах не в производственных отношениях

---

[76] Один рабочий производит в год в 1-ой группе на 251 руб.; во П-ой – на 249; в Ш-ей – на 260.

[77] Процент заведений с наемниками в 1-ой группе – 25 %; во П-ой – 90 % и в Ш-ей – 100 %; процент наемных рабочих – 19 % – 58 % – 91 %.

[78] В 1-ой группе на 72 % заведений – 34 % производства; во П-ой на 18 %— 22 %; в Ш-ей на 10 %– 44 %.

(которые объявлялись построенными на таком начале, которое исключает эксплуатацию), а вне их – в политике, именно в политике аграрной, платежной и т. д. Спрашивается, на чем держалось и держится это мнение, которое приобрело теперь почти уже прочность предрассудка? Не на том ли, что господствовало *иное* представление о производственных отношениях в кустарных промыслах? Совсем нет. Оно держится только благодаря отсутствию какой бы то ни было попытки *точно и определенно охарактеризовать данные, действительные формы экономической организации;* оно держится лишь благодаря тому, что не выделяют особо производственные отношения и не подвергают их самостоятельному анализу. Одним словом, оно держится лишь по непониманию единственно научного метода общественной науки, именно – материалистического метода. Понятен теперь и ход рассуждений старых наших социалистов. По отношению к кустарным промыслам они относят причину эксплуатации к явлениям, лежащим *вне* производственных отношений; по отношению к капитализму крупному, фабрично-заводскому они не могли не видеть, что *там* – причина эксплуатации лежит именно в производственных отношениях. Получалась непримиримая противоположность, несоответствие, оказывалось непонятным, откуда мог вырасти этот крупный капитализм, – когда в производственных отношениях (которые и не рассматривались!) кустарных промыслов нет ничего капиталистического. Вывод естественный: не по-

нимая связи кустарной и капиталистической промышленности, противополагают первую последней, как «народную» – «искусственной». Появляется идея о противоречии капитализма нашему «народному строю», – идея, имеющая такое широкое распространение и недавно еще в подновленном и улучшенном издании преподнесенная русской публике г. Николаем—оном. Держится такая идея лишь по рутине, – несмотря на всю ее феноменальную нелогичность: о фабрично-заводском капитализме составляют представление по тому, что он действительно есть, а о кустарной промышленности по тому, чем она «может быть», о первом – по анализу производственных отношений, – о вторых – и не пытаясь рассмотреть отдельно производственные отношения и прямо перенося дело в область политики. Стоит обратиться к анализу этих производственных отношений, и мы увидим, что «народный строй» представляет из себя те же капиталистические производственные отношения, хотя бы и в неразвитом, зародышевом состоянии, – что если отказаться от наивного предрассудка считать всех кустарей равными друг другу и выразить точно различия в среде их, – то разница между «капиталистом» фабрики и завода и «кустарем» окажется подчас меньше разницы между одним и другим «кустарем», – что *капитализм представляет из себя не противоречие «народному строю», а прямое, ближайшее и непосредственное продолжение и развитие его.*

Может быть, впрочем, найдут неподходящим взятый при-

мер? скажут, что в данном случае вообще слишком велик[79] процент наемных рабочих? Но дело в том, что важны тут совсем не абсолютные цифры, а *отношения,* вскрываемые ими, отношения, по сущности своей буржуазные и не перестающие быть таковыми ни при сильно выраженной буржуазности, ни при выраженной слабо.

Если угодно, возьму другой пример – нарочно с слабой буржуазностью – возьму (из книги г. Исаева о промыслах Московской губернии) промысел горшечный, «чисто домашний промысел», по словам г-на профессора. Этот промысел, конечно, может служить представителем мелких крестьянских промыслов: техника самая простая, приспособления самые незначительные, производство дает предметы повсеместного и необходимого обихода. И вот, благодаря подворной переписи кустарей с теми же данными, как и в предыдущем случае, мы имеем возможность изучить экономическую организацию и этого промысла, несомненно уже вполне типичного для всей громадной массы русских мелких, «народных» промыслов. Делим кустарей на группы – I) имеющие от 1–3 рабочих (и семейных и наемных вместе); II) имеющие 4–5 рабочих; III) имеющие более 5 рабочих – и приводим те же расчеты:

---

[79] Это едва ли верно по отношению к промыслам Московской губернии, но по отношению к менее развитым промыслам остальной России, может быть, и справедливо.

Группы кустарей по числу рабочих	Среднее число рабочих на 1 завед.	Проц.		Годов. производство 1 рабоч.	Процентное распределение			Абсолютные цифры		
		Завед. с наемн. рабоч.	Наемн. рабоч.		Заведений	Рабочих	Суммы производ.	Число заведений *	Число рабочих	Суммы производства (руб.)
I. Им. 1-3 рабоч.	2,4	39	19	468	60	38	36	72/28	174/33	81 500
II. » 4-5 »	4,3	48	20	498	27	32	32	33/16	144/29	71 800
III. » бол. 5 »	8,4	100	65	533	13	30	32	16/16	134/87	71 500
Итого	3,7	49	33	497	100	100	100	121/60	452/149	224 800

Очевидно, *отношения* и в этом промысле – а таких примеров можно бы привести сколько угодно – оказываются буржуазными: мы видим то же разложение на почве товарного хозяйства и притом разложение специфически капиталистическое, приводящее к эксплуатации наемного труда, играющей уже главную роль в высшей группе, сосредоточившей при $^1/_8$ части всех заведений и при 30 % рабочих – почти $^1/_3$ всего производства при значительно высшей сравнительно с средней производительностью труда. Одни уже эти производственные отношения объясняют нам появление и силу скупщиков. Мы видим, как у меньшинства, владеющего более крупными и более доходными заведениями и получающего «чистый» доход от чужого труда (в высшей группе горшечников на 1 заведение приходится 5,5 наемных рабочих), – скапливаются «сбережения», тогда как большинство разоряется, и даже мелкие хозяева (не говоря уже о наемных рабочих) не в состоянии свести концов с концами. Понятно и неизбежно, что последние будут в порабощении

у первых, – неизбежно именно вследствие капиталистического характера данных производственных отношений. Эти отношения состоят в том, что продукт общественного труда, организованного товарным хозяйством, достается в руки частных лиц и в их руках служит орудием угнетения и порабощения трудящегося, средством к личному обогащению на счет эксплуатации массы. И не думайте, что эта эксплуатация, это угнетение выражаются слабее оттого, что такой характер отношений развит еще слабо, что накопление *капитала,* идущее рядом с разорением производителей, ничтожно. Совсем напротив. Это ведет только к более грубым, крепостническим формам эксплуатации, ведет к тому, что капитал, не будучи еще в состоянии прямо подчинить себе рабочего простой покупкой его рабочей силы по ее стоимости, опутывает трудящегося целой сетью ростовщических прижимок, привязывает его к себе кулаческими приемами и в результате грабит у него не только сверхстоимость, а и громадные части заработной платы, да притом еще забивает его, отнимая возможность переменить «хозяина», издевается над ним, обязывая считать благодеянием то, что он «дает» (sic!) ему работу. – Понятно, что ни один рабочий никогда не согласился бы переменить свое положение на положение русского «самостоятельного» кустаря в «настоящей», «народной» промышленности. Понятно также, что все мероприятия, излюбленные российскими радикалами, либо нимало не затронут эксплуатации трудящегося и порабощения

его капиталу, оставаясь единичными экспериментами (артели), либо ухудшат положение трудящихся (неотчуждаемость наделов), либо, наконец, только очистят, разовьют и упрочат данные капиталистические отношения (улучшение техники, кредиты и т. п.).

«Друзья народа», впрочем, никогда не смогут вместить того, чтобы в крестьянском промысле, при общей его мизерности, при ничтожной сравнительно величине заведений и крайне низкой производительности труда, при первобытной технике и небольшом числе наемных рабочих был *капитализм.* Они никак не в состоянии вместить, что *капитал* – это известное отношение между людьми, отношение, остающееся таковым же и при большей и при меньшей степени развития сравниваемых категорий. Буржуазные экономисты никогда не могли понять этого: они всегда возражали против такого определения капитала. Помнится, в «Русской Мысли» один из них, говоря о книге Зибера (о теории Маркса), приводил это определение (капитал – отношение), ставил восклицательные знаки и негодовал.

Это – самая характерная черта буржуазных философов – принимать категории буржуазного режима за вечные и естественные; поэтому они и для капитала берут такие определения, как, например, накопленный труд, служащий для дальнейшего производства, – т. е. определяют его как вечную для человеческого общества категорию, замазывая таким образом ту особую, исторически определенную экономическую

формацию, когда этот *накопленный труд,* организованный товарным хозяйством, попадает в руки того, кто не трудился, и служит для эксплуатации чужого труда. Поэтому и получается у них, вместо анализа и изучения определенной системы производственных отношений, – ряд банальностей, приложимых ко всяким порядкам, вперемежку с сентиментальной водицей мещанской морали.

Вот теперь и смотрите, – почему называют «друзья народа» эту промышленность «народной», почему противополагают ее капиталистической? Только потому, что эти господа – идеологи мещанства и не в состоянии себе даже представить того, что эти мелкие производители живут и хозяйничают при системе товарного хозяйства (почему я их и называю мещанами) и что их отношения к рынку необходимо и неизбежно раскалывают их на буржуазию и пролетариат. Попробовали бы вы изучить действительную организацию наших «народных» промыслов, вместо того, чтобы фразерствовать о том, что «может» из них выйти, – и мы посмотрели бы, сумели ли бы вы *найти в России такую мало-мальски развитую отрасль кустарной промышленности, которая бы не была организована капиталистически.*

А если вы не согласны с тем, что признаками, необходимыми и достаточными для этого понятия, являются монополизация средств производства в руках меньшинства, освобождение от них большинства и эксплуатация наемного труда (говоря общее, – присвоение частными лицами продук-

та общественного труда, организованного товарным хозяйством, – вот в чем суть капитализма), – тогда потрудитесь дать «свое» определение капитализма и «свою» историю его.

На деле организация наших кустарных «народных» промыслов дает превосходную иллюстрацию к общей истории развития капитализма. Она показывает нам наглядно возникновение, зародыш его, например, в форме простой кооперации (высшая группа в горшечном промысле), показывает далее, как скапливающиеся в руках отдельных личностей – благодаря товарному хозяйству – «сбережения» становятся *капиталом,* монополизируя сначала сбыт («скупщики» и торговцы) вследствие того, что только у владельцев этих «сбережений» есть необходимые для оптовой продажи средства, позволяющие выждать реализации товаров на далеких рынках; как далее этот торговый капитал порабощает себе массу производителей и организует капиталистическую мануфактуру, капиталистическую домашнюю систему крупного производства; как, наконец, расширение рынка, усиление конкуренции приводит к повышению техники, как этот торговый капитал становится индустриальным и организует крупное машинное производство. И когда этот капитал, окрепши и поработивши себе миллионы трудящихся, целые районы, – начинает прямо уже и без стеснения давить на правительство, обращая его в своего лакея, – тогда наши остроумные «друзья народа» поднимают вопли о «насаждении капитализма», об «искусственном создании» его!

Нечего сказать, вовремя спохватились!

Таким образом, г. Кривенко своими фразами о народной, настоящей, правильной и т. п. промышленности просто-напросто попытался замазать тот факт, что наши кустарные промыслы представляют из себя то же самое капитализм на разных ступенях его развития. С приемами этими мы достаточно познакомились уже у г. Южакова, который вместо изучения крестьянской реформы – говорил фразы об основной цели знаменательного манифеста[58] и т. п., вместо изучения аренды – называл ее народной, вместо изучения того, как складывается внутренний рынок капитализма, – философствовал о неминуемой гибели его по неимению рынков, и т. д.

Чтобы показать, до какой степени извращают факты гг. «друзья народа», остановлюсь еще на одном примере[80]. Наши субъективные философы так редко дарят нас точными указаниями на факты, что было бы несправедливо обойти одно из этих, наиболее точных у них, указаний, – именно ссылку г-на Кривенко (№ 1 за 1894 г.) на воронежские крестьянские бюджеты. Мы можем тут, на примере ими же выбранных данных, наглядно убедиться, чье представление о

---

[80] Хотя этот пример касается разложения крестьянства, о котором уже много говорено, но я считаю необходимым разобрать *их собственные данные,* чтобы показать наглядно, какая это наглая ложь, будто социал-демократы интересуются не действительностью, а «провидениями будущего», и как шарлатански поступают «друзья народа», обходя в полемике с нами сущность наших воззрений и отделываясь вздорными фразами.

действительности более правильно, русских ли радикалов и «друзей народа» или русских социал-демократов.

Статистик воронежского земства, г. Щербина, дает в приложении к своему описанию крестьянского хозяйства в Острогожском уезде 24 бюджета типичных крестьянских хозяйств и в тексте разрабатывает их[81].

Г-н Кривенко воспроизводит эту разработку, не видя, или, вернее, не желая видеть, что приемы ее совершенно не пригодны для того, чтобы составить представление об экономике наших земледельцев-крестьян. Дело в том, что эти 24 бюджета описывают совершенно различные хозяйства – и зажиточные, и средние, и бедные, на что указывает и сам г. Кривенко (стр. 159), причем, однако, он, подобно г. Щербине, оперирует просто над *средними* цифрами, соединяющими вместе различнейшие типы хозяев, и таким образом прикрывает совершенно их разложение. А разложение нашего мелкого производителя – такой всеобщий, такой крупный факт (на который давно уже обращают внимание русских социалистов социал-демократы. См. произведения Плеханова), что он совершенно ясно обрисовывается даже на таком небольшом числе данных, какое выбрал г. Кривенко. Вместо того, чтобы, говоря о *хозяйстве* крестьян, разделить их на разряды по величине их хозяйства, по типу ведения хозяй-

[81] «Сборник статистических сведений по Воронежской губернии». Т. II, вып. П. Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду. Воронеж. 1887. – Самые бюджеты в приложениях, стр. 42–49. Разработка в XVIII главе: «Состав и бюджеты крестьянских хозяйств».

ства, – он делит их так же, как и г. Щербина, на юридические разряды крестьян бывших государственных и бывших помещичьих, обращая все внимание на большую зажиточность первых сравнительно с последними, и упускает из виду, что различия между крестьянами внутри этих разрядов гораздо больше, чем различия по разрядам[82]. Чтобы доказать это, разделяю эти 24 бюджета на три группы: а) особо выделяю 6 зажиточных крестьян, затем б) 11 сред-несостоятельных (№№ 7–10, 16–22 у Щербины) и в) 7 бедных (№№ 11–15, 23–24 бюджетов в таблице Щербины). Г-н Кривенко говорит, например, что расход на 1 хозяйство у бывших государственных крестьян составляет 541,3 руб., а у бывших помещичьих – 417,7 руб. При этом он упускает из виду, что расход этот далеко не одинаков у разных крестьян: у бывших государственных есть, например, крестьянин с расходом в 84,7 руб. и с расходом *вдесятеро большим* – 887,4 рубля (если даже опустить немца-колониста с расходом в 1456,2 руб.). Какой смысл может иметь средняя, выведенная из сложения таких величин? Если мы возьмем приведенное мною деление по разрядам, то получим, что у зажиточного расход на 1 хозяйство в среднем дает 855,86 руб., у среднего – 471,61 руб., а

---

[82] Несомненно, хозяйство крестьянина, живущего исключительно своим земледельческим хозяйством и держащего батрака, – по типу отличается от хозяйства такого крестьянина, который живет в батраках и от батрачества получает 3/5 заработка. А среди этих 24 хозяев есть и те и другие. Судите сами, какая это выйдет «наука», если мы будем складывать батраков с хозяевами, которые держат батраков, и оперировать над общей средней!

у бедного – 223,78 руб.[83]

Различие оказывается в отношении примерно 4:2:1.

Пойдем дальше. Г. Кривенко, следуя Щербине, приводит величину расхода на личные потребности в разных юридических разрядах крестьянства: у бывших государственных, например, расход на растительную пищу составляет в год на 1 едока – 13,4 руб., а у бывших помещичьих – 12,2 руб. Между тем по экономическим разрядам цифры дают: а) 17,7; б) 14,5 и в) 13,1. Расход на мясную и молочную пищу на 1 едока – у бывших помещичьих – 5,2 руб.; у бывших государственных – 7,7 руб. По разрядам: 11,7–5,8–3,6. Очевидно, что счет по юридическим разрядам только прикрывает громадные различия и ничего больше. Очевидно, поэтому, что он никуда не годится. Доход у бывших государственных крестьян больше, чем у бывших помещичьих, на 53,7 % – говорит г. Кривенко: в общем среднем – 539 руб. (из 24 бюджетов), а по этим разрядам – 600 руб. с лишним и около 400 руб. Между тем по состоятельности доход таков: а) 1053,2 руб.; б) 473,8 руб.; в) 202,4 руб., – т. е. колебания не от 3: 2, а от 10: 2.

«Капитальная стоимость крестьянских хозяйств у бывших государственных крестьян – 1060 руб., а у бывших помещичьих – 635 руб.», – говорит г. Кривенко. А по разрядам": а) 1737,91 руб.; б) 786,42 руб. и в) 363,38 руб. – коле-

[83] Колебания в величине средней семьи гораздо меньше; а) 7,83, б) 8,36, в) 5,28 человек на 1 семью. Особенно велики различия в обеспечении инвентарем; в среднем стоимость инвентаря на 1 хозяйство – 54,83 р. Но у зажиточных вдвое больше – 111,80 р., а у бедных втрое меньше – 16,04 р. У средних – 48, 44 рубля.

бания опять не от 3: 2, а от 10: 2. Своим разделением *крестьянства* на юридические разряды автор отнял у себя возможность составить правильное представление об экономике этого *крестьянства*.

Если мы посмотрим на хозяйства разных типов крестьян по состоятельности, то увидим, что зажиточные семьи имеют в среднем 1053,2 руб. дохода и 855,86 руб. расхода, т. е. имеют чистого дохода 197,34 руб. Средняя семья имеет дохода – 473,8 руб., расхода – 471,61 руб. – т. е. чистый доход 2,19 руб. на хозяйство (это еще не считая кредита и недоимки) – очевидно, она едва сводит концы с концами: из 11 хозяйств 5 имеют дефицит. Низшая, бедная группа ведет хозяйство прямо в убыток: при доходе – 202,4 руб. расход – 223,78 руб., т. е. дефицит 21,38 руб.[84] Очевидно, что если мы соединим эти хозяйства вместе и возьмем общую среднюю (чистый доход – 44,11 руб.), мы совершенно исказим действительность. Мы обойдем тогда (как обошел г. Кривенко) тот факт, что получающие чистый доход зажиточные крестьяне все шестеро держат батраков (8 человек) – факт, поясняющий нам характер их земледельческого хозяйства (переходит в фермера), дающего им чистый доход и избавляющего почти совершенно от необходимости прибегать к «промыслам». Эти хозяева (все вместе) покрывают промыс-

---

[84] Интересно отметить, что у батраков – двое из 7 бедных хозяев – бюджет сводится без дефицита: 99 р. дохода и 93,45 р. расхода на семью. Один батрак живет на хозяйских харчах, одежде и обуви.

лами только 6,5 % своего бюджета (412 руб. из 6319,5), причем промыслы эти – по одному указанию г. Щербины – таковы, как «извоз» или даже «скупка овец», т. е. не только не свидетельствующие о зависимости, а, напротив, предполагающие эксплуатацию других (именно в последнем случае: скопленные «сбережения» превращаются в торговый *капитал*). У этих хозяев 4 промышленных заведения, дающие им 320 руб. (5 %) дохода[85].

Иной тип хозяйства у средних крестьян: они, как мы видели, едва ли могут свести концы с концами. Земледелие не покрывает их нужд, и 19 % дохода дают так называемые промыслы. Какого сорта эти промыслы, – мы узнаем из статьи г. Щербины. Они указаны для 7 хозяев: только у двоих – самостоятельный промысловый труд (портняжничество и выжигание угольев), у остальных 5 – продажа рабочей силы («ходил косарем на низы», «ходит рабочим на винокуренный завод», «работает поденно в страду», «ходит овчаром», «работал в местной экономии»). Это уже полукрестьяне, полурабочие. Сторонние занятия отрывают их от хозяйства и тем окончательно подрывают его.

Что касается до бедных крестьян, то у них уже земледелие прямо ведется в убыток; значение «промыслов» в бюджете еще более возрастает (они дают 24 % дохода), и промыслы эти почти всецело (за исключением одного хозяина) сводятся к продаже рабочей силы. У двоих из числа их «промыс-

---

[85] См. Приложение I. (Настоящий том, стр. 313. – *Ред.*)

лы» (батрачество) преобладают, давая $^2/_3$ дохода.

Ясно отсюда, что мы имеем дело с совершенно разлагающимся мелким производителем, верхние группы которого переходят в буржуазию, низшие – в пролетариат. Понятно, что, если мы возьмем общие средние, мы ничего этого не увидим и не получим никакого представления об экономике деревни.

Только оперирование над этими фиктивными средними позволило автору такой прием. Для определения места этих типичных хозяйств в общем типе поуездного крестьянского хозяйства г. Щербина берет группировку крестьян по надельной земле, и оказывается, что взятые 24 хозяйства (в общем среднем) выше среднего хозяйства по уезду по своему благосостоянию примерно на V3. Расчет этот нельзя признать удовлетворительным как потому, что среди этих 24 хозяев замечаются громадные различия, так и потому, что группировка по надельной земле прикрывает разложение крестьянства: положение автора, что «надельная земля представляет коренную причину благосостояния» крестьянина, – совершенно неправильно. Всякий знает, что «уравнительное» распределение земли внутри общины нимало не мешает безлошадным членам ее забрасывать землю, сдавать ее, идти на сторону и превращаться в пролетариев, а многолошадным – приарендовывать большие количества земли и вести крупное, доходное хозяйство. Если мы возьмем, например, наши 24 бюджета, то увидим, что один богатый кре-

стьянин, имея 6 дес. надельной земли, доходу получает всего 758,5 руб., средний – при 7,1 дес. надела – 391,5 руб. и бедный – при 6,9 дес. надела – 109,5 руб. Вообще мы видели, что отношение дохода в разных группах равняется отношению 4:2:1, тогда как отношение надельной земли будет таково: 22,1: 9,2: 8,5 = 2,6: 1,08: 1. Это совершенно понятно, потому что мы видим, например, что зажиточные крестьяне, имея по 22,1 дес. надела на двор, арендуют еще по 8,8 дес, тогда как средние, имея меньше надела (9,2 дес), арендуют меньше – 7,7 дес, а бедные, при еще меньшем наделе (8,5 дес), арендуют всего 2,8 дес.[86]{135} Поэтому, когда г. Кривенко говорит: «К сожалению, данные, приводимые г. Щербиною, не могут служить точным мерилом общего положения вещей не только в губернии, но даже в уезде», – то на это можно только сказать, что они не могут служить мерилом лишь в том случае, если прибегать к неправильному приему вычисления общих средних (к этому приему и не следовало г. Кривенко прибегать), а вообще говоря, данные у г. Щербины так обширны и ценны, что дают возможность сделать правильные

---

[86] Конечно, я не хочу сказать, чтобы данные о 24 хозяйствах одни могли опровергнуть положение о коренном значении надельной земли. Но выше были приведены данные по нескольким уездам, совершенно опровергающие его{135}.

{135} Упоминаемые В. И. Лениным *данные по нескольким уездам* о разложении крестьянства вошли во второй (ненайденный) выпуск книги «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».Вопрос о разложении крестьянства подробно разработан Лениным в работе «Развитие капитализма в России», особенно во второй главе: «Разложение крестьянства».

выводы – и если г. Кривенко их не сделал, то нечего винить г. Щербину. Этот последний дает, например, на стр. 197 группировку крестьян не по надельной земле, а по рабочему скоту, т. е. группировку по признаку хозяйственному, а не юридическому, – и эта группировка дает полное право сказать, что отношения между разными разрядами 24-х взятых типических хозяйств совершенно однородны с отношениями разных экономических групп по всему уезду.

Группировка эта такова[87]

Острогожский уезд Воронежской губ.

[87] Сравнение 24-х типических хозяйств с разрядами хозяйств во всем уезде произведено по тем же приемам, по которым г. Щербина сравнивал среднее из 24-х хозяйств с группами по надельной земле.

Группы домохозяев по количеству рабочего скота	Число		Приходится на 1 двор			Средняя семья	Процент дворов					
	Домохозяев	% их	Голов крупного скота	Земли (дес.)			С батраками	С торгово-промышлен. заведениями	Бездомных	Без работника	Не обрабат. зем	Без инвентаря
				надельной	арендованной							
I. Без рабочего скота	8 728	26,0	0,7	6,2	0,2	4,6	0,6	4,0	9,5	16,6	41,6	98,5
II. С 1 шт. раб. скота	10 510	31,3	3,0	9,4	1,3	5,7	1,4	5,4	1,4	4,9	2,9	2,5
III. С 2-3 шт. раб. скота	11 191	33,3	6,8	13,8	3,6	7,7	8,3	12,3	0,4	1,3	0,4	-
IV. С 4 и бол. шт. раб. скота	3 152	9,4	14,3	21,3	12,3	11,2	25,3	34,2	0,1	0,4	0,3	-
Всего	33 581	100,0	4,4	11,2	2,5	6,7	5,7	10,0	3,0	6,3	11,9	23,4
Из 24 типических хозяйств**	батраки		0,5	7,2	0	4,5						
	бедные		2,8	8,7	3,9	5,6						
	средние		8,1	9,2	7,7	8,3						
	зажиточные		13,5	22,1	8,8	7,8						
	Всего		7,2	12,2	6,6	7,3***						

**Здесь из бедных выделены два батрака (№№ 14 и 15 бюджетов у Щербины), так что бедных остается только 5.

***По поводу этой таблицы нельзя также не отметить, что мы видим здесь точно так же увеличение количества арендуемой земли по мере возрастания состоятельности, *несмотря* на увеличение количества надельной земли. Таким образом, на данных еще об одном уезде подтверждается неверность мысли о коренном значении надельной земли. Напротив, мы видим, что доля надельной земли во всем землевладении данной группы понижается по мере увеличения состоятельности группы. Складывая надельную и арендованную землю и вычисляя % надельной земли к этой сумме, по-

лучаем такие данные по группам: I) 96,8 %; II) 85,0 %; III) 79,3 %; IV) 63,3 %. И такое явление совершенно понятно. Мы знаем, что со времени освободительной реформы земля стала в России товаром. Кто имеет деньги, всегда может купить землю: покупать надо и надельную землю. Понятно, что зажиточные крестьяне концентрируют в своих руках землю и что концентрация эта сильнее выражается в аренде вследствие средневековых стеснений обращения надельной земли. «Друзья народа», стоящие за эти стеснения, не понимают, что это бессмысленно реакционное мероприятие только ухудшает положение бедноты: разоренные, лишенные инвентаря крестьяне во всяком случае должны сдать землю, и запрещение производить эту сдачу (или продажу) поведет либо к тому, что будут сдавать тайком и, следовательно, на худших условиях для сдающего, либо к тому, что беднота будет даром отдавать землю «обществу», т. е. тому же кулаку.

Не могу не привести здесь глубоко верного рассуждения Гурвича об этой пресловутой «неотчуждаемости»:

«Чтобы разобраться в этом вопросе, мы должны посмотреть, кто является покупателем крестьянской земли. Мы видели, что только меньшая часть участков четвертной земли была куплена купцами. Вообще говоря, мелкие участки, продаваемые дворянами, покупаются одними крестьянами. Следовательно, этот вопрос затрагивает отношения одних только крестьян и не задевает интересов ни дворянства, ни класса капиталистов. Очень возможно, что в подобных

случаях благоугодно будет русскому правительству кинуть подачку народникам. Это странное соединение (mésalliance) восточной патриархальной опеки (oriental paternalism) с каким-то уродливым государственно-социалистическим прогибиционизмом едва ли не вызовет оппозиции именно тех, кого хотят облагодетельствовать. Так как процесс разложения деревни идет, очевидно, изнутри ее, а не извне, – то неотчуждаемость крестьянской земли будет равносильна просто-напросто безвозмездной экспроприации бедноты в пользу богатых членов общины.

Мы замечаем, что % переселенцев среди четвертных[59] крестьян, которые имели право отчуждать свою землю, был значительно выше, чем среди бывших государственных крестьян с общинным землевладением: именно, в Раненбургском уезде (Рязанской губ.) процент переселенцев среди первых – 17 %, среди вторых – 9 %. В Данковском уезде среди первых – 12 %, среди вторых – 5 %. Отчего происходит эта разница? Один конкретный пример пояснит это:

«В 1881 г. маленькая община из 5 домохозяев, бывших крепостных Григорова, переселилась из деревни Бигильдино, Данковского уезда. Свою землю, 30 дес, она продала богатому крестьянину за 1500 руб. Дома переселенцам нечем было существовать, и большинство из них были годовыми рабочими» («Сборник стат. свед.», ч. II, с. 115, 247). По данным г. Григорьева (*«Переселения крестьян Рязанской губ.»*), 300 рублей – такова цена среднего крестьянского участка

в 6 дес. – достаточно для того, чтобы крестьянская семья могла завести земледельческое хозяйство в южной Сибири. Таким образом, совершенно разорившийся крестьянин имел бы возможность, продав свой участок общинной земли, сделаться земледельцем в новой стране. Благоговение перед священными обычаями предков едва ли бы могло устоять перед таким искушением, не будь противодействующего вмешательства всемилостивейшей бюрократии.

Меня, конечно, обвинят в пессимизме, как обвиняли недавно за мои взгляды на переселение крестьян («Северный Вестник», 1892, № 5, ст. Богдановского). Рассуждают обыкновенно приблизительно таким образом: допустим, что дело представлено в точном соответствии с жизнью, какова она есть в действительности, но вредные последствия (переселений) обязаны своим появлением ненормальным условиям крестьянства, а при нормальных условиях возражения (против переселений) «не имели бы силы». К несчастью, однако, эти действительно «ненормальные» условия развиваются самопроизвольно, а создание «нормальных» условий не во власти благожелателей крестьянства» (назв. соч., стр. 137)[60].

Не подлежит никакому сомнению, что в общем и среднем 24 типические хозяйства выше поуездного типа крестьянского хозяйства. Но если мы вместо этих фиктивных средних возьмем экономические разряды, то получим возмож-

ность сравнения.

Мы видим, что батраки в типичных хозяйствах несколько ниже хозяев без рабочего скота, но очень близко подходят к ним. Бедные хозяева очень близко подходят к владельцам 1 штуки рабочего скота (если скота меньше на 0,2: – у бедных 2,8, у однолошадных 3, – то зато земли всей и надельной и арендованной несколько больше – 12,6 дес. против 10,7). Средние хозяева очень немногим выше хозяев с 2–3 штуками рабочего скота (у них скота немногим больше; земли несколько меньше), а зажиточные хозяева подходят к имеющим 4 и больше штуки рабочего скота, будучи немногим *ниже* их. Мы вправе, следовательно, сделать тот вывод, что всего по уезду имеется не менее 0,1 хозяев, ведущих правильное, доходное земледельческое хозяйство и не нуждающихся в сторонних заработках. (Доход этот – важно заметить – выражается в деньгах и, следовательно, предполагает торговый характер земледелия.) Ведут они хозяйство в значительной мере при помощи наемных рабочих: не менее *Ц* части дворов держат постоянных батраков, а сколько еще берут временных поденщиков – неизвестно. Затем в уезде более половины хозяев бедных (до 0,6: безлошадные и однолошадные, 26 % + 31,3 % = 57,3 %), ведущих прямо-таки убыточное хозяйство, следовательно, разоряющихся, подвергающихся постоянной и неуклонной экспроприации. Они вынуждены продавать свою рабочую силу, причем около $^{1}/_{4}$ части крестьян живет уже гораздо более наемным трудом, чем

земледелием. Остальные крестьяне – средние, кое-как ведущие земельное хозяйство с постоянными дефицитами, с добавлением сторонних заработков, лишенные, следовательно, мало-мальской хозяйственной устойчивости.

Я нарочно с такой подробностью остановился на этих данных, чтобы показать, в каком извращенном виде представлена действительность г-ном Кривенко. Недолго думая, берет он общие средние и оперирует с ними: понятно, получается не только фикция, а прямая фальшь. Мы видели, например, что один зажиточный крестьянин (из типических бюджетов) своим чистым доходом (+ 197,34) покрывает дефициты *девяти* бедных дворов (– 21,38x9 = – 192,42), так что 10 % богатых крестьян в уезде не только покроют дефициты 57 % бедноты, но и дадут некоторый избыток. И г. Кривенко, получая из среднего бюджета по 24 хозяйствам такой избыток в 44,14 руб. – а без кредита и недоимок 15,97 руб. – говорит поэтому просто об «упадке» хозяев средних и стоящих ниже среднего. На деле же об упадке можно говорить только разве применительно к среднему крестьянству[88], а по отношению к массе бедноты мы видим уже прямую *экспроприацию,* сопровождающуюся притом концентрацией средств производства в руках меньшинства, владеющего сравнительно крупными и прочно стоящими хозяйствами.

---

[88] Да и то едва ли это будет верно, потому что упадок предполагает временную и случайную потерю устойчивости, а среднее крестьянство, как мы видели, всегда находится в неустойчивом положении, на краю разорения.

Игнорирование этого последнего обстоятельства помешало автору подметить еще следующую, очень интересную черту этих бюджетов: они равным образом доказывают, что *разложение крестьянства создает внутренний рынок.* С одной стороны, от высшей группы к низшей растет значение дохода от промыслов (6,5 % – 18,8 % – 23,6 % всего бюджета у зажиточных, средних и бедных) – т. е. главным образом от продажи рабочей силы. С другой стороны, от низших групп к высшим растет товарный (даже более: *буржуазный,* как мы видели) характер земледелия, растет процент отчуждаемого хлеба: доход от земледелия по разрядам у всех хозяев: *а*) Знаменатель показывает денежную часть дохода[89], составляющую 45,9 %—28,3 %—25,4 % от высшего разряда к низшему.

Мы опять-таки наглядно видим тут, как средства производства, от которых отделяются экспроприируемые крестьяне, превращаются *в капитал.*

Понятно, что г. Кривенко из использованного – или, вер-

---

[89] Для вычисления денежного дохода от земледелия (Щербина его не дает) пришлось прибегнуть к довольно сложным расчетам. Надо было из всего дохода от хлебов исключить доход от соломы и половы, идущих, по словам автора, на корм скоту. Автор сам исключает их в гл. XVIII, но только для итоговых цифр по уезду, а не для данных 24-х хозяйств. Из его итоговых данных я определил процент дохода от зерна (сравнительно со всем доходом от хлеба, т. е. и от зерна и от соломы с половой) и по нему исключил в данном случае солому и полову. Процент этот для ржи – 78,98 %, для пшеницы – 72,67 %, для овса и ячменя – 73,32 %, для проса и гречихи – 77,78 %. – Затем уже количество продаваемого зерна определялось вычитанием того количества, которое расходуется в своем хозяйстве.

нее, изуродованного – таким образом материала не мог сделать правильных выводов. Описавши со слов одного новгородского крестьянина, его соседа по железнодорожному вагону, денежный характер крестьянского хозяйства тех мест, он вынужден сделать тот справедливый вывод, что именно эта обстановка, обстановка товарного хозяйства «вырабатывает» «особые способности», порождает одну заботу: «дешевле снять (сенокос)», «дороже продать» (стр. 156)[90]. Эта обстановка служит «школой», «пробуждающей (верно!) и изощряющей коммерческие дарования». «Открываются таланты, из которых выходят Колупаевы, Деруновы и прочих наименований живоглоты[91], а простодушные и простоватые отстают, опускаются, разоряются и переходят в батраки» (156 стр.).

Данные по губернии, поставленной совсем в иные условия, – земледельческой (Воронежской) – приводят к таким же выводам. Казалось бы, дело довольно ясное: отчетливо обрисовывается система товарного хозяйства, как основной фон экономики страны вообще и «общинного» «крестьянства» в частности, обрисовывается и тот *факт,* что это товарное хозяйство *и именно оно* раскалывает «народ» и «кре-

---

[90] *«Нужно работника подешевле нанять, да пользу из него извлечь», – совершенно справедливо говорит там же г. Кривенко.

[91] Г-н Южаков! Как же это так: ваш товарищ говорит, что в «живоглоты» выходят «таланты», а Вы уверяли, что таковыми делаются люди лишь потому, что обладают «некритическим умом»? Это уже, господа, нехорошо: в одном журнале побивать друг дружку!

стьянство» на пролетариат (разоряются, переходят в батраки) и буржуазию (живоглоты), т. е. превращается в капиталистическое хозяйство. Но «друзья народа» никогда не решаются прямо смотреть на *действительность* и называть вещи своими именами (это слишком «сурово»)! И г. Кривенко рассуждает:

«Некоторые находят такой порядок вполне естественным (надо было добавить: вполне естественным следствием капиталистического характера производственных отношений. Тогда была бы это точная передача мнений «некоторых», и тогда нельзя бы уже было отделываться от этих мнений пустыми фразами, а пришлось бы по существу разобрать дело. Когда автор не задавался специальной целью борьбы с «некоторыми», он и сам должен был признать, что денежное хозяйство есть именно та «школа», из которой выходят «талантливые» живоглоты и «простодушные» батраки) и усматривают в нем непреоборимую миссию капитализма. (Ну, конечно! Находить, что борьбу нужно вести именно против «школы» и хозяйничающих в ней «живоглотов» с их административными и интеллигентными лакеями – это значит считать капитализм непреоборимым. Зато вот оставлять в полной неприкосновенности капиталистическую «школу» с живоглотами и хотеть устранить либеральными полумерами ее капиталистические продукты – это значит быть истинным «другом народа»!) Мы смотрим на это несколько иначе. Капитализм несомненно играет тут значительную роль,

на что мы выше и указывали (это именно вышеприведенное указание на школу живоглотов и батраков), однако нельзя сказать, чтобы роль его была такой уж всеобъемлющей и решающей, чтобы в происходящих переменах в народном хозяйстве не было других факторов, а в будущем никакого другого выхода» (стр. 160).

Вот извольте видеть! Вместо точной и прямой характеристики современного строя, вместо определенного ответа на вопрос, почему *крестьянство* раскалывается на живоглотов и батраков, – г. Кривенко отделывается ничего не говорящими фразами. «Нельзя сказать, чтобы роль капитализма была решающая». – В этом-то ведь весь и вопрос, можно это сказать или нельзя.

Чтобы защитить свое мнение, Вы должны были бы указать, какие другие причины *решают* дело, какой другой *выход* может быть, кроме того, который указывают социал-демократы, – классовой борьбы пролетариата против живоглотов[92]. Никаких указаний, однако, не делается. Впрочем, может быть, автор именно нижеследующее принимает за указание? Как это ни забавно бы было, но от «друзей народа» всего надо ждать.

---

[92] Если к восприятию идеи о классовой борьбе пролетариата с буржуазией оказываются пока способны только городские фабрично-заводские рабочие, а не деревенские «простодушные и простоватые» батраки, т. е. именно люди, утратившие эти милые качества, столь тесно связанные с «вековыми устоями» и с «общинным духом», – то это только доказывает правильность теории социал-демократов о прогрессивной, революционной работе русского капитализма.

«Приходят в упадок, как мы видели, прежде всего хозяйства слабые, у которых мало земли» – именно менее 5 дес. надела. «Типичные же хозяйства государственных крестьян при 15,7 дес. надела отличаются устойчивостью… Правда, для получения такого дохода (чистого в 80 руб.) они приарендовывают еще по 5 дес, но это указывает только, что им нужно».

К чему же сводится эта «поправка», присоединяющая к капитализму пресловутое «малоземелье»? К тому, что те, кто мало имеет, и этого лишаются, а имущие (по 15,7 дес.) еще более приобретают[93]. Да ведь это же – пустая перефразировка того положения, что одни разоряются, другие обогащаются!! Пора бы оставить эти бессодержательные фразы о малоземелье, которые ничего не объясняют (так как надельную землю крестьянам не даром дают, а продают), а только описывают процесс, да притом и описывают неточно, так как надо говорить не об одной земле, а о средствах производства вообще, и не о том, что их у крестьян «мало», а о том, что крестьяне от них *освобождаются,* что они *экспроприируются* растущим капитализмом. «Мы вовсе не хотим сказать, – заключает свою философию г. Кривенко, – что сельское хозяйство должно и может, при всех условиях, остаться «натуральным» и обособленным от обрабатывающей про-

---

[93] Я уже не говорю о нелепости того представления, будто владеющие одинаковым наделом крестьяне равны между собой, а не делятся также на «живоглотов» и «батраков».

мышленности (опять фразы! да не Вы ли сейчас только вынуждены были признать наличность уже в настоящем школы денежного хозяйства, предполагающего обмен, а следовательно, обособление земледелия от обрабатывающей промышленности? К чему же опять эта размазня о возможном и должном?), а говорим только, что создавать искусственно обособленную промышленность нерационально (интересно знать, «обособлена» ли промышленность кимряков и павловцев? и кто, как и когда «искусственно создавал» ее?), что отделение работника от земли и орудий производства происходит под влиянием не одного только капитализма, а и других факторов, ему предшествующих и содействующих».

Тут, должно быть, опять предполагалось глубокомыслие насчет того, что если работник отделяется от земли, которая переходит к живоглоту, то это происходит оттого, что у первого земли «мало», а у второго – «много».

И подобная философия обвиняет социал-демократов в «узости», когда они решающую причину видят в капитализме!.. Я остановился еще раз с такой подробностью на разложении крестьян и кустарей именно потому, что необходимо было наглядно пояснить, каким образом представляют себе дело социал-демократы и как они объясняют его. Необходимо было показать, что те самые факты, которые для субъективного социолога представляются так, что крестьяне «обеднели», а «охотники» да «живоглоты» «учли прибыли в свою пользу», – с точки зрения материалиста представля-

ются буржуазным разложением товаропроизводителей, разложением, необходимо вызываемым силою самого товарного хозяйства. Необходимо было показать, на каких фактах основано то положение (которое приведено было выше, в I выпуске[94]), что борьба имущих с неимущими идет в России везде, не только на фабриках и заводах, айв самой глухой деревушке, и везде эта борьба есть борьба буржуазии и пролетариата, складывающихся на почве товарного хозяйства. Разложение, раскрестьянивание наших крестьян и кустарей, которое можно изобразить в точности благодаря такому превосходному материалу, как земская статистика, – дает *фактическое* доказательство верности именно социал-демократического понимания русской действительности, по которому крестьянин и кустарь представляют из себя *мелкого производителя* в «категорическом» значении этого слова, т. е. *мелкого буржуа.* Это положение можно назвать центральным пунктом теории **РАБОЧЕГО СОЦИАЛИЗМА** по отношению к старому крестьянскому социализму, который не понимал ни той обстановки товарного хозяйства, в которой живет этот мелкий производитель, ни капиталистического разложения его на этой почве. И потому, кто хотел бы серьезно критиковать социал-демократизм, – тот должен бы был сосредоточить свою аргументацию именно на этом, показать, что Россия в политико-экономическом отношении не представляет из себя системы товарного хозяйства, что не

---

[94] См. настоящий том, стр. 193–194. – *Ред.*

на этой почве идет разложение крестьянства, что экспроприация массы населения и эксплуатация трудящегося может быть объяснена чем-нибудь другим, а не буржуазной, капиталистической организацией нашего общественного (и крестьянского в том числе) хозяйства.

Попробуйте-ка, господа!

Затем, есть еще одно основание, по которому я предпочел для иллюстрации социал-демократической теории данные именно о крестьянском и кустарном хозяйстве. Было бы отступлением от материалистического метода, если бы я, критикуя воззрения «друзей народа», ограничился сопоставлением их идей с марксистскими идеями. Необходимо еще объяснить «народнические» идеи, показать их **МАТЕРИАЛЬНОЕ** основание в современных наших общественно-экономических отношениях. Картинки и примеры экономики наших крестьян и кустарей показывают, что такое этот «крестьянин», идеологами которого хотят быть «друзья народа». Они доказывают буржуазность экономики нашей деревни и тем подтверждают правильность отнесения «друзей народа» к идеологам мещанства. Мало того: они показывают, что между идеями и программами наших радикалов и интересами мелкой буржуазии существует самая тесная связь. Эта связь, которая будет еще яснее после разбора программы их в деталях, и объясняет нам такое широкое распространение в нашем «обществе» этих радикальных идей; она же прекрасно объясняет и политическое лакейство

«друзей народа» и их готовность идти на компромиссы.

Было, наконец, еще одно основание останавливаться так подробно на экономике именно тех сторон нашей общественной жизни, где капитализм наименее развит и откуда обыкновенно черпали народники материал для своих теорий. Изучением и изображением этой экономики легче всего было ответить по существу на одно из распро-страненнейших возражений против социал-демократии, циркулирующих в нашей публике. Исходя из обычной идеи о противоречии капитализма «народному строю» и видя, что социал-демократы считают крупный капитализм прогрессивным явлением, что они хотят именно на него опираться для борьбы против современного грабительского режима, – наши радикалы, без дальних рассуждений, обвиняют социал-демократов в игнорировании интересов массы крестьянского населения, в желании «выварить каждого мужика в фабричном котле» и т. д.

Основываются все эти рассуждения на том именно поразительно нелогичном и странном приеме, что о капитализме судят по тому, что он в действительности есть, а о деревне – по тому, чем она «может быть». Понятно, что нельзя лучше ответить на это, как показавши им *действительную* деревню, *действительную* ее экономику.

Всякий, кто беспристрастно, научно взглянет на эту экономику, должен будет признать, что деревенская Россия представляет из себя систему мелких, раздробленных рын-

ков (или маленьких отделений центрального рынка), заправляющих общественно-экономическою жизнью отдельных небольших районов. И в каждом таком районе мы видим все те явления, которые свойственны вообще общественно-экономической организации, регулятором которой является рынок: мы видим разложение некогда равных, патриархальных непосредственных производителей на богатеев и бедноту, мы видим возникновение *капитала,* особенно торгового, который плетет свои сети над трудящимся, высасывая из него все соки. Когда вы сравниваете описания экономики крестьянства у наших радикалов с точными данными первоисточников о хозяйственной жизни деревни, вас поражает отсутствие в критикуемой системе воззрений места для той массы мелких торгашей, которые кишмя кишат на каждом таком рынке, всех этих шибаев, ивашей и как там прозвали их еще местные крестьяне, всей той массы мелких эксплуататоров, которые хозяйничают на рынках и беспощадно гнетут трудящегося. Их обыкновенно просто отодвигают – «это-де уже не крестьяне, а торгаши». – Да, вы совершенно правы: это – «уже не крестьяне». Но попробуйте выделить в особую группу всех этих «торгашей», т. е., говоря точным политико-экономическим языком, тех, кто ведет коммерческое хозяйство и кто хотя бы отчасти присваивает себе чужой труд, попробуйте выразить в точных данных экономическую силу этой группы и ее роль во всем хозяйстве района; попробуйте затем выделить в противоположную группу

всех тех, кто тоже «уже не крестьянин», потому что несет на рынок свою рабочую силу, потому что работает не на себя, а на другого, – попробуйте выполнить эти элементарные требования беспристрастного и серьезного исследования, и вы увидите такую яркую картину буржуазного разложения, что от мифа о «народном строе» останется одно воспоминание. Эта масса мелких деревенских эксплуататоров представляет страшную силу, страшную особенно тем, что они давят на трудящегося враздробь, поодиночке, что они приковывают его к себе и отнимают всякую надежду на избавление, страшную тем, что эта эксплуатация при дикости деревни, порождаемой свойственными описываемой системе низкою производительностью труда и отсутствием сношений, представляет из себя не один грабеж труда, а еще и азиатское надругательство над личностью, которое постоянно встречается в деревне. Вот если вы станете сравнивать эту *действительную* деревню с нашим капитализмом, – вы поймете тогда, почему социал-демократы считают прогрессивной работу нашего капитализма, когда он стягивает эти мелкие раздробленные рынки в один всероссийский рынок, когда он создает на место бездны мелких благонамеренных живоглотов кучку крупных «столпов отечества», когда он обобществляет труд и повышает его производительность, когда он разрывает это подчинение трудящегося местным кровопийцам и создает подчинение крупному *капиталу*. Это подчинение является прогрессивным по сравнению с тем –

несмотря на все ужасы угнетения труда, вымирания, одичания, калечения женских и детских организмов и т. д., – потому, что оно **БУДИТ МЫСЛЬ РАБОЧЕГО,** превращает глухое и неясное недовольство в сознательный протест, превращает раздробленный, мелкий, бессмысленный бунт в организованную классовую борьбу за освобождение всего трудящегося люда, борьбу, которая черпает свою силу из самых условий существования этого крупного капитализма и потому может безусловно рассчитывать на **ВЕРНЫЙ УСПЕХ В** ответ на обвинение в игнорировании массы крестьянства, социал-демократы с полным правом могут привести слова Карла Маркса:

> *«Критика сорвала с цепей украшавшие их воображаемые цветы не для того, чтобы человечество продолжало нести эти оковы в их форме, лишенной всякой фантазии и всякой радости, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком»*[61].

Русские социал-демократы срывают с нашей деревни украшающие ее воображаемые цветы, воюют против идеализации и фантазий, производят ту разрушительную работу, за которую их так смертельно ненавидят «друзья народа», – не для того, чтобы масса крестьянства оставалась в положении теперешнего угнетения, вымирания и порабощения, а для того, чтобы пролетариат понял, каковы те цепи, которые сковывают повсюду трудящегося, понял, как куются эти це-

пи, и сумел подняться против них, чтобы сбросить их и протянуть руку за настоящим цветком.

Когда они несут эту идею тем представителям трудящегося класса, которые по своему положению одни только способны усвоить классовое самосознание и начать классовую борьбу, – тогда их обвиняют в желании выварить мужика в котле.

И кто обвиняет? —

Люди, которые сами возлагают свои упования относительно освобождения трудящегося на «правительство» и «общество», т. е. органы той самой буржуазии, которая повсюду и сковала трудящихся!

Топырщатся же подобные слизняки толковать о безыдеальности социал-демократов!

Перейдем к политической программе «друзей народа», теоретическими воззрениями которых мы занимались, кажется, уже чересчур много. Какими мерами хотят они «потушить пожар»? В чем видят они выход, неправильно, дескать, указываемый социал-демократами?

«Реорганизация крестьянского банка, – говорит г. Южаков в статье: «Министерство земледелия» (№ 10 «Р. Б—ва»), – учреждение колонизационного управления, упорядочение в интересах народного хозяйства аренды казенных земель,, разработка и регулирование арендного вопроса, – такова программа восстановления народного хозяйства и

ограждения его от экономического насилия (sic!) со стороны нарождающейся плутократии». А в статье: «Вопросы экономического развития» эта программа «восстановления народного хозяйства» пополняется следующими «первыми, но необходимыми шагами»: – «устранение всяких препятствий, ныне опутывающих сельскую общину; освобождение ее от опеки, переход к общественным запашкам (обобществление земледельческого промысла) и развитие общинной обработки сырья, добытого из земли». А гг. Кривенко и Карышев прибавляют: «дешевый кредит, артельная форма хозяйства, обеспеченность сбыта, возможность обходиться без предпринимательской выгоды (об этом особо ниже), изобретение более дешевых двигателей и других технических улучшений», наконец, – «музеи, склады, комиссионерские конторы».

Всмотритесь в эту программу и вы увидите, что эти господа вполне и целиком становятся на почву современного общества (т. е. на почву капиталистических порядков, чего они не сознают) и хотят отделаться штопаньем и починкой его, не понимая, что все их прогрессы – дешевый кредит, улучшения техники, банки и т. п. – в состоянии только усилить и развить буржуазию.

Ник.—он совершенно прав, конечно, – и это одно из наиболее ценных его положений, против которого не могли не протестовать «друзья народа», – что никакими реформами на почве современных порядков помочь делу нельзя, что и

кредит, и переселения, и податные реформы, и переход в руки крестьян всей земли, – ничего существенно не изменят, а напротив – должны усилить и развить капиталистическое хозяйство, ныне сдерживаемое излишней «опекой», остатками крепостнических платежей, прикреплением крестьян к земле и т. д. Экономисты, желающие экстенсивного развития кредита – говорит он – вроде кн. Васильчикова (по своим идеям несомненный «друг народа»), хотят того же, что и «либеральные», т. е. буржуазные экономисты, «стремятся к развитию и упрочению капиталистических отношений». Они не понимают антагонистичности наших производственных отношений (в *крестьянстве* так же, как и в других сословиях) и вместо того, чтобы стараться вывести этот антагонизм на открытую дорогу, вместо того, чтобы прямо примкнуть к тем, кто порабощается в силу этого антагонизма, и стараться помочь ему подняться на борьбу, – они мечтают прекратить борьбу мерами, рассчитанными на всех, на примирение и объединение. Понятно, какой результат может выйти из всех этих мер: достаточно вспомнить вышеприведенные примеры разложения, чтобы убедиться, что всеми этими кредитами[95], улучшениями, бан-

---

[95] Эта идея – о поддержке при помощи кредита «народного хозяйства», т. е. хозяйства мелких производителей, при наличности капиталистических отношений (а наличность их уже не могут, как мы видели, отрицать «друзья народа»), – эта бессмысленная идея, показывающая непонимание азбучных истин теоретической политической экономии, с полной наглядностью показывает пошлость теории этих господ, пытающихся сидеть между двумя стульями.

ками и т. п. «прогрессами» в состоянии будет воспользоваться только тот, кто имеет при правильном, прочном хозяйстве известные «сбережения», т. е. представитель ничтожного меньшинства, мелкой буржуазии. И как вы ни реорганизуйте крестьянский банк и тому подобные учреждения, вы этим нимало не затронете того основного и коренного факта, что масса населения экспроприирована и продолжает экспроприироваться, не имея средств даже для того, чтобы прокормить себя, а не то что для заведения правильного хозяйства.

То же самое надо сказать и про «артели», «общественные запашки». Г-н Южаков называет последние «обобществлением земледельческого промысла». Конечно, это – только курьезно, потому что для обобществления нужна организация производства не в пределах одной какой-нибудь деревушки, потому что для этого необходима экспроприация «живоглотов», монополизировавших средства производства и заправляющих теперешним русским общественным хозяйством. А для этого нужна борьба, борьба и борьба, а не пустяковинная мещанская мораль.

И потому подобные мероприятия обращаются у них в кроткие либеральные полумеры, прозябающие от щедрот филантропических буржуа и приносящие гораздо больше вреда отвлечением эксплуатируемых от борьбы, чем пользы от того возможного улучшения положения отдельных личностей, которое не может не быть мизерным и шатким на об-

щей основе капиталистических отношений. До какой безобразной степени доходит у этих господ замазывание антагонизма в русской жизни, – производимое, конечно, с самыми благими намерениями, чтобы прекратить настоящую борьбу, т. е. именно с такими намерениями, которыми вымощен ад, – это показывает следующее рассуждение г. Кривенко:

«интеллигенция руководит предприятиями фабрикантов и может руководить народной промышленностью».

Вся их философия сводится к нытью на ту тему, что есть борьба и эксплуатация, но «могло бы» ее и не быть, если бы… если бы не было эксплуатирующих. В самом деле, что хотел сказать автор своей бессмысленной фразой? Неужели можно отрицать, что российские университеты и иные учебные заведения производят каждогодно такую «интеллигенцию» (??), которая ищет только того, кто ее прокормит? Неужели можно отрицать, что средства, необходимые для содержания этой «интеллигенции», имеются в настоящее время в России только у буржуазного меньшинства? Неужели буржуазная интеллигенция в России исчезнет оттого, что «друзья народа» скажут, что она «могла бы» служить не буржуазии? Да, «могла бы», если *бы* не была буржуазной. «Могла бы» не быть буржуазной, «если бы» не было в России буржуазии и капитализма! И пробавляются люди весь свой век одними этими «если бы» да «кабы»! Да впрочем, эти господа не только отказываются придавать решающее значение капитализму, но и вообще не хотят видеть ничего дурного в

капитализме. Если устранить некоторые «дефекты», – тогда они, может быть, очень недурно при нем устроятся. Не угодно ли такое заявление г-на Кривенко:

«Капиталистическое производство и капитализация промыслов вовсе не представляют таких ворот, через которые обрабатывающая промышленность может только уходить от народа. Разумеется, она может уйти, но может также и войти в народную жизнь и стать ближе к сельскому хозяйству и добывающей промышленности. Для этого возможно несколько комбинаций и этому могут служить как другие, так и эти же самые ворота» (161). У г. Кривенко есть некоторые очень хорошие качества, – сравнительно с г. Михайловским. Например, откровенность и прямолинейность. Где г. Михайловский исписал бы целые страницы гладкими и бойкими фразами, увиваясь около предмета и не касаясь его самого, там деловитый и практичный г. Кривенко рубит с плеча и без зазрения совести выкладывает перед читателем все абсурды своих воззрений целиком. Извольте видеть: «капитализм может войти в народную жизнь». То есть капитализм возможен без отделения трудящегося от средств производства! Право, это прелестно; мы теперь, по крайней мере, с полной ясностью представляем себе, чего хотят «друзья народа». Они хотят товарного хозяйства без капитализма, – капитализма без экспроприации и без эксплуатации, с одним только мещанством, мирно прозябающим под покровом гуманных помещиков и либеральных администраторов. И они

с серьезным видом департаментского чиновника, намереваю-щегося облагодетельствовать Россию, принимаются сочинять комбинации такого устройства, когда бы и волки были сыты и овцы целы. Чтобы составить себе представление о характере этих комбинаций, мы должны обратиться к статье того же автора в № 12 («По поводу культурных одиночек»): «Артельная и государственная форма промышленности, – рассуждает г. Кривенко, вообразив, видимо, что его уже «призвали» «решать практические экономические проблемы», – вовсе не представляет собою всего, что в данном случае можно представить. Возможна, например, такая комбинация». И дальше повествуется, как в редакцию «Р. Богатства» пришел техник с проектом технической эксплуатации Донской области в форме акционерного предприятия с мелкими акциями (не более 100 руб.). Автору проекта было предложено видоизменить его таким, примерно, образом: «чтобы акции принадлежали не частным лицам, а сельским обществам, причем часть их населения, которая станет работать в предприятиях, получала бы обыкновенную заработную плату, а сельские общества гарантировали бы ей связь с землей».

Не правда ли, какая административная гениальность! С какой умилительной простотой и легкостью вводится капитализм в народную жизнь и устраняются его зловредные качества! Нужно только устроить так, чтобы через посредство

общества сельские богатеи купили акции[96] и получали доход от предприятия, на котором трудилась бы «часть населения», обеспеченная в связи с землей, – такой «связи», которая не дает возможности жить с этой земли (иначе кто бы пошел работать за «обыкновенную заработную плату»?), но достаточна, чтобы привязать человека к месту, поработить его именно местному капиталистическому предприятию и отнять возможность переменить одного хозяина на другого. Я говорю о хозяине, капиталисте – с полным правом, потому что тот, кто платит трудящемуся *заработную плату,* не может быть назван иначе.

Читатель, может быть, уже в претензии на меня за то, что я так долго останавливаюсь на таком вздоре, не заслуживающем, по-видимому, никакого внимания. Но позвольте. Хотя это и вздор, но вздор такой, который полезно и нужно

---

[96] Я говорю о покупке акций богатеями – несмотря на оговорку автора о принадлежности акций обществам – потому, что он все-таки говорит о покупке акций на деньги, каковые имеются только у богатеев. Поэтому через посредство обществ вестись будет дело или нет, – все равно заплатить смогут только богатеи, точно так же, как покупка или аренда земли обществом нимало не устраняет монополизации этой земли богатеями. Затем, доход (дивиденд) должен получать тоже тот, кто платил, – иначе акция не будет акцией. И я понимаю предложение автора в том смысле, что известная часть прибыли будет отчисляться на «обеспечение рабочим связи с землей». – Если же автор разумеет не это (хотя это неизбежно вытекает из сказанного им), а то, чтобы богатеи платили деньги за акции, не получая дивиденда, – тогда его проект просто сводится к тому, чтобы имущие поделились с неимущими. Это вроде того анекдотического, снадобья для истребления мух, которое требует, чтобы муху изловили и посадили в посудину, – и муха тотчас умрет.

изучать, потому что он отражает действительные общественно-экономические отношения России и в силу этого принадлежит к распространеннейшим у нас общественным идеям, с которыми социал-демократам долго еще придется считаться. Дело в том, что переход от крепостнического, феодального способа производства к капиталистическому в России порождал, а отчасти и теперь порождает, такое положение трудящегося, при котором крестьянин, не будучи в состоянии прокармливать себя землей и *нести с нее повинности в пользу помещика* (а *он их и посейчас несет*), вынужден был прибегать к «сторонним заработкам», носившим сначала, в доброе старое время, форму либо самостоятельного промыслового труда (например, извоз), либо несамостоятельного, но оплачиваемого сравнительно сносно вследствие крайне слабого развития промыслов. Это состояние обеспечивало некоторое, сравнительно с теперешним, благосостояние крестьянства, благосостояние крепостного люда, мирно прозябавшего под сенью ста тысяч благородных полицеймейстеров и нарождающихся собирателей земли русской, – буржуа.

И вот «друзья народа» идеализируют этот строй, отбрасывая просто-напросто его темные стороны, мечтают о нем, – «мечтают» потому, что его давным-давно нет уже в действительности, он давным-давно разрушен капитализмом, породившим массовую экспроприацию земледельческого крестьянства и превратившим прежние «заработки» в самую разнузданную эксплуатацию в избытке предлагающихся ра-

бочих «рук».

Наши рыцари мещанства хотят именно сохранения «связи» крестьянина с землей, но не хотят крепостного права, которое одно только обеспечивало эту связь и которое было сломлено только товарным хозяйством и капитализмом, сделавшим эту связь невозможной. Они хотят заработков на стороне, которые бы не отрывали крестьянина от земли, которые бы – при работе на рынок – не порождали конкуренции, не создавали *капитала* и не порабощали ему массы населения. Верные субъективному методу в социологии, они хотят «взять» хорошее и оттуда и отсюда, – но на деле, разумеется, это ребячье желание ведет только к реакционной мечтательности, игнорирующей действительность, ведет к неумению понять и утилизировать действительно прогрессивные, революционные стороны новых порядков и к сочувствию мероприятиям, увековечивающим добрые старые порядки полукрепостного полусвободного труда, – порядки, обладавшие всеми ужасами эксплуатации и угнетения и не дававшие никакой возможности выхода.

Чтобы доказать правильность этого объяснения, относящего «друзей народа» к реакционерам, сошлюсь на два примера.

В московской земской статистике мы можем прочитать описание хозяйства некоей г-жи К. (в Подольском уезде), которое (хозяйство, а не описание) восхищало и московских статистиков и г. В. В., если память мне не изменяет (он пи-

сал об этом, помнится, в какой-то журнальной статье).

Это пресловутое хозяйство г-жи К. служит для г. В. Орлова «фактом, убедительно подтверждающим на практике» его любимое положение, будто «где крестьянское земледелие находится в исправном состоянии, там и хозяйство частных землевладельцев ведется лучше». Из рассказа г. Орлова об имении этой г-жи видно, что она ведет хозяйство посредством труда местных крестьян, обрабатывающих ее землю за получаемую в ссуду зимой муку и т. п., причем владелица относится к крестьянам замечательно заботливо, помогает им, так что теперь это – самые исправные крестьяне в волости, у которых хлеба «достает почти до нови (прежде и до зимнего Николы не хватало)».

Спрашивается, исключает ли «такая постановка дела противоположность интересов крестьянина и землевладельца», как думают гг. Н. Каблуков (т. V, с. 175) и В. Орлов (т. II, с. 55–59 и др.)? Очевидно, что нет, ибо г-жа К. живет трудом своих крестьян. Следовательно, эксплуатация совсем не устранена. Не видеть эксплуатации за добрыми отношениями к эксплуатируемым – простительно для г-жи К., но никак не для экономиста-статистика, который, восхищаясь данным случаем, вполне приравнивается к тем Menschenfreunde[97] на Западе, которые восхищаются добрыми отношениями капиталиста к рабочему, с упоением передают случаи, когда фабрикант печется о рабочих, устраивает для них потребитель-

---

[97] «Человеколюбцам», филантропам. – *Ред.*

ные лавки, квартиры и т. п. Заключать от существования (и, следовательно, «возможности») подобных «фактов» к отсутствию противоположности интересов – значит за деревьями не видеть леса. Это во-первых.

А во-вторых, из рассказа г. Орлова мы видим, что крестьяне г-жи К. «благодаря прекрасным урожаям (помещица дала им хороших семян) завели скот» и ведут «исправное» хозяйство. Представьте себе, что эти «исправные хозяева» сделались не «почти», а вполне исправными: хлеба хватает у них не «почти» до нови и не «у большинства», а всем и вполне хватает хлеба. Представим себе, что земли у этих крестьян стало достаточно, что у них есть и «пастбище и прогон», которых у них теперь нет (хороша исправность!) и которые они арендуют у г-жи К. под работу. Неужели г. Орлов думает, что тогда – т. е. если бы крестьянское хозяйство было бы действительно исправно – эти крестьяне стали бы «исполнять все работы по имению г-жи К. тщательно, своевременно и быстро», как это они делают теперь? Или, может быть, признательность к доброй барыне, так матерински выжимающей соки из исправных крестьян, будет импульсом не менее сильным, чем безысходность настоящего положения крестьян, которые не могут же обойтись без пастбища и прогона?

Очевидно, что таковы же в сущности идеи «друзей народа»: как настоящие идеологи мещанства, они хотят не уничтожения эксплуатации, а смягчения ее, хотят не борьбы, а

примирения. Их широкие идеалы, с точки зрения которых они так усердно громят узких социал-демократов, не идут далее «исправного» крестьянства, отбывающего «повинности» перед помещиками и капиталистами, лишь бы только помещики и капиталисты справедливо к ним относились.

Другой пример. Г-н Южаков в своей довольно известной статье: «Нормы народного землевладения в России» («Русская Мысль», 1885, № 9) излагал свои воззрения на то, каких размеров должно быть «народное» землевладение, т. е., по терминологии наших либералов, такое, которое исключает капитализм и эксплуатацию. Теперь – после этого превосходного разъяснения дела г-ном Кривенко – мы знаем, что он смотрел тоже с точки зрения «введения капитализма в народную жизнь». ММтшп'ом «народного» землевладения он брал такие наделы, которые бы покрывали «зерновое довольствие и платежи»[98], а остальное, дескать, можно добыть «заработками»… Другими словами, он прямо-таки мирился с таким порядком, когда крестьянин, сохраняя связь с землей, подвергался двойной эксплуатации, отчасти со стороны помещика – по «наделу», отчасти со стороны капиталиста

---

[98] Чтобы показать соотношение между этим расходом и остальной частью крестьянского бюджета, сошлюсь на те же 24 бюджета по Острогожскому уезду. Средний расход семьи – 495 р. 39 к. (и натуральный и денежный). Из них 109 р. 10 к. идет на содержание скота, 135 р. 80 к. – на продовольствие растительной пищей и налоги, а остальные 250 р. 49 к. – на прочие расходы – пищу нерастительную, одежду, инвентарь, аренду и проч. Содержание скота г. Южаков относит на счет сенокосов и вспомогательных угодий.

– по «заработкам». Это состояние мелких производителей, подвергающихся двойной эксплуатации и притом поставленных в такие житейские условия, которые необходимо порождают забитость и придавленность, отнимая всякие надежды не только на победу, но и на борьбу класса угнетенных, – это полусредневековое положение – пес plus ultra кругозора и идеалов «друзей народа». И вот, когда капитализм, развиваясь с громадной быстротой в течение всей пореформенной истории России, стал с корнем вырывать этот устой старой России, – патриархальное, полукрепостное крестьянство, – вырывать его из средневековой, полуфеодальной обстановки и ставить в новейшую, чисто капиталистическую, заставляя его бросать насиженные места и бродить по всей России в поисках за работой, разрывая порабощение местному «работодателю» и показывая, в чем лежат основания эксплуатации вообще, эксплуатации классовой, а не грабежа данного аспида, – когда капитализм стал массами втягивать остальное, забитое и задавленное до скотского положения крестьянское население в водоворот все усложняющейся общественно-политической жизни, – тогда наши рыцари подняли вопли и стенания о падении и ломке устоев. И они продолжают и сейчас вопить и стенать об этом добром старом времени, хотя теперь, кажется, надо уже быть слепым, чтобы не видеть революционной стороны этого нового уклада жизни, чтобы не видеть, как капитализм создает новую общественную силу, ничем не связанную с старым режимом эксплуатации и по-

ставленную в возможность борьбы против него.

У «друзей народа», однако, и следа не заметно пожеланий какого бы то ни было коренного изменения современных порядков. Они вполне удовлетворяются либеральными мероприятиями на данной почве, и г. Кривенко проявляет на поприще изобретения таких мероприятий настоящие административные способности отечественного помпа-дура[62].

«Вообще этот вопрос, – рассуждает он о необходимости «подробного изучения и коренного преобразования» «нашей народной промышленности», – требует специального рассмотрения и разделения производств на группы производств, применимых к народной жизни (sic!!), и таких, применение которых встречает какие-нибудь серьезные затруднения».

Образец одного такого деления на группы дает нам тот же г. Кривенко, разделяющий промыслы на такие, которые не капитализуются, такие, где произошла уже капитализация, и такие, которые могут «спорить с крупной промышленностью за существование».

«В первом случае, – решает администратор, – мелкое производство может свободно существовать» – и быть свободным от рынка, колебания которого разлагают мелких производителей на буржуазию и пролетариат? быть свободным от расширения местных рынков и стягивания их в крупный рынок? быть свободным от прогресса техники? Или, может быть, этот прогресс техники – при товарном хозяйстве – мо-

жет и не быть капиталистическим? – В последнем случае автор требует «организации производства также в крупной форме»: «Ясное дело, – говорит он, – что тут нужна уже организация производства также в крупной форме, нужен основной и оборотный капитал, машины и т. д. или уравновешение этих условий чем-нибудь другим: дешевым кредитом, устранением излишнего посредничества, артельною формой хозяйства и возможностью обходиться без предпринимательской выгоды, обеспеченностью сбыта, изобретением более дешевых двигателей и других технических улучшений или, наконец, некоторым понижением заработной платы, если оно будет возмещаться другими выгодами».

Прехарактерное рассуждение для характеристики «друзей народа» с их широкими идеалами на словах, с их шаблонным либерализмом на деле. Начинает наш философ, как видите, ни больше, ни меньше как с возможности обходиться без предпринимательской выгоды и с организации крупного хозяйства. Прекрасно: это именно то, ЧЕГО хотят и социал-демократы. Но как же хотят достигнуть этого «друзья народа»? Ведь для организации крупного производства без предпринимателей нужно, во-первых, уничтожение товарной организации общественного хозяйства и замена ее организацией общинной, коммунистической, когда бы регулятором производства был не рынок, как теперь, а сами производители, само общество рабочих, когда бы средства производства принадлежали не частным лицам, а всему обще-

ству. Такая замена частной *формы присвоения* – общинного требует, очевидно, *предварительного* преобразования *формы производства,* требует слияния разрозненных, мелких, обособленных процессов производства мелких производителей в *один общественный производительный процесс,* требует, одним словом, тех именно материальных условий, которые и создаются капитализмом. Но ведь «друзья народа» вовсе не намерены опираться на капитализм. Как же они намерены действовать? Неизвестно. Они даже и не упоминают об уничтожении товарного хозяйства: очевидно, их широкие идеалы не могут никак выйти из рамок этой системы общественного производства. Затем, ведь для уничтожения предпринимательской выгоды придется экспроприировать предпринимателей, «выгоды» которых проистекают именно из того, что они монополизировали средства производства. Для этой экспроприации столпов нашего отечества нужно ведь народное революционное движение против буржуазного режима, движение, на которое способен только рабочий пролетариат, ничем не связанный с этим режимом. Но «друзья народа» и в мыслях не имеют никакой борьбы, и не подозревают о возможности и необходимости каких-нибудь других общественных деятелей, помимо административных органов самих этих предпринимателей. Ясное дело, что они нисколько не намерены серьезно выступать против «предпринимательской выгоды»: г. Кривенко просто сболтнул. И он немедленно поправляется: можно ведь и «уравновесить» та-

кую вещь, как «возможность обходиться без предпринимательской прибыли», – «чем-нибудь другим», именно кредитом, организацией сбыта, улучшениями техники. Все устроилось, значит, вполне благополучно: вместо такой обидной для гг. предпринимателей вещи, как уничтожение их священных прав на «выгоду», – появились такие кроткие либеральные мероприятия, которые только дадут в руки капитализму лучшие орудия для борьбы, которые только усилят, укрепят и разовьют нашу мелкую «народную» буржуазию. А чтобы не оставить никакого сомнения в том, что «друзья народа» интересы только этой мелкой буржуазии и отстаивают, г. Кривенко дает еще следующее замечательное разъяснение. Оказывается, что уничтожение предпринимательской выгоды можно «уравновесить»… «понижением заработной платы»!!! С первого взгляда может показаться, что это просто сапоги всмятку. Но нет. Это последовательное проведение идей мещанства. Автор наблюдает такой факт, как борьбу крупного капитала с мелким, и в качестве истинного «друга народа» становится, конечно, на сторону мелкого… *капитала.* Он слыхал при этом, что одним из могущественнейших средств борьбы для мелких капиталистов является понижение заработной платы – факт, совершенно верно подмеченный, констатированный в массе производств и в России, наряду с удлинением рабочего дня. И вот он, желая во что бы то ни стало спасти мелких… *капиталистов,* предлагает «некоторое понижение заработной платы, если оно будет

возмещаться иными выгодами»! Господа предприниматели, о «выгоде» которых говорились сначала как будто бы странные вещи, могут быть совершенно спокойны. Они, я думаю, охотно бы даже посадили в министры финансов этого гениального администратора, проектирующего *против* предпринимателей – понижение заработной платы.

Можно привести и еще пример того, как из гуманно-либеральных администраторов «Р. Богатства» проглядывает чистокровный буржуа, как только дело коснется каких-либо практических вопросов. В «Хронике внутренней жизни» в № 12 «Р. Богатства» идет речь о монополии.

«Монополия и синдикат, – говорит автор, – таковы идеалы развитой промышленности». И он удивляется далее, что эти учреждения появляются и у нас, хотя «сильной конкуренции капиталов» у нас нет. «Ни сахарная, ни нефтяная промышленность вовсе еще не достигли особого развития. Потребление как сахара, так и керосина у нас почти в зародыше, если обратить внимание на то ничтожное количество этих продуктов, какое приходится у нас на одного потребителя сравнительно с другими странами. Казалось бы, поле для развития этих отраслей промышленности очень еще велико и может поглотить массу еще капиталов».

Характерно, что тут как раз – на практическом вопросе – автор забыл любимую идею «Р. Богатства» о сокращении внутреннего рынка. Он вынужден признать, что рынок этот имеет перед собой еще громадное развитие, а не со-

кращение. Он приходит к этому выводу, сравнивая с Западом, где потребление больше. Почему? – Потому, что культура выше. – Но в чем же состоят материальные основания этой культуры, как не в развитии капиталистической техники, в росте товарного хозяйства и обмена, приводящих людей в более частые столкновения друг с другом, разрушающих средневековую обособленность отдельных местностей? Не была ли во Франции, например, культура не выше нашей перед великой революцией, когда еще не завершился раскол ее полусредневекового крестьянства на деревенскую буржуазию и пролетариат? И если бы автор повнимательнее присмотрелся к русской жизни, он не мог бы не заметить того, например, факта, что в местностях с развитым капитализмом потребности крестьянского населения стоят значительно выше, чем в чисто земледельческих местностях. Это отмечается единогласно всеми исследователями наших кустарных промыслов во всех случаях, когда эти промыслы достигают такого развития, что кладут промысловый отпечаток на всю жизнь населения[99].

«Друзья народа» не обращают никакого внимания на подобные «мелочи», потому что для них дело тут объясняется «просто» культурой или усложняющейся жизнью вообще, причем они даже и не задаются вопросом о материальных ос-

---

[99] Для примера сошлюсь хотя бы на павловских кустарей сравнительно с крестьянами окрестных деревень. См. сочинения Григорьева и Анненского. – Нарочно беру для примера опять-таки деревню, в которой имеется, будто бы, особый «народный строй».

нованиях этой культуры и этого усложнения. – А если бы они обратились хотя бы к экономике нашей деревни, то должны бы были признать, что именно разложение крестьянства на буржуазию и пролетариат создает внутренний рынок.

Они думают, должно быть, что рост рынка вовсе еще не означает роста буржуазии. «Монополия, – продолжает свое рассуждение вышецитированный хроникер внутренней жизни, – у нас при слабом развитии производства вообще, при отсутствии предприимчивости и инициативы явится новым тормозом для развития *сил страны*». Говоря о табачной монополии, автор рассчитывает, что «она из *народного* обращения возьмет 154 млн. руб.». Здесь уже прямо упускается из виду, что основой-то наших хозяйственных порядков является товарное хозяйство, руководителем которого и у нас, как и везде, является буржуазия. И вместо того, чтобы говорить о стеснении буржуазии монополией, автор говорит о «стране», вместо того, чтобы говорить о товарном, буржуазном обращении, – о «народном» обращении[100]. Буржуа никогда не в состоянии уловить разницы между этими понятиями, как она ни громадна. Чтобы показать, до какой степени, действительно, очевидна эта разница, я сошлюсь на журнал, имеющий авторитет в глазах «друзей народа», – на «Отечественные Записки». В № 2 за 1872 г., в статье «Плутократия

---

[100] Словоупотребление, которое тем более следует поставить в вину автору, что «Р. Богатство» любит употреблять слово «народный» в противоположность буржуазному.

и ее основы» мы читаем:

«По характеристике Марло, самый существенный признак плутократии – это любовь к либеральной форме государства, или по крайней мере к принципу свободы приобретения. Если мы возьмем этот признак и сообразим, что было назад тому каких-нибудь 8–10 лет, то увидим, что по части либерализма мы сделали успехи громадные… Какую бы газету или журнал вы ни взяли, – Все они, по-видимому, более или менее представляют собою демократический принцип, все бьются за интересы народа. Но рядом с демократическими воззрениями и даже под покровом их (это *заметьте*) то и дело намеренно или ненамеренно проводятся плутократические стремления».

Автор приводит в пример адрес с. – петербургского и московского купечества министру финансов с благодарностью сего почтеннейшего сословия российской буржуазии за то, что «он основал финансовое положение России на возможно большем расширении единственно плодотворной частной деятельности». И автор статьи заключает: «Плутократические элементы и поползновения несомненно есть в нашем обществе и в достаточном количестве».

Видите – ваши предшественники в давнопрошедшее время, когда еще были живы и свежи впечатления великой освободительной реформы (долженствовавшей, по открытию г. Южакова, освободить спокойные и правильные пути развития «народного» производства, а на деле освободившей

только пути развития плутократии), сами не могли не признать плутократического, т. е. буржуазного, характера частной предприимчивости в России.

Зачем же Вы забыли это? Почему, толкуя о «народном» обращении и развитии «сил страны» благодаря развитию «предприимчивости и инициативы», не упоминаете Вы об антагонистичности этого развития? об эксплуататорском характере этой предприимчивости и этой инициативы? Можно и должно, разумеется, высказываться против монополий и т. п. учреждений, так как они, несомненно, ухудшают положение трудящегося, – но не надо забывать, что помимо всех этих средневековых пут трудящийся скован еще более сильными, новейшими, буржуазными путами. Несомненно, отмена монополий будет полезна всему «народу», потому что, когда буржуазное хозяйство стало основой экономики страны – эти остатки средневековых порядков только прибавляют к капиталистическим бедствиям еще горшие бедствия – средневековые. Несомненно, их необходимо нужно уничтожить – и чем скорее, чем радикальнее, тем лучше, – чтобы очищением буржуазного общества от унаследованных им полукрепостнических пут развязать руки рабочему классу, облегчить ему борьбу против буржуазии.

Вот так и надо говорить, называя вещи своим именем, – что отмена монополий и всяких других стеснений средневековых (им же имя в России – легион) необходимо нужна для рабочего класса для облегчения ему борьбы против буржу-

азных порядков. Вот и все. Забывать за солидарностью интересов всего «народа» против средневековых, крепостнических учреждений – о глубоком и непримиримом антагонизме буржуазии и пролетариата внутри этого «народа» могут только буржуа.

Да, впрочем, нелепо было бы думать устыдить этим «друзей народа», когда они насчет того, что нужно деревне, говорят, например, такие вещи:

«Когда несколько лет тому назад, – повествует г. Кривенко, – некоторые газеты рассматривали, какие профессии и какого рода интеллигентные люди нужны деревне, то перечень выходил очень большим и разнообразным и охватывал почти всю жизнь: за докторами и женщинами-врачами шли фельдшера, за ними адвокаты, за адвокатами учителя, устроители библиотек и книжной торговли, агрономы, лесоводы и вообще люди, занимающиеся сельским хозяйством, техники самых разнообразных специальностей (область очень обширная и еще почти не тронутая), устроители и руководители кредитных учреждений, товарных складов и т. д.».

Остановимся хотя бы на тех «интеллигентах» (??), деятельность которых прямо относится к экономической области, на этих лесоводах, агрономах, техниках и т. д. Как в самом деле нужны эти люди деревне! Но только КАКОЙ деревне? – разумеется, деревне землевладельцев, деревне хозяйственных мужичков, имеющих «сбережения» и могущих платить за услуги всем этим ремесленникам, которых г. Кри-

венко изволит величать «интеллигентами». *Эта* деревня и в самом деле давно жаждет и техников, и кредита, и товарных складов – об этом свидетельствует вся экономическая литература. Но есть и другая деревня, гораздо более многочисленная, о которой не мешало бы почаще вспоминать «друзьям народа», – деревня разоренного и оголенного, обобранного до нитки крестьянства, не имеющего не только «сбережений» для оплаты труда «интеллигентов», но даже и хлеба в таком количестве, чтобы не умереть с голоду. И *этой* деревне хотите помочь вы *товарными складами!!* Что они туда положат, наши однолошадные и безлошадные крестьяне, в эти товарные склады? Свою одежду? – они уже заложили ее в 1891 г. сельским и городским кулакам, устраивавшим тогда, во исполнение вашего гуманно-либерального рецепта, настоящие «товарные склады» в своих домах, кабаках и лавках. Остаются еще разве только рабочие «руки». Но для этого товара даже российские чиновники не выдумали до сих пор еще «товарных складов»…

Трудно представить себе более наглядное доказательство крайнего опошления этих «демократов», – как это умиление техническими прогрессами в «крестьянстве» и закрывание глаз на массовую экспроприацию того же «крестьянства». Г-н Карышев, например, в № 2 «Р. Богатства» («Наброски», § XII) с упоением либерального кретина рассказывает случаи «усовершенствований и улучшений» в крестьянском хозяйстве – «распространения в крестьянском хо-

зяйстве улучшенных сортов семян» – американского овса, ржи-вазы, клейдесдальского овса и т. п. «В иных местах крестьяне отводят для семян особые небольшие участки земли, на которых после тщательной обработки садятся руками отборные экземпляры зерен». «Многие и весьма разнообразные нововведения» отмечаются «в области улучшенных орудий[101] и машин» – окучники, легкие плужки, молотилки, веялки, сортировки. Констатируется «увеличение разнообразия видов удобрительных средств» – фосфориты, клейный навоз, голубиный помет и пр. «Корреспонденты настаивают на необходимости устраивать по деревням местные земские склады для продажи фосфоритов», – и г. Карышев, цитируя сочинение г. В. В.: «Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве» (на него ссылается и г. Кривенко), впадает по поводу всех этих трогательных прогрессов совсем уже в пафос:

«Бодрящее и вместе грустное впечатление производят эти сообщения, которые мы могли изложить только вкратце… Бодрящее – потому, что этот народ, обедневший, задолжавший, в значительной части обезлошадевший, не покладает рук, не предается отчаянию, не меняет занятия, а остается верен земле, понимая, что в ней, в надлежащем обращении с ней его будущее, его сила, его богатство. (Ну, конечно! Само собой разумеется, что ведь это именно обеднев-

[101] Напомню читателю распределение этих улучшенных орудий в Новоузенском уезде: у 37 % (бедных) крестьян, у 10 тыс. дворов из 28 тыс. – 7 орудий из 5724, т. е. ⅛ %! 4/5 орудий монополизированы богатеями, составляющими лишь ¼ часть дворов.

ший и обезлошадевший мужик покупает фосфориты, сортировки, молотилки, семена клейдесдальского овса! О, sancta simplicitas![102] Но ведь пишет это не институтка, а профессор, доктор политической экономии!! Нет, как хотите, а одной святой простотой тут дела не объяснишь.) Лихорадочно ищет он способов этого надлежащего обращения, ищет новых путей, приемов обработки, семян, орудий, удобрения, всего, что помогло бы оплодотворить его кормилицу-землю, которая воздаст ему рано или поздно за это сторицею[103]… Грустное впечатление производят приведенные сообщения потому (вы, может быть, думаете, что «друг народа» хоть здесь-то упомянет о той массовой экспроприации крестьянства, которая сопровождает и вызывает концентрацию земли в руках хозяйственных мужичков, превращение ее в *капитал,* в основание *улучшенного* хозяйства, – той экспроприации, которая именно и выбрасывает на рынок «свободные» и «дешевые» «руки», создающие успехи отечественной «пред-

---

[102] О, святая простота! – *Ред.*

[103] Вы глубоко правы, почтенный г. профессор, что улучшенное хозяйство воздаст *сторицею* этому «народу», который не «предается отчаянию» и «остается верен земле». Но не замечаете ли вы, о великий доктор политической экономии, что для приобретения всех этих фосфоритов и т. д. «мужик» должен выделяться из массы голодающих нищих наличностью *свободных* денег, а деньги – ведь это продукт *общественного* труда, достающийся в руки частных лиц; – что присвоение «воздаяния» за это улучшенное хозяйство будет присвоением *чужого* труда; – что видеть источник этого обильного воздаяния в личном усердии хозяина, который, «не покладая рук», «оплодотворяет кормилицу-землю», могут только самые жалкие прихвостни буржуазии?

приимчивости» на поприще всех этих молотилок, сортировок, веялок? – ничуть не бывало), потому, что… будить нужно именно нас самих. Где наша помощь этому стремлению мужика поднять свое хозяйство? Для нас есть наука, литература, музеи, склады, комиссионерские конторы. (Право, господа, так рядом и поставлено: «наука» и «комиссионерские конторы»… «Друзей народа» надо изучать не тогда, когда они воюют с социал-демократами, потому что они для такого случая надевают мундир, сшитый из лохмотьев «отцовских идеалов», а в их будничной одежде, когда они обсуждают детально вопросы повседневной жизни. И тогда вы можете наблюдать этих идеологов мещанства со всем их цветом и запахом.) Есть ли что-нибудь подобное для мужика? Есть, конечно, эмбрионы, да что-то они туго развиваются. Мужик хочет примера, – где наши опытные поля, образцовые хозяйства? Мужик ищет печатного слова, – где наша популярная агрономическая литература?.. Мужик ищет удобрения, орудий, семян, – где у нас земские склады всего этого, оптовая заготовка, удобства покупки, распространения?.. Где же вы, деятели частные и земские? Идите и работайте, время давно приспело, и

Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ!»

Н. Карышев («Р. Б – во», № 2, с. 19).

Вот они, эти друзья мелких «народных» буржуев, во всем самоуслаждении своими мещанскими прогрессами!

Казалось бы, даже помимо анализа экономики нашей деревни, достаточно наблюдать этот бросающийся в глаза факт нашей новой экономической истории – констатируемые всеми прогрессы в крестьянском хозяйстве одновременно с гигантской экспроприацией *крестьянства,* – чтобы убедиться в нелепости представления о *крестьянстве,* как каком-то солидарном внутри себя и однородном целом, чтобы убедиться в буржуазности всех этих прогрессов! Но «друзья народа» остаются глухи ко всему этому. Утратив хорошие стороны старого русского социально-революционного народничества, они крепко ухватились за одну из крупных его ошибок – непонимание классового антагонизма внутри крестьянства.

«Народник 70-х годов, – очень метко говорит Гурвич, – не имел никакого представления о классовом антагонизме внутри самого крестьянства, ограничивая этот антагонизм исключительно отношениями между «эксплуататором» – кулаком или мироедом – и его жертвой, крестьянином, пропитанным коммунистическим духом[104]. Глеб Успенский одиноко стоял со своим скептицизмом, отвечая иронической улыбкой на общую иллюзию. Со своим превосходным зна-

---

[104] *«Внутри деревенской общины возникли антагонистические социальные классы», – говорит Гурвич в другом месте (с. 104). Я цитирую Гурвича только в добавление к вышеприведенным фактическим данным.

нием крестьянства и со своим громадным артистическим талантом, проникавшим до самой сути явлений, он не мог не видеть, что индивидуализм сделался основой экономических отношений не только между ростовщиком и должником, но между крестьянами вообще. См. его статью «Равнение под одно»[63] в «Русской Мысли» 1882 г., № 1» (назв. соч., стр. 106).

Но если позволительно и даже естественно было впадать в эту иллюзию в 60-х и 70-х годах, – когда еще так мало было сравнительно точных сведений об экономике деревни, когда еще не обнаруживалось так ярко разложение деревни, – то теперь ведь надо нарочно закрывать глаза, чтобы не видеть этого разложения. Чрезвычайно характерно, что именно в последнее время, когда разорение крестьянства достигло, кажется, своего апогея, отовсюду слышно о прогрессивных течениях в крестьянском хозяйстве. Г-н В. В. (тоже несомненнейший «друг народа») написал об этом предмете целую книгу. И вы не сможете упрекнуть его в фактической неверности. Напротив, факт не может подлежать сомнению, – факт технического, агрикультурного прогресса в крестьянстве, но точно так же несомненен и факт массовой экспроприации крестьянства. И вот, «друзья народа» сосредоточивают все свое внимание на том, как «мужик» лихорадочно ищет новых приемов обработки, которые помогли бы ему оплодотворить кормилицу-землю, – опуская из виду обратную сторону медали, лихорадочное отделение «му-

жика» же от земли. Они как страусы прячут голову, чтобы не смотреть прямо на действительность, чтобы не видеть, что они присутствуют именно при процессе обращения в капитал той земли, от которой отрывается крестьянство, при процессе создания внутреннего рынка[105]. Попробуйте опровергнуть *наличность* в нашем общинном крестьянстве двух этих полярных процессов, попробуйте *объяснить* их иначе, как буржуазностью нашего общества! – Куда тут! Петь аллилуйя и разливаться в гуманно-доброжелательных фразах – вот альфа и омега всей их «науки», всей их политической «деятельности».

И это кротко-либеральное штопанье современных порядков возводят они даже в целую философию. «Маленькое живое дело, – глубокомысленно рассуждает г. Кривенко, – гораздо лучше большого безделья». – И ново и умно. И потом, продолжает он, – «маленькое дело вовсе не синоним маленькой цели». В пример такого «расширения деятельности», когда дело из маленького становится «правильным и хорошим», – приводится деятельность одной госпожи по устройству школ, – затем адвокатская деятельность в крестьянстве, вытесняющая кляузников, – предположение адвокатов ездить в провинцию с выездными сессиями окруж-

---

[105] Поиски «новых приемов обработки» потому именно и становятся «лихорадочными», что хозяйственному мужику приходится вести более крупное хозяйство, с которым при помощи старых приемов не справиться; – именно потому, что к поискам новых приемов вынуждает конкуренция, так как земледелие приобретает все более и более товарный, буржуазный характер.

ных судов для защиты подсудимых, – наконец, уже знакомое нам устройство кустарных складов: расширение деятельности (до размеров большой цели) должно состоять здесь в устройстве складов «соединенными силами земств в наиболее бойких пунктах».

Все это, конечно, очень возвышенные, гуманные и либеральные дела – «либеральные» потому, что они очистят буржуазную систему хозяйства от всех ее средневековых стеснений и тем облегчат рабочему борьбу против самой этой системы, которой, разумеется, подобные меры не только не затронут, а, напротив, усилят – и все это мы давно уже читаем во всех русских либеральных изданиях. Против этого не стоило бы и выступать, если бы не принуждали к этому господа из «Р. Б – ва», которые принялись выдвигать эти «кроткие начатки либерализма» ПРОТИВ социал-демократов и в пример им, упрекая их притом в отречении от «идеалов отцов». И тогда мы не можем не сказать, что это, по меньшей мере, забавно – возражать против социал-демократов предложением и указанием такой умеренной и аккуратной *либеральной* (сиречь служащей буржуазии) деятельности. А по поводу отцов и их идеалов надо заметить, что как ни ошибочны, ни утопичны были старые теории русских народников, но уж во всяком случае они относились **БЕЗУСЛОВНО** отрицательно к подобным «кротким начаткам либерализма». Заимствую это последнее выражение из заметки г. Н. К. Михайловского: «По поводу русского издания книги К.

Маркса» («Отечественные Записки», 1872 г., № 4) – заметки, очень живо, бодро и свеженаписанной (сравнительно с теперешними его писаниями) и бурно протестовавшей против предложения не обижать наших молодых либералов.

Но это было давно, так давно, что «друзья народа» успели основательно перезабыть все это и своей тактикой наглядно показали, что при отсутствии материалистической критики политических учреждений, при непонимании классового характера современного государства, – от политического радикализма до политического оппортунизма один только шаг.

Несколько образчиков этого оппортунизма:

«Преобразование министерства государственных имуществ в министерство земледелия, – объявляет г. Южаков, – может иметь глубокое влияние на ход нашего экономического развития, но может остаться и некоторой лишь перетасовкой чиновников» (№ 10 «Р. Б.»).

Все зависит, значит, от того, кого «призовут» – друзей ли парода или представителей интересов помещиков и капиталистов. Самые интересы можно и не трогать.

«Охранение экономически слабейшего от экономически сильного составляет первую естественную задачу государственного вмешательства», продолжает там же тот же г. Южаков, и ему вторит в тех же выражениях хроникер внутренней жизни во 2 № «Р. Б—ва». И чтобы не оставить никакого сомнения в том, что он понимает эту филантропиче-

скую бессмыслицу[106] так же, как и его достойные сотоварищи, западноевропейские либеральные и радикальные идеологи мещанства, он добавляет вслед за вышесказанным:

«Гладстоновские ландбилли[64], бисмарковское страхование рабочих, фабричная инспекция, идея нашего крестьянского банка, организация переселений, меры против кулачества, все это – попытки применения именно этого принципа государственного вмешательства с целью защиты экономически слабейшего».

Это уже тем хорошо, что откровенно. Автор прямо говорит здесь, что точно так же хочет стоять на почве данных общественных отношений, как и гг. Гладстоны и Бисмарки, – точно так же хочет чинить и штопать современное общество (буржуазное – чего он не понимает, как не понимают этого и западноевропейские сторонники Глад-стонов и Бисмарков), а не бороться против него. В полнейшей гармонии с этим основным их теоретическим воззрением стоит и то обстоятельство, что они орудие реформ видят в органе, выросшем на почве этого современного общества и охраняющем интересы господствующих в нем классов, – в государстве. Они прямо считают его всемогущим и стоящим над всякими классами, ожидая от него не только «поддержки» трудящегося, но и создания настоящих, правильных порядков (как мы слышали

---

[106] Потому бессмыслицу – что сила «экономически сильного» в том, между прочим, и состоит, что он держит в своих руках политическую власть. Без нее он не мог бы удержать своего экономического господства.

от г. Кривенко). Понятно, впрочем, что от них, как чистейших идеологов мещанства, и ждать нельзя ничего иного. Это ведь одна из основных и характерных черт мещанства, которая, между прочим, и делает его классом реакционным, – что мелкий производитель, разобщенный и изолированный самими условиями производства, привязанный к определенному месту и к определенному эксплуататору, не в состоянии понять классового характера той эксплуатации и того угнетения, от которых он страдает иногда не меньше пролетария, не в состоянии понять, что и государство в буржуазном обществе не может не быть классовым государством[107].

Почему же это, однако, почтеннейшие гг. «друзья народа», до сих пор, – а со времени самой этой освободительной реформы с особенной энергией, – правительство наше «поддерживало, охраняло и создавало» только буржуазию и капитализм? Почему этакая нехорошая деятельность этого абсолютного, якобы над классами стоящего правительства совпала именно с историческим периодом, характеризующимся

---

[107] Потому и «друзья народа» являются злейшими реакционерами, когда говорят, что естественная задача государства – охранять экономически слабого (так *должно быть* дело по их пошлой старушечьей морали), тогда как вся русская история и внутренняя политика свидетельствуют о том, что задача нашего государства – охранять только помещиков-крепостников и крупную буржуазию и самым зверским способом расправляться со всякой попыткой *«экономически слабых»* постоять за себя. И это, конечно, его *естественная* задача, потому что абсолютизм и бюрократия насквозь пропитаны крепостнически-буржуазным духом и потому, что в экономической области буржуазия царят и правит безраздельно, держа рабочего «тише воды, ниже травы».

во внутренней жизни развитием товарного хозяйства, торговли и промышленности? Почему думаете вы, что эти последние изменения во внутренней жизни являются последующим, а политика правительства – предыдущим, несмотря на то, что первые изменения происходили так глубоко, что правительство даже не замечало их и ставило им бездну препятствий, несмотря на то, что то же «абсолютное» правительство, при других условиях внутренней жизни, «поддерживало», «охраняло» и «создавало» другой класс?

О, подобными вопросами «друзья народа» никогда не задаются! Это ведь все – материализм и диалектика, «гегелевщина», «мистика и метафизика». Они просто думают, что если попросить хорошенько да поласковее у этого правительства, то оно может все хорошо устроить. И уж по части ласковости надо отдать справедливость «Р. Богатству»: право, даже среди русской либеральной печати оно выдается неуменьем держать себя с мало-мальской независимостью. Судите сами:

«Отмена соляного налога, отмена подушной подати и понижение выкупных платежей» именуются г. Южаковым «серьезным облегчением народного хозяйства». Ну, конечно! – А не сопровождалась ли отмена соляного налога учреждением кучи новых косвенных налогов и повышением старых? не сопровождалась ли отмена подушной подати увеличением платежей бывших государственных крестьян под видом перевода их на выкуп? не осталось ли и теперь, после пре-

словутого понижения выкупных платежей (которым государство не отдало крестьянам даже и того барыша, который оно нажило на выкупной операции) – несоответствие платежей с доходностью земли, т. е. прямое переживание крепостнических оброков? – Ничего! Важен тут ведь только «первый шаг», «принцип», а там… там еще попросить можно будет!

Но это все только цветочки. А вот и ягодки:

«80-е годы облегчили народное бремя (это вот указанными-то мерами) и тем спасли народ от окончательного разорения».

Тоже классическая по своему лакейскому бесстыдству фраза, которую можно поставить рядом только разве с вышеприведенным заявлением г. Михайловского, что нам надо еще создавать пролетариат. Нельзя не вспомнить по этому поводу так метко описанную Щедриным историю эволюции российского либерала. Начинает этот либерал с того, что просит у начальства реформ «по возможности»; продолжает тем, что клянчит «ну, хоть что-нибудь» и кончает вечной и незыблемой позицией «применительно к подлости». Ну, как не сказать, в самом деле, про «друзей народа», что они заняли эту вечную и незыблемую позицию, когда они под свежим впечатлением голодовки миллионов народа, к которой правительство отнеслось сначала с торгашеской прижимистостью, а потом с торгашескою же трусостью, – говорят печатно, что правительство спасло народ от окончательного разорения!! Пройдет еще несколько лет с еще более быстрой

экспроприацией крестьянства, правительство к учреждению министерства земледелия добавит отмену одного-двух прямых налогов и учреждение нескольких новых косвенных; затем голодовка охватит 40 миллионов народа, – и эти господа будут точно так же писать: вот видите, голодает 40, а не 50 миллионов; это потому, что правительство облегчило народное бремя и спасло народ от окончательного разорения, это потому, что оно послушалось «друзей народа» и учредило министерство земледелия!

Другой пример:

Хроникер внутренней жизни в № 2 «Р. Б—ва», толкуя о том, что Россия «к счастью» (sic!) отсталая страна, «сохраняющая элементы для обоснования своего экономического строя на принципе солидарности»[108], – говорит, что поэтому она в состоянии выступить «в международных отношениях проводником экономической солидарности» и что шансы на это увеличивает для России ее неоспоримое «политическое могущество»!!

Это европейский-то жандарм, постоянный и вернейший оплот всякой реакции, доведший русский народ до такого позора, что, будучи забит у себя дома, он служил орудием для забивания народов на Западе, – этот жандарм определяется в проводники экономической солидарности!

---

[108] Между кем? помещиком и крестьянином? хозяйственным мужичком и босяком? фабрикантом и рабочим? Чтобы уразуметь этот классический «принцип солидарности», надо припомнить, что солидарность между предпринимателем и рабочим достигается «понижением заработной платы».

Это уже выше всякой меры! Гг. «друзья народа» за пояс заткнут всех либералов. Они не только просят правительство, не только славословят, они прямо-таки молятся на это правительство, молятся с земными поклонами, молятся с таким усердием, что вчуже жутко становится, когда слышишь, как трещат их верноподданнические лбы.

Помните ли вы немецкое определение филистера?

Was ist der Philister?
Ein hohler Darm,
Voll Furcht und Hoffnung,
Daß Gott erbarm[109].

К нашим делам это определение немножко не подходит. Бог… бог у нас совсем на втором месте. Зато вот начальство – это другое дело. И если мы подставим в это определение вместо слова «бог» слово «начальство», – мы получим точнейшее выражение идейного багажа, нравственного уровня и гражданского мужества российских гуманно-либеральных «друзей народа».

К такому нелепейшему воззрению на правительство «друзья народа» присоединяют и соответствующее отношение к так называемой «интеллигенции». Г-н Кривенко пишет: «Литература»… должна «оценивать явления по их общественному смыслу и ободрять каждую активную попытку к

[109] Что такое филистер? Пустая кишка, полная трусости и надежды, что бог сжалится (Гете). – *Ред.*

добру. Она твердила и продолжает твердить о недостатке учителей, докторов, техников, о том, что народ болеет, беднеет (техников мало!), не знает грамоты и т. д., и когда являются люди, которым надоело сидеть за зелеными столами, участвовать в любительских спектаклях и есть предводительские пироги с вя-зигой, люди, которые выходят на работу с редким самоотвержением (подумайте-ка: отвергли, ведь, зеленые столы, спектакли и пироги!) и, несмотря на множество препятствий, она должна приветствовать их».

Двумя страницами ниже он с деловитой серьезностью умудренного опытом служаки журит людей, которые «колебались перед вопросом, идти ли им в земские начальники, в городские головы, в председатели и члены земских управ по новому положению, или не ходить. В обществе с развитым сознанием гражданских потребностей и обязанностей (слушайте, господа: право, это стоит речей знаменитых российских помпадуров, каких-нибудь Барановых или Косичей!) ни подобные колебания, ни такое отношение к делу были бы немыслимы, потому что оно всякую реформу, если только в ней есть жизненные стороны, ассимилировало бы по-своему, т. е. воспользовалось и дало бы развитие тем ее сторонам, которые целесообразны; стороны же ненужные обратило бы в мертвую букву; и если в реформе совсем нет жизненности, то она и совсем осталась бы инородным телом».

Черт знает, что такое! Какой-то грошовый оппортунизм и выступает с таким самовосхищением! Задача литературы –

собирать салонные сплетни про злых марксистов, раскланиваться перед правительством за спасание народа от окончательного разорения, приветствовать людей, которым надоело сидеть за зелеными столами, учить «публику» не сторониться даже от таких должностей, как должность земского начальника… Да что я читаю? «Неделю»[65] или «Новое Время»? – Нет, это – «Русское Богатство», орган передовых российских демократов…

И подобные господа толкуют об «идеалах отцов», претендуют на то, что они, именно они хранят традиции тех времен, когда Франция разливала по всей Европе идеи социализма[66] – и когда восприятие этих идей давало в России теории и учения Герцена, Чернышевского. Это уже совсем безобразие, которое было бы глубоко возмутительно и обидно, если бы «Русское Богатство» не было слишком забавно, если бы подобные заявления на страницах такого журнала не вызывали только гомерического смеха. Да, вы пачкаете эти идеалы! В самом деле, в чем состояли эти идеалы у первых русских социалистов, социалистов той эпохи, которую так метко охарактеризовал Каутский словами:

– «когда каждый социалист был поэтом и каждый поэт – социалистом».

– *Вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни;* отсюда – *вера в возможность крестьянской социалистической революции,* – вот что одушевляло их, поднимало десятки и сотни людей на геройскую борьбу с правительством. И

вы не сможете упрекнуть социал-демократов в том, чтобы они не умели ценить громадной исторической заслуги этих лучших людей своего времени, не умели глубоко уважать их памяти. Но я спрашиваю вас: где же она теперь, эта вера? – Ее нет, до такой степени нет, что когда г. В. В. в прошлом году попробовал было толковать о том, что община воспитывает народ к солидарной деятельности, служит очагом альтруистических чувств и т. п.[67], – то даже г. Михайловский усовестился и стыдливо стал выговаривать г-ну В. В., что «нет такого *исследования,* которое бы доказывало связь нашей общины с альтруизмом»[68]. И действительно, такого исследования нет. А вот подите же: – было время – и без всякого исследования люди верили и верили беззаветно.

Как? почему? на каком основании?..

– «каждый социалист был поэтом и каждый поэт – социалистом».

И потом – добавляет тот же г. Михайловский – все добросовестные исследователи согласны в том, что деревня раскалывается, выделяя, с одной стороны, массу пролетариата, с другой – кучку «кулаков», держащих под своей пятой остальное население. И опять-таки он прав: деревня действительно раскалывается. Мало того, деревня давно уже совершенно раскололась. Вместе с ней раскололся и старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму; с другой – выродившись в пошлый мещанский радикализм. Иначе как вырождением

нельзя назвать этого превращения. Из доктрины об особом укладе крестьянской жизни, о совершенно самобытных путях нашего развития – вырос какой-то жиденький эклектизм, который не может уже отрицать, что товарное хозяйство стало основой экономического развития, что оно переросло в капитализм, и который не хочет только видеть буржуазного характера всех производственных отношений, не хочет видеть необходимости классовой борьбы при этом строе. Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы *поднять крестьянство* на социалистическую революцию *против основ современного общества*[110]{136}{137}{138} —

---

[110] К этому сводились, в сущности, все наши старые революционные программы, – начиная хотя бы бакунистами и бунтарями{136}, продолжая народниками и кончая народовольцами{137}, у которых, ведь, тоже уверенность в том, что крестьянство пошлет подавляющее количество социалистов в будущий Земский собор{138}, занимала далеко не последнее место.

{136} *Бакунисты и бунтари* – сторонники и последователи М. А. Бакунина (1814–1876), идеолога анархизма и ярого врага марксизма и научного социализма. Бакунисты вели упорную борьбу против марксистской теории и тактики рабочего движения. Основным положением бакунизма является отрицание всякого государства, в том числе и диктатуры пролетариата, непонимание всемирно-исторической роли пролетариата. Бакунин выдвинул идею «уравнения» классов, объединения «свободных ассоциаций» снизу. Тайное революционное общество, составленное из «выдающихся» личностей, должно было, по мнению бакунистов, руководить народными бунтами, которые совершаются немедленно. Так, бакунисты полагали, что в России крестьянство готово немедленно подняться на восстание. Их тактика заговорщичества, немедленных бунтов и терроризма была авантюристична и враждебна марксистскому учению о восстании. Бакунизм близок прудонизму – мелкобуржуазному течению, отражавшему идеологию мелкого разорившегося собственника. Одним из представителей бакунистов в России

выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать,

был С. Г. Нечаев, который поддерживал тесную связь с Бакуниным, жившим за границей. Программа заговорщического общества была ими изложена в «Революционном катехизисе». В 1869 году Нечаев пытался создать в России узкую заговорщическую организацию «Народная расправа». Однако ему удалось организовать лишь ряд кружков в Москве. «Народная расправа» была вскоре обнаружена и в декабре 1869 года разгромлена царским правительством. Теория и тактика бакунистов была резко осуждена К. Марксом и Ф. Энгельсом. В. И. Ленин характеризовал бакунизм как миросозерцание «отчаявшегося в своем спасении мелкого буржуа» (Сочинения, 4 изд., том 18, стр. 11). Бакунизм явился одним из идейных источников народничества.О Бакунине и бакунистах см. работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» (1873); Ф. Энгельса «Бакунисты за работой» (1873), «Эмигрантская литература» (1875), а также работу В. И. Ленина «О временном революционном правительстве» (1905) и другие.

{137} *Народовольцы* – члены тайной политической организации народников-террористов «Народная воля», возникшей в августе 1879 года в результате раскола тайного общества «Земля и воля». Во главе «Народной воли» стоял Исполнительный комитет, в состав которого входили А. И. Желябов, А. Д. Михайлов, М. Ф. Фроленко, Н. А. Морозов, В. Н. Фигнер, С. Л. Перовская, А. А. Квятковский и др. Ближайшей целью «Народной воли» было свержение царского самодержавия. Программа «Народной воли» предусматривала организацию «постоянного народного представительства», избранного на основе всеобщего избирательного права, провозглашение демократических свобод, передачу земли народу и разработку мер по переходу в руки рабочих заводов и фабрик. Однако народовольцы, не сумев найти дорогу к широким массам, стали на путь политического заговора и индивидуального террора. Террористическая борьба народовольцев не была поддержана массовым революционным движением, что дало возможность правительству жестокими преследованиями, казнями и провокацией разгромить организацию.После 1881 года «Народная воля» распалась. Неоднократные попытки возродить «Народную волю», предпринимавшиеся на протяжении 80-х годов, были безрезультатны. Так, в 1886 году возникла террористическая группа, возглавляемая А. И. Ульяновым (братом В. И. Ленина) и П. Я. Шевыревым, разделявшая традиции «Народной воли». После неудачной

«улучшить» положение крестьянства *при сохранении основ современного общества.*

Собственно говоря, все предыдущее могло уже дать представление о том, какой «критики» можно ждать от этих господ из «Русского Богатства», когда они берутся «громить» социал-демократов. Нет и попытки прямо и добросовестно изложить их понимание русской действительности (в отношении цензурном это вполне возможно бы было, если бы напирать особенно на экономическую сторону, если бы держаться таких же общих, отчасти эзоповских, выражений, в которых и велась вся их «полемика») и возражать против

попытки организовать покушение на Александра III, группа была раскрыта и активные участники ее казнены.Критикуя ошибочную, утопическую программу народовольцев, В. И. Ленин с большим уважением отзывался о самоотверженной борьбе членов «Народной воли» с царизмом. В 1899 году, в «Протесте российских социал-демократов», он указывал, что «деятели старой «Народной воли» сумели сыграть громадную роль в русской истории, несмотря на узость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев, несмотря на то, что знаменем движения служила вовсе не революционная теория» (Сочинения, 4 изд., том 4, стр. 163).

{138} Имеется в виду центральное представительное учреждение.К. Маркс и Ф. Энгельс писали в 1873 году по этому вопросу: «В то время в России требовали созыва Земского собора. Одни требовали его для разрешения финансовых затруднений, другие, – чтобы покончить с монархией. Бакунин хотел его для демонстрации единства России и для упрочения власти и величия царя» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIII, ч. II, 1940, стр. 645).Для многих русских революционеров созыв Земского собора был равносилен низвержению царской династии.Созыв Земского собора из представителей всех граждан для выработки конституции был одним из программных требований русской социал-демократической партии.

него по существу, возражать против правильности практических выводов из него. Вместо этого они предпочитают отделываться бессодержательнейшими фразами об абстрактных схемах и вере в них, об убеждении в необходимости пройти для каждой страны через фазу… и т. п. ерунде, с которой мы достаточно познакомились уже у г-на Михайловского. При этом попадаются прямые искажения. Г-н Кривенко, например, заявляет, что Маркс «признавал для нас возможным при желании (?!! Итак, *по Марксу,* эволюция общественно-экономических отношений зависит от воли и сознания людей?? Что это такое – невежество ли безмерное, нахальство ли беспримерное?!) и соответственной деятельности избежать капиталистических перипетий и идти по другому, более целесообразному пути (sic!!!)».

Этот вздор наш рыцарь получил возможность говорить при посредстве прямой передержки. Цитируя известное «Письмо К. Маркса» («Юрид. Вест.», 1888 г., № 10) – то место, где Маркс говорит о своем высоком уважении к Чернышевскому, который считал возможным для России «не претерпевать мучений капиталистического строя», г. Кривенко, закрыв кавычки, т. е. покончив точное воспроизведение слов Маркса (кончающееся так: «он (Чернышевский) высказывается в смысле последнего решения»), – добавляет: «И я, говорит Маркс, *разделяю* (курсив г-на Кривенко) эти взгляды» (стр. 186, № 12).

А у Маркса на самом деле сказано: «И мой почтенный

критик имел, по меньшей мере, столько же основания из моего уважения к этому «великому русскому ученому и критику» вывести заключение, что я разделяю взгляды последнего на этот вопрос, как и наоборот, из моей полемической выходки против русского «беллетриста» и панслависта сделать вывод, что я их отвергаю»[69] («Ю. В.», 1888 г., № 10, стр. 271).

Итак, Маркс говорит, что г. Михайловский не имел права видеть в нем противника идеи об особом развитии России, потому что он с уважением относится и к тем, кто стоит за эту идею, – а г. Кривенко перетолковывает так, будто Маркс «признавал» это особое развитие. Прямое перевирание. Цитированное заявление Маркса совершенно ясно показывает, что он уклоняется от ответа по существу: «г. Михайловский мог бы взять за основание какое угодно из двух противоречивых замечаний, т. е. не имел основания ни на том, ни на другом строить свои заключения о моем взгляде на русские дела вообще». И чтобы эти замечания не давали повода к перетолкованиям, Маркс в этом же «письме» прямо дал ответ на вопрос, какое приложение может иметь его теория к России. Ответ этот с особенной наглядностью показывает, что Маркс уклоняется от ответа по существу, от разбора русских данных, которые одни только и могут решить вопрос: «Если Россия, – отвечал он, – стремится стать нацией капиталистической по образцу западноевропейских наций, – а в течение последних лет она наделала себе в этом смысле много вре-

да, – она не достигнет этого, не преобразовав предварительно доброй доли своих крестьян в пролетариев»[70].

Кажется, это уже совсем ясно: вопрос состоял именно в том, стремится ли Россия быть капиталистической нацией, есть ли разорение ее крестьянства – процесс создания капиталистических порядков, капиталистического пролетариата; а Маркс говорит, что «если» она стремится, то для этого необходимо обратить добрую долю крестьян в пролетариев. Другими словами, теория Маркса состоит в исследовании и объяснении эволюции хозяйственных порядков известных стран, и «приложение» ее к России может состоять только в том, чтобы, ПОЛЬЗУЯСЬ выработанными приемами **МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО** метода и **ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ** политической экономии, **ИССЛЕДОВАТЬ** русские производственные отношения и их эволюцию[111].

Выработка новой методологической и политико-экономической теории означала такой гигантский прогресс общественной науки, такой колоссальный шаг вперед социализма, что для русских социалистов почти тотчас же после появления «Капитала» главным теоретическим вопросом сделался вопрос о «судьбах капитализма в России»; около этого вопроса сосредоточивались самые жгучие прения, в зависимости от него решались самые важные программные по-

---

[111] Вывод этот, повторяю, не мог не быть ясным для каждого, кто читал «Коммунистический манифест», «Нищету философии» и «Капитал», и только для одного г-на Михайловского потребовалось особое разъяснение.

ложения. И замечательно, что когда появилась (лет 10 тому назад) особая группа социалистов, решавшая вопрос о капиталистической эволюции России в утвердительном смысле и основывающая это решение на данных русской экономической действительности, – она не встретила прямой и определенной критики по существу, критики, которая бы принимала те же общие методологические и теоретические основоположения и иначе объясняла соответствующие данные.

«Друзья народа», предприняв целый поход против марксистов, равным образом аргументируют не разбором фактических данных. Они отделываются, как мы видели в 1-ой статье, фразами. При этом г. Михайловский не упускает случая изощрить свое остроумие по поводу того, что среди марксистов нет единогласия, что они не сговорились между собой. И «наш известный» Н. К. Михайловский превесело смеется по поводу своей остроты насчет «настоящих» и «не настоящих» марксистов. Что среди марксистов нет полного единогласия, это правда. Но факт этот представлен г. Михайловским, во-первых, неверно, а во-вторых, он доказывает не слабость, а именно силу и жизненность русской социал-демократии. Дело в том, что последнее время характеризуется особенно тем, что к социал-демократическим воззрениям приходят социалисты разными путями и потому, соглашаясь безусловно в основном и главном положении, что Россия представляет из себя буржуазное общество, выросшее из крепостного уклада, что политическая его форма есть

классовое государство и что единственный путь к прекращению эксплуатации трудящегося состоит в классовой борьбе пролетариата, – они по многим частным вопросам расходятся и в приемах аргументации и в детальных объяснениях тех или иных явлений русской жизни. Я могу поэтому наперед порадовать г. Михайловского таким заявлением, что и по тем, например, вопросам, которые были затронуты в этих беглых заметках, – о крестьянской реформе, об экономике крестьянского земледелия и кустарных промыслов, об аренде и т. п. – существуют, в пределах приведенного сейчас основного и общего всем социал-демократам положения, разные мнения. Единогласие людей, успокаивающихся на единодушном признании «высоких истин» вроде того, что крестьянская реформа *могла бы* открыть России спокойные пути правильного развития, – государство *могло бы* призывать не представителей интересов капитализма, а «друзей народа», – община *могла бы* обобществить земледелие купно с обрабатывающей промышленностью, которую *мог бы* возвести к крупному производству кустарь, – *народная* аренда поддерживала *народное* хозяйство, – это умилительное и трогательное единогласие сменилось разногласием людей, ищущих объяснения *действительной, данной* экономической организации России, как системы известных производственных отношений, объяснения ее *действительной* экономической эволюции, ее политических и иных всяких надстроек.

И если такая работа, приводя с разных точек зрения к признанию того общего положения, которое безусловно определяет и солидарную политическую деятельность и потому дает право и обязывает всех его принимающих считать и именовать себя **«СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАМИ», –** оставляет еще обширное поле разногласий по массе частных вопросов, решаемых в разном смысле, то это, конечно, доказывает только силу и жизненность русской социал-демократии[112].

При этом условия этой работы так плохи, что хуже трудно себе что-нибудь представить: нет и быть не может органа, который объединял бы отдельные работы; частные сношения при наших полицейских условиях крайне затруднены. Понятно, что социал-демократы не могут как следует сговориться и столковаться о деталях, что они противоречат друг другу…

Не правда ли, как это в самом деле смешно?

В «полемике» г-на Кривенко с социал-демократами может породить недоумение то обстоятельство, что он толкует о каких-то «неомарксистах». Иной читатель подумает, что

---

[112] По той простой причине, что до сих пор эти вопросы *никак не решались*. Нельзя же, в самом деле, назвать решением вопроса об аренде утверждение, что «народная аренда поддерживает народное хозяйство», или такое изображение системы обработки помещичьих земель крестьянским инвентарем: «крестьянин оказался сильнее помещика», который «пожертвовал своей независимостью в пользу самостоятельного крестьянина»; «крестьянин вырвал из рук помещика крупное производство»; «народ остается победителем в борьбе за форму земледельческой культуры». Это либеральное пустоболтунство в «Судьбах капитализма» «нашего известного» г-на В. В.

среди социал-демократов произошло нечто вроде раскола, что от старых социал-демократов отделились «неомарксисты». – Ничего подобного. Никто, нигде и никогда не выступал публично во имя марксизма с критикой теорий и программы русских социал-демократов, с защитой иного марксизма. Дело в том, что гг. Кривенко и Михайловский наслушались разных салонных сплетен про марксистов, насмотрелись на разных либералов, прикрывающих марксизмом свое либеральное пустоутробие, и с свойственным им остроумием и тактом принялись с таким багажом за «критику» марксистов. Неудивительно, что эта «критика» представляет из себя сплошную цепь курьезов и грязных выходок.

«Чтобы быть последовательным, – рассуждает г. Кривенко, – нужно дать на это утвердительный ответ» (на вопрос: «не следует ли стараться о развитии капиталистической промышленности») и «не стесняться ни скупкой крестьянской земли, ни открытием лавок и кабаков», нужно «радоваться успеху многочисленных трактирщиков в думе, помогать еще более многочисленным скупщикам крестьянского хлеба».

Право, это совсем забавно. Попробуйте сказать такому «другу народа», что эксплуатация трудящегося в России повсюду является по своей сущности капиталистической, что деревенские хозяйственные мужики и скупщики должны быть причислены к представителям капитализма по таким-то и таким-то политико-экономическим признакам, доказывающим буржуазный характер крестьянского разложе-

ния, – он поднимет вопли, назовет это невероятной ересью, станет кричать о слепом заимствовании западноевропейских формул и абстрактных схем (обходя притом самым заботливым образом фактическое содержание «еретической» аргументации). А когда нужно разрисовать те «ужасы», которые несут с собой злые марксисты, – тогда можно оставить и в стороне возвышенную науку и чистые идеалы, тогда можно и признать, что скупщики крестьянского хлеба и крестьянской земли действительно представители капитализма, а не только «охотники» попользоваться чужим.

Попробуйте доказывать этому «другу народа», что русская буржуазия не только уже теперь повсюду держит в руках народный труд, вследствие концентрации у нее одной средств производства, но и давит на правительство, порождая, вынуждая и определяя буржуазный характер его политики, – он впадет совсем в неистовство, станет кричать о всемогуществе нашего правительства, о том, что оно только по роковому недоразумению и несчастной случайности «призывает» всё представителей интересов капитализма, а не «друзей народа», что оно искусственно насаждает капитализм… А под шумок сами должны признать именно за представителей капитализма трактирщиков в думе, т. е. один из элементов этого самого правительства, стоящего якобы над классами. Неужели, однако, господа, интересы капитализма представлены у нас в России в одной только «думе» и одними только «трактирщиками»?..

Что касается до грязных выходок, то мы видели их слишком достаточно у г. Михайловского и встречаем опять у г. Кривенко, который, например, желая уничтожить ненавистный социал-демократизм, повествует о том, как «некоторые идут на заводы (когда, впрочем, представляются хорошие технические и конторские места), мотивируя свое поступление исключительно идеей ускорения капиталистического процесса». Конечно, нет нужды и отвечать на такие, совсем уже неприличные, вещи. Тут можно только поставить точку.

Продолжайте, господа, в том же духе, продолжайте смело! Императорское правительство – то самое, которое, как мы сейчас от вас слышали, приняло уже меры (хотя и с дефектами) для спасения народа от окончательного разорения, – примет для спасения вас от уличения в пошлости и невежестве меры, свободные уже от всяких дефектов. «Культурное общество» по-прежнему с охотой будет, в промежутке между пирогом с вязигой и зеленым столом, толковать о меньшем брате и сочинять гуманные проекты «улучшения» его положения; представители его с удовольствием узнают от вас, что, занимая места земских начальников или каких-нибудь там других смотрителей за крестьянским карманом, они проявляют развитое сознание гражданских потребностей и обязанностей. Продолжайте! Вам обеспечено не только спокойствие, но и одобрение и похвалы… устами господ Буренинных.

В заключение не лишним будет, кажется, ответить на вопрос, который, вероятно, приходил в голову не одному уже читателю. Стоило ли так долго разговаривать с подобными господами? стоило ли по существу отвечать на этот поток либеральной и защищенной цензурой грязи, который они изволили именовать полемикой?

Мне кажется – стоило, не ради них, конечно, и не ради «культурной» публики, а ради того полезного урока, который могут и должны извлечь для себя из этого похода русские социалисты. Этот поход дает самое наглядное, самое убедительное доказательство того, что та пора общественного развития России, когда демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое (как это было, например, в эпоху Чернышевского), безвозвратно канула в вечность. Теперь нет уже решительно никакой почвы для той идеи, – которая и до сих пор продолжает еще кое-где держаться среди русских социалистов, крайне вредно отзываясь и на их теориях и на их практике, – будто в России нет глубокого, качественного различия между идеями демократов и социалистов.

Совсем напротив: между этими идеями лежит целая пропасть, и русским социалистам давно бы пора понять это, понять **НЕИЗБЕЖНОСТЬ и НАСТОЯТЕЛЬНУЮ НЕОБХОДИМОСТЬ ПОЛНОГО И ОКОНЧАТЕЛЬНОГО РАЗРЫВА** с идеями демократов.

Посмотрим, в самом деле, чем он был, этот русский де-

мократ, в те времена, которые породили указанную идею, и что он стал. «Друзья народа» дают нам достаточно материала для такой параллели.

Чрезвычайно интересна в этом отношении выходка г. Кривенко против г. Струве, который выступил в одном немецком издании против утопизма г. Ник. – она (его заметка – «К вопросу о капиталистическом развитии России», Zur Beurtheilung der kapitalistischen Entwicklung Rußlands – появилась в «Sozialpolitisches Centralblatt»[71], III, № 1, от 2 октября 1893 г.). Г. Кривенко обрушивается на г. Струве за то, что тот относит будто бы к «национальному социализму» (который, по его словам, «чисто утопической природы») идеи тех, кто «стоит за общину и земельный надел». Это ужасное обвинение якобы в социализме приводит почтеннейшего автора совсем в ярость:

«Неужели, – восклицает он, – никого другого и не было (кроме Герцена, Чернышевского и народников), кто стоял за общину и земельный надел. А составители положения о крестьянах, положившие общину и хозяйственную самостоятельность крестьян в основу реформы, а исследователи нашей истории и современного быта, говорящие в пользу этих начал, а почти вся наша серьезная и порядочная печать, также стоящая за эти начала, – неужто все это жертвы заблуждения, называемого «национальным социализмом»?»

Успокойтесь, почтеннейший г. «друг народа»! Вы так испугались этого ужасного обвинения в социализме, что не да-

ли себе даже труда внимательно прочесть «маленькую статейку» г. Струве. И в самом деле, какая бы это была вопиющая несправедливость обвинять в социализме тех, кто стоит «за общину и земельный надел»! Помилуйте, чего же здесь социалистического? Ведь социализмом называется протест и борьба против эксплуатации трудящегося, борьба, направленная на совершенное уничтожение этой эксплуатации, – а «стоять за надел» значит быть сторонником выкупа крестьянами всей земли, бывшей в их распоряжении. Даже если и не за выкуп стоять, а за безмездное оставление за крестьянами всей земли, находившейся до реформы в их владении, – и тогда еще ровно ничего тут нет социалистического, потому что именно эта крестьянская собственность на землю (вырабатывавшаяся в течение феодального периода) и была повсюду на Западе, как и у нас в России[113], – основой буржуазного общества. «Стоять за общину» – т. е. протестовать против полицейского вмешательства в обычные приемы распределения земли, – чего тут социалистического, когда всякий знает, что эксплуатация трудящегося прекрасно уживается и зарождается внутри этой общины? Ведь это значит уж невозможно растягивать слово «социализм»: придется, пожалуй, и г. Победоносцева отнести к социалистам!

Г-н Струве вовсе не совершает такой ужасной несправедливости. Он говорит об «утопичности национального социализма» *народников,* а кого он относит к народникам, – вид-

---

[113] Доказательство – разложение крестьянства.

но из того, что он называет «Наши разногласия» Плеханова полемикой с народниками. Плеханов, несомненно, полемизировал с социалистами, с людьми, не имеющими ничего общего с «серьезной и порядочной» русской печатью. И потому г. Кривенко не имел никакого права отнести на свой счет то, что относится к народникам. Если же он желал непременно узнать мнение г. Струве о том направлении, которого он сам придерживается, – тогда я удивляюсь, почему он не обратил внимания и *не перевел для «Р. Богатства»* следующее место из статьи г. Струве:

«По мере того, как идет вперед капиталистическое развитие, – говорит автор, – только что описанное миросозерцание (народническое) должно терять почву. Оно либо выродится (wird herabsinken) в довольно бледное направление реформ, способное на компромиссы и ищущее компромиссов[114], к чему имеются уже давно подающие надежду задатки, либо оно признает действительное развитие неизбежным и сделает те теоретические и практические выводы, которые необходимо отсюда проистекают, – другими словами, перестанет быть утопическим».

Если г. Кривенко не догадывается, где это имеются у нас задатки такого направления, которое только и способно на компромиссы, то я посоветовал бы ему оглянуться на «Русское Богатство», на теоретические воззрения этого журна-

---

[114] Ziemlich blasse kompromißfähige und kompromißsüchtige Reformrichtung – по-русски это можно, кажется, и так передать: культурнический оппортунизм.

ла, представляющие из себя жалкую попытку склеить обрывки народнического учения с признанием капиталистического развития России, на политическую программу его, рассчитанную на улучшения и восстановления хозяйства мелких производителей на почве данных капиталистических порядков[115].

Это вообще одно из наиболее характерных и знаменательных явлений нашей общественной жизни в последнее время

---

[115] Жалкое впечатление производит вообще попытка г. Кривенко воевать против г. Струве. Это – какое-то детское бессилие возразить что-нибудь по существу и детское же раздражение. Например, г. Струве говорит, что г. Ник.—он «утопист». Он совершенно ясно указывает при этом, почему он его так называет: 1) потому, что он игнорирует «действительное развитие России»; 2) потому, что он обращается к «обществу» и «государству», не понимая классового характера нашего государства. Что же может возразить против этого г. Кривенко? Отрицает ли он, что развитие наше действительно капиталистическое? говорит ли он, что оно какое-либо другое? – что наше государство – не классовое? Нет, он предпочитает совершенно обходить эти вопросы и со смешным гневом воевать против каких-то, им же сочиненных, «шаблонов». Еще пример. Г. Струве, кроме непонимания классовой борьбы, ставит г. Ник.—о ну в упрек крупные ошибки в его теории, относящиеся к области «чисто экономических фактов». Он указывает, между прочим, что, говоря о незначительности нашего неземледельческого населения, г. Ник.—он «не замечает, что капиталистическое развитие России будет именно сглаживать эту разницу 80 % (сельское население России) и 44 % (сельск. насел, в Америке): в этом, можно сказать, состоит его историческая миссия». Г. Кривенко, во-первых, перевирает это место, говоря о «нашей» (?) миссии обезземелить крестьян, тогда как речь идет просто о тенденции капитализма сокращать сельское население, и, во-вторых, не сказав ни слова по существу (возможен ли такой капитализм, который бы не вел к уменьшению сельского населения?), принимается болтать вздор о «начетчиках» и т. п. См. Приложение П. (Настоящий том, стр. 320. – *Ред.*)

– вырождение народничества в мещанский оппортунизм.

В самом деле, если мы возьмем содержание программы «Р. Б—ва», – все эти регулирования переселений и аренды, все эти дешевые кредиты, музеи, склады, улучшения техники, артели и общественные запашки, – то увидим, что она действительно пользуется громадным распространением во всей «серьезной и порядочной печати», т. е. во всей либеральной печати, не принадлежащей к крепостническим органам или к рептилиям[72]. Идея о необходимости, полезности, настоятельности, «безвредности» всех этих мероприятий пустила глубокие корни во всей интеллигенции и получила чрезвычайно широкое распространение: вы встретите ее и в провинциальных листках и газетах, и во всех земских исследованиях, сборниках, описаниях и т. д., и т. д. Несомненно, что, ежели бы *это* принять за народничество, – успех громадный и неоспоримый.

Но только ведь это совсем не народничество (в старом, привычном значении слова), и успех этот и это громадное распространение вширь достигнуты ценой опошления народничества, ценой превращения социально-революционного народничества, резко оппозиционного нашему либерализму, в культурнический оппортунизм, сливающийся с этим либерализмом, выражающий только интересы мелкой буржуазии.

Чтобы убедиться в последнем, стоит обратиться к вышеприведенным картинкам разложения крестьян и кустарей, –

а картинки эти вовсе не рисуют каких-нибудь единичных или новых фактов, а просто представляют попытку выразить политико-экономически ту «школу» «живоглотов» и «батраков», существование которой в нашей деревне не отрицается и противниками. Понятно, что «народнические» мероприятия в состоянии только усилить мелкую буржуазию; или же (артели и общественные запашки) должны представить из себя мизерные паллиативы, остаться жалкими экспериментами, которые с такой нежностью культивирует либеральная буржуазия везде в Европе по той простой причине, что самой «школы» они нисколько не затрагивают. По этой же причине против таких прогрессов не могут ничего иметь даже гг. Ермоловы и Витте. Совсем напротив. Сделайте ваше одолжение, господа! Они вам даже денег дадут «на опыты» – лишь бы отвлечь «интеллигенцию» от революционной работы (подчеркивание антагонизма, выяснение его пролетариату, попытки вывести этот антагонизм на дорогу прямой политической борьбы) на подобное заштопывание антагонизма, примирение и объединение. Сделайте одолжение!

Остановимся несколько на том процессе, который вел к такому перерождению народничества. При самом своем возникновении, в своем первоначальном виде, теория эта обладала достаточной стройностью – исходя из представления об особом укладе народной жизни, она верила в коммунистические инстинкты «общинного» крестьянина и потому видела в крестьянстве прямого борца за социализм, – но ей недоста-

вало теоретической разработки, подтверждения на фактах русской жизни, с одной стороны, и опыта в применении такой политической программы, которая бы основывалась на этих предполагаемых качествах крестьянина, – с другой.

Развитие теории и пошло в этих двух направлениях, в теоретическом и практическом. Теоретическая работа была направлена главным образом на изучение той формы *землевладения,* в которой хотели видеть задатки коммунизма; и эта работа дала разностороннейший и богатейший фактический материал. Но этот материал, касающийся преимущественно формы *землевладения,* совершенно загромоздил от исследователей *экономику* деревни. Произошло это тем естественнее, что, во-первых, у исследователей не было твердой теории о методе в общественной науке, теории, выясняющей необходимость выделения и особого изучения производственных отношений; а во-вторых, – собранный фактический материал давал прямые и непосредственные указания на ближайшие нужды крестьянства, на ближайшие бедствия, угнетающим образом действующие на крестьянское хозяйство. И все внимание исследователей сосредоточилось на изучении этих бедствий, малоземелья, высоких платежей, бесправия, забитости и загнанности крестьян. Все это было описано, изучено и разъяснено с таким богатством материала, с такими мельчайшими деталями, что, конечно, если бы наше государство было не классовым государством, если бы политика его направлялась не интересами правящих клас-

сов, а беспристрастным обсуждением «народных нужд», – оно тысячу раз должно бы убедиться в необходимости устранения этих бедствий. Наивные исследователи, верившие в возможность «переубедить» общество и государство, совершенно потонули в деталях собранных ими фактов и упустили из виду одно – политико-экономическую структуру деревни, упустили из виду основной фон того хозяйства, которое действительно угнеталось этими непосредственными ближайшими бедствиями. Результат получился, естественно, тот, что защита интересов хозяйства, угнетенного малоземельем и т. д., оказалась защитой интересов того класса, который держал в руках это хозяйство, который один только и мог держаться и развиваться при данных общественно-экономических отношениях *внутри* общины, при данной системе хозяйства страны.

Теоретическая работа, направленная на изучение того института, который должен бы послужить основанием и оплотом для устранения эксплуатации, привела к выработке такой программы, которая выражает собой интересы мелкой буржуазии, т. е. того именно класса, на котором и покоятся эти эксплуататорские порядки!

В то же время практическая революционная работа развивалась тоже совсем в неожиданном направлении. Вера в коммунистические инстинкты мужика, естественно, требовала от социалистов, чтобы они отодвинули политику и «шли в народ». За осуществление этой программы взялась мас-

са энергичнейших и талантливых работников, которым на практике пришлось убедиться в наивности представления о коммунистических инстинктах мужика. Решено было, впрочем, что дело не в мужике, а в правительстве, – и вся работа была направлена на борьбу с правительством, борьбу, которую вели одни уже только интеллигенты и примыкавшие иногда к ним *рабочие.* Сначала эта борьба велась во имя социализма, опираясь на теорию, что народ готов для социализма и что простым захватом власти можно будет совершить не политическую только, а и социальную революцию. В последнее время эта теория, видимо, утрачивает уже всякий кредит, и борьба с правительством народовольцев становится борьбой радикалов за политическую свободу.

И с другой стороны, следовательно, работа привела к результатам, прямо противоположным ее исходному пункту; и с другой стороны получилась программа, выражающая только интересы радикальной буржуазной демократии. Собственно говоря, процесс этот еще не завершился, но он определился, кажется, уже вполне. Такое развитие народничества было совершенно естественно и неизбежно, так как в основе доктрины лежало чисто мифическое представление об особом укладе (общинном) крестьянского хозяйства: от прикосновения с действительностью миф рассеялся, и из крестьянского социализма получилось радикально-демократическое представительство мелкобуржуазного крестьянства.

Обращаюсь к примерам эволюции демократа:

«Надо заботиться о том, – рассуждает г. Кривенко, – чтобы вместо всечеловека не сделаться всероссийской размазней, переполненной только смутным брожением хороших чувств, но неспособною ни на истинное самоотвержение, ни на то, чтобы сделать что-нибудь прочное в жизни». Мораль превосходная; посмотрим, к чему она прилагается. «В этом последнем отношении, – продолжает г. Кривенко, – я знаю такой обидный факт»: жила на юге России молодежь, «одушевленная самыми лучшими намерениями и любовью к меньшему брату; мужику оказывалось всяческое внимание и почтение; его сажали чуть ли не на первое место, ели с ним одной ложкой, угощали вареньями и печеньями; за все ему платили дороже, чем другие, давали денег – и взаймы, и «на чай», и просто так себе – рассказывали об европейском устройстве и рабочих ассоциациях и т. д. В той же местности жил и один молодой немец – Шмидт, управляющий или, вернее, просто садовник, человек без всяких гуманитарных идей, настоящая узкая формальная немецкая душа (sic??!!)» и т. д. И вот, дескать, прожив 3–4 года в этой местности, они разъехались. Прошло еще около 20 лет, и автор, посетив край, узнал, что «г. Шмидт» (за полезную деятельность переименованный из садовника Шмидта в г. Шмидта) научил крестьян виноградарству, которое им дает теперь «некоторый доход» рублей по 75–100 в год, вследствие чего о нем сохранилась «добрая память», а «о господах, только питавших хорошие чувства к мужику и ничего существенного (!)

для него не сделавших, даже памяти не сохранилось».

Если мы подведем расчет, то окажется, что описанные события относятся к 1869–1870 гг., т. е. как раз к тому приблизительно времени, к которому относятся попытки русских социалистов-народников перенести в Россию самую передовую и самую крупную особенность «европейского устройства» – Интернационал[73].

Ясное дело, что впечатление от рассказа г. Кривенко получается слишком уже резкое, и вот он спешит оговориться:

«Я не говорю этим, конечно, – разъясняет он, – что Шмидт лучше этих господ, а говорю, благодаря чему он при всех прочих дефектах оставил все-таки более прочный след в данной местности и в населении. (Не говорю, что лучше, а говорю, что оставил более прочный след, – что это за ерунда?!) Не говорю я также, что он сделал нечто важное, а, напротив, привожу сделанное им, как образчик самого крошечного, попутного и ничего ему не стоившего дела, но дела несомненно жизненного».

Оговорка, как видите, очень двусмысленная, но суть дела не в ее двусмысленности, а в том, что автор, противополагая безрезультатность одной деятельности успешности другой, и не подозревает, очевидно, коренного различия в направлении этих двух родов деятельности. В этом вся соль, делающая данный рассказ столь характерным для определения физиономии современного демократа.

Ведь эта молодежь, рассказывая мужику о «европейском

устройстве и рабочих ассоциациях», хотела, очевидно, поднять этого мужика на переустройство форм общественной жизни (может быть, это заключение мое в данном случае и ошибочно, но всякий согласится, я думаю, что оно законно, так как неизбежно следует из вышеприведенного рассказа г. Кривенко), хотела поднять его на социальную революцию против современного общества, порождающего такую безобразную эксплуатацию и угнетение трудящегося – наряду с всеобщим ликованием по поводу всевозможных либеральных прогрессов. А «г. Шмидт», как истый хозяин, хотел только помочь другим хозяевам устроить свои хозяйские дела – и ничего больше. Ну, как же можно сравнивать, сопоставлять эти две деятельности, направленные в диаметрально противоположные стороны? Ведь это же все равно, как если бы кто-нибудь стал сравнивать неуспех деятельности лица, старавшегося разрушить данную постройку, с успехом деятельности того, кто хотел ее укрепить! Чтобы провести сравнение, имеющее некоторый смысл, надо было посмотреть, почему так неудачна была попытка этой молодежи, которая шла в народ, поднять крестьян на революцию, – не потому ли, что она исходила из ошибочного представления, будто именно «крестьянство» является представителем трудящегося и эксплуатируемого населения, тогда как на самом деле крестьянство не представляет из себя особого класса (– иллюзия, объяснимая разве только отраженным влиянием эпохи падения крепостного права, когда крестьянство дей-

ствительно выступало как *класс,* но только как класс крепостнического общества), так как внутри его самого складываются классы буржуазии и пролетариата, – одним словом, нужно было разобрать старые социалистические теории и критику их социал-демократами. А г. Кривенко из кожи лезет, вместо этого, доказывая, что дело «господина Шмидта» – «дело несомненно жизненное». Да помилуйте, почтеннейший г. «друг народа», к чему вы ломитесь в отворенную дверь? кто же сомневается в этом? Устроить виноградник и получать с него 75–100 руб. дохода – что может быть в самом деле жизненнее?[116]

И автор принимается разъяснять, что если один хозяин устроит у себя виноградник, – то это будет разрозненная деятельность, а если несколько хозяев – то обобщенная и распространенная деятельность, превращающая маленькое дело в настоящее, правильное, *как, например,* А. Н. Энгельгардт[74] не только у себя применял фосфориты, а и у других ввел фосфоритное производство.

Не правда ли, как этот демократ великолепен!

Еще пример возьмем из области суждений о крестьянской реформе. Как относился к ней демократ вышеуказанной эпохи нераздельности демократизма и социализма, Чернышевский? Не будучи в состоянии открыто заявлять свои

---

[116] Попробовали бы с предложением этого «жизненного» дела сунуться к *той* молодежи, которая рассказывала мужику о европейских ассоциациях! Как бы они вас встретили, какую бы дали вам прекрасную отповедь! Вы бы так же стали смертельно бояться их идей, как теперь боитесь материализма и диалектики!

мнения, он *молчал,* а обиняками характеризовал подготовлявшуюся реформу таким образом:

Попробовали бы с предложением этого «жизненного» дела сунуться к *той* молодежи, которая рассказывала мужику о европейских ассоциациях! Как бы они вас встретили, какую бы дали вам прекрасную отповедь! Вы бы так же стали смертельно бояться их идей, как теперь боитесь материализма и диалектики!

«Предположим, что я был заинтересован принятием средств для сохранения провизии, из запаса которой составляется ваш обед. Само собой разумеется, что если я это делал собственно из расположения к вам, то моя ревность основывалась на предположении, что провизия принадлежит вам и что приготовляемый из нее обед здоров и выгоден для вас. Представьте же себе мои чувства, когда я узнаю, что провизия вовсе не принадлежит вам и что за каждый обед, приготовленный из нее, берутся с вас деньги, которых не только не стоит самый обед (это писано до реформы. А гг. Южаковы теперь уверяют, что основной принцип ее обеспечить крестьян!!), *но которых вы вообще не можете платить без крайнего стеснения. Какие мысли приходят мне в голову при этих столь странных открытиях?.. Как я был глуп, что хлопотал о деле, для полезности которого не обеспечены условия! Кто кроме глупца может хлопотать о сохранении собственности в известных руках, не удосто-*

верившись предварительно, что собственность достанется в эти руки и достанется на выгодных условиях? … Лучше пропадай вся эта провизия, которая приносит только вред любимому мною человеку! Лучше пропадай все дело, которое приносит вам только разорение!»

Я подчеркиваю те места, которые рельефнее показывают глубокое и превосходное понимание Чернышевским современной ему действительности, понимание того, что такое крестьянские платежи, понимание антагонистичности русских общественных классов. Важно отметить также, что подобные чисто революционные идеи он умел излагать в подцензурной печати. В нелегальных своих произведениях он писал то же самое, но только без обиняков. В «Прологе к прологу» Волгин (в уста которого Чернышевский вкладывает свои мысли) говорит:

«Пусть дело освобождения крестьян будет передано в руки помещичьей партии. Разница не велика» [117{139}], и на замечание собеседника, что, напротив, разница колоссальная,

---

[117] Цитирую по статье Плеханова: «Н. Г. Чернышевский» в «Социаль-Демократе»{139}.

{139} *«Социал-Демократ»* – литературно-политическое обозрение, издавалось группой «Освобождение труда» за границей (Лондон – Женева) в 1890–1892 годах, сыграло большую роль в распространении идей марксизма в России; всего вышло четыре книги. Главное участие в «Социал-Демократе» принимали Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич.В. И. Ленин цитирует статью Плеханова «Н. Г. Чернышевский» (см. «Социал-Демократ» № 1, 1890, стр. 138–139, а также Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. XIII, 1949, стр. 187–188).

так как помещичья партия против наделения крестьян землей, он решительно отвечает:

«Нет, не колоссальная, а ничтожная. Была бы колоссальная, если бы крестьяне получили землю без выкупа. Взять у человека вещь или оставить ее человеку – разница, но взять с него плату за нее – все равно. План помещичьей партии разнится от плана прогрессистов только тем, что проще, короче. Поэтому он даже лучше. Меньше проволочек, вероятно, меньше и обременения для крестьян. У кого из крестьян есть деньги, тот купит себе землю. У кого их нет – так нечего и обязывать покупать ее. Это будет только разорять их. Выкуп – та же покупка».

Нужна была именно гениальность Чернышевского, чтобы тогда, в эпоху самого совершения крестьянской реформы (когда еще не была достаточно освещена она даже на Западе), понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер, – чтобы понимать, что уже тогда в русском «обществе» и «государстве» царили и правили общественные классы, бесповоротно враждебные трудящемуся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства. И при этом Чернышевский понимал, что существование правительства, прикрывающего наши антагонистические общественные отношения, является страшным злом, особенно ухудшающим положение трудящихся.

«Если сказать правду, – продолжает Волгин, – *пусть лучше будут освобождены без земли».* (То есть если так сильны

у нас крепостники-помещики, пусть лучше выступают они открыто, прямо и договаривают до конца, чем прятать эти же крепостнические интересы под компромиссами лицемерного абсолютного правительства.)

«Вопрос поставлен так, что я не нахожу причин горячиться даже из-за того, будут или не будут освобождены крестьяне; тем меньше из-за того, кто станет освобождать их, либералы или помещики. По-моему, все равно. Помещики даже лучше».

Из «Писем без адреса»: *«Толкуют: освободить крестьян… Где силы на такое дело? Еще нет сил. Нельзя приниматься за дело, когда нет сил на него. А видите, к чему идет: станут освобождать. Что выйдет – судите сами, что выходит, когда берешься за дело, которого не можешь сделать. Испортишь дело – выйдет мерзост»* [75].

Чернышевский понимал, что русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т. е. ниспровергнуть крепостников, что оно только и в состоянии произвести «мерзость», жалкий компромисс интересов либералов (выкуп – та же покупка) и помещиков, компромисс, надувающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряющий их и выдающий с головой помещикам. И он протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получился крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой

борьбы классов.

А наши современные «демократы» *теперь* – когда гениальные провидения Чернышевского стали фактом, когда 30-летняя история беспощадно опровергла всяческие экономические и политические иллюзии – славословят по поводу реформы, усматривают в ней санкцию «народного» производства, ухитряются почерпать из нее доказательство возможности какого-то такого пути, который бы *обошел* враждебные трудящемуся общественные классы. Повторяю, отношение к крестьянской реформе – самое наглядное доказательство того, как наши демократы глубоко обуржуазились. Эти господа ничему не научились, а забыли они очень и очень многое.

Для параллели возьму «Отечественные Записки» за 1872 г. Я приводил уже выше выписки из статьи «Плутократия и ее основы» насчет тех успехов по части либерализма (прикрывавшего собой плутократические интересы), которые сделало русское общество в первое же десятилетие после «великой освободительной» реформы.

Если раньше часто попадались люди, – писал тот же автор в той же статье, – хныкавшие по поводу реформ и оплакивавшие старину, то теперь уж таких нет. «Всем понравились новые порядки, все смотрят весело и спокойно», и автор показывает далее, как и литература «сама делается органом плутократии», проводя плутократические интересы и вожделения «под покровом демократизма». Всмотритесь

повнимательнее в это рассуждение. Автор недоволен тем, что «все» довольны новыми порядками, созданными реформой, что «все» (представители «общества» и «интеллигенции», конечно, а не трудящиеся) веселы и спокойны, несмотря на очевидные, антагонистические, буржуазные свойства этих новых порядков: публика не замечает, что либерализм прикрывает только «свободу приобретения», и, разумеется, приобретения на счет массы трудящихся и в ущерб ей. И он протестует. Именно этот протест, характерный для социалиста, и ценен в его рассуждении. Заметьте, что этот протест против прикрытого демократизмом плутократизма противоречит общей теории журнала: они ведь отрицают какие бы то ни было буржуазные моменты, элементы и интересы в крестьянской реформе, отрицают классовый характер русской интеллигенции и русского государства, отрицают существование почвы для капитализма в России – и тем не менее не могут не чувствовать, не осязать капитализма и буржуазности. И поскольку «Отечественные Записки», чувствуя антагонистичность русского общества, воевали с буржуазными либерализмом и демократизмом, – постольку они делали дело, общее всем нашим первым социалистам, которые хотя и не умели понять этой антагонистичности, но сознавали ее и хотели бороться против самой организации общества, порождавшей антагонистичность; – постольку «Отечественные Записки» были прогрессивны (разумеется, с точки зрения пролетариата). «Друзья народа» забыли об этой ан-

тагонистичности, утратили всякое чутье того, как «под покровом демократизма» и у нас, на святой Руси, прячутся чистокровные буржуа; и потому теперь они реакционны (по отношению к пролетариату), так как замазывают антагонизм, толкуют не о борьбе, а о примирительной культурнической деятельности.

Неужели, однако, господа, российский яснолобый либерал, демократический представитель плутократии в 60-х годах, перестал быть идеологом буржуазии в 90-х годах только оттого, что его чело подернулось дымкой гражданской скорби?

Неужели «свобода приобретения» в крупных размерах, свобода приобретения крупного кредита, крупных капиталов, крупных технических улучшений перестает быть либеральной, т. е. буржуазной, при неизменности данных общественно-экономических отношений, только оттого, что она заменяется свободой приобретения мелкого кредита, мелких капиталов, мелких технических улучшений?

Повторяю, они не то чтобы перешли к другому мнению под влиянием радикальной перемены взглядов или радикального переворота наших порядков. Нет, они просто забыли.

Утратив эту единственную черту, которая делала некогда их предшественников прогрессивными, несмотря на всю несостоятельность их теорий, несмотря на наивно-утопическое воззрение на действительность, «друзья народа» за весь

этот промежуток времени ровно ничему не научились. А между тем, даже независимо от политико-экономического анализа русской действительности, одна уже политическая история России за эти 30 лет должна бы научить их многому.

Тогда, в эпоху *60-х годов,* сила крепостников была надломлена: они потерпели, правда, не окончательное, но все же такое решительное поражение, что должны были стушеваться со сцены. Либералы, напротив, подняли голову. Полились либеральные фразы о прогрессе, науке, добре, борьбе с неправдой, о народных интересах, народной совести, народных силах и т. д., и т. д. – те самые фразы, которыми и теперь, в минуты особого уныния, тошнит наших радикальных нытиков в их салонах, наших либеральных фразеров на их юбилейных обедах, на страницах их журналов и газет. Либералы оказались настолько сильны, что переделали «новые порядки» по-своему, – далеко не совсем, конечно, но в изрядной мере. Хотя и тогда не было на Руси «ясного света открытой классовой борьбы», но все-таки было посветлее теперешнего, так что даже те идеологи трудящегося класса, которые понятия не имели об этой классовой борьбе, которые предпочитали мечтать о лучшем будущем, чем *объяснять* мерзкое настоящее, даже они не могли не видеть, что за либерализмом прячется плутократия, что эти новые порядки – порядки буржуазные. Именно устранение со сцены крепостников, не отвлекавших внимание на еще более вопиющие злобы дня, не мешавших рассматривать новые порядки

в чистом (сравнительно) виде, и позволяло рассмотреть это. Но тогдашние наши демократы, умея осуждать плутократический либерализм, не умели, однако, понять и научно объяснить его, не умели понять его необходимости при капиталистической организации нашего общественного хозяйства, не умели понять прогрессивности этого нового уклада жизни сравнительно со старым, крепостническим, не умели понять революционной роли порождаемого им пролетариата – и ограничивались «фырканьем» на эти порядки «свободы» и «гуманности», считали буржуазность какой-то случайностью, ждали, что должны еще в «народном строе» открыться другие какие-то общественные отношения.

И вот, история показала им эти другие общественные отношения. Крепостники, не совсем добитые реформой, так безобразно изуродованной их интересами, ожили (на час) и показали наглядно, каковы эти другие наши общественные отношения, помимо буржуазных, показали в форме такой разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции, что наши демократы струсили, присели, вместо того, чтобы идти вперед, перерабатывая свой наивный демократизм, умевший чувствовать буржуазность, но не умевший понять ее, в социал-демократизм, – пошли назад, к либералам, и гордятся теперь тем, что их нытье… т. е., я хотел сказать, их теории и программы разделяет «вся серьезная и порядочная печать». Казалось бы, урок был очень внушительный: становилась слишком очевидной иллюзия старых

социалистов об особом укладе народной жизни, о социалистических инстинктах народа, о случайности капитализма и буржуазии, казалось бы, можно уже прямо взглянуть на действительность и открыто признать, что никаких других общественно-экономических отношений кроме буржуазных и отживающих крепостнических в России не было и нет, что поэтому не может быть и иного пути к социализму, как через рабочее движение. Но эти демократы ничему не научились, и наивные иллюзии мещанского социализма уступили место практичной трезвенности мещанских прогрессов.

Теперь теории этих идеологов мещанства, когда они выступают в качестве представителей интересов трудящихся, прямо реакционны. Они замазывают антагонизм современных русских общественно-экономических отношений, рассуждая так, как будто бы делу можно помочь общими, на всех рассчитанными мероприятиями по «подъему», «улучшению» и т. д., как будто бы можно было примирить и объединить. Они – реакционны, изображая наше государство чем-то над классами стоящим и потому годным и способным оказать какую-нибудь серьезную и честную помощь эксплуатируемому населению.

Они реакционны потому, наконец, что абсолютно не понимают необходимости борьбы и борьбы отчаянной самих трудящихся для их освобождения. У «друзей народа», например, так выходит, что они и сами всё, пожалуй, устроить могут. Рабочие могут быть спокойны. Вон в редакцию «Р. Б

– ва» уж и техник пришел, и они чуть было совсем не разработали одну из «комбинаций» по «введению капитализма в народную жизнь». Социалисты должны **РЕШИТЕЛЬНО и ОКОНЧАТЕЛЬНО** разорвать со всеми мещанскими идеями И теориями – **ВОТ ГЛАВНЫЙ ПОЛЕЗНЫЙ УРОК,** который должен быть извлечен из этого похода.

Прошу заметить, что я говорю о разрыве с мещанскими идеями, а не с «друзьями народа» и не с их идеями – потому что не может быть разрыва с тем, с чем не было никогда связи. «Друзья народа» – только одни из представителей одного из направлений этого сорта мещан-ско-социалистических идей. И если я по поводу данного случая делаю вывод о необходимости разрыва с мещанско-социалистическими идеями, с идеями старого русского крестьянского социализма *вообще,* то это потому, что настоящий поход против марксистов представителей старых идей, напуганных ростом марксизма, побудил их особенно полно и рельефно обрисовать мещанские идеи. Сопоставляя эти идеи с современным социализмом, с современными данными о русской действительности, мы с поразительной наглядностью видим, до какой степени выдохлись эти идеи, как потеряли они всякую цельную теоретическую основу, спустившись до жалкого эклектизма, до самой дюжинной культурническо-оппортунистской программы. Могут сказать, что это – вина не старых идей социализма вообще, а только данных господ, которых никто ведь и не причисляет к социалистам; но подоб-

ное возражение кажется мне совершенно несостоятельным. Я везде старался показать необходимость такого вырождения старых теорий, везде старался уделять возможно меньше места критике этих господ в частности и возможно больше – общим и основным положениям старого русского социализма. И если социалисты нашли бы, что эти положения изложены мною неверно или неточно или недоговорены, то я могу ответить только покорнейшей просьбой: пожалуйста, господа, изложите их сами, договорите их как следует!

Право, никто более социал-демократов не был бы рад возможности вести полемику с социалистами.

Неужели вы думаете, что нам приятно отвечать на «полемику» подобных господ и что мы взялись бы за это, не будь с их стороны прямого, настоятельного и резкого вызова?

Неужели вы думаете, что нам не приходится делать над собой усилий, чтобы читать, перечитывать и вчитываться в это отвратительное соединение казенно-либеральных фраз с мещанской моралью?

Но ведь не мы же виноваты в том, что за обоснование и изложение таких идей берутся теперь лишь подобные господа. Прошу заметить также, что я говорю о необходимости разрыва с мещанскими идеями *социализма.* Разобранные мелкобуржуазные теории являются БЕЗУСЛОВНО реакционными, ПОСКОЛЬКУ они выступают в качестве социалистических теорий.

Но если мы поймем, что на самом деле ровно ничего со-

циалистического тут нет, т. е. все эти теории безусловно не объясняют эксплуатации трудящегося и потому абсолютно не способны послужить для его освобождения, что на самом деле все эти теории отражают и проводят интересы мелкой буржуазии, – тогда мы должны будем иначе отнестись к ним, должны будем поставить вопрос: *как следует отнестись рабочему классу к мелкой буржуазии и ее программам?* И на этот вопрос нельзя ответить, не приняв во внимание двойственный характер этого класса (у нас в России эта двойственность особенно сильна вследствие меньшей развитости антагонизма мелкой и крупной буржуазии). Он является прогрессивным, поскольку выставляет общедемократические требования, т. е. борется против каких бы то ни было остатков средневековой эпохи и крепостничества; он является реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкой буржуазии, стараясь задержать, повернуть назад общее развитие страны в буржуазном направлении. Подобные реакционные требования, вроде, например, пресловутой неотчуждаемости наделов, как и многие другие прожекты опеки над крестьянством, прячутся обыкновенно под благовидный предлог защиты трудящихся; но на деле они, разумеется, только ухудшают их положение, затрудняя в то же время борьбу их за свое освобождение. Эти две стороны мелкобуржуазной программы следует строго различать и, отрицая какой бы то ни было социалистический характер этих теорий, борясь против их реакционных

сторон, не следует забывать об их демократической части. Поясню на примере, каким образом полное отрицание мещанских теорий марксистами не только не исключает демократизма в их программе, а, напротив, требует еще более настоятельного настаивания на нем. Выше указаны были три основные положения, на которых выезжали всегда представители мещанского социализма в своих теориях, – малоземелье, высокие платежи, гнет администрации.

Социалистического ровно ничего нет в требовании устранения этих зол, ибо они нимало не объясняют экспроприации и эксплуатации, и устранение их нимало не затронет гнета капитала над трудом. Но устранение их очистит этот гнет от усиливающих его средневековых ветошек, облегчит рабочему прямую борьбу против капитала и потому в качестве демократического требования встретит самую энергическую поддержку рабочих. Платежи и налоги – это, говоря вообще, такой вопрос, которому в состоянии придавать особую важность только мелкие буржуа, но у нас платежи с крестьян представляют из себя во многих отношениях простое переживание крепостничества: таковы, например, выкупные платежи, которые должны быть немедленно и безусловно отменены; таковы те налоги, которые падают только на крестьян и мещан и от которых свободны «благородные». Социал-демократы всегда поддержат требование устранения этих остатков средневековых отношений, обусловливающих экономический и политический застой. То же самое следу-

ет сказать о малоземелье. Я уже много останавливался выше на доказательстве буржуазного характера воплей о нем. Несомненно, однако, что, например, крестьянская реформа отрезками земель прямо ограбила крестьян в пользу помещиков, сослужив службу этой громадной реакционной силе и непосредственно (отхватыванием крестьянской земли) и косвенно (искусным отмежеванием наделов). И социал-демократы будут самым энергичным образом настаивать на немедленном возвращении крестьянам отнятой от них земли, на полной экспроприации помещичьего землевладения – этого оплота крепостнических учреждений и традиций. Этот последний пункт, совпадающий с национализацией земли, не заключает в себе ничего социалистического, потому что складывающиеся уже у нас фермерские отношения только быстрее и пышнее расцвели бы при этом, но он крайне важен в демократическом смысле, как единственная мера, которая могла бы окончательно сломить благородных помещиков. Наконец, говорить о бесправии крестьян, как причине экспроприации и эксплуатации крестьян, могут, конечно, только гг. Южаковы и В. В., но гнет администрации над крестьянством не только несомненен, а представляет из себя не простой гнет, а прямое трети-рование крестьян, как «подлой черни», которой свойственно быть в подчинении у благородных помещиков, для которой пользование общими гражданскими правами дается только в виде особой милости (пере-

селения[118], например), которой всякий помпадур может распоряжаться как людьми, запертыми в рабочий дом. И социал-демократы безусловно примыкают к требованию полного восстановления крестьянства в гражданских правах, полной отмены всяких привилегий дворянства, уничтожения бюрократической опеки над крестьянством и предоставления ему самоуправления.

Вообще, русским коммунистам, последователям марксизма, более чем каким-нибудь другим, следует именовать себя **СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАМИ** и никогда не забывать в своей деятельности громадной важности **ДЕМОКРАТИЗМА**[119].

В России остатки средневековых, полукрепостнических учреждений так бесконечно еще сильны (сравнительно с Западной Европой), они таким гнетущим ярмом лежат на пролетариате и на народе вообще, задерживая рост политической мысли во всех сословиях и классах, – что нельзя не на-

---

[118] Нельзя не вспомнить тут о чисто российской наглости крепостника, с которой г. Ермолов, теперь министр земледелия, в своей книге: «Неурожай и народное бедствие» возражает против переселений. Нельзя, дескать, с государственной точки зрения считать их рациональными, когда в Европейской России помещики еще нуждаются в свободных руках. – Для чего же, в самом деле, существуют крестьяне, как не для того, чтобы своим трудом кормить тунеядцев-помещиков с их «высокопоставленными» прихвостнями?

[119] Это очень важный пункт. Плеханов глубоко прав, говоря, что у наших революционеров «два врага: не совсем еще искорененные старые предрассудки, с одной стороны, и узкое понимание новой программы, с другой». См. Приложение III. (Настоящий том, стр. 339. – *Ред.*)

стаивать на громадной важности для рабочих борьбы против всяких крепостнических учреждений, против абсолютизма, сословности, бюрократии. Рабочим необходимо со всей подробностью показать, какую страшную реакционную силу представляют из себя эти учреждения, как усиливают они гнет капитала над трудом, как унижающе давят на трудящихся, как задерживают капитал в его средневековых формах, не уступающих новейшим, индустриальным, по эксплуатации труда, но прибавляющих к этой эксплуатации страшные трудности борьбы за освобождение. Рабочие должны знать, что без ниспровержения этих столпов реакции[120]{140} им не

---

[120] Особенно внушительным реакционным учреждением, которое сравнительно мало обращало на себя внимание наших революционеров, является отечественная *бюрократия,* которая de facto (фактически, на деле. – *Ред.*) и правит государством российским. Пополняемая, главным образом, из разночинцев, эта бюрократия является и по источнику своего происхождения, и по назначению и характеру деятельности глубоко буржуазной, но абсолютизм и громадные политические привилегии благородных помещиков придали ей особенно вредные качества. Это – постоянный флюгер, полагающий высшую свою задачу в сочетании интересов помещика и буржуа. Это – иудушка, который пользуется своими крепостническими симпатиями и связями для надувания рабочих и крестьян, проводя под видом «охраны экономически слабого» и «опеки» над ним в защиту от кулака и ростовщика такие мероприятия, которые низводят трудящихся в положение «подлой черни», отдавая их головой крепостнику-помещику и делая тем более беззащитными против буржуазии. Это – опаснейший лицемер, который умудрен опытом западноевропейских мастеров реакция и искусно прячет свои аракчеевские{140} вожделения под фиговые листочки народолюбивых фраз.

{140} В. И. Ленин употребляет в нарицательном смысле имя Аракчеева – жестокого временщика при царях Павле I и Александре I, – с деятельностью которого связан период реакционного полицейского деспотизма и грубой военщины.

будет никакой возможности вести успешную борьбу с буржуазией, так как при существовании их русскому сельскому пролетариату, поддержка которого – необходимое условие для победы рабочего класса, никогда не выйти из положения забитого, загнанного люда, способного только на тупое отчаяние, а не на разумный и стойкий протест и борьбу. И потому борьба рядом с радикальной демократией против абсолютизма и реакционных сословий и учреждений – прямая обязанность рабочего класса, которую и должны внушать ему социал-демократы, не опуская ни на минуту в то же время внушать ему, что борьба против всех этих учреждений необходима лишь как средство для облегчения борьбы против буржуазии, что осуществление общедемократических требований необходимо рабочему лишь как расчистка дороги, ведущей к победе над главным врагом трудящихся – чисто демократическим по своей природе учреждениям, *капиталом,* который у нас в России особенно склонен жертвовать своим демократизмом, вступать в союз с реакционерами для того, чтобы придавить рабочих, чтобы сильнее затормозить появление рабочего движения.

Изложенное достаточно определяет, кажется, отношение социал-демократов к абсолютизму и политической свободе, а также отношение их к особенно усиливающемуся в последнее время течению, направленному к «объединению» и «со-

---

Характерной чертой аракчеевского режима были жестокие меры против революционного движения угнетенных масс и какого-либо проявления свободы.

юзу» всех фракций революционеров для завоевания политической свободы[76].

Это – довольно оригинальное и характерное течение.

Оригинально оно тем, что предложения «союза» исходят не от определенной группы или определенных групп с определенными программами, сходящимися в том-то и том-то. Будь это так, вопрос о союзе был бы вопросом каждого отдельного случая, вопросом конкретным, решаемым представителями объединяемых групп. Тогда не могло бы и быть особого «объединительного» течения. Но таковое имеется и исходит просто от людей, которые от старого отстали, а к новому ни к чему не пристали: та теория, на которую опирались до сих пор борцы с абсолютизмом, видимо, рушится, разрушая и те условия солидарности и организованности, которые необходимы для борьбы. И вот господа «объединители» и «союзники» думают, должно быть, что такую теорию легче всего создать, сведя всю ее к протесту против абсолютизма и требованию политической свободы, обходя все остальные социалистические и несоциалистические вопросы. Понятно, что это наивное заблуждение неминуемо опровергнет себя при первых же попытках подобного объединения.

Но характерно это «объединительное» течение потому, что выражает собой одну из последних стадий того процесса превращения боевого, революционного народничества в политически-радикальный демократизм, который (процесс)

я старался наметить выше. Прочное объединение всех не социал-демократических революционных групп под указанным знаменем возможно будет только тогда, когда выработается прочная программа *демократических* требований, покончившая с предрассудками старого русского самобытничества. Создание подобной демократической партии социал-демократы считают, конечно, полезным шагом вперед, и их работа, направленная против народничества, должна содействовать этому, содействовать искоренению всяких предрассудков и мифов, группировке социалистов под знамя марксизма и образованию остальными группами демократической партии.

И с этой партией, конечно, не могло бы быть «объединения» у социал-демократов, считающих необходимой самостоятельную организацию рабочих в особую рабочую партию, – но рабочие оказали бы самую энергическую поддержку всякой борьбе демократов против реакционных учреждений.

Вырождение народничества в самую дюжинную теорию мелкобуржуазного радикализма, – о котором (вырождении) с такой наглядностью свидетельствуют «друзья народа», – показывает нам, какую громадную ошибку делают те, кто несет рабочим идею борьбы с абсолютизмом, не выясняя им в то же время антагонистического характера наших общественных отношений, в силу которого за политическую свободу стоят и идеологи буржуазии, – не выясняя им истори-

ческой роли русского рабочего, как борца за освобождение всего трудящегося населения.

Социал-демократов любят упрекать в том, что они хотят будто бы взять в свое исключительное пользование теорию Маркса, тогда как, дескать, экономическая теория его принимается всеми социалистами. Но спрашивается, какой же смысл разъяснять рабочим форму стоимости, сущность буржуазных порядков и революционную роль пролетариата, если у нас в России эксплуатация трудящегося объясняется вообще и повсюду совсем не буржуазной организацией общественного хозяйства, – а, хотя бы, малоземельем, платежами, гнетом администрации?

Какой смысл разъяснять рабочим теорию классовой борьбы, если эта теория не может объяснить даже его отношений к фабриканту (наш капитализм искусственно насажден правительством), не говоря уже о массе «народа», не принадлежащего к сложившемуся, классу фабричных рабочих?

Каким образом можно принять экономическую теорию Маркса с ее выводом – о революционной роли пролетариата, как организатора коммунизма при посредстве капитализма, когда у нас хотят искать путей к коммунизму помимо капитализма и создаваемого им пролетариата?

Очевидно, что при подобных условиях призыв рабочего к борьбе за политическую свободу будет равносилен призыву его таскать из огня каштаны для передовой буржуазии, потому что нельзя отрицать (характерно, что даже народники и

народовольцы не отрицали этого), что политическая свобода послужит прежде всего интересам буржуазии, давая рабочим не облегчение их положения, а только… только облегчение условий борьбы… *с этой самой буржуазией.* Я говорю это против тех социалистов, которые, не принимая теории социал-демократов, обращают, однако, свою агитацию на рабочую среду, убедившись эмпирически, что только в ней можно найти революционные элементы. Эти социалисты ставят свою теорию в противоречие с практикой и делают крайне серьезную ошибку, отвлекая рабочих от их прямой задачи – ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ[121].

Ошибка эта естественно возникла тогда, когда классовые антагонизмы буржуазного общества были совершенно еще не развиты, подавленные крепостничеством, когда это последнее порождало солидарный протест и борьбу всей интеллигенции, создавая иллюзию об особом демократизме нашей интеллигенции, об отсутствии глубокой розни между идеями либералов и социалистов. Теперь, – когда эконо-

---

[121] К выводу о необходимости поднять рабочего на борьбу с абсолютизмом можно прийти двумя путями: *либо* смотреть на рабочего, как на единственного борца за социалистический строй, и тогда видеть в политической свободе одно из условий, облегчающих ему борьбу. Так смотрят социал-демократы. *Либо* обращаться к нему просто как к человеку, наиболее страдающему от современных порядков, которому уже нечего терять и который всего решительнее может выступить против абсолютизма. Но это и будет значить – заставлять его тащиться в хвосте буржуазных радикалов, не желающих видеть антагонизма буржуазии и пролетариата за солидарностью всего «народа» против абсолютизма.

мическое развитие настолько ушло вперед, что даже люди, отрицавшие прежде почву для капитализма в России, признают, что мы вступили именно на капиталистический путь развития, – теперь никакие иллюзии на этот счет уже невозможны. Состав «интеллигенции» обрисовывается так же ясно, как и состав общества, занятого производством материальных ценностей: если в последнем царит и правит капиталист, то в первой задает тон все быстрее и быстрее растущая орава карьеристов и наемников буржуазии, – «интеллигенция» довольная и спокойная, чуждая каких бы то ни было бредней и хорошо знающая, чего она хочет. Наши радикалы и либералы не только не отрицают этого факта, а, напротив, усиленно подчеркивают его, надсаживаясь над доказательствами безнравственности этого, над осуждением, усилиями разгромить, пристыдить… и уничтожить. Эти наивные претензии *устыдить* буржуазную интеллигенцию за ее буржуазность так же смешны, как стремления мещанских экономистов напугать нашу буржуазию (ссылаясь на опыт «старших братьев») тем, что она идет к разорению народа, к нищете, безработице и голоданию масс; этот суд над буржуазией и ее идеологами напоминает тот суд над щукой, который порешил бросить ее в реку. За этими пределами начинается либеральная и радикальная «интеллигенция», которая изливает бесчисленное количество фраз о прогрессе, науке, правде, народе и т. п., которая любит плакать о 60-х годах, когда не было раздоров, упадка, уныния и апатии, и все сердца горе-

ли демократизмом.

Со свойственной им наивностью, эти господа никак не хотят понять, что тогдашняя солидарность вызывалась тогдашними материальными условиями, которые не могут вернуться: крепостное право стесняло одинаково всех – и крепостного бурмистра, накопившего деньжонок и желавшего пожить в свое удовольствие, и хозяйственного мужика, ненавидевшего барина за поборы, вмешательство и отрывание от хозяйства, и пролетария-дворового и обедневшего мужика, которого продавали в кабалу купцу; от него страдали и купец-фабрикант и рабочий, и кустарь и мастерок. Между всеми этими людьми только та связь и была, что все они были враждебны крепостничеству: за пределами этой солидарности начинался самый резкий хозяйственный антагонизм. До какой же степени надо убаюкивать себя сладкими мечтами, чтобы и по сю пору не видеть этого антагонизма, который получил такое громадное развитие; чтобы плакаться о возвращении времен солидарности, когда действительность требует борьбы, требует, чтобы всякий, кто не хочет быть ВОЛЬНЫМ или НЕВОЛЬНЫМ приспешником буржуазии, становился на сторону пролетариата.

Если вы не поверите на слово пышным фразам о «народных интересах» и попробуете копнуть поглубже, – то увидите, что имеете перед собой чистейших идеологов мелкой буржуазии, мечтающей об улучшении, поддержке и восстановлении своего («народного» на их языке) хозяйства по-

средством разных невинных прогрессов и не способной абсолютно понять того, что на почве данных производственных отношений все эти прогрессы только глубже и глубже будут пролетаризировать массы. «Друзьям народа» нельзя не быть благодарным за то, что они много посодействовали уяснению классового характера нашей интеллигенции и тем подкрепили теорию марксистов о мелкобуржуазности наших мелких производителей; они неизбежно должны ускорить вымирание старых иллюзий и мифов, так долго смущавших русских социалистов. «Друзья народа» так захватали, истаскали и испачкали эти теории, что русским социалистам, державшимся этих теорий, неминуемо предстоит дилемма – либо пересмотреть заново эти теории, либо откинуть их совершенно, предоставив их в исключительное пользование господ, которые с самодовольным торжеством оповещают urbi et orbi[122] о покупке улучшенных орудий крестьянскими богатеями, – которые с серьезным видом уверяют вас, что необходимо приветствовать людей, которым надоело сидеть за зелеными столами. И в подобном смысле толкуют они о «народном строе» и «интеллигенции» не только серьезно, а и с претенциозными колоссальными фразами о широких идеалах, об идеальной постановке вопросов жизни!..

Социалистическая интеллигенция только тогда может рассчитывать на плодотворную работу, когда покончит с иллюзиями и станет искать опоры в действительном, а не же-

---

[122] Всему миру. – *Ред.*

лательном развитии России, в действительных, а не возможных общественно-экономических отношениях. **ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ** работа ее должна будет при этом направиться на *конкретное изучение всех форм экономического антагонизма в России, изучение их связи и последовательного развития;* она должна *вскрыть этот антагонизм везде, где он прикрыт политической историей, особенностями правовых порядков, установившимися теоретическими предрассудками.* Она должна *дать цельную картину нашей действительности, кап определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплуатации и экспроприации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие.*

Эта теория, основанная на детальном и подробном изучении русской истории и действительности, должна дать ответ на запросы пролетариата, – и если она будет удовлетворять научным требованиям, то всякое пробуждение протестующей мысли пролетариата неизбежно будет приводить эту мысль в русло социал-демократизма. Чем дальше будет подвигаться вперед выработка этой теории, тем быстрее будет расти социал-демократизм, так как самые хитроумные оберегатели современных порядков не в силах помешать пробуждению мысли пролетариата, не в силах потому, что самые эти порядки необходимо и неизбежно влекут за собой все сильнейшую экспроприацию производителей, все боль-

ший рост пролетариата и резервной его армии – и это наряду с прогрессом общественного богатства, с громадным ростом производительных сил и обобществлением труда капитализмом. Как ни много осталось еще сделать для выработки такой теории, но порукой за то, что социалисты исполнят эту работу, служит распространение среди них материализма, единственно научного метода, требующего, чтобы всякая программа была точной формулировкой действительного процесса, порукой служит успех социал-демократии, принимающей эти идеи, – успех, до того взбудораживший наших либералов и демократов, что их толстые журналы, по замечанию одного марксиста, перестали быть скучными.

Этим подчеркиванием необходимости, важности и громадности теоретической работы социал-демократов я вовсе не хочу сказать, чтобы эта работа ставилась на первое место перед ПРАКТИЧЕСКОЙ[123], – тем менее, чтобы вторая откладывалась до окончания первой. Так могли бы заключить только поклонники «субъективного метода в социологии» или последователи утопического социализма. Конечно, если задача социалистов полагается в том, чтобы искать «иных (помимо действительных) путей развития» страны,

---

[123] Напротив. На 1-ое место непременно становится всегда практическая работа пропаганды и агитации по той причине, во-первых, что теоретическая работа дает только ответы на те запросы, которые предъявляет вторая. А во-вторых, социал-демократы слишком часто, по обстоятельствам от них не зависящим, вынуждены ограничиваться одной теоретической работой, чтобы не ценить дорого каждого момента, когда возможна работа практическая.

тогда естественно, что практическая работа становится возможной лишь тогда, когда гениальные философы откроют и покажут эти «иные пути»; и наоборот, открыты и показаны эти пути – кончается теоретическая работа и начинается работа тех, кто должен направить «отечество» по «вновь открытому» «иному пути». Совсем иначе обстоит дело, когда задача социалистов сводится к тому, чтобы быть идейными руководителями пролетариата в его действительной борьбе против действительных настоящих врагов, стоящих на *действительном* пути данного общественно-экономического развития. При этом условии теоретическая и практическая работа сливаются вместе, в одну работу, которую так метко охарактеризовал ветеран германской социал-демократии Либкнехт словами:

Studieren, Propagandieren, Organisieren[124].

Нельзя быть идейным руководителем без вышеуказанной теоретической работы, как нельзя быть им без того, чтобы направлять эту работу по запросам дела, без того, чтобы пропагандировать результаты этой теории среди рабочих и помогать их организации.

Эта постановка задачи гарантирует социал-демократию от тех недостатков, от которых так часто страдают группы социалистов, – от догматизма и сектаторства.

Не может быть догматизма там, где верховным и един-

---

[124] Изучать, пропагандировать, организовать. – *Ред.*

ственным критерием доктрины ставится – соответствие ее с действительным процессом общественно-экономического развития; не может быть сектаторства, когда задача сводится к содействию организации пролетариата, когда, следовательно, роль «интеллигенции» сводится к тому, чтобы сделать ненужными особых, интеллигентных руководителей.

Поэтому, несмотря на наличность разногласий среди марксистов по разным теоретическим вопросам, приемы их политической деятельности оставались с самого возникновения группы и остаются до сих пор прежними.

Политическая деятельность социал-демократов состоит в том, чтобы содействовать развитию и организации рабочего движения в России, преобразованию его из теперешнего состояния разрозненных, лишенных руководящей идеи попыток протеста, «бунтов» и стачек в организованную борьбу **ВСЕГО** русского рабочего **КЛАССА,** направленную против буржуазного режима и стремящуюся к экспроприации экспроприаторов, к уничтожению тех общественных порядков, которые основаны на угнетении трудящегося. Основой этой деятельности служит общее убеждение марксистов в том, что русский рабочий – единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплуатируемого населения России[125].

---

[125] Человек будущего в России – мужик, думали представители крестьянского социализма, народники в самом широком значении этого слова. Человек будущего в России – рабочий, думают социал-демократы. Так формулирована была в одной рукописи точка зрения марксистов.

Естественный – потому, что эксплуатация трудящегося в России *повсюду является по сущности своей капиталистической,* если опустить вымирающие остатки крепостнического хозяйства; но только эксплуатация массы производителей мелка, раздроблена, неразвита, тогда как эксплуатация фабрично-заводского пролетариата крупна, обобществлена и концентрирована. В первом случае – эксплуатация эта еще опутана средневековыми формами, разными политическими, юридическими и бытовыми привесками, уловками и ухищрениями, которые мешают трудящемуся и его идеологу видеть сущность тех порядков, которые давят на трудящегося, видеть, где и как возможен выход из них. Напротив, в последнем случае эксплуатация уже совершенно развита и выступает в своем чистом виде без всяких запутывающих дело частностей. Рабочий не может не видеть уже, что гнетет его *капитал,* что вести борьбу приходится с *классом* буржуазии. И эта борьба его, направленная на достижение ближайших экономических нужд, на улучшение своего материального положения, – неизбежно требует от рабочих организации, неизбежно становится войной не против личности, а против *класса,* того самого класса, который не на одних фабриках и заводах, а везде и повсюду гнетет и давит трудящегося. Вот почему фабрично-заводский рабочий является не более как передовым представителем всего эксплуатируемого населения, и для того, чтобы он осуществил свое представительство в организованной, выдержанной борьбе, – требуется со-

всем не увлечение его какими-нибудь «перспективами»; для этого требуется только простое *выяснение ему его положения,* выяснение политико-экономического строя той системы, которая гнетет его, выяснение необходимости и неизбежности классового антагонизма при этой системе. Это положение фабрично-заводского рабочего в общей системе капиталистических отношений делает его единственным борцом за освобождение рабочего класса, потому что только высшая стадия развития капитализма, крупная машинная индустрия, создает материальные условия и социальные силы, необходимые для этой борьбы. Во всех остальных местах, при низших формах развития капитализма, нет этих материальных условий: производство раздроблено на тысячи мельчайших хозяйств (не перестающих быть раздробленными *хозяйствами* при самых уравнительных формах общинного *землевладения*), эксплуатируемый большею частью владеет еще крошечным хозяйством и таким образом привязывается к той самой буржуазной системе, против которой должен вести борьбу: это задерживает и затрудняет развитие тех социальных сил, которые способны ниспровергнуть капитализм. Раздробленная, единичная, мелкая эксплуатация привязывает трудящихся к месту, разобщает их, не дает им возможности уразуметь своей классовой солидарности, не дает возможности объединиться, поняв, что причина угнетения – не та или другая личность, – а вся хозяйственная система. Напротив, крупный капитализм неизбежно разрывает

всякую связь рабочего со старым обществом, с определенным местом и определенным эксплуататором, объединяет его, заставляет мыслить и ставит в условия, дающие возможность начать организованную борьбу. На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, – тогда русский РАБОЧИЙ, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ (рядом с пролетариатом ВСЕХ СТРАН) *прямой дорогой открытой политической борьбы к* ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Конец.

1894.

ными хозяйствами при самыхъ уравнительныхъ формахъ общиннаго землевладѣнія), эксплуатируемый большею частью владѣетъ еще крошечнымъ хозяйствомъ и так. обр. привязывается къ той самой буржуазной системѣ, противъ к-рой долженъ вести борьбу: это задерживаетъ и затрудняетъ развитіе тѣхъ соціальныхъ силъ, к-рыя способны ниспровергнуть капитализмъ. Раздробленная, единичная, мелкая эксплуатація привязываетъ трудящихся къ мѣсту, разобщаетъ ихъ, не даетъ имъ возможности уразумѣть своей классовой солидарности, не даетъ возможности объединиться, понявъ, что причина угнетенія — не та или другая личность, - а вся хозяйственная система. Напротивъ, крупный капитализмъ неизбѣжно разрываетъ всякую связь рабочаго со старымъ обществомъ, съ опредѣленнымъ мѣстомъ и опредѣленнымъ эксплуататоромъ, объединяетъ его, заставляетъ мыслить и ставитъ въ условія, дающія возможность начать организованную борьбу. На классъ рабочихъ и обращаютъ соціалъ-демократы все свое вниманіе и всю свою дѣятельность. Когда передовые представители его усвоятъ идеи научнаго соціализма, идею объ исторической роли русскаго рабочаго, когда эти идеи получатъ широкое распространеніе и среди рабочихъ создадутся прочныя организаціи, преобразующія теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочихъ въ сознательную классовую борьбу, - тогда русскій РАБОЧІЙ, поднявшись во главѣ всѣхъ демократическихъ элементовъ, свалитъ абсолютизмъ и поведетъ РУССКІЙ ПРОЛЕТАРІАТЪ (рядомъ съ Пролетаріатомъ ВСѢХЪ СТРАНЪ) прямой дорогой открытой политической борьбы къ ПОБѢДОНОСНОЙ

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Конецъ.

1894.

Последняя страница III выпуска гектографированного издания книги В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как

они воюют против социал-демократов?» – 1894 г. (*Уменьшено*)

Приложение I

Привожу здесь в таблице данные о тех 24 бюджетах, о которых говорится в тексте. *Свод данных о составе и бюджетах 24-х типичных крестьянских хозяйств по Острогожскому уезду.*

Объяснение к таблице.

1) Первые 21 графа целиком взяты из сборника. Графа 22-ая соединяет графы сборника: от ржи, пшеницы, овса и ячменя, проса и гречи, остальных хлебов, картофеля, овощей и сена (8 граф). О том, как вычислялся доход от хлебов (23-ья графа) за исключением половы и соломы, говорено в тексте. Затем графа 24-ая соединяет графы сборника: от лошадей, рогатого скота, овец, свиней, птицы, кош и шерсти, сала и мяса, молочных продуктов, масла (9 граф). Графы 25–29 целиком взяты из сборника. Графы 30–34 соединяют графы сборника: издержки на рожь, пшеницу, пшено и гречу, картофель, овощи, соль, масло, сало и мясо, рыбу, молочные продукты, водку, чай (12 граф). Графа 35-ая соединяет графы сбор ника: на мыло, керосин, свечи, одежу и посуду (4 графы). Остальные графы ясны.

2) Графа 8-ая определена сложением числа десятин арендованной земли с числом десятин пахотной земли в составе

надела (в сборнике есть такая графа).

3) Нижние цифры в графах: «Распределение дохода и расхода» означают *денежную часть расходов и доходов.* В графах 25–28 и 37–42 весь доход (расход) денежный. Определялась денежная часть (автор ее не выделяет) вычитанием из валового дохода того, что потреблено в своем хозяйстве.

Разряды домохозяев и число их		Число душ об. пола	Число работников муж. пола	Батраки	
				Дворов с батраками	Число их об. пола
		1	2	3	4
6 зажиточных хозяев	Сумма	47	11	6	8
	Среднее на 1 хоз.	7,83	1,8	/—	/—
11 средне-состоятельных домохозяев	Сумма	92	26	2	2
	Среднее на 1 хоз.	8,36	2,4	/—	/—
7 бедных домохозяев	Сумма	37	10	2	2
	Среднее на 1 хоз.	5,28	1,4	/—	/—
Всего 24 домохозяина	Сумма	176	47	10	12
	Среднее на 1 хоз.	7,33	1,9	/—	/—
2 батрака (вошедш. в число бедных)	Сумма	9	2	/—	/—
	Среднее на 1 хоз.	4,5	1	/—	/—

Надельной земли десятин	Аренда		Всего пахотной земли	Число строений	Число промышленных заведений	Число землед. орудий	Скот (голов)	
	Дворов	Десятин					Рабочего скота	Всего в переводе на крупный
5	6	7	8	9	10	11	12	13
132,6	6	52,8	123,4	52	4	224	35	81
22,1	/—	8,8	20,6	8,6	/—	37,3	5,8	13,5
101,2	10	85,5	140,2	70	/—	338	40	89,1
9,2	/—	7,7	12,7	6,4	/—	30,7	3,6	8,1
57,8	4	19,8	49,8	31	/—	108	7	15,3
8,5	/—	2,8	7,1	4,4	/—	15,4	1	2,2
291,6	20	158,1	313,4	153	4	670	82	185,4
12,1	/—	6,6	13	6,4	/—	27,9	3,4	7,7
14,4	/—	/—	6,8	6	/—	11	/—	1,1
7,2	/—	/—	3,4	3	/—	5,5	/—	0,5

Разряды домохозяев и число их		Стоимость в рублях						
		Строений	Остальной недвижимости	Инвентаря	Утвари	Одежды	Скота и пчел	Всего
		14	15	16	17	18	19	20
6 зажиточных домохозяев	Сумма	2696	2237	670,8	453	1294,2	3076,5	10427,5
	Среднее на 1 хоз.	449,33	372,83	111,80	75,5	215,7	512,75	1737,91
11 средне-состоятельных домохозяев	Сумма	2362	318	532,9	435,9	2094,2	2907,7	8650,7
	Среднее на 1 хоз.	214,73	28,91	48,44	39,63	190,38	264,33	786,42
7 бедных хозяев	Сумма	835	90	112,3	254	647,1	605,3	2543,7
	Среднее на 1 хоз.	119,28	12,85	16,04	36,29	92,45	86,47	363,38
Всего 24 домохозяина	Сумма	5893	2645	1316	1142,9	4035,5	6589,5	21621,9
	Среднее на 1 хоз.	245,55	110,21	54,83	47,62	168,14	274,56	900,91
2 батрака (вошедш. в число бедных)	Сумма	155	25	6,4	76,8	129,3	9,1	401,6
	Среднее на 1 хоз.	77,5	12,5	3,2	38,4	64,65	4,55	200,8

Сумма кредитных недоимок. Рублей	Распределение дохода							
	От земледелия		От скотоводства	От пчело-и садоводства	От промыслов	От заведений	Разных доходов	Всего руб.
	Всего	В том числе от хлебов						
21	22	23	24	25	26	27	28	29
80	61,2% 3861,7 1774,4	2598,2 1774,4	15,4% 972,6 396,5	4,3% 271	6,5% 412	5% 320	7,6% 482,2	100% 6319,5 3656,1
13,3	643,6	/—	162,1	45,2	68,6	53,3	80,4	1053,2 609,3
357	60,7% 3163,8 899,9	2203,8 899,9	16,1% 837,5 423,2	0,7% 36,1	18.8% 979,3	/—	3,7% 195,5	100% 5212,2 2534
32,4	287,7	/—	76,1	3,2	89	/—	17,8	473,8

								230
233,6	48,7% 689,9 175,25	502,08 175,24	22,9% 324,2 216,6	1,9% 27	23,8% 336,8	/—	2,7% 39	100% 1416,9 794,64
33,4	98,5	/—	46,3	3,9	48,1	/—	5,5	202,4 113,5
670,6	59,6% 7715,4 2849,54	5304,8 2849,54	16,5% 2134,3 1036,3	2,6% 334,1	13,3% 1728,1	2,5% 320	5,5% 716,7	100% 12948,6 6984,74
27,9	321,5	/—	88,9	13,9	72	13,3	29,9	539,5 291,03
50	59,5 3	/—	5,7 4,8	/—	128,8	/—	4	198 140,6
25	29,75	/—	2,85	/—	64,4	/—	2	99 70,3

Разряды домохозяев и число их		Распределение расхода					
		Пища					Одежа и домашн. нужды
		Всего	Растительная	Остальная	В том числе		
					Молоко, мясо и пр.	Соль, водка, чай	
		30	31	32	33	34	35
6 зажиточных домохозяев	Сумма	29,2% 1500,6 218,7	823,8	676,8	561,3 103,2	115,5	8.2% 423,8 58,6
	Среднее на 1 хоз.	250,1	/—	/—	/—	/—	70,63
11 средне-состоятельных домохозяев	Сумма	37,6% 1951,9 257,7	1337,3 33,4	614,6	534,3 144	80,3	10,6% 548,1 49,5
	Среднее на 1 хоз.	177,45	/—	/—	/—	/—	49,83
7 бедных хозяев	Сумма	42,1% 660,8 253,46	487,7 160,96	173,1	134,4 53,8	38,7	14,6% 229,6 26,8
	Среднее на 1 хоз.	94,4	/—	/—	/—	/—	32,8
Всего 24 домохозяина	Сумма	34,6% 4113,3 729,86	2648,8	1464,5	1230	234,5	10,1% 1201,5 134,9
	Среднее на 1 хоз.	171,39	110,37	61,02	51,25	9,77	50,06
2 работн. (вошедш. в число бедных)	Сумма	81,7 50,7	72,1 42,5	9,6	6,1 4,7	3,5	14,9 4,6
	Среднее на 1 хоз.	40,85	/—	/—	/—	/—	7,45

Распределение расхода								Чистый доход + дефицит
Содержание скота	Инвентарь живой и мертвый	На работников и пастухов	Аренда	Подати	Попам	Разные расходы	Всего рублей	
36	37	38	39	40	41	42	43	44
24,9% 1276,6	9,4% 484,5	13,5% 691,7	6,5% 332	4,9% 253,5	1,1% 56	2,3% 116,5	100% 5135,2 2211,5	/+1184,3
212,76	80,75	115,29	55,33	42,25	9,33	19,42	855,86 368,6	/+197,34
21,2% 1098,2	5% 256	0,9% 47,6	6,8% 351,7	4,9% 254,9	1,3% 69,9	11,7% 609,4	100% 5187,7 1896,7	/+24,5
99,84	23,27	4,33	31,97	23,17	6,35	55,4	471,6 172,5	/+2,19
15,6% 243,7	7,1% 110,6	1,6% 24,3	6% 94,5	6,5% 101,8	1,8% 28	4,7% 73,2	100% 1566,5 712,66	/—149,6

34,81	15,8	3,47	13,5	14,54	4	10,46	223,78 101,8	/—21,38
22,2% 2618,5	7,1% 851,1	6,4% 763,6	6,5% 778,2	5,1% 610,2	1,3% 153,9	6,7% 799,1	100% 11889,4 4820,86	/+1059,2
109,1	35,46	31,82	32,43	25,43	6,41	33,29	495,39 200,87	/+44,11
8	53,2	0,4	/—	22,6	2,8	3,3	186,9 137,6	/+11,1
4	26,6	0,2	/—	11,3	1,4	1,65	93,45 68,8	/+5,55

Приложение II

Г-н Струве совершенно справедливо ставит во главу угла критики Ник.—она то положение, что «учение Маркса о классовой борьбе и государстве совершенно чуждо русскому политико-эконому». Я не обладаю смелостью г-на Кривенко, чтобы на основании одной этой небольшой заметки (в 4 столбца) г. Струве судить о системе его воззрений (другие его статьи мне неизвестны); я не могу также не сказать, что солидарен не со всеми, высказанными им, положениями, и потому могу защищать не его статью целиком, а только известные основные положения, которые он приводит. Но, во всяком случае, указанное обстоятельство оценено глубоко верно: действительно, непонимание классовой борьбы, присущей капиталистическому обществу, – *коренная ошибка* г.

Ник.—она. Исправления одной этой ошибки достаточно было бы для того, чтобы даже из его теоретических положений и исследований необходимо следовали социал-демократические выводы. Действительно, упущение из виду классовой борьбы свидетельствует о грубейшем непонимании марксизма, – непонимании, которое тем более следует поставить в вину г. Ник.—ону, что он вообще желает выдавать себя за строгого поклонника принципов Маркса. Может ли кто-нибудь, хоть немного знакомый с Марксом, отрицать, что учение о классовой борьбе – центр тяжести всей системы его воззрений?

Г-н Ник.—он мог, конечно, принять теорию Маркса за исключением этого пункта, хотя бы, например, по несоответствию его, положим, с данными русской истории и действительности, – но ведь тогда, во-первых, невозможно было бы говорить, что теория Маркса объясняет наши порядки, невозможно бы говорить даже об этой теории и о капитализме, так как пришлось бы переделать теорию и выработать понятие о другом капитализме, которому не присущи антагонистические отношения и борьба классов. Во всяком случае, следовало бы со всей подробностью оговорить это, разъяснить, почему автор, говоря *А* марксизма, не хочет говорить *Б*. Ничего подобного г. Ник.—он и не пытался сделать.

И г. Струве совершенно справедливо заключил, что непонимание классовой борьбы делает г. Ник.—она *утопистом,*

ибо игнорирующий классовую борьбу в капиталистическом обществе eo ipso[126] игнорирует все действительное содержание общественно-политической жизни этого общества и для осуществления своих дезидерат неизбежно обрекается на витание в сфере невинных мечтаний. Это непонимание делает его *реакционером,* ибо воззвания к «обществу» и «государству», т. е. к идеологам и политикам буржуазии, в состоянии только сбить с толку социалистов, принять за союзников злейших врагов пролетариата, в состоянии только затормозить борьбу рабочих за освобождение вместо того, чтобы способствовать усилению, выяснению и большей организации этой борьбы.

Раз уже зашла речь о статье г. Струве, нельзя не коснуться здесь и ответа г. Ник. она в № 6 «Р. Богатства»[127].

«Оказывается, – рассуждает г. Ник.—он, приводя данные о медленном нарастании числа фабрично-заводских рабочих, нарастании, отстающем от роста населения, – оказывается, что у нас капитализм не только не выполняет своей

---

[126] Тем самым. – *Ред.*

[127] Вообще своими статьями в «Р. Богатстве» г. Ник.—он усиленно старается, кажется, доказать, что он вовсе не так далек от мещанского радикализма, как можно было думать; что и он способен в росте крестьянской буржуазии (№ 6, с. 118 – распространение среди «крестьян» улучшенных орудий, фосфоритов etc. (et cetera – и так далее. – *Ред.*)) видеть признаки того, что «само *крестьянство»* (то, которое массами экспроприируется?) «понимает необходимость выбраться из того положения, в каком оно находится».

«исторической миссии», но сам же ставит пределы своему собственному развитию. Вот почему, между прочим, тысячу раз правы те, которые ищут «для своего отечества путь развития, отличный от того, которым шла и идет Западная Европа»». (И это пишет человек, признающий, что Россия идет тем же капиталистическим путем!) Невыполнение этой «исторической миссии» усматривает г. Ник.—он в том, что «хозяйственное течение, враждебное общине (т. е. капитализм), разрушает самые основы ее существования, не принося той доли объединяющего значения, которое так характерно для Западной Европы и с особенной силой начинает проявляться в Северной Америке».

Другими словами, мы имеем перед собой тот казенный довод против социал-демократов, который изобретен знаменитым г. В. В., смотревшим на капитализм с точки зрения департаментского чиновника, решающего государственный вопрос о «введении капитализма в народную жизнь»: если исполняет «миссию» – можно пустить, если не исполняет – «не пущай». Помимо всех других качеств этого остроумного рассуждения, самая «миссия» капитализма понималась при этом г-ном В. В. – и понимается, видимо, г. Ник.—оном – до невозможности, до безобразия неправильно и узко; и опять-таки, разумеется, узость собственного понимания эти господа сваливают без церемоний на социал-демократов: на них можно клепать, как на мертвых, благо их в легальную прессу не пускают!

Маркс видел прогрессивную, революционную работу капитализма в том, что он, обобществляя труд, в то же самое время, механизмом самого процесса «обучает, объединяет и организует рабочий класс», обучает борьбе, организует его «возмущение», объединяет для «экспроприации экспроприаторов», для захвата политической власти и отнятия средств производства из рук «немногих узурпаторов» для передачи их в руки всего общества («Капитал», 650)[77].

Вот – формулировка Маркса.

О «числе фабр. – заводских рабочих» и речи, конечно, нет: говорится о сосредоточении средств производства и обобществлении труда. Ясное дело, что эти критерии не имеют ничего общего с «числом фабр. – заводских рабочих».

Но наши самобытные истолкователи Маркса перетолковали это именно так, что обобществление труда при капитализме сводится к работе в одном помещении фабричных и заводских рабочих и потому-де степень прогрессивной работы капитализма измеряется… числом фабрично-заводских рабочих!!! Увеличивается число фабрично-заводских рабочих – значит, капитализм хорошо работает прогрессивную работу; уменьшается – значит, он «плохо выполняет свое историческое призвание» (с. 103 статьи г. Ник.—она), и «интеллигенции» следует «искать иных путей для своего отечества».

И вот российская интеллигенция принимается за поиски «иных путей». Ищет и находит она их уже не первое десяти-

летие, доказывая[128] изо всех сил, что капитализм – «неправильное» развитие, ибо ведет к безработице и кризисам. Вот в 1880 году стояли мы перед кризисом; тоже и в 1893 г.: пора сойти с пути, ибо очевидно, что нам приходится плохо.

А русская буржуазия «слушает да ест»[78]: действительно, приходится «плохо», когда уж нельзя получать баснословные прибыли; и она хором подпевает либералам и радикалам и усиленно принимается благодаря освободившимся и более дешевым капиталам за постройку новых железных дорог. «Нам» плохо, потому что на старых местах «мы» уже дочиста обобрали народ и приходится переходить к индустриальному капиталу, не способному так обогащать, как торговый: так «мы» пойдем на восточные и северные окраины Европейской России, где еще возможно «первоначальное накопление», дающее сотни процентов прибыли, где еще буржуазное разложение крестьянства далеко не завершилось. Интеллигенция видит все это и неустанно грозит, что «мы» опять придем к краху. И действительно наступает новый крах. Масса мелких капиталистов побивается крупными, масса

---

[128] Пропадают эти доказательства даром не потому, чтобы неверны были: разорение, обнищание и голодание народа – несомненные и неизбежные спутники капитализма, а потому, что адресуются эти доказательства в воздух. «Общество» – оно даже под покровом демократизма проводит плутократические интересы, и конечно уже не плутократия выступит против капитализма. «Правительство»… – приведу один отзыв противника, г. Н. К. Михайловского: – как ни мало знаем мы программы нашего правительства, – писал он однажды, – но настолько-то мы их знаем, чтобы быть уверенными, что «обобществление труда» в их программу не входит.

крестьян выталкивается из земледелия, все более и более достающегося в руки буржуазии; увеличивается в необъятных размерах море нищеты, безработицы, голодного вымирания – и «интеллигенция» с спокойною совестью ссылается на свои пророчества и паки сетует о неправильном пути, доказывая непрочность нашего капитализма отсутствием внешних рынков.

А русская буржуазия «слушает да ест». Пока «интеллигенция» ищет новых путей, она предпринимает гигантские постройки железных дорог в свои колонии, создавая себе там рынок, неся в молодую страну прелести буржуазных порядков, выращивая с особенной быстротой и там промышленную и земледельческую буржуазию и бросая массу производителей в ряды вечно голодного безработного люда.

Неужели же социалисты все еще будут ограничиваться сетованиями о неправильных путях и доказывать непрочность капитализма… медленным нарастанием числа фабрично-заводских рабочих!!?

Прежде чем перейти к этой ребячьей идее[129], нельзя не упомянуть о том, что г. Ник.—он крайне неточно передал

---

[129] Как же в самом деле не назвать этой идеи ребячьей, когда для определения прогрессивной работы капитализма берется не степень обобществления труда, а такой колеблющийся показатель развития *одной* только отрасли народного труда! Всякий знает, что число рабочих не может не быть чрезвычайно непостоянным при капиталистическом способе производства, что оно зависит от массы второстепенных факторов, вроде кризисов, величины резервной армии, степени эксплуатации труда, степени напряженности его и т. д., и т. д.

критикуемое место статьи г-на Струве. В статье его сказано буквально следующее:

«Если автор (т. е. г. Ник.—он) указывает на различие в составе русского и американского населения по роду занятий – для России принимается, что 80 % всего занятого хозяйственной деятельностью (erwerbsthätigen) населения занято сельским хозяйством, а в Соединенных Штатах только 44 % – то он при этом не замечает, что капиталистическое развитие России именно и будет работать над уменьшением этой разницы 80–44: в этом, можно сказать, состоит его историческая миссия».

Можно находить, что *слово* «миссия» поставлено здесь очень неудачно, но мысль г-на Струве ясна: г. Ник.—он не заметил, что капиталистическое развитие России (он сам признает, что развитие это действительно капиталистическое) будет уменьшать сельское население, тогда как это – общий закон капитализма. Следовательно, г. Ник.—ону, чтобы опровергнуть это возражение, следовало показать *или* 1) что он не упустил из виду этой тенденции капитализма, *или* 2) что капитализм не имеет этой тенденции.

Вместо этого г. Ник.—он принимается за разбор данных о числе наших фабричных рабочих (1 % населения по его счету). Да разве у г. Струве говорится о фабричных рабочих? разве 20 % населения в России, 56 % в Америке, это – фабричные рабочие? разве понятия: «фабричные рабочие» и «население, занятое не сельским хозяйством» – тождествен-

ны? Можно ли оспаривать, что и в России уменьшается доля населения, занятого сельским хозяйством?

После этой поправки, которую я считаю тем более необходимой, что г. Кривенко уже раз в этом же журнале переврал это место, перейдем к самой идее г. Ник.—она о «плохом исполнении миссии нашим капитализмом».

Во-первых, нелепо отождествлять число фабрично-заводских рабочих с числом рабочих, занятых в капиталистическом производстве, как это делает автор «Очерков». Это значит повторять (*и даже утрировать*) ошибку мещанских российских экономистов, начинающих капитализм прямо с крупной машинной индустрии. Разве миллионы русских кустарей, работающих на купцов из их материала за обыкновенную заработную плату, – заняты не в капиталистическом производстве? Разве батраки и поденщики в земледелии получают от хозяев не заработную плату и отдают им не сверхстоимость? Разве рабочие, занятые строительной промышленностью (быстро развившейся у нас после реформы), – не подвергаются капиталистической эксплуатации? и т. д. [130]

---

[130] Я ограничиваюсь здесь критикой *приема* г-на Ник.—она – судить об «объединяющем значении капитализма» по числу фабричных рабочих. Не могу войти в разбор цифр, так как у меня нет под руками тех источников, которыми г. Ник.—он пользуется. Нельзя, однако, не заметить, что эти источники выбраны г. Ник.—оном едва ли удачно. Сначала он берет данные из «Военно-статистического сборника» для 1865 г. и из «Указателя фабрик и заводов» 1894 г. – для 1890 г. Получается число рабочих (кроме горнорабочих) 829573 и 875764. Увеличение на 5,5 % – гораздо меньше увеличения народонаселения (91 и 61,42 млн. – на 48,1 %). На *следующей странице* берутся уже другие данные: и для 1865 и для

Во-вторых, нелепо сравнивать число фабричных рабочих (1 400 000) со всем населением и выражать это отношение процентом. Это значит прямо-таки сравнивать величины несоизмеримые: население трудоспособное с нетрудоспособным, занятое производством материальных ценностей с «идеологическими состояниями» и т. д. Разве фабрично-заводские рабочие не кормят каждый известное число нерабочих членов семьи? Разве фабричные рабочие не кормят

1890 гг. – из «Указателя» за 1893 г. По этим данным число рабочих – 392718 и 716792; увеличение на 82 %. Но это без промышленности, обложенной акцизом, в которой число рабочих (с. 104) было 1865: 186053 и 1890: 144332. Складывая эти последние цифры с предыдущими, получаем общее число рабочих (кроме горнозаводских) 1865: 578 771 и 1890: 861 124. Увеличение на 48,7 % – при увеличении населения на 48,1 %. Итак, на протяжении пяти страниц автор приводит данные, из которых одни показывают увеличение на 5 %, а другие – на 48 %! И на основании таких данных противоречивых он судит о непрочности нашего капитализма!!И потом, почему автор не взял данных о числе рабочих, которые приведены им в «Очерках» (таблицы XI и XII) и по которым мы видим возрастание числа рабочих на 12–13 % за *три года* (1886–1889), т. е. возрастание, быстро опережающее рост населения? Автор скажет, может быть, что промежуток времени крайне мал. Но зато ведь данные эти однородны, сравнимы и отличаются большей достоверностью; это во-первых. А во-вторых, разве сам автор не пользовался этими же данными, несмотря на малый промежуток времени, для суждения о росте фабрично-заводской промышленности?Понятно, что данные об одной только отрасли народного труда не могут не быть шаткими, когда берут такой колеблющийся показатель состояния этой отрасли, как число рабочих. Подумайте же, каким бесконечно наивным мечтателем надо быть, чтобы на основании подобных данных надеяться на то, что наш капитализм развалится, обратится в прах сам собой, без упорной, отчаянной борьбы! – чтобы противопоставлять такие данные несомненному господству и развитию капитализма во всех отраслях народного труда!

– помимо их хозяев и целой стаи торговцев – кучу солдат, чиновников и т. п. господ, которых вы прикладываете к земледельческому населению и противополагаете всю эту кашу фабрично-заводскому? Разве, затем, нет на Руси таких промыслов, как рыболовство и т. п., которые опять-таки нелепо противополагать фабрично-заводской промышленности, соединяя их с земледелием? Если бы вы хотели получить представление о составе населения России по его занятиям, следовало бы, во-первых, выделить особо то население, которое занято производством материальных ценностей (исключив, следовательно, нерабочее население, с одной стороны, а с другой – солдат, чиновников, попов и т. п.), и, во-вторых, попытаться распределить его по разным отраслям народного труда. Если бы не оказалось для этого данных, следовало бы и не браться за подобные расчеты[131], а не толковать пустяков

---

[131] Г-н Ник.—он попытался привести такой расчет в «Очерках», но крайне неудачно. На стр. 302 читаем:«В последнее время сделана была попытка определить число всех свободных рабочих в 60 губ. Европейской России (*С. А. Короленко.* «Вольнонаемный труд». СПБ. 1892). Исследование сельскохозяйственного департамента определяет все число сельского населения, способного к труду, в 50 губ. Европейской России в 35712 тыс. человек, между тем как общее число рабочих, потребных на сельскохозяйственные нужды, на обрабатывающую, добывающую, перевозочную и пр. промышленность, определяется всего-навсего в 30124 тыс. чел. Таким образом, избыток рабочих совершенно излишних выразится громадным числом в 5588 тыс. чел., что с семействами по принятой норме составит никак не менее 15 млн. человек». (Повторено еще раз на 341 стр.)Если мы обратимся к этому «исследованию», то увидим, что «исследовано» там только употребление помещиками вольнонаемного труда, и к этому исследованию г. С. Короленко приложил «обзор» Европейской России «в сельскохозяйственном

об 1 % (??!!) населения, занятом фабрично-заводской промышленностью.

В-третьих, – и это самое главное и самое безобразное искажение теории Маркса о прогрессивной, революционной работе капитализма, – откуда взяли вы, что «объединяющее значение» капитализма выражается в объединении только

и промышленном отношениях». В этом обзоре делается попытка (не на основании какого-нибудь «исследования», а по старым имеющимся данным) распределить по занятиям рабочее население Европейской России. Результаты у г-на С. А. Короленко получились следующие: всего в 50 губерниях Европейской России рабочих 35 712 000. Из этого числа заняты:

в земледелии	27435,4 тыс.	30124 тыс
культурой специальных растений	1466,4 »	
фаб.-зав. и горной промышл.	1222,7 »	
евреи	1400,4 »	
лесными промыслами	ок. 2000 »	
скотоводством	» 1000 »	
жел.-дор. движением	» 200 »	
рыболовством	» 200 »	
местными и сторонними промыслами, охотой, звероловством и т. п. остальные	787,2 »	
Итого	35 712,1 тысячи	

Таким образом, г. Короленко распределил (худо ли, хорошо) по занятиям *всех* рабочих, а г. Ник.—он произвольно взял первые три рубрики и толкует о 5588 тыс. «совершенно излишних» (??) рабочих!Помимо этой неудачи, нельзя не заметить, что расчет г-на Короленко крайне груб и неточен: количество земледельческих рабочих определено по одной общей норме на всю Россию, не выделено непроизводительное население (г. Короленко, подчиняясь юдофобству начальства, отнес туда… *евреев!* Непроизводительных рабочих должно быть больше 1,4 млн.: торговцы, нищие, бродяги, преступники и т. д.), безобразно мало число кустарей (последняя рубрика – отхожие и местные) и т. д. Подобных расчетов лучше бы вовсе не приводить.

фабричных рабочих? Уж не заимствуете ли вы представление о марксизме из статей «Отечественных Записок» насчет обобществления труда? Уж не сводите ли и вы его к работе в одном помещении? Но нет. Ник.—она нельзя бы, казалось, упрекнуть в этом, потому что он точно характеризует обобществление труда капитализмом на второй странице своей статьи в № 6 «Р. Богатства», правильно отмечая оба признака этого обобществления: 1) работу на все общество и 2) объединение отдельных работников для получения продукта общего труда. Однако, если это так, то к чему же было судить о «миссии» капитализма по числу фабричных рабочих, тогда как эта «миссия» выполняется развитием капитализма и обобществления труда вообще, созданием пролетариата вообще, – по отношению к которому фабрично-заводские рабочие играют роль только передовых рядов, авангарда. Бесспорно, конечно, что революционное движение пролетариата зависит и от числа этих рабочих, и от концентрации их, и от степени их развития и т. д., но все это не дает ни малейшего права *сводить «объединяющее значение» капитализма к числу фабрично-заводских рабочих.* Это значит до невозможности суживать идею Маркса.

Приведу пример. В своей брошюре: «Zur Wohnungsfrage»[132] Фридрих Энгельс говорит о германской промышленности и указывает, что ни в одной другой стране, кроме Германии, – он говорит только о Западной Ев-

---

[132] «К жилищному вопросу». – *Ред.*

ропе – нет такого количества наемных рабочих, владеющих садом или кусочком полевой земли. *«Деревенская кустарная промышленность, соединенная с садоводством или сельским хозяйством,* – говорит он, – *составляет широкое основание молодой крупной промышленности Германии»* [79]. Эта кустарная промышленность, по мере возрастания нужды немецкого мелкого крестьянства, все сильнее и сильнее растет (как и в России – добавим от себя), но при этом **СОЕДИНЕНИЕ** промышленности с земледелием является условием не **БЛАГОСОСТОЯНИЯ** кустаря, а напротив – еще большего **УГНЕТЕНИЯ.** Будучи привязан к месту, он вынужден брать какую угодно цену и потому отдает капиталисту не только сверхстоимость, а и крупную часть заработной платы (как и в России с ее громадным развитием домашней системы крупного производства). *«Это одна сторона дела,* – продолжает Энгельс, – *но оно имеет и обратную сторону… С распространением кустарной промышленности крестьянство одной местности за другой втягивается в промышленное движение современной эпохи. Это революционизирование земледельческих местностей при посредстве кустарной промышленности распространяет промышленную революцию в Германии на гораздо большее пространство, чем это было в Англии и Франции… Это объясняет, почему в Германии, в противоположность Англии и Франции, революционное рабочее движение нашло такое сильное распространение по широкому пространству страны,* вместо то-

го, чтобы ограничиваться исключительно городскими центрами. И это же объясняет спокойный, твердый, неудержимый рост этого движения. В Германии ясно само собой, что победоносное восстание в столице и других больших городах только тогда будет возможно, когда и большинство мелких городов и большая часть деревенских областей созреет для переворота»[80].

Вот и смотрите: не только «объединяющее значение капитализма», но и успех рабочего движения зависит, оказывается, не только от числа фабричных рабочих, а и от числа… *кустарей!* А наши самобытники, игнорируя чисто капиталистическую организацию громадного большинства русских кустарных промыслов, противополагают их капитализму, как какую-то «народную» промышленность, и судят о «проценте населения, находящегося в непосредственном распоряжении капитализма», по числу фабричных рабочих! Это уже напоминает такое рассуждение г-на Кривенко: марксисты хотят все внимание обратить на фабричных рабочих, но так как их всего только 1 млн. на 100, то это – лишь маленький уголок жизни, и посвящать себя ему – все равно, что ограничиваться работой в сословных или благотворительных учреждениях (№ 12 «Р. Б— ва»). Фабрики и заводы – такой же маленький уголок жизни, как сословные и благотворительные учреждения!! О, гениальный г. Кривенко! Вероятно, именно сословные учреждения производят продукты на все общество? вероятно, именно порядки со-

словных учреждений объясняют эксплуатацию и экспроприацию трудящихся? вероятно, именно в сословных учреждениях надо искать передовых представителей пролетариата, способных поднять знамя освобождения рабочих?

Не удивительны подобные вещи в устах маленьких буржуазных философов, но когда встречаешь нечто подобное у г. Ник.—она, то становится как-то обидно.

На стр. 393-ей «Капитала»[81] Маркс приводит данные о составе английского населения. Всего в Англии и Уэльсе было в 1861 г. – 20 млн. человек. Рабочих, занятых в главных отраслях фабрично-заводской промышленности, оказывается 1 605 440 человек[133]. При этом прислуги оказывается 1208648 человек, и в примечании ко 2-му изданию Маркс указывает на особенно быстрый рост этого последнего класса. Представьте себе теперь, что в Англии нашлись бы такие «марксисты», которые для суждения об «объединяющем значении капитализма» стали делить 1,6 млн. на 20!! Получается 8 % – *менее одной двенадцатой части!!!* Как же можно говорить о «миссии» капитализма, когда он не объединил и двенадцатой части населения! и притом быстрее

---

[133] 642 607 человек занято в текстильной промышленности, в чулочном и кружевном производстве (у нас десятки тысяч женщин, занятых чулочным и кружевным промыслом, подвергаются самой невероятной эксплуатации «торговок», на которых они работают. Заработная плата доходит иногда до *3-х* (sic!) копеек в день! Неужели они, г. Ник.—он, не «находятся в непосредственном распоряжении капитализма»?), затем 565 835 человек занято в угольных и металлических копях и 396 998 – во всех металлических производствах и мануфактурах.

растет класс «домашних рабов» – мертвая потеря «народного труда», свидетельствующая, что «мы», англичане, идем по «неверному пути»! не ясно ли, что «нам» следует «искать для своего отечества иных», некапиталистических «путей развития»?!

В аргументации г. Ник.—она остался еще один пункт: говоря, что наш капитализм не приносит того объединяющего значения, которое «так характерно для Зап. Европы и *с особенной силой начинает проявляться в Сев. Америке»,* он имеет в виду, очевидно, рабочее движение. Итак, мы должны искать иных путей, так как наш капитализм не приносит рабочего движения. Этот довод, кажется, уже предвосхищен г. Михайловским. Маркс оперировал над готовым пролетариатом – поучал он марксистов. И в ответ на сделанное ему одним марксистом замечание, что он видит в нищете только нищету, он отозвался таким образом: это замечание, по обыкновению, взято целиком у Маркса. Но если-де мы обратимся к этому месту «Нищеты философии», то увидим, что к нашим делам оно неприложимо, что наша нищета – только нищета. – На деле, однако, из «Нищеты философии» мы еще ничего не увидим. Маркс говорит там о коммунистах старой школы, что они видят в нищете только нищету, не замечая ее революционной, разрушительной стороны, которая и ниспровергнет старое общество[82]. Очевидно, что основанием для утверждения о неприменимости этого к нашим делам служит для г. Михайловского отсутствие «проявления» ра-

бочего движения. По поводу этого рассуждения заметим, во-первых, что только самое поверхностное знакомство с фактами может внушить идею, что Маркс оперировал над готовым пролетариатом. Коммунистическая программа Маркса выработана была им еще до 1848 г. Какое же было тогда рабочее движение[134]{141} в Германии? Не было тогда даже политической свободы, и работа коммунистов ограничивалась тайными кружками (как и у нас теперь). Социал-демократическое рабочее движение, показавшее всем наглядно революционную и объединяющую роль капитализма, началось двумя десятилетиями позже, когда доктрина научного социализма окончательно сложилась, когда шире распространилась крупная индустрия и нашлись ряды талантливых и энергичных распространителей этой доктрины в рабочей среде. Представляя в неверном освещении исторические факты, забывая о массе труда, вложенного социалистами на придание сознательности и организованности рабочему движению, наши философы сверх того подсовывают Марксу бессмысленнейшие фаталистические воззрения. По его взгляду, будто бы организация и обобществление рабочих проис-

---

[134] Насколько мала была тогда численность рабочего класса, можно судить по тому, что *27 лет спустя,* в 1875 г., Маркс писал: «трудящийся народ в Германии состоит в большинстве из крестьян, а не из пролетариев»{141}. Вот что значит – «оперировать (??) над готовым пролетариатом»!

{141} В. И. Ленин цитирует работу К. Маркса «Критика Готской программы» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 21).

ходят сами собой и, следовательно, дескать, если мы, видя капитализм, не видим рабочего движения, так это потому, что капитализм не выполняет миссии, а не потому, что мы слабо еще работаем над этой организацией и пропагандой среди рабочих. Эту мещански трусливую увертку наших самобытных философов не стоит и опровергать: ее опровергает вся деятельность социал-демократов всех стран, ее опровергает каждая публичная речь какого угодно марксиста. Социал-демократия – совершенно справедливо говорит Каутский – это соединение рабочего движения с социализмом. И для того, чтобы прогрессивная работа капитализма «проявилась» и у нас, наши социалисты должны взяться со всей энергией за свою работу; они должны разработать подробнее марксистское понимание русской истории и действительности, прослеживая конкретнее все формы классовой борьбы и эксплуатации, которые особенно запутаны и прикрыты в России. Они должны далее популяризовать эту теорию, принести ее рабочему, должны помочь рабочему усвоить ее и выработать наиболее ПОДХОДЯЩУЮ *для наших условий форму организации для распространения социал-демократизма и сплочения рабочих в политическую силу.* И русские социал-демократы не только не говорили никогда, чтобы они закончили уже, выполнили эту работу идеологов рабочего класса (работе тут и конца не видно), а, напротив, всегда подчеркивали, что они только начинают ее, что нужны еще многие усилия многих и многих лиц, чтобы создать хотя что-

нибудь прочное.

Кроме неудовлетворительного и безобразно узкого понимания теории Маркса, это ходячее возражение об отсутствии прогрессивной работы нашего капитализма основывается еще, кажется, на нелепой идее о мифическом «народном строе».

Когда «крестьянин» в пресловутой «общине» раскалывается на голяка и богатея, на представителей пролетариата и капитала (особенно торгового), – тогда тут не хотят видеть зачаточного, средневекового капитализма и, обходя политико-экономическую структуру деревни, разглагольствуют в поисках «иных путей для отечества» о видоизменениях формы *землевладения* крестьян, с которой непростительно смешивают форму экономической организации, как будто бы внутри самой «уравнительной общины» не процветало у нас чисто буржуазное разложение крестьянства. А когда этот капитализм, развиваясь, перерастает узкие формы средневекового, деревенского капитализма, разрывает крепостническую власть земли и заставляет давно уже дочиста обобранного и голодного крестьянина, бросив землю в общество для уравнительного распределения между торжествующими кулаками, уходить на сторону, бродить по всей России, проводя массу времени без работы, наниматься сегодня к помещику, завтра – к подрядчику по постройке жел. дор., потом – в чернорабочие в городе или в батраки к богатому крестьянину и т. д.; когда этот «крестьянин», меняя хозяев по всей

России, видит, что везде, куда бы он ни пришел, он подвергается самому бесстыдному грабежу, видит, что рядом с ним грабят таких же, как он, голяков, видит, что грабит не непременно «барин», а и «свой брат-мужик», раз только есть у него деньги на покупку рабочей силы, видит, как правительство повсюду служит его хозяевам, стесняя права рабочих и подавляя под видом бунта всякую попытку защитить свои элементарнейшие права, видит, как все напряженнее и напряженнее становится труд русского рабочего, все быстрее рост богатства и роскоши, – тогда как положение рабочего все ухудшается, экспроприация усиливается и безработица становится нормой, – в это время наши критики марксизма ищут иных путей для отечества, в это время они решают глубокомысленный вопрос: можно ли признать тут прогрессивную работу капитализма, когда мы видим медленное нарастание числа фабричных рабочих, и не следует ли отвергнуть и признать неверным путем наш капитализм за то, что он так «плохо, очень, очень плохо выполняет свою историческую миссию».

Не правда ли, какое возвышенное, широко-гуманное занятие?

И какие узкие доктринеры эти злые марксисты, когда они говорят, что отыскивать иные пути для отечества при наличности повсюду в России капиталистической эксплуатации трудящегося – значит прятаться от действительности в сферу утопий, когда они находят, что плохо исполняют свою

миссию не наш капитализм, а русские социалисты, которые не хотят понять, что мечтать о замирении вековой экономической борьбы антагонистических классов русского общества – значит впадать в маниловщину[83], не хотят понять, что следует стараться о придании организованности и сознательности этой борьбе и для этого взяться за социал-демократическую работу.

В заключение нельзя не отметить еще одной выходки г-на Ник.—она против г. Струве, в том же № 6 «Р. Б—ва».

«Нельзя не обратить внимания, – говорит г. Ник.—он, – на некоторую особенность полемики г. Струве. Он писал для немецкой публики, в немецком серьезном журнале, а употреблял приемы, как будто совсем неподходящие. Надо думать, что не только немецкая, но даже русская публика выросла – «в меру взрослого человека», чтобы могла попасться на разные «жупелы», которыми уснащена его статья. «Утопия», «реакционная программа» и подобные выражения попадаются в каждом ее столбце. Но, увы, эти «страшные слова» решительно не производят уже того действия, на которое, по-видимому, рассчитывает г. Струве» (с. 128).

Попробуем разобраться, есть ли в этой полемике гг. Ник.—она и Струве «неподходящие приемы» и если есть, – кто их употребляет.

Г. Струве обвиняется в употреблении «неподходящих приемов» на том основании, что в серьезной статье ловит

публику на «жупелы» и «страшные слова».

Употреблять «жупелы» и «страшные слова» – это значит давать такую характеристику противника, которая является резко неодобрительной, не будучи в то же время ясно и отчетливо мотивирована, не вытекая с неизбежностью из точки зрения пишущего (точки зрения, определенно изложенной), а выражая просто желание выругать, разнести.

Очевидно, что только этот последний признак и обращает резко неодобрительные эпитеты в «жупелы». Ведь г. Слонимский резко отозвался о г. Ник.—оне, но так как он при этом ясно и точно формулировал свою точку зрения обыкновенного либерала, абсолютно неспособного понять буржуазность современных порядков, совершенно отчетливо формулировал свои феноменальные доводы, – то его можно обвинять в чем угодно, но не в «неподходящих приемах». Г-н Ник.—он тоже резко отозвался о г. Слонимском, приведя ему, между прочим, в назидание и поучение слова Маркса, «оправдавшиеся и у нас» (признание г-на Ник.—она), *о реакционности ж утопичности* той защиты мелкого кустарного производства и мелкого крестьянского землевладения, которой хочет г. Слонимский, обвиняя его в «узости», *«наивности»* и т. п. Смотрите, статья г. Ник.—она «уснащена» такими же эпитетами (подчеркнутые), как и статья г. Струве, но мы не можем говорить о «неподходящих приемах», ибо все это – мотивировано, все это вытекает из определенной точки зрения и системы воззрений автора, которые мо-

гут быть неверны, но принимая которые нельзя иначе отнестись к противнику, как к наивному, узкому, реакционному утописту.

Посмотрим, как обстоит дело в статье г. Струве. Обвиняя г. Ник.—она в утопизме, из которого должна произойти реакционная программа, и в наивности, он совершенно ясно указывает те основания, по которым он пришел к такому мнению. Первое: желая «обобществления производства», г. Ник.—он «апеллирует к обществу (sic!) и государству». Это «доказывает, что учение Маркса о классовой борьбе и о государстве совершенно чуждо русскому политико-эконому». Наше государство – «представитель правящих классов». – Второе: «Если противополагать *действительному* капитализму *воображаемый* хозяйственный строй, который *должен* появиться просто потому, что мы его *хотим,* другими словами, если хотеть обобществления производства помимо капитализма, то это свидетельствует только о наивном, не соответствующем истории, понимании». С развитием капитализма, вытеснением натурального хозяйства, уменьшением сельского населения, «современное государство выступит из тех сумерек, в которых оно еще находится в наше патриархальное время (мы говорим о России), выступит на ясный свет открытой классовой борьбы, и для обобществления производства придется поискать других сил и факторов».

Что же, разве это не достаточно ясная и отчетливая мотивировка? Можно ли оспаривать верность фактических ука-

заний г. Струве на мысли автора? Разве г. Ник.—он в самом деле принял во внимание классовую борьбу, свойственную капиталистическому обществу? Нет. Он говорит об обществе и государстве, забывая эту борьбу, исключая ее. Он говорит, например, что государство поддерживало капитализм, вместо того, чтобы обобществлять труд через общину и т. д. Очевидно, что он считает, что государство могло н так и этак поступить, что оно, следовательно, стоит *вне классов.* Не ясно ли, что обвинение г-на Струве в употреблении «жупелов» – *вопиюще* несправедливо? Не ясно ли, что человек, который думает, что наше государство – классовое, не может не считать наивным и реакционным утопистом того, кто обращается к этому государству для обобществления труда, т. е. для устранения правящих классов? Мало этого. Когда обвиняют противника в употреблении «жупелов», *умалчивая* о том воззрении его, из которого вытек его отзыв, несмотря на ясное формулирование им этого воззрения, когда притом обвиняют его в подцензурном журнале, куда не может проникнуть это воззрение, – не следует ли думать, что это – «вовсе неподходящий прием»?

Пойдем дальше. Второй довод г. Струве формулирован не менее ясно. Что обобществление труда помимо капитализма, через общину, – есть воображаемый строй, это несомненно, ибо его нет в действительности. Эту действительность сам г. Ник.—он рисует так: до 1861 года производительными единицами были «семья» и «община» («Очер-

ки», с. 106–107). Это «мелкое, раздробленное, самодовлеющее производство не могло развиваться значительно, поэтому оно и характерно, как крайне рутинное, мало производительное». Дальнейшее изменение состояло в том, что «общественное разделение труда шло постоянно все глубже и глубже». Следовательно, капитализм разорвал узкие границы прежних производительных единиц и обобществил труд во всем обществе. *Это обобществление труда нашим капитализмом признает и г. Ник.—он.* Поэтому, желая опираться для обобществления труда не на капитализм, который *уже обобществил труд,* а на общину, *разрушение которой и принесло впервые обобществление труда во всем обществе,* он является реакционным утопистом. Вот – мысль г-на Струве. Можно считать ее верной или неверной, но нельзя отрицать, что из этого мнения с логической неизбежностью вытек резкий отзыв о г. Ник.—оне, и что поэтому о «жупелах» говорить не приходится.

Мало этого. Когда г. Ник.—он заканчивает свою полемику с г. Струве тем, что приписывает противнику желание обезземелить крестьянство («если под прогрессивной программой разуметь обезземеление крестьянства,, то автор «Очерков» консерватор») – вопреки прямому заявлению г-на Струве, что он хочет обобществления труда, хочет его через капитализм, хочет для этого опираться на те силы, которые видны будут при «ясном свете открытой классовой борьбы», – то это ведь нельзя не назвать передачей, диаметраль-

но противоположной истине. А если принять во внимание, что в подцензурной печати г. Струве не мог бы говорить о силах, выступающих при ясном свете классовой борьбы, что, следовательно, противнику г. Ник.—она зажали рот, – то тогда едва ли можно оспаривать, что прием г. Ник.—она совершенно уже – «неподходящий прием».

Приложение III

Говоря об узком понимании марксизма, я разумею самих марксистов. Нельзя не заметить по этому поводу, что самому безобразному сужению и искажению подвергается марксизм, когда наши либералы и радикалы берутся за изложение его на страницах легальной печати. Что это за изложение! Подумайте только, как изуродовать нужно эту революционную доктрину, чтобы уложить ее на прокрустово ложе[84] российской цензуры! И наши публицисты с легким сердцем проделывают подобную операцию: марксизм в их изложении сводится, почитай что, к учению о том, как при капиталистическом строе проделывает свое диалектическое развитие индивидуальная собственность, основанная на труде собственника, как она превращается в свое отрицание и затем обобществляется. И в этой «схеме» с серьезным видом полагают все содержание марксизма, минуя все особенности его социологического метода, минуя учение о классовой борьбе, минуя прямую цель исследования – вскрыть все

формы антагонизма и эксплуатации, чтобы помочь пролетариату сбросить их. Не удивительно, что получается нечто до такой степени бледное и узкое, что наши радикалы принимаются оплакивать бедных русских марксистов. Еще бы! Русский абсолютизм и русская реакция не были бы абсолютизмом и реакцией, если бы при существовании их можно было целиком, точно и полно излагать марксизм, договаривая до конца его выводы! И если бы наши либералы и радикалы как следует знали марксизм (хотя бы по немецкой литературе), они бы посовестились так уродовать его на страницах подцензурной печати. Нельзя изложить теории – молчите или оговаривайтесь, что излагаете далеко не все, что опускаете самое существенное, но зачем же, излагая обрывки, кричать об узости?

Ведь этак только и можно дойти до таких курьезов, возможных лишь в России, когда к марксистам относят людей, понятия не имеющих о борьбе классов, о необходимом антагонизме, присущем капиталистическому обществу, и о развитии этого антагонизма, людей, не имеющих представления о революционной роли пролетариата; даже людей, выступающих прямо с буржуазными проектами, лишь бы у них попадались словечки «денежное хозяйство», его «необходимость» и т. п. выражения, для признания которых специально марксистскими нужна вся глубина остроумия г. Михайловского.

А Маркс всю цену своей теории полагал в том, что она «по

самому существу своему – теория критическая[135] и революционная»[85]. И это последнее качество действительно присуще *марксизму* всецело и безусловно, потому что эта теория прямо ставит своей задачей *вскрыть* все формы антагонизма и эксплуатации в современном обществе, проследить их эволюцию, доказать их преходящий характер, неизбежность превращения их в другую форму *и послужить таким образом пролетариату для того, чтобы он как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплуатацией.* Непреодолимая привлекательная сила, которая влечет к этой теории социалистов всех стран, в том и состоит, что она соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью, и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно. В самом деле, задачей теории, целью науки – прямо ставится тут содействие классу угнетенных в его действительно происходящей экономической борьбе.

«Мы не говорим миру: перестань бороться – вся

---

[135] Заметьте, что Маркс говорит здесь о материалистической критике, которую только и считает научной, т. е. критике, сопоставляющей политико-юридические, социальные, бытовые и др. факты с экономикой, с системой производственных отношений, с интересами тех классов, которые неизбежно складываются на почве всех антагонистических общественных отношений. Что русские общественные отношения – антагонистические, в этом едва ли кто мог сомневаться. Но основанием для *такой* критики их еще никто не пробовал брать.

твоя борьба пустяки. Мы только даем ему истинный лозунг борьбы»[86].

Следовательно, прямая задача науки, по Марксу, это – дать истинный лозунг борьбы, т. е. суметь объективно представить эту борьбу, как продукт определенной системы производственных отношений, суметь *понять* необходимость этой борьбы, ее содержание, ход и условия развития. «Лозунг борьбы» нельзя дать, не изучая со всей подробностью каждую отдельную форму этой борьбы, не следя за каждым шагом ее, при ее переходе из одной формы в другую, чтобы уметь в каждый данный момент определить положение, не упуская из виду общего характера борьбы, общей цели ее – полного и окончательного уничтожения всякой эксплуатации и всякого угнетения.

Попробуйте сравнить с «критической и революционной» теорией Маркса ту бесцветную дребедень, которую излагал в своей «критике» и против которой воевал «наш известный» Н. К. Михайловский, – и вы поражены будете, как это могут быть в самом деле люди, считающие себя «идеологами трудящегося класса» и ограничивающиеся… тем «плоским кружком», в который превращают теорию Маркса наши публицисты, стирая с нее все жизненное.

Попробуйте сравнить с требованиями этой теории нашу народническую литературу, исходящую тоже ведь из желания быть идеологом трудящегося, литературу, посвященную истории и современному состоянию наших экономических

порядков вообще и крестьянства в частности, – и вы поражены будете, как могли социалисты удовлетворяться подобной теорией, которая ограничивалась изучением и описанием бедствий и моралью по поводу этих бедствий. Крепостное право изображается не как определенная форма хозяйственной организации, порождавшей такую-то эксплуатацию, такие-то антагонистические классы, такие-то политические, юридические и др. порядки, – а просто как злоупотребления помещиков и несправедливость по отношению к крестьянам. Крестьянская реформа изображается не как столкновение определенных хозяйственных форм и определенных экономических классов, а как мероприятие начальства, «выбравшего» по ошибке «неверный путь», несмотря на самые благие намерения. Пореформенная Россия изображается как уклонение от истинного пути, сопровождающееся бедствиями трудящегося, а не как известная система антагонистических производственных отношений, имеющая такое-то развитие.

Теперь, впрочем, потеря кредита этой теорией несомненна, и чем скорее русские социалисты поймут, что не может быть, при настоящем уровне знаний, революционной теории вне марксизма, чем скорее направят они все свои силы на приложение этой теории к России, в теоретическом и практическом отношениях, – тем вернее и быстрее будет успех революционной работы.

Для наглядной иллюстрации того, какое растление вносят гг. «друзья народа» в современную «бедную русскую мысль» своим призывом интеллигенции к культурному воздействию на «народ» для «создания» правильной, настоящей промышленности и т. п., – приведем отзыв людей, держащихся резко отличного от нашего образа мыслей – «народоправцев», этих прямых, непосредственных потомков народовольцев. См. брошюру: «Насущный вопрос», 1894. Изд. партии «Народного права».

Дав прекрасную отповедь тому сорту народников, которые говорят, «что ни под каким видом, даже под условием широкой свободы, не должна Россия расставаться со своей экономической организацией, обеспечивающей (!) трудящемуся самостоятельное положение в производстве», которые говорят: «нам нужны не политические, а систематические, планомерно проведенные экономические реформы», народоправцы продолжают:

«Мы не защитники буржуазии и еще менее поклонники ее идеалов, но если бы злая судьба дала народу на выбор – «планомерные экономические реформы» под защитой земских начальников, ревниво оберегающих их от посягательств буржуазии, или же эту последнюю на почве политической свободы, т. е. при условиях, *обеспечивающих* народу организованную защиту своих интересов, – мы думаем, что народ, избрав последнее, оказался бы в чистом выигрыше. У нас нет теперь «политических реформ», грозящих отнять у на-

рода его мнимо-самостоятельную экономическую организацию, – и есть то, что всеми и везде принято считать буржуазной политикой, выражающейся в грубейшей эксплуатации народного труда. Теперь у нас нет ни широкой, ни узкой свободы, а есть покровительство сословным интересам, о котором мечтать перестали аграрии и капиталисты конституционных стран. Теперь у нас нет «буржуазного парламентаризма», общество на выстрел не допускается к управлению, – и есть гг. Найденовы, Морозовы, Кази и Беловы, выступающие с требованием китайской стены для ограждения своих интересов, наряду с представителями «нашего верного дворянства», доходящими до требования себе дарового кредита в размере 100 руб. на десятину. Их приглашают в комиссии, их выслушивают с почтением, их голос имеет решающее значение в важнейших вопросах экономической жизни страны. И в то же время кто и где выступает на защиту народа? не они ли, земские начальники? Не для него ли проектируются сельскохозяйственные рабочие роты? Не теперь ли с откровенностью, близкой к цинизму, было заявлено, что народу дан надел единственно для уплаты податей и отбывания повинностей, как выразился в своем циркуляре вологодский губернатор? Он лишь формулировал и громко высказал то, что в своей политике фатально проводит самодержавие или, правильнее сказать, бюрократический абсолютизм».

Как ни туманны все еще представления народоправцев о том «народе», интересы которого они хотят защищать, о том

«обществе», в котором они продолжают видеть заслуживающий доверия орган охраны интересов труда, – но во всяком случае нельзя не признать, что образование партии «Народного права» есть шаг вперед, шаг к тому, чтобы окончательно сбросить иллюзии и мечтания об «иных путях для отечества», чтобы признать безбоязненно действительные пути и на их почве искать элементов для революционной борьбы. Тут ясно обнаруживается стремление к образованию демократической партии. Говорю о «стремлении» только, потому что народоправцы, к сожалению, не проводят последовательно своей основной точки зрения. Они все еще толкуют об объединении и союзе с социалистами, не желая понять, что втягивать рабочих в простой политический радикализм значит отрывать только рабочих интеллигентов от рабочей массы, значит осуждать на бессилие рабочее движение, потому что оно может быть сильно лишь на почве полного и всестороннего проведения интересов рабочего класса, на почве экономической борьбы с капиталом, нераздельно сливающейся с политической борьбой против слуг капитала. Они не хотят понять, что «объединение» всех революционных элементов гораздо лучше достигнется путем особой организации представителей отдельных интересов[136] и

[136] Сами же они протестуют против веры в чудотворство интеллигенции, сами говорят о необходимости вовлечения в борьбу самого народа. Для этого необходимо ведь связать эту борьбу с определенными житейскими интересами, необходимо, следовательно, различать отдельные интересы и отдельно их втягивать в борьбу… А если заслонять эти отдельные интересы голыми политическими тре-

совместного действия в известных случаях той и другой партии. Они все еще называют свою партию «социально-революционной» (см. Манифест партии «Народного права», помеченный 19 февраля 1894 г.), хотя в то же время ограничиваются исключительно политическими реформами, обходя заботливейшим образом наши «проклятые» социалистические вопросы. Партии, так горячо призывающей к борьбе с иллюзиями, не следовало бы других вводить в иллюзии первыми же словами своего «манифеста»; не следовало бы говорить о *социализме* там, где нет ничего кроме *конституционализма.* Повторяю, однако, нельзя оценивать народоправцев, не приняв во внимание их происхождение от народовольцев. Нельзя не признать поэтому, что они делают шаг вперед, обосновывая политическую исключительно борьбу, не имеющую отношения к социализму, политической же исключительно программой. Социал-демократы от всей души желают успеха народоправцам, желают роста и развития их партии, желают более тесного их сближения с теми общественными элементами, которые стоят на почве данных экономических порядков[137] и *житейские* интересы которых действительно теснейшим образом связаны с *демократизмом.*

бованиями, понятными лишь интеллигенции, не значит ли это опять поворачивать назад, опять ограничиваться борьбой одной лишь интеллигенции, бессилие которой было сейчас только признано?

[137] (То есть капиталистических) – а не на почве необходимого отрицания этих порядков и беспощадной борьбы против них.

Недолго сможет продержаться примирительное, трусливое, сентиментально-мечтательное народничество «друзей народа», когда на него нападут с обеих сторон: политические радикалы за то, что они способны выражать доверие к бюрократии, что они не понимают безусловной необходимости политической борьбы; – социал-демократы – за то, что они пытаются выступать чуть не социалистами, не имея никакого отношения к социализму, не имея никакого понятия о причинах угнетения трудящегося и характере происходящей классовой борьбы.

Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (отражение марксизма в буржуазной литературе) По поводу книги П. Струве: «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». СПБ. 1894 г.[87]

Написано в конце 1894 – начале 1895 г.

Напечатано в 1895 г. в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития».
СПБ. Подпись: К. Тулин

Печатается по тексту сборника «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», сверенному с текстом сборника:
Вл. Ильин. «За 12 лет», 1907

МАТЕРІАЛЫ

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ

НАШЕГО ХОЗЯЙСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная ул., № 12

Титульный лист сборника, в котором была напечатана работа В. И. Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». – 1895 г.

Названная книга г. Струве представляет из себя систематическую критику народничества, понимая это слово в широком смысле – как теоретическую доктрину, определенно решающую важнейшие социологические и экономические вопросы, и как «систему догматов экономической политики» (VII с). Одна уже постановка подобной задачи могла бы сообщить книге выдающийся интерес; но еще важнее в этом отношении та точка зрения, с которой ведется критика. Об ней автор говорит в предисловии следующее:

«Примыкая по некоторым основным вопросам к совершенно определившимся в литературе взглядам, он (автор) нисколько не считал себя связанным буквой и кодексом какой-нибудь доктрины. Ортодоксией он не заражен» (IX).

Из всего содержания книги явствует, что под этими «совершенно определившимися в литературе взглядами» разумеются взгляды марксистские. Спрашивается, какие же именно «некоторые основные» положения марксизма автор принимает и какие отвергает? – почему и насколько? Автор не дает прямого ответа на этот вопрос. Поэтому, для выяснения того, что именно в этой книге может быть отнесено на счет марксизма, – какие положения доктрины автор принимает и насколько последовательно их выдерживает, – какие

отвергает и что в этих случаях получается, – для выяснения всего этого необходим подробный разбор книги.

Содержание ее чрезвычайно разнообразно: автор дает, во-первых, изложение «субъективного метода в социологии», принимаемого нашими народниками, критикует его и противопоставляет ему метод «историко-экономического материализма». Затем он дает экономическую критику народничества, во-первых, на основании «общечеловеческого опыта» (с. IX) и, во-вторых, на основании данных русской экономической истории и действительности. Попутно дается и критика догматов народнической экономической политики. Это разнообразие содержания (совершенно неизбежное при критике крупнейшего течения нашей общественной мысли) определяет и форму разбора: приходится следить шаг за шагом за изложением автора, останавливаясь на каждом ряде его аргументов.

Но прежде чем приступать к разбору книги, мне кажется необходимым остановиться поподробнее на некотором предварительном объяснении. Задача настоящей статьи – критика книги г. Струве с точки зрения человека, «примыкающего» по *всем* (а не по «некоторым» только) «основным вопросам к совершенно определившимся в литературе взглядам».

Взгляды эти не раз уже излагались с целью критики на страницах либерально-народнической печати, и это изложе-

ние до безобразия затемнило их, – даже более того: исказило, припутав не имеющие никакого отношения к ним гегельянство, «веру в обязательность для каждой страны пройти через фазу капитализма» и много другого чисто уже нововременского вздора.

Особенно практическая сторона доктрины, применение ее к русским делам, подвергалась искажениям. Не желая понять, что исходным пунктом доктрины русского марксизма является совершенно иное представление о русской действительности, наши либералы и народники сличали доктрину со своим старым взглядом на эту действительность и получали выводы не только ни с чем несообразные, но еще вдобавок возводящие на марксистов самые дикие обвинения.

Не определив с точностью своего отношения к народничеству, – мне представляется, поэтому, невозможным приступать к разбору книги г. Струве. Кроме того, предварительное сличение народнической и марксистской точек зрения необходимо для разъяснения многих мест разбираемой книги, которая ограничивается объективной стороной доктрины и оставляет почти вовсе в стороне практические выводы.

Сличение это покажет нам, какие есть общие исходные пункты у народничества и марксизма и в чем их коренное отличие. При этом удобнее взять старое русское народничество, так как оно, во-первых, неизмеримо выше современного (представляемого органами вроде «Русского Богатства») в отношении последовательности и договоренности, а, во-вто-

рых, цельнее показывает лучшие стороны народничества, к которым в некоторых отношениях примыкает и марксизм.

Возьмем одну из таких professions de foi[138] старого русского народничества и будем следить шаг за шагом за автором.

Глава I. Подстрочный комментарий к народнической profession de foi

В CCXLII томе «Отечественных Записок»[139] помещена, без имени автора, статья: «Новые всходы на народной ниве», которая рельефно выдвигает прогрессивные стороны народничества в противовес русскому либерализму.

Автор начинает с того, что «теперь» протестовать против «людей, выделяющихся из народной среды и становящихся на высшую общественную ступень», считается «чуть не изменой».

«Еще недавно один литературный осел лягнул «Отечественные Записки» за *пессимизм к народу,* как он выразился по поводу небольшой рецензии о книжке Златовратского, в которой, кроме пессимизма к ростовщичеству и развращающему влиянию полтины вообще, ничего пессимистического не было; а когда, затем, Гл. Успенский написал комментарий к своим последним очеркам («Отеч. Записки», № 11, 1878 г.), то либеральное болото, совсем как в сказке, всколы-

---

[138] Исповеданий веры. – *Ред.*

[139] Год 1879-ый, № 2, «Современное обозрение», стр. 125–152.

халось… и, нежданно-негаданно, явилось такое множество защитников народа, что мы, поистине, удивились тому, что народ наш имеет столько друзей… Я не могу не сочувствовать… постановке вопроса о красавице-деревне и об отношении к ней литературных парней или, лучше сказать, не парней, а старых волокит из гг. дворян и лакеев, и молодого купечества… Петь деревне серенады и «строить ей глазки» вовсе еще не значит любить и уважать ее, точно так же, как и указывать ее недостатки вовсе еще не значит – относиться к ней враждебно. Если вы спросите того же самого Успенского,, к чему больше лежит его душа, в чем он видит больше залогов будущего – в деревне или в стародворянском и новомещанском наслоениях? то разве может быть какое-нибудь сомнение в том, что он скажет: «в деревне»».

Это место весьма характерно. Во-первых, оно показывает наглядно, в чем сущность народничества: в протесте против крепостничества (стародворянское наслоение) и буржуазности (новомещанское) в России *с точки зрения крестьянина, мелкого производителя.* Во-вторых, оно показывает в то же время и мечтательность этого протеста, его отворачивание от фактов.

Разве «деревня» существует где-нибудь *вне* «стародворянских» или «новомещанских» порядков? Разве не «деревню» именно строили и строят по-своему представители тех и других? Деревня – это и есть «наслоение» отчасти «стародворянское», отчасти «новомещанское». Как ни вертите дерев-

ню, – но если вы будете ограничиваться констатированием действительности (об этом только и идет речь), а не возможностями, вы не сумеете найти в ней ничего иного, никакого третьего «наслоения». И если народники *находят,* то только потому, что за деревьями не видят леса, за формой *землевладения* отдельных крестьянских общин не видят экономической организации всего русского общественного хозяйства. Эта организация, превращая крестьянина в товаропроизводителя, делает его мелким буржуа, – мелким обособленным хозяином на рынок; в силу этого она исключает возможность искать «залогов будущего» *позади* и заставляет искать их *впереди* – не в «деревне», в которой сочетание «стародворянского» и «новомещанского» наслоений страшно ухудшает положение труда и отнимает у него возможность борьбы против владык «новомещанских» порядков, так как самая противоположность их интересов интересам труда недостаточно развита, – а в вполне развитом, до самого конца «новомещанском» наслоении, вполне очистившемся от «стародворянских» прелестей, обобществившем труд, довершившем и выяснившем ту социальную противоположность, которая в деревне находится еще в зачаточном, придавленном состоянии.

Теперь следует наметить те теоретические различия, которые есть между доктринами, *приводящими* к народничеству и марксизму, между *пониманиями* русской действительности и истории.

Пойдем дальше за автором.

Он уверяет «гг. возмутившихся духом», что соотношение между народной бедностью и народной нравственностью Успенский понимает

> «лучше многих поклонников деревни, для которых… деревня есть… нечто вроде либерального паспорта, которым в эпохи, подобные переживаемой, запасаются обыкновенно все неглупые и практические буржуа».

Почему бы это, думаете вы, г. народник, происходит такая прискорбная и обидная для человека, желающего представлять интересы труда, вещь, как обращение в «либеральный паспорт» того, в чем он видит «залоги будущего»? Это будущее должно исключать буржуазию, – а то, через что хотите вы идти к этому будущему, не только не встречается враждебно «практическими и неглупыми буржуа», а напротив, охотно берется и берется за «паспорт».

Как вы думаете, мыслима ли была бы такая скандальная вещь, если бы «залоги будущего» стали указывать вы не там, где социальные противоположности, свойственные тому строю, в котором хозяйничают «практические и неглупые буржуа», находятся еще в неразвитом, зачаточном состоянии, а там, где они развиты до конца, до пес plus ultra[140], где нельзя, следовательно, ограничиваться паллиативами и по-

---

[140] До крайних пределов. – *Ред.*

лумерами, где нельзя утилизировать desiderata[141] трудящихся в свою пользу, где вопрос поставлен ребром.

Не говорите ли вы сами ниже такой вещи:

> «Не хотят понять пассивные друзья народа той простой вещи, что в обществе все действующие силы слагаются, обыкновенно, в две равнодействующие, взаимно-противоположные, и что пассивные силы, не принимающие, по-видимому, участия в борьбе, служат только той силе, которая в данную минуту имеет перевес» (с. 132).

Разве деревня не подпадает под эту характеристику, разве она – какой-нибудь особый мир, в котором нет этих «взаимно-противоположных сил» и борьбы, чтобы о ней можно было говорить огулом, не боясь сыграть на руку «имеющей перевес силе»? Разве, раз уже речь пошла о борьбе, основательно начинать с того, где содержание этой борьбы загромождено кучей посторонних обстоятельств, мешающих твердо и окончательно отделить друг от друга эти взаимно-противоположные силы, мешающих видеть ясно главного врага? Не очевидно ли, что та программа, которую выставляет автор в конце статьи, – образование, расширение крестьянского землевладения, уменьшение податей – не в состоянии затронуть ни на йоту того, кто имеет перевес, а последний пункт программы – «организация народной промышленности» – уже предполагает, ведь, что борьба не только была, но, сверх то-

---

[141] Пожелания, требования. – *Ред.*

го, что она уже кончилась победой? Ваша программа сторонится от того антагонизма, наличность которого вы сами не могли не признать. Поэтому она и не страшна хозяевам «новомещанского наслоения». Ваша программа – мелкобуржуазная мечта. Вот почему только и годна она на то, чтобы быть «либеральным паспортом».

> «Люди, для которых деревня есть отвлеченное понятие, а мужик – отвлеченный Нарцис, даже думают плохо, когда говорят, что деревню нужно только хвалить и утверждать, что она отлично противостоит всем разрушающим ее влияниям. Если деревня поставлена в такие условия, что каждый день должна биться из-за копейки, если ее обирают ростовщики, обманывают кулаки, притесняют помещики, если ее иногда секут в волостном правлении, то разве это может оставаться без влияния на ее нравственную сторону?.. Если рубль, эта капиталистическая луна, выплывает на первый план деревенского ландшафта, если на него обращаются все взоры, все помыслы и душевные силы, если он становится целью жизни и мерилом способностей личности, то разве можно скрывать этот факт и говорить, что мужик есть такой Косьма-бессребреник, которому вовсе не нужны деньги? Если в деревне заметны стремления к розни, расцветает пышным цветом кулачество и стремится к закабалению слабейшего крестьянства в батраки, к разрушению общины и т. д., то разве можно, спрашиваю я, скрывать все эти факты?! Мы можем

желать более обстоятельного и всестороннего их исследования, можем объяснять их себе гнетущими условиями бедности (с голоду люди воруют, убивают, а в крайних случаях даже едят друг друга), но скрывать их совсем невозможно. Скрывать их значит защищать statum quo[142], значит защищать пресловутое laissez faire, laissez aller[143], пока грустные явления не примут ужасающих размеров. Подрумянивать истину вообще всегда излишне».

Опять-таки, как хороша эта характеристика деревни и как мелки выводы из нее! как верно подмечены факты и как мизерно объяснение, понимание их! Снова видим мы тут гигантскую пропасть между desiderat'aМН насчет защиты труда и средствами их осуществления. Капитализм в деревне – это для автора не более как «грустное явление». Несмотря на то, что он видит такой же капитализм и в городе в крупных размерах, видит, как капитализм подчинил себе не только все области народного труда, но даже и «прогрессивную» литературу, преподносящую буржуазные меры от имени народа и во имя народа, – несмотря на это, он не хочет признать, что дело в особой организации нашего общественного хозяйства, и утешает себя мечтами, что это только грустное явление, вызванное «гнетущими условиями». А если-де не держаться теории невмешательства, тогда можно устранить

---

[142] Существующее положение. – *Ред.*

[143] Предоставьте событиям идти своим чередом. – *Ред.*

эти условия. Да, если *бы* да кабы! Но никогда еще не бывало на Руси политики невмешательства; всегда было вмешательство… в пользу буржуазии, и только сладкие грезы «послеобеденного спокойствия» могут породить надежду на изменение этого без «перераспределения социальной силы между классами», как говорит г. Струве.

> «Мы забываем, что обществу нашему нужны идеалы – политические, гражданские и иные – главным образом для того, чтобы, запасшись ими, можно было уже ни о чем не думать, что ищет оно их не с юношеской тревогой, а с послеобеденным спокойствием, что разочаровывается оно в них не с душевными муками, а с легкостью аркадского принца. Таково, по крайней мере, громадное большинство нашего общества. Ему, собственно говоря, и не нужно никаких идеалов, потому что оно сыто и вполне удовлетворяется утробными процессами».

Превосходная характеристика нашего либерально-народнического общества.

Спрашивается, кто же теперь последовательнее: «народники» ли, продолжающие возиться и нянчиться с этим «обществом», угощающие его изображением ужасов «грядущего» капитализма, «грозящего зла»[144], как выразился автор статьи, призывающие его представителей сойти с неправильного пути, на который «мы» уклонились и т. д., – или марк-

---

[144] Грозящего чему? утробным процессам? Капитализм не только не «грозит» им, а, напротив, обещает тончайшие и изысканнейшие яства.

систы, которые так «узки», что резко отграничивают себя от общества и считают необходимым обратиться исключительно к тем, кто не «удовлетворяется» и *не может удовлетвориться* «утробными процессами», для кого идеалы – нужны, для кого они являются вопросом повседневной жизни.

Это – отношение институтки, – продолжает автор. Это

> «свидетельствует о глубоком развращении мысли и чувства… никогда еще не было такого приличного, лакированного, такого невинного и вместе с тем глубокого разврата. Разврат этот есть целиком достояние нашей новейшей истории, достояние мещанской культуры [т. е. буржуазных, капиталистических порядков, точнее сказать. К. Т.], развившейся на почве барства, дворянского сентиментализма, невежества и лени. Мещанство принесло в жизнь свою науку, свой нравственный кодекс и свои софизмы».

Казалось бы, автор настолько верно оценил действительность, чтобы понять и единственно возможный выход. Ежели все дело в нашей буржуазной культуре, – значит, не может быть иных «залогов будущего», кроме как в «антиподе» этой буржуазии, потому что он один окончательно «дифференцирован» от этой «мещанской культуры», окончательно и бесповоротно враждебен ей и неспособен ни на какие компромиссы, из которых так удобно выкраивать «либеральные паспорта».

Но нет. Можно еще помечтать. «Культура» – действитель-

но одно «мещанство», один разврат. Но ведь это только результат старого барства (сам же сейчас признал, что она создана новейшей историей, той историей, которая именно и уничтожила старое барство) и лени – нечто, значит, случайное и не имеющее прочных корней и т. д., и т. д. Начинаются фразы, не имеющие никакого смысла, кроме отворачивания от фактов и сентиментального мечтания, закрывающего глаза на *наличность* «взаимно-противоположных сил». Слушайте:

> «Ему (мещанству) нужно водворить их (науку, нравственный кодекс) на кафедре, в литературе, в суде и в других пунктах жизни. [Выше мы видели, что оно *уже водворило их* в таком глубоком «пункте жизни», как деревня. К. Т.] Оно прежде всего не находит для этого достаточно годных людей и, по необходимости, обращается к людям других традиций. [Это русская-то буржуазия «не находит людей»?! Не стоит и опровергать этого, тем более, что автор сам себя ниже опровергнет. К. Т.] Люди эти не знают дела [русские капиталисты?! К. Т.], шаги их неопытны, движения неуклюжи [достаточно «знают дело», чтобы получать десятки и сотни процентов прибыли; достаточно «опытны», чтобы практиковать повсеместно track-system[88]; достаточно ловки, чтобы получать покровительственные пошлины. Только тому, кто *непосредственно и прямо* не чувствует на себе гнета этих людей, только мелкому буржуа и могла померещиться такая фантазия. К.

Т.]; они стараются подражать западноевропейской буржуазии, выписывают книжки, учатся [вот уже автор сам должен признать фантастичность сочиненного им сейчас мечтания: будто у нас «мещанская культура» развилась на почве *невежества.* Неправда. Именно *она* принесла пореформенной России ее культурность, «образованность». «Подрумянивать истину», изображать врага бессильным и беспочвенным «вообще всегда излишне». К. Т.]; порой их берет сожаление о прошлом, а порой раздумье о будущем, так как слышны откуда-то голоса, что мещанство есть только наглый временщик, что наука его не выдерживает критики, а нравственный кодекс и совсем никуда не годится».

Это русская-то буржуазия грешит «сожалением о прошлом», «раздумьем о будущем»?! Подите вы! И охота же людям самих себя морочить, клеветать так необъятно на бедную русскую буржуазию, будто она смущалась голосами о «негодности мещанства»! Не наоборот ли: не «смутились» ли эти «голоса», когда на них хорошенько прикрикнули, не они ли это проявляют «раздумье о будущем»?..

И подобные господа удивляются еще и прикидываются непонимающими, за что их называют романтиками!

«Между тем, надо спасаться. Мещанство не просит, а приказывает, под страхом погибели, идти на работу[145].

---

[145] Заметьте это, читатель. Когда народник говорит, что у нас в России «на работу приказывает идти *мещанство»,* – тогда это правда. А когда марксист

Не пойдешь – останешься без хлеба и будешь стоять среди улицы – выкрикивать: «отставному штабс-капитану!», а то и совсем околеешь с голоду. И вот начинается работа, слышится визг, скрип, лязганье, идет суматоха. Работа спешная, не терпящая отлагательств. Наконец, механизм пущен. Визга и острых звуков как будто бы меньше, части как будто бы обходятся, слышен только грохот чего-то неуклюжего. Но тем страшнее: доски гнутся все больше и больше, винты хлябают и, того и гляди, все разлетится вдребезги».

Это место потому особенно характерно, что в рельефной, лаконической, красивой форме содержит схему тех рассуждений, которые любят облачать в научную форму российские народники. Исходя из бесспорных, не подлежащих никакому сомнению фактов, доказывающих наличность противоречий при капиталистическом строе, наличность угнетения, вымирания, безработицы и т. д., они усиливаются доказать, что капитализм – крайне нехорошая вещь, «неуклюжая» [ср. В. В., *Каблукова* («Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве»), *отчасти* г. Николая—она], которая «того и гляди» разлетится вдребезги.

Глядим, вот уже много-много лет, как глядим, и видим, что эта сила, приказывающая русскому народу идти на ра-

---

скажет, что у нас господствует капиталистический способ производства, – тогда г. В. В. закричит, что он стремится к «замене демократического (sic!! (так!! – *Ред.*)) строя капиталистическим».

боту, все крепнет и растет, хвастает перед всей Европой мощью создаваемой *ею* России и радуется, конечно, тому, что «слышатся голоса» только о необходимости уповать на то, что «винты расхлябаются».

> «У людей слабых замирает сердце от страха. «Тем лучше», – говорят люди отчаянные. «Тем лучше», – говорит и буржуазия: – «скорее выпишем из-за границы новый механизм, скорее приготовим платформы, доски и другие грубые части из домашнего материала, скорее заведем искусных машинистов». Между тем, нравственная сторона общества во все это время находится в самом скверном состоянии. Некоторые входят во вкус новой деятельности и стараются через силу, некоторые отстают и разочаровываются в жизни».

Бедная русская буржуазия! «Через силу» старается присваивать сверхстоимость! и чувствует себя скверно с нравственной стороны! (Не забудьте, что страницей назад вся эта нравственность сводилась к утробным процессам и разврату.) Понятно, что тут уже нет никакой надобности в борьбе с ней – да еще какой-то классовой борьбе, – а просто пожурить хорошенько – и она перестанет себя насиловать.

> «О народе в это время почти никто не думает; между тем, делается, по правилам буржуазии, все для народа, за его счет; между тем, каждый общественный деятель и литература считают долгом распространяться об его благе… Это либерально-кокетливое направление подавило все остальные и сделалось преобладающим.

В наш *демократический век* не только г. Суворин публично признается в любви к народу и говорит: «одно я всегда любил и умру с этой любовью – народ, я сам вышел из народа» (что еще ровно ничего не доказывает); но даже «Московские Ведомости» как-то совсем иначе относятся к нему… и как-то, по-своему, конечно, заботятся об его благоустройстве. В настоящее время не осталось ни одного органа печати, подобного покойной «Вести», т. е. явно недружелюбного к народу. Но явно недружелюбное отношение было лучше, потому что тогда враг был на чистоту, как на ладони: видно было, с какой стороны он дурак, с какой плут. Теперь все – друзья и в то же время все – враги; все перемешалось в общем хаосе. Народ, как говорит Успенский, именно опутан каким-то туманом, сбивающим неопытного человека с толку и пути. Прежде он видел перед собою одну искреннюю беззаконность. Теперь же ему говорят, что он так же свободен, как и помещик, говорят, что он сам управляет своими делами, говорят, что его поднимают из ничтожества и ставят на ноги, тогда как во всех этих заботах тянется, перевивая их тонкою, но цепкою нитью, одна нескончаемая фальшь и лицемерие».

Что верно, то верно!

«Тогда далеко не все занимались устройством ссудосберегательных товариществ, поощряющих кулачество и оставляющих настоящих бедняков без кредита».

Сначала можно бы подумать, что автор, понимая буржуазность кредита, должен совершенно сторониться от всяких таких буржуазных мер. Но отличительная и основная черта мелкого буржуа – воевать против буржуазности средствами буржуазного же общества. Поэтому и автор, как и народники вообще, *исправляет* буржуазную деятельность, требуя более широкого кредита, кредита для настоящих бедняков!

> «…не толковали о необходимости интенсивного хозяйства, которому мешает передел полей и община (?); не распространялись о тяжести подушных податей, умалчивая о налогах косвенных и о том, что подоходный налог превращается обыкновенно на практике в налог на тех же бедняков; не говорили о необходимости земельного кредита для покупки крестьянами земель у помещиков по ненормально высоким ценам и т. д… То же самое и в обществе: там тоже такое множество друзей у народа, что только даешься диву… Вероятно, скоро о любви к народу станут говорить закладчики и целовальники».

Протест против буржуазности превосходен; но выводы мизерные: буржуазия царит и в жизни, и в обществе. Казалось бы, следует отвернуться от общества и идти к антиподу буржуазии.

Нет, следует пропагандировать кредит для «настоящих бедняков»!

> «Кто больше виноват в подобном смутном положении вещей – литература или общество, –

определить трудно, да и определять совершенно бесполезно. Говорят, что рыба разлагается с головы, но я не придаю этому чисто кулинарному наблюдению никакого значения».

Разлагается буржуазное общество – вот, значит, мысль автора. Стоит подчеркнуть, что именно таков исходный пункт марксистов.

> «А между тем, когда мы кокетничаем с деревней и делаем ей глазки, колесо истории вертится, действуют стихийные силы, или, говоря понятнее и проще, к жизни пристегиваются всевозможные пройдохи и перестраивают ее по-своему. Пока литература будет спорить о деревне, о прекраснодушии мужика и об отсутствии у него знаний, пока публицистика будет исписывать целые ведра чернил по вопросам об общине и формах землевладения, пока податная комиссия будет продолжать обсуждать податную реформу, – деревня окажется вконец обездоленной».

Вот что! «Пока мы говорим – колесо истории вертится, действуют стихийные силы»!

Какой бы шум вы подняли, друзья, когда бы это сказал я![89]

Когда марксисты говорят о «колесе истории и стихийных силах», поясняя притом с точностью, что эти «стихийные силы» есть силы развивающейся буржуазии, – гг. народники предпочитают замалчивать вопрос о том, верен ли и верно ли оценен факт роста этих «стихийных сил», и болтать непро-

ходимую белиберду о том, какие это «мистики и метафизики» люди, способные говорить о «колесе истории» и «стихийных силах».

Разница между выписанным признанием народника и обычным положением марксистов только та – и весьма существенная разница, – что, между тем как для народника эти «стихийные силы» сводятся к «пройдохам», которые «пристегиваются к жизни», для марксиста стихийные силы воплощаются в *классе* буржуазии, который является продуктом и выражением общественной «жизни», представляющей из себя капиталистическую общественную формацию, а не случайно или извне откуда-то «пристегиваются к жизни». Оставаясь на поверхности различных кредитов, податей, форм землевладения, переделов, улучшений и т. п., народник не может видеть у буржуазии глубоких корней в русских производственных отношениях и потому утешает себя детскими иллюзиями, что это не более как «пройдохи». И естественно, что с *такой* точки зрения, действительно, будет абсолютно непонятно, при чем тут классовая борьба, когда все дело только в устранении «пройдох». Естественно, что гг. народники на усиленные и многократные указания марксистов на эту борьбу отвечают ничего не понимающим молчанием человека, который не видит класса, а видит только «пройдох».

С классом может бороться только *другой класс,* и притом непременно такой, который вполне уже «дифференци-

рован» от своего врага, вполне противоположен ему, но с «пройдохами», разумеется, достаточно бороться одной полиции, в крайнем случае, – «обществу» и «государству».

Скоро мы увидим, однако, каковы эти «пройдохи» по характеристике самого народника, как глубоки их корни, как всеобъемлющи их общественные функции.

Далее, после вышевыписанных слов о «пассивных друзьях народа» автор непосредственно продолжает:

> «Это – нечто худшее, чем вооруженный нейтралитет в политике, худшее потому, что тут всегда оказывается активная помощь сильнейшему. Как бы пассивный друг ни был искренен в своих чувствах, какое бы скромное и тихое положение он ни старался принять на житейском поприще, он все равно будет вредить друзьям…»
>
> «…Для людей, более или менее цельных и искренне любящих народ[146], подобное положение вещей становится, наконец, невыносимо омерзительным. Им становится стыдно и противно слушать это сплошное и приторное изъяснение в любви, которое повторяется из года в год каждый день, повторяется и в канцеляриях, и в великосветских салонах, и в трактирах, за бутылкою клико, и никогда не переходит в дело. Вот поэтому-то,

---

[146] Как неопределенны тут отличительные признаки от «пассивных друзей»! Те, ведь, тоже бывают «цельными» людьми и, несомненно, «искренне» «любят народ». Из предыдущего противопоставления с очевидностью следует, что пассивному надо противопоставить того, кто участвует в борьбе «взаимно-противоположных» *общественных сил.* Hier liegt der Hund begraben (Вот где собака зарыта. – *Ред.*).

в конце концов, они и приходят к огульному отрицанию всей этой мешанины».

Эта характеристика отношения прежних русских народников к либералам почти целиком подошла бы к отношению марксистов к теперешним народникам. Марксистам тоже «невыносимо» уже слушать о помощи «народу» кредитами, покупками земель, техническими улучшениями, артелями, общественными запашками[147] и т. п. Они тоже требуют от людей, желающих стоять на стороне… не «народа», нет, – а того, кому буржуазия приказывает идти на работу, – «огульного отрицания» всей этой либерально-народнической мешанины. Они находят, что это «невыносимое» лицемерие – толковать о выборе путей для России, о бедствиях «грозящего» капитализма, о «нуждах народной промышленности», когда во всех областях этой народной промышленности царит капитал, идет глухая борьба интересов, и надо не замазывать, а раскрывать ее, – не мечтать: «лучше бы без борьбы»[148], *& развивать* ее в отношении прочности, преемственности, последовательности и, главное, идейности.

> «Вот поэтому-то, в конце концов, и являются известные гражданские заповеди, известные категорические требования порядочности, требования строгие и подчас даже узкие, за что их в особенности

---

[147] Г-н Южаков в № 7 «Р. Б—ва» за 1894 г.

[148] Выражение г-на Кривенко («Р. Б.», 1894, № 10) в ответ на слова г-на Струве о «суровой борьбе общественных классов».

недолюбливают ширококрылые либералы, любящие простор в потемках и забывающие их логическое происхождение».

Превосходное пожелание! Безусловно необходимы именно «строгие» и «узкие» требования.

Но беда в том, что все превосходные намерения народников оставались в области «невинных пожеланий». Несмотря на то, что они сознавали необходимость таких требований, несмотря на то, что они имели весьма достаточно времени для их осуществления, – они до сих пор не выработали их, они постоянно сливались с российским либеральным обществом целым рядом постепенных переходов, они продолжают сливаться с ним и до сих пор[149{142}].

---

[149] Некоторые наивные народники, в простоте своей не понимающие, что пишут против себя, даже хвалятся этим:«Наша интеллигенция вообще, литература в частности, – пишет г. В. В. *против г.* Струве, – даже представители наиболее буржуазных течений, носят на себе, так сказать, народнический характер» («Неделя», 1894 г., № 47, стр. 1506).Как в жизни мелкий производитель рядом незаметных переходов сливается с буржуазией, – так в литературе народнические невинные пожелания становятся «либеральным паспортом» для вместителей утробных процессов, пенкоснимателей{142} и т. д.

{142} *Пенкосниматели, пенкоснимательство* – ироническое выражение, которое неоднократно употреблял М. Е. Салтыков-Щедрин в своих произведениях для характеристики буржуазно-либеральной прессы и ее представителей. В V главе «Дневника провинциала в Петербурге» Салтыков-Щедрин, едко высмеивая либералов, писал: «За отсутствием настоящего дела и в видах безобидного препровождения времени учреждается учено-литературное общество под названием «Вольного Союза Пенкоснимателей»», «Обязанности» этого «Союза» Салтыков-Щедрин охарактеризовал следующими словами: «Не пропуская ни одного современного вопроса, обо всем рассуждать с таким расчетом, чтобы никогда

Поэтому – пускай уже они пеняют на себя, если теперь марксисты *против* них выдвигают требования действительно очень «строгие» и очень «узкие», – требования *исключительного* служения *исключительно* одному классу (именно тому, который «дифференцирован от жизни»), его самостоятельному развитию и мышлению, требования полного разрыва с «гражданской» «порядочностью» российских «порядочных» буржуев.

> «Как бы ни были, на самом деле, узки эти заповеди в частностях, во всяком случае ничего не скажешь против общего требования: «одно из двух: или будьте действительными друзьями, или же обратитесь в открытых врагов!»
>
> Мы переживаем в настоящее время чрезвычайно важный исторический процесс – процесс формирования третьего сословия. Перед нашими глазами совершается подбор представителей и происходит организация новой общественной силы, которая готовится управлять жизнью».

Только еще «готовится»? А кто же «управляет»? Какая другая «общественная сила»?

Уж не та ли, которая выражалась в органах à la[150] «Весть»[90]? – Невозможно. Мы не в 1894 г., а в 1879 г., накануне «диктатуры сердца»[91], – когда, по выражению автора статьи, «крайних консерваторов показывают на улице паль-

---

ничего из сего не выходило».

[150] Вроде. – *Ред.*

цем», над ними «хохочут во всю глотку».

Уж не «народ» ли, трудящиеся? – Отрицательный ответ дает вся статья автора.

И при этом говорить все еще: «готовится управлять»?! Нет, сила эта давным-давно «приготовилась», давным-давно «управляет»; «готовятся» же только одни народники – выбирать лучшие пути для России, да так, должно быть, и просбираются до тех пор, пока последовательное развитие классовых противоречий не оттеснит, не вытолкнет за борт всех, кто от них сторонится.

> «Процесс этот, начавшийся в Европе гораздо раньше нашего, во многих государствах пришел уже к концу[151]; в других он еще задерживается обломками феодализма и противодействием рабочих классов, но историческое колесо и здесь с каждым годом все больше и больше дробит эти обломки и укатывает жизнь для новых порядков».

Вот до какой степени не понимают наши народники западноевропейского рабочего движения! Оно «задерживает», видите ли, капитализм, – и его, как «обломок», ставят рядом с феодализмом!

Наглядное доказательство того, что не только для России,

---

[151] То есть что это значит: «пришел к концу»? То ли, что уже виден его конец, что уже собирается «новая сила»? – тогда он и у нас приходит к концу. Или то, что там уже более не нарождается 3-го сословия? – это неверно, потому что и там есть еще мелкие производители, выделяющие горстки буржуазии и массы пролетариата.

но и для Запада наши народники не в состоянии понять того, как можно бороться с капитализмом не «задерживанием» его развития, а ускорением его, не сзади, а спереди, не реакционно, а прогрессивно.

> «В общих чертах процесс этот состоит в следующем: между дворянством и народом образуется новый общественный слой из элементов, опускающихся сверху, и элементов, поднимающихся снизу, которые как бы имеют одинаковый удельный вес, если можно так выразиться; элементы эти тесно сплачиваются, соединяются, претерпевают глубокое внутреннее изменение и начинают изменять и верхний и нижний слои, приспособляя их к своим потребностям. Процесс этот чрезвычайно интересен сам по себе, а для нас он имеет особенно важное значение. Для нас тут представляется целый ряд вопросов: составляет ли господство третьего сословия роковую и неизбежную ступень цивилизации каждого народа?..»

Что за гиль?! Откуда и при чем тут «роковая неизбежность»? Не сам ли автор описывал и еще подробнее будет ниже описывать господство 3-го сословия у *нас,* на святой Руси, в 70-е годы?

Автор берет, очевидно, те теоретические доводы, за которые прятались представители нашей буржуазии.

Ну, как же это не мечтательная поверхностность – принимать такие выдумки за чистую монету? не понимать, что за этими «теоретическими» рассуждениями стоят *интересы,*

интересы того общества, которое сейчас так верно было оценено, интересы буржуазии?

Только романтик и может думать, что можно силлогизмами бороться с интересами.

> «…нельзя ли государству прямо с одной ступени перейти на другую, не делая при этом никаких саль-то-морталей, которые чудятся на каждом шагу чересчур предусмотрительным филистерам, и не слушая фаталистов, видящих в истории один роковой порядок, вследствие которого господство третьего сословия так же неизбежно для государства, как неизбежна для человека старость или юность?..»

Вот какое глубокое понимание у народников нашей действительности! Если государство содействует развитию капитализма, – то это вовсе не потому, что буржуазия владеет такой материальной силой, что «посылает на работу» народ и гнет в свою сторону политику. Вовсе нет. Дело просто в том, что профессора Вернадские, Чичерины, Менделеевы и пр. держатся неправильных теорий о «роковом» порядке, а государство их «слушает».

> «…нельзя ли, наконец, смягчить отрицательные стороны наступающего порядка, как-нибудь видоизменить его или сократить время его господства? Неужели, и в самом деле, государство есть нечто такое инертное, непроизвольное и бессильное, что не может влиять на свои судьбы и изменять их; неужели, и в самом деле, оно есть нечто вроде

волчка, пускаемого провидением, который двигается по определенному только пути, только известное время и совершает известное число оборотов, или вроде организма с весьма ограниченною волею; неужели, и в самом деле, им управляет нечто вроде гигантского чугунного колеса, которое давит всякого дерзновенного, осмеливающегося попытать ближайших путей к человеческому счастью?!»

Это чрезвычайно характерное место, с особенной наглядностью показывающее *реакционность, мелкобуржуазность* того представительства интересов непосредственных производителей, которое давалось и дается российскими народниками. Будучи враждебно настроены против капитализма, мелкие производители представляют из себя переходный класс, смыкающийся с буржуазией, и потому не в состоянии понять, что неприятный им крупный капитализм – не случайность, а прямой продукт всего современного экономического (и социального, и политического, и юридического) строя, складывающегося из борьбы взаимно-противоположных общественных сил. Только непонимание этого и в состоянии вести к такой абсолютной нелепости, как обращение к «государству», как будто бы политические порядки не коренились в экономических, не выражали их, не служили им.

Неужели государство есть нечто инертное? – вопрошает с отчаянием мелкий производитель, видя, что по отношению к *его* интересам оно, действительно, замечательно инертно.

Нет, – могли бы мы ответить ему, – государство ни в ка-

ком случае не есть нечто инертное, оно всегда действует и действует очень энергично, всегда активно и никогда пассивно, – и автор сам страничкой раньше характеризовал эту активную деятельность, ее буржуазный характер, ее естественные плоды. Плохо только то, что он не хочет видеть связи между таким ее характером и капиталистической организацией русского общественного хозяйства, и поэтому так поверхностен.

Неужели государство – волчок, неужели это – чугунное колесо? спрашивает Kleinbürger[152], видя, что «колесо» вертится вовсе не так, как он того желал бы.

О нет, – могли бы мы ответить ему, – это не волчок, не колесо, не закон фатума, не воля провидения: его двигают «живые личности» «сквозь строй препятствий»[153] (вроде, например, сопротивления непосредственных производителей, или представителей стародворянского наслоения), именно те «живые личности», которые принадлежат к имеющей перевес общественной силе. И поэтому, чтобы заставить колесо вертеться в другую сторону, надо против «живых личностей» (т. е. общественных элементов, принадлежащих не к идеологическим состояниям, а прямо выражающих насущ-

---

[152] Мелкий буржуа. – *Ред.*

[153] Г-н Н. Михайловский, у г. Струве, с. 8: «Живая личность со всеми своими помыслами и чувствами становится деятелем истории на свой собственный страх. Она, а не какая-нибудь мистическая сила, ставит цели в истории и движет к ним события сквозь строй препятствий, поставляемых ей стихийными силами природы и исторических условий».

ные экономические интересы) обратиться тоже к «живым личностям», против класса – обратиться тоже к классу. Для этого весьма недостаточно добрых и невинных пожеланий насчет «ближайших путей», – для этого нужно «перераспределение социальной силы между классами», для этого нужно стать идеологом не того непосредственного производителя, который стоит в стороне от борьбы, а того, который стоит в самой горячей борьбе, который уже окончательно «дифференцирован от жизни» буржуазного общества. Это *единственный,* а потому ближайший «путь к человеческому счастью», путь, на котором можно добиться не только смягчения отрицательных сторон положения вещей, не только сократить его существование ускорением его развития, но и совсем положить конец ему, заставив «колесо» (не государственных уже, а социальных сил) вертеться совсем в иную сторону.

> «…Нас занимает только процесс организации третьего сословия, даже только люди, выходящие из народной среды и становящиеся в его ряды. Люди эти очень важны: они исполняют чрезвычайно важные общественные функции, от них прямо зависит степень интенсивности буржуазного порядка. Без них не обходилась ни одна страна, где только этот порядок водворялся. Если их нет или недостаточно в стране, то их необходимо вызвать из народа, необходимо создать в народной жизни такие условия, которые способствовали бы их образованию и выделению,

необходимо, наконец, охранять их и помогать их росту, пока они не окрепнут. Здесь мы встречаемся с прямым вмешательством в исторические судьбы со стороны людей наиболее энергичных, которые пользуются обстоятельствами и минутой для своих интересов. Обстоятельства эти состоят, главным образом, в необходимости промышленного прогресса (в замене кустарного производства мануфактурным и мануфактурного фабричным, в замене одной системы полеводства другою, более рациональною), без чего государство, действительно, обойтись не может, при известной густоте населения и международных сношениях, и в разладе политическом и нравственном, что обусловливается как экономическими факторами, так и ростом идей. Эти-то настоятельные в государственной жизни изменения и связывают обыкновенно люди ловкие с собою и с известными порядками, которые, без всякого сомнения, могли бы быть заменены и всегда могут быть заменены другими, если другие люди будут умнее и энергичнее, чем они были до сих пор».

Итак, автор не может не признать, что буржуазия исполняет «важные общественные функции», – функции, которые обще можно выразить так: подчинение себе народного труда, руководство им и повышение его производительности. Автор не может не видеть того, что экономический «прогресс» действительно «связывается» с этими элементами, т. е. что наша буржуазия действительно несет с собой

экономический, точнее сказать, технический прогресс.

Но тут-то и начинается коренное различие между идеологом мелкого производителя и марксистом. Народник объясняет этот *факт* (связи между буржуазией и прогрессом) тем, что «ловкие люди» «пользуются обстоятельствами и минутой для своих интересов», – другими словами, считает это явление случайным и потому с наивной смелостью заключает: «без всякого сомнения, эти люди всегда (!) могут быть заменены другими», которые тоже дадут прогресс, но прогресс не буржуазный.

Марксист объясняет этот факт теми общественными отношениями людей по производству материальных ценностей, которые складываются в товарном хозяйстве, делают товаром труд, подчиняют его капиталу и поднимают его производительность. Он видит тут не случайность, а необходимый продукт капиталистического устройства нашего общественного хозяйства. Он видит поэтому выход не в россказнях о том, что «могут, без сомнения», сделать люди, заменяющие буржуа (сначала, ведь, надо еще «заменить», – а для этого одних слов или обращения к обществу и государству недостаточно), а в развитии классовых противоречий данного экономического порядка.

Всякий понимает, что эти два объяснения диаметрально противоположны, что из них вытекают две исключающие друг друга системы действия. Народник, считая буржуазию случайностью, не видит связей ее с государством и с довер-

чивостью «простодушного мужичка» обращается за помощью к тому, кто именно и охраняет ее интересы. Его деятельность сводится к той умеренной и аккуратной, казенно-либеральной деятельности, которая совершенно равносильна с филантропией, ибо «интересов» серьезно не трогает и нимало им не страшна. Марксист отворачивается от этой мешанины и говорит, что не может быть иных «залогов будущего», кроме «суровой борьбы экономических классов».

Понятно также, что если эти различия в системах действия непосредственно и неизбежно вытекают из различий *объяснения* факта господства нашей буржуазии, – то марксист, ведя *теоретический спор,* ограничивается доказательством необходимости и неизбежности (при данной организации общественного хозяйства) этой буржуазии (это и вышло с книгой г. Струве), и если народник, обходя вопрос об этих различных приемах объяснения, занимается разговорами о гегельянстве и о «жестокости к личности»[154], – то это наглядно показывает лишь его бессилие.

> «История третьего сословия в Западной Европе чрезвычайно длинная… Мы, конечно, всю эту историю не повторим, вопреки учению фаталистов; просвещенные представители нашего третьего сословия не станут, конечно, также употреблять всех тех средств для достижения своих целей, к каким прибегали прежде, и возьмут из них только наиболее подходящие

[154] Г-н Михайловский в № 10 «Р. Б.» за 1894 г.

и соответствующие условиям места и времени. Для обезземеления крестьянства и создания фабричного пролетариата они не станут, конечно, прибегать к грубой военной силе или не менее грубой прочистке поместий…»

«Не станут прибегать…»?!! Только у теоретиков слащавого оптимизма и можно встретить такое умышленное забывание *фактов* прошлого и настоящего, которые уже сказали свое «да», – и розовое упованье, что в будущем, конечно, будет «нет». Конечно, это ложь.

«…а обратятся к уничтожению общинного землевладения, созданию фермерства, немногочисленного класса зажиточных крестьян[155] и вообще к средствам, при которых экономически слабый погибает сам собою. Они не станут теперь создавать цехов, но будут устраивать кредитные, сырьевые, потребительные и производительные ассоциации, которые, суля общее счастье, будут только помогать сильному сделаться еще сильнее, а слабому еще слабее. Они не будут хлопотать о патримониальном суде, но будут хлопотать о законодательстве для поощрения трудолюбия, трезвости и образования, в которых будет подвизаться только молодая буржуазия, так как масса будет по-прежнему пьянствовать, будет невежественна

[155] Это превосходно осуществляется и без уничтожения общины, которая нисколько не устраняет раскола крестьянства, – как это установлено земской статистикой.

и будет трудиться за чужой счет».

Как хорошо характеризованы тут все эти кредитные, сырьевые и всякие другие ассоциации, все эти меры содействия трудолюбию, трезвости и образованию, к которым так трогательно относится наша теперешняя либерально-народническая печать, «Р. Б – во» в том числе. Марксисту остается только подчеркнуть сказанное, согласиться вполне, что действительно *все это – не более как представительство третьего сословия,* и, следовательно, люди, пекущиеся об этом, не более как *маленькие буржуа.*

Эта цитата – достаточный ответ современным народникам, которые из презрительного отношения марксистов к подобным мерам заключают, что они хотят быть «зрителями», что они хотят сидеть сложа руки. Да, конечно, в буржуазную деятельность они никогда не вложат своих рук, они всегда останутся по отношению к ней «зрителями».

> «Роль этого класса (выходцев из народа, мелкой буржуазии), образующего сторожевые пикеты, стрелковую цепь и авангард буржуазной армии, к сожалению, очень мало интересовала историков и экономистов, тогда как роль его, повторяем, чрезвычайно важна. Когда совершалось разрушение общины и обезземеление крестьянства, то совершалось это вовсе не одними лордами и рыцарями, а и своим же братом, т. е. опять-таки – выходцами из народа, выходцами, наделенными практической сметкой и гибкой спиной, пожалованными барской милостью,

выудившими в мутной воде или приобревшими грабежом некоторый капиталец, выходцами, которым протягивали руку высшие сословия и законодательство. Их называли наиболее трудолюбивыми, способными и трезвыми элементами народа…»

Это наблюдение с фактической стороны очень верно. Действительно, обезземеление производилось главным образом «своим же братом», мелким буржуа. Но понимание этого факта у народника неудовлетворительно. Он не отличает двух антагонистических классов, феодалов и буржуазии, представителей «стародворянских» и «новомещанских» порядков, не отличает различных систем хозяйственной организации, не видит прогрессивного значения второго класса по сравнению с первым. Это во-первых. Во-вторых, он приписывает рост буржуазии грабежу, сметке, лакейству и т. д., тогда как мелкое хозяйство на почве товарного производства превращает в мелкого буржуа самого трезвого, работящего хозяина: у него получаются «сбережения», и силою окружающих отношений эти «сбережения» превращаются в *капитал*. Прочитайте об этом в описаниях кустарных промыслов и крестьянского хозяйства, у наших беллетристов-народников.

«…Это даже не стрелковая цепь и авангард, а главная буржуазная армия, строевые нижние чины, соединенные в отряды, которыми распоряжаются штаб- и обер-офицеры, начальники отдельных частей

и генеральный штаб, состоящий из публицистов, ораторов и ученых[156]. Без этой армии буржуазия ничего не могла бы поделать. Разве английские лендлорды, которых не насчитывается 30 тысяч, могли бы управлять голодной массой в несколько десятков миллионов без фермеров?! Фермер, это – настоящий боевой солдат в смысле политическом и маленькая экспроприирующая ячейка в смысле экономическом… На фабриках роль фермеров исполняют мастера и подмастерья, получающие очень хорошее жалованье не за одну только более искусную работу, но и за то, чтобы наблюдать за рабочими, чтобы отходить последними от станка, чтобы не допускать со стороны рабочих требований о прибавке заработной платы или уменьшении часов труда и чтобы давать хозяевам возможность говорить, указывая на них: «смотрите, сколько мы платим тем, кто работает и приносит нам пользу»; лавочники, находящиеся в самых близких отношениях к хозяевам и заводской администрации; конторщики, всевозможных видов надсмотрщики и тому подобная мелкая тля, в жилах которой течет еще рабочая кровь, но в душе которой засел уже полновластно капитал. [Совершенно верно! К. Т.] Конечно, то же самое, что мы видим в Англии, можно видеть и во Франции, и в Германии, и в других странах. [Совершенно верно! И в России

---

[156] Следовало добавить: администраторов, бюрократии. Иначе указание состава «генерального штаба» грешит невозможной неполнотой, – невозможной по русским особенно условиям.

тоже. К. Т.] Изменяются в некоторых случаях только разве частности, да и те по большей части остаются неизменными. Французская буржуазия, восторжествовавшая в конце прошлого столетия над дворянством или, лучше сказать, воспользовавшаяся народной победой, выделила из народа мелкую буржуазию, которая помогла обобрать и сама обобрала народ и отдала его в руки авантюристов… В то время, как в литературе пелись гимны французскому народу, когда превозносилось его величие, великодушие и любовь к свободе, когда все эти воскуривания стояли над Францией туманом, буржуазный кот уплетал себе курчонка и уплел его почти всего, оставив народу одни косточки. Прославленное народное землевладение оказалось микроскопическим, измеряющимся метрами и часто даже не выдерживающим расходов по взиманию налогов…»

Остановимся на этом.

Во-первых, нам интересно бы спросить народника, кто у нас «воспользовался победой над крепостным правом», над «стародворянским наслоением»? Вероятно, не буржуазия. Что делалось у нас в «народе» в то время, когда «в литературе пелись гимны», которые приводил сейчас автор, о народе, о любви к народу, о великодушии, об общинных свойствах и качествах, о «социальном взаимоприспособлении и солидарной деятельности» внутри общины, о том, что Россия – вся артель, что община – это «все, что есть в мыслях и дей-

ствиях сельского люда», etc.[157], etc, etc, что поется и посейчас (хотя и в минорном тоне) на страницах либерально-народнической печати? Земли, конечно, не отбирались у крестьянства; буржуазный кот не уплетал курчонка, не уплел почти всего; «прославленное народное землевладение» не «оказалось микроскопическим», в нем не было превышения платежей над доходами?[158] – Нет, только «мистики и метафизики» способны утверждать это, считать это фактом, брать этот факт за исходную отправную точку своих суждений о наших делах, своей деятельности, направленной не на поиски «иных путей для отечества», а на работу на данном, совершенно уже определившемся, капиталистическом пути.

Во-вторых. Интересно сравнить *метод* автора с *методом* марксистов. На конкретных рассуждениях гораздо лучше можно уяснить их различие, чем посредством отвлеченных соображений. Почему это автор говорит о французской «буржуазии», что она восторжествовала в конце прошлого века над дворянством? почему деятельность, состоявшая преимущественно и почти исключительно из деятельности интеллигенции, именуется буржуазной? и потом, действовало ведь правительство, отбирая земли у крестьянства, налагая высокие платежи и т. д.? Наконец, ведь эти деятели говорили о любви к народу, о равенстве и всеобщем счастье, как

---

[157] Et cetera – и так далее. – *Ред.*

[158] И не только «часто», как во Франции, а в виде общего правила, причем превышение исчисляется не только десятками, а даже сотнями процентов.

говорили и говорят российские либералы и народники? можно ли при этих условиях видеть во всем этом одну «буржуазию»? не «узок» ли этот взгляд, сводящий политические и идейные движения к Plus-macherei[159]? – Смотрите, это – всё те же вопросы, которыми заваливают русских марксистов, когда они однородные вещи говорят про нашу крестьянскую реформу (видя ее отличие лишь в «частностях»), про пореформенную Россию вообще. Я говорю здесь, повторяю, не о фактической правильности нашего взгляда, а о *методе,* который в данном случае употребляет народник. Он берет *критерием* – результаты («оказалось», что народное землевладение микроскопично, кот «уплетал» и «уплел» курчонка) и притом исключительно экономические *результаты.*

Спрашивается, почему же применяет он этот *метод* только по отношению к Франции, не желая употреблять его и для России? Ведь метод должен быть везде один. Если во Франции за деятельностью *правительства* и *интеллигенции* вы ищете *интересов,* то почему вы *не ищете* их на святой Руси? если *там* критерий ваш ставит вопрос о том, каково *«оказалось»* народное землевладение, почему *здесь* критерий ставится о том, каково оно «может» оказаться? Если там фразы о народе и его великодушии при наличности «уплетания курчонка» внушают вам справедливое отвращение, – почему *здесь* не отворачиваетесь вы, как от буржуазных философов, от тех, кто при несомненной, вами же признаваемой налич-

---

[159] Погоне за прибылью, за наживой. – *Ред.*

ности «уплетания» способен говорить о «социальном взаимоприспособлении», о «народной общинности», о *«нуждах народной промышленности»* и тому подобные вещи?

Ответ один: потому, что вы – идеолог мелкой буржуазии, потому что ваши идеи, т. е. идеи народнические вообще, а не идеи Ивана, Петра, Сидора, – результат отражения интересов и точки зрения мелкого производителя, а вовсе не результат «чистой»[160] мысли.

> «Но для нас в особенности поучительна в этом отношении Германия, опоздавшая так же, как и мы, с буржуазной реформой и потому воспользовавшаяся опытом других народов не в положительном, а в отрицательном, конечно, смысле». Состав крестьянства в Германии – пересказывает автор Васильчико-ва – был неоднороден: крестьяне разделялись и по правам и по владению, по размерам наделов. Весь процесс привел к образованию «крестьянской аристократии», «сословия мелкопоместных землевладельцев недворянского происхождения», к превращению массы «из домохозяев в чернорабочих». «Наконец, довершила дело и отрезала всякие легальные пути к поправлению положения рабочих полуаристократическая, полумещанская конституция 1849 г., давшая право голоса только дворянству и имущему мещанству».

Оригинальное рассуждение. Конституция *«отрезала»* ле-

---

[160] Выражение г-на В. В. См. «Наши направления», а также «Неделю» за 1894 г., №№ 47–49.

гальные пути?! Это – еще отражение той доброй старой теории российских народников, по которой «интеллигенция» приглашалась пожертвовать «свободой», ибо таковая, дескать, служила бы лишь ей, а народ отдала бы в руки «имущего мещанства». Мы не станем спорить против этой нелепой и реакционной теории, потому что от нее отказались современные народники вообще и наши ближайшие противники, гг. публицисты «Русского Богатства» в частности. Но мы не можем не отметить, что, отказываясь от этой идеи, делая шаг вперед к открытому признанию *данных* путей России, вместо разглагольствования о возможности иных путей, – эти народники тем самым окончательно установили свою мелкобуржуазность, так как настаивание на мелких, мещанских реформах в связи с абсолютным непониманием классовой борьбы ставит их на сторону либералов против тех, кто становится на сторону «антипода», видя в нем единственного, так сказать, дестинатэра[161] тех благ, о которых идет речь.

> «И в Германии в это время было много людей, которые предавались только восторгам от эмансипации, предавались десять лет, двадцать лет, тридцать лет и более; люди, которые всякий скептицизм, всякое недовольство реформой считали на руку реакции и предавали их проклятию. Простодушные из них представляли себе народ в виде коня, выпущенного на волю, которого опять можно поставить в конюшню

[161] Созидателя. – *Ред.*

и начать на нем почтовую гоньбу (что вовсе не всегда возможно). Но были тут и плуты, льстившие народу, а под шумок ведшие другую линию, плуты, пристраивавшиеся к таким искренно любившим народ разиням, которых можно было проводить и эксплуатировать. Ах, эти искренние разини! Когда начинается гражданская борьба, то вовсе не всякий готов к ней и вовсе не всякий к ней способен».

Прекрасные слова, которые хорошо резюмируют лучшие традиции старого русского народничества и которыми мы можем воспользоваться для характеристики отношения русских марксистов к *современному* русскому народничеству. Для такого употребления – не приходится много изменять в них: настолько *однороден* процесс капиталистического развития обеих стран; настолько *однородны* общественно-политические идеи, отражавшие этот процесс.

У нас тоже царят и правят в «передовой» литературе люди, которые толкуют о «существенных отличиях нашей крестьянской реформы от западной», о «санкции народного (sic!) производства», о великом «наделении землей» (это выкуп-то!!) и т. п. и ждут поэтому от начальства ниспослания чуда, именуемого «обобществлением труда», ждут «десять лет, двадцать лет, тридцать лет и более», а кот – о котором мы сейчас говорили – уплетает курчонка, смотря с ласковостью сытого и спокойного зверя на «искренних разинь», толкующих о необходимости избрать другой путь для отечества, о вреде «грозящего» капитализма, о мерах помощи

народу кредитами, артелями, общественными запашками и тому подобным невинным штопаньем. «Ах, эти искренние разини!»

> «Вот этот-то процесс образования третьего сословия переживаем теперь и мы, и, главным образом, наше крестьянство. Россия отстала с этим делом от всей Европы, даже от своей институтской подруги или, вернее, пепиньерки – Германии. Главным рассадником и бродилом третьего сословия были везде в Европе города. У нас, наоборот», – несравненно меньше городских жителей… «Главная причина этой разницы заключается в нашем народном землевладении, удерживающем население в деревне. Увеличение городского населения в Европе тесно связано с обезземелением народа и фабричной промышленностью, которая, при капиталистических условиях производства, нуждается в дешевом труде и в избытке его предложения. В то время, как изгоняемое из деревень европейское крестьянство шло на заработки в города; наше крестьянство, докуда хватает сил, держится за землю. Народное землевладение есть главный стратегический пункт, главный ключ крестьянской позиции, значение которого отлично понимают вожаки мещанства и потому направляют на него все свое искусство и все свои силы. Отсюда-то и происходят все нападки на общину, отсюда-то и выходят в великом множестве разные проекты об отрешении земледельца от земли, во имя рациональной

агрономии, во имя процветания промышленности, во имя национального прогресса и славы!»

Тут уже наглядно сказывается поверхностность народнической теории, которая, из-за мечтаний об «иных путях», совершенно неправильно оценивает действительность: усматривает «главный пункт» – в таких не играющих коренной роли юридических институтах, как формы крестьянского *землевладения* (общинное или подворное); видит нечто особенное в нашем мелком крестьянском хозяйстве, как будто бы это не было обыкновенное хозяйство мелких производителей, совершенно однородное – по типу своей политико-экономической организации – с хозяйством западноевропейских ремесленников и крестьян, а какое-то «народное» (!?) землевладение. По установившейся в нашей либерально-народнической печати терминологии, слово «народный» означает такой, который исключает эксплуатацию трудящегося, – так что автор своей характеристикой прямо затушевывает несомненный факт наличности в нашем крестьянском хозяйстве того же присвоения сверхстоимости, того же труда за чужой счет, какой царит и вне «общины», и настежь отворяет двери сентиментальному и слащавому фарисейству.

«Настоящая наша община, малоземельная и обремененная податями, еще не бог весть какая гарантия. Земель у крестьянства было и без того не много, а теперь, вследствие возрастания населения и ухудшения плодородия, стало еще меньше; податная

тягость не уменьшается, а увеличивается; промыслов мало; местных заработков еще меньше; жизнь в деревне становится настолько тяжелою, что крестьянство целыми деревнями уходит далеко на заработки, оставляя дома только жен и детей. Таким образом пустеют целые уезды… Под влиянием этих-то тяжелых условий жизни, с одной стороны, из крестьянства и выделяется особый класс людей – молодая буржуазия, которая стремится покупать землю на стороне, в одиночку, стремится к другим занятиям – торговле, ростовщичеству, составлению рабочих артелей, с собою во главе, получению разных подрядов и тому подобным мелким аферам».

Стоит со всей подробностью остановиться на этом месте.

Мы видим тут, во-первых, констатирование известных фактов, которые можно выразить двумя словами: крестьяне бегут; во-вторых, оценку их (отрицательную) и, в-третьих, объяснение их, из которого вытекает непосредственно и целая программа, здесь не изложенная, но слишком хорошо известная (земли прибавить, подати уменьшить; промыслы «поднять» и «развить»).

Необходимо подчеркнуть, что с точки зрения марксиста вполне и безусловно справедливо (и только выражено, как сейчас увидим, крайне неудовлетворительно) и *первое* и *второе*. Но никуда уже ровно не годится *третье*[162].

---

[162] Вот почему теоретики марксизма, воюя с народничеством, напирают так на объяснение, понимание, на объективную сторону.

Поясню это. Справедливо первое. Справедлив факт, что община наша – не гарантия, что крестьянство бросает деревню, уходит с земли; надо было сказать: экспроприируется, – потому что оно владело (на правах частной собственности) известными средствами производства (из них землею на особом праве, дававшем, однако, тоже в частное эксплуатирование и землю, *выкупаемую* общинами) и теряет их. Справедливо, что кустарные промыслы «падают» – *т. е.* и тут крестьяне экспроприируются, теряют средства и орудия производства, бросают домашнее ткачество и идут в рабочие по постройке железных дорог, в каменщики, в чернорабочие и т. д. по найму. Те средства производства, от которых освобождаются крестьяне, идут в руки ничтожного меньшинства, служа источником эксплуатации рабочей силы, – *капиталом.* Поэтому прав автор, что владельцы этих средств производства становятся «буржуазией», т. е. классом, держащим в своих руках «народный» труд при капиталистической организации общественного хозяйства. Все эти факты констатированы правильно, оценены верно за их эксплуататорское значение.

Но уже из сделанного описания читатель увидел, конечно, что марксист совсем иначе *объясняет* эти факты. Народник видит причины этих явлений в том, что «мало земли», обременительны подати, падают «заработки» – т. е. в особенностях *политики* – поземельной, податной, промышленной, а не в особенностях *общественной организации производства,*

из которой уже неизбежно вытекает *данная* политика.

Земли мало – рассуждает народник – и становится все меньше. (Я беру даже не это непременно заявление автора статьи, а общее положение народнической доктрины.) – Совершенно справедливо, но почему же это вы говорите только, что земли *мало,* а не добавляете: *мало продают.* Ведь вы знаете, что наши крестьяне *выкупают* свои наделы у помещиков. Почему же вы обращаете главное внимание на то, что *мало,* а не на то, что *продают?*

Самый уже этот факт продажи, выкупа – указывает на господство таких принципов (приобретение средств производства за деньги), при которых трудящиеся все равно останутся без средств производства, мало ли, много ли их продавать станут. Замалчивая этот факт, вы замалчиваете тот капиталистический способ производства, на почве которого только и могла появиться такая продажа. Замалчивая его, вы тем самым становитесь уже на почву этого буржуазного общества и превращаетесь в простого политикана, рассуждающего о том, много или мало продавать земли. Вы не видите, что самый уже этот факт выкупа доказывает, что «в душе» тех, чьи интересы осуществили «великую» реформу, кто провел ее, «засел уже полновластно *капитал»,* что для всего этого либерально-народнического «общества», которое опирается на созданные реформой порядки, политиканствуя о различных улучшениях их, – только и света, что от «капиталистической луны». Поэтому-то народник и ополчается с такой

ненавистью на тех, кто последовательно стоит на принципиально иной почве. Он поднимает крик, что они не заботятся о народе, что они хотят обезземеливать крестьян!!

Он, народник, заботится о народе, он не хочет обезземелить крестьянство, он хочет, чтобы ему земли было больше (*продано*). Он – честный лавочник. Правда, он умалчивает о том, что земли не даром даются, а продаются, – но разве в лавках говорят о том, что за товары надо платить деньги? Это всякий и так знает.

Понятно, что он ненавидит марксистов, которые говорят, что надо обращаться исключительно к тем, кто уже «дифференцирован» от этого лавочнического общества, «отлучен» от него, – если позволительно употребить эти характернейшие мелкобуржуазные выражения господ Михайловских и Южаковых[163].

Пойдем дальше. «Промыслов мало» – вот точка зрения народника на кустарные промыслы. И опять-таки о том, какова организация этих промыслов, он умалчивает. Он благодушно закрывает глаза на то, что и те промыслы, которые «падают», и те, которые «развиваются», – одинаково организованы капиталистически, с полным порабощением труда капиталу скупщиков, купцов и т. д., и ограничивается мещанскими требованиями прогрессов, улучшений, артелей и

---

[163] Кроме замалчивания и непонимания капиталистического характера выкупа, гг. народники скромно обходят и тот факт, что «малоземелье» крестьян дополняется наличностью весьма хороших кусочков земли у представителей «стародворянского» наслоения.

т. п., как будто бы подобные меры могут хоть сколько-нибудь затронуть *факт* господства капитала. Как в области земледелия, так и в области промышленности обрабатывающей он становится на почву данной их организации и воюет не против самой этой организации, а против различных несовершенств ее. – Что касается податей, то тут уж народник сам опроверг себя, выставив рельефно основную характеристическую черту народничества – способность на компромиссы. Выше он сам утверждал, что всякий налог (даже подоходный) ляжет на рабочие руки при наличности системы присвоения сверхстоимости, – но тем не менее он вовсе не отказывается потолковать с либеральным обществом о том, велики ли подати или малы, и преподать с «гражданской порядочностью» надлежащие советы департаменту податей и сборов.

Одним словом, причина, по мнению марксиста, не в политике, не в государстве и не в «обществе», – а в данной системе экономической организации России; дело не в том, что «ловкие люди» или «пройдохи» ловят рыбу в мутной воде, а в том, что «народ» представляет из себя два, друг другу противоположные, друг друга исключающие, класса: «в обществе все действующие силы слагаются в две равнодействующие, взаимно-противоположные».

> «Люди, заинтересованные в водворении буржуазного порядка, видя крушение своих проектов[164], не

---

[164] Итак, крушение проекта об уничтожении общины – означает победу над

останавливаются на этом: они ежечасно твердят крестьянству, что виновата во всем община и круговая порука, переделы полей и мирские порядки, потворствующие лентяям и пьяницам; они устраивают для достаточных крестьян ссудосберегательные товарищества и хлопочут о мелком земельном кредите для участкового землевладения; они устраивают в городах технические, ремесленные и разного рода другие училища, в которые опять-таки попадают только дети достаточных людей, тогда как масса остается без школ; они помогают богатым крестьянам улучшать скот выставками, премиями, племенными производителями, отпускаемыми из депо за плату, и т. д. Все эти мелкие усилия складываются в одну значительную силу, которая действует на деревенский мир разлагающим образом и все больше и больше раскалывает крестьянство надвое».

интересами «водворения буржуазного порядка»!Сочинивши себе мещанскую утопию из «общины», народник доходит до такого мечтательного игнорирования действительности, что в проекте против общины видит целое водворение буржуазного порядка, тогда как это – простое политиканство на почве вполне уже «водворенного» буржуазного строя.Самым решительным доводом против марксиста является для него вопрос, который и задается с видом окончательного торжества: нет, вы скажите, вы хотите уничтожить общину или нет? да или нет? – Дли него тут весь вопрос, все «водворение». Он абсолютно не хочет понять, что с точки зрения марксиста «водворение» – давний уже и бесповоротный факт, которого ни уничтожение общины, ни укрепление ее не затронет, – как и теперь господство капитала одинаково и в общинной, и в подворной деревне.Более глубокий протест против «водворения» народник старается выставить апологией водворения. Утопающий за соломинку хватается.

Характеристика «мелких усилий» хороша. Мысль автора, что все эти мелкие усилия (на которых так усердно стоит теперь «Русское Богатство» и вся наша либерально-народническая пресса) означают, выражают и проводят «новомещанское» наслоение, капиталистические порядки, – совершенно справедлива.

Это обстоятельство именно и является причиной отрицательного отношения марксистов к подобным усилиям. А тот факт, что эти «усилия» несомненно представляют собой ближайшие desiderata мелких производителей, – доказывает, по их мнению, правильность основного их положения: что нельзя видеть представителя идеи труда в крестьянине, так как он, являясь при капиталистической организации хозяйства мелким буржуа, в силу этого становится на почву данных порядков, в силу этого примыкает некоторыми сторонами своей жизни (и своих идей) к буржуазии.

Этим местом небесполезно также воспользоваться, чтобы подчеркнуть следующее. Отрицательное отношение марксистов к «мелким усилиям» – особенно вызывает нарекания господ народников. Напоминая им об их предках, мы тем самым показываем, что было время, когда народники иначе смотрели на это, когда они не так охотно и усердно шли на компромиссы [хотя и тогда все-таки шли, как доказывает эта же статья], когда они – не скажу: понимали, – но по крайней мере чувствовали буржуазность всех таких усилий, когда отрицание их осуждалось как «пессимизм к народу»

только самыми наивными из либералов.

Приятное общение господ народников с этими последними, в качестве представителей «общества», принесло, видимо, полезные плоды.

Неспособность удовлетворяться «мелкими усилиями» буржуазного прогресса вовсе не означает абсолютного отрицания частных реформ. Марксисты вовсе не отрицают некоторой (хотя и мизерной) пользы этих мероприятий: они могут принести трудящемуся некоторое (хотя и мизерное) улучшение его положения; они ускорят вымирание особенно отсталых форм капитала, ростовщичества, кабалы и т. п., ускорят превращение их в более современные и человечные формы европейского капитализма. Поэтому марксисты, если бы их спросили, следует ли принимать такие меры, ответили бы, конечно: следует, но при этом пояснили бы свое отношение вообще к тому капиталистическому строю, который этими мерами улучшается, – при этом мотивировали бы свое согласие желанием ускорить развитие этого строя и, следовательно, финал его[165].

> «Если мы обратим внимание, что у нас крестьянство разделено, как в Германки, по правам и владению, на различные категории (государственные крестьяне, удельные, бывшие помещичьи, и из них получившие

---

[165] Это относится не только к «техническим и другим училищам», к улучшениям техники крестьян и кустарей, но и к «расширению крестьянского землевладения», к «кредиту» и т. п.

полные наделы, средние и четвертные, дворовые); что общинный быт не представляется у нас общим бытом; что в юго-западном крае, встречаясь с личным землевладением, мы встречаемся опять с крестьянами тяглыми, пешими[166], огородными, батрачными и чиншевиками, из которых одни имеют по 100 десятин и более, а другие не имеют и вершка земли; что в балтийских губерниях аграрный строй представляется совершенным сколком с германского аграрного строя и т. д., – то увидим, что и у нас есть почва для буржуазии».

Нельзя не отметить тут того мечтательного преувеличения значения общины, которым всегда грешили народники. Автор выражается так, как будто бы «общинный быт» исключал буржуазию, исключал раздробление крестьян! Да ведь это же прямая неправда!

Всякий знает, что и общинные крестьяне тоже раздроблены по правам и наделам; что во всякой наиобщинной деревне крестьяне опять-таки раздроблены и «но правам» (безземельные, надельные, бывшие дворовые, выкупившие наделы особыми взносами, приписные etc, etc), и «по владению»: крестьяне, которые сдали наделы, у которых их отобрали за недоимки, за то, что они не обрабатывают и запускают, – и которые снимают чужие наделы; крестьяне, имеющие «вечную» землю или «покупающие на года» по нескольку десятин; наконец, крестьяне бездомовые, без всякого скота, без-

---

[166] См. настоящий том, стр. 36–37. – *Ред.*

лошадные и многолошадные. Всякий знает, что в каждой наиобщинной деревне на этой почве хозяйственной раздробленности и товарного хозяйства растут пышные цветы ростовщического капитала, кабалы во всех ее формах. А народники все еще рассказывают свои приторные сказки о каком-то «общинном быте»!

> «И молодая буржуазия у нас, действительно, растет не по дням, а по часам, растет не по одним только еврейским окраинам, но и внутри России. Выразить цифрами ее численность пока очень трудно, но, смотря на возрастающее число землевладельцев, на увеличивающееся число торговых свидетельств, на увеличивающееся число жалоб из деревень на мироедство и кулачество и т. п. признаки[167], можно думать, что численность ее уже значительна».

Совершенно верно! Именно этот факт, верный для 1879 г. и бесспорный, в неизмеримо большем развитии, для 1895 г., и служит одним из устоев марксистского понимания русской действительности.

Отношение к этому факту у нас одинаково отрицательное; мы оба согласны в том, что он выражает явления, противоположные интересам непосредственных производителей, – но мы совершенно различно *понимаем* эти факты. Теорети-

---

[167] К которым следует добавить – покупки с помощью крестьянского банка, «прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве» – улучшения техники и культуры, введение улучшенных орудий, травосеяние и т. п., развитие мелкого кредита и организацию сбыта для кустарей и т. д.

ческую сторону этого различия я уже охарактеризовал выше, а теперь обращусь к практической.

Буржуазия – особенно деревенская – еще слаба у нас; она только еще зарождается, говорит народник. Поэтому с ней и можно еще бороться. Буржуазное направление очень еще несильно – поэтому можно еще повернуть назад. Время не ушло.

Только метафизик-социолог (превращающийся на практике в трусливого реакционного романтика) в состоянии рассуждать таким образом. Я уже не буду говорить о том, что «слабость» буржуазии деревенской объясняется отливом сильных ее элементов, ее вершин, в города, – что в деревнях это только – «солдаты», а в городах уже сидит «генеральный штаб», – я не буду говорить о всех этих, донельзя очевидных извращениях факта народниками. Есть еще ошибка в этом рассуждении, которая и делает его метафизическим.

Мы имеем перед собой известное общественное отношение, отношение между деревенским мелким буржуа (богатым крестьянином, торгашом, кулаком, мироедом и т. п.) и «трудовым» крестьянином, трудовым «за чужой счет», разумеется.

Отношение это существует – народник не сможет отрицать его всеобщей распространенности. Но оно слабо – говорит он – и потому его можно *еще* исправить.

Историю делают «живые личности», скажем мы этому народнику, угощая его его же добром. Исправление, изменение

общественных отношений, разумеется, возможно, но возможно лишь тогда, когда исходит *от самих членов этих исправляемых или изменяемых общественных отношений.* Это ясно, как ясен ясный божий день. Спрашивается, может ли «трудовой» крестьянин изменить это отношение? В чем оно состоит? – В том, что два мелкие производителя хозяйничают при системе товарного производства, что это товарное хозяйство раскалывает их «надвое», что оно дает одному *капитал,* другого заставляет работать «за чужой счет».

Каким же образом наш трудовой крестьянин изменит это отношение, когда он сам одной ногой стоит на той именно почве, которую и нужно изменять? как может он понять негодность обособленности и товарного хозяйства, когда он сам обособлен и хозяйничает на свой риск и страх, хозяйничает на рынок? когда эти условия жизни порождают в нем «помыслы и чувства», свойственные тому, кто поодиночке работает на рынок? когда он раздроблен самыми материальными условиями, величиной и характером своего хозяйства, и в силу этого его противоположность капиталу настолько еще не развита, что он не может понять, что это именно – *капитал,* а не только «пройдохи» да ловкие люди?

Не очевидно ли, что следует обратиться туда, где *это же* (nota bene[168]) общественное отношение развито *до конца,* где члены этого общественного отношения, являющиеся непосредственными производителями, сами уже оконча-

---

[168] Заметьте. – *Ред.*

тельно «дифференцированы» и «отлучены» от буржуазных порядков, где противоположность уже развита так, что ясна сама собой, где невозможна уже никакая мечтательная, половинчатая постановка вопроса? И когда непосредственные производители, стоящие в этих передовых условиях, будут «дифференцированы от жизни» буржуазного общества не только *в факте,* но и β *своем сознании,* – тогда и трудовое крестьянство, поставленное в отсталые, худшие условия, увидит, «как это делается», и примкнет к своим товарищам по работе «за чужой счет».

> «Когда у нас говорят о фактах покупки крестьянами земель и объясняют, что крестьянство покупает землю и в личную собственность и миром, то никогда почти не добавляют к этому, что мирские покупки составляют только редкое и ничтожное исключение из общего правила личных покупок».

Приведя далее данные о том, что число частных землевладельцев, достигавшее 103158 в 1861 г., оказалось 313529, по данным 60-х годов, и сказав, что это объясняется тем, что второй раз сосчитаны мелкие собственники из крестьян, которые не считались при крепостном праве, автор продолжает:

> «это и есть наша молодая сельская буржуазия, непосредственно примыкающая и соединяющаяся с мелкопоместным дворянством».

Правда, – скажем мы на это, – совершенная правда, – осо-

бенно насчет того, что она «примыкает» и «соединяется»! И поэтому к идеологам мелкой буржуазии относим мы тех, кто придает серьезное значение (в смысле интересов непосредственных производителей) «расширению крестьянского землевладения», т. е. и автора, говорящего это на стр. 152-ой.

Поэтому-то и считаем мы не более как политиканами людей, разбирающих вопрос о личных и мирских покупках так, как будто бы от него зависело хоть на йоту «водворение» буржуазных порядков. Мы и тот и другой случай относим к буржуазности, ибо покупка есть покупка, деньги суть деньги в обоих случаях, т. е. такой товар, который попадает лишь в руки мелкого буржуа[169], все равно, объединенного ли миром «для социального взаимоприспособления и солидарной деятельности» или разъединенного участковым землевладением.

> «Впрочем, она (молодая сельская буржуазия) тут далеко еще не вся. «Мироед» – слово, конечно, не новое на Руси, но оно никогда не имело такого значения, какое получило теперь, никогда не оказывало такого давления на односельцев, какое оказывает теперь. Мироед был лицом каким-то патриархальным, сравнительно с настоящим, лицом, всегда подчинявшимся миру, а иногда просто лентяем, особенно и не гнавшимся

---

[169] Речь идет, разумеется, не о таких деньгах, которые служат только для приобретения необходимых предметов потребления, а о *свободных* деньгах, которые могут быть сбережены для покупки средств производства.

за наживой. – В настоящее время слово мироед имеет другое значение, а в большинстве губерний оно сделалось уже только родовым понятием, сравнительно мало употребляется и заменяется словами: кулак, коштан, купец, кабатчик, кошатник, подрядчик, закладчик и т. д. Это раздробление одного слова на несколько слов, слов, отчасти тоже не новых, а отчасти совершенно новых или доселе не встречавшихся в крестьянском обиходе, показывает прежде всего на то, что в эксплуатации народа произошло разделение труда, а затем на широкое разрастание хищничества и на специализацию его. Почти в каждом селе и в каждой деревне есть один или несколько таких эксплуататоров».

Бесспорно, что этот факт разрастания хищничества подмечен верно. Напрасно только автор, как и все народники, несмотря на все эти факты, не хочет понять, что это систематическое, всеобщее, правильное (даже с разделением труда) кулачество есть проявление капитализма в земледелии, есть господство капитала в его первичных формах, который, с одной стороны, постоянно высачивает тот городской, банковский, вообще европейский капитализм, который народники считают чем-то наносным, а с другой стороны, – поддерживается и питается этим капитализмом, одним словом, что это – одна из сторон капиталистической организации русского народного хозяйства.

Кроме того, характеристика «эволюции» мироеда даст

нам возможность еще уличить народника.

В реформе 1861 г. народник видит санкцию народного производства, усматривает в ней существенные отличия от западной.

Те мероприятия, которых он теперь жаждет, равным образом сводятся к подобной же «санкции» – общины и т. п., к подобным же «обеспечениям наделом» и средствами производства вообще.

Отчего же это, г. народник, реформа, «санкционировавшая народное (а не капиталистическое) производство», привела только к тому, что из «патриархального лентяя» получился сравнительно энергичный, бойкий, подернутый цивилизацией хищник? только к перемене *формы* хищничества, как и соответствующие великие реформы на Западе?

Отчего думаете вы, что следующие шаги «санкции» (вполне возможные в виде расширения крестьянского землевладения, переселений, регулирований аренды и прочих несомненных прогрессов, но только прогрессов буржуазных), – почему думаете вы, что они поведут к чему-нибудь иному, кроме дальнейшего видоизменения *формы,* дальнейшей европеизации *капитала,* перерождению его из торгового в производительный, из средневекового – в новейший?

Иначе *не может быть* – по той простой причине, что подобные меры нисколько не задевают *капитала,* т. е. того отношения между людьми, при котором в руках одних скоплены деньги – продукт *общественного* труда, организованного

товарным хозяйством, – а у других нет ничего кроме свободных «рук»[170], свободных именно от того продукта, который сосредоточен у предыдущего разряда.

> «…Из них (из этих кулаков и т. д.) не имеющая капитала мелюзга примыкает обыкновенно к крупным торговцам, снабжающим их кредитом или поручающим им покупку за свой счет; более состоятельные ведут дело самостоятельно, сами сносятся с большими торговыми и портовыми городами, отправляют туда от своего имени вагоны и сами отправляются за товарами, потребными на месте. Садитесь вы на любую железную дорогу и вы непременно встретите в III классе (редко во II) десятки этого люда, отправляющегося куда-нибудь по своим делам. Вы узнаете этих людей и по особому костюму, и по крайней бесцеремонности обращения, и по резкому гоготанью над какой-нибудь барыней, которая просит не курить, или над мужичком [так и стоит: «мужичком». К. Т.], отправляющимся куда-нибудь на заработки, который оказывается «необразованным», потому что ничего не понимает в коммерции и ходит в лаптях. Вы узнаете этих людей и по разговору. Разговаривают они обыкновенно: о «курпеях», о «постных маслах», о коже, о «снетке», о просах и т. п. Вы услышите при

---

[170] *«Масса* будет *по-прежнему…* трудиться *за чужой счет»* (разбираемая статья, стр. 135): если бы она не была «свободна» (de facto, – de jure же (фактически, – юридически же. – *Ред.*), может быть, и «обеспечена наделом») – этого не могло бы, разумеется, быть.

этом и цинические рассказы об употребляемых ими мошенничествах и фальсификациях товаров: о том, как солонину, давшую «сильный дух, сбыли на фабрику», о том, что «подкрасить чай всякий сумеет, ежели раз ему показать», что «в сахар можно вогнать водою три фунта лишнего веса на голову, так что покупатель ничего не заметит» и т. д. Рассказывается все это с такой откровенностью и бесцеремонностью, что вы ясно видите, что люди эти не воруют в буфетах ложек и не отвертывают в вокзалах газовых рожков только потому, что боятся попасть в тюрьму. Нравственная сторона этих людей ниже самых элементарных требований, вся она основана на рубле и исчерпывается афоризмами: купец – ловец; на то и щука в море, чтобы карась не дремал; не плошай; присматривайся к тому, что плохо лежит; пользуйся минутой, когда никто не смотрит; не жалей слабого; кланяйся и пресмыкайся, когда нужно». И дальше приводится из газетной корреспонденции пример, как один кабатчик и ростовщик, Волков, поджег свой дом, застрахованный в большую сумму. Этого субъекта «учитель и местный священник считают самым уважаемым своим знакомым», один «учитель пишет ему за вино все кляузные бумаги». «Волостной писарь обещает ему опутать мордву». «Один земский агент и в то же время член земской управы страхует ему старый дом в 1000 р.» и т. д. «Волков – явление вовсе не единичное, а тип. Нет местности, где бы не было своих Волковых, где бы не рассказывали вам не только о подобном же обирании и закабалении крестьян, по и

о случаях подобных же поджогов…»

«…Но как же относится, однако, к подобным людям крестьянство? Если они глупы, грубо-бессердечны и мелочны, как Волков, то крестьянство не любит их и боится, боится потому, что они могут сделать ему всякую мерзость, тогда как оно им ничего сделать не может; у них дома застрахованы, у них борзые кони, крепкие запоры, злые собаки и связи с местными властями. Но если эти люди поумнее и похитрее Волкова, если они обирание и закабаление крестьянства облекают в благовидную форму, если, утаивая рубль, они в то же время во всеуслышание скидывают грош, не жалеют лишнего полштофа водки или какой-нибудь меры пшена на погорелую деревню, то они пользуются со стороны крестьян почетом, авторитетом и уважением, как кормильцы, как благодетели бедняков, без которых те, пожалуй, пропали бы. Крестьянство смотрит на них, как на людей умных, и отдает им даже детей в науку, считая за честь, что мальчик сидит в лавке, и будучи уверено, что из него выйдет человек».

Я нарочно выписал поподробнее рассуждения автора, чтобы привести характеристику нашей молодой буржуазии, сделанную *противником* положения о буржуазной организации русского общественного хозяйства. Разбор ее может много уяснить в теории русского марксизма, в характере ходячих нападок на него со стороны *современного* народничества.

По началу этой характеристики видно, что автор понимает, как будто, глубокие корни этой буржуазии, понимает связь ее с крупной буржуазией, к которой «примыкает» мелкая, связь ее с крестьянством, которое отдает ей «детей в науку», – но по примерам автора видно, что он далеко не достаточно оценивает силу и прочность этого явления.

Его примеры говорят об уголовных преступлениях, мошенничествах, поджогах и т. д. Получается впечатление, что «обирание и закабаление» крестьянства – какая-то случайность, результат (как выше выразился автор) тяжелых условий жизни, «грубости нравственных идей», стеснений «доступа литературы к народу» (с. 152) и т. п. – одним словом, что все это не вытекает вовсе с неизбежностью из современной организации нашего общественного хозяйства.

Марксист держится именно этого последнего мнения; он утверждает, что это вовсе не случайность, а необходимость, необходимость, обусловленная капиталистическим способом производства, господствующим в России. Раз крестьянин становится товарным производителем (а таковыми стали уже все крестьяне), – то «нравственность» его неизбежно уже будет «основана на рубле», и винить его за это не приходится, так как самые условия жизни заставляют ловить этот рубль всяческими торговыми ухищрениями[171{143}]. При этих

---

[171] Ср. *Успенского*{143}.

{143} См., например, рассказы и очерки Г. И. Успенского: «Из деревенского дневника», «Книжка чеков», «Письма с дороги», «Непорванные связи», «Живые

условиях без всякой уголовщины, без всякого лакейства, без всяких фальсификаций, – из «крестьянства» выделяются богатые и бедные. Старое равенство не может устоять перед рыночными колебаниями. Это – не рассуждение; это – факт. И факт – то, что «богатство» немногих становится при этих условиях *капиталом,* а «бедность» массы заставляет ее продавать свои руки, работать за чужой счет. Таким образом, с точки зрения марксиста, капитализм засел уже прочно, сложился и определился вполне не только в фабрично-заводской промышленности, айв деревне и вообще везде на Руси.

Можете себе представить теперь, какое остроумие проявляют гг. народники, когда в ответ на аргументацию марксиста, что причина этих «печальных явлений» в деревнях – не политика, не малоземелье, не платежи, не худые «личности», а капитализм, что все это *необходимо* и неизбежно при существовании капиталистического способа производства, при господстве класса буржуазии, – когда в ответ на это народник начинает кричать, что марксисты хотят обезземелить крестьянство, что они «предпочитают» пролетария «самостоятельному» крестьянину, что они проявляют, – как говорят провинциальные барышни и г. Михайловский в ответе г. Струве, – «презрение и жестокость» к «личности»!

На этой картинке деревни, которая интересна тем, что приведена противником, мы можем видеть наглядно вздорность ходячих возражений против марксистов, выдуман-

---

цифры».

ность их – в обход фактов, в забвение прежних своих заявлений – все ради того, чтобы спасти, coûte que coûte[172], те теории мечтаний и компромиссов, которые, к счастью, не спасет уже теперь никакая сила.

Толкуя о капитализме в России, марксисты перенимают готовые схемы, повторяют как догмы положения, являющиеся слепком с других совсем условий. Ничтожное по развитию и значению капиталистическое производство России (на наших фабриках и заводах занято всего 1400 тыс. человек) они распространяют на массу крестьянства, которое еще владеет землей. Таково одно из любимых в либерально-народническом лагере возражений.

И вот на этой же картинке деревни видим мы, что народник, описывая порядки «общинных» и «самостоятельных» крестьян, не может обойтись без той же, заимствованной из абстрактных схем и чужих догм, категории буржуазии, не может не констатировать, что она – деревенский тип, а не единичный случай, что она связана с крупной буржуазией в городах крепчайшими нитями, что она связана и с крестьянством, которое «отдает ей детей в науку», из которого, другими словами, и выходит эта молодая буржуазия. Мы видим, стало быть, что растет эта молодая буржуазия изнутри нашей «общины», а не извне ее, что порождается она самими общественными отношениями в среде ставшего товаропроизводителем крестьянства; мы видим, что не только «1400 тыс.

---

[172] Во что бы то ни стало. – *Ред.*

человек», а и вся масса сельского русского люда работает на *капитал,* находится в его «заведовании». – Кто же делает правильнее выводы из этих фактов, констатируемых не каким-нибудь «мистиком и метафизиком» марксистом, верующим в «триады», а самобытным народником, умеющим ценить особенности русского быта? Народник ли, когда он толкует о выборе лучшего пути, как будто бы капитал не сделал уже своего выбора, – когда он толкует о повороте к другому строю, ожидаемом от «общества» и «государства», т. е. от таких элементов, которые только на почве этого выбора и *для него* выросли? или марксист, говорящий, что мечтать об иных путях значит быть наивным романтиком, так как действительность показывает самым очевидным образом, что «путь» уже выбран, что господство капитала факт, от которого нельзя отговориться попреками и осуждениями, – факт, с которым могут считаться только непосредственные производители?

Другой ходячий упрек. Марксисты признают крупный капитализм в России прогрессивным явлением. Они предпочитают, таким образом, пролетария – «самостоятельному» крестьянину, сочувствуют обезземелению народа и, с точки зрения теории, выставляющей идеалом принадлежность рабочим средств производства, сочувствуют отделению рабочего от средств производства, т. е. впадают в непримиримое противоречие.

Да, марксисты считают крупный капитализм явлением

прогрессивным, – не потому, конечно, что он «самостоятельность» заменяет несамостоятельностью, а потому, что он создает условия для уничтожения несамостоятельности. Что касается до «самостоятельности» русского крестьянина, – то это слащавая народническая сказка, ничего более; в действительности ее нет. И приведенная картина (да и все сочинения и исследования экономического положения крестьянства) тоже содержит признание этого факта (что в действительности нет самостоятельности): крестьянство тоже, как и рабочие, работает «за чужой счет». Это признавали старые русские народники. Но они не понимали причин и характера этой несамостоятельности, не понимали, что это – тоже *капиталистическая* несамостоятельность, отличающаяся от городской меньшей развитостью, большими остатками средневековых, полукрепостнических форм капитала, и только. Сравним хотя бы ту деревню, которую нарисовал нам народник, с фабрикой. Отличие (по отношению к самостоятельности) только в том, что там – видим мы «мелкую тлю», здесь – крупную, там – эксплуатацию поодиночке, приемами полукрепостническими; здесь – эксплуатацию масс, и уже чисто капиталистическую. Понятно, что вторая прогрессивна: тот же капитализм, который не развит и потому уснащен ростовщичеством etc. в деревне, здесь – развит; та же противоположность, которая есть в деревне, здесь выражена вполне; здесь раскол уже полный, и нет возможности такой половинчатой постановки вопроса, которой удовлетворяется мелкий

производитель (и его идеолог), способный распекать, журить и проклинать капитализм, но не способный отказаться от самой почвы[173] этого капитализма, от доверия к его слугам, от розовых мечтаний насчет того, что «лучше бы без борьбы», как сказал великолепный г. Кривенко. *Здесь* уже мечты невозможны, – и это одно гигантский шаг вперед; здесь уже ясно видно, на чьей стороне сила, и нельзя болтать о выборе пути, ибо ясно, что сначала надо «перераспределить» эту силу.

«Слащавый оптимизм» – так охарактеризовал г. Струве народничество, и это – глубоко верно. Как же не оптимизм, когда полнейшее господство капитала в деревне игнорируется, замалчивается, изображается случайностью? когда предлагаются разные кредиты, артели, общественные запашки, как будто бы все эти «кулаки, коштаны, купцы, кабатчики, подрядчики, закладчики» и т. д., как будто бы вся эта «молодая буржуазия» не держала уже «в руках» «каждую деревню»? – Как же не слащавость, когда люди продолжают говорить «10 лет, 20 лет, 30 лет и более»: «лучше бы без борь-

---

[173] Во избежание недоразумений поясню, что под «почвой» капитализма я разумею то общественное отношение, которое, в разных формах, царит в капиталистическом обществе и которое Маркс выразил формулой: деньги – товар – деньги с плюсом.Народнические меры *не затрагивают* этого отношения, не колебля ни товарного производства, дающего в руки частных лиц деньги = продукт общественного труда, ни раскола «народа» на владельцев этих денег и голь.Марксист обращается к этому отношению в его наиболее развитой форме, являющейся квинтэссенцией всех остальных форм, и указывает производителю задачу и цель: уничтожить это отношение, заменить его другим.

бы» – в то время как борьба уже идет, но только глухая, бессознательная, не освещенная идеей.

> «Перейдите теперь, читатель, в города. Здесь вы встретите еще большее число и еще большее разнообразие молодой буржуазии. Все, что становится грамотным и считает себя пригодным к более благородной деятельности, все, что считает себя достойным лучшей участи, чем жалкая участь рядового крестьянина, все, наконец, что на этих условиях не помещается в деревне, стремится теперь в город…»

И тем не менее гг. народники слащаво толкуют об «искусственности» городского капитализма, о том, что это – «тепличное растение», которое если не оберегать, так оно само сгинет и т. д. Стоит только посмотреть попроще на *факты,* и ясно будет, что эта «искусственная» буржуазия просто – переселившиеся в города деревенские мироеды, которые растут совершенно самопроизвольно на почве, освещенной «капиталистической луной» и вынуждающей каждого рядового крестьянина – дешевле купить, дороже продать.

> «…Здесь вы встречаете: приказчиков, конторщиков, мелочных торговцев, разносчиков, разнообразных подрядчиков (штукатуров, плотников, каменщиков и т. д.), кондукторов, старших дворников, городовых, биржевых артельщиков, содержателей перевозов, съестных и постоялых дворов, хозяев различных мастерских, фабричных мастеров и т. д., и т. д. Все это – настоящая молодая буржуазия, со всеми

ее характерными признаками. Кодекс ее морали и здесь также весьма не широк: вся деятельность основана на эксплуатации труда[174], а жизненная задача заключается в приобретении капитала или капитальца для тупоумного времяпрепровождения…» «… Я знаю, что многие радуются, смотря на этих людей, видят в них ум, энергию и предприимчивость, считают их элементами наиболее прогрессивными из народа, видят в них прямой и естественный шаг отечественной цивилизации, неровности которой сгладятся со временем. О, я давно уже знаю, что у нас создалась высшая буржуазия из людей образованных, купечества и дворянства, либо не выдержавшего кризиса 1861 г. и опустившегося, либо охваченного духом времени, что буржуазия эта образовала уже кадры третьего сословия и что ей недостает только именно таких элементов из народа, без которых она ничего поделать не может и которые потому ей и нравятся…»

И тут оставлена лазейка «слащавому оптимизму»: круп-

---

[174] Неточно. Мелкий буржуа тем и отличается от крупного, что трудится и сам, – как трудятся и перечисленные автором разряды. Эксплуатация труда, конечно, есть, но не исключительно одна эксплуатация.Еще одно замечаньице: жизненная задача тех, кто не удовлетворяется участью рядового крестьянина, – приобретение капитала. Так говорит (в трезвые минуты) народник. – Тенденция русского крестьянства – не общинный, а мелкобуржуазный строй. Так говорит марксист.Какая разница между этими положениями? Не та ли только, что один дает эмпирическое бытовое наблюдение, а другой – обобщает наблюдаемые факты (выражающие реальные «помыслы и чувства» реальных «живых личностей») в политико-экономический закон?

ной буржуазии «недостает только» буржуазных элементов в народе!! Да откуда же крупная-то буржуазия вышла, как не из народа? Уж не станет ли автор отрицать связи нашего «купечества» с крестьянством?

Здесь проглядывает стремление выставить этот рост молодой буржуазии делом случайным, результатом политики и т. д. Эта поверхностность понимания, неспособная видеть корни явления в самой экономической структуре общества, – способная перечислить со всей подробностью отдельных представителей мелкой буржуазии, но неспособная понять, что самое уже мелкое самостоятельное хозяйство крестьянина и кустаря является, при данных экономических порядках, вовсе не каким-то «народным» хозяйством, а хозяйством *мелкобуржуазным,* – крайне типична для народника.

> «…Я знаю, что многие потомки древних родов занялись уже винокурением и кабаками, железнодорожными концессиями и изысканиями, засели в правления акционерных банков, пристроились даже в литературе и поют теперь новые песни. Я знаю, что многие из этих литературных песен чрезвычайно нежны и чувствительны, что говорится в них о народных нуждах и желаниях; но я знаю также и то, что обязанность порядочной литературы состоит в обнаружении намерений преподнести народу, вместо хлеба, камень».

Какая аркадская идиллия[92]! Только еще *«намерение»* преподнести?!

И как это гармонирует: «знает», что «уже давно» образовалась буржуазия, – и все еще видит свою задачу в «обнаружении намерений» создать буржуазию!

Вот это-то и называется «прекраснодушием», когда в виду мобилизованной уже армии, в виду выстроенных «солдат», объединенных «давно уже» образовавшимся «генеральным штабом», – люди все еще толкуют об «обнаружении намерений», а не о вполне уже обнаружившейся борьбе интересов.

> «…Французская буржуазия тоже отождествляла себя с народом и всегда предъявляла свои требования от имени народа, но всегда обманывала его. Мы считаем буржуазное направление, принятое нашим обществом за последние годы, вредным и опасным для народной нравственности и благосостояния».

В этой фразе всего нагляднее, пожалуй, сказалась мелкобуржуазность автора. Буржуазное направление объявляет он «вредным и опасным» для нравственности и благосостояния народа! Какого же это «народа», почтенный г. моралист? – того, который работал на помещиков при крепостном праве, укреплявшем «семейный очаг», «оседлость» и «святую обязанность труда»?[175], или того, который после шел доставать выкупной рубль? Вы хорошо знаете, что уплата этого рубля была основным и главным условием «освобождения» и что достать этот рубль крестьянину негде, кроме как у господина Купона[93]. Вы сами же описали, как хозяйничал

---

[175] Слова г-на Южакова.

этот господин, как «мещанство принесло в жизнь свою пауку, свой нравственный кодекс и свои софизмы», как образовалась уже литература, поющая об «уме, предприимчивости и энергии» буржуазии. Ясно, что все дело сводится к смене двух форм общественной организации: система присвоения прибавочного труда прикрепленных к земле крепостных крестьян создала нравственность крепостническую; система «свободного труда», работающего «за чужой счет», на владельца денег, – создала взамен ее нравственность буржуазную.

Но мелкий буржуа боится прямо взглянуть на вещи и назвать их своим именем: он отворачивается от этих бесспорных фактов и начинает мечтать. «Нравственным» считает он только мелкое самостоятельное хозяйство (*на рынок* – об этом скромно умалчивается), а наемный труд – «безнравственным». Связи одного с другим – и связи неразрывной – он не понимает и считает, что буржуазная нравственность – какая-то случайная болезнь, а не прямой продукт буржуазных порядков, вырастающих из товарного хозяйства (против которого он, собственно, ничего не имеет).

И вот он начинает свою старушечью проповедь: «вредно и опасно».

Он не сличает новейшей формы эксплуатации с предыдущей, крепостной, он не смотрит на те изменения, которые внесла она в отношения производителя к собственнику средств производства, – он сравнивает ее с бессмысленной,

мещанской утопией: с таким «мелким самостоятельным хозяйством», которое, будучи товарным хозяйством, не вело бы к тому, к чему оно ведет (ср. выше: «расцветает пышным цветом кулачество, стремится к закабалению слабейшего в батраки» и т. д.). Поэтому его протест против капитализма (как таковой, как протест – совершенно законный и справедливый) становится реакционной ламентацией.

Он не понимает, что, заменяя ту форму эксплуатации, которая прикрепляла трудящегося к месту, такой, которая бросает его с места на место по всей стране, «буржуазное направление» делало полезную работу; что, заменяя такую форму эксплуатации, при которой присвоение прибавочного продукта опутывалось личными отношениями эксплуататора к производителю, взаимными гражданскими политическими обязательствами, «обеспечением наделом» и т. п., – такой, которая ставит на место всего этого «бессердечный чистоган», сравнивает рабочую силу со всяким другим товаром, с вещью, что «буржуазное направление» тем самым оголяет эксплуатацию от всех ее затемнений и иллюзий, а оголить ее – уже большая заслуга.

Потом еще обратите внимание на заявление, что буржуазное направление принято нашим обществом «за последние годы». – Неужели только «за последние годы»? Не выразилось ли оно вполне ясно и в 60-е годы? Не господствовало ли оно и в течение всех 70-х годов?

Мелкий буржуа и тут старается смягчить дело, пред-

ставить буржуазность, характеризующую наше «общество» в течение всей пореформенной эпохи, каким-то временным увлечением, модой. За деревьями не видеть леса – это основная черта мелкобуржуазной доктрины. За протестом против крепостного права и ярыми нападками на него – он (идеолог мелкой буржуазии) не видит буржуазности, потому что боится прямо взглянуть на экономические основы тех порядков, которые при этих яростных криках строились. За толками всей передовой («либерально-кокетливой», с. 129) литературы о кредитах, ссудосберегательных товариществах, о тяжести податей, о расширении землевладения и тому подобных мерах помощи «народу» – он видит лишь буржуазность «последних годов». Наконец, за сетованиями насчет «реакции», за плачем по «60-м годам» – он уже не видит вовсе лежащей в основе всего этого буржуазности и потому все больше и больше сливается с этим «обществом».

На самом деле – в течение всех этих трех периодов пореформенной истории наш идеолог крестьянства всегда стоял рядом с «обществом» и вместе с ним, не понимая, что буржуазность этого «общества» отнимает всякую силу у его протеста против буржуазности и неизбежно осуждает его либо на мечтания, либо на жалкие мелкобуржуазные компромиссы.

Эта близость нашего народничества («в принципе» враждебного либерализму) к либеральному обществу умиляла многих и даже по сю пору продолжает умилять г-на В. В. (ср. его статью в «Неделе» за 1894 г., №№ 47–49). Из этого

выводят слабость или даже отсутствие у нас буржуазной интеллигенции, что и ставится в связь с беспочвенностью русского капитализма. На самом же деле как раз наоборот: эта близость является сильнейшим доводом против народничества, прямым подтверждением его мелкобуржуазности. Как в жизни мелкий производитель сливается с буржуазией наличностью обособленного производства товаров на рынок, своими шансами выбиться на дорогу, пробиться в крупные хозяева, – так идеолог мелкого производителя сливается с либералом, обсуждая совместно вопросы о разных кредитах, артелях etc; как мелкий производитель неспособен бороться с буржуазией и уповает на такие меры помощи, как уменьшение податей, увеличение землицы и т. п., – так народник доверяет либеральному «обществу» и его подернутой «нескончаемой фальшью и лицемерием» болтовне о «народе». Если он иногда и обругает «общество», то тут же прибавит, что это только «за последние годы» оно испортилось, а вообще и само по себе недурно.

> «Рассматривая недавно новый экономический класс, сложившийся у нас после реформы, «Современные Известия» так хорошо характеризуют его: «Скромный и бородатый, в смазных сапогах, миллионер старого времени, смирявшийся перед малым полицейским чином, быстро преобразился в европейски развязного, даже бесцеремонного и надменного антрепренера, иногда украшенного очень заметным орденом и высоким чином. Присмотревшись к этому нежданно

выросшему люду, с удивлением замечаешь, что большинство этих светил дня – вчерашние кабатчики, подрядчики, приказчики и т. п. Новые пришельцы оживили городскую жизнь, но не улучшили ее. Они внесли в нее суетливое движение и чрезвычайную путаницу понятий. Усиление оборотов, спрос на капитал развили лихорадку предприятий, которая превратилась в горячку игры. Множество состояний, создавшихся нежданно-негаданно, довели до высшей степени нетерпения аппетит наживы» и т. д. …

Несомненно, что подобные люди оказывают самое гибельное влияние на народную нравственность [вот в чем беда-то: в порче нравов, а вовсе не в капиталистических производственных отношениях! К. Т.], и если не сомневаться в том факте, что городские рабочие развращены больше деревенских, то, конечно, нельзя сомневаться и в том, что это зависит от того, что они здесь гораздо больше окружены подобными людьми, дышат их воздухом и живут созданной ими жизнью».

Наглядное подтверждение мнения г-на Струве о реакционности народничества. «Разврат» городских рабочих пугает мелкого буржуа, который предпочитает «семейный очаг» (с снохачеством и палкой), «оседлость» (с забитостью и дикостью) и не понимает, что пробуждение человека в «коняге»[94] – пробуждение, которое имеет такое гигантское, всемирно-историческое значение, что для него законны все жертвы, – не может не принять буйных форм при капитали-

стических условиях вообще, русских в особенности.

> «Если русский помещик отличался дикостью, и стоило его только немного поскоблить, чтобы увидеть в нем татарина, то русского буржуа не нужно даже и скоблить. Если старое русское купечество создало темное царство, то теперь оно с новой буржуазией создадут такую тьму, в которой будет гибнуть всякая мысль, всякое человеческое чувство».

Автор жестоко ошибается. Тут должно стоять прошедшее, а не будущее время, должно было стоять и тогда, в 70-х годах.

> «Ватаги новых завоевателей расходятся во все стороны и нигде и ни в ком не встречают противодействия. Помещики им покровительствуют и встречают их с радостью, земские люди выдают им громадные страховые премии, народные учителя пишут им кляузы, духовенство делает визиты, а волостные писаря помогают опутывать мордву».

Совершенно верная характеристика! «не только не встречают ни в ком противодействия», но во всех представителях «общества» и «государства», – которых сейчас примерно исчислял автор, – встречают содействие. Поэтому – самобытная логика! – чтобы переменить дело, следует посоветовать избрать другой путь, посоветовать именно «обществу» и «государству».

> «Что же, однако, делать против подобных людей?»

> «…Ожидать умственного развития эксплуатирующих и улучшения общественного мнения невозможно ни с точки зрения справедливости, ни с точки зрения нравственной и политической, на которые должно становиться государство».

Изволите видеть: государство должно становиться на «нравственную и политическую точку зрения»! Это уже просто одно фразерство. Разве описанные сейчас представители и агенты «государства» (начиная от волостных писарей и выше) не стоят уже на точке зрения «политической» [ср. выше: «многие радуются… считают их элементами наиболее прогрессивными из народа, видят в них прямой и естественный шаг отечественной цивилизации»] и «нравственной» [ср. там же: «ум, энергия, предприимчивость»]? К чему же вы замазываете факт раскола нравственных и политических идей, столь же враждебных, как в жизни безусловно враждебны «новые всходы» – тем, «кому буржуазия приказывает идти на работу»? К чему затушевываете вы борьбу этих идей, которая является лишь надстройкой над борьбой общественных классов?

Это – все естественный и неизбежный результат мелкобуржуазной точки зрения. Мелкий производитель сильно страдает от современных порядков, но он стоит в стороне от прямых, обнажившихся вполне противоречий, боится их и утешает себя наивно-реакционными мечтами, будто «государство должно становиться на нравственную точку зрения»

и именно на точку зрения той нравственности, которая мила мелкому производителю.

Нет, вы не правы. Государство, к которому вы обращаетесь, современное, данное государство *должно* становиться на точку зрения той нравственности, которая мила высшей буржуазии, *должно* потому, что таково распределение социальной силы между наличными классами общества.

Вы возмущены. Вы начинаете кричать о том, что, признавая это «долженствование», эту необходимость, марксист защищает буржуазию.

Неправда. Вы чувствуете, что факт – против вас, и потому прибегаете уже к фокусничанью: приписываете желание защищать буржуев тому, кто опровергает ваши мещанские мечты о выборе пути без буржуазии ссылкой на *факт* господства буржуазии; – кто опровергает пригодность ваших мелких, мизерных мер против буржуазии – ссылкой на глубокие корни ее в экономической структуре общества, на экономическую борьбу классов, лежащую в фундаменте «общества» и «государства»; – кто требует от идеологов трудящегося класса полного разрыва с этими элементами и исключительного служения тому, кто «дифференцирован от жизни» буржуазного общества.

> «Мы не считаем, конечно, влияния литературы совсем бессильным, но для этого она должка: во-первых, лучше понимать свое назначение и не ограничиваться одним только (sic!!!) воспитанием

кулачества, но и будить общественное мнение».

Вот уже вам petit bourgeois[176] в чистом виде! Если литература воспитывает кулачество, так это потому, что она плохо понимает свое назначение!! И эти господа еще удивляются, когда их называют наивными, когда про них говорят, что они – романтики!

Наоборот, почтенный г. народник: «кулачество»[177] воспитывает литературу – оно дает ей идеи (об уме, энергии, предприимчивости, о естественном шаге отечественной цивилизации), оно дает ей средства. Ваше обращение к литературе так же смехотворно, как если бы кто в виду двух стоящих друг перед другом неприятельских армий обратился к адъютанту неприятельского фельдмаршала с покорной просьбой: «действовать дружнее». Совершенно то же самое.

Таково же пожелание – «будить общественное мнение». – Мнение того общества, которое «ищет идеалов с послеобеденным спокойствием»? Привычное для гг. народников занятие, которому они предаются с таким блестящим успехом «10 лет, 20 лет, 30 лет и более».

Постарайтесь еще, господа! Наслаждающееся послеобеденным сном общество иногда мычит – наверное, это значит, что оно приготовилось дружно действовать против ку-

---

[176] Мелкий буржуа. – *Ред.*

[177] Это – слишком узкое слово. Надо было сказать точнее и определеннее: буржуазия.

лачества. Поговорите еще с ним. Allez toujours![178]

> «…а, во-вторых, она должна пользоваться большей свободой слова и большим доступом к народу».

Хорошее желание. «Общество» сочувствует этому «идеалу». Но так как оно и его «ищет» с послеобеденным спокойствием и так как оно пуще всего на свете боится нарушения этого спокойствия, то… то оно и спешит очень медленно, прогрессирует так мудро, что с каждым годом оказывается все дальше и дальше позади. Гг. народники думают, что это – случайность, что сейчас послеобеденный сон кончится и начнется настоящий прогресс. Дожидайтесь!

> «Мы не считаем точно так же бессильным совсем и влияние воспитания и образования, но полагаем, прежде всего: 1) что образование должно даваться всем и каждому, а не исключительным только личностям, выделяя их из среды и превращая в кулаков…»

«Всем и каждому»… – именно этого хотят марксисты. Но они думают, что это недостижимо на почве данных общественно-экономических отношений, потому что даже и при даровом и обязательном обучении для «образования» нужны будут деньги, каковые имеются только у «выходцев». Они думают, что и тут, следовательно, выхода нет вне «суровой борьбы общественных классов».

> «… 2) что в народные школы должен быть

---

[178] Продолжайте! продолжайте! – *Ред.*

открыт доступ не одним только отставным дьячкам, чиновникам и разным забулдыгам, а людям действительно порядочным и искренне любящим народ».

Трогательно! Но ведь те, кто видит «ум, предприимчивость и энергию» в «выходцах из народа», – также уверяют (и не всегда неискренне), что «любят народ», из них многие, несомненно, «действительно порядочные» люди. Кто же тут судить будет? Критически мыслящие и нравственно развитые личности? Но не сказал ли сам автор, что презрением нельзя действовать на этих выходцев?[179]

Мы опять, в заключение, стоим у той же основной черты народничества, которую пришлось констатировать в самом начале – отворачиванье от фактов.

Когда народник дает описание фактов, – он сам всегда вынужден признать, что действительность принадлежит капиталу, что действительная наша эволюция – капиталистическая, что сила находится в руках буржуазии. Это признал сейчас, например, и автор комментируемой статьи, констатировавший, что у нас создалась «мещанская культура», что идти на работу приказывает народу буржуазия, что буржуазное общество занято только утробными процессами и послеобеденным сном, что «мещанство» создало даже буржуазную науку, буржуазную нравственность, буржуазные софиз-

---

[179] Стр. 151: «…не презирают ли они уже раньше (заметьте хорошенько это «уже раньше») тех, кто мог бы их презирать?»

мы политики, буржуазную литературу.

И тем не менее *все* народнические рассуждения *всегда* основаны на обратном предположении: что сила не на стороне буржуазии, а на стороне «народа». Народник толкует о выборе пути (рядом с признанием капиталистического характера действительного пути), об обобществлении труда (находящегося в «заведовании» буржуазии), о том, что государство должно стать на нравственную и политическую точку зрения, что учить народ должны именно народники и т. д., как будто бы сила была уже на стороне трудящихся или их идеологов, и оставалось уже только указать «ближайшие», «целесообразные» и т. п. приемы употребить эту силу.

Все это – сплошная приторная ложь. Можно еще себе представить raison d'être[180] для подобных иллюзии полвека тому назад, в те времена, когда прусский регирунгсрат[95] открывал в России «общину», – но теперь, после свыше чем 30-летней истории «свободного» труда, это – не то насмешка, не то фарисейство и слащавое лицемерие.

В разрушении этой благонамеренной и прекраснодушной лжи заключается основная теоретическая задача марксизма. Первая обязанность тех, кто хочет искать «путей к человеческому счастью» – не морочить самих себя, иметь смелость признать откровенно то, что есть.

И когда идеологи трудящегося класса поймут это и прочувствуют, – тогда они признают, что «идеалы» должны за-

---

[180] Основание. – *Ред.*

ключаться не в построении лучших и ближайших путей, а в формулировке задачи и целей той «суровой борьбы общественных классов», которая идет перед нашими глазами в нашем капиталистическом обществе; что мерой успеха своих стремлений является не разработка советов «обществу» и «государству», а степень распространения этих идеалов в определенном классе общества; что самым высоким идеалам цена – медный грош, покуда вы не сумели слить их неразрывно с интересами самих участвующих в экономической борьбе, слить с теми «узкими» и мелкими житейскими вопросами данного класса, вроде вопроса о «справедливом вознаграждении за труд», на которые с таким величественным пренебрежением смотрит широковещательный народник.

> «…Но этого мало, умственное развитие, как это мы видим, к сожалению, на каждом шагу, не гарантирует еще человека от хищных поползновений и инстинктов. А потому должны быть приняты немедленно меры к ограждению деревни от хищничества, должны быть, прежде всего, приняты меры к ограждению нашей общины, как формы общежития, помогающей нравственному несовершенству человеческой природы. Община раз навсегда должна быть обеспечена. Но и этого еще мало: община, при настоящих ее экономических условиях и податных тягостях, существовать не может, а потому нужны меры к расширению крестьянского землевладения, уменьшению податей, организации

народной промышленности.

Вот те средства против кулачества, на которых должна сойтись вся порядочная литература и стоять за них. Средства эти, конечно, не новы; но дело в том, что это единственные в своем роде средства, а в этом далеко еще не все убеждены». (Конец.)

Вот вам и программа этого широковещательного народника! Из описания фактов видели мы, что повсюду обнаруживается полное противоречие экономических интересов, – «повсюду» не только в том смысле, что и в городе и в деревне, и внутри общины и вне ее, и в фабрично-заводской и в «народной» промышленности, но и за пределами хозяйственных явлений – ив литературе и в «обществе», в сфере идей нравственных, политических, юридических и т. д. А наш рыцарь-Kleinbürger проливает горькие слезы и взывает: «немедленно принять меры к ограждению деревни». Мещанская поверхностность понимания и готовность идти на компромиссы выступает с полной очевидностью. Самая эта деревня, как мы видели, представляет из себя раскол и борьбу, представляет строй противоположных интересов, – но народник видит корень зла не в самом этом строе, а в частных недостатках его, строит свою программу не на том, чтобы придать идейность идущей борьбе, а на том, чтобы «оградить» деревню от случайных, незаконных, извне являющихся «хищников»! И кому же, достопочтенный г. романтик, следует принять меры к ограждению? Тому «обществу», ко-

торое удовлетворяется утробными процессами на счет именно тех, кого ограждать следует? Земским, волостным и всяким другим агентам, которые живут долями прибавочной стоимости и поэтому, как мы сейчас видели, оказывают не противодействие, а содействие?

Народник находит, что это – грустная случайность, не более, – результат дурного «понимания своего назначения»; что достаточно призыва «сойтись и действовать дружно», чтобы все подобные элементы «сошли с неверного пути». Он не хочет видеть, что если в отношениях экономических сложилась система Plusmacherei, сложились такие порядки, что иметь средства и досуг для образования может только «выходец из народа», а «масса» должна «оставаться невежественной и трудиться за чужой счет», – то прямым уже и непосредственным следствием их является то, что в «общество» попадают только представители первых, что из этого же «общества» да из «выходцев» только и могут рекрутироваться волостные писаря, земские агенты и так далее, которых народник имеет наивность считать чем-то стоящим *выше* экономических отношений и классов, *над* ними.

Поэтому и воззвание его: «оградите» обращается совсем не по адресу.

Он успокаивается либо на мещанских паллиативах (борьба с кулачеством – см. выше о ссудосберегательных товариществах, кредите, о законодательстве для поощрения трезвости, трудолюбия и образования; расширение крестьянско-

го землевладения – см. выше о земельном кредите и покупке земли; уменьшение податей – см. выше о подоходном налоге), либо на розовых институтских мечтаниях «организовать народную промышленность».

Да разве она уже не организована? Разве вся эта вышеописанная молодая буржуазия не организовала уже по-своему, по-буржуазному эту «народную промышленность»? Иначе как бы могла она «держать каждую деревню в своих руках»? как бы могла она «приказывать народу идти на работу» и присваивать сверхстоимость?

Народник доходит до высшей степени высоконравственного возмущения. Безнравственно – кричит он – признавать капитализм «организацией», когда он построен на анархии производства, на кризисах, на постоянной, нормальной и все углубляющейся безработице масс, на безмерном ухудшении положения трудящихся.

Напротив. Безнравственно подрумянивать истину, изображать чем-то случайным, нечаянным порядки, характеризующие всю пореформенную Россию. Что всякая капиталистическая нация несет технический прогресс и обобществление труда ценой калечения и уродования производителя, – это установлено уже давным-давно. Но обращать этот *факт* в материал моральных собеседований с «обществом» и, закрывая глаза на идущую борьбу, лепетать с послеобеденным спокойствием: «оградите», «обеспечьте», «организуйте» – значит быть романтиком, наивным, реакционным романти-

ком.

Читателю покажется, вероятно, что этот комментарий не имеет никакой связи с разбором книги г. Струве. По-моему, это – отсутствие лишь внешней связи.

Книга г. Струве совсем не открывает русский марксизм. Она только впервые выносит в нашу печать теории, сложившиеся и изложенные уже раньше[181]{144}. Этому вынесению предшествовала, как было уже замечено, ожесточенная критика марксизма в либерально-народнической печати, критика, запутавшая и исказившая дело.

Не ответив на эту критику, нельзя было, во-первых, подойти к современному положению вопроса; во-вторых, нельзя было понять книги г-на Струве, ее характера и назначения.

Старая народническая статья взята была для ответа потому, что нужна была принципиальная статья и, сверх того, статья, сохраняющая хотя бы некоторые заветы старого русского народничества, ценные для марксизма.

Этим комментарием мы старались показать выдуман-

---

[181] Ср. *В. В.* «Очерки теоретической экономии». СПБ. 1895, стр. 257–258.{144}

{144} Из цензурных соображений В. И. Ленин не мог прямо указать на марксистские работы, изданные группой «Освобождение труда». Он отсылает читателя к работе В. В. (Воронцова) «Очерки теоретической экономии» (Петербург, 1895), где на страницах 257–258 приводится большая цитата из статьи Плеханова «Внутреннее обозрение», напечатанной в «Социал-Демократе», книга вторая, август 1890 (см. Г. В. Плеханов. Сочинения, т. III, 1923, стр. 258–259).

ность и вздорность ходячих приемов либерально-народнической полемики. Рассуждения на тему, что марксизм связывается с гегельянством[182], с верой в триады, в абстрактные, не требующие проверки фактами, догмы и схемы, в обязательность для каждой страны пройти через фазу капитализма и т. п., оказываются пустой болтовней.

Марксизм видит свой критерий в *формулировке* и в теоретическом *объяснении* идущей перед нашими глазами борьбы общественных классов и экономических интересов.

Марксизм не основывается ни на чем другом, кроме как на фактах русской истории и действительности; он представляет из себя тоже идеологию трудящегося класса, но только он совершенно иначе объясняет общеизвестные факты роста и побед русского капитализма, совсем иначе понимает задачи, которые ставит наша действительность идеологам непосредственных производителей. Поэтому, когда марксист говорит о необходимости, неизбежности, прогрессивности русского капитализма, – он исходит из общеустановленных фактов, которые именно в силу их общеустановленности, в силу их не-новизны и не всегда приводятся; он дает иное объяснение тому, что рассказано и пересказано народнической литературой, – и если народник в ответ на это кричит, что марксист не хочет знать фактов, тогда для уличения его достаточно даже простой ссылки на любую прин-

---

[182] Я говорю, разумеется, не об историческом происхождении марксизма, а о его современном содержании.

ципиальную народническую статью 70-х годов.

Перейдем теперь к разбору книги г. Струве.

Глава II. Критика народнической социологии

«Сущность» народничества, его «основную идею» автор видит в «теории самобытного экономического развития России». Теория эта, по его словам, имеет «два основных источника: 1) определенное учение о роли личности в историческом процессе и 2) непосредственное убеждение в специфическом национальном характере и духе русского народа и в особенных его исторических судьбах» (2). В примечании к этому месту автор указывает, что «для народничества характерны вполне определенные социальные идеалы»[183], и говорит, что экономическое мировоззрение народников он излагает ниже.

Такая характеристика сущности народничества требует, мне кажется, некоторого исправления. Она слишком абстрактна, идеалистична, указывая господствующие теоретические идеи народничества, но не указывая ни его «сущности», ни его «источника». Остается совершенно неясным,

[183] Конечно, этого выражения: «вполне определенные идеалы» нельзя понимать буквально, т. е. в том смысле, чтобы народники «вполне определенно» знали, чего они хотят. Это было бы совершенно неверно. Под «вполне определенными идеалами» следует разуметь не более как идеологию непосредственных производителей, хотя бы эта идеология и была самая расплывчатая.

почему указанные идеалы соединялись с верой в самобытное развитие, с особым учением о роли личности, почему эти теории стали «самым влиятельным» течением нашей общественной мысли. Если автор, говоря о «социологических идеях народничества» (заглавие 1-й главы), не мог, однако, ограничиться чисто социологическими вопросами (метод в социологии), а коснулся и воззрений народников на русскую экономическую действительность, то он должен был указать сущность этих воззрений. Между тем в указанном примечании это сделано лишь наполовину. Сущность народничества – представительство интересов производителей с точки зрения мелкого производителя, мелкого буржуа. Г-н Струве в своей немецкой статье о книге г. Н.—она («Sozialpolitisches Centralblatt»[184], 1893, № 1) назвал народничество «национальным социализмом» («Р. Богатство», 1893, № 12, стр. 185). Вместо «национальный» следовало бы сказать «крестьянский» – по отношению к старому русскому народничеству и «мещанский» – по отношению к современному. «Источник» народничества – преобладание класса мелких производителей в пореформенной капиталистической России.

Необходимо пояснить эту характеристику. Выражение «мещанский» употребляю я не в обыденном, а в политико-экономическом значении слова. Мелкий производитель, хозяйничающий при системе товарного хозяйства, – вот два признака, составляющие понятие «мелкого буржуа»,

---

[184] «Центральный Социально-политический Листок». – *Ред.*

Kleinbürger'а или, что то же, мещанина. Сюда подходят, таким образом, и крестьянин, и кустарь, которых народники ставили всегда на одну доску – и вполне справедливо, так как оба представляют из себя таких производителей, работающих на рынок, и отличаются лишь степенью развития товарного хозяйства. Далее, я отличаю старое[185] и современное народничество на том основании, что это была до некоторой степени стройная доктрина, сложившаяся в эпоху, когда капитализм в России был еще весьма слабо развит, когда мелкобуржуазный характер крестьянского хозяйства совершенно еще не обнаружился, когда практическая сторона доктрины была чистая утопия, когда народники резко сторонились от либерального «общества» и «шли в народ». Теперь не то: капиталистический путь развития России никем уже не отрицается, разложение деревни – бесспорный факт. От стройной доктрины народничества с детской верой в «общину» остались одни лохмотья. В отношении практическом – на место утопии выступила вовсе не утопическая программа мелкобуржуазных «прогрессов», и только пышные фразы напоминают об исторической связи этих убогих компромиссов с мечтами о лучших и самобытных путях для отечества. Вместо отделения от либерального общества мы видим самое трогательное сближение с ним. Вот эта-то перемена и заставляет отличать идеологию крестьянства от идеологии

---

[185] Под старыми народниками я разумею не тех, кто двигал, например, «Отечественные Записки», а тех именно, кто «шел в народ».

мелкой буржуазии.

Эта поправка насчет действительного содержания народничества казалась тем более необходимой, что указанная абстрактность изложения у г-на Струве – основной его недостаток; это во-первых. А во-вторых, «некоторые основные» положения той доктрины, которою г. Струве не связан, требуют именно сведения общественных идей к общественно-экономическим отношениям.

И мы постараемся теперь показать, что без такого сведения нельзя уяснить себе даже чисто теоретических идей народничества, вроде вопроса о методе в социологии.

Указавши, что народническое учение об особом методе в социологии всего лучше изложено гг. Миртовым и Михайловским, г. Струве характеризует это учение как «субъективный идеализм» и в подтверждение этого приводит из сочинений названных лиц ряд мест, на которых стоит остановиться.

Оба автора ставят во главу угла положение, что историю делали «одинокие борющиеся личности». «Личности создают историю» (Миртов). Еще яснее у г. Михайловского: «Живая личность со всеми своими помыслами и чувствами становится деятелем истории на свой собственный страх. Она, а не какая-нибудь мистическая сила, ставит цели в истории и движет к ним события сквозь строй препятствий, поставляемых ей стихийными силами природы и исторических условий» (8). Это положение – что историю делают личности –

теоретически совершенно бессодержательно. История вся и состоит из действий личностей, и задача общественной науки состоит в том, чтобы объяснить эти действия, так что указание на «право вмешательства в ход событий» (слова г. Михайловского, цитированные у г. Струве, с. 8) – сводится к пустой тавтологии. Особенно ясно обнаруживается это на последней тираде у г. Михайловского. Живая личность – рассуждает он – движет события сквозь строй препятствий, поставляемых стихийными силами исторических условий. А в чем состоят эти «исторические условия»? По логике автора, опять-таки в действиях других «живых личностей». Не правда ли, какая глубокая философия истории: живая личность движет события сквозь строй препятствий, поставляемых другими живыми личностями! И почему это действия одних живых личностей именуются стихийными, а о других говорится, что они «двигают события» к поставленным заранее целям? Ясно, что искать тут хоть какого-нибудь теоретического содержания было бы предприятием едва ли не безнадежным. Дело все в том, что те исторические условия, которые давали для наших субъективистов материал для «теории», представляли из себя (как представляют и теперь) отношения антагонистические, порождали экспроприацию производителя. Не умея понять этих антагонистических отношений, не умея найти *в них же* такие общественные элементы, к которым бы могли примкнуть «одинокие личности», субъективисты ограничивались сочинением тео-

рий, которые утешали «одиноких» личностей тем, что историю делали «живые личности». Решительно ничего кроме хорошего желания и плохого понимания знаменитый «субъективный метод в социологии» не выражает. Дальнейшее рассуждение г. Михайловского, приводимое у автора, наглядно подтверждает это.

Европейская жизнь, говорит г. Михайловский, «складывалась так же бессмысленно и безнравственно, как в природе течет река или растет дерево. Река течет по направлению наименьшего сопротивления, смывает то, что может смыть, будь это алмазная копь, огибает то, чего смыть не может, будь это навозная куча. Шлюзы, плотины, обводные и отводные каналы устраиваются по инициативе человеческого разума и чувства. Этот разум и это чувство, можно сказать, не присутствовали (? П. С.) при возникновении современного экономического порядка в Европе. Они были в зачаточном состоянии, и воздействие их на естественный, стихийный ход вещей было ничтожно» (9).

Г-н Струве ставит вопросительный знак, и мы недоумеваем, почему он поставил его при одном только слове, а не при всех словах: до того бессодержательна вся эта тирада! Что это за чепуха, будто разум и чувство не присутствовали при возникновении капитализма? Да в чем же состоит капитализм, как не в известных отношениях между людьми, а таких людей, у которых не было бы разума и чувства, мы еще не знаем. И что это за фальшь, будто воздействие разу-

ма и чувства тогдашних «живых личностей» на «ход вещей» было «ничтожно»? Совсем напротив. Люди устраивали тогда, в здравом уме и твердой памяти, чрезвычайно искусные шлюзы и плотины, загонявшие непокорного крестьянина в русло капиталистической эксплуатации; они создавали чрезвычайно хитрые обводные каналы политических и финансовых мероприятий, по которым (каналам) устремлялись капиталистическое накопление и капиталистическая экспроприация, не удовлетворявшиеся действием одних экономических законов. Одним словом, все эти заявления г. Михайловского так чудовищно неверны, что одними теоретическими ошибками их не объяснишь. Они объясняются вполне той мещанской точкой зрения, на которой стоит этот писатель. Капитализм обнаружил уже совершенно ясно свои тенденции, он развил присущий ему антагонизм до конца, противоречие интересов начинает уже принимать определенные формы, отражаясь даже в русском законодательстве, – но мелкий производитель стоит в стороне от этой борьбы. Он еще привязан к старому буржуазному обществу своим крохотным хозяйством и потому, будучи угнетаем капиталистическим строем, он не в состоянии понять истинных причин своего угнетения и продолжает утешать себя иллюзиями, что все беды оттого, что разум и чувство людей находятся еще «в зачаточном состоянии».

«Конечно, – продолжает идеолог этого мелкого буржуа, – люди всегда старались так или иначе повлиять на ход ве-

щей».

«Ход вещей» и состоит в действиях и «влияниях» людей и ни в чем больше, так что это опять пустая фраза.

«Но они руководствовались при этом указаниями самого скудного опыта и самыми грубыми интересами; и понятно, что только в высшей степени редко эти руководители могли случайно натолкнуть на путь, указываемый современной наукой и современными нравственными идеями» (9).

Мещанская мораль, осуждающая «грубость интересов» вследствие неумения сблизить свои «идеалы» с какими-нибудь насущными интересами; мещанское закрывание глаз на происшедший уже раскол, ярко отражающийся и на современной науке и на современных нравственных идеях.

Понятно, что все эти свойства рассуждений г. Михайловского остаются неизменными и тогда, когда он переходит к России. Он «приветствует от всей души» столь же странные россказни некоего г. Яковлева, что Россия – tabula rasa[186], что она может начать с начала, избегать ошибок других стран и т. д., и т. д. И все это говорится в полном сознании того, что на этой tabula rasa очень еще прочно держатся представители «стародворянского» уклада, с крупной поземельной собственностью и с громадными политическими привилегиями, что на ней быстро растет капитализм, с его всевозможными «прогрессами». Мелкий буржуа трусливо закрывает глаза на эти *факты* и уносится в сферу невинных мечтаний о том,

---

[186] Чистое место. – *Ред.*

что «мы начинаем жить теперь, когда наука уже обладает и некоторыми истинами и некоторым авторитетом».

Итак, уже из тех рассуждений г. Михайловского, которые приведены у г. Струве, явствует классовое происхождение социологических идей народничества.

Не можем оставить без возражения одно замечание г. Струве против г. Михайловского. «По его взгляду, – говорит автор, – не существует непреодолимых исторических тенденций, которые, как таковые, должны служить, с одной стороны, исходным пунктом, с другой – обязательными границами для целесообразной деятельности личности и общественных групп» (11).

Это – язык объективиста, а не марксиста (материалиста). Между этими понятиями (системами воззрений) есть разница, на которой следует остановиться, так как неполное уяснение этой разницы принадлежит к основному недостатку книги г. Струве, проявляясь в большинстве его рассуждений.

Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях»; материалист говорит о том клас-

се, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс* определяет эту необходимость. В данном случае, например, материалист не удовлетворился бы констатированием «непреодолимых исторических тенденций», а указал бы на существование известных классов, определяющих содержание данных порядков и исключающих возможность выхода вне выступления самих производителей. С другой стороны, материализм включает в *себя,* так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы[187].

От г. Михайловского автор переходит к г. Южакову, который не представляет из себя ничего самостоятельного и интересного. Г-н Струве совершенно справедливо отзывается о его социологических рассуждениях, что это – «пышные слова», «лишенные всякого содержания». Стоит остановиться на чрезвычайно характерном (для народничества вообще)

---

[187] Конкретные примеры неполного проведения материализма у г. Струве и невыдержанности у него теории классовой борьбы будут указываться ниже в каждом отдельном случае.

различии между г. Южаковым и г. Михайловским. Г. Струве отмечает это различие, называя г-на Южакова «националистом», тогда как-де г. Михайловскому «всякий национализм всегда был совершенно чужд», и для него, по его собственным словам, «вопрос о народной правде обнимает не только русский народ, а весь трудящийся люд всего цивилизованного мира». Мне кажется, что за этим различием проглядывает еще отражение двойственного положения мелкого производителя, который является элементом прогрессивным, поскольку он начинает, по бессознательно удачному выражению г. Южакова, «дифференцироваться от общества», – и элементом реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкого хозяина, и старается задержать экономическое развитие. Поэтому и русское народничество умеет сочетать прогрессивные, демократические черты доктрины – с реакционными, вызывающими сочувствие «Московских Ведомостей»[96]. Что касается до этих последних, то трудно было бы, думается, рельефнее выставить их, чем сделал это г. Южаков в следующей тираде, приводимой у г. Струве.

«Только крестьянство всегда и всюду являлось носителем чистой идеи труда. По-видимому, эта же идея вынесена на арену современной истории так называемым четвертым сословием, городским пролетариатом, но видоизменения, претерпенные ее сущностью, при этом так значительны, что крестьянин едва ли бы узнал в ней обычную осно-

ву своего быта. *Право* на труд, а не святая *обязанность* труда, обязанность в поте лица добывать хлеб свой [так вот что скрывалось за «чистой идеей труда»! Чисто крепостническая идея об «обязанности» крестьянина добывать хлеб… для исполнения своих повинностей? Об этой «святой» обязанности говорится забитому и задавленному ею коняге!![188]]; затем, выделение труда и вознаграждение за него, вся эта агитация о справедливом вознаграждении за труд, как будто не сам труд в плодах своих создает это вознаграждение [«Что это?», – спрашивает г. Струве, – «sancta simplicitas[189] или нечто иное?» Хуже. Это – апофеоз послушливости прикрепленного к земле батрака, привыкшего работать на других чуть не даром]; дифференцирование труда от жизни в какую-то отвлеченную (?! П. С.) категорию, изображаемую столькими-то часами пребывания на фабрике, не имеющую никакого иного (?! П. С.) отношения, никакой связи с повседневными интересами работника [чисто мещанская трусость мелкого производителя, которому порой очень и очень плохо приходится от современной капиталистической организации, но который пуще всего на свете боится серьезного движения против этой организации со стороны элементов, окончательно «дифференцировавшихся» от всякой связи с

---

[188] Автор не знает, должно быть, – как и подобает маленькому буржуа, – что западноевропейский трудящийся люд давно перерос ту стадию развития, когда он требовал «права на труд», и требует теперь «права на леность», права на отдых от чрезмерной работы, которая калечит и давит его.

[189] Святая простота. – *Ред.*

ней]; наконец, отсутствие оседлости, домашнего, созданного трудом очага, изменчивость поприща труда, – все это совершенно чуждо идее крестьянского труда. Трудовой, от отцов и дедов завещанный очаг, труд, проникающий своими интересами всю жизнь и строящий ее мораль – любовь к политой потом многих поколений ниве, – все это, составляющее неотъемлемую отличительную черту крестьянского быта, совершенно незнакомо рабочему пролетариату, а потому, в то время, как жизнь последнего, хотя и трудовая, строится на морали буржуазной (индивидуалистической и опирающейся на принцип приобретенного права), а в лучшем случае отвлеченно-философской, в основе крестьянской морали лежит именно труд, его логика, его требования» (18). Тут выступают уже в чистом виде реакционные черты мелкого производителя, его забитость, заставляющая его верить в то, что ему навеки суждена «святая обязанность» быть конягой; его «завещанный от отцов и дедов» сервилизм; его привязанность к отдельному крохотному хозяйству, боязнь потерять которое вынуждает его отказаться даже от всякой мысли о «справедливом вознаграждении» и выступать врагом всякой «агитации», – которое, вследствие низкой производительности труда и прикрепления трудящегося к одному месту, делает его дикарем и, силою одних уже хозяйственных условий, необходимо порождает его забитость и сервилизм. Разрушение этих реакционных черт должно быть безусловно поставлено в заслугу нашей буржуазии; прогрессив-

ная работа ее состоит именно в том, что она порвала все связи трудящегося с крепостническими порядками, с крепостническими традициями. Средневековые формы эксплуатации, которые были прикрыты *личными* отношениями господина к его подданному, местного кулака и скупщика к местным крестьянам и кустарям, патриархального «скромного и бородатого миллионера» к его «ребятам», и которые в силу этого порождали ультрареакционные идеи, – эти средневековые формы она заменила и продолжает заменять эксплуатацией «европейски развязного антрепренера», эксплуатацией безличной, голой, ничем не прикрытой и уже тем самым разрушающей нелепые иллюзии и мечтания. Она разрушила прежнюю обособленность крестьянина («оседлость»), который не хотел, *да и не мог* знать ничего, кроме своего клочка земли, и – обобществляя труд и чрезвычайно повышая его производительность, стала силой выталкивать производителя на арену общественной жизни.

Г-н Струве говорит по поводу этого рассуждения г-на Южакова: «Таким образом г. Южаков с полной ясностью документирует славянофильские корни народничества» (18) и ниже, подводя итоги своему изложению социологических идей народничества, он добавляет, что вера в «самобытное развитие России» составляет «историческую связь между славянофильством и народничеством» и что поэтому спор марксистов с народниками есть «естественное продолжение разногласия между славянофильством и западниче-

ством» (29). Это последнее положение, мне кажется, требует ограничения. Бесспорно, что народники очень и очень повинны в квасном патриотизме самого низкого разбора (г. Южаков, например). Бесспорно и то, что игнорирование социологического метода Маркса и его постановки вопросов, касающихся непосредственных производителей, равносильно для тех русских людей, кто хочет представлять интересы этих непосредственных производителей, с полным отчуждением от западной «цивилизации». Но сущность народничества лежит глубже: не в учении о самобытности и не в славянофильстве, а в представительстве интересов и идей русского мелкого производителя. Поэтому среди народников и были писатели (и это были лучшие из народников), которые, как это признал и г. Струве, не имели ничего общего с славянофильством, которые даже признавали, что Россия вступила на тот же путь, что и Западная Европа. С такими категориями, как славянофильство и западничество, в вопросах русского народничества никак не разобраться. Народничество отразило такой факт русской жизни, который почти еще отсутствовал в ту эпоху, когда складывалось славянофильство и западничество, именно: противоположность интересов труда и *капитала*. Оно отразило этот *факт* через призму жизненных условий и интересов мелкого производителя, отразило поэтому уродливо, трусливо, создав теорию, выдвигающую не противоречия общественных интересов, а бесплодные упования на иной путь развития, и наша задача

исправить эту ошибку народничества, показать, какая общественная группа может явиться действительным представителем интересов непосредственных производителей.

Переходим теперь ко второй главе книги г. Струве.

План изложения у автора следующий: сначала он указывает те общие соображения, которые заставляют считать материализм единственно правильным методом общественной науки; затем излагает воззрения Маркса и Энгельса и, наконец, применяет полученные выводы к некоторым явлениям русской жизни. Вследствие особенной важности предмета этой главы мы попытаемся подробнее разобрать ее содержание, отмечая все те пункты, которые вызывают возражение.

Автор начинает с совершенно справедливого указания на то, что теория, сводящая общественный процесс к действиям «живых личностей», которые «ставят себе цели» и «двигают события», – есть результат недоразумения. Никто, разумеется, и не думал никогда о том, чтобы приписывать «социальной группе самостоятельное, независимое от составляющих ее личностей, существование» (31), но дело в том, что «личность, как конкретная индивидуальность, есть производная всех раньше живших и современных ей личностей, т. е. социальной группы» (31). Поясним мысль автора. Историю делает – рассуждает г. Михайловский – «живая личность со всеми своими помыслами и чувствами». Совершен-

но верно. Но чем определяются эти «помыслы и чувства»? Можно ли серьезно защищать то мнение, что они появляются случайно, а не вытекают необходимо из данной общественной среды, которая служит материалом, объектом духовной жизни личности и которая отражается в ее «помыслах и чувствах» с положительной или отрицательной стороны, в представительстве интересов того или другого общественного класса? И далее: по каким признакам судить нам *о реальных* «помыслах и чувствах» *реальных* личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей, – а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует добавить еще: *общественные действия* личностей, т. о. *социальные факты.* «Обособляя социальную группу от личности, – говорит г. Струве, – мы подразумеваем под первой все те многообразные взаимодействия между личностями, которые возникают на почве социальной жизни и объективируются в обычаях и праве, в нравах и нравственности, в религиозных представлениях» (32). Другими словами: социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных *личностей,* из действий которых и слагаются эти отношения. Социолог-субъективист, начиная свое рассуждение якобы с «живых личностей», на самом деле начинает с того, что вкладывает в эти личности такие «помыслы и чувства», которые он считает рациональными (потому что, изолируя

своих «личностей» от конкретной общественной обстановки, он тем самым отнял у себя возможность изучить *действительные* их помыслы и чувства), т. е. «начинает с утопии», как это и пришлось признать г-ну Михайловскому[190]. А так как, далее, собственные представления этого социолога о рациональном сами отражают (бессознательно для него самого) данную социальную среду, то окончательные выводы его из рассуждения, которые представляются ему «чистейшим» продуктом «современной науки и современных нравственных идей», на самом деле выражают только точку зрения и интересы… мещанства.

Этот последний пункт, – т. е., что особая социологическая теория о роли личности или о субъективном методе ставит утопию на место критического материалистического исследования, – особенно важен, и так как он опущен г. Струве, то на нем стоит несколько остановиться.

Возьмем для иллюстрации ходячее народническое рассуждение о кустаре. Народник описывает жалкое положение этого кустаря, мизерность его производства, безобразнейшую эксплуатацию его скупщиком, который кладет в карман львиную долю продукта, оставляя производителю гроши за 16–18-часовой рабочий день, – и заключает: жалкий уровень производства и эксплуатация труда кустаря – это дурные стороны данных порядков. Но кустарь не наемный рабочий; это – хорошая сторона. Следует сохранить хорошую сторону и

---

[190] Сочинения, т. III, с. 155: «Социология должна начать с некоторой утопии».

уничтожить дурную и для этого устроить кустарную артель. Вот – законченное народническое рассуждение.

Марксист рассуждает иначе. Знакомство с положением промысла возбуждает в нем кроме вопроса о том, хорошо это или дурно, еще вопрос о том, какова организация этого промысла, т. е. как *и почему именно так, а не иначе,* складываются отношения между кустарями по производству данного продукта. И он видит, что эта организация есть товарное производство, т. е. производство *обособленных* производителей, связанных между собою *рынком.* Продукт отдельного производителя, предназначенный на чужое потребление, может дойти до потребителя и дать право производителю на получение другого общественного продукта только принявши форму *денег,* т. е. подвергшись предварительно общественному учету как в качественном, так и в количественном отношениях. А учет этот производится за спиной производителя, посредством рыночных колебаний. Эти неведомые производителю, независимые от него рыночные колебания не могут не порождать неравенства между производителями, не могут не усиливать этого неравенства, разоряя одних и давая другим в руки деньги = продукт общественного труда. Отсюда ясна и причина могущества владельца денег, скупщика: она состоит в том, что среди кустарей, живущих со дня на день, самое большое с недели на неделю, он один владеет деньгами, т. е. продуктом прежнего *общественного* труда, который в его руках и становится *капиталом,* орудием

присвоения прибавочного продукта других кустарей. Поэтому, заключает марксист, при таком устройстве общественного хозяйства экспроприация производителя и эксплуатация его совершенно неизбежны, совершенно неизбежно подчинение неимущих имущим и та противоположность их интересов, которая дает содержание *научному* понятию *борьбы классов.* И, следовательно, интерес производителя состоит совсем не в примирении этих противоположных элементов, а, напротив, в развитии противоположности, в развитии сознания этой противоположности. Мы видим, что рост товарного хозяйства приводит и у нас, на Руси, к такому развитию противоположности: по мере увеличения рынка и расширения производства капитал торговый становится индустриальным. Машинная индустрия, разрушая мелкое обособленное производство окончательно (оно уже в корень подорвано скупщиком), обобществляет труд. Система Plusmacherei, которая в кустарном производстве прикрыта кажущейся самостоятельностью кустаря и кажущейся случайностью власти скупщика, – теперь становится ясной и ничем не прикрытой. «Труд», который и в кустарном промысле принимал участие в «жизни» только тем, что дарил прибавочный продукт скупщикам, теперь окончательно «дифференцируется от жизни» буржуазного общества. Это общество выталкивает его с полной откровенностью прочь, договаривая до конца лежащий в его основании принцип, что производитель может получить средства к жизни лишь тогда, когда найдет владельца денег,

соблаговоляющего присвоить прибавочный продукт его труда, – и то, чего не мог понять кустарь [и его идеолог – народник] – именно: глубокий, классовый характер вышеуказанной противоположности, – становится само собой ясным для производителя. Вот почему интересы кустаря могут быть представлены только этим передовым производителем.

Сравним теперь эти рассуждения со стороны их социологического метода.

Народник уверяет, что он – реалист. «Историю делают живые личности», и я, мол, и начинаю с «чувств» кустаря, отрицательно настроенного к современному порядку, и с помыслов его об устройстве порядков лучших, а марксист рассуждает о какой-то необходимости и неизбежности; он мистик и метафизик.

Действительно, отвечает этот мистик, историю делают «живые личности», – и я, разбирая вопрос о том, почему общественные отношения в кустарном промысле сложились так, а не иначе (вы этого вопроса даже и не поставили!), разбирал именно то, *как* «живые личности» *свою историю сделали* и продолжают делать. И у меня был в руках надежный критерий того, что я имею дело с «живыми», действительными личностями, с действительными помыслами и чувствами: критерий этот состоял в том, что у них уже «помыслы и чувства» выразились в действиях, создали определенные общественные отношения. Я, правда, не говорю никогда о том, что «историю делают живые личности» (потому что мне ка-

жется, что это – пустая фраза), но, исследуя *действительные* общественные отношения и их *действительное* развитие, я исследую именно продукт деятельности живых личностей. А вы говорить-то о «живых личностях» говорите, а на самом деле берете за исходный пункт не «живую личность» с теми «помыслами и чувствами», которые действительно создаются условиями их жизни, данной системой производственных отношений, а куклу, и начиняете ей голову своими собственными «помыслами и чувствами». Понятно, что от такого занятия получаются одни только невинные мечтания; жизнь оказывается в стороне от вас, а вы – в стороне от жизни[191]. Да мало еще этого: вы посмотрите-ка, *чем* вы начиняете голову этой куклы и какие меры вы проповедуете. Рекомендуя трудящимся артель, как «путь, указываемый современной наукой и современными нравственными идеями», вы не приняли во внимание одного маленького обстоятельства: всей организации нашего общественного хозяйства. Не понимая, что это – капиталистическое хозяйство, вы не заметили, что *на этой почве* все возможные артели останутся крохотными паллиативами, нимало не устраняющими ни концентрации средств производства, и денег в том числе, в руках меньшинства (эта концентрация – неоспоримый факт), ни полной обездоленности громадной массы населения, – палли-

[191] «Практика урезывает ее («возможность нового исторического пути») беспощадно»; «она убывает, можно сказать, с каждым днем» (слова г. Михайловского, у П. Струве, с. 16). Убывает, конечно, не «возможность», которой никогда не было, а убывают иллюзии. И хорошо делают, что убывают.

ативами, которые в лучшем случае поднимут только кучку отдельных кустарей в ряды мелкой буржуазии. Из идеолога трудящегося вы становитесь идеологом мелкой буржуазии.

Возвратимся, однако, к г. Струве. Указавши на бессодержательность рассуждений народников о «личности», он продолжает: «Что социология в самом деле стремится всегда свести элементы индивидуальности к социальным источникам, в этом убеждает любая попытка объяснить тот или другой крупный момент исторической эволюции. Когда дело доходит до «исторической личности», «великого человека», всегда является стремление выставить его, как «носителя» духа известной эпохи, представителя своего времени, – его действия, его успехи и неудачи представить как необходимые результаты всего предшествующего хода вещей» (32). Эта общая тенденция всякой попытки – *объяснить* социальные явления, т. е. создать общественную науку, «нашла себе яркое выражение в учении о классовой борьбе, как основном процессе общественной эволюции. Раз личность была сброшена со счетов, нужно было найти другой элемент. Таким элементом оказалась социальная группа» (33). Г. Струве совершенно прав, указывая, что теория классовой борьбы довершает, так сказать, общее стремление социологии сводить «элементы индивидуальности к социальным источникам». Мало этого: теория классовой борьбы впервые проводит это стремление с такой полнотой и последовательностью, что возводит социологию на степень науки. Достигнуто было

это материалистическим определением понятия «группы». Само по себе это понятие слишком еще неопределенно и произвольно: критерий различения «групп» можно видеть и в явлениях религиозных, и этнографических, и политических, и юридических и т. п. Нет твердого признака, до которому бы в каждой из этих областей можно было различать те или иные «группы». Теория же классовой борьбы потому именно и составляет громадное приобретение общественной науки, что установляет приемы этого сведения индивидуального к социальному с полнейшей точностью и определенностью. Во-первых, эта теория выработала понятие *общественно-экономической формации.* Взявши за исходный пункт основной для всякого человеческого общежития факт – способ добывания средств к жизни, она поставила в связь с ним те отношения между людьми, которые складываются под влиянием данных способов добывания средств к жизни, и в системе этих отношений («производственных отношений» по терминологии Маркса) указала ту *основу* общества, которая облекается политико-юридическими формами и известными течениями общественной мысли. Каждая такая система производственных отношений является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм. Этой теорией был применен к социальной науке тот объективный, общенаучный критерий повторяемости, возмож-

ность применения которого к социологии отрицали субъективисты. Они рассуждали именно так, что вследствие громадной сложности социальных явлений и разнообразия их нельзя изучать эти явления, не отделив важные от неважных, и для такого выделения необходима точка зрения «критически мыслящей» и «нравственно развитой» личности, – и они приходили таким образом благополучно к превращению общественной науки в ряд назиданий мещанской морали, образцы которой мы видели у г. Михайловского, философствовавшего о нецелесообразности истории и о пути, руководимом «светом науки». Вот этим-то рассуждениям и был подрезан корень теорией Маркса. На место различия важного и неважного было поставлено различие между экономической структурой общества, как *содержанием,* и политической и идейной *формой:* самое понятие экономической структуры было точно разъяснено опровержением взгляда прежних экономистов, видевших законы природы там, где есть место только законам особой, исторически определенной системы производственных отношений. На место рассуждений субъективистов об «обществе» вообще, рассуждений бессодержательных и не шедших далее мещанских утопий (ибо не выяснена была даже возможность обобщения самых различных социальных порядков в особые виды социальных организмов) – было поставлено *исследование* определенных форм устройства общества. Во-вторых, действия «живых личностей» в пределах каждой такой обществен-

но-экономической формации, действия, бесконечно разнообразные и, казалось, не поддающиеся никакой систематизации, были обобщены и сведены к действиям групп личностей, различавшихся между собою по роли, которую они играли в системе производственных отношений, по условиям производства и, следовательно, по условиям их жизненной обстановки, по тем интересам, которые определялись этой обстановкой, – одним словом, к действиям *классов,* борьба которых определяла развитие общества. Этим был опровергнут детски-наивный, чисто механический взгляд на историю субъективистов, удовлетворявшихся ничего не говорящим положением, что историю делают живые личности, и не хотевших разобрать, какой социальной обстановкой и как именно обусловливаются их действия. На место субъективизма было поставлено воззрение на социальный процесс, как на естественно-исторический процесс, – воззрение, без которого, конечно, и не могло бы быть общественной науки. Г-н Струве очень справедливо указывает, что «игнорирование личности в социологии или, вернее, ее устранение из социологии есть в сущности частный случай стремления к научному познанию» (33), что «индивидуальности» существуют не только в духовном, но и в физическом мире. Все дело в том, что подведение «индивидуальностей» под известные общие законы давным-давно завершено для мира физического, а для области социальной оно твердо установлено лишь теорией Маркса.

Дальнейшее возражение г. Струве против социологической теории российских субъективистов состоит в том, что помимо всех вышеприведенных аргументов – «социология *ни в каком случае* не может признавать то, что мы называем индивидуальностью, за первичный факт, так как самое понятие индивидуальности (не подлежащей дальнейшему объяснению) и соответствующий ему факт есть результат долгого социального процесса» (36). Это – очень верная мысль, на которой следует остановиться тем более, что аргументация автора представляет некоторые неправильности. Он приводит взгляды *Зиммеля,* который-де в сочинении своем: «О социальной дифференциации» доказал прямую зависимость между развитием индивидуальности и дифференциацией той группы, в которую входит эта личность. Г. Струве противополагает это положение теории г. Михайловского об обратной зависимости между развитием индивидуальности и дифференциацией («разнородностью») общества. «В недифференцированной среде, – возражает ему г. Струве, – индивидуум будет «гармонически целостен»… в своем однообразии и безличности». «Реальная личность не может быть «совокупностью всех черт, свойственных человеческому организму вообще», просто потому, что такая полнота содержания превышает силы реальной личности» (38–39). «Для того, чтобы личность могла быть дифференцированной, она должна находиться в дифференцированной среде» (39).

Не ясно из этого изложения, каким именно образом ставит вопрос Зиммель и как он аргументирует. Но в передаче г. Струве постановка вопроса грешит тем же недостатком, что и у г. Михайловского. Абстрактное рассуждение о том, в какой зависимости стоит развитие (и благосостояние) индивидуальности от дифференциации общества, – совершенно ненаучно, потому что нельзя установить никакого соотношения, годного для всякой формы устройства общества. Самое понятие «дифференциации», «разнородности» и т. п. получает совершенно различное значение, смотря по тому, к какой именно социальной обстановке применить его. Основная ошибка г. Михайловского именно и состоит в абстрактном догматизме его рассуждений, пытающихся обнять «прогресс» вообще вместо изучения конкретного «прогресса» какой-нибудь конкретной общественной формации. Когда г. Струве выставляет против г. Михайловского свои общие положения (вышевыписанные), он повторяет его ошибку, уходя от изображения и выяснения конкретного прогресса в область туманных и голословных догм. Возьмем пример: «Гармоническая целостность индивидуума в своем содержании определяется степенью развития, т. е. дифференциации группы», – говорит г. Струве и пишет эту фразу курсивом. Однако, что следует понимать тут под «дифференциацией» группы? Уничтожение крепостного права усилило эту «дифференциацию» или ослабило ее? Г. Михайловский решает вопрос в последнем смысле («Что такое прогресс?»); г. Стру-

ве решил бы его, вероятно, в первом – ссылаясь на усиление общественного разделения труда. Один имел в виду уничтожение сословных различий; другой – создание экономических различий. Термин так неопределенен, как видите, что его можно натягивать на противоположные вещи. Еще пример. Переход от капиталистической мануфактуры к крупной машинной индустрии можно бы признать уменьшением «дифференциации», ибо детальное разделение труда между специализировавшимися рабочими прекращается. А между тем не может подлежать сомнению, что условия развития индивидуальности гораздо благоприятнее (для рабочего) именно в последнем случае. Вывод отсюда – тот, что неправильна уже самая постановка вопроса. Автор сам признает, что существует также антагонизм между личностью и группой (о чем и говорит Михайловский). «Но жизнь, – прибавляет он, – никогда не слагается из *абсолютных* противоречий: в ней все *текуче* и *относительно,* и в то же время все отдельные стороны находятся в постоянном взаимодействии» (39). Если так, – то к чему же было и выставлять абсолютные соотношения между группой и личностью? – соотношения, не относящиеся к строго определенному моменту развития определенной общественной формации? почему было и не отнести всю аргументацию к вопросу о конкретном процессе эволюции России? У автора есть попытка поставить вопрос таким образом, и если бы он выдержал ее последовательно, его аргументация много выиграла бы. «Только раз-

деление труда, – это грехопадение человечества, по учению г. Михайловского, – создало условия для развития той «личности», во имя которой г. Михайловский справедливо протестует против современных форм разделения труда» (38). Это превосходно сказано; только бы вместо «разделения труда» следовало сказать «капитализм» и даже еще уже: *русский капитализм.* Прогрессивное значение капитализма состоит именно в том, что он разрушил прежние узкие условия жизни человека, порождавшие умственную тупость и не дававшие возможности производителям самим взять в руки свою судьбу. Громадное развитие торговых сношений и мирового обмена, постоянные передвижения громадных масс населения разорвали исконные узы рода, семьи, территориальной общины и создали то разнообразие развития, «разнообразие талантов, богатство общественных отношений»[192{145}], которое играет такую крупную роль в новейшей истории Запада. В России этот процесс сказался с полной силой в пореформенную эпоху, когда старинные формы труда рушились с громадной быстротой и первое место заняла купля-продажа рабочей силы, отрывавшая крестьянина от патриархальной полукрепостнической семьи, от отупляющей обстановки деревни и заменявшая полукрепостнические формы присвоения сверхстоимости – формами чисто капиталистиче-

---

[192] *K. Marx.* «Der achtzehnte Brumaire», S. 98 u. s. w. (*К. Маркс.* «Восемнадцатое брюмера», стр. 98 и сл. – *Ред.*)[{145}].

[{145}] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 8, стр. 207.

скими. Этот экономический процесс отразился в социальной области «общим подъемом чувства личности», вытеснением из «общества» помещичьего класса разночинцами, горячей войной литературы против бессмысленных средневековых стеснений личности и т. п. Что именно пореформенная Россия принесла этот подъем чувства личности, чувства собственного достоинства, – этого народники не станут, вероятно, оспаривать. Но они не задаются вопросом, какие материальные условия повели к этому. При крепостном праве, разумеется, ничего подобного быть не могло, – и вот народник приветствует «освободительную» реформу, не замечая, что он впадает в такой же близорукий оптимизм, как буржуазные историки, про которых Маркс сказал, что они смотрят на крестьянскую реформу сквозь clair obscur[193] «эмансипации», не замечая, что эта «эмансипация» состояла только в замене одной формы другою, в замене феодального прибавочного продукта буржуазною прибавочного стоимостью. Совершенно то же самое было и у нас. Именно система «стародворянского» хозяйства, привязывавшая население к месту, раздроблявшая его на кучки подданных отдельных вотчинников, и создавала придавленность личности. И далее, – именно капитализм, оторвавший личность от всех крепостных уз, поставил ее в самостоятельные отношения к рынку, сделав ее товаровладельцем (и в качестве такового – равной всякому другому товаровладельцу), и создал подъем чув-

[193] Завуалированность. – *Ред.*

ства личности. Если гг. народники фарисейски ужасаются, когда им говорят о прогрессивности русского капитализма, то это только потому, что они не задумываются над вопросом о материальных условиях тех «благ прогресса», которые знаменуют пореформенную Россию. Если г. Михайловский начинает свою «социологию» с «личности», протестующей против русского капитализма, как случайного и временного уклонения России с правильного пути, то он уже тут побивает сам себя, не понимая, что только капитализм и создал условия, сделавшие возможным этот протест личности. – На этом примере мы видим еще раз, в каком изменении нуждается аргументация г. Струве. Вопрос следовало свести целиком на почву русской действительности, на почву выяснения того, что есть, и почему есть именно так, а не иначе: народники недаром всю свою социологию строили на том, что вместо анализа действительности рассуждали о том, что «может быть»; они не могли не видеть, что действительность беспощадно разбивает их иллюзии.

Свой разбор теории «личностей» автор заключает такой формулировкой: «личность для социологии есть функция среды», «личность является тут формальным понятием, содержание которого дается исследованием социальной группы» (40). Последнее противоположение особенно хорошо подчеркивает противоположность субъективизма и материализма: рассуждая о «личности», субъективисты определяли *содержание* этого понятия (т. е. «помыслы и чувства» этой

личности, ее социальные действия) *a priori,* т. е. подсовывали свои утопии вместо «исследования социальной группы».

Другая «важная сторона» материализма, – продолжает г. Струве, – «заключается в том, что экономический материализм подчиняет идею факту, сознание и долженствование – бытию» (40). «Подчиняет» – это значит, конечно, в данном случае: отводит подчиненное место в объяснении общественных явлений. Субъективисты-народники поступают как раз наоборот: они исходят в своих рассуждениях из «идеалов», нисколько не задумываясь о том, что эти идеалы могли явиться только известным отражением действительности, что их, следовательно, необходимо проверить фактами, свести к фактам. – Народнику, впрочем, без пояснений будет непонятно это последнее положение. Как это так? – думает он, – идеалы должны осуждать факты, указывать, как изменить их, проверять факты, а не проверяться фактами. Это последнее кажется народнику, привыкшему витать в заоблачных сферах, примирением с фактом. Объяснимся.

Наличность «хозяйничанья за чужой счет», наличность эксплуатации всегда будет порождать как в самих эксплуатируемых, так и в отдельных представителях «интеллигенции» идеалы, противоположные этой системе.

Эти идеалы чрезвычайно ценны для марксиста; он только на их почве и полемизирует с народничеством, он полемизирует исключительно по вопросу о построении этих идеалов и осуществлении их.

Для народника достаточно констатировать факт, порождающий такие идеалы, затем привести указания на законность идеала с точки зрения «современной науки и современных нравственных идей» [причем он не понимает, что эти «современные идеи» означают только уступки западноевропейского «общественного мнения» новой нарождающейся силе] и взывать далее к «обществу» и «государству»: обеспечьте, оградите, организуйте!

Марксист исходит из того же идеала, но сличает его не с «современной наукой и современными нравственными идеями»[194{146}], а *с существующими классовыми противоречиями,* и формулирует его поэтому не как требование «науки», а как требование такого-то класса, порождаемое такими-то общественными отношениями (которые подлежат объективному исследованию) и достижимое лишь так-то вследствие таких-то свойств этих отношений. Если не свести *таким образом* идеалы к фактам, то эти идеалы останутся невинными пожеланиями, без всяких шансов на принятие их массой и, следовательно, на их осуществление.

Указав, таким образом, общие теоретические положения,

---

[194] Энгельс в своей книге «Herrn E. Dührings Umwälzung der Wissenschaft» («Переворот в науке, произведенный г-ном Е. Дюрингом». – *Ред.*) превосходно заметил, что это – старый психологический метод: сличать свое понятие не с фактом, который оно отражает, а с другим понятием, с слепком с другого факта{146}.

{146} См. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом», 1957, стр. 90.

заставляющие признать материализм единственно правильным методом общественной науки, г. Струве переходит к изложению взглядов Маркса и Энгельса, цитируя преимущественно сочинения последнего. Это – чрезвычайно интересная и поучительная часть книги.

Чрезвычайно справедливо указание автора, что «нигде не приходится натыкаться на такое непонимание Маркса, как у русских публицистов» (44). В пример приводится прежде всего г. Михайловский, усматривающий в «историко-философской теории» Маркса только выяснение «генезиса капиталистического строя». Г. Струве с полным правом протестует против этого. Действительно, это в высшей степени характерный факт. Г-н Михайловский писал о Марксе много раз, но никогда и не заикался о том отношении, в котором находится *метод Маркса* к «субъективному методу в социологии». Г. Михайловский писал о «Капитале», заявлял свою «солидарность» (?) с экономической доктриной Маркса, но обходил строгим молчанием вопрос – к примеру скажем – о том, не подходят ли российские субъективисты под метод Прудона, желающего переделать товарное хозяйство по своему идеалу справедливости?[195]{147} Чем отличается этот критерий (справедливости – justice éternelle) от критерия г-на Михайловского: «современная наука и современные нрав-

---

[195] «Das Kapital», I. B., 2-te Aufl., S. 62, Anm. 38 («Капитал», т. I, 2-е изд., стр. 62, прим. 38. – *Ред.*)[147].

{147} См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 91–92 (примечание 38).

ственные идеи»? И почему г. Михайловский, так энергично протестовавший всегда против отождествления метода общественных наук с методом наук естественных, не спорил против заявления Маркса, что подобный метод Прудона совершенно так же нелеп, как если бы химик пожелал вместо «изучения действительных законов обмена веществ» преобразовать этот обмен по законам «сродства»? не спорил против того взгляда Маркса, что социальный процесс есть «естественно-исторический процесс»? Незнакомством с литературой этого не объяснишь: дело, очевидно, в полнейшем непонимании или нежелании понять. Г-н Струве первый, кажется, в нашей литературе заявил это, – ив этом его большая заслуга.

Перейдем теперь к тем заявлениям автора по поводу марксизма, которые вызывают критику. «Мы не можем не признать, – говорит г. Струве, – что *чисто философское обоснование* этого учения еще не дано, и что оно еще не справилось с тем огромным конкретным материалом, который представляет всемирная история. Нужен, очевидно, пересмотр фактов с точки зрения новой теории; нужна критика теории на фактах. Быть может, многие односторонности и слишком поспешные обобщения будут оставлены» (46). Не совсем ясно, что разумеет автор под «чисто философским обоснованием»? С точки зрения Маркса и Энгельса, философия не имеет никакого права на отдельное самостоятельное существование, и ее материал распадается между раз-

ными отраслями положительной науки. Таким образом, под философским обоснованием можно разуметь *или* сопоставление посылок ее с твердо установленными законами других наук [и г. Струве сам признал, что уже психология дает положения, заставляющие отказаться от субъективизма и принять материализм], *или* опыт применения этой теории. А в этом отношении мы имеем заявление самого г. Струве, что «за материализмом всегда останется та заслуга, что он дал глубоко научное, поистине *философское* (курсив автора) истолкование целому ряду (это NB) исторических фактов огромной важности» (50). Последнее заявление автора содержит признание, что материализм – единственно научный метод социологии, и поэтому, конечно, нужен «пересмотр фактов» с этой точки зрения, особенно пересмотр фактов русской истории и действительности, так усердно искажавшихся российскими субъективистами. Что касается последнего замечания насчет возможных «односторонностей» и «слишком поспешных обобщений», то мы, не останавливаясь на этом общем и потому неясном замечании, обратимся прямо к одной из тех поправок, которую вносит «не зараженный ортодоксией» автор в «слишком поспешные обобщения» Маркса.

Дело идет о государстве. Отрицая государство, «Маркс и его последователи» «увлеклись» «слишком далеко в критике *современного государства»* и впали в «односторонность». «Государство, – исправляет это увлечение г. Струве, – есть

прежде всего *организация порядка;* организацией же господства (классового) оно является в обществе, в котором подчинение одних групп другим обусловливается его экономической структурой» (53). Родовой быт, по мнению автора, знал государство, которое останется и при уничтожении классов, ибо признак государства – принудительная власть.

Можно только подивиться тому, что автор с таким поразительным отсутствием аргументов критикует Маркса с своей профессорской точки зрения. Прежде всего, он совершенно неправильно видит отличительный признак государства в принудительной власти: принудительная власть есть во всяком человеческом общежитии, и в родовом устройстве, и в семье, но государства тут не было. «Существенный признак государства, – говорит Энгельс в том самом сочинении, из которого г. Струве взял цитату о государстве, – состоит в публичной власти, отдельной от массы народа» [«Ursprung der Familie u. s. w.», 2-te Aufl., S. 84[196]; русск. пер., с. 109[97]], и несколько выше он говорит об учреждении навкрарии[98], что оно «подрывало двояким образом родовое устройство: во-первых, оно создавало публичную власть (öffentliche Gewalt – в русск. пер. неверно передано: общественная сила), которая уже не совпадала просто-напросто с совокупностью вооруженного народа» (ib.[197], S. 79; русск. пер., с. 105[99]). Итак, признак государства – налич-

---

[196] «Происхождение семьи и т. д.», 2-е изд., стр. 84. – *Ред.*

[197] ibidem – там же. – *Ред.*

ность особого класса лиц, в руках которого сосредоточивается *власть*. Общину, в которой «организацией порядка» заведовали бы поочередно *все* члены ее, никто, разумеется, не мог бы назвать государством. Далее, по отношению к современному государству рассуждение г-на Струве еще более несостоятельно. Говорить о нем, что оно «прежде всего (sic!?!) организация порядка» – значит не понимать одного из очень важных пунктов теории Маркса. Тот особый слой, в руках которого находится власть в современном обществе, это – бюрократия. Непосредственная и теснейшая связь этого органа с господствующим в современном обществе классом буржуазии явствует и из истории (бюрократия была первым политическим орудием буржуазии против феодалов, вообще против представителей «стародворянского» уклада, первым выступлением на арену политического господства не породистых землевладельцев, а разночинцев, «мещанства») и из самых условий образования и комплектования этого класса, в который доступ открыт только буржуазным «выходцам из народа» и который связан с этой буржуазией тысячами крепчайших нитей[198]{148}. Ошибка автора

[198] Ср. *K. Marx*. «Bürgerkrieg in Frankreich», S. 23 (Lpz. 1876) (*К. Маркс*. «Гражданская война во Франции», стр. 23, Лейпциг, 1876. – *Ред.*) и «Der achtzehnte Brumaire», S. 45–46 (Hmb. 1885) («Восемнадцатое брюмера», стр. 45–46, Гамбург, 1885. – *Ред.*)[148]: «Материальный интерес французской буржуазии теснейшим образом сплетается с сохранением этого широкого и широко разветвляющегося механизма [речь идет о бюрократии]. Сюда сбывает она свое излишнее население и пополняет в форме казенного жалованья то, чего она не смогла заполучить в форме прибыли, процентов, ренты и гонораров».

тем более досадна, что именно российские народники, против которых он возымел такую хорошую мысль ополчиться, понятия не имеют о том, что всякая бюрократия и по своему историческому происхождению, и по своему современному источнику, и по своему назначению представляет из себя чисто и исключительно буржуазное учреждение, обращаться к которому с точки зрения интересов производителя только и в состоянии идеологи мелкой буржуазии.

Стоит остановиться еще несколько на отношении марксизма к этике. Автор приводит на с. 64–65 прекрасное разъяснение Энгельсом отношения свободы к необходимости: «Свобода есть понимание необходимости» [100]. Детерминизм не только не предполагает фатализма, а, напротив, именно и дает почву для разумного действования. Нельзя не добавить к этому, что российские субъективисты не сумели разобраться даже в столь элементарном вопросе, как вопрос о свободе воли. Г-н Михайловский беспомощно путался в смешении детерминизма с фатализмом и находил выход… усаживаясь между двумя стульями: не желая отрицать законосообразности, он утверждал, что свобода воли – факт нашего сознания (собственно, идея Миртова, перенятая г. Михайловским) и потому может служить основой этики. Понятно, что в применении к социологии эти идеи не могли дать ничего, кроме утопии или пустой морали, игнорирующей

{148} См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 474–475, 247, а также Сочинения, 2 изд., т. 8, стр. 157–158.

борьбу классов, происходящую в обществе. Нельзя не признать поэтому справедливости утверждения Зомбарта, что «в самом марксизме от начала до конца нет ни грана этики»: в отношении теоретическом – «этическую точку зрения» он подчиняет «принципу причинности»; в отношении практическом – он сводит ее к классовой борьбе. Изложение материализма г. Струве дополняет оценкой с материалистической точки зрения «двух факторов, играющих весьма важную роль во всех народнических построениях» – «интеллигенции» и «государства» (70). На этой оценке опять-таки отразилась та же «неортодоксальность» автора, которая была отмечена выше по поводу его объективизма. «Если… все вообще общественные группы представляют из себя реальную силу только поскольку… они совпадают с общественными классами или к ним примыкают, то очевидно, что «бессословная интеллигенция» не есть реальная общественная сила» (70). В абстрактном теоретическом смысле автор, конечно, прав. Он ловит, так сказать, народников на слове. Вы говорите, что на «иные пути» должна направить Россию интеллигенция – вы не понимаете, что, не примыкая к классу, она есть нуль. Вы хвастаетесь, что русская бессословная интеллигенция отличалась всегда «чистотой» идей – поэтому-то и была она всегда бессильна. Критика автора ограничивается сопоставлением нелепой народнической *идеи* о всемогуществе интеллигенции с своей совершенно справедливой *идеей* о «бессилии интеллигенции в экономи-

ческом процессе» (71). Но такого сопоставления мало. Чтобы судить о русской «бессословной интеллигенции», как об особой группе русского общества, которая так характеризует всю пореформенную эпоху – эпоху окончательного вытеснения дворянина разночинцем, – которая, несомненно, играла и продолжает играть известную историческую роль, для этого нужно сопоставить идеи и еще более программы нашей «бессословной интеллигенции» с *положением и интересами данных классов русского общества.* Чтобы устранить возможность заподозрить нас в пристрастности, мы не будем делать этого сопоставления сами, а ограничимся ссылкой на того народника, статья которого была комментирована в I главе. Вывод из всех его отзывов вытекает совершенно определенный: русская передовая, либеральная, «демократическая» интеллигенция была интеллигенцией буржуазной. «Бессословность» нимало не исключает классового происхождения идей интеллигенции. Всегда и везде буржуазия восставала против феодализма во имя бессословности – и у нас против стародворянского, сословного строя выступила бессословная интеллигенция. Всегда и везде буржуазия выступала против отживших сословных рамок и других средневековых учреждений во имя всего «народа», классовые противоречия внутри которого были еще не развиты, и она была, как на Западе, так и в России, права, так как критикуемые учреждения стесняли действительно *всех.* Как только сословности в России нанесен был решительный удар

(1861), – тотчас же стал обнаруживаться антагонизм внутри «народа», а наряду с этим и в силу этого антагонизм внутри бессословной интеллигенции между либералами и народниками, идеологам!! крестьянства (внутри которого первые русские идеологи непосредственных производителей не видели, да и не могли еще видеть, образования противоположных классов). Дальнейшее экономическое развитие повело к более полному обнаружению социальных противоположностей в русском обществе, заставило признать факт разложения крестьянства на деревенскую буржуазию и пролетариат. Народничество совсем уже почти превратилось в идеологию мелкой буржуазии, отделив от себя марксизм. Поэтому русская «бессословная интеллигенция» представляет из себя «реальную общественную силу», *поскольку она заступает общебуржуазные интересы*[199]. Если тем не менее эта сила не *смогла* создать подходящих для защищаемых ею интересов учреждений, не сумела переделать «атмосферы современной российской культуры» (г. В. В.), если «активный демократизм в эпоху политической борьбы» сменился «общественным индифферентизмом» (г. В. В. в «Неделе» 1894 г.,

[199] Мелкобуржуазный характер громадной массы народнических пожеланий отмечен был в I главе. Пожелания, не подходящие под эту характеристику (вроде «обобществления труда»), занимают в современном народничестве совсем уже миниатюрное место. И «Русское Богатство» (1893, № 11–12, ст. *Южакова* «Вопросы экономического развития России») и г. В. В. («Очерки теоретической экономии». СПБ. 1895) протестуют против г. Н.—она, отзывающегося «сурово» (выражение г. Южакова) об истасканной панацее кредитов, расширения землевладения, переселений и т. д.

№ 47), – то причина этого лежит не только в мечтательном характере отечественной «бессословной интеллигенции», но и главным образом в положении тех классов, из которых она выходила, и от которых черпала силу, в их двуличности. Неоспоримо, что российская «атмосфера» представляла для них много минусов, но она давала им и некоторые плюсы.

В России особенно велика историческая роль того класса, который, по мнению народников, не является носителем «чистой идеи труда»; его «активность» нельзя усыплять «севрюжиной с хреном». Поэтому указания на него со стороны марксистов не только не «обрывают демократической нити», как уверяет г. В. В., специализирующийся на выдумывании самых невероятных нелепостей про марксистов, а, напротив, подхватывают эту «нить», которую выпускает из рук индифферентное «общество», требуют ее развития, укрепления, приближения к жизни.

В связи с неполнотой в оценке интеллигенции стоит у г. Струве не вполне удачная формулировка следующего положения. «Надо доказать, – говорит он, – что разложение старого экономического строя неизбежно» (71). Во-первых, что разумеет автор под «старым экономическим строем»? Крепостничество? – но разложение его нечего и доказывать. – «Народное производство»? – но он сам же говорит ниже и говорит совершенно справедливо, что это словосочетание «не отвечает никакому реальному историческому порядку» (177), что это, другими словами, – миф, так как после от-

мены «крепостного права» у нас ускоренно стало развиваться товарное хозяйство. Вероятно, автор имел в виду ту стадию развития капитализма, когда он не вполне еще выпутался из средневековых учреждений, когда силен еще торговый капитал и мелкое производство еще держится для большой части производителей. Во-вторых, в чем видит автор критерий этой неизбежности? В господстве таких-то классов? в свойствах данной системы производственных отношений? В обоих случаях вопрос сводится к *констатированию наличности* тех или других (капиталистических) порядков; вопрос сводится к *констатированию факта,* и его ни в каком случае не следовало переносить в область рассуждений о будущем. Подобные рассуждения следовало бы оставить в монопольном владении гг. народников, ищущих «иных путей для отечества». Автор сам говорит на следующей же странице, что всякое государство есть «выражение господства известных общественных классов», что «нужно перераспределение социальной силы между отдельными классами для того, чтобы государство коренным образом изменило свой курс» (72). Все это – глубоко верно и очень метко направлено против народников, и сообразно с этим вопрос следовало поставить иначе: надо доказать (не «неизбежность разложения» и т. д.) *наличность* в России капиталистических производственных отношений; надо доказать, что и на русских данных оправдывается тот закон, что «товарное хозяйство есть хозяйство капиталистическое», т. е. что и у нас то-

варное хозяйство повсюду перерастает в капиталистическое; надо доказать, что повсюду господствуют порядки в существе своем буржуазные, что именно господство этого класса, а не пресловутые народнические «случайности» или «политика» и т. п., вызывают освобождение производителя от средств производства и повсеместное хозяйничанье его за чужой счет.

Этим закончим разбор первой части книги г. Струве, носящей общий характер.

Глава III. Постановка экономических вопросов у народников и У Г. Струве

Покончив с социологией, автор переходит к более «конкретным экономическим вопросам» (73). Он считает при этом «естественным и законным» начать с «общих положений и исторических справок», с «бесспорных, общечеловеческим опытом установленных, посылок», – как он говорит в предисловии.

Нельзя не заметить, что этот прием грешит той же абстрактностью, которая была отмечена с самого начала как основной недостаток разбираемой книги. В тех главах, к которым мы теперь переходим (третья, четвертая и пятая), этот недостаток привел к двоякого рода нежелательным последствиям. С одной стороны, он ослабил те определенные теоретические положения, которые автор выставил против на-

родников. Г-н Струве рассуждает *вообще,* обрисовывает переход от натурального к товарному хозяйству, указывает, что бывало на свете дело по большей части вот так-то и так-то, и при этом отдельными, беглыми указаниями переходит и к России, распространяя и на нее общий процесс «исторического развития хозяйственного быта». Бесспорно, что такое распространение совершенно законно и что «исторические справки» автора совершенно необходимы для критики народничества, неправильно представляющего историю не одной только России. Но следовало бы конкретнее высказать эти положения, определеннее противопоставить их доводам народников, которые отрицают правильность распространения общего процесса на Россию; следовало бы сопоставить такое-то понимание русской действительности народниками с *другим* пониманием *той же* действительности марксистами. С другой стороны, абстрактный характер рассуждений автора ведет к недоговоренности его положений, к тому, что он, правильно указывая на наличность такого-то процесса, не разбирает, какие классы складывались при этом, какие классы являлись носителями процесса, заслоняя собой другие, подчиненные им слои населения; одним словом, объективизм автора не доходит тут до материализма – в вышеупомянутом значении этих терминов[200{149}].

---

[200] Такое соотношение объективизма и материализма указано, между прочим, Марксом в предисловии к его сочинению: «Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte» («Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». – *Ред.*). Маркс говорит, что об этом же историческом событии писал Прудон (Coup d'état (Переворот. –

Доказательства такой оценки указанных глав сочинения г. Струве мы приведем сейчас, разбирая отдельные, наиболее важные положения.

Чрезвычайно верно замечание автора, что «в русской истории зависимость (юридическая и экономическая) непосредственных производителей от господ встречается нам чуть не с первых страниц, как исторический спутник идиллии «народного производства»» (81). В эпоху натурального хозяйства крестьянин был порабощен землевладельцу, он работал не на себя, а на боярина, на монастырь, на помещика, – иг. Струве с полным правом противопоставляет этот *исторический факт* россказням наших самобытных социологов о том, как «средства производства принадлежали производителю» (81). Эти россказни представляют из себя одно из тех искажений русской истории в угоду мещанской утопии, на которые так щедры были всегда народники. Боясь прямо взглянуть на действительность, боясь назвать это

Ред.)), и отзывается о его точке зрения в противоположность своей следующим образом:«Прудон, с своей стороны, стремится представить государственный переворот [2-го дек.] результатом предшествующего исторического развития. Но историческая конструкция государственного переворота превращается у него под рукой в историческую апологию героя этого переворота. Он впадает, таким образом, в ошибку наших так называемых *объективных* историков. Я, напротив, показываю, каким образом *классовая борьба* во Франции создала условия и обстоятельства, давшие возможность дюжинной и смешной личности сыграть роль героя» (Vorwort)[149].

[149] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 209.Упоминаемое в тексте сочинение Прудона называется «Социальная революция, демонстрированная государственным переворотом».

угнетение его настоящим именем, они обращались к истории, изображая дело таким образом, что принадлежность средств производства производителю была «исконным» началом, «вековым устоем» крестьянского труда и что современная экспроприация крестьянства объясняется поэтому не сменой феодального прибавочного продукта буржуазною сверхстоимостью, не капиталистическою организацией нашего общественного хозяйства, а случайностью неудачной политики, временным «отклонением от пути, предписываемого всею историческою жизнью нации» (г. Южаков, цитировано у П. Струве, с. 15). И эти вздорные побасенки не стыдились рассказывать про страну, в которой только очень недавно прекратилась[201] крепостническая эксплуатация крестьянства в самых грубых, азиатских формах, когда не только средства производства не принадлежали производителю, но и сами производители очень мало отличались от какого-нибудь «средства производства». Г-н Струве очень метко противополагает этому «слащавому оптимизму» резкий отзыв Салтыкова о связи «народного производства» и крепостного права, о том, как «изобилие» эпохи «вековых устоев» «выпадало только [это заметьте] на долю потомков лейбкампанцев[101] и прочих дружинников» (83).

---

[201] Даже еще нельзя сказать, чтобы окончательно прекратилась. С одной стороны, мы имеем выкупные платежи (а известно, что в них вошла не только цена земли, но и выкуп крепостного права); с другой стороны, например, отработки крестьян за «отрезные земли» – прямое переживание феодального способа производства.

Далее, отметим следующее замечание г. Струве, определенно касающееся определенных фактов русской действительности и содержащее чрезвычайно верную мысль. «Когда производители начинают работать не на местный, точно отграниченный, а на отдаленный и неопределенный рынок, и развивается конкуренция, борьба за рынок, то эти условия приводят к техническому прогрессу… Раз возможно разделение труда, оно должно быть проведено как можно шире, но, прежде чем производство реорганизуется в техническом отношении, влияние новых условий обмена (сбыта) скажется в том, что производитель попадет в экономическую зависимость от торговца (скупщика), и в социальном отношении этот момент имеет решающее значение. Это упускают из виду наши «истинные марксисты» вроде г. В. В., ослепленные значением чисто технического прогресса» (98). Это указание на решающее значение появления скупщика – глубоко верно. Решающим является оно в том отношении, что безусловно доказывает уже наличность капиталистической организации производства, доказывает применимость и к России положения, что «товарное хозяйство – денежное хозяйство – есть хозяйство капиталистическое», создает то подчинение производителя – капиталу, из которого не может быть иного выхода, кроме самодеятельности производителя. «С того момента, что между потребителем и производителем становится капиталист-предприниматель, – а это неизбежно при производстве на широкий и неопределенный ры-

нок, – мы имеем перед собой одну из форм капиталистического производства». И автор справедливо добавляет, что, «если под *кустарным* производством разуметь такое, при котором производитель, работая на неопределенный и отдаленный рынок, пользуется *полной экономической самостоятельностью,* то окажется, пожалуй, что этого настоящего кустарного производства в русской *действительности* почти не имеется». Напрасно только употреблено тут выражение «пожалуй» и будущее время: преобладание домашней системы крупного производства и полнейшего порабощения кустарей скупщикам – общераспространенный и преобладающий *факт* действительной организации наших кустарных промыслов. Эта организация – не только капиталистическая, но, по верному замечанию автора, это еще организация «чрезвычайно выгодная для капиталистов», обеспечивающая им гигантские барыши, безобразно низкую заработную плату и в высшей степени затрудняющая организацию и развитие рабочих (с. 99–101). Нельзя не отметить, что факт преобладания капиталистической эксплуатации в наших кустарных промыслах известен давным-давно, но народники игнорируют его самым беззастенчивым образом. В каждом почти номере их журналов и газет, где идет речь об этом предмете, встретите вы сетования на то, что правительство поддерживает «искусственно» крупный капитализм [вся «искусственность» которого состоит в том, что он крупный, а не мелкий, фабричный, а не кустарный, механи-

ческий, а не ручной] и ничего не делает для «нужд *народной* промышленности». С полной наглядностью выказывается тут ограниченность мелкого буржуа, борющегося за мелкий *капитал* против крупного и упорно закрывающего глаза на бесспорно установленный факт, что и в этой «народной» промышленности существует такая же противоположность интересов и что, следовательно, не в жалких кредитах и т. п. заключается выход. Так как для мелкого хозяина, привязанного к своему хозяйству и боящегося постоянно потерять его, все это представляется чем-то ужасным, какой-то «агитацией» «о справедливом вознаграждении за труд, как будто не сам труд в плодах своих создает это вознаграждение», – то понятно, что единственным представителем трудящейся массы кустарей может быть только производитель, стоящий в «искусственных», «тепличных» условиях фабрично-заводской промышленности[202].

Остановимся еще на рассуждении г. Струве о земледелии. Паровой транспорт вынуждает переход к меновому хозяйству, он делает сельскохозяйственное производство товарным. Товарный же характер производства безусловно требует «его экономической и технической рациональности» (ПО). Положение это автор считает особенно важным аргументом против народников, которые с торжеством ука-

---

[202] «Весь процесс выражается в том, что мелкое производство (ремесло) одними своими элементами сближается с «капитализмом», другими – с наемным трудом, свободным от средств производства» (с. 104).

зывают на недоказанность (будто бы) преимуществ крупного производства в земледелии. «Тем, кто опирается на учение Маркса, – отвечает им автор, – не пристало отрицать значение экономических и технических особенностей сельскохозяйственного производства, благодаря которым в известных случаях мелкие предприятия имеют экономические преимущества над крупными, – хотя бы сам Маркс и отрицал значение этих особенностей» (111). Очень неясное место. О каких это особенностях говорит автор? Почему не указывает их точно? Почему не указывает, где и как выражал об этом свое мнение Маркс и на каких основаниях признается нужным исправить это мнение?

«Мелкое земледельческое производство, – продолжает автор, – все больше и больше должно принимать товарный характер, и для того, чтобы быть жизнеспособными *предприятиями,* мелкие земледельческие хозяйства должны удовлетворять общим требованиям экономической и технической рациональности» (111). «Дело вовсе не в том, будут ли мелкие земледельческие предприятия поглощены крупными – такого исхода экономической эволюции вряд ли можно ждать, – а в той метаморфозе, которой подвергается все народное хозяйство под влиянием обмена. Народники упускают из виду, что вытеснение натурального хозяйства меновым в связи с констатированным выше «рассеянием промышленности» совершенно изменяет всю структуру общества. Прежнее отношение между земледельческим (сель-

ским) и неземледельческим (городским) населением нарушается в пользу последнего. Самый экономический тип и психический склад сельскохозяйственных производителей коренным образом изменяется под влиянием новых условий хозяйственной жизни» (114).

Приведенное место поясняет нам, что хотел сказать автор своей тирадой о Марксе, и вместе с тем наглядно иллюстрирует вышесделанное замечание, что догматичный способ изложения, не опирающийся на изображение конкретного процесса, затемняет мысли автора и оставляет их недоговоренными. Положение его о неверности народнических взглядов совершенно правильно, но неполно, потому что не сопровождается указанием на те новые формы классового антагонизма, которые развиваются при этой замене нерационального производства рациональным. Автор, например, ограничивается беглым упоминанием, что «экономическая рациональность» означает «наивысшую ренту» (ПО), но забывает добавить, что *рента* предполагает *буржуазную организацию земледелия,* т. е., во-первых, полное подчинение его рынку, и, во-вторых, образование в земледелии таких же классов буржуазии и пролетариата, которые свойственны и капиталистической индустрии.

Народники, рассуждая о некапиталистической, будто бы, организации нашего земледелия, ставят вопрос безобразно узко и неправильно, сводя все к вытеснению мелких хозяйств крупными, и только. Г-н Струве совершенно справед-

ливо говорит им, что при таком рассуждении они упускают из виду общий характер земледельческого производства, который может быть (и действительно является у нас) буржуазным и при мелком производстве, как является буржуазным хозяйство западноевропейских крестьян. Условия, при которых мелкое самостоятельное хозяйство («народное» – по терминологии российской интеллигенции) становится буржуазным, известны: это, во-первых, господство товарного хозяйства, которое при изолированности[203] производителей порождает среди них конкуренцию и, разоряя массу, обогащает немногих; это, во-вторых, превращение рабочей силы в товар и средств производства в капитал, т. е. освобождение производителя от средств производства и капиталистическая организация важнейших отраслей промышленности. При этих условиях мелкий самостоятельный производитель становится в исключительное положение по отношению к массе производителей, – как и у нас сейчас *действительно самостоятельные* хозяева представляют исключение среди массы, работающей за чужой счет, не имеющей не только «самостоятельного» хозяйства, но даже и жизненных средств на неделю. Положение и интересы самостоятельного хозяина обособляют его от массы производителей, живущих *главным образом* заработной платой. Между тем как послед-

[203] Понятно, что речь идет о *хозяйственной* изолированности. Общинное *землевладение* нимало ее не устраняет. При самых «уравнительных» переделах крестьянин в одиночку хозяйничает на своей полосе, следовательно, является изолированным, обособленным производителем.

ние выдвигают вопрос о «справедливом вознаграждении», являющийся по необходимости преддверием коренного вопроса об ином устройстве общественного хозяйства, – первого интересует гораздо живее совсем другое: кредит, и особенно мелкий «народный» кредит, улучшенные удешевленные орудия, «организация сбыта», «расширение землевладения» и т. п.

Самый закон о преимуществе крупных хозяйств над мелкими есть закон только товарного производства и, следовательно, не может быть прилагаем к хозяйствам, не втянутым еще окончательно в товарное производство, не подчиненным рынку. Поэтому такая аргументация (в которой, между прочим, упражнялся и г. В. В.), что упадок дворянских хозяйств после реформы и аренда крестьянами частновладельческих земель опровергает мнение о капиталистической эволюции нашего земледелия, – эта аргументация доказывает только полное непонимание дела у прибегавших к ней. Понятно, что разрушение крепостных отношений, при которых *культура* была в руках крестьян, вызвало кризис помещиков. Но не говоря уже о том, что этот кризис повел только к применению все в больших и больших размерах труда батраков и поденщиков, сменявшего отживающие формы полуфеодального труда (за отработки), – не говоря уже об этом, самое крестьянское хозяйство стало существенно изменять свой характер: оно вынуждено было работать на рынок, что и не замедлило повести к расколу крестьянства на деревен-

скую мелкую буржуазию и сельский пролетариат. Этот раскол окончательно решает вопрос о капитализме в России. Г-н Струве поясняет указанный процесс в V главе, где он замечает: «Мелкий земледелец дифференцируется: развивается, с одной стороны, «экономически крепкое» крестьянство [надо было сказать: буржуазное], с другой – крестьянство пролетарского типа. Черты народного производства соединяются с капиталистическими в одну картину, над которой явственно значится надпись: чумазый идет» (стр. 177).

Вот на эту сторону дела, на *буржуазную организацию* нового, «рационального» земледелия и следовало обратить внимание. Следовало показать народникам, что, игнорируя указанный процесс, они превращаются из идеологов крестьянства в идеологов мелкой буржуазии. «Поднятие народного производства», которого они жаждут, может означать, при такой организации крестьянского хозяйства, только «поднятие» мелкой буржуазии. Напротив, те, кто указывает на производителя, живущего в наиболее развитых капиталистических отношениях, выражают правильно интересы не одного только этого производителя, а и всей гигантской массы «пролетарского» крестьянства.

Неудовлетворительность изложения у г. Струве, его неполнота и недоговоренность привела к тому, что, говоря о рациональном земледелии, он не характеризовал его общественно-экономической организации, – что, показывая, как паровой транспорт заменяет нерациональное производство

рациональным, натуральное товарным, он не характеризовал той новой формы классового антагонизма, которая складывается при этом.

Этот же недостаток в постановке вопросов сказывается на большей части рассуждений в разбираемых главах. Для иллюстрации приведу еще несколько примеров. Товарное хозяйство – говорит автор – и широкое общественное разделение труда «развиваются, опираясь на институт частной собственности, принципы экономической свободы и чувство индивидуализма» (91). Прогресс национального производства связан с «мерой господства института частной собственности над обществом». «Быть может, это печально, но так происходит дело в действительности, это – эмпирически, исторически установленное сосуществование. В настоящее время, когда с таким легкомыслием третируются идеи и принципы XVIII века, причем в сущности повторяется его же ошибка, – слишком часто забывается эта культурно-историческая связь экономического прогресса с институтом частной собственности, принципами экономической свободы и чувством индивидуализма. Только игнорируя эту связь, можно рассчитывать на то, что без осуществления названных начал возможен для экономически и культурно неразвитого общества хозяйственный прогресс. Мы не чувствуем никакой особенной симпатии к этим началам и прекрасно понимаем их *исторически-преходящий* характер, но в то же время мы не можем не видеть в них огромной культур-

ной силы, не только отрицательной, но и положительной. Не видеть ее может только идеализм, мнящий себя в своих построениях не связанным никакой исторической преемственностью» (91).

Автор совершенно прав в своем «объективном» констатировании «исторических сосуществований», но тем более досады возбуждает недоговоренность его аргументации. Так и хочется сказать ему: договаривайте же! сводите эти общие положения и исторические справки к определенному периоду нашей русской истории, формулируйте их так, чтобы показать, почему и в чем именно отличается ваше понимание от народнического, сопоставляйте их с той действительностью, которая должна служить критерием для русского марксиста, показывайте классовые противоречия, скрадываемые всеми этими прогрессами и культурами[204].

Тот «прогресс» и та «культура», которые принесла с собой пореформенная Россия, несомненно, связаны с «институтом частной собственности» – он не только был проведен впервые со всей полнотой созданием нового «состязательного» гражданского процесса, обеспечившего такое же «равенство» на суде, которое воплощалось в жизни «свободным трудом» и его продажей капиталу; он был распространен на

---

[204] Contra principia negantem disputari non potest (против отрицающего основные положения спорить невозможно. – *Ред.*) – говорит автор о споре с народниками. Это зависит от того, как формулировать эти principia, – как общие ли положения и справки, или как *иное понимание* таких-то и таких-то *фактов* русской истории и действительности.

землевладение как помещиков, избавленных от всех государственных повинностей и обязанностей, так и крестьян, превратившихся в *крестьян-собственников;* он был положен даже в основание политических прав «граждан» на участие в местном самоуправлении (ценз) и т. д. Еще более несомненна «связь» нашего «прогресса» с «принципами экономической свободы»: мы уже слышали в I главе от нашего народника, как эта «свобода» состояла в освобождении «скромных и бородатых» собирателей земли русской от необходимости «смиряться пред малым полицейским чином». Мы уже говорили о том, как «чувство индивидуализма» создавалось развитием товарного хозяйства. Сводя вместе все эти черты отечественного прогресса, нельзя не придти к выводу (сделанному и народником 70-х годов), что этот прогресс и культура были сплошь буржуазными. Современная Россия гораздо лучше дореформенной, но так как все это улучшение целиком и исключительно обязано буржуазии, ее агентам и идеологам, то производители им и не воспользовались. Для них эти улучшения означали только перемену формы прибавочного продукта, означали только улучшенные и усовершенствованные приемы освобождения производителя от средств производства. Поэтому гг. народники проявляют самое невероятное «легкомыслие» и забывчивость, когда с протестом против русского капитализма и буржуазности обращаются к тем, кто именно и был их носителем и проводником. Про них только и можно сказать: «своя своих не по-

знаша».

Согласиться с такой квалификацией пореформенной России и «общества» современному народнику будет не под силу. А чтобы оспаривать это, ему пришлось бы отрицать буржуазный характер пореформенной России, отрицать то самое, во имя чего поднимался его отдаленный предок, народник 70-х годов, и «шел в народ» искать «залогов будущего» у самих непосредственных производителей. Конечно, *современный* народник не только решится, чего доброго, отрицать это, но и станет, пожалуй, доказывать, что в рассматриваемом отношении произошла перемена к лучшему; но этим он только показал бы всем, кто еще этого не видит, что он не представляет из себя решительно ничего более, как самого обыкновенного *маленького буржуа*.

Как видит читатель, мне приходится только договаривать положения г. Струве, давать им иную формулировку, – «то же слово да иначе молвить». Спрашивается, есть ли нужда в этом? Стоит ли останавливаться с такой подробностью на этих дополнениях и выводах? Не разумеются ли они сами собой?

Мне кажется, – стоит, по двум причинам. Во-первых, узкий объективизм автора крайне опасен, так как доходит до забвения граней между старыми, так вкоренившимися в нашей литературе, профессорскими рассуждениями о путях и судьбах отечества, – и точной характеристикой действительного процесса, двигаемого такими-то классами. Этот уз-

кий объективизм, эта невыдержанность марксизма – основной недостаток книги г. Струве, и на нем необходимо особенно подробно остановиться, чтобы показать, что он вытекает именно не из марксизма, а из недостаточного проведения его; не из того, чтобы автор видел иные критерии своей теории, кроме действительности, чтобы он делал другие практические выводы из доктрины (они невозможны, повторяю, немыслимы без искалечения всех главнейших ее положений), а потому, что автор ограничился одной, наиболее общей, стороной теории и не провел ее с полной последовательностью. Во-вторых, нельзя не согласиться с той мыслью, которая высказана автором в предисловии, что, прежде чем критиковать народничество на частных вопросах, необходимо было «раскрыть самые основы разногласия» (VII) посредством «принципиальной полемики». Но именно для того, чтобы эта цель автора не осталась недостигнутой, и необходимо придать более конкретный смысл почти всем его положениям, необходимо свести его слишком общие указания на конкретные вопросы русской истории и действительности. По всем этим вопросам предстоит еще русским марксистам большая работа «пересмотра фактов» с материалистической точки зрения, – раскрытия классовых противоречий в деятельности «общества» и «государства», за теориями «интеллигенции», – наконец, работа по установлению связи между всеми отдельными, бесконечно разнообразными, формами присвоения прибавочного продукта в россий-

ских «народных» производствах и той передовой, наиболее развитой капиталистической формой этого присвоения, которая содержит в себе «залоги будущего» и выдвигает в настоящее время на первый план идею и историческую задачу «производителя». Поэтому, как бы ни казалась смелой попытка указать решение этих вопросов, сколько изменений, исправлений ни принесло бы дальнейшее, детальное изучение, – все-таки стоит труда наметить конкретные вопросы, чтобы вызвать возможно более общее и широкое обсуждение их.

Кульминационной точкой того узкого объективизма г. Струве, который порождает у него неправильность постановки вопросов, является рассуждение его о Листе, о его «замечательном учении» насчет «конфедерации национальных производительных сил», о важности для сельского хозяйства развития фабричной промышленности, о превосходстве мануфактурно-земледельческого государства над земледельческим и т. п. Автор находит, что это «учение» чрезвычайно «убедительно говорит об исторической неизбежности и законности капитализма в широком смысле слова» (123), о «культурно-исторической мощи торжествующего товарного производства» (124).

Профессорский характер рассуждений автора, как бы поднимающегося выше всяких определенных стран, определенных исторических периодов, определенных классов, сказывается тут особенно наглядно. Как ни смотреть на это рас-

суждение, – с теоретической ли чисто или с практической стороны, – одинаково правильна будет такая оценка. Начнем с первой. Не странно ли думать, что можно «убедить» кого бы то ни было в «исторической неизбежности и законности капитализма» для известной страны абстрактными, догматичными положениями о значении фабричной промышленности? Не ошибка ли ставить вопрос на эту почву, столь любезную либеральным профессорам из «Русского Богатства»? Не обязательно ли для марксиста свести все дело к выяснению того, что есть и почему есть именно так, а не иначе?

Народники считают наш капитализм искусственным, тепличным растением, потому что не понимают связи его со всей товарной организацией нашего общественного хозяйства, не видят корней его в нашем «народном производстве». Покажите им эти связи и корни, покажите, что капитализм господствует в наименее развитой и потому в наихудшей форме и в народном производстве, – и вы докажете «неизбежность» русского капитализма. Покажите, что этот капитализм, повышая производительность труда и обобществляя его, развивает и выясняет ту классовую, социальную противоположность, которая повсюду сложилась в «народном производстве», – и вы докажете «законность» русского крупного капитализма. Что касается до практической стороны этого рассуждения, соприкасающегося с вопросом о торговой политике, то можно заметить следующее. Русские марксисты, подчеркивая прежде всего и сильнее всего, что вопрос о сво-

боде торговли и протекционизме есть вопрос капиталистический, вопрос буржуазной политики, должны стоять за свободу торговли, так как в России с особенной силой сказывается реакционность протекционизма, задерживающего экономическое развитие страны, служащего интересам не всего класса буржуазии, а лишь кучке олигархов-тузов, – так как свобода торговли означает ускорение того процесса, который несет средства избавления от капитализма.

Последний § (XI) III главы посвящен разбору понятия «капитализм». Автор очень справедливо указывает, что это слово употребляется «весьма вольно», приводит примеры «очень узкого» и «очень широкого» его понимания, но никаких точно определенных признаков не устанавливает; понятие – «капитализм», несмотря на разбор автора, осталось неразобранным. А между тем, казалось бы, это не должно представить особенного труда, потому что понятие это введено в науку Марксом и им же обосновано фактически. Но г. Струве и тут не желал бы заражаться «ортодоксией». «Маркс сам, – говорит он, – представлял себе процесс превращения *товарного* производства в *товарно-капиталистическое,* быть может, более стремительным и прямолинейным, чем он есть на самом деле» (стр. 127, прим.). Быть может. Но так как это единственное представление, обоснованное научно и подкрепленное историей капитала, так как с другими представлениями, «быть может» менее «стреми-

тельными» и менее «прямолинейными», мы не знакомы, то мы и обратимся к Марксу. Существенными признаками капитализма, по его учению, являются (1) товарное производство, как *общая* форма производства. Продукт принимает форму товара в самых различных общественных производственных организмах, но только в капиталистическом производстве такая форма продукта труда является *общей,* а не исключительной, не единичной, не случайной. Второй признак капитализма (2) – принятие товарной формы не только продуктом труда, но и самим трудом, т. е. рабочей силой человека. Степень развития товарной формы рабочей силы характеризует степень развития капитализма[205]{150}. – При помощи этого определения мы легко разберемся в приводимых г. Струве примерах неправильного понимания этого термина. Несомненно, что противопоставление русских порядков капитализму, основанное на технической отсталости нашего народного хозяйства, на преобладании ручного производства и т. п., и так часто приводимое народниками, – совершенно нелепо, ибо капитализм существует и при низкой и при высоко развитой технике, и Маркс много раз подчеркивает в «Капитале», что капитал сначала под-

---

[205] «Das Kapital», II. Band (1885), S. 93 («Капитал», т. II (1885), стр. 93. – *Ред.*). – Необходимо оговориться, что Маркс в указанном месте вовсе не дает *дефиниции* (формального определения. *Ред.*) капитализма. Он вообще дефинициями не занимался. Здесь указывается лишь на отношение товарного производства к капиталистическому, о чем в тексте и идет речь{150}.

{150} См. К. Маркс. «Капитал», т. II, 1955, стр. 113–114.

чиняет себе производство таким, каким он его находит, и лишь впоследствии преобразует его технически. Несомненно, что немецкая Hausindustrie, русская «домашняя система крупного производства» представляют из себя капиталистическую организацию промышленности, ибо тут не только господствует товарное производство, но и владелец денег господствует над производителем и присваивает себе сверхстоимость. Несомненно, что любимое народническое противопоставление западноевропейскому капитализму русского «владеющего землей» крестьянства показывает тоже только непонимание того, что такое капитализм. И на Западе, как совершенно справедливо замечает автор, сохраняется кое-где «полунатуральное хозяйство крестьян» (124), но этот факт ни на Западе, ни в России не устраняет ни преобладания товарного производства, ни подчинения преобладающего большинства производителей капиталу, – подчинения, которое до своего высшего, предельного развития проходит много ступеней, обыкновенно народниками игнорируемых, несмотря на совершенно точное разъяснение дела Марксом. Начинается это подчинение *торговым* и *ростовщическим капиталом,* затем переходит в индустриальный капитализм, который в свою очередь сначала является технически совершенно примитивным и ничем не отличается от старых систем производства, затем организует мануфактуру, – которая все еще основывается на ручном труде, покоится на преобладающих кустарных промыслах, не нарушая связи наемного

рабочего с землей, – и завершает развитие крупной машинной индустрией. Только последняя, высшая стадия представляет кульминационную точку развития капитализма, *только она* создает совершенно экспроприированного, свободного, как птица, рабочего[206], *только она* порождает (и в материальном и в социальном отношении) то «объединяющее значение» капитализма, которое народники привыкли связывать с капитализмом вообще, *только она* противополагает капитализму его «кровное детище».

Четвертая глава книги: «Прогресс экономический и прогресс социальный» составляет прямое продолжение третьей главы, относясь к той части книги, которая выдвигает против народников данные «общечеловеческого опыта». Нам придется тут подробно остановиться, во-первых, на одном неправильном взгляде автора [или неудачном выражении?] насчет последователей Маркса и, во-вторых, на формулировке задач экономической критики народничества.

Г-н Струве говорит, что Маркс представлял себе переход от капитализма к новому общественному строю в виде резкого падения, крушения капитализма. (Он находит, что это дают основание думать «некоторые места» у Маркса, тогда как на самом деле этот взгляд содержится *во всех сочинениях* Маркса.) Последователи его борются *за реформы.* В точку зрения Маркса 40-х годов «внесен был важный коррек-

---

[206] Народники всегда изображают дело так, что обезземеленный рабочий – необходимое условие капитализма *вообще,* а не только машинной индустрии.

тив»: вместо «пропасти», отделяющей капитализм от нового строя, был признан «целый ряд переходов».

Мы никак не можем признать это правильным. Никакого «корректива» (*исправления* по-русски) ни важного ни неважного не вносили «последователи Маркса» в его точку зрения. Борьба за реформы нисколько не свидетельствует о «коррективе», нимало не исправляет учения о пропасти и резком падении, так как эта борьба ведется с открыто и определенно признанной целью – дойти именно до «падения»; а что для этого необходим «целый ряд переходов» – одного фазиса борьбы, одной ступени ее в следующие, – это признавал и Маркс в 1840-х годах, говоря в «Манифесте», что нельзя *отделять* движение к новому строю от рабочего движения (и, следовательно, от борьбы за реформы), выставляя сам в заключение ряд практических мероприятий[102].

Если г. Струве хотел указать на *развитие* точки зрения Маркса, то он, конечно, прав. Но тогда мы видим тут не *«корректив»* к его взглядам, а как раз наоборот: *проведение, осуществление* их.

Мы не можем также согласиться с отношением автора к народничеству.

«Наша народническая литература, – говорит он, – подхватила противопоставление национального богатства и народного благосостояния, прогресса социального, прогресса распределения» (131).

Народничество не «подхватило» этого противопоставле-

ния, а только *констатировало* наличность в пореформенной России той же противоположности между прогрессом, культурой, богатством и – освобождением производителя от средств производства, уменьшением доли производителя в продукте народного труда, ростом нищеты и безработицы, которая создала это противопоставление и на Западе.

«…В силу своего гуманного, народолюбивого характера, эта литература сразу решила вопрос в пользу народного благосостояния, и так как некоторые народно-экономические формы (община, артель), по-видимому, воплощали в себе идеал экономического равенства и таким образом обеспечивали народное благосостояние, а прогресс производства под влиянием усиленного обмена отнюдь не обещал благоприятствовать этим формам, устраняя их экономические и психические основы, то народники, указывая на печальный опыт Запада с производственным прогрессом, опирающимся на частную собственность и экономическую свободу, противопоставили товарному хозяйству – капитализму так называемое «народное производство», гарантирующее народное благосостояние, как общественно-экономический идеал, за сохранение и дальнейшее развитие которого надлежит бороться русской интеллигенции и русскому народу».

В этом рассуждении с полной наглядностью выступают недостатки изложения у г. Струве. Народничество изображается как «гуманная» теория, которая «подхватила» противопоставление национального богатства и народной бед-

ности, «решила вопрос» в пользу распределения, ибо «опыт Запада» «не обещал» народного благосостояния. И автор начинает спорить против такого «решения» вопроса, упуская из виду, что он воюет только против идеалистического и притом наивно-мечтательного облачения народничества, а не против его содержания, упуская из виду, что он самым уже допущением обычной у гг. народников профессорской постановки вопроса делает крупную ошибку. – Как уже было замечено, *содержание* народничеству дает отражение точки зрения и интересов русского мелкого производителя. «Гуманность и народолюбивость» теории была следствием придавленного положения нашего мелкого производителя, терпевшего жестокие невзгоды и от «стародворянских» порядков и традиций и от гнета крупного капитала. Отношение народничества к «Западу» и его влиянию на Россию определилось, конечно, уже не тем, что оно «подхватило» у него ту или иную идею, а условиями жизни мелкого производителя: он видел против себя крупный капитализм, заимствующий западноевропейскую технику[207], и, будучи угнетаем им, строил наивные теории, объяснявшие не капиталистическую политику капиталистическим хозяйством, а капитализм – политикой, объявлявшие крупный капитализм чем-то чуждым русской жизни, наносным. Прикрепление к своему отдельному маленькому хозяйству отнимало у него возможность понять истинный характер государства, – и он об-

[207] Ср. вышеприведенную статью из «Отечественных Записок».

ращался к нему с просьбой о поддержке и развитии мелкого («народного») производства. Неразвитость классовой противоположности, присущей русскому капиталистическому обществу, породила то, что теория этих идеологов мещанства выступила как представительница интересов труда вообще.

Вместо того, чтобы показать нелепость самой уже постановки вопроса у народников и объяснить их «решение» этого вопроса материальными условиями жизни мелкого производителя, автор сам в своей постановке вопроса проявляет догматизм, напоминающий о народническом *«выборе»* между экономическим и социальным прогрессом.

«Задачей критики экономических основ народничества… является… доказать следующее:

1) Прогресс экономический есть необходимое условие прогресса социального; последний исторически вытекает из первого, и на известной ступени развития между обоими процессами должно явиться и на самом деле является органическое взаимодействие, взаимная обусловленность» (133).

Вообще говоря, положение это, разумеется, совершенно справедливо. Но оно намечает скорее задачи критики социологических, а не экономических основ народничества: в сущности, это – иная формулировка того учения, по которому развитие общества определяется развитием производительных сил и о котором шла речь в I и II главах. Для кри-

тики *«экономических основ* народничества» этого недостаточно. Надо конкретнее формулировать вопрос, свести его от прогресса вообще к «прогрессу» капиталистического русского общества, к тем неправильностям в понимании *этого* прогресса, которые породили смешные народнические сказки о tabula rasa, о «народном производстве», о беспочвенности русского капитализма и т. д. Вместо того, чтобы говорить: между экономическим и социальным прогрессом должно явиться взаимодействие, – надо указать (или хотя бы наметить) определенные явления социального прогресса в России, у которых народники не видят *таких-то* экономических корней[208].

«2) Поэтому вопрос об организации производства и степени производительности труда есть вопрос, первенствующий над вопросом о распределении; при известных исторических условиях, когда производительность народного труда и абсолютно и относительно очень низка, первостепенное значение производственного момента сказывается особенно резко».

Автор опирается тут на учение Маркса о подчиненном значении распределения. Эпиграфом к IV главе взяты слова

---

[208] Могут возразить, что я просто забегаю вперед: автор, ведь, сказал, что от общих вопросов намерен постепенно переходить к конкретным, которые он и разбирает в VI главе. Но дело в том, что указанная абстрактность критики г. Струве составляет отличительное свойство *всей* его книги, и VI главы и даже заключительной части. Нуждается в исправлении у него больше всего именно *постановка вопросов.*

его из замечаний на Готскую программу[103], где Маркс противопоставляет вульгарный социализм – научному, который не придает существенного значения распределению, объясняя общественный строй организацией *производственных отношений* и считая, что данная организация их уже включает в себе определенную систему распределения. Эта идея, по совершенно справедливому замечанию автора, проникает собой все учение Маркса, и она имеет крайне важное значение для уяснения мещанского содержания народничества. Но вторая половина фразы г. Струве сильно затуманивает ее, особенно благодаря неясному термину «производственный момент». Может, пожалуй, возникнуть недоумение, в каком смысле понимать этот термин. Народник стоит на точке зрения мелкого производителя, объясняющего свои невзгоды крайне поверхностно: тем, что он «беден», а сосед скупщик «богат», тем, что «начальство» помогает только крупному капиталу и т. д., одним словом, особенностями распределения, ошибками политики и т. п. Какую же точку зрения противополагает ему автор: точку ли зрения крупного капитала, с презрением смотрящего на мизерное хозяйствование крестьянина-кустаря и гордящегося высокой степенью развития своего производства, своей «заслугой», состоящей в повышении и абсолютно и относительно низкой производительности народного труда? или точку зрения его антипода, который живет уже в отношениях настолько развитых, что не может удовлетвориться ссылками на поли-

тику да на распределение, который начинает понимать, что причина лежит глубже – в самой организации (общественной) производства, в самом устройстве общественного хозяйства на началах индивидуальной собственности под контролем и руководством рынка? Такой вопрос, естественно, мог бы возникнуть у читателя, тем более, что автор иногда употребляет выражение «производственный момент» наряду с выражением «хозяйственность» (см. с. 171: «игнорирование производственного момента» у народников, «доходящее до отрицания всякой хозяйственности»), тем более, что автор иногда соотношением «нерационального» и «рационального» производства заслоняет отношение мелкого производителя и производителя, окончательно уже потерявшего средства производства. Спору нет, что верность изложения автора *с объективной стороны* от этого не уменьшается; что представить себе дело с точки зрения последнего отношения легко для всякого понимающего антагонистичность капиталистического строя. Но так как общеизвестно, что именно господа российские народники этого не понимают, то в спорах с ними и желательно видеть больше определенности и договоренности и как можно меньше слишком общих абстрактных положений.

Как мы старались показать на конкретном примере в I главе, *все* отличие народничества от марксизма состоит *в характере критики русского капитализма.* Народник для критики капитализма считает достаточным констатировать на-

личность эксплуатации, взаимодействие между ней и политикой и т. п. Марксист считает необходимым объяснить и связать вместе эти явления эксплуатации как систему известных производственных отношений, как особую общественно-экономическую формацию, законы функционирования и развития которой подлежат объективному изучению. Народник считает достаточным для критики капитализма – осудить его с точки зрения своих идеалов, с точки зрения «современной науки и современных нравственных идей». Марксист считает необходимым проследить со всей подробностью те классы, которые образуются в капиталистическом обществе, считает основательной только критику с точки зрения определенного класса, – критику, основывающуюся не на моральных суждениях «личности», а на точной формулировке действительно происходящего общественного процесса.

Если попытаться, исходя из этого, формулировать задачи критики экономических основ народничества, то они выразились бы примерно таким образом:

Надо доказать, что крупный капитализм в России относится к «народному производству», как вполне развитое явление к неразвитому, как высшая стадия развития капиталистической общественной формации к низшей ее стадии[209]; –

---

[209] Анализ экономической стороны должен быть, разумеется, дополнен анализом социальных, юриди-ко-политических и идейных надстроек. Непонимание связи капитализма с «народным производством» порождало у народников идеи о *неклассовом* характере крестьянской реформы, государственной власти, интел-

что освобождение производителя от средств производства и присвоение продукта его труда владельцем денег должно быть объяснено как на фабрике, так и в самой хотя бы общинной деревне не политикой, не распределением, а теми отношениями производства, которые необходимо складываются в товарном хозяйстве, тем образованием противоположных по своим интересам классов, которое характеризует капиталистическое общество[210]; – что та действительность (мелкое производство), которую народники хотят поднять на высшую ступень, минуя капитализм, уже включает в себя капитализм и присущую ему противоположность классов и столкновения их, – но только в наихудшей ее форме, затрудняющей самостоятельную деятельность производителя, и что поэтому народники, игнорируя сложившиеся уже социальные противоположности и мечтая об «иных путях для отечества», являются утопистами-реакционерами, так как крупный капитализм только развивает, очищает и выяс-

---

лигенции и т. д. Материалистический анализ, сводя все эти явления к классовой борьбе, должен показать конкретно, что наш русский пореформенный «социальный прогресс» был только следствием капиталистического «экономического прогресса».

[210] «Пересмотр фактов» русской экономической действительности, особенно той, из которой народники почерпают материал для своих институтских мечтаний, т. е. крестьянского и кустарного хозяйства, – должен показать, что причина угнетенного положения производителя лежит не в распределении («мужик беден, скупщик богат»), а в самых уже отношениях производства, в самой общественной организации современного крестьянского и кустарного хозяйства. Отсюда выяснится, что и в «народном» производстве «вопрос об организации производства первенствует над вопросом о распределении».

няет содержание этих противоположностей, существующих в России везде и повсюду.

В непосредственной связи с слишком абстрактной формулировкой задач экономической критики народничества стоит и дальнейшее изложение автора, доказывающего «необходимость» и «прогрессивность» не русского капитализма, а западноевропейского. Не затрагивая непосредственно экономического содержания народнической доктрины, это изложение дает, однако, много интересного и поучительного. В нашей народнической литературе не раз раздавались голоса недоверия к западноевропейскому рабочему движению. Особенно ярко выразилось это во время последней полемики против марксистов гг. Михайловского и К° («Русское Богатство», 1893–1894). Мы еще ничего хорошего не видали от капитализма – писал тогда г. Михайловский[211]. Нелепость этих мещанских взглядов прекрасно опровергается данными г. Струве, тем более, что данные эти заимствованы из новей-

---

[211] Нельзя не отметить, что в ответе г. Струве г. Михайловский усматривает «влюбленность в себя» у Энгельса, который говорит, что доминирующим, гигантским фактом современности, делающим эту современность лучше всякой другой эпохи, оправдывающим историю ее происхождения, является рабочее движение на Западе.Этот, просто возмутительный, упрек Энгельсу крайне характерен для оценки современного русского народничества.Эти господа умеют болтать о «народной правде», умеют разговаривать с нашим «обществом», журя его за неправильный выбор пути для отечества, умеют сладко петь о том, что «либо сейчас, либо никогда», и петь это «10 лет, 20 лет, 30 лет и более», – но абсолютно неспособны понять, какое всеобъемлющее значение имеет самостоятельное выступление тех, во имя кого и пелись эти сладкие песни.

шей буржуазной литературы, которую никак нельзя заподозрить в преувеличении. Цитаты, приводимые автором, показывают, что на Западе все, даже буржуа, видят, что переход капитализма в новую общественно-экономическую формацию неизбежен.

Обобществление труда капитализмом подвинулось так далеко, что даже и в буржуазной литературе громко говорят о необходимости «планомерной организации народного хозяйства». Автор совершенно прав, говоря, что это – «признак времени», признак полного разложения капиталистических порядков. Крайне интересны приводимые им заявления не только буржуазных профессоров, но и консерваторов, вынужденных признать то, что и по сю пору хотят отрицать российские радикалы, – именно, что рабочее движение создано теми материальными условиями, которые порождены капитализмом, а не «просто» культурой или иными политическими условиями.

После всего вышеизложенного, нам едва ли уже есть надобность останавливаться на рассуждении автора, что распределение может прогрессировать, только опираясь на рациональное производство. Ясно, что смысл этого положения – тот, что только крупный капитализм, основанный на рациональном производстве, ставит производителя в условия, позволяющие ему поднять голову, подумать и позаботиться и о себе и о тех, кто благодаря отсталому производству не находится в этих условиях.

Мы заметим только два слова по поводу такой фразы г. Струве: «Крайне неравномерное распределение, задерживающее экономический прогресс, не создано капитализмом: оно перешло к нему по наследству» от той эпохи, в которой романтики видят молочные реки и кисельные берега (с. 159). Это верно, если при этом автор хочет сказать только, что и до капитализма было неравномерное распределение, о котором склонны забывать гг. народники. Но это неверно, если отрицать усиление неравномерности капитализмом. При крепостном праве не было и быть не могло такого резкого неравенства между совершенно обнищавшим крестьянином или босяком, – и банковским, железнодорожным, промышленным тузом, которое создано пореформенной капиталистической Россией.

Перейдем к V главе. Автор дает тут общую характеристику «народничества, как экономического мировоззрения». «Народники», по мнению г. Струве, «идеологи натурального хозяйства и первобытного равенства» (167).

С такой характеристикой невозможно согласиться. Мы не станем здесь повторять доводов, приведенных в I главе, в пользу того, что народники – идеологи мелкого производителя. Там было уже показано, как именно материальные условия жизни мелкого производителя, его переходное, срединное положение между «хозяевами» и «рабочими», – порождают и непонимание классовых противоречий народниками

и странную смесь прогрессивных и реакционных пунктов их программы.

Здесь добавим только, что первой, т. е. прогрессивной, своей стороной русское народничество сближается с западноевропейским демократизмом, и потому к нему целиком приложима гениальная характеристика демократизма, данная свыше 40 лет тому назад по поводу событий французской истории:

«Демократ, представляя мелкую буржуазию, т. е. *переходный класс,* в котором взаимно притупляются интересы двух классов, – воображает поэтому, что он вообще стоит выше классового антагонизма. Демократы допускают, что против них стоит привилегированный класс, но вместе со всем остальным населением нации они составляют *народ.* Они стоят за *народное право;* они представляют *народные интересы.* Поэтому им нет надобности исследовать интересы и положение различных классов. Им нет надобности слишком строго взвешивать свои собственные средства[212]… Если оказывается, что их интересы не заинтересовывают, что их сила есть *бессилие,* то виноваты тут либо вредные софисты, раскалывающие *единый народ* на различные враждебные лаге-

[212] Точь-в-точь российские народники. Они не отрицают, что есть на Руси классы, антагонистичные производителю, но они убаюкивают себя рассуждениями о ничтожности этих «хищников» перед «народом» и не хотят заняться точным исследованием положения и интересов каждого отдельного класса, не хотят разобрать, не переплетаются ли интересы некоторого разряда производителей с интересами «хищников», ослабляя силу сопротивления первых против последних.

ри[213]… либо все рухнуло из-за какой-нибудь детали исполнения, либо, наконец, непредусмотренная случайность повела на этот раз к неудаче. Во всяком случае демократ выходит из самого позорного поражения настолько же незапятнанным, насколько невинным он туда вошел, выходит с укрепившимся убеждением, что он должен победить, что не он сам и его партия должна оставить старую точку зрения, а, напротив, обстоятельства должны дорасти до него» (ihm entgegenzureifen haben. «Der achtzehnte Brumaire u. s. w.», S. 39)[104].

О неправильности той характеристики народников, которая видит в них идеологов натурального хозяйства и первобытного равенства, говорят приведенные самим автором примеры. «Как *курьез* следует отметить, – говорит г. Струве, – что г. – он до сих пор называет Васильчикова либеральным экономистом» (169). Если брать это наименование *по существу,* то оно вовсе не курьезно. Васильчиков ставит в свою программу дешевый и широко распространенный кредит. Г-н Николай—он не может не видеть, что на почве капиталистического общества, каково русское, кредит только усилит буржуазию, поведет к «развитию и упрочению капиталистических отношений» («Очерки», с. 77). Васильчиков, как и все народники, своими практическими меро-

[213] Для российских народников – виноваты зловредные марксисты, искусственно прививающие капитализм и его классовые антагонизмы к почве, на которой так пышно растут цветы «социального взаимоприспособления» и «солидарной деятельности» (г. В. В. у Струве, с. 161).

приятиями представляет интересы одной лишь мелкой буржуазии. Курьезно тут разве только то, что г.—он, восседая рядом с публицистами «Русского Богатства», «до сих пор» не видит, что они представляют из себя совершенно таких же маленьких «либеральных экономистов», как и кн. Васильчиков. Теория утопизма легко мирится на практике с мещанскими прогрессами. Еще более подтверждает такую квалификацию народничества Головачев, сознающий бессмысленность поголовного надела и предлагающий «дешевый кредит для рабочего люда». Критикуя эту «изумительную» теорию, г. Струве обращает внимание только на ее теоретическую вздорность, но не замечает как будто бы ее мелкобуржуазного содержания.

Нельзя не остановиться еще, по поводу V главы, на «законе средних потребностей» г. Щербины. Это важно для оценки мальтузианства г. Струве, которое рельефно выступает в VI главе. «Закон» состоит в том, что при группировке крестьян *по наделу* получается очень мало колеблющаяся (по группам) средняя величина потребностей крестьянской семьи (т. е. расходов на разные нужды), причем расходы г. Щербина расчисляет на 1 душу населения.

Г. Струве с удовольствием подчеркивает, что этот «закон» «имеет огромное значение», так как, дескать, подтверждает «общеизвестный» закон Мальтуса, что «благосостояние и размножение населения определяется доступными ему средствами существования».

Непонятно, почему обрадовался этому закону г. Струве. Непонятно, каким образом можно усматривать «закон» да еще с «огромным значением» в расчетах г. Щербины. Очень естественно, что при не особенно больших различиях в образе жизни отдельных крестьянских семей мы получаем мало колеблющиеся средние, если разобьем крестьян по группам, особенно если за основание при делении на группы возьмем размер надела, не определяющий непосредственно благосостояния семьи (так как надел может быть сдан, а может быть и еще арендована земля) и достающийся одинаково и богатому и бедному крестьянину, владеющим одинаковым числом окладных душ. Расчеты г. Щербины только и доказывают, что он избрал неудачный прием группировки. Если г. Щербина видит тут какой-то открытый им закон, – то это совсем странно. Не менее странно усматривать тут подтверждение закона Мальтуса, как будто бы по величине надела можно было судить о «доступных крестьянину средствах существования», не принимая во внимание ни аренды, ни «заработков», ни экономической зависимости крестьянина от помещика и скупщика. – По поводу этого «закона» г. Щербины (изложение его у г. Щербины показывает, что сам автор «закона» придает невероятно большое значение своим ровно ничего не доказывающим средним цифрам) г. Струве говорит: ««Народное производство» в данном случае означает просто хозяйство без приложения наемного труда. Что при такой организации хозяйства «прибавочная стоимость»

остается в руках производителя – это бесспорно» (176). И автор указывает, что при низкой производительности труда это не мешает представителю такого «народного производства» жить хуже рабочего. Увлечение мальтузианством привело автора к неточной формулировке выписанного положения. Торговый и ростовщический *капитал* подчиняет себе труд в каждой русской деревне и – не обращая производителя в наемного рабочего – отнимает у него не меньше прибавочной стоимости, чем капитал индустриальный берет у работника. Г. Струве справедливо указал выше, что капиталистическое производство наступает с того момента, когда между производителем и потребителем становится *капиталист,* хотя бы он только покупал у самостоятельного (по виду) производителя готовый товар (стр. 99 и прим. 2), и из русских «самостоятельных» производителей было бы не легко найти таких, которые не работают на капиталиста (купца, скупщика, кулака и пр.). Одна из самых крупных ошибок народников состоит в том, что они не видят теснейшей и неразрывной связи между капиталистической организацией русского общественного хозяйства и полновластным господством в деревне торгового капитала. Поэтому замечательно верно говорит автор, что «самое словосочетание «народное производство» в том смысле, как его употребляют гг. народники, не отвечает никакому реальному историческому порядку. У нас в России до 1861 г. «народное производство» было тесно связано с крепостным правом, а затем по-

сле 1861 г. ускоренным темпом происходило развитие товарного хозяйства, которое не могло не искажать чистоты народного производства» (177). Когда народник говорит, что принадлежность производителю средств производства – исконное начало русского быта, он просто-напросто извращает историю в угоду своей утопии, извращает посредством словесного ухищрения: при крепостном праве средства производства давались производителю помещиком *для того, чтобы* производитель мог отрабатывать на него барщину; надел был как бы натуральной заработной платой, – «исконным» средством присвоения прибавочного продукта. Разрушение крепостного права вовсе не было «освобождением» производителя; оно означало только *перемену формы* прибавочного продукта. Если где-нибудь в Англии падение крепостного права создало действительно самостоятельных и свободных крестьян, то наша реформа сразу совершила переход от «позорного» крепостного прибавочного продукта к «свободной» буржуазной сверхстоимости.

Глава IV. Объяснение некоторых черт пореформенной экономики россии У Г. Струве

Последняя (шестая) глава книги г. Струве посвящена самому важному вопросу – экономическому развитию России. Теоретическое содержание ее распадается на следующие от-

делы: 1) перенаселение в земледельческой России, его характер и причины; 2) разложение крестьянства, его значение и причины; 3) роль промышленного капитализма в разорении крестьянства; 4) частновладельческое хозяйство; характер его развития и 5) вопрос о рынках для русского капитализма. Прежде чем перейти к разбору аргументации г. Струве по каждому из этих вопросов, остановимся на замечаниях его о крестьянской реформе.

Автор заявляет протест против «идеалистического» ее понимания и указывает на потребности государства, которые требовали подъема производительности труда, на *выкуп,* на давление «снизу». Жаль, что автор не договорил своего законного протеста до конца. Народники объясняют реформу развитием в «обществе» «гуманных» и «освободительных» идей. Факт этот несомненен, но *объяснять* им реформу значит впадать в бессодержательную тавтологию, сводя «освобождение» к «освободительным» идеям. Для материалиста необходимо особое рассмотрение *содержания* тех мероприятий, которые во имя идей были осуществлены. Не было в истории ни одной важной «реформы», хотя бы и носившей классовый характер, в пользу которой не приводились бы высокие слова и высокие идеи. Точно так же и в крестьянской реформе. Если обратить внимание на действительное содержание произведенных ею перемен, то окажется, что характер их таков: часть крестьян была обезземелена, и – главное – остальным крестьянам, которым была остав-

лена часть их земли, пришлось *выкупать* ее как совершенно чужую вещь у помещиков и притом еще выкупать по цене, искусственно поднятой. Такие реформы не только у нас в России, но и на Западе облекались теориями «свободы» и «равенства», и было уже показано в «Капитале», что почвой, взрастившей идеи свободы и равенства, было именно товарное производство. Во всяком случае, как ни сложен был тот бюрократический механизм, который проводил реформу в России, как ни далек он был, *по-видимому*[214], от самой буржуазии, – остается неоспоримым, что на почве *такой* реформы только и могли вырасти *порядки буржуазные.* Г-н Струве совершенно справедливо указывает, что ходячее противоположение русской крестьянской реформы – западноевропейским неправильно: «совершенно неверно (*в столь общей форме*) утверждение, что в Западной Европе крестьяне были освобождены без земли или, другими словами, обезземелены законодательным путем» (196). Я подчеркиваю слова: «в столь общей форме», так как обезземеление крестьян законодательным путем – несомненный исторический факт всюду, где была произведена крестьянская реформа, но это факт не всеобщий, ибо *часть* крестьян, при освобождении от крепостной зависимости, *выкупила* землю у помещиков на Западе, выкупает и у нас. Только буржуа способны затушевывать этот факт *выкупа* и толковать о том, будто «освобожде-

---

[214] На самом деле, как было указано выше, этот механизм только и мог служить буржуазии и по своему составу и по своему историческому происхождению.

ние крестьян с землей[215] сделало из России tabula rasa» (слова некоего г. Яковлева, «от души приветствуемые» г-ном Михайловским, – см. стр. 10 у П. Струве).

I

Перейдем к теории г. Струве о «характере перенаселения в земледельческой России». Это – один из самых важных пунктов, в которых г. Струве отступает от «доктрины» марксизма к доктрине мальтузианства. Сущность его взглядов, развиваемых им в полемике против г. Н.—она, состоит в том, что перенаселение в земледельческой России – «не капиталистическое, а, так сказать, простое, соответствующее натуральному хозяйству»[216].

Так как г. Струве говорит, что его возражение г.—ону «вполне совпадает с общим возражением Ф.-А. Ланге против теории относительного перенаселения Маркса» (183, прим.), то мы и обратимся сначала к этому «общему возражению» Ланге для его проверки.

Ланге рассуждает о законе народонаселения Маркса в сво-

---

[215] Ежели бы говорить правду, то следовало бы сказать: предоставление *части* крестьян *выкупать* у помещиков *часть их* надельной земли *за двойную цену*. И даже еще не годится слово «предоставление», потому что за отказ крестьянина от такого «обеспечения наделом» ему грозила порка в волостном правлении.

[216] Так формулирует г. Струве в своей статье в «Sozialpolitisches Centralblatt» (1893, № 1, от 2 окт.). Он прибавляет, что не считает этого взгляда «мальтузианским».

ем «Рабочем вопросе» в главе V (русск. пер., с. 142–178). Он начинает с основного положения Маркса, что «вообще каждому исторически особенному способу производства соответствует свой собственный закон возрастания народонаселения, имеющий только историческое значение. Абстрактный закон размножения существует только для растении и животных»[105]. Ланге говорит на это:

«Да будет нам позволено заметить, что и для растений и животных, строго говоря, не существует никакого «абстрактного» закона размножения, так как вообще абстракция есть только выделение общего в целом ряде однородных явлений» (143), и Ланге с подробностью разъясняет Марксу, что такое абстракция. Очевидно, что он просто не понял смысла заявления Маркса. Маркс противополагает в этом отношении человека – растениям и животным на том основании, что первый живет в *различных*, исторически сменяющихся, *социальных организмах*, определяемых системой общественного производства, а следовательно, и распределения. Условия размножения человека непосредственно зависят от устройства различных социальных организмов, и потому закон народонаселения надо изучать для каждого такого организма отдельно, а не «абстрактно», без отношения к исторически различным формам общественного устройства. Разъяснение Ланге, что абстракция есть выделение общего из *однородных* явлений, обращается целиком против него самого: мы можем считать однородными условия существо-

вания только животных и растений, но никак не человека, раз мы знаем, что он жил в различных по типу своей организации социальных союзах.

Изложивши затем теорию Маркса об относительном перенаселении в капиталистической стране, Ланге говорит: «с первого взгляда может показаться, что эта теория порывает длинную лить, проходящую через всю органическую природу вплоть до человека, что она объясняет основания рабочего вопроса так, как будто бы общие изыскания о существовании, размножении и совершенствовании человеческого рода для нашей цели, т. е. для понимания рабочего вопроса, вполне излишни» (154)[217].

Нити, проходящей через всю органическую природу вплоть до человека, теория Маркса нимало не прерывает: она требует только, чтобы «рабочий вопрос» – так как таковой существует лишь в капиталистическом обществе – решался не на основании «общих изысканий» о размножении человека, а на основании особенных изысканий о законах капиталистических отношений. Но Ланге другого мнения: «в действительности же, – говорит он, – это не так. Прежде всего ясно, что фабричный труд уже в первых своих зачатках предполагает *нищету*» (154). И Ланге посвящает полто-

[217] И в чем могут состоять эти «общие изыскания»? Если они будут игнорировать особенные экономические формации человеческого общества, – они сведутся к банальностям. А если они должны обнять несколько формаций, тогда очевидно, что им должны предшествовать особенные изыскания о каждой формации отдельно.

ры страницы доказательствам этого положения, которое очевидно само собой и которое ни на волос не двигает нас вперед: во-первых, мы знаем, что капитализм сам создает нищету еще ранее той стадии его развития, когда производство принимает фабричную форму, ранее того, как машины создают избыточное население; во-вторых, и предшествующая капитализму форма общественного устройства – феодальная, крепостническая – сама создавала свою особую нищету, которую она и передала по наследству капитализму.

«Но даже с таким могучим помощником [т. е. с нуждой] первому предпринимателю лишь в редких случаях удается переманить значительное количество рабочих сил к новому роду деятельности. Обыкновенно дело происходит следующим образом. Из местности, где фабричная промышленность отвоевала уже себе права гражданства, предприниматель привозит с собою контингент рабочих; к нему он присоединяет несколько бобылей[218], не имеющих в данный момент работы, а дальнейшее пополнение наличного фабричного контингента производится уже среди *подрастающего юношества*» (156). Два последние слова Ланге пишет курсивом. Очевидно, «общие изыскания о существовании, размножении и совершенствовании человеческого рода» выразились именно в том положении, что фабрикант набира-

[218] Между прочим: откуда взялись эти «бобыли»? Вероятно, по мнению Ланге, это – не остаток крепостных порядков и не продукт господства капитала, а результат того, что «в народных нравах не укрепилась тенденция добровольного ограничения рождений» (стр. 157)?

ет новых рабочих из «подрастающего юношества», а не из увядающей старости. Добрый Ланге на целой странице еще (157) продолжает эти «общие изыскания», рассказывая читателю, что родители стремятся обеспечить своих детей, – что досужие моралисты напрасно осуждают стремление выбиться из того состояния, в котором родился, что стремиться пристроить детей к собственному заработку – вполне естественно. Только преодолев все эти рассуждения, уместные разве в прописях, доходим мы до дела:

«В земледельческой стране, почва которой принадлежит мелким и крупным владельцам, неизбежно возникает, если только в народных нравах не укрепилась тенденция добровольного ограничения рождений, постоянный избыток рабочих рук и потребителей, желающих существовать на произведения данной территории» (157–158). Это чисто мальтузианское положение Ланге просто выставляет, без всяких доказательств. Он повторяет его еще и еще раз, говоря, что «во всяком случае народонаселение такой страны, хотя бы оно абсолютно и было очень редко, представляет обыкновенно признаки относительного перенаселения», что «на рынке *постоянно преобладает* предложение труда, между тем как спрос остается незначительным» (158), – но все это остается совершенно голословным. Откуда это следует, чтобы «избыток рабочих» получался действительно «неизбежно»? Откуда явствует связь этого избытка с отсутствием в народных нравах тенденции добровольного ограничения рожде-

ний? Не следовало ли, прежде чем рассуждать о «народных нравах», посмотреть на те производственные отношения, в которых живет этот народ? Представим себе, например, что те мелкие и крупные владельцы, о которых говорит Ланге, были соединены по производству материальных ценностей таким образом: мелкие владельцы получали от крупных земельные наделы на свое содержание и за это работали на крупных барщину, обрабатывая их поля. Представим далее, что эти отношения разрушены, что гуманные идеи до того закружили голову крупным владельцам, что они «освободили своих крестьян с землей», *т. е.* отрезали у них, примерно, 20 % наделов, а за остальные 80 % заставили платить покупную цену земли, повышенную вдвое. Понятно, что эти крестьяне, обеспеченные таким образом от «язвы пролетариата», по-прежнему должны работать на крупных владельцев, чтобы существовать, но работают они теперь уже не по наряду крепостного бурмистра, как прежде, а по свободному договору, – следовательно, перебивают друг у друга работу, так как теперь они уже вместе не связаны и каждый хозяйничает за свой счет. Этот порядок перебивания работы неизбежно вытолкнет некоторых крестьян: так как они вследствие уменьшения наделов и увеличения платежей стали слабее по отношению к помещику, то конкуренция их увеличит норму прибавочного продукта, и помещик обойдется меньшим числом крестьян. Сколько бы ни укреплялась в народных нравах тенденция добровольного ограничения рождений, –

образование «избытка» все равно неизбежно. Рассуждение Ланге, игнорирующее общественно-экономические отношения, служит только наглядным доказательством негодности его приемов. А Ланге ничего не дает еще кроме таких же рассуждений. Он говорит, что фабриканты охотно переносят производство в деревенскую глушь по той причине, что там *«всегда имеется наготове потребное количество детского труда для любого дела»* (161), не исследуя, какая история, какой способ общественного производства создал эту «готовность» родителей отдавать своих детей в кабалу. Его приемы всего рельефнее выясняются на таком его рассуждении: он цитирует Маркса, который говорит, что машинная индустрия, давая возможность капиталу покупать труд женщин и детей, делает рабочего «работорговцем».

«Так вот к чему клонилась речь!» – победоносно восклицает Ланге. – «Но разве можно думать, что рабочий, который из нужды продает свою собственную рабочую силу, так легко перешел бы еще и к торговле женою и детьми, если бы его и к этому шагу не побуждали, с одной стороны, нужда, а с другой – соблазн?» (163).

Добрый Ланге довел свое усердие до того, что защищает рабочего от Маркса, доказывая Марксу, что рабочего «толкает нужда».

«…Да и что иное в сущности представляет собою эта все дальше развивающаяся нужда, как не метаморфозу борьбы за существование?» (163).

Вот к каким открытиям приводят «общие изыскания о существовании, размножении и совершенствовании человеческого рода»! Узнаем ли мы хоть что-нибудь о причинах «нужды», об ее политико-экономическом содержании и ходе развития, если нам говорят, что это – метаморфоза борьбы за существование? Ведь это можно сказать про все, что угодно, и про отношения рабочего к капиталисту, и землевладельца к фабриканту и к крепостному крестьянину и т. д., и т. д. Ничего, кроме подобных бессодержательных банальностей или наивностей, не дает нам попытка Ланге исправить Маркса. Посмотрим теперь, что дает в подкрепление этой поправки последователь Ланге, г. Струве – на рассуждении о конкретном вопросе, именно перенаселении в земледельческой России.

Товарное производство – начинает г. Струве – увеличивает емкость страны. «Обмен проявляет такое действие не только путем полной, технической и экономической, реорганизации производства, но и в тех случаях, когда и техника производства остается на прежней ступени, и натуральное хозяйство удерживает, в общей экономии населения, прежнюю доминирующую роль. Но в этом случае после короткого оживления совершенно неизбежно наступает «перенаселение»; в нем, однако, товарное производство если и виновато, то только: 1) как *возбудитель,* 2) как усложняющий момент» (182). Перенаселение наступило бы и без товарного хозяйства: оно носит некапиталистический характер.

Вот те положения, которые выставляет автор. С самого начала они поражают той же голословностью, какую мы видели у Ланге: утверждается, что натурально-хозяйственное перенаселение неизбежно, но не поясняется, каким именно процессом оно создается. Обратимся к тем фактам, в которых автор находит подтверждение своих взглядов.

Данные за 1762–1846 гг. показывают, что население в общем размножалось вовсе не быстро: ежегодный прирост – 1,07–1,5 %. При этом быстрее размножилось оно, по словам Арсеньева, в губерниях «хлебопашественных». «Факт» этот, – заключает г. Струве, – «чрезвычайно характерен для примитивных форм народного хозяйства, где размножение стоит в непосредственной зависимости от естественного плодородия, зависимости, которую можно, так сказать, осязать руками». Это – действие «закона соответствия между размножением населения и средствами существования» (185). «Чем шире земельный простор и чем выше естественное плодородие земли, тем больше естественный прирост населения» (186). Вывод совершенно бездоказательный: на основании одного того факта, что в губерниях центральной области Европейской России население всего менее возросло с 1790 по 1846 год во Владимирской и Калужской губерниях, строится целый закон о соответствии между размножением населения и средствами существования. Да разве по «земельному простору» можно судить о средствах существования населения? (Если бы даже и признать,

что столь немногочисленные данные позволяют делать общие выводы.) Ведь «население» это не прямо обращало на себя добытые им продукты «естественного плодородия»: оно делилось ими с помещиками, с государством. Не ясно ли, что та или другая система помещичьего хозяйства – оброк или барщина, размер повинностей и способы их взимания и т. д. – неизмеримо более влияли на величину достающихся населению «средств существования», чем земельный простор, находившийся не в исключительном и свободном владении производителей? Да мало этого. Независимо от тех общественных отношений, которые выражались в крепостном праве, население связано было и тогда обменом: «отделение обрабатывающей промышленности от земледелия, – справедливо говорит автор, – т. е. общественное, национальное разделение труда существовало и в дореформенную эпоху» (189). Спрашивается, почему же в таком случае должны мы думать, что «средства существования» были менее обильны у владимирского кустаря или прасола, живших на болоте, чем у тамбовского серого земледельца со всем его «естественным плодородием земли»?

Затем г. Струве приводит данные об уменьшении крепостного населения перед освобождением. Экономисты, мнение которых он сообщает, приписывают это явление «упадку благосостояния» (189). Автор заключает:

«Мы остановились на факте уменьшения числа крепостного населения перед освобождением, потому что он – по на-

шему мнению – бросает яркий свет на экономическое положение России в ту эпоху. Значительная часть страны была… насыщена населением при данных технико-экономических и социально-юридических условиях: последние были прямо неблагоприятны для сколько-нибудь быстрого размножения почти 40 % всего населения» (189). При чем же тут «закон» Мальтуса о соответствии размножения со средствами существования, когда крепостнические общественные порядки направляли эти средства существования в руки кучки крупных землевладельцев, минуя массу населения, размножение которой подвергается изучению? Можно ли признать какую-нибудь цену за таким, например, соображением автора, что наименьший прирост оказался или в малоплодородных губерниях со слабым развитием промышленности, или в густо населенных чисто земледельческих губерниях? Г. Струве хочет видеть в этом проявление «некапиталистического перенаселения», которое должно было бы наступить и без товарного хозяйства, которое «соответствует натуральному хозяйству». Но с таким же, если не с большим правом можно было бы сказать, что это перенаселение соответствует крепостному хозяйству, что медленный рост населения всего более зависел от того усиления эксплуатации крестьянского труда, которое произошло вследствие роста товарного производства в помещичьих хозяйствах вследствие того, что они стали употреблять барщинный труд на производство хлеба *для продажи,* а не на свои только потребности. Приме-

ры автора говорят против него: они говорят о невозможности построить абстрактный закон народонаселения, по формуле о соответствии размножения со средствами существования, игнорируя исторически особые системы общественных отношений и стадии их развития.

Переходя к пореформенной эпохе, г. Струве говорит; «в истории населения после падения крепостного права мы видим ту же основную черту, что и до освобождения. Энергия размножения в общем стоит в прямой зависимости от земельного простора и земельного надела» (198). Это доказывается табличкой, группирующей крестьян по размеру надела и показывающей, что прирост населения тем больше, чем больше размер надела. *«Да оно и не может быть иначе при условии натурального,* «самопотребительского»… хозяйства, служащего прежде всего для непосредственного удовлетворения нужд самого производителя» (199).

Действительно, *если бы это было так,* если бы наделы служили прежде всего для непосредственного удовлетворения нужд производителя, если бы они представляли единственный источник удовлетворения этих нужд, – тогда и только тогда можно было бы выводить из подобных данных общий закон размножения. Но мы знаем, что это не так. Наделы служат «прежде всего» для удовлетворения нужд помещиков и государства: они отбираются от владельцев, если эти «нужды» не удовлетворяются в срок; они облагаются платежами, превышающими их доходность. Далее, это – не

единственный ресурс крестьянина. Дефицит в хозяйстве, говорит автор, должен превентивно и репрессивно отражаться на населении. Отхожие промыслы, отвлекая взрослое мужское население, сверх того задерживают размножение (199). Но если дефицит надельного хозяйства покрыт арендой или промысловым заработком, то средства существования крестьянина могут оказаться вполне достаточными для «энергичного размножения». Бесспорно, что так благоприятно обстоятельства могут сложиться лишь для меньшинства крестьян, но – при отсутствии специального разбора производственных отношений внутри крестьянства – ниоткуда не видно, чтобы этот прирост шел равномерно, чтобы он не вызывался преимущественно благосостоянием меньшинства. Наконец, автор сам ставит условием доказательности своего положения – натуральное хозяйство, а после реформы, по его собственному признанию, широкой волной проникло в прежнюю жизнь товарное производство. Очевидно, что *для установления общего закона размножения* данные автора абсолютно недостаточны. Мало того – абстрактная «простота» этого закона, предполагающего, что средства производства в рассматриваемом обществе «служат прежде всего для непосредственного удовлетворения нужд самого производителя», дает совершенно неправильное, ничем не доказанное освещение в высшей степени сложным фактам. Например: после освобождения – говорит г. Струве – помещикам выгодно было сдавать крестьянам земли в аренду. «Таким об-

разом, пищевая площадь, доступная крестьянству, т. е. его средства существования, увеличилась» (200). Это прямолинейное отнесение всей аренды на счет «пищевой площади» совершенно голословно и неверно. Автор сам указывает, что помещики брали себе львиную долю продукта, производимого на их земле (200), так что еще «опрос, не ухудшала ли такая аренда (за отработки, например) положения арендаторов, не возлагала ли она на них обязательств, приводивших в конце концов к уменьшению пищевой площади. Далее, автор сам указывает, что аренда под силу лишь зажиточным (216) крестьянам, в руках которых она должна являться скорее средством расширения товарного хозяйства, чем укрепления «самопотребительского». Если бы даже было доказано, что в общем аренда улучшила положение «крестьянства», – то какое значение могло бы иметь это обстоятельство, когда, по словам самого автора, бедняки разорялись арендами (216) – т. е. это улучшение для одних означало ухудшение для других? В крестьянской аренде, очевидно, переплетаются старые, крепостнические отношения и новые, капиталистические; абстрактное рассуждение автора, не принимающего во внимание ни тех, ни других, не только не помогает разобраться в этих отношениях, а напротив, запутывает дело.

Остается еще одно указание автора на данные, подтверждающие, якобы, его взгляды. Это именно ссылка на то, что «старое слово *малоземелье* есть только общежитейский тер-

мин для того явления, которое наука называет перенаселением» (186). Автор как бы опирается, таким образом, на всю нашу народническую литературу, которая бесспорно установила тот факт, что крестьянские наделы «недостаточны», которая тысячи раз «подкрепляла» свои пожелания о «расширении крестьянского землевладения» таким «простым» соображением: население увеличилось – наделы измельчали – естественно, что крестьяне разоряются. Едва ли, однако, это избитое народническое рассуждение о «малоземелье» имеет какое-нибудь научное[219] значение, едва ли оно может годиться на что-нибудь иное, кроме как на «благонамеренные речи» в комиссии по вопросу о безболезненном шествовании отечества по правильному пути. В этом рассуждении за деревьями не видно леса, за внешними контурами явления не видно основного общественно-экономического фона картины. Принадлежность огромного земельного фонда представителям «стародворянского» уклада – с одной стороны, приобретение земли покупкой, с другой – вот тот основной фон, при котором всякое «расширение землевладения» останется жалким паллиативом. И народнические рассуждения о малоземелье, и мальтусовы «законы» о соответствии размножения со средствами существования грешат именно своей абстрактной «простотой», игнорирующей данные, конкрет-

[219] То есть это рассуждение совершенно непригодно для *объяснения* разорения крестьянства и перенаселения, хотя самый факт «недостаточности» стоит вне спора, равно как и обострение его вследствие роста населения. Требуется не констатировать факт, а объяснить, откуда он вышел.

ные общественно-экономические отношения.

Этот обзор аргументов г. Струве приводит нас к тому выводу, что положение его, будто перенаселение в земледельческой России объясняется несоответствием размножения со средствами существования, решительно ничем не доказано. Свои аргументы он заключает таким образом: «и вот – перед нами картина натурально-хозяйственного перенаселения, осложненного товарно-хозяйственными моментами и другими важными чертами, унаследованными от социального строя крепостной эпохи» (200). Конечно, про всякий экономический факт, происходящий в стране, которая переживает переход от «натурального» хозяйства к «товарному», можно сказать, что это – явление «натурально-хозяйственное, осложненное товарно-хозяйственными моментами». Можно и наоборот сказать: «товарно-хозяйственное явление, осложненное натурально-хозяйственными моментами» – но все это не в состоянии дать не только «картины», но даже и малейшего представления о том, *как именно* создается перенаселение на почве *данных общественно-экономических отношений.* Окончательный вывод автора против г. Н.—она и его теории капиталистического перенаселения в России гласит: «наши крестьяне производят недостаточно пищи» (237).

Земледельческое производство крестьян до сих пор дает продукты, идущие помещикам, получающим чрез посредство государства выкупные платежи, – оно служит постоян-

ным объектом операций торгового и ростовщического *капитала,* отбирающего громадные доли продукта у преобладающей массы крестьянства, – наконец, среди самого «крестьянства» это производство распределено так сложно, что общий и средний плюс (аренда) оказывается для массы минусом, и всю эту сеть общественных отношений г. Струве разрубает как гордиев узел[106] абстрактным и голословнейшим решением: «недостаточно производство». Нет, эта теория не выдерживает никакой критики: она только загромождает то, что подлежит исследованию, – производственные отношения в земледельческом хозяйстве крестьян. Мальтузианская формула изображает дело так, как будто перед нами tabula rasa, а не крепостнические и буржуазные отношения, переплетающиеся в современной организации русского крестьянского хозяйства.

Разумеется, мы никак не можем удовлетвориться одной критикой взглядов г. Струве. Мы должны еще задаться вопросом: в чем основания его ошибки? и кто из противников (г. Н.—он и г. Струве) прав в своих объяснениях перенаселения?

Г. Н.—он основывает свое объяснение перенаселения на факте «освобождения» массы рабочих вследствие капитализации промыслов. При этом он приводит только данные о росте крупной фабрично-заводской промышленности и оставляет без внимания параллельный факт роста кустарных промыслов, выражающий углубление общественного разделе-

ния труда[220]{151}. Он переносит свое объяснение на земледелие, даже и не пытаясь обрисовать точно его общественно-экономическую организацию и *степень ее развития*.

Г. Струве указывает в ответ на это, что «капиталистическое перенаселение в смысле Маркса тесно связано с прогрессом техники» (183), и так как он, вместе с г.—оном, находит, что «техника» крестьянского «хозяйства почти не прогрессировала» (200), – то он и отказывается признать перенаселение в земледельческой России капиталистическим и ищет других объяснений.

Указание г. Струве в ответ г. Н.—ону правильно. Капиталистическое перенаселение создается тем, что *капитал* овладевает производством и, уменьшая число необходимых (для производства данного количества продуктов) рабочих, создает излишнее население. Маркс говорит о капиталистическом перенаселении в земледелии следующее:

«Как скоро капиталистическое производство овладевает сельским хозяйством, или, по мере того как оно овладевает им, спрос на сельских рабочих абсолютно уменьшается вме-

---

[220] Известен факт роста наших кустарных промыслов и появления массы новых после реформы. Известно также теоретическое объяснение этого факта наряду с капитализацией других промыслов, данное Марксом при объяснении «создания внутреннего рынка для промышленного капитала» [«Das Kapital», 2. Aufl., S. 776 u. ff. («Капитал», 2-е изд., стр. 776 и ел. – *Ред.*)]{151}.

{151} В. И. Ленин имеет в виду двадцать четвертую главу первого тома «Капитала» (§ 5 – «Обратное влияние земледельческой революции на промышленность. Создание внутреннего рынка для промышленного капитала») (см. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 748).

сте с накоплением функционирующего в этой области капитала, причем выталкивание рабочих не сопровождается, как в промышленности неземледельческой, большим привлечением их. Поэтому часть сельского населения постоянно готова перейти в городское или мануфактурное население[221]. (Мануфактура – здесь в смысле всякой неземледельческой промышленности.) Этот источник относительного перенаселения течет, таким образом, постоянно. Но его постоянное течение предполагает уже в деревне постоянное скрытое перенаселение, размер которого становится виден только тогда, когда отводные каналы открываются необыкновенно широко. В силу этого сельский рабочий вынужден ограничиваться минимумом заработной платы и постоянно стоит одной ногой в болоте пауперизма» («Das Kapital», 2. Aufl., S. 668)[107].

Г-н Н.—он *не доказал* капиталистического характера перенаселения в земледельческой России потому, что не поставил его в связь с капитализмом в земледелии: ограничившись беглым и неполным указанием на капиталистическую эволюцию частновладельческого хозяйства, он совершенно упустил из виду буржуазные черты организации крестьян-

---

[221] Между прочим. Наблюдение этого факта и подало, вероятно, повод Ланге сочинять поправку к теории Маркса, которую он недостаточно понял. Вместо того, чтобы, анализируя этот факт, взять исходным пунктом данный (капиталистический) способ общественного производства и следить за его проявлением в земледелии, он вздумал сочинять из головы разные особенности «народных нравов».

ского хозяйства. Г-ну Струве следовало исправить эту неудовлетворительность изложения г. Н.—она, имеющую очень важное значение, ибо игнорирование капитализма в земледелии, его господства и в то же время его слабого еще развития, естественно, повело к теории об отсутствии или сокращении внутреннего рынка. Вместо того, чтобы свести теорию г. Н.—она к конкретным данным нашего земледельческого капитализма, г. Струве впал в другую ошибку, отрицая совершенно капиталистический характер перенаселения.

Вторжением *капитала* в земледельческое хозяйство характеризуется вся пореформенная история. Помещики переходили (медленно или быстро, это – другой вопрос) к вольнонаемному труду, который получил весьма широкое распространение и определил собой даже характер преобладающей части крестьянских заработков; они повышали технику и вводили в употребление машины. Даже вымирающая крепостническая система хозяйства – отдача крестьянам земли за отработки – подвергалась буржуазному превращению вследствие конкуренции крестьян, поведшей к ухудшению положения съемщиков, к более тяжелым условиям[222]{152} и,

---

[222] См., например, Карышева («Итоги земской статистики», т. II, с. 266) – указание сборника по Ростовскому н/Д. уезду на постепенное уменьшение доли крестьян в скопщине{152}. Там же, гл. V, § 9 – о доплатах крестьян трудом при издольной аренде.

{152} *Скопщиной* называлась в южных районах России натуральная, кабальная аренда, когда арендатор уплачивал землевладельцу «с копны» определенную долю урожая (половину, а иногда и более) и сверх того обычно отдавал ему часть

следовательно, к уменьшению числа рабочих. В крестьянском хозяйстве обнаружилось совершенно ясно разложение крестьянства на деревенскую буржуазию и пролетариат. «Богатеи» расширяли запашку, улучшали хозяйство [ср. *В. В.* «Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве»] и вынуждены были прибегать к наемному труду. Все это – давно установленные, общепризнанные факты, которые указывает (как сейчас увидим) и сам г. Струве. Возьмем еще для иллюстрации самый обыкновенный в русской деревне случай: «кулак» оттягал у «общины», вернее, у сообщинников пролетарского типа, лучший кусок надельной земли и ведет на нем хозяйство трудом и инвентарем тех же «обеспеченных наделом» крестьян, которые опутаны долгами и обязательствами и привязаны к своему благодетелю – для социального взаимоприспособления и солидарной деятельности – силою излюбленных народниками общинных начал. Его хозяйство ведется, конечно, лучше хозяйства разоренных крестьян и требует гораздо меньше рабочих сравнительно с тем временем, когда этот кусок был в руках нескольких мелких хозяев. Что подобные факты не единичны, а всеобщи, – этого ни один народник отрицать не может. Самобытность их теорий состоит только в том, что они не хотят назвать эти факты их настоящим именем, не хотят видеть, что они означают *господство капитала в земледелии.* Они забывают, что первичной формой *капитала* всегда и везде был капитал торговый,

---

своего труда в виде разнообразных «отработков».

денежный, что капитал всегда берет технический процесс производства таким, каким он его застает, и лишь впоследствии подвергает его техническому преобразованию. Они не видят поэтому, что, «отстаивая» (словами, разумеется, – не более того) современные земледельческие порядки от «грядущего» (?!) капитализма, они отстаивают только *средневековые* формы капитала от натиска его новейших, чисто буржуазных форм.

Таким образом, нельзя отрицать капиталистического характера перенаселения в России, как нельзя отрицать господства капитала в земледелии. Но совершенно нелепо, разумеется, игнорировать *степень развития капитала,* как это делает г. Н.—он, который в своем увлечении представляет его почти завершившимся и потому сочиняет теорию о сокращении или отсутствии внутреннего рынка, тогда как на самом деле капитал, хотя уже и господствует, но в очень неразвитой сравнительно форме; до полного развития, до полного отделения производителя от средств производства еще много промежуточных ступеней, и каждый шаг вперед земледельческого капитализма означает *рост* внутреннего рынка, который, по теории Маркса, именно земледельческим капитализмом и создается, – который в России не сокращается, а, напротив, складывается и развивается.

Далее, мы видим из этой, хотя бы и самой общей характеристики нашего земледельческого капитализма[223], что он

---

[223] О нем будет подробнее говориться ниже, по отношению к крестьянам и

не покрывает собой *всех* общественно-экономических отношений в деревне. Рядом с ним мы видим все еще и крепостнические отношения – и в хозяйственной области (например, сдача отрезных земель за отработки и взносы натурой – тут налицо все признаки крепостнического хозяйства: и натуральный «обмен услуг» между производителем и владельцем средств производства, и эксплуатация производителя посредством *прикрепления* его к земле, а не отделения от средств производства), и еще более в социальной и юридико-политической (обязательное «обеспечение наделом», прикрепление к земле, т. е. отсутствие свободы передвижения, платеж выкупных, т. е. того же оброка помещику, подчинение привилегированным землевладельцам в области суда и управления и т. д.); эти отношения тоже ведут, несомненно, к разорению крестьян и к безработице, «перенаселению» прикрепленных к земле батраков. Капиталистическая основа современных отношений не должна скрывать этих все еще могущественных остатков «стародворянского» наслоения, которые *еще не разрушены* капитализмом именно вследствие его неразвитости. Неразвитость капитализма, «отсталость России», которую народники считают «счастьем»[224], является «счастьем» только для эксплуататоров благородного звания. В современном «перенаселении» кроме основных капиталистических черт есть, следо-

---

помещикам отдельно.

[224] Г-н Южаков в «Русском Богатстве».

вательно, еще крепостнические.

Если мы сравним это последнее положение с положением г-на Струве о том, что в «перенаселении» есть натурально-хозяйственные и товарно-хозяйственные черты, то увидим, что первое не исключает второго, а, напротив, включается в него: крепостное право относится к явлениям «натурально-хозяйственным», капитализм – к «товарно-хозяйственным». Положение г-на Струве, с одной стороны, точно не указывает, какие именно *отношения* натурально-хозяйственные и какие товарно-хозяйственные, а, с другой стороны, ведет нас назад к голословным и бессодержательным «законам» Мальтуса.

Из этих недостатков, естественно, вытекла неудовлетворительность последующего изложения. «Каким же образом, – спрашивает автор, – на каких началах *может* быть реорганизовано наше народное хозяйство?» (202). Странный вопрос, формулированный опять-таки совершенно по-профессорски, совершенно так, как привыкли ставить вопросы гг. народники, констатирующие неудовлетворительность настоящего и выбирающие лучшие пути для отечества. «Наше народное хозяйство» есть капиталистическое хозяйство, организация и «реорганизация» которого определяется буржуазией, «заведующей» этим хозяйством. Вместо вопроса о возможной реорганизации и следовало поставить вопрос о последовательных ступенях развития этого буржуазного хозяйства, – следовало с точки зрения той именно тео-

рии, во имя которой автор так прекрасно отвечает г-ну В. В., аттестующему г. Н.—она «несомненным марксистом», что этот «несомненный марксист» понятия не имеет о классовой борьбе и о классовом происхождении государства. Изменение постановки вопроса в указанном смысле гарантировало бы автора от таких сбивчивых рассуждений о «крестьянстве», которые мы читаем на стр. 202–204.

Автор начинает с того, что крестьянству недостаточно надельной земли, что если оно и покрывает этот недостаток арендой, то «у значительной части его» тем не менее *всегда* бывает дефицит; говорить о крестьянстве, как о целом, нельзя, ибо это значит говорить о фикции[225] (с. 203). И непосредственно из этого выводится:

«Во всяком случае, недостаточное производство – *основной, доминирующий* факт нашего народного хозяйства» (с. 204). Совершенно голословно и ни в какой связи не стоит с предыдущим: почему «основным, доминирующим фактом» не является тот, что крестьянство как целое есть фикция, ибо внутри его складываются враждебные классы? Автор делает свой вывод без всяких данных, без всякого анализа фактов, относящихся к «недостаточному производству» [которое, однако, не мешает меньшинству обзаводиться достатком на счет большинства] или к расчленению крестьянства, – просто в силу какого-то предубеждения в пользу

---

[225] «Главный недостаток рассуждений г. Голубева в его замечательных статьях состоит именно в том, что он никак не может отделаться от этой фикции» (203).

мальтузианства. – «Поэтому, – продолжает он, – увеличение производительности земледельческого труда прямо выгодно и благодетельно для русского крестьянства» (204). Мы в недоумении: сейчас только автор выставил против народников серьезное (и в высшей степени справедливое) обвинение за рассуждения о «фикции» – «крестьянстве» вообще, а теперь сам вводит в свой анализ эту фикцию! Если отношения внутри этого «крестьянства» таковы, что меньшинство становится «экономически крепким», а большинство пролетаризуется, если меньшинство расширяет землевладение и богатеет, а большинство имеет всегда дефицит и разоряется, то каким образом можно говорить о «выгодности и благодетельности» процесса вообще? Вероятно, автор хотел сказать, что процесс выгоден и для той и для другой части крестьянства. Но тогда, во-первых, он должен был разобрать положение каждой отдельной группы и исследовать его особо, а во-вторых, при наличности антагонизма между группами, необходимо было определенно установить, с точки зрения *какой* группы говорится о «выгодности и благодетельности». Неудовлетворительность, недоговоренность объективизма г-на Струве еще и еще раз подтверждается на этом примере.

Так как г. Н.—он по данному вопросу держится противного мнения, утверждая, что «увеличение производительности земледельческого труда[226], если продукты будут производиться в виде товара, не может служить к поднятию на-

[226] «Как бы ни было» оно «желательно и необходимо», – добавляет г. Н.—он.

родного благосостояния» («Очерки», с. 266), – то г. Струве и переходит теперь к опровержению этого мнения.

Во-первых, говорит он, тот крестьянин, на которого современный кризис обрушился всей своей тяжестью, производит хлеб для собственного потребления; он не продает хлеб, а прикупает его. Для такого крестьянина – а их до 50 % (однолошадные и безлошадные) и уже никак не менее 25 % (безлошадные) – увеличение производительности труда во всяком случае выгодно, несмотря на понижение цены хлеба.

Да, конечно, увеличение производительности было бы для такого крестьянина выгодно, если бы он мог удержать свое хозяйство и поднять его на высшую ступень. Но ведь этих-то условий и нет у однолошадных и безлошадных крестьян. Им не под силу удержать теперешнее свое хозяйство, с его примитивными орудиями, с небрежной обработкой почвы и т. д., а не то чтобы повышать технику. Это повышение техники является результатом роста товарного хозяйства. И если уже на данной ступени развития товарного производства продажа хлеба является необходимостью даже для тех крестьян, которым приходится прикупать хлеб, то последующая ступень сделает эту продажу еще более обязательной (автор сам признает необходимость перехода от натурального хозяйства к товарному), и конкуренция повысивших культуру хозяев неминуемо и немедленно экспроприирует его до конца, обратит из пролетария, прикрепленного к земле, в пролетария, свободного как птица. Я вовсе не хочу сказать,

чтобы такая перемена была *для него* невыгодна. Напротив, раз производитель уже попал в лапы капитала – а это бесспорно совершившийся факт по отношению к рассматриваемой группе крестьянства – ему весьма «выгодна и благодетельна» полная свобода, позволяющая менять хозяев, развязывающая ему руки. Но полемика гг. Струве и Н.—она ведется совсем не в области *таких* соображений.

Во-вторых, продолжает г. Струве, г. Н.—он «забывает, что повышение производительности земледельческого труда возможно только путем изменений в *технике* и в *системе* хозяйства или полеводства» (206). Действительно, г. Н.—он забывает это, но это соображение только усилит положение о неизбежности окончательной экспроприации несостоятельных крестьян, крестьян «пролетарского типа». Для изменения техники к лучшему нужны свободные денежные средства, а у этих крестьян нет даже продовольственных средств.

В-третьих – заключает автор – не прав г. Н.—он, утверждая, что повышение производительности земледельческого труда заставит конкурентов понизить цену. Для такого понижения – справедливо говорит г. Струве – необходимо, чтобы производительность нашего земледельческого труда не только догнала западноевропейскую [в этом случае мы будем продавать продукт по уровню общественно-необходимого труда], но и перегнала ее. – Это возражение вполне основательно, но оно ничего еще не говорит о том, для какой именно части «крестьянства» и в силу чего будет выгодно

это повышение техники.

«Вообще г. Н.—он напрасно так боится увеличения производительности земледельческого труда» (207). Происходит это у него, по мнению г. Струве, оттого, что он не может себе иначе представить прогресс сельского хозяйства, как в виде прогресса экстенсивного земледелия, сопровождающегося все большим и большим выталкиванием рабочих машинами.

Автор очень метко характеризует отношение г. Н.—она к росту земледельческой техники словом: «боязнь»; он совершенно прав, что эта боязнь – нелепа. Но его аргументация затрагивает, кажется нам, не основную ошибку г. Н.—она.

Г. Н.—он, придерживаясь будто бы со всей строгостью доктрины марксизма, резко отличает тем не менее капиталистическую эволюцию земледелия в капиталистическом обществе от эволюции обрабатывающей промышленности, – различает в том отношении, что для последней он признает прогрессивную работу капитализма, обобществление труда, а для первой не признает. Поэтому для обрабатывающей промышленности он «не боится» увеличения производительности труда, а для земледелия – «боится», *хотя общественно-экономическая сторона дела и отражение этого процесса на разных классах общества совершенно одинаково в обоих случаях…* Маркс выразил это положение особенно рельефно в следующем замечании: «Филантропические английские экономисты, как Милль, Роджерс, Гольдвин Смит,

Фаусетт и т. д., и либеральные фабриканты, как Джон Брайт и К^0, спрашивают английских поземельных аристократов, как бог спрашивал Каина о его брате Авеле, – куда девались тысячи наших крестьян? – Да откуда же вы-то произошли? Из уничтожения этих крестьян. И почему вы не спрашиваете, куда девались самостоятельные ткачи, прядильщики, ремесленники?» («Das Kapital», I, S. 780, Anm. 237[227{153}]). Последняя фраза наглядно отождествляет судьбу мелких производителей в земледелии с судьбой их в обрабатывающей промышленности, подчеркивает образование классов буржуазного общества в обоих случаях[228{154}]. Основная ошибка г. Н.—она состоит именно в том, что он игнорирует эти классы, их образование в нашем крестьянстве, не задается целью проследить со всей точностью каждую последовательную ступень развития противоположности этих классов.

Но г. Струве совсем не так ставит вопрос. Он не только не исправляет указанной ошибки г. Н.—она, а, напротив, *сам повторяет ее,* рассуждая с точки зрения профессора, стоящего *над* классами, о «выгодности» прогресса для «крестьянства». Это покушение подняться выше классов приводит к крайней туманности положений автора, туманности,

---

[227] «Капитал», т. I, стр. 780, прим. 237.{153} – *Ред.*

{153} См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 752–753 (примечание 237).

[228] См. особенно § 4 главы XXIV: «Генезис капиталистических арендаторов». Стр. 773–776.{154}

{154} См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 746–748.

доходящей до того, что из них могут быть сделаны буржуазные выводы: против неоспоримо верного положения, что капитализм в земледелии (как и капитализм в индустрии) ухудшает положение производителя – он выдвигает положение о «выгодности» этих изменений *вообще*. Это все равно, как если бы кто-нибудь, рассуждая о машинах в буржуазном обществе, стал опровергать теорию экономиста-романтика, что они ухудшают положение трудящихся, доказательствами «выгодности и благодетельности» прогресса вообще.

На соображение г-на Струве народник, вероятно, ответит: г. Н.—он боится не увеличения производительности труда, а буржуазности.

Что прогресс техники в земледелии при наших капиталистических порядках связан с буржуазностью, – это несомненно, но «боязнь», проявляемая народниками, разумеется, совершенно нелепа. Буржуазность – уже факт действительной жизни, труд подчинен капиталу уже и в земледелии, – и «бояться» надо не буржуазности, а отсутствия сознания этой буржуазности у производителя, отсутствия у него способности отстаивать свои интересы против нее. Поэтому надо желать не задержки развития капитализма, а, напротив, полного его развития, развития до конца.

Чтобы подробнее и точнее указать основания той ошибки, которую допустил г. Струве, трактуя о земледелии в капиталистическом обществе, попробуем обрисовать (в самых общих чертах) процесс образования классов рядом с теми

изменениями в технике, которые подали повод к рассуждению. Г. Струве различает при этом строго экстенсивное земледелие и интенсивное, усматривая корень заблуждений г. Н.—она в том, что он кроме экстенсивного земледелия не хочет ничего знать. Мы постараемся доказать, что *основная* ошибка г. Н.—она не в этом, что, при переходе земледелия в интенсивное, образование классов буржуазного общества в сущности однородно с тем, которое происходит при развитии экстенсивного земледелия.

Об экстенсивном земледелии говорить много не приходится, потому что и г. Струве признает, что тут получается выталкивание буржуазией «крестьянства». Отметим только два пункта. Во-первых. Прогресс техники вызывается товарным хозяйством; для осуществления его необходима наличность у хозяина свободных, избыточных [по отношению к его потреблению и воспроизведению его средств производства] *денежных* средств. Откуда могут взяться эти средства? Очевидно, они не могут взяться ниоткуда, кроме как из того, что обращение: товар – деньги – товар превратится в обращение: деньги – товар – деньги с плюсом. Другими словами, средства эти могут взяться исключительно от капитала, *от торгового и ростовщического капитала,* от тех самых «коштанов, кулаков, купцов» и т. д., которых наивные российские народники относят *не* к капитализму, *а* к «хищничеству» (как будто капитализм не есть хищничество! как будто русская действительность не показывает нам взаимной

связи всевозможных форм этого «хищничества» – от самого примитивного и первобытного кулачества до самого новейшего, рационального предпринимательства!)[229]. Во-вторых, отметим странное отношение г. Н.—она к этому вопросу. В примечании 2-м на стр. 233-й он опровергает автора «Южнорусского крестьянского хозяйства» В. Е. Постникова, который указывает, что машины повысили рабочую площадь крестьянского двора ровно вдвое, с 10 дес. до 20 дес. на рабочего, и что поэтому причина «бедности России» – «малый размер крестьянского хозяйства». Другими словами: рост техники в буржуазном обществе ведет к экспроприации мелких и отсталых хозяйств. Г. Н.—он возражает: завтра техника может еще втрое повысить рабочую площадь. Тогда 60-десятинные хозяйства надо будет превратить в 200 или 300-десятинные. – Такой аргумент против положения о буржуазности нашего земледелия так же смешон, как если бы кто-нибудь стал доказывать слабость и бессилие

---

[229] Есть у гг. народников еще один, весьма глубокий, прием затушевывать корни нашего промышленного капитализма в «народном производстве», т. е. в «народном» ростовщичестве и кулачестве. Кулак несет свои «сбережения» в государственный банк; вклады его позволяют банку, опираясь на рост народного богатства, народных сбережений, народной предприимчивости, народной кредитоспособности, занять денег у англичанина. Занятые деньги «государство» обращает на помощь… – какая недальновидная политика! какое печальное игнорирование «современной науки» и «современных нравственных идей»! – … *капиталистам.* Спрашивается теперь, неужели не ясно, что ежели бы государство обращало эти деньги (капиталистов) не на капитализм, а на «народное производство», – то у нас на Руси был бы не капитализм, а «народное производство»?

фабричного капитализма на том основании, что сегодняшнюю паровую машину придется «завтра» заменить электрической. «Также остается неизвестным, куда деваются миллионы освободившихся рабочих сил», – добавляет г. Н.—он, призывая на суд перед собой буржуазию и забывая, что судить-то ее некому, кроме самого производителя. Образование резервной армии безработных – такой же необходимый результат применения машин в буржуазном земледелии, как и в буржуазной индустрии.

Итак, по отношению к развитию экстенсивного земледелия нет сомнения, что прогресс техники при товарном хозяйстве ведет к превращению «крестьянина» в фермера, с одной стороны (понимая под фермером предпринимателя, капиталиста в земледелии), – в батрака и поденщика, с другой. Посмотрим теперь на тот случай, когда экстенсивное земледелие переходит в интенсивное. Г-н Струве именно от этого процесса ждет «выгод» для «крестьянина». Чтобы устранить спор о пригодности того материала, по которому мы описываем этот переход, воспользуемся сочинением: «Влияние парового транспорта на сельское хозяйство» г-на А. И. Скворцова[230], которого так безмерно восхваляет

---

[230] В нашей литературе принято относить его к марксистам. На это есть так же мало оснований, как и на зачисление в марксисты г-на Н.—она. Г-н А. Скворцов тоже не знаком с учением о классовой борьбе и классовом характере государства. Его практические предложения в «Экономических этюдах» ничем не отличаются от обыкновенных буржуазных предложений. Если он гораздо трезвее смотрит на русскую действительность, чем гг. народники, то на этом *одном* основании

г. Струве.

В главе 3-ей отдела IV своей книги г. А. Скворцов рассматривает «изменение техники земледелия под влиянием парового транспорта» в странах экстенсивных и интенсивных. Возьмем описание этого изменения в *густонаселенных экстенсивных странах.* Можно думать, что центральная Европейская Россия подойдет под такую характеристику. Г-н Скворцов предсказывает для такой страны те же изменения, которые неминуемо должны произойти, по мнению г-на Струве, и в России, именно: превращение в страну интенсивного земледелия с развитым фабричным производством.

Последуем за г. А. Скворцовым (§§ 4–7, с. 440–451).

Страна экстенсивная[231]. Весьма значительная часть населения занята земледелием.

Однообразие занятий вызывает отсутствие рынка. Население бедно, во-первых, вследствие малого размера хозяйств и, во-вторых, вследствие отсутствия обмена: «удовлетворение остальных потребностей, кроме пищи, производимой самим земледельцем, совершается, можно сказать, исключительно на счет произведений первобытного ремесла, так называемого у нас кустарного промысла».

следовало бы зачислить в марксисты и г. Б. Чичерина и многих других.

[231] Г-н А. Скворцов указывает, что обыкновенно под экстенсивной страной разумеют малонаселенную (с. 439, прим.). Он считает это определение неправильным, указывая следующие признаки экстенсивности: 1) сильные колебания урожаев; 2) однообразие культур и 3) отсутствие внутренних рынков, т. е. больших городов, концентрирующих в себе обрабатывающую промышленность.

Проведение железной дороги повышает цену земледельческих продуктов и, следовательно, увеличивает покупательную силу населения. «Вместе с железною дорогою страна наводняется дешевыми произведениями мануфактур и фабрик», которые разоряют местных кустарей. Это – первая причина «крушения многих хозяйств».

Вторая причина того же явления – неурожаи. «Земледелие также велось до сих пор первобытным способом, т. е. всегда нерационально, и, следовательно, неурожаи составляют нередкое явление, а с проведением железной дороги вздорожание продукта, бывшее прежде последствием неурожая, или совсем не имеет места, или, во всяком случае, значительно уменьшается. Поэтому естественным последствием первого же неурожая здесь является обыкновенно крушение многих хозяйств. Такой результат является тем скорее, чем вообще меньше были избытки нормальных урожаев и чем более население должно было полагаться на заработок от кустарных промыслов».

Для того, чтобы обойтись без кустарных промыслов и обеспечить себя от неурожаев переходом к интенсивному (рациональному) земледелию, – необходимы, во-первых, большие избытки денежных средств (от продажи по более высоким ценам земледельческих продуктов) и, во-вторых, интеллигентная сила населения, без которой невозможно повышение рациональности и интенсивности. У массы населения, конечно, этих условий нет: им удовлетворяет лишь

меньшинство[232].

«Избыточное население, образовавшееся таким образом [т. е. вследствие «ликвидации» многих хозяйств, разоренных падением кустарных промыслов и более высокими требованиями от земледелия], частью будет поглощено теми хозяйствами, которые выйдут из этого положения более счастливо и будут иметь возможность увеличить интенсивность производства» (т. е., конечно, будут «поглощены» в качестве наемных рабочих, батраков и поденщиков. Г-н А. Скворцов не говорит этого, считая, может быть, что это слишком ясно). Потребуется большая затрата живой силы, ибо близость рынка, достигаемая улучшенными путями сообщения, дает возможность производить трудно транспортируемые продукты, «производство которых по большей части требует значительной затраты живой рабочей силы». «Обыкновенно, однако, – продолжает г. Скворцов, – процесс разрушения идет гораздо быстрее процесса улучшения сохранившихся хозяйств, и часть разоренных хозяев должна выселиться если не вон из страны, то по крайней мере в города. Эта-то часть составила главный контингент прироста населения европейских городов со времени проведения железных дорог».

Далее. «Избыток населения означает дешевые рабочие руки». «При плодородной почве (и благоприятном климате…)

---

[232] «Для такой страны (насыщенной населением при данной степени хозяйственной культурности) мы должны допустить, что, с одной стороны, малые избытки, с другой – низкая образовательная ступень населения заставляет, при изменившихся условиях, многие хозяйства прийти к ликвидации» (442).

здесь даны все условия для культуры растений и вообще производства земледельческих продуктов, требующих большого расхода рабочей силы на единицу пространства» (443), тем более, что мелкие размеры хозяйств («хотя они, быть может, и увеличатся против прежнего») затрудняют введение машин. «Рядом с этим не останется без изменения и основной капитал, и прежде всего должен изменить свой характер мертвый инвентарь». И помимо машин «необходимость лучшей обработки почвы поведет к замене прежних первобытных орудий более совершенными, к замене дерева железом и сталью. Это преобразование необходимо вызовет образование здесь фабрик, занятых приготовлением таких орудий, ибо они не могут быть изготовляемы сколько-нибудь сносно кустарным путем». Развитию этой отрасли промышленности благоприятствуют следующие условия: 1) необходимость получить машину или часть ее в скором времени; 2) «рабочих рук здесь изобилие, и они дешевы»; 3) топливо, постройки и земля дешевы; 4) «мелкость хозяйственных единиц ведет к тому, что потребление орудий увеличивается, ибо известно, что мелкие хозяйства требуют относительно больше инвентаря». Развиваются и производства иного рода. «Вообще развивается городская жизнь». Развиваются в силу необходимости *горные промыслы,* «так как, с одной стороны, является масса свободных рук, а с другой – благодаря железным дорогам и развитию перерабатывающей машинной и другой промышленности усиливается запрос на продукты горного

промысла.

Таким образом, такой район, бывший до проведения железной дороги густонаселенным районом экстенсивного земледелия, более или менее быстро обращается в район очень интенсивного земледелия с более или менее развитым фабричным производством». Увеличение интенсивности проявляется изменением системы полеводства. Трехполье невозможно вследствие колебания урожаев. Необходим переход к «плодосменной системе полеводства», устраняющей колебания урожаев. Конечно, *полная плодосменная система*[233], требующая очень высокой интенсивности, не может войти в употребление сразу. Сначала поэтому введется *зерновой плодосменный севооборот* [правильное чередование растений], разовьется скотоводство, *посев кормовых трав.*

«В конце концов, следовательно, наш густонаселенный экстенсивный район более или менее быстро, по мере развития путей сообщения, превратится в район высокоинтенсивного хозяйства, причем интенсивность его, как сказано, будет расти прежде всего на счет увеличения переменного капитала».

Это подробное описание процесса развития интенсивного хозяйства показывает наглядно, что и в этом случае прогресс техники при товарном производстве ведет к буржуаз-

---

[233] Признаки ее: 1) вся земля обращается в пашню; 2) пар, по возможности, исключается; 3) в севообороте правильно чередуются растения; 4) возможно тщательная обработка; 5) стойловое содержание скота.

ному хозяйству, раскалывает непосредственного производителя на *фермера,* пользующегося всеми выгодами от интенсивности, улучшения орудий и т. д., – и *рабочего,* доставляющего своей «свободой» и своей «дешевизной» самые «благоприятные условия» для «прогрессивного развития всего народного хозяйства».

Основная ошибка г. Н.—она не в том, что он игнорирует интенсивное земледелие, ограничиваясь одним экстенсивным, а в том, что он вместо анализа классовых противоречий в области русского земледельческого производства угощает читателя бессодержательными ламентациями, что «мы» идем неверным путем. Г-н Струве повторяет эту ошибку, заслоняя классовые противоречия «объективными» рассуждениями, и исправляет лишь второстепенные ошибки г. Н.—она. Это тем более странно, что сам же он совершенно справедливо упрекает этого «несомненного марксиста» в непонимании теории классовой борьбы. Это тем более досадно, что такой ошибкой г. Струве ослабляет доказательное значение своей совершенно верной мысли, что «боязнь» технического прогресса в земледелии нелепа.

Чтобы покончить с этим вопросом о капитализме в земледелии, резюмируем вышеизложенное. Как ставит вопрос г. Струве? Он исходит из априорного, голословного объяснения перенаселения несоответствием размножения со средствами существования, указывает далее, что производство пищи у нашего крестьянина «недостаточно», и решает во-

прос тем, что прогресс техники выгоден для «крестьянства», что «земледельческая производительность должна быть повышена» (211). Как должен он был поставить вопрос, если бы был «связан доктриной» марксизма? Он должен был *начать* с анализа данных производственных отношений в русском земледелии и – показавши, что угнетение производителя объясняется не случайностью и не политикой, а господством *капитала,* необходимо складывающегося на почве товарного хозяйства, – следить далее за тем, как этот капитал разрушает мелкое производство и какие формы при этом принимают классовые противоречия. Он должен был затем показать, как дальнейшее развитие ведет к тому, что капитал перерастает из торгового в индустриальный (принимая такие-то формы при экстенсивном, такие-то при интенсивном хозяйстве), развивая и обостряя ту классовую противоположность, основа которой была вполне уже положена при старой ее форме, окончательно противополагая «свободный» труд «рациональному» производству. Тогда достаточно уже было бы простого сопоставления этих двух последовательных форм буржуазного производства и буржуазной эксплуатации, чтобы «прогрессивный» характер изменения, его «выгодность» для производителя выступила с полной очевидностью: в первом случае подчинение труда капиталу прикрыто тысячами обломков средневековых отношений, которые мешают производителю видеть сущность дела и порождают у его идеолога нелепые и реакционные идеи о

возможности ждать помощи от «общества» *и т. п.;* во втором случае подчинение это совершенно свободно от средневековых пут, и производитель получает возможность и понимает необходимость самостоятельной, сознательной деятельности против своего «антипода». На место рассуждений о «трудном, болезненном переходе» к капитализму выступила бы теория, не только говорящая о классовых противоречиях, но и действительно вскрывающая их в каждой форме «нерационального» и «рационального» производства, «экстенсивного» и «интенсивного» хозяйства.

Результаты, к которым привел нас разбор первой части VI главы книги г. Струве, посвященной «характеру перенаселения в земледельческой России», можно формулировать следующим образом: 1) Мальтузианство г-на Струве не подкреплено никакими фактическими данными и основано на методологически неправильных догматических посылках. – 2) Перенаселение в земледельческой России объясняется господством капитала, а не отсутствием соответствия между размножением и средствами существования населения. – 3) Положение г-на Струве о натурально-хозяйственном характере перенаселения верно только в том смысле, что земледельческий капитал задерживается в неразвитых и потому особенно тяжелых для производителя формах переживанием крепостнических отношений. – 4) Г-н Н.—он не доказал капиталистического характера перенаселения в России потому, что не исследовал господства капитала в зем-

леделии. – 5) Основная ошибка г. Н.—она, повторяемая и г. Струве, состоит в отсутствии анализа тех классов, которые складываются при развитии буржуазного земледелия. – 6) Это игнорирование классовых противоречий у г. Струве естественно привело к тому, что совершенно верное положение о прогрессивности и желательности технических улучшений выражено было в крайне неудачной и туманной форме.

II

Перейдем теперь ко второй части главы VI, посвященной вопросу о разложении крестьянства. Эта часть стоит в прямой и непосредственной связи с предыдущей частью, служа дополнением к вопросу о капитализме в земледелии.

Указавши на повышение цен на сельскохозяйственные продукты в течение первых 20 лет после реформы, на расширение товарного производства в земледелии, г. Струве совершенно справедливо говорит, что от этого «выиграли по преимуществу землевладельцы и зажиточные крестьяне» (214). «Дифференциация в среде крестьянского населения должна была увеличиться, и к этой эпохе относятся первые ее успехи». Автор цитирует указания местных исследователей, что проведение железных дорог подняло только благосостояние зажиточной части крестьянства, что аренда порождает среди крестьян «чистый бой», приводящий все-

гда к победе экономически сильных элементов (216–217). Он цитирует исследование В. Постникова, по которому хозяйство крестьян зажиточных настолько уже подчиняется рынку, что 40 % посевной площади дают продукт, идущий на продажу, и – добавляя, что на противоположном полюсе крестьяне «теряют свою экономическую самостоятельность и, продавая свою рабочую силу, находятся на границе батрачества», – справедливо заключает: «Только проникновением менового хозяйства объясняется тот факт, что экономически сильные крестьянские хозяйства могут извлекать выгоду из разорения слабых дворов» (223). «Развитие денежного хозяйства и рост населения, – говорит автор, – приводит к тому, что крестьянство распадается на две части: одну экономически крепкую, состоящую из представителей новой силы, капитала во всех его формах и степенях, и другую, состоящую из полусамостоятельных земледельцев и настоящих батраков» (239).

Как ни кратки замечания автора об этой «дифференциации», тем не менее они дают нам возможность отметить следующие важные черты рассматриваемого процесса: 1) Дело не ограничивается созданием одного только имущественного неравенства: создается «новая сила» – *капитал.* 2) Создание этой новой силы сопровождается созданием новых типов крестьянских хозяйств: во-первых, зажиточного, экономически крепкого, ведущего развитое товарное хозяйство, отбивающего аренду у бедноты, прибегающего к эксплуата-

ции чужого труда[234]; – во-вторых, «пролетарского» крестьянства, продающего свою рабочую силу капиталу. 3) Все эти явления прямо и непосредственно выросли на почве товарного хозяйства. Г-н Струве сам указал, что без товарного производства они были невозможны, а с его проникновением стали необходимы. 4) Явления эти («новая сила», новые типы крестьянства) относятся к области *производства,* а не ограничиваются областью обмена, товарного обращения: капитал проявляется в земледельческом *производстве;* тоже и продажа рабочей силы.

Казалось бы, эти черты процесса прямо определяют, что мы имеем дело с чисто капиталистическим явлением, что в крестьянстве складываются *классы,* свойственные капиталистическому обществу, – буржуазия и пролетариат. Мало этого: эти факты свидетельствуют не только о господстве капитала в земледелии, но и о том, что капитал сделал уже, если можно так выразиться, второй шаг. Из торгового капитала он превращается в индустриальный, из господствующего на рынке в господствующий в производстве; классовая противоположность богача-скупщика и бедняка-крестьянина превращается в противоположность рационального буржуазного хозяина и свободного продавца свободных рук.

---

[234] Г. Струве не упоминает об этой черте. Она выражается и в употреблении наемного труда, играющего не малую роль в хозяйстве зажиточных крестьян, и в операциях ростовщического и торгового капитала в их руках, равным образом отнимающего сверхстоимость у производителя. Без этого признака нельзя и говорить о «капитале».

Но г. Струве и тут не мог обойтись без своего мальтузианства; в указанном процессе, по его мнению, выражается лишь *одна сторона* дела («только прогрессивная сторона»), рядом с которой есть и другая: «техническая нерациональность всего крестьянского хозяйства»: «в ней выражается, так сказать, регрессивная сторона всего процесса», она «нивелирует» крестьянство, сглаживает неравенство, действуя «в связи с ростом населения» (223–224).

В этом довольно туманном рассуждении только и видно, что автор предпочитает крайне абстрактные положения конкретным указаниям, что он ко всему припутывает «закон» о соответствии размножения со средствами существования. Говорю: припутывает, – потому что, если даже строго ограничиться фактами, приводимыми самим автором, невозможно найти указания на такие конкретные черты процесса, которые бы не подходили под «доктрину» марксизма и требовали признания мальтузианства. Наметим еще раз этот процесс: сначала мы имеем натуральных производителей, крестьян, сравнительно однородных[235]. Проникновение товарного производства ставит богатство отдельного двора в зависимость от рынка, создавая, таким образом, путем рыночных колебаний неравенство и обостряя его, сосредоточивая у одних в руках свободные деньги и разоряя других.

[235] *Работающих на помещика.* Эта сторона отодвигается, чтобы яснее представить переход от натурального хозяйства к товарному. – Что остатки «стародворянских» отношений ухудшают положение производителя и придают разорению особенно тяжелые формы, – об этом было уже говорено.

Эти деньги служат, естественно, для эксплуатации неимущих, превращаются в капитал. Покуда еще разоряющиеся крестьяне держатся за свое хозяйство, капитал может эксплуатировать их, оставляя их хозяйничать по-прежнему, на старых, технически нерациональных основаниях, может основывать эксплуатацию на покупке продукта их труда. Но разорение достигает, наконец, такой степени развития, что крестьянин вынужден совсем бросить хозяйство: он не может уже продавать продукта своего труда, ему остается только продавать труд. Капитал берет тогда хозяйство в свои руки, причем он вынужден уже – силою конкуренции – организовать его рационально; он получает возможность к тому благодаря «сбереженным» ранее свободным денежным средствам, он эксплуатирует уже не хозяина, а батрака, поденщика. Спрашивается, какие же это две стороны отличает автор в этом процессе? Каким образом находит он возможным делать такой чудовищный мальтузианский вывод: «Техническая нерациональность хозяйства, а не капитализм [заметьте это «а не»] – вот тот враг, который отнимает хлеб насущный у нашего крестьянства» (224). Как будто бы этот насущный хлеб доставался когда-нибудь целиком производителю, а не делился на необходимый продукт и прибавочный, получаемый помещиком, кулаком, «крепким» крестьянином, капиталистом!

Нельзя не добавить, однако, что по вопросу о «нивелировке» у автора есть некоторое дальнейшее разъяснение. Он го-

ворит, что «результатом указанной выше нивелировки» является «констатируемое во многих местах *уменьшение* или *далее исчезновение среднего слоя крестьянского населения»* (225). Приведя цитату из земского издания, констатирующего «еще большее увеличение расстояния, отделяющего сельских богатеев от безземельного и безлошадного пролетариата», он заключает: *«Нивелировка* в данном случае, конечно, в то же время и *дифференциация,* но на почве *такой* дифференциации развивается только одна *кабала,* могущая быть лишь тормозом экономического прогресса» (226). – Итак, оказывается уже теперь, что дифференциацию, создаваемую товарным хозяйством, следует противополагать не «нивелировке», а тоже дифференциации, но только дифференциации *иного рода,* а именно кабале. А так как кабала «тормозит» «экономический прогресс», то автор и называет эту «сторону» – «регрессивной».

Рассуждение построено по крайне странным, никак уже не марксистским приемам. Сравниваются «кабала» и «дифференциация», как какие-то две самостоятельные, особые «системы»; одна восхваляется за то, что содействует «прогрессу»; другая осуждается за то, что тормозит прогресс. Куда делось у г. Струве то требование анализа классовых противоположностей, за неисполнение которого он так справедливо нападал на г. Н.—она, то учение о «стихийном процессе», о котором он так хорошо говорил? Ведь эта кабала, которую он сейчас уничтожил за ее регрессивность, представ-

ляет из себя не что иное, как первоначальное проявление капитализма в земледелии, того самого капитализма, который ведет далее к прогрессивному подъему техники. В самом деле, что такое кабала? Это – зависимость владеющего своими средствами производства хозяина, вынужденного работать на рынок, от владельца денег, – зависимость, которая, как бы она различно ни выражалась (в форме ли ростовщического капитала или капитала скупщика, который монополизировал сбыт), – всегда ведет к тому, что громадная часть продукта труда достается не производителю, а владельцу денег. Следовательно, сущность ее – чисто капиталистическая[236], и вся особенность заключается в том, что эта первичная, зародышевая форма капиталистических отношений целиком опутана прежними, крепостническими отношениями: тут нет свободного договора, а есть сделка вынужденная (иногда приказом «начальства», иногда желанием сохранить хозяйство, иногда старыми долгами и т. д.); производитель тут привязан к определенному месту и к определенно-

---

[236] Тут налицо все признаки: товарное производство, как почва, – монополизация продукта общественного труда в форме денег, как результат, – и обращение этих денег в капитал. – Я нисколько не забываю, что эти первичные формы *капитала* встречались в отдельных случаях и до капиталистических порядков. Но дело именно в том, что они являются в современном русском крестьянском хозяйстве не как единичные случаи, а как правило, как господствующая система отношений. Они связались уже (торговыми оборотами, банками) с крупным фабрично-заводским машинным капитализмом и тем показали свою тенденцию; – показали, что представители этой «кабалы» только боевые солдаты единой и нераздельной армии буржуазии.

му эксплуататору: в противоположность безличному характеру товарной сделки, свойственному чисто капиталистическим отношениям, здесь сделка носит непременно личный характер «помощи», «благодеяния», – и этот характер сделки неизбежно ставит производителя в зависимость личную, полу крепостническую. Такие выражения автора, как «нивелировка», «тормоз прогресса», «регрессивность», – не означают ничего иного, кроме того, что капитал овладевает сначала производством на старом основании, подчиняет производителя, технически отсталого. Указание автора, что наличность капитализма не дает еще права считать его «виновным во всех бедствиях», верно в том смысле, что наш работающий на других крестьянин страдает не только от капитализма, но и от недостаточного развития капитализма. Другими словами: в громадной массе крестьянства нет почти уже вовсе самостоятельного производства на себя; наряду с работой на «рациональных» буржуазных хозяев мы видим только работу на владельцев денежного капитала, т. е. тоже капиталистическую эксплуатацию, но только неразвитую, примитивную, которая в силу этого, во-первых, вдесятеро ухудшает положение трудящегося, опутывая его сетью особых, добавочных прижимок, а, во-вторых, отнимает у него (и его идеолога – народника) возможность понять классовый характер совершаемых по отношению к нему «неприятностей» и сообразовать свою деятельность с таковым их характером. Следовательно, «прогрессивная сторона» «диф-

ференциации» (говоря языком г. Струве) состоит в том, что она выводит на свет ту противоположность, которая прячется в форме кабалы, и отнимает у нее ее «стародворянские» черты. «Регрессивность» народничества, отстаивающего крестьянское равнение (пред… кулаком), состоит в том, что оно желает задержать капитал в его средневековых формах, соединяющих эксплуатацию с раздробленным, технически отсталым производством, с личным давлением на производителя. В обоих случаях (и в случае «кабалы», и в случае «дифференциации») причиной угнетения является *капитализм,* и противоположные заявления автора, что дело «не в капитализме», а в «технической нерациональности», что «не капитализм – виновник крестьянской бедности» и т. п., – показывают только, что г. Струве слишком увлекся, защищая правильную мысль о предпочтительности развитого капитализма перед неразвитым, и благодаря абстрактности своих положений противопоставил первое второму не как две последовательные стадии развития данного явления, а как особые случаи[237].

---

[237] На каком основании – спросит, пожалуй, читатель – относится это лишь к *увлечению* г-на Струве? – На том основании, что автор вполне определенно признает капитализм, как основной фон, на котором совершаются все описываемые явления. Он совершенно ясно указал на быстрый рост товарного хозяйства, на разложение крестьянства, на «распространение улучшенных орудий» (245) и т. п., с одной стороны, – на «освобождение крестьян от земли, создание сельского пролетариата» (238), с другой. Он сам, наконец, характеризовал это, как создание новой силы – *капитала,* и отметил решающее значение появления капиталиста между производителем и потребителем.

III

Увлечение автора сказывается и на следующем рассуждении о том, что причину разорения крестьянства нельзя видеть собственно в крупном промышленном капитализме. Он вступает тут в полемику с г. Н.—оном.

Дешевое производство фабричных продуктов – говорит г. Н.—он о фабричной одежде – вызвало сокращение домашней их выработки (с. 227 у г. Струве).

«Дело представлено тут как раз навыворот, – восклицает г. Струве, – и это не трудно показать. Уменьшение крестьянского производства прядильных материалов повело к увеличению производства и потребления продуктов капиталистической хлопчатобумажной промышленности, а не наоборот» (227).

Автор едва ли удачно ставит вопрос, загромождая суть дела второстепенными частностями. Если исходить из наблюдения над фактом развития фабричной промышленности (а г. Н.—он именно из наблюдения этого факта и исходит), то невозможно отрицать, что и дешевизна фабричных продуктов ускоряет рост товарного хозяйства, ускоряет вытеснение домашних продуктов. Возражая против такого заявления г-на Н.—она, г. Струве только ослабляет этим свою аргументацию против этого автора, основная ошибка которого состоит в том, что он пытается представить «фабрику» чем-то

оторванным от «крестьянства», случайно, извне нагрянувшим на него, тогда как на самом деле «фабрика» является (и по той теории, которой г. Н.—он хочет верно следовать, и по данным русской истории) только завершением развития товарной организации всего общественного, следовательно, и крестьянского хозяйства. Крупнобуржуазное производство на «фабрике» – прямое и непосредственное продолжение мелкобуржуазного производства в деревне, в пресловутой «общине» или в кустарном промысле. «Для того, чтобы «фабричная форма» стала «более дешевой», – совершенно справедливо говорит г. Струве, – крестьянин должен стать на точку зрения экономической рациональности при условии денежного хозяйства». «Если бы крестьянство держалось… за натуральное хозяйство, никакие ситцы… его не соблазнили быДругими словами: «фабричная форма» – это не более как *развитое* товарное производство, а развилось оно из того *неразвитого* товарного производства, которое мы имеем в крестьянском и кустарном хозяйстве. Автор желает доказать г. Н.—ону, что «фабрика» и «крестьянство» взаимно связаны, что хозяйственные «начала» их порядков не антагонистичны[238], а тождественны. Для этого ему и следовало свести вопрос к экономической организации крестьянского хозяйства, выставить против г. Н.—она положение, что наш

[238] Народники это говорили открыто и прямо, а «несомненный марксист» г. Н.—он преподносит эту же бессмыслицу в туманных фразах о «народном строе» и «народном производстве», уснащенных цитатами из Маркса.

мелкий производитель (крестьянин-земледелец и кустарь) есть мелкий буржуа. Такой постановкой вопроса он свел бы его из области рассуждений о том, что «должно» быть, что «может» быть и т. д., в область выяснения *того, что есть,* и объяснения, *почему оно есть именно так, а не иначе.* Чтобы опровергнуть это положение, народникам пришлось бы либо отрицать общеизвестные и бесспорные факты о росте товарного хозяйства и разложении крестьянства [*а эти факты доказывают* мелкобуржуазность крестьянства], либо отрицать азбучные истины политической экономии. Принять это положение – значит признать нелепость противопоставления «капитализма» – «народному строю», признать реакционность прожектов «искать иных путей для отечества» и обращаться с своими пожеланиями об «обобществлении» к буржуазному «обществу» или наполовину еще «стародворянскому» «государству».

А г. Струве вместо того, чтобы начать с начала[239], начинает с конца: «мы отвергаем, – говорит он, – одно из самых краеугольных положений народнической теории экономического развития России, – положение, что развитие крупной обрабатывающей промышленности разоряет крестьянина-земледельца» (246). Это уж значит, как говорят немцы, выплескивать из ванны вместе с водой и ребенка! «Развитие крупной обрабатывающей промышленности» означает и выража-

[239] То есть начать с мелкобуржуазности «крестьянина-земледельца» для доказательства «неизбежности и законности» крупного капитализма.

ет развитие капитализма. А что разоряет крестьянина именно капитализм, это – краеугольное положение совсем не народничества, а *марксизма.* Народники видели и видят причины освобождения производителя от средств производства не в той специфической организации русского общественного хозяйства, которая носит название капитализма, а в политике правительства, которая-де была неудачна («мы» шли неверным путем и т. д.), в косности общества, недостаточно сплотившегося против хищников и пройдох и т. п. Поэтому и «мероприятия» их сводились к деятельности «общества» и «государства». Напротив, указание причин экспроприации в наличности капиталистической организации общественного хозяйства приводит неминуемо к учению *о борьбе классов* (ср. у Струве, стр. 101, 288 и мн. др.). Неточность выражения автора состоит в том, что он говорит о *«земледельце»* вообще, а не о противоположных классах буржуазного земледелия. Народники говорят, что капитализм губит земледелие и потому неспособен обнять все производство страны и ведет это производство неправильным путем, марксисты говорят, что капитализм как в обрабатывающей промышленности, так и в земледелии давит *производителя,* но, поднимая производство на высшую ступень, создает условия и силы для «обобществления»[240]{155}.

---

[240] «Великая заслуга капиталистического способа производства состоит, с одной стороны, в рационализировании земледелия, возможность общественного ведения которого создает только этот способ производства, – ас другой стороны, в доведении поземельной собственности до абсурда. Как и все его другие исто-

Заключение г-на Струве по этому вопросу таково: «одна из самых коренных ошибок г. Н.—она заключается в том, что он на современное, до сих пор более натуральное, чем денежное, крестьянское хозяйство целиком перенес представление и категории *сложившегося* капиталистического строя» (237).

Мы видели выше, что только полное игнорирование конкретных данных русского земледельческого капитализма повело к смешной ошибке г. Н.—она, толкующего о «сокращении» внутреннего рынка. Но произошла эта ошибка не оттого, что он перенес на крестьянство все категории капитализма, а оттого, что он никаких *категорий капитализма* не приложил к данным о земледелии. Важнейшей «категорией» капитализма являются, конечно, классы буржуазии и пролетариата. Г. Н.—он не только не «перенес» их на «крестьянство» (т. е. не проанализировал, к каким именно группам или разрядам крестьянства приложимы эти категории и насколько они развиты), а, напротив, рассуждал чисто по-народнически, игнорируя противоположные элементы внутри «общины», рассуждая о «крестьянстве» вообще. Это и повело к тому, что положение его о капиталистическом характере перенаселения, о капитализме, как причине экспроприации земледельца, осталось не доказанным и послужило лишь для

рические прогрессы, так и этот был куплен капитализмом ценой полного обнищания непосредственного производителя» («Das Kapital», III. B., 2. Th., S. 157 («Капитал», т. III, ч. 2-я, стр. 157. – *Ред.*))[155].

[155] См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 630, 631.

реакционной утопии.

IV

В § VIII шестой главы г. Струве излагает свои мысли о частновладельческом хозяйстве. Он совершенно справедливо указывает на тесную и непосредственную зависимость тех форм, которые принимает это хозяйство, от крестьянского разорения. Разоренный крестьянин не «соблазняет» уже помещика «баснословными арендными ценами», и помещик переходит к батрацкому труду. В доказательство приводятся выписки из статьи Распопина, обработавшего данные земской статистики помещичьего хозяйства, и из земского издания по текущей статистике, отмечающего «вынужденный» характер увеличения экономических запашек. В ответ гг. народникам, столь охотно загромождающим рассуждениями о «будущности» капитализма в земледелии и его «возможности» факт господства его в настоящем, автор дает точное указание на *действительность*.

Мы должны остановиться тут лишь на оценке этого явления автором, который говорит, что это – «прогрессивные течения в частновладельческом хозяйстве» (244), что эти течения создаются «неумолимой логикой экономической эволюции» (240). Мы боимся, что эти совершенно верные положения, по своей абстрактности, останутся невразумительны для читателя, незнакомого с марксизмом; что читатель

не поймет – без определенного указания на смену таких-то систем хозяйства, таких-то форм классовой противоположности, – почему это данное течение «прогрессивно» (с той точки зрения, разумеется, с которой только и может ставить вопрос марксист, с точки зрения определенного класса), в чем именно «неумолимость» происходящей эволюции. Попробуем поэтому обрисовать эту смену (хотя бы в самых общих чертах) в параллель с народническим изображением дела.

Народник изображает процесс развития батрацкого хозяйства как переход от «самостоятельного» крестьянского хозяйства к подневольному, и – естественно – считает это регрессом, упадком и т. д. Такое изображение процесса прямо *фактически неверно,* совершенно не соответствует действительности, а потому нелепы и выводы из него. Изображая дело таким оптимистическим (по отношению к прошлому и настоящему) образом, народник просто *отворачивается от фактов,* установленных народнической же литературой, в сторону утопий и возможностей.

Возьмем за исходный пункт дореформенное крепостническое хозяйство.

Основное содержание производственных отношений при этом было таково: помещик давал крестьянину землю, лес для постройки, вообще средства производства (иногда и прямо жизненные средства) для каждого отдельного двора, и, предоставляя крестьянину самому добывать себе пропи-

тание, заставлял *все прибавочное время* работать на себя, на барщине. Подчеркиваю: «все прибавочное время», чтобы отметить, что о «самостоятельности» крестьянина при этой системе не может быть и речи[241]. «Надел», которым «обеспечивал» крестьянина помещик, служил не более как *натуральной заработной платой,* служил всецело и исключительно для эксплуатации крестьянина помещиком, для «обеспечения» помещику рабочих рук, никогда для действительного обеспечения самого крестьянина[242].

Но вот вторгается товарное хозяйство. Помещик начинает производить хлеб на продажу, а не на себя. Это вызывает усиление эксплуатации труда крестьян, – затем, затруднительность системы наделов, так как помещику уже невыгодно наделять подрастающие поколения крестьян новыми наделами, и появляется возможность расплачиваться деньгами. Становится удобнее отграничить раз навсегда крестьянскую землю от помещичьей (особенно ежели отрезать при этом часть наделов и получить «справедливый» выкуп) и пользоваться трудом *тех лее* крестьян, поставленных материально в худшие условия и вынужденных конкурировать и с бывшими дворовыми, и с «дарственниками»[108], и с более обеспеченными бывшими государственными и удельны-

---

[241] Я ограничиваюсь *исключительно* хозяйственной стороной дела.

[242] Поэтому ссылаться на крепостническое «наделение землей» для доказательства «исконности» принадлежности средств производства производителю – сплошная фальшь.

ми крестьянами и т. д.

Крепостное право падает.

Система хозяйства, – рассчитанного уже на рынок (это особенно важно), – меняется, но меняется не сразу. К старым чертам и «началам» присоединяются новые. Эти новые черты состоят в том, что основой Plusmacherei делается уже не снабжение крестьянина средствами производства, а, напротив, «свобода» его от средств производства, его нужда в деньгах; основой становится уже не натуральное хозяйство, не натуральный обмен «услуг» (помещик дает крестьянину землю, а крестьянин – продукты прибавочного труда, хлеб, холст и т. п.), а товарный, денежный «свободный» договор. Эта именно форма хозяйства, совмещающая старые и новые черты, и воцарилась в России после реформы. К старинным приемам ссуды земли за работу (хозяйство за отрезные земли, напр.) присоединилась «зимняя наемка» – ссуда денег под работу в такой момент, когда крестьянин особенно нуждается в деньгах и втридешева продает свой труд, ссуда хлеба под отработки и т. п. Общественно-экономические отношения в бывшей «вотчине» свелись, как видите, к самой обыкновенной *ростовщической* сделке: это операции – совершенно аналогичные с операциями скупщика над кустарями..

Неоспоримо, что именно такое хозяйство стало типом после реформы, и наша народническая литература дала превосходные *описания* этой особенно непривлекательной формы Plusmacherei, соединенной с крепостническими тради-

циями и отношениями, с полной беспомощностью связанного своим «наделом» крестьянина.

Но народники не хотели и не хотят видеть, в чем же экономическая основа этих отношений?

Основой господства здесь является уже не только владение землей, как в старину, а еще владение деньгами, в которых нуждается крестьянин (а деньги, это – продукт общественного труда, организованного товарным хозяйством), – и «свобода» крестьянина от средств к жизни. Очевидно, что это – отношение капиталистическое, буржуазное. «Новые» черты – не что иное, как первичная форма господства *капитала* в земледелии, форма, не высвободившаяся еще от «стародворянских» пут, форма, создавшая классовую противоположность, присущую капиталистическому обществу, но еще не фиксировавшая ее.

Но вот с развитием товарного хозяйства ускользает почва из-под этой первичной формы господства капитала: разорение крестьянства, дошедшее теперь уже до полного краха, означает потерю крестьянами своего инвентаря, – на основании которого держалась и крепостная и кабальная форма труда – и тем вынуждает помещика переходить к своему инвентарю, крестьянина – делаться батраком.

Что этот переход и начал совершаться в пореформенной России, – это опять-таки бесспорный факт. Факт этот показывает тенденцию той кабальной формы, которую народники рассматривают чисто метафизически – вне связи с

прошлым, вне стремления к развитию; факт этот показывает *дальнейшее* развитие капитализма, дальнейшее развитие той классовой противоположности, которая присуща нашему капиталистическому обществу и которая в предыдущую эпоху выражалась в отношении «кулака» к крестьянину, а теперь начинает выражаться в отношении рационального хозяина к батраку и поденщику.

И вот эта-то последняя перемена и вызывает отчаяние и ужас народника, который начинает кричать об «обезземелении», о «потере самостоятельности», о «водворении капитализма» и «грозящих» от него бедствиях и т. д., и т. д.

Посмотрите на эти рассуждения беспристрастно, – и вы увидите в них, во-первых, *ложь,* хотя бы и благонамеренную, так как предшествует этому батрацкому хозяйству не «самостоятельность» крестьянина, а другие формы отдавания прибавочного продукта тому, кто не участвовал в его создании. Во-вторых, вы увидите поверхностность, мелкость народнического протеста, обращающую его, по меткому выражению г. Струве, в вульгарный социализм. Почему это «водворение» усматривается лишь во второй форме, а не в обеих? почему протест направляется не против того основного исторического факта, который сосредоточил в руках «частных землевладельцев» средства производства, а лишь против одного из приемов утилизации этой монополии? почему корень зла усматривается не в тех производственных отношениях, которые везде и повсюду подчиняют труд вла-

дельцу денег, а лишь в той неравномерности распределения, которая так рельефно выступает в *последней* форме этих отношений? Именно это основное обстоятельство – протест против капитализма, остающийся на почве капиталистических же отношений, – и делает из народников идеологов мелкой буржуазии, боящейся не буржуазности, а лишь обострения ее, которое одно только и ведет к коренному изменению.

V

Переходим к последнему пункту теоретических рассуждений г-на Струве, к «вопросу о рынках для русского капитализма» (245).

Разбор построенной народниками теории об отсутствии у нас рынков автор начинает вопросом: «что понимает г. В. В. под капитализмом?» Такой вопрос поставлен очень уместно, так как г. В. В. (да и все народники вообще) всегда сличали русские порядки с какою-нибудь «английской формой» (247) капитализма, а не с основными его чертами, изменяющими свою физиономию в каждой стране. Жаль только, что г. Струве не дает полного определения капитализма, указывая вообще на «господство менового хозяйства» [это – один признак; второй – присвоение прибавочной стоимости владельцем денег, господство этого последнего над трудом], на «тот строй, который мы видим на западе Европы» (247), «со всеми его последствиями», с «концентрацией промыш-

ленного производства, капитализмом в узком смысле слова» (247).

«Г-н В. В., – говорит автор, – в анализ понятия: «капитализм» не вдался, а заимствовал его у Маркса, который имел в виду, по преимуществу, капитализм в узком смысле, как уже вполне сложившийся продукт отношений, развивающихся на почве подчинения производства обмену» (247). С этим невозможно согласиться. Во-первых, если бы г. В. В. действительно заимствовал свое представление о капитализме у Маркса, то он имел бы правильное представление о нем и не мог бы смешивать «английскую форму» с капитализмом. Во-вторых, совершенно несправедливо, что Маркс по преимуществу имел в виду «централизацию или концентрацию промышленного производства» [это разумеет г. Струве под капитализмом в узком смысле]. Напротив, он проследил развитие товарного хозяйства с первых его шагов, он анализировал капитализм в его примитивных формах простой кооперации и мануфактуры, – формах, на целые века отстоящих от концентрации производства машинами, – он показал связь промышленного капитализма с земледельческим. Г. Струве сам суживает понятие капитализма, говоря: «… объектом изучения г-на В. В. являлись *первые* шаги народного хозяйства на пути от натуральной организации к товарной». Надо было сказать: *последние* шаги. Г-н В. В., насколько известно, изучал только пореформенное хозяйство России. *Начало товарного* производства относится к доре-

форменной эпохе, как указывает сам г. Струве (189–190), и даже *капиталистическая* организация хлопчатобумажной промышленности сложилась до освобождения крестьян. Реформа дала толчок *окончательному* развитию в этом смысле; она выдвинула на первое место не товарную форму продукта труда, а товарную форму рабочей силы; она санкционировала господство не товарного, а уже капиталистического производства. Неясное различие капитализма в широком и узком смысле[243] приводит г. Струве к тому, что он смотрит, по-видимому, на русский капитализм, как на нечто будущее, а не настоящее, вполне уже и окончательно сложившееся. Он говорит, например:

«Прежде чем ставить вопрос: неизбежен ли для России капитализм в английской форме, г. В. В. должен был поставить и разрешить другой, более общий и потому более важный вопрос: неизбежен ли для России переход от натурального хозяйства к денежному и каково отношение капиталистического производства sensu stricto[244] к товарному производству вообще?» (247). Едва ли удобно так ставить вопрос. Если данная, существующая теперь в России, система производственных отношений будет выяснена, тогда вопрос о «неизбежности» того или другого развития будет уже решен

---

[243] Не видно, по какому признаку отличает автор эти понятия? Если под капитализмом в узком смысле разуметь машинную индустрию только, тогда непонятно, почему не выделить особо и мануфактуру? Если под капитализмом в широком смысле разуметь товарное только хозяйство, тогда тут нет капитализма.

[244] В узком смысле. – *Ред.*

eo ipso[245]. Если же она не будет выяснена, тогда он не разрешим. Вместо рассуждений о будущем (излюбленных гг. народниками) следует *объяснять* настоящее. В пореформенной России крупнейшим фактом выступило внешнее, если можно так выразиться, проявление капитализма, т. е. проявление его «вершин» (фабричного производства, железных дорог, банков и т. п.), и для теоретической мысли тотчас же встал вопрос о капитализме в России. Народники старались доказать, что эти вершины – случайны, не связаны со всем экономическим строем, беспочвенны и потому бессильны; при этом они оперировали с слишком узким понятием «капитализма», забывая, что порабощение труда капиталу проходит очень длинные и различные стадии от торгового капитала до «английской формы». Марксисты и должны доказать, что эти вершины – не более как последний шаг развития товарного хозяйства, давно сложившегося в России и *повсюду,* во всех отраслях производства, порождающего подчинение капиталу труда.

С особенной наглядностью воззрение г-на Струве на русский капитализм как на нечто будущее, а не настоящее, – сказалось в следующем рассуждении: «пока будет существовать современная община, закрепленная и укрепленная законом, на ее почве разовьются такие отношения, которые с «народным благосостоянием» не имеют ничего общего. [Неужели только еще «разовьются», а не развились уже так

[245] Тем самым. – *Ред.*

давно, что вся народническая литература, с самого своего возникновения, более четверти века тому назад, описывала эти явления и протестовала против них?] На Западе мы имеем несколько примеров существования парцеллярного хозяйства рядом с крупным капиталистическим. Наша Польша и наш юго-западный край представляют явления того же порядка. Можно сказать, что и подворная и общинная Россия, поскольку разоренное крестьянство остается на земле и в его среде нивелирующие влияния оказываются сильнее дифференцирующих, приближается к этому типу» (280). Неужели только еще приближается, а не представляет уже сейчас именно этот *тип?* Для определения «типа» надо брать, конечно, основные экономические черты порядка, а не юридические формы. Если мы посмотрим на эти основные черты экономики русской деревни, то увидим изолированное хозяйство крестьянских дворов на мелких участках земли, увидим растущее товарное хозяйство, играющее доминирующую роль уже сейчас. Это именно те черты, которые дают содержание понятию: «парцеллярное хозяйство». Мы видим далее ту же задолженность крестьян ростовщикам, ту же экспроприацию, о которой свидетельствуют данные Запада. Вся разница – в особенности наших юридических порядков (гражданская неравноправность крестьян; формы землевладения), которые сохраняют цельнее следы «старого режима» вследствие более слабого развития у нас капитализма. Но однородности *типа* наших крестьянских порядков с западны-

ми эти особенности нимало не нарушают.

Переходя к самой теории рынков, г. Струве замечает, что гг. В. В. и Н.—он путаются в порочном круге: для развития капитализма нужен рост рынка, а капитализм разоряет население. Автор исправляет этот порочный круг своим мальтузианством крайне неудачно, относя причину разорения крестьянства не к капитализму, а к «росту населения»!! Ошибка указанных авторов совсем иная: капитализм не разоряет только, *& разлагает* крестьянство на буржуазию и пролетариат. Процесс этот не сокращает внутренний рынок, а *создает* его: товарное хозяйство растет у обоих полюсов разлагающегося крестьянства, и у «пролетарского», вынужденного продавать «свободный труд», и у буржуазного, поднимающего технику своего хозяйства (машины, инвентарь, удобрения и т. д. Ср. «Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве» г. В. В.) и развивающего потребности. Несмотря на то, что такое понимание процесса непосредственно основано на теории Маркса о соотношении индустриального и земледельческого капитализма, г. Струве игнорирует его, – может быть, оттого, что введен в заблуждение «теорией рынков» г-на В. В. Этот последний, опираясь якобы на Маркса, преподнес российской публике «теорию», будто бы в капиталистическом развитом обществе неизбежен «излишек товаров»; внутренний рынок не может быть достаточным, необходим внешний. «Эта теория верна (?!), – заявляет г. Струве, – поскольку она констатирует тот факт, что приба-

вочная стоимость не может быть реализована в потреблении ни капиталистов, ни рабочих, а предполагает потребление 3-х лиц» (251). С заявлением этим нет никакой возможности согласиться. «Теория» г-на В. В. (если можно тут говорить о теории) состоит просто в игнорировании того различия личного и производительного потребления, различия средств производства и предметов потребления, без которого (различия) невозможно уяснение воспроизводства всего общественного капитала в капиталистическом обществе. Маркс показал это со всею подробностью во II томе «Капитала» (третий отдел: «Воспроизводство и обращение всего общественного капитала») и отметил рельефно и в I, критикуя то положение классической политической экономии, по которому накопление капитала состоит в превращении сверхстоимости в заработную плату только, а не в постоянный капитал (средства производства) плюс заработная плата. Для подтверждения такой характеристики теории г. В. В. ограничимся двумя цитатами из указанных г-ном Струве статей.

«Каждый рабочий, – говорит г. В. В. в статье «Излишек снабжения рынка товарами», – производит больше, чем он потребляет, и все эти излишки скопляются в немногих руках; владельцы этих излишков потребляют их сами, для чего обменивают их внутри страны и за границей на разнообразные продукты необходимости и комфорта; но сколько бы они ни пили, ни ели и ни плясали (sic!!) – всей прибавочной стоимости им не извести» («Отечественные Записки»,

1883 г., № 5, стр. 14), и «для большей наглядности» автор «рассматривает главнейшие траты» капиталиста, вроде обедов, поездок и т. д. Еще рельефнее в статье «Милитаризм и капитализм»: «Ахиллесова пята капиталистической организации промышленности заключается в невозможности для предпринимателей потребить весь свой доход» («Русская Мысль», 1889 г., № 9, стр. 80). «Ротшильд не сумеет потребить всего приращения своего дохода… просто потому, что это приращение… представляет такую значительную массу предметов потребления, что Ротшильд, все прихоти которого и без того исполняются, решительно затруднился бы» и т. д.

Все эти рассуждения, как видите, основаны на том наивном мнении, будто капиталист имеет целью личное потребление, а не накопление сверхстоимости, – на той ошибке, будто общественный продукт распадается на ν + да (переменный капитал плюс сверхстоимость), как учил А. Смит и вся политическая экономия до Маркса, а не на $c + v + m$ (постоянный капитал, средства производства, и затем уже заработная плата и сверхстоимость), как показал Маркс. Раз исправлены эти ошибки и принято во внимание то обстоятельство, что в капиталистическом обществе громадную и все растущую роль играют средства производства (та часть общественных продуктов, которая идет не на личное, а на производительное потребление, на потребление не людей, а капитала), рушится совершенно и вся пресловутая «теория».

Маркс доказал во II томе, что вполне мыслимо капиталистическое производство без внешних рынков, с растущим накоплением богатства и без всяких «третьих лиц», привлечение которых г-ном Струве в высшей степени неудачно. Рассуждение г. Струве об этом предмете тем более вызывает недоумение, что сам же он указывает на преобладающее значение для России внутреннего рынка и ловит г. В. В. на «программе развития русского капитализма», опирающегося на «крепкое крестьянство». Процесс образования этого «крепкого» (сиречь буржуазного) крестьянства, идущий в настоящее время в нашей деревне, прямо показывает нам зарождение капитала, пролетаризирование производителя и *рост внутреннего рынка:* «распространение улучшенных орудий», например, означает именно накопление капитала на счет средств производства. По этому вопросу особенно необходимо было бы вместо изложения «возможностей» дать изложение и объяснение того действительного процесса, который выражается в создании внутреннего рынка для русского капитализма[246{156}].

Заканчивая этим разбор теоретической части книги г. Струве, мы можем теперь попытаться дать общую, сводную,

---

[246] Так как это очень важный и сложный вопрос, то мы намерены посвятить ему особую статью[{156}].

[{156}] Этот вопрос В. И. Ленин подробно разработал в своей книге «Развитие капитализма в России» (1899).

так сказать, характеристику основных приемов его рассуждений и подойти, таким образом, к разрешению вопросов, выставленных в начале: «что именно в этой книге может быть отнесено на счет марксизма?», «какие положения доктрины (марксизма) автор отвергает, пополняет или поправляет, и что в этих случаях получается?»

Основная черта рассуждений автора, отмеченная с самого начала, это его узкий объективизм, ограничивающийся доказательством неизбежности и необходимости процесса и не стремящийся вскрывать в каждой конкретной стадии этого процесса присущую ему форму классового антагонизма, – объективизм, характеризующий процесс вообще, а не те антагонистические классы в отдельности, из борьбы которых складывается процесс.

Мы вполне понимаем, что для такого ограничения своих «заметок» одной «объективной» и притом наиболее общей частью у автора были свои основания: во-первых, желая противопоставить народникам основы враждебных воззрений, он излагал одни principia[247], предоставляя развитие и более конкретное их выяснение дальнейшему развитию полемики, во-вторых, мы в I главе старались показать, что *все* отличие народничества от марксизма состоит в *характере критики* русского капитализма, в ином *объяснении* его, – откуда, естественно, и проистекает то, что марксисты ограничиваются иногда одними общими «объективными» положениями, на-

---

[247] Принципы. – *Ред.*

пирают исключительно на то, что отличает наше понимание (*общеизвестных фактов*) от понимания народнического.

Но у г. Струве, кажется нам, дело зашло уже слишком далеко в этом отношении. Абстрактность изложения давала часто положения, не могущие не вызвать недоразумений; постановка вопроса не отличалась от ходячих, царящих в нашей литературе приемов рассуждать по-профессорски, сверху – о путях и судьбах отечества, а не об отдельных классах, идущих таким-то и таким-то путем; чем конкретнее становились рассуждения автора, тем более становилось невозможным разъяснить principia марксизма, оставаясь на высоте общих абстрактных положений, тем необходимее было давать определенные указания на такое-то положение таких-то классов русского общества, на такое-то соотношение разных форм Plusmacherei к интересам производителей.

Поэтому и казалась нам не совсем неуместной попытка дополнить и пояснить положение автора, проследить шаг за шагом его изложение, чтобы отметить необходимость *иной* постановки вопросов, необходимость *более последовательного* проведения теории классовых противоречий.

Что касается до прямых отступлений г. Струве от марксизма – по вопросам о государстве, о перенаселении, о внутреннем рынке, – то об них достаточно было уже гово-рено.

VI

В книге г. Струве кроме критики теоретического содержания народничества помещены, между прочим, еще некоторые замечания, касающиеся народнической экономической политики. Хотя замечания эти брошены бегло и не развиты автором, но мы не можем тем не менее не коснуться их, чтобы не оставлять места никаким недоразумениям.

В этих замечаниях содержатся указания на «рациональность», прогрессивность, «разумность» и т. п. либеральной, т. е. буржуазной, политики по сравнению с политикой народнической[248].

Очевидно, автор хотел сопоставить две политики, остающиеся на почве существующих отношений, – *ив этом смысле* он совершенно справедливо указал, что «разумна» политика, развивающая, а не задерживающая капитализм, – «разумна», конечно, не потому, что, служа буржуазии, все силь-

[248] Укажем образчики этих замечаний: «Если государство… желает укрепить не крупное, а мелкое землевладение, то при данных экономических условиях оно может достигнуть этой цели не тем, что будет гоняться за неосуществимым экономическим равенством в среде крестьянства, а только – путем поддержания его жизнеспособных элементов, путем создания из них экономически крепкого крестьянства» (240). «Я не могу не видеть, что политика, которая направится на создание *такого* крестьянства (именно: «экономически крепкого, приспособленного к товарному производству»), будет единственной разумной и прогрессивной политикой» (281). «Россия из бедной капиталистической страны должна стать богатой капиталистической же страной» (250) и т. д. вплоть до заключительной фразы: «пойдем на выучку к капитализму».

нее подчиняет ей производителя [как пытаются истолковать разные «простяки» или «акробаты»], а потому, что, обостряя и очищая капиталистические отношения, она просветляет *разум* того, от кого только и зависит перемена, и развязывает ему руки.

Мы не можем не заметить, однако, что это совершенно верное положение выражено г-ном Струве неудачно, высказано им благодаря свойственной ему абстрактности так, что иногда хочется сказать ему: предоставьте мертвым погребать своих мертвецов. Никогда не было в России недостатка в людях, всю душу полагавших на создание теорий и программ, выражающих интересы нашей буржуазии, выражающих все эти «долженствования» сильного и крупного капитала раздавить маленький капитал и разрушить его примитивные и патриархальные приемы эксплуатации.

Если бы автор и тут строго выдержал требования «доктрины» марксизма, обязывающей сводить изложение к формулировке действительного процесса, обязывающей вскрывать классовые противоречия за каждой формой «разумной», «рациональной» и прогрессивной политики, – он высказал бы ту же мысль иначе, дал другую постановку вопроса. Он привел бы те теории и программы либерализма, т. е. буржуазии, которые как грибы после дождя росли после великой реформы, в параллель с фактическими данными о развитии капитализма в России. Он бы показал таким образом на русском примере ту связь общественных идей с эко-

номическим развитием, которую он доказывал в первых главах и которая может быть окончательно установлена только материалистическим анализом русских данных. Он бы показал таким образом, во-вторых, как наивны народники, воюющие в своей литературе против буржуазных теорий так, как будто бы эти теории представляли только ошибочные рассуждения, а не интересы могущественного класса, который глупо усовещевать, который может быть «убежден» только внушительной силой другого класса. Он показал бы таким образом, в-третьих, какой класс на самом деле определяет у нас «долженствование» и «прогресс», и как смешны народники, рассуждающие о том, какой «путь» «выбрать».

Гг. народники с особенным удовольствием подхватили эти выражения г-на Струве, злорадствуя по поводу того, что неудачная формулировка их позволила разным буржуазным экономистам (вроде г. Янжула) и крепостникам (вроде г. Головина) цепляться за отдельные, вырванные из общей связи, фразы. Мы видели, в чем состоит неудовлетворительность г. Струве, давшая противникам такое оружие в руки.

Попытки критиковать народничество просто как теорию, неправильно указывающую пути для отечества[249], привели автора к неясной формулировке своего отношения к «экономической политике» народничества. Тут могут увидеть, пожалуй, огульное отрицание этой политики, а не одной толь-

---

[249] Автор «Критических заметок» указывает на экономическую почву народничества (стр. 166–167), но его указание представляется нам недостаточным.

ко ее половины. Необходимо поэтому остановиться на этом пункте.

Философствование о возможности «иных путей для отечества», это – только внешнее облачение народничества. Содержание же его – представительство интересов и точки зрения русского мелкого производителя, мелкого буржуа. Поэтому народник в теории точно так же является Янусом[109], который смотрит одним ликом в прошлое, другим – в будущее, как в жизни является Янусом мелкий производитель, который смотрит одним ликом в прошлое, желая укрепить свое мелкое хозяйство, не зная и знать ничего не желая об общем экономическом строе и о необходимости считаться с заведующим им классом, – а другим ликом в будущее, настраиваясь враждебно против разоряющего его капитализма.

Понятно отсюда, что отвергать всю народническую программу целиком, без разбора, было бы абсолютно неправильно. В ней надо строго отличать ее реакционную и прогрессивную стороны. Народничество реакционно, поскольку оно предлагает мероприятия, привязывающие крестьянина к земле и к старым способам производства, вроде неотчуждаемости наделов и т. п.[250], поскольку они хотят задержать развитие денежного хозяйства, поскольку они ждут не

---

[250] Чрезвычайно верно говорит г. Струве, что эти меры могли бы лишь «осуществить пламенные мечтания некоторых западноевропейских и российских землевладельцев о крепких земле батраках» (279).

частичных улучшений, а перемены пути от «общества» и от воздействия представителей бюрократии (пример: г. Южаков, рассуждавший в «Русском Богатстве» 1894, № 7, об общественных запашках, проектируемых одним земским начальником, и занимавшийся внесением поправок в эти проекты). Против подобных пунктов народнической программы необходима, конечно, безусловная война. Но есть у них и другие пункты, относящиеся к самоуправлению, свободному и широкому доступу знаний к «народу», к «подъему» «народного» (сиречь мелкого) хозяйства посредством дешевых кредитов, улучшений техники, упорядочений сбыта и т. д., и т. д., и т. д. Что подобные, общедемократические, мероприятия прогрессивны, – это признает, конечно, вполне и г. Струве. Они не задержат, а ускорят экономическое развитие России по капиталистическому пути, ускорят создание внутреннего рынка, ускорят рост техники и машинной индустрии улучшением положения трудящегося и повышением его уровня потребностей, ускорят и облегчат его самостоятельное мышление и действие.

Тут может только разве возникнуть вопрос: кто вернее и лучше указывает подобные, безусловно желательные, меры, – народники ли или публицисты а 1а г. А. Скворцов, который тоже распинается за технический прогресс и к которому так чрезвычайно расположен г. Струве? Мне кажется, что с марксистской точки зрения нельзя сомневаться в абсолютной предпочтительности народничества *в этом отноше-*

нии. Мероприятия гг. Скворцовых так же относятся к интересам всего класса мелких производителей, мелкой буржуазии, как программа «Московских Ведомостей» к интересам крупной. Они рассчитаны не на всех[251], а только на отдельных избранников, удостоивающихся внимания начальства. Они безобразно грубы, наконец, потому что предполагают полицейское вмешательство в хозяйство крестьян. Взятые в совокупности, эти меры не дают никаких серьезных гарантий и шансов на «производственный прогресс крестьянского хозяйства».

Народники неизмеримо правильнее понимают и представляют *в этом отношении* интересы мелких производителей, и марксисты должны, отвергнув все реакционные черты их программы, не только принять общедемократические пункты, но и провести их точнее, глубже и дальше. Чем решительнее будут такие реформы в России, чем выше поднимут жизненный уровень трудящихся масс, – тем резче и чище выступит важнейшая и основная (уже сейчас) социальная противоположность русской жизни. Марксисты не только не «обрывают демократической нити» или течения, как клеплет на них г. В. В., – напротив, они хотят развития и усиления этого течения, хотят приближения его к жизни, хотят поднять ту «нить», которую выпускает из рук «общество» и «интеллигенция»[252].

---

[251] То есть, конечно, на всех, *кому доступен* технический прогресс.

[252] «Неделя», 1894 г., № 47, г. В. В.: «В пореформенный период нашей исто-

Это требование – не бросать «нити», а, напротив, укреплять ее – вовсе не случайно вытекает из личного настроения тех или других «марксистов», а необходимо определяется положением и интересами того класса, которому они хотят служить, необходимо и безусловно предписывается коренными требованиями их «доктрины». Я не могу, по легко понятным причинам, останавливаться здесь на разборе первой части этого положения, на характеристике «положения» и «интересов»; да тут, кажется, дело само говорит за себя. Коснусь только второй части, именно отношения марксистской доктрины к вопросам, выражающим «обрывающуюся нить».

Марксисты должны *иначе ставить* эти вопросы, чем это делали и делают гг. народники. У последних вопрос ставится с точки зрения «современной науки, современных нравственных идей»; дело изображается так, будто нет каких-нибудь глубоких, в самых *производственных отношениях* лежащих причин неосуществления подобных реформ, а есть препятствия только в грубости чувств: в слабом «свете разума» и т. п., будто Россия – tabula rasa, на которой остается

рии социальные отношения в некоторых чертах приблизились к западноевропейским, с активным демократизмом в эпоху политической борьбы и общественным индифферентизмом в последующее время». Мы старались показать в I главе, что этот «индифферентизм» – не случайность, а неизбежный результат положения и интересов того класса, из которого выходят представители «общества» и который рядом с минусами от современных отношений получает от них весьма немаловажные плюсы.

только правильно начертать правильные пути. *При такой постановке вопроса* ему обеспечивалась, понятно, «чистота», которой хвастается г. В. В. и которая на самом деле означает лишь «чистоту» институтских мечтаний, которая делает народнические рассуждения столь пригодными для бесед в кабинетах.

Постановка этих же вопросов у марксистов необходимо должна быть совершенно иная[253]. Обязанные отыскивать корни общественных явлений в производственных отношениях, обязанные сводить их к *интересам* определенных классов, они должны формулировать те же desiderata, как «пожелания» таких-то общественных элементов, встречающие противодействие таких-то других элементов и классов. Такая постановка будет уже абсолютно устранять возможность утилизации их «теорий» для профессорских, поднимающихся *выше* классов, рассуждений, для каких-нибудь обещающих «блестящий успех»[254] проектов и докладов. Это, конечно, только еще косвенное достоинство указываемой перемены точки зрения, но и оно очень велико, если принять во внимание, по какой крутой наклонной плоскости катится *современное* народничество в болото оппортунизма. Но одним косвенным достоинством дело не ограничивается.

---

[253] Если они будут последовательно проводить свою теорию. Мы много уже говорили о том, что неудовлетворительность изложения у г. Струве произошла именно оттого, что он не выдержал со всей строгостью этой теории.

[254] Выражение г. Южакова.

Если ставить те же вопросы применительно к теории классового антагонизма [для чего нужен, конечно, «пересмотр фактов» русской истории и действительности], – тогда ответы на них будут давать формулировку насущных интересов таких-то классов, – эти ответы будут предназначаться на практическую утилизацию[255] их именно этими заинтересованными классами и исключительно одними ими, – они будут рваться, говоря прекрасным выражением одного марксиста, из «тесного кабинета интеллигенции» к самим участникам производственных отношений в наиболее развитом и чистом их виде, к тем, на ком всего сильнее сказывается «обрыв нити», для кого «идеалы» «нужны», потому что без них им приходится плохо. Такая постановка вдохнет новую живую струю во все эти старые вопросы – о податях, паспортах, переселениях, волостных правлениях и т. п., – вопросы, которые наше «общество» обсуждало и трактовало, жевало и пережевывало, решало и перерешало, и к которым оно стало теперь терять всякий вкус.

Итак, как бы ни подходили мы к вопросу, – разбирая ли содержание царящей в России системы экономических отно-

---

[255] Конечно, для *этой* «утилизации» требуется громадная подготовительная работа, притом работа, но самому существу своему, невидная. *До* этой утилизации может пройти более или менее значительный период времени, в течение которого мы будем прямо говорить, что нет еще никакой силы, способной дать лучшие пути для отечества, – в противоположность «слащавому оптимизму» гг. народников, уверяющих, что силы есть и остается лишь посоветовать им «сойти с неправильного пути».

шений и разные формы этой системы в их исторической связи и в их отношении к интересам трудящихся, – или же разбирая вопрос об «обрыве нити» и о причинах этого «обрыва», – в обоих случаях мы приходим к одному выводу, к выводу о великом значении той исторической задачи «дифференцированного от жизни труда», которая выдвигается переживаемой нами эпохой, к выводу о всеобъемлющем значении идеи этого класса.

Подготовительные материалы

Пометки, вычисления и подчеркивания В. И. Ленина В книге В. Е. Постникова «южно-русское крестьянское хозяйство»[110]

[9][256]

По данным подворной переписи земства, наличное число дворов в отдельных группах крестьян и средний размер наделения землею выражаются такими цифрами:

РАЗРЯД КРЕСТЬЯН	У. Днепровский		У. Мелитопольский		У. Бердянский	
	Число дворов	На 1 нал. двор дес.	Число дворов	На 1 двор удобн.	Число дворов	На 1 двор земли
Б. Колонисты-немцы	113	84	1874	46	3075	37.9
Б. Колонисты-болгары	-	-	285	75.7	4149	38.1
Б. Госуд. крестьяне	16708	20.4	28758	19.8	21057	18.3
Б. Помещ. кр. собственники	2351	11.6	2764	11.5	187	8.9
Б. Помещ. дарственники	414	3.1	1297	3.2	326	2.3
По уездам	19586	19.3	34978	20.5	28794	23

Итого из 83358 дворов в 3-х уездах - колонистов 9496 дворов, т. е.> $^1/_9$.

[107]

?? почему?

[256] Здесь и далее в квадратных скобках обозначены страницы книги В. Е. Постникова. – *Ред.*

…В настоящее время наша земско-статистическая литература обладает небольшим числом данных о крестьянских бюджетах, а по нескольким уездам Воронежской губернии они были даже собраны подворным опросом… Нужно сказать, однако, что эти данные воронежской статистики, относящиеся к одному году переписи, не представляют собой средних данных по крестьянскому хозяйству, потому что бюджет крестьянской семьи заключает немало таких хозяйственных расходов (напр., на праздничную одежду, приданое, расход на обстановку хозяйства при выделе сыновей, расход на постройки и крупный инвентарь), которые весьма сильно колеблются по годам и, главным образом, в зависимости от урожая, дающего крестьянам средства на все такие экстренные расходы.

[117]

У крестьян 3-х Таврических уездов

% волов:		Посева		Лошадей	Волов	Посева на пару раб. скота	
ок. $^1/_3$	У сеющих до 5 дес.	34070	дес.	6467	3082	7.1	дес.
> $^1/_4$	У сеющих до 5-10 дес.	140426	»	25152	8924	8.2	»
< $^1/_4$	У сеющих до 10-25 дес.	540093	»	80517	24943	10.2	»
< $^1/_4$	У сеющих до 25-50 дес.	494095	»	62823	19030	12.5	»
< $^1/_3$	У сеющих более 50 дес.	230583	»	21003	11648	14.5	»
	Всего	1439267	»	195962	67627	10.9	»

Если же перевести отношения рабочих сил на посевную площадь, то получим, что на 100 дес. посева приходится у различных групп:

	Населения с наймитами			Голов рабочего скота
	Дворов	Душ	Работников	
Сеющих до 5 дес.	28.7	136	28.5	28.2
» 5-10 »	12.9	67	12.6	25
» 10-25 »	6.1	41.2	9.3	20
» 25-50 »	2.9	25.5	7	16.6
» более 50 »	1.3	18	6.8	14
Среднее	5.4	36.6	9	18.3

Таким образом, с увеличением размера хозяйства и запашки у крестьян расход по содержанию рабочих сил, людей и скота, этот главнейший расход в сельском хозяйстве, прогрессивно уменьшается и у многосеющих групп делается почти в два раза менее на десятину посева, чем у групп с малой распашкой.

[134]

Таврическая земская перепись дает следующие цифры по всем 3-м уездам вместе:

	Колонии	Прочие селения	
Общее число дворов	9496	74539*	84035
Число дворов без рабоч. скота	972	11555	
» » » » посева	865	5477	

*В состав этих дворов включены и селения, бывшие в момент переписи не причисленными к волостям.

[145]

		Приходится на двор в среднем		
		Надельной	**Собствен. купчей**	**Арендованной**
		Пашни в десятинах		
	У. Бердянский			
10 [141]	Не сеющие	6.8	3.1	0.09
8.0	Засев. до 5 дес.	6.9	0.7	0.4
10.1	» 5-10 »	9	-	1.1
18.7	» 10-25 »	14.1	0.6	4
39.5	» 25-50 »	27.6	2.1	9.8
116.4	» более 50 »	36.7	31.3	48.4
21.4	По уезду	14.8	1.6	5
	У. Мелитопольский			
9.4	Не сеющие	8.7	0.7	-
7.7	Засев. до 5 дес.	7.1	0.2	0.4
10.6	» 5-10 »	9	0.2	1.4
17.6	» 10-25 »	12.8	0.3	4.5
38.4	» 25-50 »	23.5	1.5	13.4
100	» более 50 »	36.2	21.3	42.5
22.2	По уезду	14.1	1.4	6.7
	У. Днепровский			
7.4	Не сеющие	6.4	0.9	0.1
6.1	Засев. до 5 дес.	5.5	0.04	0.6
10.3	» 5-10 »	8.7	0.05	1.6
18.9	» 10-25 »	12.5	0.6	5.8
36.3	» 25-50 »	16.6	2.3	17.4
91.4	» более 50 »	17.4	30	44
19.9	По уезду	11.2	1.7	7.0

* В цифру показанных арендованных земель по трем уездам входят как вненадельные, так и надельные земли.

10[141][111]

[150]

…По данным статистики, распределение аренды казенных пахотных земель в 1884–1886 годах между крестьянами происходило следующим образом[257]

РАЗРЯДЫ КРЕСТЬЯН	У. Бердянский			У. Мелитопольский			У. Днепровский			Итого по 3-м уездам 142	
	число аренд. дворов	число десятин	на аренд. двор	число аренд. дворов	число десятин	на аренд. двор	число аренд. дворов	число десятин	на аренд. двор	Арендующих дворов	Десятин
Сеющие до 5 дес.	39	66	1.7	24	383	16	20	62	3.1	83	511
» 5-10 »	227	400	1.8	159	776	4.8	58	251	4.3	444	1427
» 10-25 »	687	2642	3.8	707	4569	6.4	338	1500	4.4	1732	8711
» 25-50 »	387	3755	9.7	672	8564	12.7	186	1056	5.7	1245	13375
» более 50 »	113	3194	28.3	440	15365	34.9	79	1724	21.8	632	20283
Сумма	1476	10107	7	2002	29657	14.8	681	4595	6.7	4136	44307
	1453	10057						4593			

Итого по 3-м уездам[142][112]

[279]

---

[257] По условиям аренды крестьяне имеют право распахивать только V3 часть арендованной земли. Остальная может находиться, по их усмотрению, под сенокосом или выпасом скота.

1. *Бюджет* за три года (1886–1888) *меннонита Якова Нейфельда* из колонии Орлов, Берлинского уезда.

[280–281]

Средний за три года доход и расход был следующий:

Доход

От продажи пшеницы » » др. хлебов и овощей	894 р.	03 к.
	151 »	33 »
» » лошадей, рог. скота и овец	198 »	35 »
» » шерсти	52 »	25 »
» » яиц и масла	24 »	63 »
» » соломы	35 »	92 »
» » кизяка	8 »	83 »
» » инвентаря	63 »	33 »
За разное	30 »	80 »

Всего

Расход

Мирские и казенные платежи	168 р.	32 к.
На аренду земли	70 »	— »
» работников	146 »	66 »
» пастухов	25 »	14 »
» покупку скота	54 »	75 »
» картофель и семена пшеницы	15 »	08 »
» ремонт построек	32 »	18 »
» ремонт и покупку машин	77 »	13 »
» мясо и рыбу	6 »	43 »
» кофе и сахар	25 »	20 »
» вино и водку	5 »	98 »
» одежду	363 »	92 »
» обувь	38 »	72 »

[282–283]

Остановимся несколько на анализе этого характерного колонистского бюджета.

Годовая денежная выручка от хозяйства на 72 дес. равнялась 1 459 р. 47 к. Из них получалось:

От продуктов полеводства	1081 р. 28 к.
« скотоводства	284 » 06 »
в разных доходах	94 » 13 »

На десятину хозяйственной площади приходилось дохода 20 р. 27 к. Но это лишь денежный доход. Для получения цифры полного валового дохода к нему нужно присоединить всю стоимость продуктов, потребленных внутри хозяйства. По показанию этого хозяина, годовое потребление продуктов собственного хозяйства происходит у него в следующем количестве:

1) На продовольствие семьи и работника:	*на сумму*
10 четверт. пшеницы, по 8 р. 25 к.	82 р. 50 к.
6 четверт. ржи, по 5 р.	30 » — »
картофеля, овощей и от баштанов	36 » — »
Всего на	148 р. 50 к.

2) На продуктивный скот:	
а) на коров: 250 пуд. сена, по 30 к.	75 р.
30 пуд. ржаной муки, по 70 к.	21 »
100 пуд. пшеничн. и ячмен. соломы	08 »
10 дес. выгона, по 5 р.	50 »
в) на свиней 18 четв. ячменя, по 4 р.	72 »
Всего на	226 р.

Содержание продуктивного скота в хозяйстве служит потреблению животной пищи, и потому два предыдущие итога можно соединить вместе. Таким образом, все продовольствие пищей из продуктов собственного хозяйства обходилось в 374 р. 50 к., что дает расхода на душу в 46 р. 81 к., из которых 18 р. 56 к. приходится на растительную пищу и

28 р. 25 к. на животную[258].

3) На 8 рабочих лошадей:

109 четв. ячменя и овса, по 4 р. на	436 р.
100 пуд. сена, по 30 к.	30 »
400 пуд. соломенной сечки, по 10 к.	40 »
4 дес. выгона по съемной цене	20 »
Всего	526 р.

Продовольствие одной лошади обходилось хозяйству в 65 р. 75 к.

[258] Не показанной остается еще домашняя птица, потребленная в хозяйстве. Стоимость ее может балансировать не учитываемый здесь корм, переработанный в проданное из хозяйства масло.

4) На посев:

12 четв. пшеницы, по 8 р. 25 к.	99 р.
6 четв. ячменя, по 4 р.	24 »
1 четв. ржи, по 5 р.	5 »
3 четв. овса, по 4 р.	12 »
Всего	140 р.

На отопление:

2 куб. саж. навозн. кирпича, по 10 р.	20 р.
V_4 куб. саж. дров	7 »
500 пуд. соломы, по 8 к.	40 »
Всего	67 р.

Стоимость всех продуктов, расходуемых в хозяйстве, простирается на сумму

1 107 р. 50 к., что дает на десятину хозяйства – 15 р. 38 к.

$$\begin{array}{r} 1459.47 \\ + \\ \underline{1107.50} \\ 2566.97 \end{array}$$

Весь валовой доход хозяйства, продуктивный и денежный, составляет сумму 2 666 р. 97 к., что дает на десятину 35 р. 65 к.

Соединяя вместе продуктивный и денежный расход, мы получаем следующие издержки по отдельным статьям:

		Всего	На 1 десятину	
1.	Платежи за землю	238 р. 32 к.	3 р. 31 к.	
2.	Посевные семена	140 » — »	1 » 95 »	
3.	На постройки	32 » 18 »	— » 45 »	109.31
4.	На инвентарь	77 » 13 »	1 » 07 »	
5.	На ремонт скота	54 » 75 »	— » 76 »	
6.	На рабочий скот	526 » — »	7 » 31 »	
7.	Жалованье работникам	171 » 80 »	2 » 40 »	
8.	Пища семьи и работников	412 » 11 »	5 » 72 »	
9.	Одежда и обувь	402 » 64 »	5 » 60 »	
1	Отопление	67 » — »	— » 91 »	
1	Разное	115 » »	1 » 60 »	
	Всего	2 236 р. 93 к.	31 р. 07 к.	

[286]

3. Бюджет крестьянина Степана Маслова с. Веселого, Мелитопольского уезда…

[287]

Расход

Арендн. плата за 26 дес. пахотн. земли, по 6 р. 156 р.

Подати и мирские сборы за 3 души 34 »

Сроковому работнику за 2 месяца 45 »

Пастуху по 50 к. за корову и 40 к. за овцу 8 »

Кузнецу за подковы лошадей и ремонт орудий	32 р.	
На одежду и обувь для 6 душ		333 р.
Чаю на 3 р. и 1 пуд сахару		
3 ведра олеи в пост, по 5 р., и сушеная рыба		
Водка		
	284 »	
	9 »	
	25 »	
	15 »	
Всего	608 р.	

Пометки и вычисления сделаны не ранее марта 1893 г.

Впервые неполностью напечатано в 1940 г. в Ленинском сборнике XXXШ

Печатается по подлиннику

Приложения

Прошения В. И. Ульянова (Ленина) 1887–1893 гг.

1

Его Превосходительству господину Директору Симбирской Классической гимназии

Ученика VIII класса Симбирской
Классической гимназии
Владимира Ульянова

ПРОШЕНИЕ

Желая подвергнуться испытанию зрелости, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство, о допущении меня к оному. Симбирск. Апреля 18 дня 1887 года.

Ученик VIII класса
Симбирской гимназии
Владимир Ульянов

Аттестат зрелости за № 468[113] и все прочие документы с копиями получил *Владимир Ульянов.*

Впервые полностью напечатано *Печатается*

по рукописи
в январе 1924 г. в журнале
«Молодая Гвардия» № 1

2

Его Превосходительству господину Ректору Императорского Казанского Университета

Окончившего курс в Симбирской
гимназии, сына чиновника,
Владимира Ильина Ульянова

ПРОШЕНИЕ

Желая для продолжения образования поступить в Казанский Университет, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать зависящее распоряжение о принятии меня на первый курс юридического факультета, на основании прилагаемых при сем документов, вместе с копиями с оных, а именно: а) аттестата зрелости, б) метрического свидетельства о времени рождения и крещения, в) формулярного списка о службе отца, г) свидетельства о приписке к призывному участку по отбыванию воинской повинности и д) двух фотографических карточек.

При сем на основании § 100 Высочайше утвержденного устава Императорских Российских Университетов обязуюсь во все время пребывания моего в Университете подчиняться правилам и постановлениям университетским.

Окончивший курс в Симбирской гимназии

Владимир Ульянов

Город Казань. Июля 29 дня 1887 года[114].

Впервые напечатано в 1929 г. *Печатается по рукописи*

в журнале «Красное Студенчество» № 1

3

Его Превосходительству господину Ректору Императорского Казанского Университета

Студента 1-го семестра
юридического факультета
Владимира Ульянова

ПРОШЕНИЕ

Не признавая возможным продолжать мое образование в Университете при настоящих условиях университетской жизни, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать надлежащее распоряжение об изъятии меня из числа студентов Императорского Казанского Университета.

Студент 1-го семестра
юридического факультета

Владимир Ульянов

Казань. 5 декабря 1887 года[115].

Впервые напечатано *Печатается по рукописи*

24 сентября 1946 г. в
газете «Известия» № 225

4

Его Высокопревосходительству господину Министру Народного Просвещения

Бывшего студента Императорского
Казанского Университета
Владимира Ульянова

ПРОШЕНИЕ

Желая получить возможность продолжать свое образование, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство разрешить мне поступление в Императорский Казанский Университет.

Бывший студент Императорского
Казанского Университета
Владимир Ульянов

Казань. 1888 года, мая 9 дня.

Адрес мой: Профессорский переулок, дом
Завьяловой, кварт. Веретенниковой[116].

Впервые напечатано 17 октября 1929 г. в журнале «Красное Студенчество» № 4

Печатается по рукописи

5

Его Сиятельству господину Министру Внутренних Дел

Бывшего студента
Владимира Ульянова

ПРОШЕНИЕ

Для добывания средств к существованию и для поддержки своей семьи я имею настоятельнейшую надобность в получении высшего образования, а потому, не имея возможности получить его в России, имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство разрешить мне отъезд за границу для поступления в заграничный университет.

Бывший студент
Владимир Ульянов

Казань, сентября 6 дня 1888 года.

Адрес мой: Казань, Профессорский переулок, дом Завьяловой, квартира Веретенниковой[117]

Впервые напечатано в 1957 г. *Печатается по рукописи*
в книге «Молодые годы В. И. Ленина. По воспоминаниям современников и документам».
Изд. «Молодая гвардия»

6

Его Сиятельству господину Министру Народного Просвещения

Бывшего студента Императорского
Казанского Университета
Владимира Ульянова

ПРОШЕНИЕ

В течение двух лет, прошедших по окончании мною курса гимназии, я имел полную возможность убедиться в громадной трудности, если не в невозможности, найти занятие человеку, не получившему специального образования.

Ввиду этого я, крайне нуждаясь в каком-либо занятии, которое дало бы мне возможность поддерживать своим трудом семью, состоящую из престарелой матери и малолетних брата и сестры, имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство разрешить мне держать экзамен на кандидата юридических наук экстерном при каком-либо высшем учебном заведении.

Бывший студент Императорского
Казанского Университета
Владимир Ульянов

Г. Самара, октября 28 дня 1889 года. Воскресенская улица, дом Каткова[118].

Впервые напечатано в 1925 г. *Печатается по*

рукописи
в журнале «Красная Летопись» № 1

7

Его Сиятельству господину Министру Народного Просвещения

Дворянина[119] Владимира Ульянова

ПРОШЕНИЕ

Так как Вашему Сиятельству благоугодно было разрешить мне держать в качестве экстерна окончательные по предметам юридического факультета экзамены в испытательной комиссии при одном из университетов, управляемых уставом 1884 года, то имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство разрешить мне сдавать этот экзамен в испытательной комиссии при Императорском С.-Петербургском Университете.

Дворянин Владимир Ульянов

Самара, июня 12 дня 1890 года.

Угол Почтовой и Сокольничьей улиц,

дом Рытикова[120]

Впервые напечатано в 1924 г. *Печатается по рукописи*
в журнале «Красная Летопись» № 2

8

Его Превосходительству господину Председателю Испытательной Юридической Комиссии при Императорском Санкт-Петербургском Университете

Дворянина Владимира
Ильина Ульянова

ПРОШЕНИЕ

Представляя при сем фотографическую карточку, свидетельство, выданное мне из Императорского Казанского Университета, свидетельство из Департамента министерства Народного Просвещения о разрешении мне Его Сиятельством господином Министром Народного Просвещения держать, в качестве экстерна, окончательные по предметам юридического факультета экзамены в испытательной комиссии, квитанцию университетского казначейства во взносе 20 рублей в пользу испытательной комиссии и требуемое правилами сочинение по уголовному праву, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство о допущении меня к испытанию в Юридической Комиссии.

С.-Петербург, марта 26 дня 1891 года.

Дворянин *Владимир Ильин Ульянов*[121]

Впервые напечатано в 1924 г. в журнале «Красная Летопись» № 2

Печатается по рукописи

9

В Самарский Окружной Суд

Помощника присяжного поверенного при Самарском Окружном Суде Владимира Ильича Ульянова, живущего в г. Самаре по Сокольничьей улице в доме Рытикова

ПРОШЕНИЕ

Имею честь просить Самарский Окружной Суд выдать мне свидетельство на право быть поверенным. При сем, согласно требованию статьи 406[5] учреждения судебных установлений (изд. 1883 года), удостоверяю, что для получения мною права быть поверенным нет ни одного из препятствий, означенных в статье 246 устава гражданского судопроизводства.

Помощник присяжного поверенного
Владимир Ульянов

Самара, февраля 28 дня 1892 года[122].

Впервые напечатано в 1957 г. в книге «Молодые годы В. И. Ленина. По воспоминаниям современников и документам». Изд. «Молодая гвардия»

Печатается по рукописи

10

Его Превосходительству господину Директору Департамента Полиции

Помощника присяжного поверенного
при Самарском Окружном Суде
Владимира Ильича Ульянова

ПРОШЕНИЕ

Будучи зачислен определением Общего Собрания Самарского Окружного Суда, состоявшимся 30 января 1892 года, в число помощников присяжного поверенного, я подал затем в Суд прошение о выдаче мне свидетельства на право быть поверенным. Так как Самарский Окружной Суд затрудняется дать определенный ответ на мое прошение по отсутствию у него сведений о моей личности, то я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство поставить в известность господина председателя Самарского Окружного Суда о неимении со стороны Департамента Полиции препятствий к выдаче мне свидетельства на право быть поверенным.

Помощник присяжного поверенного
Владимир Ульянов

Самара, июня 1 дня 1892 года.

Угол Почтовой и Сокольничьей улиц, дом Рытикова[123]

Впервые напечатано в 1924 г. *Печатается по рукописи*

в журнале «Красная Летопись» № 1

11

Его Превосходительству господину Председателю Самарского Окружного Суда

Помощника присяжного поверенного
В. И. Ульянова

ПРОШЕНИЕ

В дополнение к поданному мною в марте месяце сего года в Самарский Окружной Суд прошению о выдаче мне свидетельства на право быть поверенным[259] имею честь доложить Вашему Превосходительству, что свидетельство о благонадежности мною не может быть представлено по следующим причинам: начальство Императорского С.-Петербургского Университета, от коего я имею аттестат об окончании курса, не может выдать мне удостоверения о благонадежности потому, что я не состоял студентом этого университета и держал экзамен в Испытательной Юридической Комиссии при этом университете в качестве экстерна с разрешения Его Сиятельства господина Министра Народного Просвещения, состоявшегося в мае месяце 1890 года. Что же касается до удостоверения моей благонадежности со стороны полиции, то Департамент Полиции не выдает такого рода удостоверений по просьбам частных лиц, но только по запросам при-

---

[259] См. настоящий том, стр. 557. – *Ред.*

сутственных мест. На основании вышеизложенного я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство запросить г. Директора Департамента Полиции о неимении с его стороны препятствий к выдаче мне свидетельства на право быть поверенным.

Самара, июня 11 дня 1892 года.

Помощник присяжного поверенного
Влад. Ульянов[124]

Впервые напечатано в 1957 г.
в книге «Молодые годы В. И. Ленина.
По воспоминаниям современников и
документам». Изд. «Молодая гвардия»

Печатается по рукописи

12

В Самарский Окружной Суд

Помощника присяжного поверенного
Владимира Ильича Ульянова

ПРОШЕНИЕ

Прилагая при сем квитанцию Самарского губернского казначейства от сего января 1893 г. за № 75 об уплате мною 75 рублей в оплату свидетельства на право ведения чужих дел, а равно и свидетельство на ведение дел в течение 1892 года, имею честь покорнейше просить выдать мне свидетельство на право ведения чужих дел в течение 1893 года. При

сем удостоверяю, что препятствий к выдаче мне свидетельства, означенных в статье 246 устава гражданского судопроизводства, не имеется.

Самара, января 5 дня 1893 года.

Помощник присяжного поверенного
Владимир Ульянов[125]

Печатается впервые, по рукописи

13

Его Превосходительству господину Председателю Самарского Окружного Суда

Помощника присяжного поверенного
Владимира Ильича Ульянова

ПРОШЕНИЕ

Намереваясь перечислиться в помощника присяжного поверенного в округ Санкт-Петербургской Судебной Палаты, я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство выдать мне удостоверение о том, что я состою помощником присяжного поверенного при Самарском Окружном Суде и что я получал в 1892 и в 1893 гг. свидетельство на право ведения чужих дел.

Помощник присяжного поверенного
В. Ульянов

Самара, августа 16 дня 1893 года[126].

Печатается впервые, по рукописи

Список неразысканных работ В. И. Ленина

Список работ В. И. Ленина, относящихся к 1891–1894 гг., до настоящего времени не разысканных

1891 г.

КУРСОВОЕ СОЧИНЕНИЕ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ

Сочинение подано Владимиром Ильичем при прошении от 26 марта 1891 года на имя председателя испытательной юридической комиссии при Петербургском университете (см. настоящий том, стр. 556).

1893 г.

РАБОТА ПО ПОВОДУ КНИГИ ВВ. «СУДЬБЫ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ», НАПИСАННАЯ В. И. ЛЕНИНЫМ В САМАРЕ

А. А. Ганшин в своих воспоминаниях пишет, что работа Владимира Ильича, кажется, называлась *«Обоснование народничества в трудах В. В.»* и была привезена в Петербург из Самары в 1893 году (см. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Ч. 1. М., 1956, стр. 138).

О работе В. И. Ленина, в которой критиковалась книга В.

В. «Судьбы капитализма в России», сообщают в своих воспоминаниях М. Г. Григорьев (см. «Пролетарская Революция», 1923, № 8, стр. 61), С. И. Мицкевич (см. Н. Ленин. «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», изд. «Московский рабочий» и «Новая Москва», 1923, стр. XV, XVIII), И. Х. Лалаянц (см. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Ч. 1. М., 1956, стр. 105).

ПЕРЕПИСКА С Н. Е. ФЕДОСЕЕВЫМ

Переписка В. И. Ленина с Н. Е. Федосеевым началась с 1893 или с 1894 года.

В. И. Ленин в статье «Несколько слов о Н. Е. Федосееве» писал: «Насколько я помню, моя переписка с Федосеевым касалась возникших тогда вопросов марксистского или с.-д. мировоззрения… Возможно, что у меня где-либо остались некоторые обрывки писем или рукописей Федосеева, но сохранились ли они, и можно ли их разыскать – на этот счет я не в состоянии сказать ничего определенного» (Сочинения, 4 изд., том 33, стр. 415).

1894 г.

«ЧТО ТАКОЕ «ДРУЗЬЯ НАРОДА» И КАК ОНИ ВОЮЮТ ПРОТИВ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ?»

Выпуск П. Написан летом 1894 года.

РЕФЕРАТ «ОТРАЖЕНИЕ МАРКСИЗМА В БУРЖУАЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ» (ОСЕНЬ 1894 Г.)

В предисловии к сборнику «За 12 лет» В. И. Ленин писал, что он читал реферат, озаглавленный «Отражение марксиз-

ма в буржуазной литературе», в кружке петербургских марксистов. «Как видно из заглавия, – подчеркивал В. И. Ленин, – полемика со Струве была здесь несравненно более резка и определенна (по социал-демократическим выводам), чем в напечатанной весной 1895 года статье. Смягчения были сделаны частью по цензурным соображениям, частью ради «союза» с легальным марксизмом для совместной борьбы против народничества» (Сочинения, 4 изд:, том 13, стр. 82). От группы социал-демократов в кружке были В. И. Ленин, В. В. Старков и С. И. Радченко; из легальных литераторов-марксистов – П. Б. Струве, А. Н. Потресов и Р. Э. Классон.

1894–1895 гг.

ЛИСТОК К РАБОЧИМ СЕМЯННИКОВСКОГО ЗАВОДА

Листок написан позднее 24 декабря 1894 года (5 января 1895 года) по поводу волнений, возникших 23 декабря на Невском механическом заводе (б. Семянникова) в Петербурге.

Н. К. Крупская в своих воспоминаниях указывала, что этот первый агитационный листок русских марксистов написан В. И. Лениным (см. Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 19; журнал «Творчество», 1920, № 7–10, стр. 5).

В. И. Ленин в статье-некрологе «Иван Васильевич Бабушкин» (1910) писал, что в составлении листка к семянниковским рабочим деятельное участие принимал И. В. Бабуш-

кин, который этот листок самолично распространял.

Список работ, переведенных В. И. Лениным

Конец 1889 года —1890 год

К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест Коммунистической партии» (перевод с немецкого). Перевод не сохранился.

М. И. Ульянова в своих воспоминаниях по самарскому (алакаевскому) периоду приводит следующее сообщение А. И. Ерамасова: «В то время Владимир Ильич сделал прекрасный перевод «Коммунистического манифеста» К. Маркса и Ф. Энгельса, – пишет он. – Перевод этот в рукописи ходил по рукам, завезли мы его и в Сызрань. Здесь я отдал тетрадь знакомому учителю, который считался у начальства неблагонадежным. По какому-то делу этого учителя вызвали в Симбирск к директору народных училищ. Мать учителя испугалась, что нагрянут с обыском, и уничтожила тетрадь. Такова судьба этого перевода Ильича. Мне так совестно вспоминать об этом, так как я был отчасти виновником гибели прекрасного перевода» (см. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Ч. 1. М., 1956, стр. 57). Об этом сообщении А. И. Ерамасова говорит также в своих воспоминаниях М. И. Семенов (М. Блан) (см. «Революционная Самара 80–90-х годов». Куйбышевское издательство, 1940, стр. 55).

Указатель литературных работ и источников, цитируемых и упоминаемых В. И. Лениным

Анненский, Н. Ф. Доклад по вопросу о положении кустарей Павловского района. – «Нижегородский Вестник Пароходства и Промышленности», 1891, № 1, стр. 10–16; № 2, стр. 40–45; № 3, стр. 58–62.-212, 256.

[*Богданович, А. И.*] *Насущный вопрос.* [Смоленск], изд. партии «Народного права», 1894. 41 стр. (Вып. 1). – 342–344.

Буренин, В. П. Критические очерки. – «Новое Время», Спб., 1894, № 6443, 4 (16) февраля, стр. 2. – 157–158.

В. В. – см. [Воронцов, В. П.]

«Вестник Европы». Спб., 1872, № 5, стр. 427–436. – 166.

– 1893, № 1, стр. 55–92. – 95–96.

– 1893, № 3, стр. 296–318. – 54. *«Весть».* Спб. – 367.

*[260] *Военно-статистический сборник.* Вып. IV. Россия. Под общ. ред. Н. Н. Обручева. Спб., 1871. XXX, 922, 235 стр. – 98, 326.

Вопрос о рынках – см. [Красин, Г. Б.]

[*Воронцов, В. П.*] *В. В. Излишек снабжения рынка това-*

---

[260] Звездочкой отмечены книги, на которых имеются пометки В. И. Ленина. Эти книги хранятся в Архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

рами. – «Отечественные Записки», Спб., 1883, № 5, стр. 1–39. – 524.

[*Воронцов, В. П.*] *В. В. Крестьянская община.* Общий обзор земской статистики крестьянского хозяйства А. Фортунатова. М, 1892. XLVI, 600, VI стр. (В изд.: Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. Т. I). – 4.

– *Милитаризм и капитализм.* – «Русская Мысль», М., 1889, № 9, стр. 70–90. – 524.

– *Наши направления.* Спб., 1893. VI, 215 стр. – 271, 377.

– *Немецкий социал-демократизм и русский буржуаизм.* (П. Струве. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России). – «Неделя», Спб., 1894, № 47, 20 ноября, стр. 1504–1508; № 48, 27 ноября, стр. 1543–1547; № 49, 4 декабря, стр. 1587–1593. – 366, 377, 402, 442–443, 531.

– *Очерки теоретической экономии.* Спб., 1895. 319 стр. – 410, 442.

– *Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве.* Спб., 1892. VI, 261 стр. – 104, 260, 263, 489.

*– *Судьбы капитализма в России.* Спб., 1882. 312 стр. – 277.

Гакстгаузен, А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Пер. с нем. и изд. Л. И. Рагозин. Т. I. М, 1870. XXII, 490 стр. – 407.

Гоголь, Н В. Мертвые души. – 334–335.

Горбунова, М. К. Кружевной промысел. – В кн.: Боголепов, И. Промыслы Московской губернии. Вып. П. М., 1880, стр. 1–91 (В изд.: Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. VI. Вып. II). – 113–118.

Григорьев, В. Н. Кустарное замочно-ножевое производство Павловского района. (В Горбатовском уезде Нижегородской губ. и в Муромском уезде Владимирской губ.). – В кн.: Рагозин, В. Материалы к изучению кустарной промышленности Волжского бассейна. Прил. к изд. «Волга». М., 1881, стр. XI–XVI, 1–124. —256.

[*Даниельсон, П. Ф.*] *Николай—он. Нечто об условиях нашего хозяйственного развития.* – «Русское Богатство», Спб., 1894, № 4, стр. 1–34; № 6, стр. 86–130. – 321–322, 323, 325, 326, 328, 331, 334, 335, 336,337,338.

– *Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства.* Спб., 1893. XVI, 353, XVI стр. – 95–96, 98, 119–120, 325, 326, 327, 328, 337–338, 413, 470, 493, 497.

Дементьев, Е. М. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М., 1893. VIII, 246 стр. – 214–215.

Ермолов, А. С. Неурожай и народное бедствие. Спб., 1892. 270 стр. – 300.

Зибер, Н. И. Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях. Опыт крити-ко-экономического исследования. Спб., 1885. VII, 598 стр. – 222.

Исаев, А. А. Промыслы Московской губернии. **Т. П. 1. Металлические прОМЫСЛЫ. 2. Гончарный промысел. М., ИЗД.** Моск. губ. земской управы, 1876. 200, IV стр. – 219–220.

Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. Т. I – П. М. – Дерпт, 1892. 2 т. – 4–5, 14, 489.

К— н, И. – см. [Кауфман, И. И.]

Каблуков, Н. А. Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве. М., ред. «Юридического Вестника», 1884. X, XXIV, 299 стр. – 361.

– *Очерк хозяйства частных землевладельцев.* М., изд. Моск. губ. земства, 1879. V, 200, 103 стр. (В изд.: Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. V. Вып. I). – 249.

Кареев, Н. И. Старые и новые этюды об экономическом материализме. Материалы для истории и критики экономического материализма. Спб., 1896. VI, 162 стр. – 141.

**Карышев, Н. А. Крестьянские вненаделъные аренды.* Дерпт, 1892. XIX, 402. LXV стр. (В изд.: Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. Т. II). – 4, 14, 15, 18–19, 489.

– *Народно-хозяйственные наброски.* XII. Современные течения в крестьянском хозяйстве Нижегородской губернии. – «Русское Богатство», Спб., 1894, № 2, стр. 1–19. — 243, 260–262.

[*Кауфман, И. И.*] *Точка зрения политико-экономической критики у Карла Маркса.* – «Вестник Европы», Спб., 1872, № 5, стр. 427–436. – 166.

Короленко, С. А. Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих и передвижение рабочих, в связи с статистико-экономическим обзором Европейской. России в сельскохозяйственном и промышленном отношениях. Спб., 1892. XX, 844 стр. (Деп. земледелия и сельской пром-сти. С.-х. и стат. сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. V). – 327–328.

[*Красин, Г. Б.*] *Вопрос о рынках.* [Реферат]. – 71–72, 76–78, 82–86, 100, 102–103.

Кривенко, С. Н. К вопросу о нуждах народной промышленности. – «Русское Богатство», Спб., 1894, № 7, стр. 154–170; № 9, стр. 35–71; № 10, стр. 94–130. – 365, 396, 397.

– *Письма с дороги.* Письмо 1-е. (Крестьянский бюджет в связи с переходом натурального хозяйства в денежное). – «Русское Богатство». Спб., 1894, № 1, стр. 150–170. – 209, 224, 225–227, 229, 232–234, 235–237, 245–246, 251.

– *По поводу культурных одиночек.* – «Русское Богатство», Спб., 1893, № 12, стр. 160–192. – 129, 209, 210, 211–212, 215, 239, 243, 245, 246–247, 252–253, 254, 255, 258–259, 264, 270, 271, 273, 277–278, 279, 280–281, 282–283, 287–289, 330, 413.

Кружевной промысел – см. Горбунова, М. К. *Крылов, И. А. Волк и Пастухи.* – 363.

– *Кот и Повар.* – 323, 324.
– *Слон и Моська.* – 158.
– *Щука.* – 305.

Ланге, Ф.-А. Рабочий вопрос. Его значение в настоящем и будущем. Пер. с 4 нем. изд. А. Л. Блека. С пре-дисл. Р. И. Сементковского. Спб., Павленков, 1892. II, VI, 323 стр. – 475–480, 488.

Манифест СОЦиаЛЬНО-ревОЛЮЦиОННОй партии «Народного права». [Листовка]. 19 февраля 1894 года. [Смоленск], 1894. 1л. – 345.

Маркс, К. и Энгельс, Ф. Манифест Коммунистической партии. Декабрь 1847 г. – январь 1848 г. – 140, 145, 179, 275, 400–401, 461.

– *Немецкая идеология.* Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков. 1845–1846 г. – 144–145, 184.

Маркс, К. К критике гегелевской философии права. Введение. Конец 1843 г. – январь 1844 г. – 134, 241.

Капитал. Критика политической экономии. Т. I–III. 1867–1894 гг. – 130–133, 138–141, 142–143, 146, 147, 160–161, 165–168, 176, 179–180, 181, 183, 184, 187, 275, 437, 459, 474.

Капитал. Критика политической экономии. Т. I. 1867 г. – 72, 78, 132–133, 134, 138–139, 144, 160–161, 165–168, 175, 181–183, 340, 341, 437, 524.

*– *Капитал.* Критика политической экономии. Пер. с нем. Т. I. Кн. I. Процесс производства капитала. Спб., Поляков, 1872. XIII, 678 стр. – 171–174, 322–323, 330–331, 475–476, 477, 479.

Капитал. Критика политической экономии. Т. П. 1885 г. – 72–81, 524, 525.

Критика Готской программы. Замечания к программе германской рабочей партии 5 мая 1875 г. – 332, 464.

Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона. Первая половина 1847 г. – 140, 165, 275,331–332.

Письмо в редакцию «Отечественных Записок». (Письмо Михайловскому). Конец 1877 г. – «Юридический Вестник», М, 1888, № 10, стр. 270–273. Загл.: Письмо Карла Маркса. – 144, 273–274.

Письмо к Руге. Сентябрь 1843 г. – «Социал-Демократ», Женева, 1892, кн. 4, стр. 25–29. – 161–162, 187,341.

Послесловие ко второму изданию [первого тома «Капитала»]. 24 января 1873 г. – 160–161, 165–168, 175, 340–341.

Предисловие к «К критике политической экономии». Январь 1859 г. – 134–136, 149–150.

Предисловие к первому изданию [первого тома «Капитала»]. 25 июля 1867 г. – 132–133, 139.

Михайловский, П. К. Записки профана. – Сочинения. Т. 3. Спб., 1881. 493 стр. – 133–134, 143, 424.

– *Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского.* – «Отече-

ственные Записки», Спб., 1877, № 10, стр. 321–356. – 131–132, 170–171, 176, 182, 183–184.

Михайловский, Н. К. Литература и жизнь. – «Русская Мысль», М., 1892, № 6, стр. 172–204. – 189–191, 210.

Литература и жизнь. – «Русское Богатство», Спб., 1893, № 10, стр. 108–141. – 129, 271–272.

Литература и жизнь. – «Русское Богатство», Спб., 1894, № 1, стр. 88–123. – 129–130, 131, 133, 139–158, 160, 161–162, 182–186, 187–188, 189, 192–193, 194–195, 196, 197–201, 275, 341–342.

Литература и жизнь. – «Русское Богатство», Спб., 1894, № 2, стр. 148–168. – 129, 162–163, 164, 168–169, 175, 180–181, 202, 203.

Литература и жизнь. – «Русское Богатство», Спб., 1894, № 10, стр. 45–77. – 372, 394.

Письмо в редакцию. – «Отечественные Записки», Спб., 1883, № 7, стр. 97–112. Подпись: Посторонний. – 176.

По поводу русского издания книги Карла Маркса. – «Отечественные Записки», Спб., 1872, J4» 4, стр. 176–184. – 183, 187, 265.

– *Что такое прогресс?* – 432.

«Московские Ведомости». – 419, 531.

Насущный вопрос – см. [Богданович, А. И.]

«Неделя». Спб. – 271.

– 1894, № 47, 20 ноября, стр. 1504–1508; № 48, 27 ноября, стр. 1543–1547; № 49, 4 декабря, стр. 1587–1593. – 366, 377,

402, 442–443, 531.

«Нижегородский Вестник Пароходства и Промышленности». 1891, № 1, стр. 10–16. —212.

Николай—он – см. [Даниельсон, Н. Ф.] *«Новое Время».* Спб. – 271.

– 1894, № 6443, 4 (16) февраля, стр. 2. – 158.

Новые всходы на народной ниве. – «Отечественные Записки», Спб., 1879, № 2, стр. 125–152. – 354–386, 388–394, 397–411, 441, 454, 462.

Общий устав императорских Российских университетов. 23 августа 1884 года. М., 1884. 15 стр. – 550,

Орлов, В. И. и Каблуков, Н. А. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. П. М, изд. Моск. губ. земства, 1878. 616 стр. – 249–250.

Орлов, П. А. и Будагов, С. Г. Указатель фабрик и заводов Европейской России. Материалы для фабрично-заводской статистики. [По сведениям за 1890 г., дополненным сведениями за 1893 и 1894 гг.]. Изд. 3-е, испр. и знач. доп. Спб., 1894. II, XVI, 827 стр. – 326.

«Отечественные Записки». Спб. – 176, 178, 190, 257, 293, 328,413.

– 1872, № 2, стр. 202–236. – 257, 292–293.

– 1872, № 4, стр. 176–184. – 187, 265.

– 1877, № 10, стр. 321–356. – 131–132, 170–171, 176, 182, 183–184.

– 1879, № 2, стр. 125–152. – 354–386, 388–394, 397–411, 441, 454, 462.

– 1883, № 5, стр. 1–39. – 524.

– 1883, № 7, стр. 97–112. – 176.

Памятная книжка Таврической губернии. Сост. стат. бюро Таврического губ. земства. Под ред. К. А. Вернера. Симферополь, 1889. 678 стр. (В изд.: Сборник статистических сведений по Таврической губернии. Т. IX). – 18.

Плеханов, Г. В. П. Г. Чернышевский. – «Социал-Демократ», Лондон, 1890, кн. 1, февраль, стр. 88–175; Женева, 1890, кн. 2, август, стр. 62–142; 1890, кн. 3, декабрь, стр. 71 — ПО; 1892, кн. 4, стр. 144–194.-290,291–292.

– *Наши разногласия.* Женева, тип. группы «Освобождение труда», 1884, на обл.: 1885. XXIV, 322 стр. (Б-ка современного социализма. Вып. III). – 196, 197, 198, 281.

Плутократия и ее основы. – «Отечественные Записки», Спб., 1872, № 2, стр. 202–236. —257, 292–293.

* *Постников, В. Е. Южно-русское крестьянское хозяйство.* М., 1891. XXXII, 391 стр. – 1,3, 5–66, 110–112, 498, 505, 537–546.

Посторонний – см. Михайловский, Н. К.

Распопин, В. Частновладельческое хозяйство в России. (По земским статистическим данным). – «Юридический Вестник», М., 1887, № 11, стр. 460–486; № 12, стр. 629–647. – 515.

Рецензия на книгу: Давид Рикардо и Карл Маркс в их обще-

ственно-экономических исследованиях. Опыт критико-экономического исследования. Н. И. Зибера. Спб., 1885 г. – «Русская Мысль», М, 1885, № 11, стр. 13–17. —222.

«Русская Мысль». М, 1885, № 9, стр. 1–40. – 46, 250–251.

– 1885, № 11, стр. 13–17. —222.

– 1889, № 9, стр. 70–90. – 524.

– 1892, № 6, стр. 172–204. – 189–191, 210.

«Русское Богатство». Спб. – 125, 129, 132, 147, 156, 187–188, 204, 205, 246, 255, 257, 264, 267, 271, 272–273, 282, 283, 296, 321, 353, 373, 378, 384, 457, *МО – АН,* 491.

– 1893–1894. —467.

– 1893, № 10, стр. 29–40, стр. 108–141. – 129, 242, 265–266, 267–268, 271–272.

– 1893, № 11, стр. 202–227. – 129, 188, 242–243, 244, 442.

– 1893, № 12, стр. 145–159, стр. 160–192, стр. 186–209. – 129, 209, 210, 211–212, 215, 239, 242–243, 244, 245, 246–247, 252–253, 254, 255, 256, 257, 258–259, 264, 270, 271, 273, 277–278, 279, 280–281, 282–283, 287–289, 330, 413, 442.

– 1894, № 1, стр. 88–123, стр. 150–170. – 129–130, 131, 133, 139–158, 160, 161–162, 182–186, 187–188, 189, 192–193, 194–195, 196, 197–201, 209, 224, 225–227, 229, 232–234, 235–237, 245–246, 251, 275, 341–342.

– 1894, № 2, стр. 1–19, стр. 125–147, стр. 148–168. – 129, 155, 162–163, 164, 168–169, 175, 180–181, 202, 203, 243, 260–262, 265, 269.

– 1894, № 6, стр. 86–130. – 321–322, 323, 325, 326, 328,

331, 334, 335, 336, 337, 388.
– 1894, № 7, стр. 127–153. – 365, 530.
– 1894, № 10, стр. 45–77, стр. 94–130. – 365, 372, 394, 396, 397.
Салтыков-Щедрин, М. Е. Благонамеренные речи. – 485.
– *Дневник провинциала в Петербурге.* – 366, 443.
– *За рубежом.* – 147.
– *Коняга.* – 403, 420, 421.
– *Либерал.* – 268.
– *Помпадуры и помпадурши.* – 252, 270, 300.
– *Пошехонские рассказы.* – 447.
Сборник сведений по России. 1890. Спб., изд. центр, стат. ком. м-ва внутр. дел, 1890. VI, 352 стр. (Статистика Российской империи. X). На русск. и франц. яз. – 98.
Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. П. Вып. П. Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду. С 8 карт. Сост. Ф. Щербина. Воронеж, изд. Воронежского губ. земства, 1887. XVIII, 454, 51 стр. – 46, 224, 225, 227, 228, 229–230, 232, 233, 251, 313–319, 471, 472.
Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. П. Сост. В. И. Орлов и Н. А. Каблуков. М, изд. Моск. губ. земства, 1878. 616 стр. – 249–250.
Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. V. Вып. I. Очерк хозяйства частных землевладельцев. Сост. Н. Каблуков. М.,

изд. Моск. губ. земства, 1879. V, 200, 103 стр. – 249.

Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. VI–VII. Промыслы Московской губернии. М., изд. Моск. губ. земства, 1879–1883. 5 т.

Т. VI. Промыслы Московской губернии. Вып. I. Сост. В. Орлов и И. Боголепов. 1879. 287 стр. Вып. П. Сост. И. Боголепов. 1880. 264, 91, Петр. – 43, 113–118.

Т. VII. Вып. I. Промыслы Московской губернии. Вып. III. Сост. стат. отделением Моск. губ. земской управы. 1882. VIII, 147, 338 стр. Вып. П. Женские промыслы Московской губернии. Вып. IV. Сост. М. К. Горбунова. 1882. XXXII, 299 стр.* Вып. III. Промыслы Московской губернии. Вып. V. Сост. стат. отделением Моск. губ. земской управы. 1883. 218 стр. – 43, ИЗ, 216–217.

Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Новоузен-ский уезд. Т. VIL Самара, изд. Самарского губ. земства, 1890. II, 64, 453, V стр. – 106–107, 108, 260.

**Сборник статистических сведений по Саратовской губернии.* Т. XI. Камышинский уезд. Саратов, изд. Саратовского губ. земства, 1891. III, II, 974 стр. – 107, 108.

Сборник статистических сведений по Таврической губернии. Т. I–II. Симферополь, изд. Таврического губ. земства, 1885–1886. 2 т. – 48–49, 50, 51–53, 55, 106, 107, 108.

Свод законов гражданских. – В кн.: Свод законов Россий-

ской империи. Т. 10. Ч. I. Спб., 1887, стр. 27. – 151.

Сельскохозяйственный обзор Нижегородской губернии за 1892 год. Вып. III. Н.-Новгород, изд. Нижегородского губ. земства, 1893. 188, 12 стр. (Стат. отд-ние Нижегородской губ. земской управы). – 104.

Скворцов, А. И. Влияние парового транспорта на сельское хозяйство. Исследование в области экономики земледелия. Варшава, 1890. VIII, VI, 703 стр. – 499–503.

– *Экономические этюды.* I. Экономические причины голодовок в России и меры к их устранению. Спб., 1894. VIII, 185, II стр. – 201, 499.

Слонимский, Л. З. Крестьянские нужды и их исследователи. – «Вестник Европы», Спб., 1893, № 3, стр. 296–318. – 54.

«Социал-Демократ». Лондон, 1890, кн. 1, февраль, стр. 88–175. – 290, 291–292.

– Женева, 1892, кн. 4, стр. 25–29. – 161–162, 187, 341.

Статистические таблицы о хозяйственном положении селений Днепровского уезда. Сост. стат. бюро Таврического земства. Симферополь, изд. Таврического губ. земства, 1886. III, 253 стр. (В изд.: Сборник статистических сведений по Таврической губернии. Т. II). – 48–49, 50, 51–53, 55, 106, 107, 108.

**Статистические таблицы о хозяйственном положении селений Мелитопольского уезда.* Вып. I. Сост. стат. бюро Таврического губ. земства. Симферополь, изд. Таврического губ. земства, 1885. VII, 280 стр. (В изд.: Сборник статисти-

ческих сведений по Таврической губернии. Прил. к 1-му т. сб.). – 48–49, 50, 55.

Струве, П. Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. I. Спб., 1894. X, 293 стр. – 347, 351–353, 358, 370, 372, 410–418, 419–424, 427, 428, 430–433, 435–439, 440, 441, 443–450, 452–465, 468–475, 480–487, 491–497, 499, 503–515, 519–523, 524, 525–530.

Судебные уставы. Спб., 1883. 632 стр. – 557, 561.

Тверской, П. А. Десять лет в Америке. Из личных воспоминаний. – «Вестник Европы», Спб., 1893, № 1, стр. 55–92. – 95–96.

Точка зрения политико-экономической критики у Карла Маркса – см. [Кауфман, И. И.]

Трирогов, В. Г. Община и подать. (Собрание исследований). Спб., 1882. 509 стр. – 51.

Указатель фабрик и заводов Европейской России – см. Орлов, П. А. и Будагов, С. Г.

Успенский, Г. И. Грехи тяжкие. – 399.

Устав гражданского судопроизводства. – В кн.: Судебные уставы. Спб., 1883, стр. 34. – 557, 561.

Учреждение судебных установлений. – В кн.: Судебные уставы. Спб., 1883, стр. 70. – 557.

Харизоменов, С. А. Значение кустарной промышленности, – «Юридический Вестник», М., 1883, № 11, стр. 414–441; № 12, стр. 543–597. —211.

Хроника внутренней жизни. – «Русское Богатство», Спб.,

1893, № 12, стр. 145–159. – 255, 256, 257, 258.

Хроника внутренней жизни. – «Русское Богатство», Спб., 1894, № 2, стр. 125–147. – 155, 265, 269.

Чернышевский, Н. Г. Пролог. Роман из начала шестидесятых годов. – 290, 291–292.

Щербина, Ф. А. Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду. С 8 карт. Воронеж, изд. Воронежского губ. земства, 1887. XVIII, 454, 51 стр. (В изд.: Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. П. Вып. II). – 46, 224, 225, 227, 228, 229–230, 232, 233, 251, 313–319, 471, 472.

Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. 1876–1878 гг. – 144, 147, 163–164, 165, 169–175, 181, 440.

Энгельс, Ф. Положение рабочего класса в Англии. По собственным наблюдениям и достоверным источникам. Сентябрь 1844 г. – март 1845 г. – 101.

– *Предисловие* [к книге «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»]. 21 февраля 1888 г. – 145, 184.

– *Предисловие к первому изданию 1884 года* [книги «Происхо5кдение семьи, частной собственности и государства»]. Конец мая 1884 г. – 146, 160.

– *Происхождение семьи, частной собственности и государства.* (Пер. с 4-го нем. изд.). Спб., Тиханов, 1894. XVII, 175 стр. – 439.

– *Развитие социализма от утопии к науке.* Начало 1880 г. – 165.

Южакое, С. Н. Вопросы экономического развития России. – «Русское Богатство», Спб., 1893, № 11, стр. 202–227; № 12, стр. 186–209. – 129, 188, 242–243, 244, 257–258, 442.

– *Министерство земледелия.* (Заметка по поводу слухов о его организации). – «Русское Богатство», Спб., 1893, № 10, стр. 29–40. – 242, 265–266, 267–268.

– *Нормы народного землевладения в России.* (Опыт экономического исследования о нормальной величине крестьянских наделов в России). – «Русская Мысль», М., 1885, № 9, стр. 1–40. —46, 250–251.

– *Хроника внутренней жизни.* – «Русское Богатство», Спб., 1894, № 7, стр. 127–153. – 365, 530.

«Юридический Вестник». М, 1883, № И, стр. 414–441; № 12, стр. 543–597. —211.

– 1888, № 10, стр. 270–273. – 273–274»

Dühring, E. Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Sozialismus. 3-te Aufl. Leipzig, Fues (R. Reisland), 1879. XIV, 574 S. – 169–170, 171, 172, 174, 175.

Engels, F. Herrn E. Dührings Umwälzung der Wissenschaft. 1876–1878. – 147, 436.

Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats. **Im Anschluß an Lewis H. Morgan's Forschungen. 2-te Aufl. Stuttgart, Dietz, 1886. VI, 147 S. – 439.**

– *Vorwort* [**zur 2-ten Auflage der Arbeit: «Zur Wohnungsfrage»**]. **10. Januar 1887. – 329**–330.

– *Zur Wohnungsfrage.* **Zweite Hälfte 1872 – Januar 1873. – 329–330.**

Goethe, J.-W. ZahmeXenien. – 269.

Hourwich, I. A. The economics of the russian village. New **York, 1892. VI, 182 p. – 231, 262**–263.

Kautsky, K Karl Marx's ökonomische Lehren. – 130–**131.**

Marx, K Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte. **3-te Aufl. Hamburg, Meißner, 1885. VI, 108 S. –** 433, **439^40, 445–446, 469^70.**

– *Der Bürgerkrieg in Frankreich.* **Adresse des Generalrats der Internationalen Arbeiter – Assoziation an alle Mitglieder in Europa und den Vereinigten Staaten. Neuer Abdruck. Leipzig, Genossenschaftbuchdruckerei, 1876. 56 S. – 439–440.**

*– *Das Kapital.* **Kritik der politischen Ökonomie. Bd. I. Buch I: Der Produktionsprozeß des Kapitals. 2-te Aufl. Hamburg, Meißner, 1872. 830 S. – 94–95, 171–173, 330–331, 437, 487–488, 495–496.**

*– *Das Kapital.* **Kritik der politischen Ökonomie. Bd. II. Buch II: Der Zirkulationsprozeß des Kapitals. Hrsg. von F. Engels. Hamburg, Meißner, 1885. XXVII, 526 S. – 81–82, 100–101, 458–459.**

*– *Das Kapital.* **Kritik der politischen Ökonomie. Bd. III. T. 2. Buch III. Der Gesamtprozeß der kapitalistischen**

Produktion. Hrsg. von F. Engels. Hamburg, Meißner, 1894. IV, 422 S. – 514.

– *Vorwort zur 2-te Auflage* [**der Arbeit: «Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte»**]. **23. Juni 1869. – 445–446.**

Mayer, S. Die soziale Frage in Wien. **Studie eines Arbeitgebers. Wien, Becksche Universitätsbuchhandlung, 1871. XIV, 32 S. – 161.**

Proudhon, P.-J. Revolution sociale, démontrée par le coup d'état. – 445.

Rousseau, J.-J. Du Contract social; ou, Principes du droit politique. – 136.

Simmel, G. Über soziale Differenzierung. Soziologische und psychologische Untersuchungen. Leipzig, Duncker & Humblot, 1890. VII, 147 S. – 431.

«Sozialpolitisches Centralblatt». Berlin, 1893, N 1, 2. Oktober, S. 1–3. – 280, 281, 282, 283, 320, 321, 324–325, 335, 336–338, 413, 475.

Struve, P. Zur Beurteilung der kapitalistischen Entwicklung Rußlands. In: «Sozialpolitisches Centralblatt», Berlin, 1893, N 1, 2. Oktober, S. 1–3. —280, 281, 282, 283, 320, 321, 324–325, 335, 336–338, 413, 475.

Указатель имен

А

Анненский, Н. Ф. (1843–1912) – публицист и экономист-статистик, видный деятель либерально-народнического движения. Являясь руководителем статистических работ Казанского и Нижегородского земств в 80–90-х годах, сыграл крупную роль в организации русской земской статистики. Под его руководством и редакцией издано много статистических работ. Сотрудничал в журналах: «Дело», «Отечественные Записки»; входил в состав редакции либерально-народнического журнала «Русское Богатство». В 1904–1905 годах был одним из руководителей буржуазно-либерального «Союза освобождения». В 1906 году выступил в числе организаторов и руководителей близкой к кадетам мелкобуржуазной партии «народных социалистов», выделившихся из правого крыла эсеров. В последние годы жизни отошел от политической работы. – 212, 256.

Арсеньев, К. И. (1789–1865) – географ, историк и статистик, с 1819 года профессор Петербургского университета, с 1836 года член Петербургской академии наук. В 1835–1853 годах возглавлял статистические работы в России, под его руководством создавались губернские статистические комитеты. Являлся одним из основателей Русского географического общества (1845). Арсеньев был автором многих работ

в области статистики, географии и истории. В своих работах «Начертание статистики Российского государства» (1818–1819) и «Статистические очерки России» (1848) впервые пытался научно обосновать районирование России. Опубликованная в 1818 году «Краткая всеобщая география» выдержала 20 изданий и была одним из самых распространенных учебников по географии в течение 30 лет. Труды Арсеньева ценны богатством фактического материала, они сыграли крупную роль в формировании экономической географии в России. – 481.

Б

Баранов, Н. М. (1836–1901) – нижегородский губернатор с 1882 по 1897 год; стал широко известен своим самодурством во время голода 1891–1892 годов. Благодаря разоблачениям В. Г. Короленко, его имя сделалось нарицательным для провинциальных сатрапов. – 270.

Бисмарк (Bismarck), *Отто-Эдуард-Леополъд* (1815–1898) – государственный деятель и дипломат Пруссии и Германии, первый канцлер Германской империи, прозванный «железным канцлером». В 1862 году – министр-президент и министр иностранных дел Пруссии. Основной целью Бисмарка было объединение «кровью и железом» мелких разрозненных немецких государств и создание единой германской империи под гегемонией юнкерской Пруссии. В январе 1871 года Бисмарк занял пост рейхсканцлера Германской империи. С 1871 по 1890 год он руководил всей внеш-

ней и внутренней политикой Германии, направляя ее в интересах помещиков-юнкеров, стараясь в то же время обеспечить союз юнкерства с крупной буржуазией.

Не добившись удушения рабочего движения с помощью проведенного им в 1878 году исключительного закона против социалистов, Бисмарк выступил с демагогической программой социального законодательства, введя законы об обязательном страховании некоторых категорий рабочих. Однако попытка разложить рабочее движение жалкими подачками была безрезультатна. В марте 1890 года ушел в отставку. – 266.

Блос (Bios), *Вильгельм* (1849–1927) – немецкий мелкобуржуазный историк и публицист, представитель правого крыла Германской социал-демократической партии. В 1872–1874 гг. один из редакторов социал-демократической газеты «Der Volksstaat» («Народное Государство»). В 1877–1878 и с 1890 года член социал-демократической фракции рейхстага. Маркс и Энгельс подвергли резкой критике оппортунистическую политику Блоса. Известен своими работами по истории французской революции 1789 и истории германской революции 1848 года.

В 1918–1920 годах Блос – министр-президент Вюртембергского правительства, получившего за расправу с коммунистами название кровавого. Позднее сошел с политической арены. – 143.

Брайт (Bright), *Джон* (1811–1889) – английский буржу-

азный деятель, фабрикант-мануфактурист, один из вождей фритредерского движения и основатель «Лиги борьбы против хлебных законов» (т. е. против обложения ввозного хлеба высокой пошлиной). Демагогически нападая на аристократию и выставляя себя защитником интересов народных масс, Брайт в то же время поддерживал союз между буржуазией и аристократией, выступал против законодательного сокращения рабочего дня и других требований рабочих. С конца 60-х годов он был одним из лидеров партии либералов, занимал ряд министерских постов в либеральных кабинетах. – 495–496.

Буренин, В. П. (1841–1926) – реакционный публицист и литератор. С 1876 года он входил в редакцию газеты «Новое Время», возглавляя продажную литературную клику «новременцев». В. И. Ленин часто употреблял имя Буренина для обозначения бесчестных методов полемики. – 155, 157–158, 186, 190, 279.

В

В. В. – см. Воронцов, В. П.

Василъчиков, А. И. (1818–1881) – крупный помещик, дворянский земский деятель, экономист и публицист. С 1872 года председатель основанного по его инициативе Петербургского комитета кредитных и ссудосберегательных товариществ. Опубликовал ряд работ по аграрному вопросу, местному самоуправлению, кредиту. В своих произведениях «Землевладение и земледелие в России и других европей-

ских государствах» (1876), «Сельский быт и сельское хозяйство в России» (1881) и др. стоял за сохранение в России общины, видя в ней средство к устранению классовой борьбы. В. И. Ленин, характеризуя Васильчикова, писал: «Васильчиков, как и все народники, своими практическими мероприятиями представляет интересы одной лишь мелкой буржуазии» (см. настоящий том, стр. 470). – 243, 377, 470–471.

Веретенникова, А. А. (1833–1897) – сестра матери В. И. Ленина – М. А. Ульяновой. – 552, 553.

Вернадский, И. В. (1821–1884) – буржуазный экономист, профессор политической экономии Киевского и Московского университетов. Редактор журналов «Экономический Указатель» (1857–1861) и «Экономист» (1858–1865), критиковал крепостничество, защищал буржуазный строй и принципы экономического либерализма. Н. Г. Чернышевский в «Современнике» посвятил не мало места полемике с Вернадским. Эта полемика отражала начало борьбы между буржуазно-либеральной и социалистической идеологиями в России. – 368.

Вернер, К. А. (1850–1902) – земский статистик народнического направления. В 1880–1889 гг. работал в статистическом отделении Московской и Таврической губернских земских управ. С 1895 года – профессор сельскохозяйственной экономии Московского сельскохозяйственного института. Главные работы Вернера: «Крестьянское хозяйство в Мелитопольском уезде» (1887), «Памятная книжка Таврече-

ской губернии» (1889), «Кустарные промыслы Богородского уезда Московской губернии» (1890) и другие. – 18.

Витте, С. Ю. (1849–1915) – русский государственный деятель конца XIX – начала XX века, выражавший интересы «военно-феодального империализма» царской России, убежденный сторонник самодержавия, стремившийся сохранить монархию путем незначительных уступок и обещаний либеральной буржуазии и жестоких репрессий по отношению к народу; один из организаторов подавления революции 1905–1907 годов. Будучи министром путей сообщения (февраль – август 1892), министром финансов (1892–1903), председателем Совета министров (конец 1905 – апрель 1906), Витте своими мероприятиями в области финансов, таможенной политики, железнодорожного строительства, фабричного законодательства и пр., проводимыми в интересах крупной буржуазии, способствовал развитию капитализма в России и усилению ее зависимости от империалистических держав. «Министр-маклер» – так охарактеризовал его В. И. Ленин. – 284.

Воронцов, В. П. (В. В.) (1847–1918) – русский экономист и публицист, один из идеологов либерального народничества 80–90-х годов, автор книг: «Судьбы капитализма в России» (1882), «Очерки кустарной промышленности в России» (1886), «Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве» (1892), «Наши направления» (1893), «Очерки теоретической экономии» (1895) и других, в которых утверждал,

что в России нет условий для развития капитализма, выступал в защиту мелкого товарного производителя, идеализировал крестьянскую общину. Воронцов проповедовал примирение с царским правительством и решительно выступал против марксизма. Критику взглядов Воронцова дал Г. В. Плеханов в сочинении «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.)» (1896). В. И. Ленин в своих выступлениях и работах 90-х годов до конца разоблачил реакционные воззрения Воронцова. – 4, 102, 104, 121, 158, 249, 260, 263, 271, 277, 300, 322, 361, 366, 377, 401–402, 410, 442–443, 451, 470, 489, 492, 519–520, 523–524, 525, 531, 532.

Г

Галъеани (Galvani), *Луиджи* (1737–1798) – итальянский анатом и физиолог, один из основателей учения об электричестве, установивший наличие электрического тока в животном организме. Опыты Гальвани способствовали открытию в физике гальванического тока, оказавшего большое влияние на развитие естествознания и техники. Они положили начало электрофизиологии. Основной труд Гальвани – «Трактат о силах электричества при мышечном движении» (1791). – 162–163.

Гегель (Hegel), *Георг-Вильгельм-Фридрих* (1770–1831) – крупнейший немецкий философ – объективный идеалист. Философия Гегеля явилась завершением и вершиной немецкого идеализма конца XVIII – начала XIX в. Исторической

заслугой Гегеля является глубокая и всесторонняя разработка идеалистической диалектики, которая послужила одним из теоретических источников диалектического материализма. Согласно Гегелю, весь естественный, исторический и духовный мир находится в беспрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии; однако объективный мир, действительность рассматривается им как порождение абсолютного духа, абсолютной идеи. В. И. Ленин назвал абсолютную идею теологической выдумкой идеалиста Гегеля, Для философии Гегеля характерно глубокое противоречие между диалектическим методом и консервативной, метафизической системой, которая по существу требовала прекращения развития. По социально-политическим воззрениям Гегель был реакционером.

К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, критически переработав диалектический метод Гегеля, создали материалистическую диалектику, которая отражает наиболее общие законы развития объективного мира и человеческого мышления.

Главные произведения Гегеля: «Феноменология духа» (1806), «Наука логики» (1812–181(3), «Энциклопедия философских наук» (1817), «Философия нрава» (1821). Посмертные издания: «Лекции по эстетике, или философия искусства» (1836–1838) и «Лекции по истории философии» (1833–1836). – 135, 162–163, 165, 168, 171.

Герцен, А. И. (1812–1870) – великий русский революционер-демократ, философ-материалист, публицист и писатель;

основоположник «русского» социализма. Герцен вступил в освободительное движение как дворянский революционер, продолживший традиции декабристов. В 1829–1833 гг. во время пребывания в Московском университете стоял во главе кружка передовой, революционно настроенной молодежи, изучавшей политические и теоретические учения революционных мыслителей XVIII в. и социалистов-утопистов. В 1834 году вместе с другими членами кружка был арестован и в 1835 году сослан в Пермь, а затем в Вятку, во Владимир и Новгород. После возвращения из ссылки в 1842 году жил в Москве. Написанные им в это время философские работы «Дилетантизм в науке» (1842–1843) и «Письма об изучении природы» (1844–1846) сыграли важную роль в развитии русской материалистической философии. В. И. Ленин характеризовал Герцена как выдающегося мыслителя, который вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед историческим материализмом. В январе 1847 года в связи с преследованиями царского правительства Герцен эмигрировал за границу. Жил сначала в Париже, Ницце, а в 1852 году переехал в Лондон, где основал русскую типографию и создал вольную русскую прессу за границей. После выпуска нескольких революционных прокламаций, брошюр и статей в 1855 году начал издавать альманах «Полярная Звезда», а с 1857 года вместе с Н. П. Огаревым – «Колокол». Не поняв буржуазно-демократической сущности движения 1848 года и домарксовского социализ-

ма, Герцен не мог понять буржуазной природы русской революции, колебался между демократизмом и либерализмом. В 60-х годах Герцен решительно отошел от либерализма и, встав на сторону революционной демократии, «обратил свои взоры… к *Интернационалу,* к тому Интернационалу, которым руководил Маркс» (В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 18, стр. 11). В письме к Огареву Герцен приветствовал перевод на русский язык работ Маркса.

Оценка роли Герцена в истории русского освободительного движения дана В. И. Лениным в статье «Памяти Герцена» (1912). – 271, 273–274, 280.

Гладстон (Gladstone), *Уилъям-Юарт* (1809–1898) – английский политический и государственный деятель, лидер либералов. С 1859 года Гладстон – министр финансов в либеральном кабинете Пальмер-стона, в дальнейшем участник всех либеральных правительств; с 1868 года в течение ряда лет возглавлял либеральный кабинет. Ловкий политик, талантливый оратор, он использовал все средства политической демагогии и показных половинчатых реформ для привлечения на свою сторону мелкобуржуазных слоев населения и верхушки рабочего класса. Вел захватническую колониальную политику. В отношении Ирландии правительство Гладстона проводило, по выражению К. Маркса, политику насилия и усиленной охраны, свирепо подавляя национально-освободительное движение. В 1894 году Гладстон вышел в отставку и отошел от активной политической деятельно-

сти. Как политического деятеля Гладстона, «этого, – по выражению Ленина, – героя либеральных буржуа и тупых мещан» (Сочинения, 4 изд., том 20, стр. 131), отличали крайняя беспринципность, ханжество и лицемерие. К. Маркс, применяя к Гладстону эпитет «великий» (в кавычках), называл его «отъявленным лицемером и казуистом» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, 1935, стр. 129). – 266.

Головачев, А. А. (1819–1903) – общественный деятель и публицист либерального направления; один из деятелей Тверского губернского комитета по освобождению крестьян; участвовал в разработке проекта отмены крепостного права, значительная часть которого была положена в основу «Положений» 19 февраля 1861 года. С 1858 года выступал как публицист по крестьянскому и другим вопросам в «Русском Вестнике», «Вестнике Европы», «Русской Мысли», «Спб. Ведомостях», «Московских Ведомостях» и других газетах и журналах. – 471.

Головин, К. Ф. (1843–1913) – беллетрист (псевдоним К. Орловский), реакционный критик и публицист. Печатался в «Русском Вестнике», «Русском Обозрении», «Вестнике Европы» и др. В № 12 «Русского Вестника» за 1894 год выступил со статьей «Два новых противника общины», где разбирал «Экономические этюды» А. Скворцова и «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» П. Струве. В этой статье Головин заявлял о возможности «идти рука об руку» с марксистами, т. е. «легальными марксиста-

ми». Позднее – крайний реакционер и крепостник, защитник интересов крупного землевладения и монархии. – 529.

Григорьев, В. Н. (1852–1925) – статистик, экономист и общественный деятель народнического направления. За участие в революционной деятельности несколько раз подвергался ссылке. С 1886 по 1917 год работал в статистическом отделении Московской городской управы. Первая работа, написанная в нижегородской ссылке, – «Кустарное замочно-ножевое производство Павловского района» (1881). На основании материалов, собранных на местах, Григорьев в 1885 году написал самую крупную свою работу «Переселения крестьян Рязанской губернии». В 1897 году участвовал в либерально-народническом сборнике «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства». Для изучения истории статистики большое значение имеет работа Григорьева «Предметный указатель материалов в земско-статистических трудах с 1860-х годов по 1917 г.» (2 вып., 1926–1927). В. И. Ленин использовал некоторые материалы из работ Григорьева в книге «Развитие капитализма в России», критикуя его в то же время за идеализацию мелкого производства. – 256.

Гурвич, И. А. (1860–1924) – экономист. В 1880 году был арестован по делу народнической типографии ив 1881 году выслан в Сибирь. В ссылке провел первое местное исследование переселений крестьян, результаты которого обобщил в работе «Переселения крестьян в Сибирь» (1888). По воз-

вращении из ссылки вел революционную пропаганду среди рабочих и был одним из организаторов первого еврейского рабочего кружка в Минске. В 1889 году эмигрировал в Америку, активно участвовал в американском профессиональном и социал-демократическом движении. В начале 900-х годов стал ревизионистом. Работы Гурвича – «Переселения крестьян в Сибирь» и особенно «Экономическое положение русской деревни» (1892, на русском языке издана в 1896 г.) – получили высокую оценку В. И. Ленина и Г. В. Плеханова. – 231, 262–263.

Д

Даниельсон, Н. Ф. (Н.—он, Ник.—он, Николай—он, – он) (1844–1918) – русский писатель-экономист, один из идеологов либерального народничества 80–90-х годов; в своей политической деятельности отразил эволюцию народников от революционных выступлений против царизма в сторону примирения с ним. В 60–70-х годах Даниельсон был связан с кружками революционной разночинной молодежи. В начале 1870 года – арестован. Завершил начатый Г. А. Лопатиным первый перевод «Капитала» К. Маркса на русский язык. Работая над переводом «Капитала», вел переписку с К. Марксом и Ф. Энгельсом, в которой затрагивал и проблемы экономического развития России. Однако существа марксизма Даниельсон не понял и впоследствии выступал против него. В 1893 году издал книгу «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», которая вместе с работами В. П.

Воронцова служила главным экономическим обоснованием либерального народничества. В. И. Ленин в ряде своих работ резко критиковал Даниельсона и полностью разоблачил сущность его реакционных воззрений. – 95–96, 98, 104, 119–120, 218–219, 243, 280, 282, 283, 320–322, 323, 324–329, 330, 331, 335–338, 361, 413, 442, 470–471, 475, 486, 487, 488, 490, 492, 493–498, 499, 503, 504–505, 509, 511–513, 514–515, 523.

Дарвин (Darwin), *Чарлз-Роберт* (1809–1882) – великий английский ученый, основоположник материалистической биологии, эволюционного учения о происхождении видов. Дарвин впервые, на огромном естественнонаучном материале, обосновал теорию развития живой природы, доказал, что развитие органического мира совершалось от менее сложных форм к более сложным, что появление новых форм, так же как исчезновение старых, является результатом естественноисторического развития. Ведущей идеей теории Дарвина является его учение о происхождении видов путем естественного и искусственного отбора. Дарвин утверждал, что организмам свойственны изменчивость и наследственность и те изменения, которые оказываются полезными животному или растению в его борьбе за существование, закрепляются и, накапливаясь, передаются по наследству и обусловливают появление новых животных и растительных форм. Главные принципы и доказательства этого учения изложены им в книге «Происхождение видов» (1859). Высоко

оценивая значение учения Дарвина и его книги, Маркс писал, что в ней «впервые не только нанесен смертельный удар «телеологии» в естественных науках, но и эмпирически выяснен ее рациональный смысл» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 121). – 139.

Дементьев, Е. М. (1850–1918) – врач и статистик, прогрессивный общественный деятель, один из первых русских ученых, разрабатывавших статистику труда и санитарную статистику. По поручению Московского губернского земства провел обследование санитарного состояния ряда фабрик и заводов Московской губернии за 1879–1885 гг. и подробно описал тяжелые условия труда рабочих, выявленные в результате этого обследования. Большое общественно-политическое значение имела работа Дементьева «Фабрика, что она дает населению и что она у него берет» (1893). В этой работе он опровергал лживое утверждение народников об отсутствии в России класса фабричных рабочих и доказывал, что крупная машинная индустрия и в России, и в странах капитализма на Западе неизбежно отрывает рабочего от земли. Он показал жестокую эксплуатацию рабочих капиталистами, разрушительное действие тяжелых условий труда на фабриках на здоровье рабочих и их семей в условиях капитализма. – 214–215.

Дюринг (Dühring), *Евгений* (1833–1921) – немецкий философ и экономист. Философские взгляды Дюринга представляли собой эклектическую смесь позитивизма, метафизиче-

ского материализма и идеализма. Его реакционно-утопическая система «социалитарного» хозяйства идеализировала прусские полукрепостнические формы хозяйства. Вредные и путаные взгляды Дюринга по вопросам философии, политической экономии и социализма находили поддержку среди некоторых социал-демократов Германии, что являлось большой опасностью для неокрепшей еще партии. Учитывая это, Энгельс выступил против Дюринга и подверг его взгляды критике в книге «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом» (1877–1878). В. И. Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» (1909) и в ряде других произведений неоднократно критиковал эклектические воззрения Дюринга.

Основные работы Дюринга: «Курс философии» (1875), «Критическая история национальной экономии и социализма» (1871), «Курс национальной и социальной экономии» (1873). – 163, 165, 169–171, 172, 174–175, 181, 185.

Е

Ермолов, А. С. (1846–1917) – министр земледелия и государственных имуществ с 1894 по 1905 гг., затем член Государственного совета, выступал как выразитель интересов помещиков-крепостников. Написал ряд работ по вопросам сельского хозяйства. В 1892 году издал книгу «Неурожай и народное бедствие», в которой пытался оправдать сельскохозяйственную политику правительства. – 284, 300.

Ж

Жуковский, Ю. Г. (1822–1907) – буржуазный экономист и публицист. Писал в «Современнике», «Вестнике Европы», один из редакторов журнала «Космос». В своих работах пытался эклектически сочетать различные экономические теории. Будучи врагом марксистской политической экономии, Жуковский в 1877 году в «Вестнике Европы» № 9 опубликовал статью «Карл Маркс и его книга о Капитале», содержащую злобные нападки на марксизм. Статья вызвала оживленную полемику в России вокруг «Капитала». Н. Михайловский выступил со статьей «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского» в «Отечественных Записках» № 10, октябрь 1877 г. Статья послужила поводом для известного письма К. Маркса в редакцию «Отечественных Записок» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 313–316). В. И. Ленин называл Жуковского «пошло-буржуазным» экономистом. – 131, 170–171, 176.

З

Зибер, Н. И. (1844–1888) – русский экономист, публицист, профессор кафедры политической экономии и статистики Киевского университета; сотрудничал в ряде радикальных и либеральных журналов 80-х годов. Во время пребывания в Лондоне в 1881 году с целью научных занятий лично познакомился с К. Марксом и Ф. Энгельсом. Зибер был одним из первых в России популяризаторов и пропагандистов экономических трудов К. Маркса; он старался не только изложить идеи «Капитала», но и отстаивал экономи-

ческое учение К. Маркса в борьбе против его «критиков».

Однако марксизм Зибер понимал односторонне, революционно-критическая сторона учения Маркса осталась ему чужда. В 1871 году им была написана диссертация: «Теория ценности и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями», о которой положительно отозвался К. Маркс в послесловии ко 2-му изданию первого тома «Капитала». В переработанном и дополненном виде эта работа Зибера была издана в 1885 году под названием «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях». Широкой известностью пользовались также его работы «Экономическая теория Маркса» (опубликована в 1876–1878 гг. в журналах «Знание» и «Слово»), «Очерки первобытной экономической культуры» (1883) и др. – 222.

Зиммелъ (Simmel), *Георг* (1858–1918) – немецкий философ и социолог идеалистического направления, последователь Канта. Профессор Берлинского и Страсбургского университетов. Основные работы Зиммеля: «Социальная дифференциация» (1890), «Проблемы философии истории» (1892), «Социология» (1908) и др. – 431.

Зомбарт (Sombart), *Вернер* (1863–1941) – немецкий вульгарный буржуазный экономист, один из главных идеологов германского империализма. Профессор Бреславльского, а затем Берлинского университетов. В начале своей деятельности Зомбарт был одним из типичных идеологов «слег-

ка подкрашенного в марксистский цвет социал-либерализма» (В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 18, стр. 51). В дальнейшем превратился в открытого врага марксизма, изображал капитализм, как гармоническую хозяйственную систему, пытался опровергнуть теорию трудовой стоимости Маркса, отрицал теорию классовой борьбы, концентрацию капитала, теорию обнищания. В последние годы своей жизни он перешел на позиции фашизма и восхвалял гитлеровский режим. Главные сочинения Зомбарта: «Социализм и социальное движение в XIX веке» (1896), «Современный капитализм» (1902). – 440–441.

И

Ильин, Вл. – см. Ленин, В. И.

Исаев, А. А. (1851–1924) – буржуазный экономист и статистик. Работая в Московском губернском земстве, занимался изучением кустарных промыслов Московской губернии. Читал лекции по политической экономии в ряде высших учебных заведений. Сотрудничал в нескольких журналах, автор широко распространенных до 1917 года курса политической экономии и многих книг и брошюр по вопросам политической экономии и социологии. Экономическое учение К. Маркса толковал в духе буржуазного реформизма, высказывался за земельную общину, промысловые артели и кооперативы как формы, якобы дающие мелкому хозяйству преимущества крупного и облегчающие переход к социализму. Его работы: «Промыслы Московской губернии» (1876–

1877), «Начала политической экономии» (1894), «Настоящее и будущее русского общественного хозяйства» (1896) и др. – 219–220.

К

К. Г. – см. Ленин, В. И.

Каблуков, И. А. (1849–1919) – экономист и статистик. Профессор Московского университета. С 1885 по 1907 г. заведовал статистическим отделением Московского губернского земства. Под его руководством были составлены «Сборники статистических сведений по Московской губернии» (1877–1879). Сотрудничал в ряде газет и журналов. В экономических и статистических работах проводил идею «устойчивости» мелкого крестьянского хозяйства, защищал земельную общину как форму, способную якобы предотвратить дифференциацию крестьянства. Выступал против марксизма также по вопросу о роли и значении классовой борьбы, проповедуя классовый мир. В. И. Ленин в ряде своих работ, особенно в «Развитии капитализма в России», дал резкую критику взглядов Каблукова. В 1917 году Каблуков участвовал в работе Главного земельного комитета при буржуазном Временном правительстве. После Великой Октябрьской социалистической революции работал в Центральном статистическом управлении (ЦСУ), вел преподавательскую и литературную работу. Главные сочинения: «Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве» (1884), «Лекции по экономии сельского хозяйства» (1897), «Об условиях раз-

вития крестьянского хозяйства в России» (1899), «Политическая экономия» (1918) и др. – 249–250, 361.

Кареев, Н. И. (1850–1931) – либерально-буржуазный историк и публицист; один из представителей субъективной школы социологов, эклектик-идеалист. С 1879 года – профессор Варшавского, а затем Петербургского университетов. С 1905 года – член партии кадетов. С 90-х годов упорно боролся против марксизма. Автор большого количества работ, наиболее ценными из которых являются работы по истории французского крестьянства: «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века» (1879) – получила положительную оценку Маркса, «Очерк истории французских крестьян» (1881). Выпустил также ряд трудов по истории Польши. Широкой известностью пользовался курс «Истории западной Европы в новое время» (7 тт.) (1892–1917). В 1910 году был избран членом-корреспондентом Петербургской академии наук, в 1929 году – почетным членом Академии паук СССР. – 141.

Карышев, Н. А. (1855–1905) – экономист и статистик, земский деятель. С 1891 года профессор Юрьевского (Тартуского) университета, затем Московского сельскохозяйственного института. Автор многих экономических и статистических книг и журнальных статей. Его докторская диссертация, вышедшая в 1892 году, – «Крестьянские вненадельные аренды» составила 2-й том «Итогов экономического исследования России по данным земской статистики». Со-

трудничал в газете «Русские Ведомости», в журналах «Земство», «Русское Богатство» и др. Работы Карышева посвящены главным образом вопросам экономики крестьянского хозяйства России. В них собран значительный статистический материал. Разделяя взгляды либеральных народников, Карышев отстаивал общинное землевладение, промысловые артели и другие кооперативы. В. И. Ленин в ряде своих трудов и выступлений резко критиковал и разоблачал буржуазную сущность народнических взглядов Карышева. – 4, 14, 15, 19, 243, 260–261, 262, 489.

Каутский (Kautsky), *Карл* (1854–1938) – один из лидеров германской социал-демократии и II Интернационала, вначале марксист, позднее ренегат марксизма, идеолог центризма; родоначальник одного из оппортунистических течений в рабочем движении – каутскианства. С 1874 года Каутский начал участвовать в социалистическом движении. Его воззрения в то время представляли смесь лассальянства, неомальтузианства и анархизма. В 1881 году он знакомится с К. Марксом и Ф. Энгельсом и под их влиянием переходит к марксизму, однако уже в этот, период Каутский проявлял колебания и шатания в сторону оппортунизма, за что его неоднократно резко критиковали К. Маркс и Ф. Энгельс. В 80–90-е годы Каутский написал ряд теоретических и исторических работ по отдельным вопросам марксистской теории: «Экономическое учение Карла Маркса», «Аграрный вопрос» и др., которые принесли ему широкую известность.

«Мы знаем из многих работ Каутского, – писал Ленин, – что он *умел* быть марксистским историком, что *такие* работы его останутся прочным достоянием пролетариата, несмотря на позднейшее ренегатство» (Сочинения, 4 изд., том 28, стр. 246). В начале 900-х годов, в период широко развернувшегося революционного движения, Каутский выступал против революционной борьбы пролетариата и социалистической революции. В брошюре «Путь к власти» (1909) Каутский признавал, что эра революции наступает, но и в этой работе, посвященной разбору вопроса о *«политической* революции», он совершенно обходил вопрос о государстве. «Из суммы этих обходов вопроса, умолчаний, уклончивостей и получился… полный переход к оппортунизму» (В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 25, стр. 453).

Накануне первой мировой войны Каутский становится центристом, с начала войны – социал-шовинистом. Каутский был автором теории ультраимпериализма, реакционную сущность которой разоблачил Ленин в работах «Крах II Интернационала» (1915), «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916) и в других произведениях. После Октябрьской революции Каутский открыто выступил против пролетарской революции и диктатуры пролетариата, против Советской власти.

В. И. Ленин в своих произведениях «Государство и революция» (1917), «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (1918) и ряде других подверг уничтожающей кри-

тике каутскианские теории. Раскрывая опасность каутскианства, В. И. Ленин писал: «Рабочий класс не может осуществить своей всемирно-революционной роли, не ведя беспощадной войны с этим ренегатством, бесхарактерностью, прислужничеством оппортунизму и беспримерным теоретическим опошлением марксизма» (Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 283). – 130–131, 156, 271, 333.

Короленко, С. А. – экономист-статистик, работал при министерстве государственных имуществ, затем чиновник особых поручений при государственном контролере. С 1889 года по 1892 год по поручению министерства государственных имуществ вел работу над книгой «Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих и передвижение рабочих, в связи с статистико-экономическим обзором Европейской России в сельскохозяйственном и промышленном отношениях» (1892), изданной департаментом земледелия и сельской промышленности. – 327–328.

Косич, А. И. (род. в 1833) – саратовский губернатор в 1887–1891 гг. – 270.

Кривенко, С. Н. (1847–1906) – публицист, представитель либерального народничества, автор работ: «По поводу культурных одиночек» (1893), «Письма с дороги» (1894), «К вопросу о нуждах народной промышленности» (1894) и др.; сотрудник журнала «Отечественные Записки», один из редакторов либерально-народнического журнала «Русское Богатство», а позднее либерально-буржуазной газеты «Сын Оте-

чества». В своих работах Кривенко проповедовал примирение с царизмом, затушевывал антагонизм классов и эксплуатацию трудящихся, отрицал капиталистический путь развития России. Взгляды Кривенко были подвергнуты резкой критике В. И. Лениным, а позднее Г. В. Плехановым в его работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895). – 129, 204, 209–289, 320, 325, 330, 365, 396.

Л

Лавров, П. Л. (Миртов) (1823–1900) – видный идеолог народничества, представитель субъективной школы в социологии; автор книги «Исторические письма» (1868–1869), оказавшей большое влияние на русскую народническую интеллигенцию, и ряда книг по истории общественной мысли, революционного движения и истории культуры («Народники-пропагандисты 1873–78 годов», «Очерки по истории Интернационала» и др.). Лавров был родоначальником реакционной народнической теории «героев» и «толпы», отрицавшей объективные закономерности развития общества и рассматривавшей прогресс человечества как результат деятельности «критически мыслящих личностей».

Лавров был членом общества «Земля и воля», позднее партии «Народная воля». Находясь с 1870 года в эмиграции, издавал журнал «Вперед» (Цюрих – Лондон, 1873–1876), был редактором «Вестника Народной Воли» (1883–1886), участвовал в редактировании народовольческих сборников «Материалы для истории русского социально-революцион-

ного движения» (1893–1896); состоял членом I Интернационала, был знаком с Марксом и Энгельсом и вел с ними переписку. – 414, 440.

Ланге (Lange), *Фридрих-Альберт* (1828–1875) – немецкий буржуазный философ-неокантианец, профессор Цюрихского и Марбургского университетов. Один из инициаторов реакционного движения буржуазной профессуры «назад к Канту». Ланге был врагом материализма; он считал, что материализм, будучи приемлем как метод исследования природы, неудовлетворителен как философское учение и должен вести к идеализму. Дуализм кантовской философии Ланге пытался преодолеть путем превращения «вещи в себе» в субъективное понятие. Стоял на позициях социал-дарвинизма, распространяя законы биологии на человеческое общество, был сторонником мальтусовского закона о перенаселении. Автор сочинений: «Рабочий вопрос. Его значение в настоящем и будущем» (1865), «История материализма и критика его значения в настоящее время» (1865) и др. В. И. Ленин в ряде своих работ и особенно в «Материализме и эмпириокритицизме» характеризовал Ланге как путаника, фальсифицировавшего материализм. Антинаучные философские и социологические взгляды Ланге используются современной буржуазной философией. – 475–480, 488.

Ленин, В. И. (*Ульянов, В. И.,* Вл. Ильин, К. Т., К. Тулин, В. Ульянов, Владимир Ульянов, Владимир Ильин Ульянов, Владимир Ильич Ульянов) (1870–1924) – биографические

данные. – 5, 204, 205, 209, 347, 359, 360, 375, 391, 402, 525, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559–560, 561, 562.

Либкнехт (Liebknecht), *Вильгельм* (1826–1900) – видный деятель немецкого и международного рабочего движения, один из основателей и вождей германской социал-демократической партии, отец Карла Либкнехта. Принимал активное участие в революции 1848–1849 гг. в Германии, после поражения которой эмигрировал сначала в Швейцарию, а затем в Лондон, где сблизился с Марксом и Энгельсом. Под влиянием Маркса и Энгельса Либкнехт становится социалистом, а после возвращения в 1862 году в Германию и организации I Интернационала – одним из наиболее ревностных пропагандистов его революционных идей и организатором секций Интернационала в Германии. После создания в 1875 году единой социал-демократической партии Германии Либкнехт был до конца жизни членом Центрального Комитета и ответственным редактором Центрального Органа – «Vorwärts» («Вперед»). С 1867 до 1870 года – депутат Северогерманского рейхстага, а с 1874 года неоднократно избирался депутатом германского рейхстага; умело использовал парламентскую трибуну для разоблачения реакционной внешней и внутренней политики прусского юнкерства. За революционную деятельность неоднократно подвергался тюремному заключению. Принимал деятельное участие в организации II Интернационала. Маркс и Энгельс очень це-

нили Либкнехта, считали его одной из своих главных опор в Германии, направляли его деятельность, но в то же время подвергали резкой критике его примиренческую политику по отношению к оппортунистическим элементам. – 309.

Лист (List), *Фридрих* (1789–1846) – немецкий вульгарный буржуазный экономист и политический деятель; фабрикант. С 1817 года – профессор в Тюбингенском университете, с 1819 года – глава немецкого торгового союза. Взгляды Листа отражали реакционный характер немецкой буржуазии, склонявшейся к компромиссу с юнкерством. В 1841 году опубликовал свою работу «Национальная система политической экономии», в которой пытался критиковать теорию буржуазных экономистов – классиков. Считая, что основой экономического развития нации является мануфактура, Лист требовал установления для молодой капиталистической промышленности Германии пошлин, ограждающих ее от иностранных конкурентов. По мнению Листа, установление пошлин должно было ускорить развитие мануфактуры, привести к экономическому развитию нации и способствовать росту могущества государства. В лице Листа молодая промышленная буржуазия Германии нашла пылкого защитника своих интересов. – 456–457.

М

Мальтус (Malthus), *Томас-Роберт* (1766–1834) – английский реакционный буржуазный экономист, один из основоположников человеконенавистнической теории народонасе-

ления. В работе «Опыт о законе народонаселения» (1798) Мальтус пытался доказать, что причину нищеты трудящихся следует искать не в экономических условиях капитализма, а в природе, в абсолютном недостатке средств существования на земле. По «теории» – схеме Мальтуса производство средств существования якобы увеличивается лишь в арифметической прогрессии, тогда как население – в геометрической. Под этим предлогом Мальтус оправдывал войны и эпидемии как средства сокращения численности населения, призывал трудящихся воздерживаться от вступления в брак. «Выводы Мальтуса по научным вопросам, – писал Маркс, – сфабрикованы «с *оглядкой*» на господствующие классы вообще и на реакционные элементы этих господствующих классов в особенности; а это значит: Мальтус *фальсифицирует* науку в угоду интересам этих классов» (К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости», ч. II, 1957, стр. 113). В России точки зрения Мальтуса придерживались Струве, Булгаков и др. Современная империалистическая буржуазия возрождает мальтузианские теории, используя их в качестве орудия борьбы против трудящихся и в интересах оправдания империалистической политики. – 471–472, 482, 491.

Маркс (Marx), *Карл* (1818–1883) – основоположник научного коммунизма, гениальный мыслитель, корифей революционной науки, вождь и учитель международного пролетариата (см. статью В. И. Ленина «Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма)». – Сочине-

ния, 4 изд., том 21, стр. 27–74). – 71, 72–76, 78–82, 94–95, 100–101, 130–136, 138–141, 143–150, 156–158, 160–176, 179–180, 183–189, 192, 195–198, 214, 222, 241, 273–275, 303–304, 320–321, 322–323, 327–329, 330–333, 336, 340–342, 396, 422, 423, 429–430, 433, 434, 436–440, 445–446, 449^50, 458–461, 464, 475^77, 479^80, 487–488, 490, 495–496, 512, 520, 523–525.

Мейер (Mayer), *Зигмунд* – автор книги «Социальный вопрос в Вене» (1871), предприниматель. – 161.

Менделеев, Д. И. (1834–1907) – великий русский ученый; открыл периодический закон химических элементов, являющийся естественнонаучной основой современного учения о веществе. На основе периодического закона предсказал существование и свойства нескольких химических элементов, открытых впоследствии. В своем классическом труде «Основы химии» (1869–1871) впервые систематически изложил всю неорганическую химию с точки зрения периодического закона. Менделеев известен важными исследованиями в самых различных областях науки и техники. Передовой общественный деятель своего времени, Менделеев горячо боролся за распространение просвещения, за развитие производительных сил России, за ее экономическую независимость. В 1876 году был избран членом-корреспондентом Петербургской академии наук, однако выдвинутая в 1880 году его кандидатура в члены Академии наук под давлением реакционных правящих кругов была отвергнута, а в 1890 году Мен-

делеев был вынужден уйти из Петербургского университета, где был профессором с 1865 года. Творческое наследие Менделеева составляет более 400 опубликованных работ. Его труды получили всемирное признание. Менделеев был почетным членом многих иностранных академий и обществ. – 368.

Милль (Mill), *Джон-Стюарт* (1806–1873) – английский буржуазный философ, логик и экономист, один из видных представителей позитивизма. В 1865–1868 годах был членом нижней палаты английского парламента. Главные философские труды Милля: «Система логики силлогистической и индуктивной» (1843) и «Обзор философии сэра Вильяма Гамильтона» (1865). Основная экономическая работа – «Основания политической экономии» (1848). Милль принадлежал к таким представителям буржуазной политической экономии, которые, по определению Маркса, «старались согласовать политическую экономию капитала с притязаниями пролетариата, которых уже нельзя было более игнорировать» («Капитал», т. I, 1955, стр. 13). Милль сделал шаг назад по сравнению с Д. Рикардо, он отошел от теории трудовой стоимости и заменил ее вульгарной теорией издержек производства. Прибыль капиталистов Милль пытался объяснить лженаучной теорией воздержания, которое якобы имеет место у капиталистов в отношении потребления. В проблеме народонаселения Милль был сторонником теории Мальтуса. Критику экономических воззрений Мил-

ля дал Н. Г. Чернышевский в своих примечаниях к переводу его книги «Основания политической экономии» (1860–1861) и в работе «Очерки из политической экономии (по Миллю)» (1861). – 495–496.

Миртов – см. Лавров, П. Л.

Михайловский, Н. К. (Посторонний) (1842–1904) – виднейший теоретик либерального народничества, публицист, литературный критик, философ-позитивист, один из представителей субъективной школы в социологии. Литературная деятельность Михайловского началась в 1860 году, в 70-х годах он составлял и редактировал издания народников. Михайловский был одним из руководителей журнала «Отечественные Записки», сотрудничал в газете «Русские Ведомости», в журналах «Северный Вестник», «Русская Мысль», с 1892 года стал редактором журнала «Русское Богатство», на страницах которого вел ожесточенную борьбу с марксистами.

Критика взглядов Михайловского дана в работе В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894) и других произведениях. – 129–203, 204, 209–210, 246, 265, 268, 271–274, 275, 276, 277, 279, 323, 331–332, 340, 341, 370, 372, 382–383, 394, 414–418, 419, 423–424, 427, 429, 431–433, 434, 436–437, 440, 467, 475.

Морган (Morgan), *Льюис-Генри* (1818–1881) – выдающийся американский ученый, этнограф, археолог и историк.

На основании большого этнографического материала, полученного в процессе изучения общественного строя и быта американских индейцев, обосновал учение о развитии рода как основной формы первобытнообщинного строя. Учение Моргана нанесло удар господствовавшей в течение многих веков патриархальной теории, утверждавшей извечность патриархальной семьи, как зародыша и основной ячейки общества. Это открытие Моргана Энгельс приравнивал но его значению для науки к таким открытиям, как теория происхождения видов Дарвина или теория прибавочной стоимости Маркса. Моргану принадлежит также попытка создания периодизации истории доклассового общества. Маркс и Энгельс высоко ценили труды Моргана. Маркс составил подробный конспект его книги «Древнее общество» (1877), а Энгельс, работая над книгой «Происхождение семьи, частной собственности и государства», использовал фактический материал, собранный Морганом. – 146, 149, 184–185.

Н

Н—он, Ник.—он, Николай—он – см. Даниельсон, Н. Ф.

Наполеон I (*Бонапарт*) (1769–1821) – выдающийся французский полководец, первый консул Французской республики 1799–1804, французский император 1804–1814 и 1815 гг. – 168.

О

–он – см. Даниельсон, Н. Ф.

Орлов, В. И. (1848–1885) – статистик, один из основате-

лей земской статистики в России. Заведующий статистическим отделением Московского губернского земства. Под его руководством велась также статистическая работа в Тамбовской, Курской, Орловской, Воронежской и Самарской губерниях. Орлову в значительной степени принадлежат «Сборники статистических сведений по Московской губернии». Данными работ Орлова пользовался К. Маркс, В. И. Ленин и Г. В. Плеханов. – 249–250.

П

ПС – см. Струве, П. Б.

Плеханов, Г. В. (1856–1918) – первый пропагандист марксизма в России, непримиримый борец за материалистическое мировоззрение, выдающийся деятель русского и международного рабочего движения. В 1875 году, еще студентом, Плеханов установил связь с народниками, с рабочими Петербурга и включился в революционную деятельность. В 1877 году вступил в народническую организацию «Земля и воля», в 1879 году, после ее раскола, стал во главе вновь созданной организации народников «Черный передел». Эмигрировав в 1880 году за границу, Плеханов порвал с народничеством и в 1883 году в Женеве создал первую русскую марксистскую организацию – группу «Освобождение труда». Плеханов написал много работ по философии, истории социально-политических учений, по вопросам теории искусства и литературы, представляющих собой ценный вклад в сокровищницу научного социализма. «За 20 лет, 1883–

1903, – писал В. И. Ленин, – он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников» (Сочинения, 4 изд., том 20, стр. 333). Философские труды Плеханова В. И. Ленин называл лучшими в международной марксистской литературе. Однако у Плеханова были серьезные ошибки: он недооценивал революционной роли крестьянства, рассматривал либеральную буржуазию как союзника рабочего класса; признавая на словах идею гегемонии пролетариата, на деле выступал против существа этой идеи.

После II съезда РСДРП Плеханов стал на позиции примиренчества к оппортунистам, а затем примкнул к меньшевикам. В период первой русской революции 1905–1907 годов у Плеханова имелись крупнейшие разногласия с большевиками по коренным вопросам тактики. Позднее он несколько раз отходил от меньшевиков, обнаруживая колебания между меньшевизмом и большевизмом; в 1908–1912 годах, когда меньшевики стали на путь ликвидации подпольных организаций партии, Плеханов выступил против ликвидаторства и возглавил группу «меньшевиков-партийцев». Во время первой мировой войны 1914–1918 годов стоял на позициях социал-шовинизма. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года Плеханов вернулся в Россию и занял позицию поддержки Временного правительства; к Великой Октябрьской социалистической революции отнесся отрицательно.

Важнейшие теоретические работы Плеханова: «Социализм и политическая борьба» (1883), «Наши разногласия» (1885), «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895), «Очерки по истории материализма» (1896), «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.)» (1896), «О материалистическом понимании истории» (1897), «К вопросу о роли личности в истории» (1898) и др. – 183, 196–198, 225, 281–282, 290, 300.

Победоносцев, К. П. (1827–1907) – реакционный государственный деятель царской России, обер-прокурор синода, фактический глава правительства и главный вдохновитель разнузданной крепостнической реакции в царствование Александра III, продолжавший играть крупную роль и при Николае II. В течение всей жизни вел упорную борьбу с революционным движением. Был решительным противником буржуазных реформ 60-х годов, сторонником неограниченного самодержавия, врагом науки и просвещения. Во время подъема буржуазно-демократической революции в октябре 1905 года был вынужден подать в отставку и отошел от политической деятельности. – 281.

Постников, В. Е. (1844–1908) – экономист-статистик, служил в министерстве земледелия и государственных имуществ по устройству казенных земель, член Вольно-экономического общества. Автор книги «Южно-русское крестьянское хозяйство» (1891), собравший и обработавший данные земской статистики по Екатеринославской, Тавриче-

ской и Херсонской губерниям. В. И. Ленин разбирает книгу Постникова в своих работах «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», «По поводу так называемого вопроса о рынках» (см. настоящий том, стр. 1–122), «Развитие капитализма в России». Характеризуя эту работу Постникова, В. И. Ленин писал: «В литературе о крестьянском разложении это сочинение должно быть поставлено на первое место» (Сочинения, 4 изд., том 3, стр. 48). Вместе с тем В. И. Ленин подчеркивал, что Постников, придавая большое значение экономическим вопросам, излагал их отрывочно и непоследовательно; в объяснении хозяйственных процессов у Постникова имелись противоречия и методологические ошибки. – 1–66, ПО—111, 112, 498, 505, 537–546.

Посторонний – см. Михайловский, Н. К.

Прудон (Proudhon), *Пъер-Жозеф* (1809–1865) – французский публицист, экономист и социолог, идеолог мелкой буржуазии, один из основоположников анархизма. В 1840 году опубликовал книгу «Что такое собственность?». Прудон мечтал увековечить мелкую частную собственность и критиковал с мелкобуржуазных позиций крупную капиталистическую собственность, предлагал организовать специальный «народный банк», который при помощи «дарового кредита» поможет рабочим обзавестись собственными средствами производства и стать ремесленниками. Такой же реакционный характер носила утопия Прудона о создании особых «обменных банков», при помощи которых трудящиеся яко-

бы обеспечат «справедливый» сбыт продуктов своего труда и в то же время не тронут капиталистической собственности на орудия и средства производства. В 1846 году выпустил книгу «Система экономических противоречий, или Философия нищеты», где изложил свои мелкобуржуазные философско-экономические взгляды. Маркс в работе «Нищета философии» дал уничтожающую критику книги Прудона, показав ее научную несостоятельность. Избранный в период революции 1848 года в Учредительное собрание Прудон осуждал революционные выступления рабочего класса; одобрил бонапартистский переворот 2 декабря 1851 года, за которым последовало установление во Франции режима Второй империи. – 140, 437, 445–446.

Р

Распопин, В. – статистик, автор статьи «Частновладельческое хозяйство в России (По земским статистическим данным)», помещенной в №№ 11 и 12 «Юридического Вестника» за 1887 год. – 515.

Роджерс (Rogers), *Джемс-Эдеин-Торолд* (1823–1890) – английский буржуазный экономист-историк. С 1859 года – профессор политической экономии и статистики в Лондонском университете, с 1862 года – в Оксфорде. В 1880–1886 гг. – член парламента от либеральной партии, выступал как последовательный противник протекционизма и сторонник фритредерства. В своей основной работе «История земледелия и цен в Англии» (1866) собрал и обработал большой

статистический материал. К. Маркс использовал его в I томе «Капитала». – 495–496.

Руге (Rüge), *Арнольд* (1802–1880) – немецкий публицист, младогегельянец; буржуазный радикал. В 1844 году в Париже вместе с Марксом издавал журнал «Deutsch-Französische Jahrbücher» («Немецко-Франпузский Ежегодник»). Вскоре Маркс разошелся с Руге. В 1848 году был депутатом франкфуртского Национального собрания, принадлежал к левому крылу; в 50-х годах – один из лидеров немецкой мелкобуржуазной эмиграции в Англии; после 1866 года – национал-либерал, сторонник Бисмарка, выступал в печати за воссоединение Германии под главенством Пруссии. – 161.

Руссо (Rousseau), *Жан-Жак* (1712–1778) – выдающийся французский просветитель, отразивший в своих произведениях идеологию мелкой буржуазии; сыграл важную роль в идеологической подготовке французской буржуазной революции XVIII века; один из основоположников французской буржуазно-демократической литературы; оказал большое влияние на развитие буржуазной педагогики. Руссо остро поставил вопрос об общественном неравенстве. Считая частную собственность источником социального угнетения народных масс, он в то же время не выступал за полное уничтожение частной собственности, выдвинув утопическую, уравнительную теорию распределения частной собственности. Философские взгляды Руссо не были последовательными. Началом всех природных явлений он считал дух и ма-

терию, причем материю относил к пассивному началу, приписывая активность богу. Преобладающей тенденцией философии Руссо был идеализм, однако в ряде случаев им высказывались материалистические положения. В учении Руссо о происхождении и росте общественного неравенства заключалась догадка о решающей роли экономики в развитии общества. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» характеризует Руссо как диалектика.

Основные произведения Руссо: «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?» (1750), «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755), «Юлия, или Новая Элоиза» (1761), «Об общественном договоре, или Принципы политического права» (1762), «Эмиль, или О воспитании» (1762) и другие. – 175.

С

Салтыков-Щедрин, М. Е. (1826–1889) – великий русский писатель-сатирик, революционный демократ. В своих произведениях, пользуясь методом сатиры, подверг уничтожающей критике самодержавно-крепостнический строй России, создал целую галерею образов самодуров-помещиков, представителей царской бюрократии, трусливых либералов и впервые в художественной литературе вывел типы буржуазных хищников. За свои первые повести «Противоречия» (1847) и «Запутанное дело» (1848) был сослан в апреле 1848 года в Вятку, где пробыл более 7 лет. Вернув-

шись в начале 1856 года в Петербург, Салтыков под псевдонимом «Н. Щедрин» выступает с «Губернскими очерками», а позднее, в 60–80-х годах создает ряд крупных произведений: «История одного города» (1869–1870), «Благонамеренные речи» (1872–1876), «Господа Головлевы» (1875–1880) и др. Образ главного персонажа романа «Господа Головлевы» – Иудушки Ленин назвал бессмертным и неоднократно использовал, так же как и другие образы из произведений Салтыкова, в своих работах, разоблачая враждебные народу социальные группы и политические партии. Высоко ценил произведения Салтыкова К. Маркс. В 1863–1864 годах Салтыков становится ведущим публицистом революционно-демократического журнала «Современник», а с 1868 года входит в состав редакции журнала «Отечественные Записки». После смерти Некрасова, в 1878 году становится ответственным редактором журнала и подлинным духовным вождем демократической интеллигенции, продолжающим великие традиции революционной демократии 60-х годов. – 268, 447.

Сениор (Senior), *Нассау-Уилъям* (1790–1864) – английский вульгарный экономист, защищавший интересы фабрикантов и принимавший деятельное участие в агитации последних против сокращения рабочего дня в Англии (30-е годы XIX века). Его памфлет «Письма о влиянии фабричного законодательства на хлопчатобумажную промышленность» (1837) К. Маркс подверг резкой критике в I томе «Капитала». – 82.

Скворцов, А. И. (1848–1914) – буржуазный экономист, агроном, профессор Новоалександрийского института сельского хозяйства и лесоводства, автор ряда работ по политической экономии и экономике сельского хозяйства. В. И. Ленин неоднократно критиковал буржуазные взгляды Скворцова в своих произведениях. Главные труды Скворцова: «Влияние парового транспорта на сельское хозяйство» (1890), «Экономические этюды» (1894), «Основания политической экономии» (1898) и др. – 201, 499–503, 530–531.

Слонимский, Л. З. (1850–1918) – публицист, постоянный сотрудник журнала «Вестник Европы». В 90-х годах принимал участие в полемике против марксистов, выступал с либерально-буржуазной точки зрения. Его статьи на эти темы собраны в книге «Экономическое учение Карла Маркса» (1898) и др. – 54, 335–336.

Смит (Smith), *Адам* (1723–1790) – английский экономист, крупнейший представитель классической буржуазной политической экономии. В своем труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) впервые провозгласил источником стоимости всякий труд, в какой бы отрасли производства он ни был затрачен. Исходя из этого положения, сделал весьма важный вывод, что заработная плата рабочего представляет собой часть его продукта и определяется стоимостью его средств существования, что источником доходов капиталистов и землевладельцев также являет-

ся труд рабочих. Смит впервые указал, что капиталистическое общество состоит из трех классов: рабочих, капиталистов и землевладельцев. Но будучи ограничен буржуазным мировоззрением, он отрицал наличие классовой борьбы в этом обществе. Отмечая заслуги Смита в развитии политэкономии, Маркс одновременно показал буржуазную ограниченность, противоречивость и ошибочность его взглядов. Правильное определение стоимости товара заключенным в нем рабочим временем Смит смешивал со стоимостью самого труда. Утверждая, что при капитализме стоимость образуется только из доходов – заработной платы, прибыли и ренты, ошибочно опускал стоимость постоянного капитала, потребленного при производстве товара. Ошибочные положения Смита были использованы вульгарными буржуазными экономистами в целях идеологической защиты капитализма. В. И. Ленин, характеризуя Смита, как великого идеолога передовой буржуазии, в ряде своих работ критикует отдельные положения его учения. – 524–525.

Смит (Smith), *Голъдвин* (1823–1910) – английский историк, публицист и экономист; профессор новой истории в Оксфордском университете, с 1868 года занимал кафедру английской истории в университете в Итаке (штат Нью-Йорк). В 1871 году переселился в Канаду. Автор ряда работ по вопросам, касающимся Ирландии, Канады и Соединенных Штатов Америки. – 495–496.

Спенсер (Spencer), *Герберт* (1820–1903) – английский фи-

лософ, психолог и социолог, видный представитель позитивизма, один из основателей так называемой органической теории общества. Стремясь оправдать социальное неравенство, Спенсер уподоблял человеческое общество животному организму и переносил биологическое учение о борьбе за существование на историю человечества. Реакционные философские и социологические взгляды Спенсера сделали его одним из самых популярных идеологов английской буржуазии. В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм» подверг критике взгляды Спенсера и показал идейную связь между его взглядами и идеалистическими взглядами народника Н. К. Михайловского. Основная работа Спенсера «Система синтетической философии» (1862–1896). – 133.

Струве, П. Б. (П. С.) (1870–1944) – русский буржуазный экономист и публицист, в 90-х годах – виднейший представитель «легального марксизма», сотрудник и редактор журналов «Новое Слово» (1897), «Начало» (1899) и «Жизнь» (1900). «Великий мастер ренегатства», – так назвал В. И. Ленин Струве (Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 453). Уже в первой своей работе «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (1894) Струве, критикуя народничество, выступал с «дополнениями» и «критикой» экономического и философского учения К. Маркса, солидаризировался с представителями вульгарной буржуазной политической экономии, проповедовал мальтузианство. В начале 900-х годов Струве окончательно порвал с

марксизмом и социал-демократией, перешел в лагерь либералов, был одним из теоретиков и организаторов буржуазно-либерального «Союза освобождения» (1904–1905) и редактором его нелегального органа «Освобождение» (1902–1905). С образованием в 1905 году партии кадетов он был членом ее ЦК. После поражения революции 1905–1907 годов Струве – лидер правого крыла либералов; с начала первой мировой войны 1914–1918 годов – один из агрессивных идеологов российского империализма. После Великой Октябрьской социалистической революции Струве – ярый враг Советской власти, член контрреволюционного правительства Врангеля, белоэмигрант. – 280–283, 320, 321, 324–325, 335–338, 347, 351–353, 358, 365, 366, 370, 372, 394, 397, 403, **410—411,** 412–533.

Т

Тверской, П. А. – русский помещик, эмигрировавший в 1881 году в Америку. Сотрудничал в журнале «Вестник Европы». – 95–96.

Трирогов, В. Г. – статистик, помощник председателя Саратовского губернского статистического комитета. Автор книги «Община и подать» (1882). – 51.

Тулин, К. – см. Ленин, В. И.

У

Ульянов, В. И. – см. Ленин, В. И.

Успенский, Г. И. (1843–1902) – выдающийся русский писатель и публицист, революционный демократ. Впервые вы-

ступил в печати в 1862 году с рассказом «Идиллия», в 1865 году стал сотрудником журнала «Современник», а после его закрытия – постоянным сотрудником журнала «Отечественные Записки». В своих произведениях – «Нравы Растеряевой улицы» (1866), «Разорение» (1869–1871), «Из деревенского дневника» (1877–1880), «Крестьянин и крестьянский труд» (1880), «Власть земли» (1882) и др. писатель с большим реалистическим мастерством изобразил угнетение и бесправие городской бедноты и крестьянства. Вопреки своим народническим взглядам, правдиво показал развитие капиталистических отношений, гибель устоев патриархальной жизни деревни, разрушение общины. В. И. Ленин высоко ценил Успенского, считал его одним «из лучших писателей, описывавших крестьянскую жизнь», в своих работах часто ссылался на его произведения. – 262–263, 354–356, 362, 393.

Ф

Фаусетт (Fawcett), *Генри* (1833–1884) – английский политический деятель, экономист, сторонник Мальтуса. С 1863 года профессор политической экономии в Кембридже. В 1865 году выбран в парламент, где примкнул к вигам. С 1880 года входил в министерство Гладстона. Его работы: «Экономическое положение британского рабочего» (1865), «Пауперизм: его причины и средства уничтожения» (1871) и др. – 495–496.

Х

Харизоменов, С. А. (1854–1917) – видный русский зем-

ский статистик, экономист. В 70-х годах XIX века был членом народнической организации «Земля и воля», после раскола которой примкнул к «Черному переделу»; в 1880 году отошел от революционного движения и начал заниматься статистикой. Харизоменов исследовал кустарные промыслы Владимирской губернии, вел работу по подворному обследованию Таврической губернии, руководил земскими статистическими исследованиями Саратовской, Тульской и Тверской губерний, написал ряд статей по вопросам экономики в журналах «Русская Мысль» и «Юридический Вестник».

Данными Харизоменова часто пользовался В. И. Ленин в работах 90-х годов. – 211.

Ч

Чернышевский, Н. Г. (1828–1889) – великий русский революционный демократ, ученый, писатель, литературный критик, один из выдающихся предшественников русской социал-демократии. Чернышевский был идейным вдохновителем и вождем революционно-демократического движения 60-х годов в России. Будучи социалистом-утопистом, он считал возможным переход к социализму через крестьянскую общину, но в то же время, как революционный демократ, «умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя – через препоны и рогатки цензуры – идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей» (В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 17, стр. 97). Чернышевский выступал с гнев-

ным разоблачением крепостнического характера «крестьянской реформы» 1861 года, призывал крестьян к восстанию. В 1862 году он был арестован царским правительством и заключен в Петропавловскую крепость, где пробыл около двух лет, а затем был приговорен к семи годам каторжных работ и к вечному поселению в Сибирь. Только на склоне лет Чернышевский был освобожден из ссылки. До конца своих дней он оставался страстным борцом против социального неравенства, против всех проявлений политического и экономического гнета.

Огромны заслуги Чернышевского в области развития русской материалистической философии. Его философские взгляды были вершиной всей домарксовской материалистической философии. Материализм Чернышевского носил революционный, действенный характер. Чернышевский резко критиковал различные идеалистические теории и стремился переработать диалектику Гегеля в материалистическом духе. В области политической экономии, эстетики, художественной критики, истории Чернышевский показал образцы диалектического подхода к изучению действительности. К. Маркс, изучавший произведения Чернышевского, очень высоко ценил их и называл Чернышевского великим русским ученым. Ленин писал о Чернышевском, что он «единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма… Но Чернышевский

не сумел, вернее: не мог, – отмечал Ленин, – в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса» (Сочинения, 4 изд., том 14, стр. 346).

Перу Чернышевского принадлежит целый ряд блестящих произведений в области философии, политической экономии, истории, этики, эстетики. Его литературно-критические произведения оказали огромное влияние на развитие русской литературы и искусства. На романе Чернышевского «Что делать?» (1863) воспитывалось не одно поколение революционеров в России и за границей. – 271, 273–274, 280, 289–292.

Чичерин, Б. И. (1828–1904) – юрист-государствовед, историк и философ, видный деятель либерального движения. С 1861 до 1868 года – профессор Московского университета. В 1882–1883 годах – московский городской голова. По политическим взглядам – сторонник конституционной монархии. В философии – убежденный идеалист и метафизик. Основные работы: «Собственность и государство» (1882–1883), «История политических учений» (1869–1902), «Философия права» (1900) и др. – 368, 499.

Щ

Щедрин – см. Салтыков-Щедрин, М. Е.

Щербина, Ф. А. (1849–1936) – земский статистик, народник; является основоположником русской бюджетной статистики. В 1884–1903 годах заведовал Воронежским земским

статистическим отделением. В 1907 году был членом II Государственной думы от партии народных социалистов. Член-корреспондент Российской академии наук. После Великой Октябрьской социалистической революции эмигрировал за границу. Составил и издал под своей редакцией около 100 статистических работ, среди них: «Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду» (1887), «Воронежское земство. 1865–1889 г. Историко-статистический обзор» (1891), «Крестьянские бюджеты» (1900). В. И. Ленин, используя работы Щербины, резко критиковал его, как народника. – 224–225, 226, 227–230, 233, 471–472.

Э

Энгельгардт, А. Н. (1832–1893) – публицист, народник, известен своей общественно-агрономической деятельностью и опытом организации рационального хозяйства в своем имении Бати-щеве, Смоленской губернии. В. И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России» (глава III, § VI) дает характеристику хозяйства Энгельгардта, показывая на его примере всю утопичность народнических теорий. Энгельгардт – автор печатавшихся в журнале «Отечественные Записки» писем «Из деревни» (вышли отдельным изданием в 1882 году) и ряда других работ по вопросам сельского хозяйства; был редактором первого русского «Химического Журнала» (1859–1860). – 289.

Энгельс (Engels), *Фридрих* (1820–1895) – один из основоположников научного коммунизма, вождь и учитель между-

народного пролетариата, друг и соратник К. Маркса (биографические сведения см. в статье В. И. Ленина «Фридрих Энгельс», – Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 1–14). – 101, 144–149, 156, 160, 163–165, 169–175, 181, 183, 184, 329–330,423,436–440,467.

Ю

Южакое, С. Н. (1849–1910) – один из идеологов либерального народничества, социолог и публицист. Сотрудничал в журналах «Отечественные Записки», «Вестник Европы» и др. Один из руководителей журнала «Русское Богатство». Вел ожесточенную борьбу с марксизмом. В. И. Ленин в своей работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (см. настоящий том, стр. 125–346), особенно во втором (неразысканном) выпуске, а также в статьях «Гимназические хозяйства и исправительные гимназии» и «Перлы народнического прожектерства» (Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 61–69, 471–504) подверг резкой критике политико-экономические взгляды Южакова. – 46, 129, 188, 204, 209–210, 213, 224, 234, 242–243, 244, 250–251, 257–258, 265–266, 267–268, 290, 300, 365, 382–383, 399, 419–422, 442, 446, 491, 530, 533.

Я

Яковлев, А. В. (1835–1888) – автор ряда работ по вопросам мелкого земельного кредита, артелей и пр. Струве в своей работе «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» цитирует отрывки из его статьи «Ас-

социация и артель», опубликованной в 1872 году в сборнике «Недели». – 417, 475.

Янжул, И. И. (1846–1914) – буржуазный экономист и статистик. Профессор Московского университета по кафедре финансового права. С 1882 года – фабричный инспектор московского округа первого призыва, автор ряда публицистических статей, а также работ по фабричному законодательству и фабричному быту. О своей работе в качестве фабричного инспектора написал книгу – «Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва» (1907). – 529.

Даты жизни и деятельности В. И. Ленина

(1870–1894 годы)

1870

Апрель, 10 (*22*). В Симбирске (ныне Ульяновск) родился Владимир Ильич Ульянов (Ленин).

1879

Август, 16 (*28*). Ленин принят в первый класс Симбирской классической гимназии.

1886

Январь, 12 (*24*). Смерть отца Ленина – Ильи Николаевича Ульянова.

1887

Март, 1 (*13*). Арест старшего брата Ленина – Александра Ильича Ульянова за участие в покушении на Александра III.

Апрель, 18 (*30*). Ленин пишет прошение директору Симбирской гимназии о допущении его к экзаменам на аттестат зрелости.

Май, 5(*17*) *– июнь, 6* (*18*). Ленин сдает выпускные экзамены в Симбирской гимназии.

Май, 8 (*20*). Казнь А. И. Ульянова и других, осужденных по делу о покушении на Александра III.

Июнь, 10 (*22*). Ленин окончил Симбирскую гимназию с золотой медалью.

Середина июня. Ленин принимает решение поступить в Казанский университет на юридический факультет.

*Конец июня.*Семья Ульяновых переезжает в Казань.

Июль, 29 (*август, 10*). Ленин подает прошение ректору Казанского университета о зачислении его на первый курс юридического факультета.

Август, 13 (*25*). Ленин поступает в Казанский университет.

Сентябрь – ноябрь. Ленин в Казани участвует в революционном студенческом кружке и в Самарско-Симбир-ском землячестве.

Октябрь, 6 (*18*). Ленин подает заявление инспектору Казанского университета, в котором просит записать его на слушание лекций в первом полугодии 1887–1888 учебного года. Кроме специальных предметов: истории русского права, истории римского права, энциклопедии права, в заявлении указываются богословие и английский язык.

Декабрь, 4 (*16*). Ленин участвует в студенческой сходке в Казанском университете.

Декабрь, в ночь с 4 на 5 (*с 16 на 17*). Арест Ленина за участие в студенческих волнениях.

Декабрь, 5 (*17*). Ленин подает прошение ректору Казанского университета об отчислении его из числа студентов в связи с невозможностью продолжать образование при существующих условиях университетской жизни.

Декабрь, 7 (*19*). Ленин исключается из университета. Ле-

нин высылается из Казани в деревню Кокушкино Казанской губернии под негласный надзор полиции.

1888

Май, 9 (*21*). Ленин подает прошение министру народного просвещения о разрешении вновь поступить в Казанский университет. Просьба отклоняется.

Сентябрь, 6 (*18*). Ленин подает прошение министру внутренних дел о разрешении поездки за границу для продолжения образования. Просьба отклоняется.

Начало октября. Ленин получает разрешение возвратиться из деревни Кокушкино в Казань, куда переселяется вся семья Ульяновых. За Лениным устанавливается негласный надзор полиции.

Осень. Ленин изучает «Капитал» К. Маркса, вступает в один из марксистских кружков, организованных Н. Е. Федосеевым.

1889

Май, 3–4 (*15–16*). Ленин переезжает из Казани в Самарскую губернию, на хутор близ деревни Алакаевки.

Май. Ленин просит разрешения на выезд за границу «для лечения». Департамент полиции отказывает ему в выдаче заграничного паспорта.

Май – июнь. В «Самарской Газете» за 1889 г. в № № 107,109, 111, 113, 115, 117, 119, 121, 123, 125 помещены объявления о желании Ленина (В. Ульянова) давать уроки.

Июль, 13 (*25*). Арест Н. Е. Федосеева и членов организо-

ванных им в Казани марксистских кружков, в том числе и членов кружка, участником которого был Ленин.

Октябрь, 11 (*23*). Ленин переезжает с хутора близ деревни Алакаевки в Самару.

Позднее 11 (*23*) *октября.* Ленин в Самаре дает уроки.

Между 11 (*23*) *октября 1889 г. и 17* (*29*) августа *1893 г.* Ленин работает над книгой В. В. (В. П. Воронцова) «Судьбы капитализма в России»; делает на ней пометки, вычисления и подчеркивания. Эта книга подвергается им критике в произведениях: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и «Развитие капитализма в России».

Октябрь, 28 (*ноябрь, 9*). Ленин подает прошение министру народного просвещения, в котором просит разрешить ему держать экстерном экзамен на кандидата юридических наук при каком-либо высшем учебном заведении. Просьба отклоняется.

1890

Конец года – год. Ленин в Самаре продолжает изучение произведений Маркса и Энгельса, переводит «Манифест Коммунистической партии», который потом читается в нелегальных кружках Самары (перевод этот не сохранился). Ленин знакомится с А. П. Скляренко, В. А. Поповым и ведет пропаганду марксизма среди самарской молодежи.

Май, 12 (*24*). Мать Ленина – Мария Александровна Ульянова обращается в департамент полиции с просьбой разре-

шить сыну поступить в один из университетов или держать экстерном государственные экзамены.

Май, 17 (*29*). М. А. Ульянова подает прошение министру народного просвещения с просьбой допустить сына к выпускным экзаменам при одном из университетов. Просьба удовлетворяется.

Июнь, 12 (*24*). Ленин подает прошение министру народного просвещения, в котором просит разрешить держать экзамены экстерном по предметам юридического факультета при Петербургском университете. Просьба удовлетворяется.

Между 12 (*24*) *июня 1890 г. и 5* (*17*) *апреля 1891 г.* В связи с подготовкой к государственным экзаменам Ленин работает над книгами А. Д. Градовского «Начала русского государственного права» (т. I–III); делает в них подчеркивания и выписки на полях.

Лето. Ленин живет на хуторе близ деревни Алакаевки, наездами бывает в Самаре.

Конец августа. Первая поездка Ленина в Петербург для переговоров о сдаче государственных экзаменов при Петербургском университете за курс юридического факультета.

Август, 26 – сентябрь, 1 (*сентябрь, 7–13*). По дороге в Петербург Ленин останавливается в Казани.

Между 19 (*31*) *октября 1890 г. и 10* (*22*) *апреля 1891 г.* В связи с подготовкой к государственным экзаменам Ленин работает над книгой Ю. Янсона «Теория статистики»; делает в ней подчеркивания и выписки на полях.

Октябрь, 24 (*ноябрь, 5*). Ленин выезжает из Петербурга в Самару.

1891

Конец марта. Март, 26 (*апрель, 7*). Ленин приезжает в Петербург для сдачи экзаменов. Ленин подает прошение председателю испытательной юридической комиссии при Петербургском университете о допущении его к сдаче экзаменов экстерном за курс университета. К прошению прилагает сочинение по уголовному праву.

Конец марта апрель. Ленин неоднократно посещает сестру – Ольгу Ильиничну Ульянову в общежитии Высших женских (Бестужевских) курсов.

Апрель, 4—24 (*апрель, 16 – май, 6*). Ленин сдает государственные экзамены при Петербургском университете по курсу юридического факультета (весенняя сессия).

Апрель. Ленин отвозит в Александровскую больницу сестру – О. И. Ульянову, заболевшую брюшным тифом, и регулярно навещает ее.

Конец апреля начало мая. Ленин извещает мать – М. А. Ульянову о болезни сестры – О. И. Ульяновой.Смерть О. И. Ульяновой.

Май, 10 (*22*). Ленин участвует в похоронах своей сестры – О. И. Ульяновой на Волковом кладбище.

Весна и осень. Ленин посещает Л. Ю. Явейна, преподавателя технологического института, и берет у него марксистскую литературу.

Весна или осень. Ленин посещает приват-доцента Петербургского университета С. Ф. Ольденбурга, чтобы узнать некоторые подробности о жизни и научной работе своего брата А. И. Ульянова и о сестре О. И. Ульяновой.

Май, 17 (*29*). *Лето – начало сентября.* Ленин выезжает из Петербурга в Самару. Ленин живет в Самаре и на хуторе близ деревни Алакаевки.

Первая половина сентября. Ленин приезжает в Петербург для сдачи оставшейся части экзаменов в Петербургском университете.

Между 10 и 15 (*22 и 27*) *сентября.* Ленин сдает письменный экзамен на тему из области права.

Сентябрь, 16 (*28*) *– ноябрь, 9* (*21*). Ленин заканчивает сдачу государственных экзаменов при Петербургском университете (осенняя сессия).

Октябрь, 20 (*ноябрь, 1*). Ленин был на приеме у вице-директора департамента полиции по вопросу о поездке за границу. Просьба отклонена.

Ноябрь, 12 (*24*). Ленин возвращается из Петербурга в Самару.

Ноябрь, 15 (*27*). Испытательная комиссия юридического факультета Петербургского университета присуждает Ленину диплом первой степени.

1892

Январь, 14 (*26*). Ленин получает от управления Петербургского учебного округа университетский диплом первой

степени.

Январь, 30 (*февраль, 11*). Ленин зачисляется помощником присяжного поверенного к А. Н. Хардину в Самаре.

Февраль, 28 (*март, 11*). Ленин подает прошение в Самарский окружной суд о выдаче свидетельства на право быть поверенным.

Март – апрель. Ленин выступает в Самарском окружном суде в качестве защитника по делам крестьян Муленкова, Опарина, Тишки-на, Зорина и других лиц.

Май. Ленин вместе с М. Т. Елизаровым – мужем А. И. Ульяновой – посещает Сызрань и деревню Бестужевку.

Июнь, 1 (*13*). Ленин подает прошение директору департамента полиции, в котором просит поставить в известность председателя Самарского окружного суда об отсутствии препятствий со стороны департамента полиции к выдаче ему свидетельства на право быть поверенным.

Июнь, 11 (*23*). Ленин подает прошение председателю Самарского окружного суда, в котором просит запросить департамент полиции об отсутствии с его стороны препятствий к выдаче свидетельства на право быть поверенным.

Июнь. Ленин выступает в Самарском окружном суде в качестве защитника по делам крестьян Бамбурова, Чинова и других.

Июль, 23 (*август, 4*). Ленин получает право на ведение судебных дел в течение 1892 года.

Лето. Ленин бывает наездом на хуторе близ деревни Ала-

каевки.

Лето 1892 года – зима 1892–1893. Ленин пишет рефераты с критикой взглядов народников и читает их в нелегальных кружках. Эти рефераты явились подготовительным *годов.* материалом для работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

Сентябрь – декабрь. Ленин выступает в Самарском окружном суде в качестве защитника по судебным делам отдельных лиц.

1893

Январь, 5 (*17*). Ленин подает прошение в Самарский окружной суд, в котором просит выдать свидетельство на право ведения судебных дел в течение 1893 года.

Январь, 12 (*24*)*—13* (*25*). Ленин выступает в Самарском окружном суде в качестве защитника по одному из судебных дел.

Не ранее марта. Ленин работает над книгой В. Е. Постникова «Южнорусское крестьянское хозяйство»; делает в ней пометки, вычисления и подчеркивания. Книга подробно разбирается им в статье «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». Ленин ссылается на книгу Постникова в статье «По поводу так называемого вопроса о рынках», а позднее – в книге «Развитие капитализма в России».

Март – апрель. Ленин выступает в Самарском окружном суде в качестве защитника по судебным делам отдельных лиц.

Весна. Вокруг Ленина образуется кружок самарских марксистов (А. П. Скляренко, И. Х. Лалаянц). Ленин готовит и читает в кружке реферат-статью «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни (По поводу книги В. Е. Постникова)». Кружок оказал большое влияние на передовую молодежь Поволжья.

Позднее 20 мая (*1 июня*) *– ранее 31 августа* (*12 сентября*). Ленин работает над статьей Н. А. Карышева «Народно-хозяйственные наброски» («Русское Богатство» № 5, 1893); делает в ней подчеркивания и запись на полях.

Лето. Ленин бывает наездами на хуторе близ деревни Алакаевки.

Август, 16 (*28*). Ленин, в связи с намерением перевестись в Петербургский судебный округ, подает прошение председателю Самарского окружного суда, в котором просит выдать удостоверение, что он состоит помощником присяжного поверенного и в течение 1892 и 1893 годов получал свидетельства на право ведения судебных дел.

Позднее 17 (*29*) *августа.* Ленин проездом из Самары в Петербург останавливается в Нижнем Новгороде, знакомится с местными марксистами, получает явку в Петербург.

Конец августа. Ленин проездом в Петербург останавливается в Москве, знакомится с местными марксистами.

Август, 26 (*сентябрь, 7*). Ленин работает в читальном зале библиотеки Румянцевского музея (ныне Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина).

Август, 31 (*сентябрь, 12*). Ленин приезжает в Петербург.

Сентябрь, 3 (*15*). Ленин зачисляется помощником присяжного поверенного к адвокату М. Ф. Волкенштейну.

Сентябрь, не ранее 21 (*3 октября*) *– не позднее 26* (*7 октября*). Ленин приезжает во Владимир для встречи с Н. Е. Федосеевым. Встреча не состоялась, так как Федосеев в это время не был освобожден из тюрьмы.

Сентябрь 1893–1895 гг. Ленин посещает конференции помощников присяжных поверенных, а также Совет присяжных поверенных при Петербургском окружном суде, проводит здесь юридические консультации и ведет судебные дела. Ленин является постоянным посетителем Государственной публичной библиотеки (ныне Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина), а также библиотеки Вольного экономического общества.

Октябрь, 5 (*17*). Ленин пишет письмо матери – М. А. Ульяновой, сообщает об условиях своей жизни, о том, что ожидает получения места в юрисконсульстве.

Октябрь. Ленин пишет письмо сестре – М. И. Ульяновой, сообщает о своей работе в Публичной библиотеке, интересуется, как идут занятия у нее и у брата.

Ранее осени 1893 г. Ленин работает над книгой «Сборник статистических сведений по Саратовской губернии, т. XI, Камышинский уезд»; делает на ней пометки, подсчеты и отчеркивания. Сборник был использован Лениным в работах: «По поводу так называемого вопроса о рынках» и «Раз-

витие капитализма в России».

Осень. Ленин в Петербурге вступает в марксистский кружок студентов-технологов (С. И. Радченко, В. В. Старков, П. К. Запорожец, Г. М. Кржижановский, А. А. Ванеев, М. А. Сильвин и другие). На собрании кружка выступает с критикой реферата Г. Б. Красина «Вопрос о рынках». Ленин пишет реферат-статью «По поводу так называемого вопроса о рынках» и читает его в марксистском кружке.

Ленин работает над книгой «Военно-статистический сборник». Вып. IV. Россия. Под ред. Н. Н. Обручева; делает пометки и подчеркивания в этой книге. Сборник был использован Лениным в работах: «По поводу так называемого вопроса о рынках», «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и «Развитие капитализма в России».

*Осень и зима 1893–1894 гг.*Ленин устанавливает связи с передовыми рабочими петербургских фабрик и заводов (В. А. Шелгуновым, И. В. Бабушкиным и другими).

Вторая половина декабря. Ленин пишет письмо П. П. Маслову, в котором сообщает о получении его письма, высылке ему статей Н. Е. Федосеева о крестьянской реформе и об отказе редакции журнала «Русская Мысль» опубликовать статью «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни»; просит дать замечания на эту статью.

1893 или 1894 год. Ленин начинает переписку с Н. Е. Федосеевым по вопросам марксистского мировоззрения.

1894

Начало января. Ленин приезжает в Москву.

Январь, 9 (*21*). Ленин выступает на нелегальном собрании в Москве против народника В. В. (В. П. Воронцова) с уничтожающей критикой его взглядов.

Январь. Ленин посещает Нижний Новгород и выступает в местном марксистском кружке с рефератом о книге В. В. «Судьбы капитализма в России».

Ленин возвращается в Петербург, где руководит петербургской группой марксистов и центральным рабочим кружком, ведет занятия в рабочих кружках за Невской заставой и в других районах.

Конец февраля. Ленин участвует в совещании питерских марксистов, проходившем на квартире инженера Классона (на Охте). На совещании кроме Владимира Ильича присутствовали Н. К. Крупская, Р. Э. Классон, Я. П. Коробко, С. И. Радченко, Се-ребровский и другие. Здесь Ленин впервые встретился с Крупской.

Ленин знакомится с представителями «легальных марксистов» – А. Н. Потресовым, П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановским и др. Заключает впоследствии с ними временное соглашение для борьбы против народников.

Ранее апреля. Ленин работает над книгой Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и переводит с немецкого на русский язык отдельные места.

Весна – лето. Ленин пишет работу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»; первый выпуск работы был отпечатан на гектографе в июне в Петербурге.

Май, 30 (*июнь, 11*). Ленин пишет письмо П. П. Маслову в связи с его замечаниями на статью «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни».

Первая половина года. Ленин работает над книгой народника Н. А. Карышева «Крестьянские вненадельные аренды», делает пометки и подчеркивания в ней. Книга упоминается Лениным в работах: «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» и «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве»; позднее была подвергнута критике, в «Развитии капитализма в России».

Ленин читает в марксистском кружке в Петербурге реферат с критическим разбором книги народника Н. Карышева «Крестьянские вненадельные аренды».

Июнь, 14 (*26*). Ленин выезжает в Москву. Лето проводит на даче в Подмосковье у родных в Кузьминках.

Июль. В Петербурге выходит отпечатанное на гектографе второе издание первого выпуска работы Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

Июль – август. Ленин выезжает в Горки (Владимирская губерния) к А. А. Ганшину, в связи с нелегальным изданием работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против

социал-демократов?».

Август, 27 (*сентябрь, 8*). Ленин возвращается из Москвы в Петербург.

Конец августа. Выходит третье издание первого выпуска работы Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (в Горках, Владимирской губернии) и первое издание второго выпуска в Москве.

Сентябрь. Выходит в Петербурге нелегально первое издание третьего выпуска и четвертое издание первого выпуска работы Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

Октябрь – ноябрь. Выходит в Петербурге нелегально второе издание второго выпуска работы Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

Осень. Ленин читает в кружке петербургских марксистов свою работу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

Ленин на собрании кружка петербургских марксистов читает реферат «Отражение марксизма в буржуазной литературе», в котором подвергает резкой критике буржуазные извращения марксизма в книге Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России».

Осень – зима. Ленин ведет занятия в рабочих кружках за Невской заставой, на Петербургской и Выборгской стороне.

Декабрь, 13 (*25*). Ленин пишет письмо М. И. Ульяновой,

в котором спрашивает о здоровье ее и матери; интересуется жизнью Московского университета, жалуется, что трудно достать третий том «Капитала» и просит сообщить об этом М. Т. Елизарову.

Декабрь, 24 (*5 января 1895 г.*). Ленин пишет письмо М. И. Ульяновой, в котором беспокоится о ее здоровье, рекомендует не переутомляться; интересуется ее мнением о работах Н. В. Шелгунова.

Конец декабря. Ленин навещает больную С. П. Невзорову, слушательницу Высших женских (Бестужевских) курсов, члена петербургской социал-демократической группы.

Позднее 24 декабря (*5 января 1895 г.*). Ленин при деятельном участии рабочего И. В. Бабушкина составляет листовку к рабочим Семянниковского завода по поводу происходивших там волнений – первый агитационный листок русских марксистов.

Конец 1894 года – начало 1895 года. Ленин пишет работу «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе)».

Комментарии

1.

Статья «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни. По поводу книги В. Е. Постникова – «Южно-русское крестьянское хозяйством является наиболее ранней из всех дошедших до нас работ В. И. Ленина. Она была написана в Самаре весной 1893 года и читалась в рукописи в кружках самарской марксистской молодежи. Ленин предполагал напечатать ее в издававшемся в Москве либеральном журнале «Русская Мысль», но статья была отклонена редакцией «как неподходящая к направлению журнала». В письме 30 мая 1894 года Ленин по данному вопросу сообщал: «Я даже имел наивность посылать ее в «Русскую Мысль», откуда получил, конечно, отказ: вполне понятно мне это стало, когда я прочитал в № 2 «Русской Мысли» статью о Постникове «нашего известного» либерального пошляка, г. В. В. Нужно же ведь иметь такое искусство, чтобы совершенно изуродовать прекрасный материал и замазать все факты фразерством!» (Ленинский сборник XXXIII, 1940, стр. 17).

2.

Земская статистика – статистика, организованная земскими учреждениями. Статистические отделения, бюро, комиссии при губернских и уездных земских управах проводили статистические исследования (подворные переписи

крестьянских и промысловых хозяйств, определение доходности земель, переоценка земель и имущества, облагаемых земскими сборами, изучение крестьянских бюджетов и т. д.) и выпускали многочисленные обзоры и статистические сборники по уездам и губерниям, содержавшие богатый фактический материал.

3.

Имеется в виду сборник «Итоги экономического исследования России по данным земской статистики»: том I – В. В. «Крестьянская община», Москва, 1892 г.; том II – Н. Карышев. «Крестьянские внена-дельные аренды», Дерпт, 1892 г. Обе работы – либерально-народнического направления.

4.

Община (земельная) в России – форма совместного крестьянского землепользования, характеризовавшаяся принудительным севооборотом, нераздельными лесами и пастбищами. Важнейшими признаками русской земельной общины были круговая порука (принудительная коллективная ответственность крестьян за своевременное и полное внесение денежных платежей и выполнение всякого рода повинностей в пользу государства и помещиков), систематический передел земли и отсутствие права отказа от земли, запрещение купли и продажи земли.

5.

Ревизские души – мужское население крепостной России, подлежавшее обложению подушной податью (главным образом крестьяне и мещане) и с этой целью учитывавшееся особыми переписями (так называемыми «ревизиями»). Такие «ревизии» проводились в России с 1718 года; в 1857–1859 годах была проведена последняя, десятая, «ревизия». По ревизским душам в ряде районов происходили переделы земли внутри сельских общин.

6.

Меннониты – сектанты, выходцы из Западной Европы, переселившиеся в Россию в конце XVIII века. Они получили свое название по имени основателя секты – голландца Менно Симонса. Меннониты обосновывались главным образом в Екатеринославской и Таврической губерниях. Меннонитские колонистские хозяйства в большинстве своем были зажиточными, кулацкими хозяйствами.

7.

«Крестьянская реформа» 1861 года – реформа, отменившая крепостное право в России, была проведена царским правительством в интересах крепостников-помещиков. Необходимость реформы обусловливалась всем ходом экономического развития страны и ростом

массового крестьянского движения против крепостнической эксплуатации. «Крестьянская реформа» была буржуазной реформой. Сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма, обусловила капиталистическое содержание реформы, и «это содержание выступало наружу тем сильнее, чем меньше урезывались крестьянские земли, чем полнее отделялись они от помещичьих, чем ниже был размер дани крепостникам» (В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 17, стр. 95). «Крестьянская реформа» была шагом на пути превращения России в буржуазную монархию. 19 февраля 1861 года Александр II подписал Манифест и «Положения» о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Всего было «освобождено» 22,5 млн. помещичьих крестьян. Однако помещичье землевладение было сохранено. Крестьянские земли объявлялись собственностью помещика. Крестьянин мог получить надел земли лишь по установленной законом норме (и то с согласия помещика), за выкуп. Последний выплачивался крестьянами царскому правительству, которое выплатило установленную сумму помещикам. По приблизительным подсчетам, земли у дворян после реформы было 71,5 млн. дес, у крестьян – 33,7 млн. дес. Благодаря реформе помещики отрезали себе свыше Vs в даже 2/s крестьянской земли.

8.

В рукопись вкрались отдельные неточности в иллюстративном расчете: всего посева получается 1651 десятина; размер предъявляемого рынку денежного спроса, считая только хозяйства с посевом более 5 дес. на двор, составляет 22498 руб. Посевная площадь хозяйств с посевом более 5 десятин на двор составит 1603 десятины. Однако эти неточности не оказывают влияния на общие выводы.

9.

Супряга – старинная элементарная форма совместной работы деревенской бедноты, при которой несколько крестьянских дворов объединяли рабочий скот и другие средства производства для выполнения сельскохозяйственных работ. В. И. Ленин во второй главе книги «Развитие капитализма в России» называет супрягу «кооперацией падающих хозяйств, вытесняемых крестьянской буржуазией» (Сочинения, 4 изд., том 3, стр. 56).

10.

Сельская расправа – специальный суд для государственных крестьян, учрежденный в царской России по положению 1838 года, в составе сельского старшины (председатель) и двух выбранных крестьян. Сельская расправа, будучи судом первой инстанции, рассматривала незначительные гражданские дела и проступки, присуждала к штрафам,

принудительным работам и наказанию розгами. Второй инстанцией сельского суда являлась волостная расправа. В 1858 году волостные и сельские расправы были упразднены, однако сам термин «расправа» продолжал бытовать для низших сельских судов.

11.

Длинноземелье – растянутые на многие километры (иногда на 25–30 километров в каждую сторону) надельные крестьянские земли. Длинноземелье часто встречалось в южных и восточных степных районах России, где преобладали крупные селения, насчитывавшие по нескольку сот крестьянских дворов (описание длинноземелья см. в книге В Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство». М., 1891, глава III. Крестьянское длинноземелье, стр. 69–105).

12.

Уездные присутствия по крестьянским делам были созданы в царской России в 1874 году для надзора за сельскими и волостными органами «крестьянского общественного управления». Возглавляемые уездными предводителями дворянства присутствия состояли из исправников, мировых судей и председателей уездных земских управ. Уездные присутствия по крестьянским делам подчинялись губернским присутствиям, во главе которых

стояли губернаторы.

13.

Речь идет о голоде 1891 года, который с особой силой охватил восточные и юго-восточные губернии России. По своим размерам голод 1891 года превышал все предшествовавшие ему аналогичные стихийные бедствия в стране. Голод, принесший трудящемуся населению невероятные бедствия, вызвал массовое разорение крестьян и вместе с тем ускорил процесс создания внутреннего рынка для развития капитализма в России (о голоде 1891 года в России см. в статье Ф. Энгельса «Социализм в Германии». К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, 1936, стр. 253–254, а также В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 3, стр. 135, 488).

14.

Работа В. И. Ленина «По поводу так называемого вопроса о рынках» написана в Петербурге осенью 1893 года.

15.

Сверхстоимость – прибавочная стоимость (Mehrwert по Марксу). В работах 90-х годов В. И. Ленин употреблял термин «сверхстоимость» наряду с термином «прибавочная стоимость». Позднее он пользовался только термином «прибавочная стоимость».

16.

Схема расширенного воспроизводства с учетом технического прогресса дается точно по рукописи В. И. Ленина; имеющиеся в ней отдельные цифровые неточности не влияют на ход рассуждений и общие выводы.

17.

В графе «Средства производства для средств потребления» приводится полная сумма I ($v + m$), которая включает часть, предназначенную для накопления. Следует иметь в виду, что часть вновь созданной стоимости в 1-ом подразделении воплощается в орудиях и материалах, представляющих собой не средства производства для II-го подразделения, а дополнительные (сверх возмещения) средства производства для 1-го подразделения. Какая часть произведенных средств производства предназначена для II-го подразделения и какая часть остается в 1-ом, – об этом можно судить по величине постоянного капитала, фактически функционирующего в обоих подразделениях в следующем году.

18.

Исправлены арифметические неточности. В рукописи было ошибочно написано 7014 и 28275. В. И. Ленин исправил эту описку в книге «Развитие капитализма в России» (см.

Сочинения, 4 изд., том 3, стр. 61).

19.

Исправлена арифметическая неточность. В рукописи было ошибочно написано 149 703.

20.

Книга В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов)» написана в 1894 году (первый выпуск был закончен в апреле, второй и третий – летом). Ленин начал работать над книгой в Самаре в 1892–1893 годах. В самарском кружке марксистов он читал рефераты, в которых подвергал резкой критике противников марксизма – либеральных народников: В. В. (Воронцова), Михайловского, Южакова, Кривенко. Эти рефераты явились подготовительным материалом к книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

21.

«Русское Богатство» – ежемесячный журнал, выходил в Петербурге с 1876 до середины 1918 года. С начала 90-х годов журнал стал органом либеральных народников и редактировался С. Н. Кривенко и Н. К. Михайловским. Журнал проповедовал примирение с царским правительством и вел ожесточенную борьбу против

марксизма и русских марксистов. В литературном отделе журнала печатались прогрессивные писатели – В. В. Вересаев, В. М. Гаршин, А. М. Горький, В. Г. Короленко, А. И. Куприн, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Г. И. Успенский и др.

22.

Имеется в виду статья Н. К. Михайловского «Литература и жизнь», напечатанная в журнале «Русское Богатство» № 10 за 1893 год. Эта статья вызвала отклики со стороны марксистов в виде писем к автору статьи. Часть писем напечатана в журнале «Былое» № 23 за 1924 год.

23.

Имеется в виду статья Н. К. Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского», которая была напечатана в журнале «Отечественные Записки» № 10, октябрь 1877 года.

24.

См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955. Предисловие к первому немецкому изданию, стр. 8.

25.

Имеется в виду работа К. Маркса «К критике гегелевской философии права», написанная Марксом в Крейцнахе летом 1843 года. В Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится незаконченная рукопись этой

работы, в которой дается развернутый критический анализ §§ 261–313 работы Гегеля «Основы философии права». Маркс намеревался подготовить к печати и опубликовать свой обширный труд «К критике гегелевской философии права» вслед за появившимся в «Deutsch-Französische Jahrbücher» («Немецко-Франпузском Ежегоднике») в 1844 году «Введением» к этой работе. Однако осуществить это намерение Марксу не удалось. Впервые на языке оригинала рукопись Маркса была опубликована Институтом марксизма-ленинизма в 1927 году (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 1, стр. 219–368, 414–429).

26.

В. И. Ленин цитирует предисловие к «К критике политической экономии». В статье «Карл Маркс» (1914) В. И. Ленин дает новый перевод приведенной цитаты (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 321–323).

27.

«Contrat social» («Общественный договор») – одна из основных работ Жан-Жака Руссо. Полное название произведения: «Du Contract social; ou, Principes du droit politique» («Об общественном договоре, или Принципы политического права»); издана в Амстердаме в 1762 году; переведена на русский язык в 1906 году. Основная идея

этой работы – утверждение, что всякий общественный строй должен являться результатом свободного соглашения, договора между людьми. Будучи идеалистической в своей основе, теория «общественного договора», выдвинутая накануне французской буржуазной революции XVIII века, сыграла тем не менее революционную роль. Она была выражением требований буржуазного равенства, призывом к уничтожению феодальных сословных привилегий и установлению буржуазной республики.

28.

См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 378.

29.

Письмо Карла Маркса в редакцию «Отечественных Записок» было написано в конце 1877 года в связи со статьей Н. К. Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского». Это письмо было переписано и отправлено в Россию Ф. Энгельсом после смерти Маркса. По свидетельству Энгельса, оно «долгое время циркулировало в России в рукописных копиях с французского оригинала, а затем было опубликовано в русском переводе в «Вестнике Народной Воли» (№ 5. – Ред.), в 1886 году, в Женеве, а позднее и в самой России. Письмо это, как и все, что выходило из-под пера Маркса, обратило на себя большое внимание в русских кругах» (К. Маркс и Ф. Энгельс.

Сочинения, т. XVI, ч. II, 1936, стр. 396). В России письмо Маркса впервые было напечатано в журнале «Юридический Вестник» № 10 за 1888 год (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 313–316).

30.

См. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом» (Отдел второй. Политическая экономия. Глава первая. Предмет и метод), 1957, стр. 140.

31.

Упоминаемое здесь сочинение – «Немецкая идеология» – совместное произведение К. Маркса и Ф. Энгельса, над которым они работали в 1845–1846 годах.

32.

См. Ф. Энгельс. Предисловие к первому немецкому изданию работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 161).

33.

Гентилъная, родовая организация общества – первобытнообщинный строй, или первая в истории человечества общественно-экономическая формация.

Возникновение родового строя хронологически совпало с завершением формирования типа современного человека. Родовая община представляла собой коллектив кровных родственников, объединенных хозяйственными и общественными связями. В своем развитии родовой строй прошел два периода: матриархат и патриархат. Патриархат завершился превращением первобытного общества в классовое и возникновением государства. Основой производственных отношений первобытнообщинного строя являлись общественная собственность на средства производства и уравнительное распределение продуктов. Это в основном соответствовало низкому уровню развития производительных сил и их характеру в тот период. Каменные орудия, а затем лук и стрелы исключали возможность борьбы с силами природы и хищными животными в одиночку.

34.

Поместная система – особая система феодального землевладения, которая возникла и утвердилась в

35.

/ Интернационал – Международное Товарищество Рабочих, первая международная организация пролетариата, основанная К. Марксом в 1864 году на международном рабочем собрании в Лондоне, созванном английскими

и французскими рабочими. Создание I Интернационала – результат упорной многолетней борьбы К. Маркса и Ф. Энгельса за революционную партию рабочего класса. Как отмечал В. И. Ленин, I Интернационал «заложил фундамент международной организации рабочих для подготовки их революционного натиска на капитал», «заложил фундамент пролетарской, международной борьбы за социализм» (Сочинения, 4 изд., том 29, стр. 280, 281).

36.

В. И. Ленин употребляет имя В. Буренина, сотрудника реакционной газеты «Новое Время», в нарицательном смысле для обозначения нечестных методов полемики.

37.

«Новое Время» – ежедневная газета, выходила в Петербурге с 1868 по 1917 год; принадлежала разным издателям и неоднократно меняла свое политическое направление. Вначале умеренно либеральная, с 1876 года она превратилась в орган реакционных дворянских и чиновно-бюрократических кругов. С 1905 года – орган черносотенцев. После Февральской буржуазно-демократической революции газета полностью поддерживала контрреволюционную политику буржуазного Временного правительства и вела бешеную травлю большевиков. Закрыта Военно-революционным комитетом

при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года. В. И. Ленин называл «Новое Время» образцом продажных газет.

38.

См. Ф. Энгельс. Предисловие к первому изданию работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 160).

39.

См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 11.

40.

Триада (греч. trias) в философии – формула трехступенчатого развития. Впервые идея трехступенчатого развития была высказана древнегреческими философами неоплатониками, в частности Проклом. Она нашла свое выражение в работах немецких философов-идеалистов: Фихте и Шеллинга. Триада получила наиболее всестороннее развитие в идеалистической философии Гегеля, который считал, что всякий процесс развития проходит три ступени: тезис, антитезис, синтез. Вторая ступень означает отрицание первой, и переход к ней является превращением в противоположность; третья ступень является отрицанием второй, т. е. отрицанием отрицания;

она по существу означает возврат к исходной форме, только обогащенной новым содержанием и на новой более высокой основе. Гегелевская триада – это схема, под которую искусственно подгонялась действительность; произвольное конструирование схемы триады искажало действительное развитие природы и общества. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, высоко оценивая рациональные моменты диалектики Гегеля, критически переработали его диалектический метод и создали материалистическую диалектику, которая отражает наиболее общие законы развития объективного мира и человеческого мышления.

41.

См. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг» (Отдел первый. Философия. Глава тринадцатая. Диалектика. Отрицание отрицания).

42.

Систематическое изложение и дальнейшее развитие марксистского диалектического метода дано в произведениях В. И. Ленина: «Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради», «Карл Маркс» и другие.

43.

Автор заметки (И. К – н) – профессор Петербургского

университета И. И. Кауфман. Заметка оценена Марксом как одно из удачных изложений диалектического метода (см. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955. Послесловие ко второму изданию, стр. 17–19).

44.

В. И. Ленин приводит ниже в тексте (на страницах 169–174 настоящего тома) в собственном переводе отрывок из работы Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» (Отдел первый. Философия. Глава тринадцатая. Диалектика. Отрицание отрицания). См. в издании Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1957, стр. 121–126.

45.

См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 84–85.

46.

См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 764.

47.

Имеется в виду «Послесловие» ко второму изданию первого тома «Капитала» К. Маркса.

48.

«Отечественные Записки» – литературно-политический журнал, начал издаваться в Петербурге в 1820 году;

с 1839 года становится лучшим, прогрессивным журналом того времени. В работе журнала принимали участие В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Т. Н. Грановский, Н. П. Огарев и др. С 1846 года, после ухода из редакции Белинского, значение «Отечественных Записок» стало падать. С 1868 года, когда журнал перешел в руки Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина, наступил период нового расцвета «Отечественных Записок»; в это время журнал группировал вокруг себя революционно-демократическую интеллигенцию. После смерти Некрасова (1877) преобладающее влияние в журнале приобрели народники.

49.

Имеются в виду следующие положения, сформулированные К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии»:

50.

См. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг» (Отдел первый. Философия. Глава девятая. Мораль и право. Вечные истины), 1957, стр. 88.

51.

Имеются в виду статьи Н. К. Михайловского: «По поводу русского издания книги Карла Маркса» («Отечественные

Записки» № 4, апрель 1872 г.) и «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского» («Отечественные Записки» № 10, октябрь 1877 г.).

52.

В. И. Ленин цитирует письмо К. Маркса к А. Руге (сентябрь 1843 года) (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 1, стр. 381).

53.

В. И. Ленин имеет в виду С. Н. Южакова, политико-экономические воззрения которого подвергнуты критике особенно во втором выпуске книги «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Ни рукопись, ни гектографированное издание второго выпуска этой книги не найдены.

54.

Имеется в виду группа «Освобождение труда» – первая русская марксистская группа, основанная Г. В. Плехановым в Женеве (Швейцария) в 1883 году. Кроме Плеханова в группу входили П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич, В. Н. Игнатов.

55.

«От издателей» – послесловие к первому изданию первого

выпуска работы В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

56.

«К предлагаемому изданию» – послесловие ко второму изданию первого выпуска работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», написанное в июле 1894 года.

57.

«Юридический Вестник» – ежемесячный журнал буржуазно-либерального направления; выходил в Москве с 1867 по 1892 год.

58.

Имеется в виду Манифест об отмене крепостного права в России, подписанный 19 февраля 1861 года царем Александром II.

59.

Четвертными крестьянами в царской России назывался разряд бывших государственных крестьян, потомков мелких служилых людей, поселенных в XVI–XVII столетиях на окраинах Московского государства. За службу по охране границ поселенцы (казаки, стрельцы, солдаты) получали во временное или наследственное пользование небольшие

участки земли, измерявшиеся «четвертями». С 1719 года казенные поселенцы стали именоваться однодворцами. Одно дворцы раньше пользовались привилегиями, имели право владеть крестьянами. На протяжении XIX столетия одно дворцы были постепенно приравнены в правах к крестьянам. По положению 1866 года земля однодворцев (четвертная земля) была признана их частной собственностью.

60.

Здесь и в других местах настоящего тома В. И. Ленин цитирует книгу И. А. Гурвича «Экономическое положение русской деревни», вышедшую на английском языке в Нью-Йорке в 1892 году; на русском языке эта книга была издана в 1896 году. Книга содержит ценный фактический материал; она получила высокую оценку Ленина.

61.

В. И. Ленин цитирует работу К. Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 1, стр. 415).

62.

Помпадуры – обобщенный сатирический образ, созданный М. Е. Салтыковым-Щедриным в произведении «Помпадуры и помпадурши», в котором великий русский писатель-

сатирик заклеймил высшую царскую администрацию, министров и губернаторов. Меткое определение Салтыкова-Щедрина прочно вошло в русский язык как обозначение административного произвола, самодурства.

63.

Статья Г. И. Успенского «Равнение под одно» является продолжением и окончанием его рассказа «Старики», напечатанного в XI книге «Русской Мысли» за 1881 год.

64.

Гладстоновские ландбилли – земельные законы, проведенные английским либеральным министерством Гладстона в 70-х и 80-х годах XIX столетия. В целях смягчения борьбы между арендаторами и землевладельцами-лендлордами и заполучения голосов арендаторов на свою сторону правительство Гладстона провело некоторые незначительные ограничения произвола лендлордов, которые массами выселяли арендаторов. Правительство обещало также урегулировать вопрос о платежных недоимках арендаторов, создать особые земельные суды для установления «справедливой» арендной платы и т. д. Гладстоновские ландбилли – образец социальной демагогии либеральной буржуазии.

65.

«Неделя» – либерально-народническая политическая и литературная газета; выходила в Петербурге с 1866 по 1901 год. Газета выступала против борьбы с самодержавием, проповедовала так называемую теорию «малых дел», т. е. призывала интеллигенцию отказаться от революционной борьбы и заняться «культурничеством».

66.

Имеется в виду французский утопический социализм, получивший широкое распространение в начале XIX века и представлявший собой одно из главных идейных течений в тот период.

67.

Имеется в виду книга В. В. (В. П. Воронцова) «Наши направления», вышедшая в 1893 году.

68.

Ответ Н. К. Михайловского В. В. был дан в статье «Литература и жизнь», напечатанной в № 10 «Русского Богатства» за 1893 год.

69.

Имеются в виду Н. Г. Чернышевский и А. И. Герцен. См. письмо К. Маркса в редакцию «Отечественных Записок» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 314).

70.

См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 315.

71.

«Sozialpolitisches Centralblatt» («Центральный Социально-политический Листок») – орган правого крыла германской социал-демократии. Начал выходить с 1892 года.

72.

Имеются в виду продажные органы печати – журналы и газеты, подкупленные царским правительством и пресмыкавшиеся перед ним.

73.

Имеется в виду группа социалистов-народников из русской революционной эмиграции во главе с Н. И. Утиным, А. Д. Трусовым, В. И. Бартеневым. Эта группа издавала в Женеве журнал «Народное Дело». В начале 1870 года она образовала русскую секцию Международного Товарищества Рабочих (I Интернационал). 22 марта 1870 года Генеральный совет Интернационала принял русскую секцию в состав Интернационала. По просьбе секции представительство ее при Генеральном совете принял на себя К. Маркс. «Я с удовольствием принимаю

почетную обязанность, которую вы мне предлагаете, быть вашим представителем при Главном совете», – писал Маркс 24 марта 1870 года членам Комитета русской секции (см. Переписку К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, 2 изд., 1951, стр. 38). Члены русской секции I Интернационала поддерживали Маркса в его борьбе против анархистов-бакунистов, вели революционную пропаганду идей Интернационала, стремились укрепить связь русского революционного движения с западноевропейским, принимали участие в рабочем движении Швейцарии и Франции. Однако во взглядах членов русской секции оставалось еще много народнического утопизма, в частности они идеализировали общину, называя ее «великим достижением русского народа». Секция не смогла установить тесной связи с революционным движением в России, что в конечном счете явилось основной причиной ее распада в 1872 году.

74.

Характеристика хозяйства А. Н. Энгельгардта дана В. И. Лениным в книге «Развитие капитализма в России», глава III, § VI.

75.

В. И. Ленин приводит цитату из романа Н. Г. Чернышевского «Пролог» (см. Н. Г. Чернышевский. Полное собрание

сочинений, т. XIII, 1949, стр. 106).

76.

Имеется в виду партия «Народного права» – нелегальная организация русской демократической интеллигенции, основанная летом 1893 года при участии бывших народовольцев О. В. Аптекмана, А. И. Богдановича, А. В. Гедеоновского, М. А. Натансона, Н. С. Тютчева и других. Народоправцы поставили своей задачей объединение всех оппозиционных сил для борьбы за политические реформы. Организация выпустила два программных документа: «Манифест» и «Насущный вопрос». Весной 1894 года она была разгромлена царским правительством. Ленинскую оценку народоправцев как политической партии см. на стр. 342–345 настоящего тома, а также в брошюре «Задачи русских социал-демократов» (Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 463–465). Большинство народоправцев впоследствии вошло в партию эсеров.

77.

См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 766–767.

78.

В. И. Ленин приводит слова из басни И. А. Крылова «Кот и Повар».

79.

В. И. Ленин здесь и ниже цитирует в собственном переводе предисловие ко второму изданию работы Ф. Энгельса «К жилищному вопросу» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 508).

80.

См. К. Маркс иФ. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 511, 512.

81.

См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 451–452.

82.

В. И. Ленин имеет в виду положения, высказанные К. Марксом во второй главе книги «Нищета философии», направленной против П.-Ж. Прудона (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 146).

83.

Маниловщина – совокупность черт характера, присущих одному из персонажей произведения Н. В. Гоголя «Мертвые души» Манилову. В образе сентиментального, «прекраснодушного» помещика Манилова писатель воплотил типичные черты безвольного мечтателя, пустого фантазера, бездеятельного болтуна. В. И. Ленин

употребляет имя Манилова в нарицательном смысле для характеристики либеральных народников.

84.

Прокрустово ложе – выражение по имени мифологического великана-разбойника Прокруста, который заманивал к себе путников и укладывал их на ложе: тех, кому оно было длинно, Прокруст вытягивал, а тем, кому было коротко, – отрубал ноги. Отсюда выражение: уложить на прокрустово ложе, т. е. насильственно и неестественно приспособить что-либо к неподходящей форме.

85.

См. послесловие ко второму изданию первого тома «Капитала» К. Маркса (К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 20).

86.

В. И. Ленин цитирует письмо К. Маркса к А. Руге (сентябрь 1843 года). Более полно это письмо Ленин приводит на стр. 187 настоящего тома (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 1, стр. 381).

87.

Статья «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма

в буржуазной литературе). По поводу книги П. Струве: «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Спб. 1894 г.» была написана В. И. Лениным в Петербурге в конце 1894 – начале 1895 года. Это – первая работа Ленина, напечатанная в легальной типографии. В этой работе Ленин продолжил критику народнических воззрений, данную в предшествующих работах, и дал развернутую критику ошибочных взглядов «легальных марксистов». Ленин раньше других распознал либерально-буржуазную природу «легального марксизма». Еще в 1893 году в работе «По поводу так называемого вопроса о рынках» Ленин, наряду с разоблачением взглядов либеральных народников, критиковал воззрения представителей нарождавшегося тогда «легального марксизма».

88.

Trucksystem – система выплаты заработной платы рабочим товарами и продуктами из фабричных лавок, принадлежащих фабрикантам. Эта система, являющаяся дополнительным средством эксплуатации рабочих, в России была особенно распространена в районах кустарных промыслов.

89.

В. И. Ленин приводит слова из басни И. А. Крылова «Волк

и Пастухи».

90.

«Весть» – реакционно-крепостническая газета; выходила в Петербурге с 1863 по 1870 год.

91.

«Диктатурой сердца» иронически называлась кратковременная политика заигрывания с либералами царского сановника Лорис-Меликова, назначенного в 1880 году сначала начальником «Верховной распорядительной комиссии» по борьбе с «крамолой», а затем министром внутренних дел. Обещание «уступок» либералам и беспощадные репрессии против революционеров – на этом пытался построить свою политику Лорис-Меликов. Эта политика лавирования, вызванная революционной ситуацией 1879–1880 годов, имела своей целью ослабление революционного движения и привлечение на сторону царизма оппозиционно настроенной либеральной буржуазии. После того, как революционная волна 1879–1880 годов была отбита, царское правительство отказалось от политики «диктатуры сердца» и поспешило издать манифест о «незыблемости» самодержавия. В апреле 1881 года Лорис-Меликову пришлось уйти в отставку.

92.

Аркадская идиллия – ироническое выражение, употребляемое в литературе как синоним счастливой, беззаботной жизни, счастливой страны. Аркадия – гористая область в центре Пелопоннеса (Греция), население которой в древности занималось главным образом скотоводством. В античной и классической литературе Аркадия изображалась местом счастливой идиллической жизни пастухов и земледельцев.

93.

Господин Купон – образное выражение, принятое в литературе 80-х и 90-х годов XIX века для обозначения капитала и капиталистов. Выражение «господин Купон» пустил в ход писатель Глеб Успенский в очерках «Грехи тяжкие».

94.

«Коняга» – аллегорический образ задавленного и замученного непосильным трудом крестьянина-бедняка, данный М. Е. Салтыковым-Щедриным в сатирической сказке «Коняга». В этой сказке автор иносказательно говорит о «неподвижной громаде полей», которая будет держать в кабале человека до тех пор, пока он не освободит «силу сказочную» из плена. Одновременно Салтыков-Щедрин высмеивает пошлые рассуждения народников о том, что «настоящий труд», который нашел для себя

«коняга», является залогом крестьянской неуязвимости, душевного равновесия, ясности и цельности.

95.

Прусский регирунгсрат (статский советник) – речь идет о немецком экономисте бароне А. Гакстгаузене, который в 40-х годах XIX столетия посетил Россию. В книге «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России» Гакстгаузен подробно описал русскую крестьянскую общину, в которой видел средство укрепления крепостничества. Он расхваливал николаевскую Россию, усматривая ее преимущество по сравнению с Западной Европой в отсутствии в ней «язвы пролетариатства». К. Маркс и Ф. Энгельс указывали на реакционность выводов Гакстгаузена. Взгляды Гакстгаузена резко критиковали А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский.

96.

«Московские Ведомости» – старейшая русская газета, издававшаяся Московским университетом первоначально (с 1756 года) в виде небольшого листка; с 60-х годов XJX века по своему направлению – монархо-националистический орган, проводивший взгляды наиболее реакционных слоев помещиков и духовенства; с 1905 года – один из главных органов черносотенцев. Выходила до Октябрьской

революции 1917 года.

97.
См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 257.

98.
Навкрарии – небольшие территориальные округа в древней Афинской республике. Навкрарии объединялись в филы. Коллегия навкраров (начальников навкрарии) ведала финансами афинского государства. Каждая навкрария обязана была соорудить, вооружить и снабдить экипажем одно военное судно и выставить двух всадников для военных нужд государства.

99.
См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 254.

100.
См. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», 1957, стр. 107.

101.
Лейбкампанцы – от «лейб-кампания», – почетное звание гренадерской роты Преображенского полка, пожалованное ей в 1741 году Елизаветой Петровной за возведение ее

на царский престол. В награду лейбкампанцы получили поместья, всяческие льготы и привилегии, недворяне были возведены в потомственное дворянство. Кличку «лейбкампанцы» пустил в ход М. Е. Салтыков-Щедрин в своих «Пошехонских рассказах».

102.

См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 446–447.

103.

Готская программа – программа германской социал-демократической партии, принятая в 1875 году на съезде в Готе при объединении двух, существовавших до того отдельно, немецких социалистических партий: эйзенахцев (руководимых Бебелем и Либкнехтом и находившихся под идейным влиянием Маркса и Энгельса) и лассальянцев. Программа страдала эклектизмом и была оппортунистической, так как эйзенахцы по важнейшим вопросам сделали уступки лассальянцам и приняли лассальянские формулировки. К. Маркс и Ф. Энгельс подвергли проект Готской программы уничтожающей критике, рассматривая его как значительный шаг назад даже по сравнению с эйзенахской программой 1869 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 5–38).

104.
См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 8, стр. 151.

105.
См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 637.

106.
Гордиев узел – чрезвычайно сложный и запутанный узел, которым, по древнегреческому преданию, фригийский царь Гордий привязал ярмо к дышлу своей колесницы. Существовало поверье, что развязавший этот узел будет властителем всей Азии. Александр Македонский не стал распутывать узел, а разрубил его ударом меча: отсюда выражение «разрубить гордиев узел» – быстро, прямолинейно и до конца решить запутанный вопрос, сложное дело. В. И. Ленин употребляет здесь это выражение в ироническом смысле, высмеивая мальтузианские взгляды г. Струве.

107.
К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 648.

108.
«Дарственники» или дарственные крестьяне – часть бывших помещичьих крестьян, которые во время реформы

1861 года по «соглашению» с помещиком получали даром (без выкупа) нищенский надел, составлявший всего одну четвертую часть так называемого «высшего» или «указного», т. е. установленного законом, крестьянского надела данной местности. Всю остальную часть прежних крестьянских наделов захватывал помещик, державший своих «дарственных» насильно обезземеленных крестьян в экономической кабале и после отмены крепостного права. «Дарственный» надел получил в народе название «четвертного», «сиротского», «кошачьего» и «гагаринского» (по имени князя П. П. Гагарина, предложившего проект закона о «дарственных» наделах).

109.

Янус – в древнеримской мифологии бог времени, а также всякого начала и конца, входа и выхода, изображался с двумя лицами, обращенными в противоположные стороны: молодым – вперед, в будущее, старым – назад, в прошлое. Выражение «Янус», «двуликий Янус» употребляется для обозначения двойственной, противоречивой позиции или положения какого-либо человека.

110.

Книга В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство» вышла в 1891 году в Москве. Пометки В. И. Ленина на ней сделаны не ранее марта 1893 года. Ленин

подробно разбирает книгу Постникова в статье «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». Материал IX и X глав книги Ленин использовал также в работе «По поводу так называемого вопроса о рынках» (см. настоящий том, стр. 110–113). На книгу Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство» Ленин много кратно ссылается в своем труде «Развитие капитализма в России». Оценку книги Постникова Ленин дает в письмах П. Маслову, включенных в настоящее издание Сочинений.

111.

В. И. Ленин приводит эти вычисления в таблице своей статьи «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» (см. настоящий том, стр. 12).

112.

В. И. Ленин приводит эти вычисления в таблице своей статьи «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» (см. настоящий том, стр. 17).

113.

В названный аттестат зрелости были внесены оценки по одиннадцати дисциплинам, причем по десяти дисциплинам Ленин получил высший балл – 5, а по одной – 4. В аттестате также было записано: «Во внимание к отличному поведению и прилежанию и к отличным успехам в

науках, в особенности в древних языках, Педагогический Совет постановил наградить его, Ульянова, ЗОЛОТОЮ МЕДАЛЬЮ и выдать ему аттестат, предоставляющий все права, обозначенные в §§ 129–132 Высочайше утвержденного 30 июля 1871 г. устава гимназий и прогимназий…». Аттестат датирован 10 июня 1887 года. Приписка о получении аттестата сделана В. И. Лениным после 10 июня.

114.

На прошении есть резолюция, очевидно, ректора университета: «Отсрочить до получения характеристики». И далее строкой ниже: «Принять».

115.

Настоящее прошение было подано Лениным в знак протеста против жандармской расправы над участниками студенческой сходки Казанского университета 4 декабря 1887 года и преследований царизмом революционного студенчества.

116.

На прошении есть резолюция вице-директора департамента высших учебных заведений: «Настоящее прошение препровождается на заключение г. Попечителя Казанского учебного округа».

117.

На прошении стоят две резолюции. Одна резолюция в верхнем углу прошения: «Г. Евреинову. Состоит ли под надзором полиции». Вторая – ниже: «Отклонить». Фамилия Ульянова подчеркнута карандашом.

118.

В связи с настоящим прошением министерство народного просвещения в отношении от 11 ноября 1889 года просило департамент полиции сообщить ему «о политической благонадежности Ульянова» и дать заключение на присланное ходатайство. В ответ на этот запрос департамент полиции 4 декабря 1889 года сообщил, что «во время жительства в Казани Ульянов замечался в сношениях с лицами политически неблагонадежными, из коих некоторые привлечены ныне к дознанию по обвинению в государственном преступлении». 10 декабря 1889 года департамент народного просвещения ходатайство Ленина отклонил.

119.

Дворянское звание отец Ленина, Илья Николаевич Ульянов, получил в 1882 году.

120.

На прошении имеются две резолюции: «К докладу. Пусть лучше держит в Казани» и «Доложено 18 июля. Приказано объявить просителю, что с настоящею просьбою должно обратиться к председателю испытательной комиссия. За директора Эзов».

121.
На прошении резолюция: «С разрешения г. Министра Народного Просвещения».

122.
На прошении имеется справка: «Ульянов состоит помощником присяжного поверенного при г. Хардине с 30-го января сего 1892 года. – Сведений о нравственных качествах Ульянова в деле не имеется. И. д. секретаря», далее подпись неразборчива.

123.
На прошении резолюция: «Объявить, что соответствующий отзыв будет дан на запрос надлежащего судебного начальства. 5/VI».

124.
На прошении резолюция: «В Департамент Государственной Полиции Министерства Внутренних Дел. 18 июня № 1556».

125.

На прошении имеется резолюция: «1893 г. Января 7 дня, в Общем Собрании отделений сего Суда постановлено: Просимое Помощником Присяжного Поверенного Ульяновым свидетельство выдать и донести о сем господину Министру Юстиции».

126.

На прошении есть резолюция: «Просимое удостоверение выдать».

127.

В. И. Ленин исправил в таблице ошибки В. Е. Постникова в суммарных цифрах: 1 476 на 1 453; 10 107 на 10 057; 4 595 на 4 593 (см. настоящий том, стр. 541).

128.

«Русская Мысль» – ежемесячный журнал либерально-народнического направления; выходил в Москве с 1880 года. В 90-х годах во время полемики марксистов с либеральными народниками редакция журнала, оставаясь на народнических позициях, иногда предоставляла страницы журнала для статей марксистов. В отделе художественной литературы журнала печатались прогрессивные писатели – А. М. Горький, В. Г. Короленко, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Г. И. Успенский, А. П. Чехов и др.

129.
«Вестник Европы» – ежемесячный историко-политический и литературный журнал буржуазно-либерального направления; выходил в Петербурге с 1866 года по 1918 год. В журнале печатались статьи против революционных марксистов.

130.
См. К. Маркс. «Капитал», т. II, 1955, стр. 439.

131.
См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 113.

132.
См. К. Маркс. «Капитал», т. II, 1955, стр. 314 (примечание 32).

133.
Имеется в виду журнал «Deutsch-Französische Jahrbücher» («Немецко-Французский Ежегодник»), который издавался в Париже под редакцией К. Маркса и А. Руге на немецком языке. Вышел только первый, двойной, выпуск журнала в феврале 1844 года. Главной причиной прекращения выхода журнала были принципиальные разногласия Маркса с буржуазным радикалом Руге.

134.

См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 1, стр. 379–380.

135.

Упоминаемые В. И. Лениным данные по нескольким уездам о разложении крестьянства вошли во второй (ненайденный) выпуск книги «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

136.

Бакунисты и бунтари – сторонники и последователи М. А. Бакунина (1814–1876), идеолога анархизма и ярого врага марксизма и научного социализма. Бакунисты вели упорную борьбу против марксистской теории и тактики рабочего движения. Основным положением бакунизма является отрицание всякого государства, в том числе и диктатуры пролетариата, непонимание всемирно-исторической роли пролетариата. Бакунин выдвинул идею «уравнения» классов, объединения «свободных ассоциаций» снизу. Тайное революционное общество, составленное из «выдающихся» личностей, должно было, по мнению бакунистов, руководить народными бунтами, которые совершаются немедленно. Так, бакунисты полагали, что в России крестьянство готово немедленно подняться

на восстание. Их тактика заговорщичества, немедленных бунтов и терроризма была авантюристична и враждебна марксистскому учению о восстании. Бакунизм близок прудонизму – мелкобуржуазному течению, отражавшему идеологию мелкого разорившегося собственника. Одним из представителей бакунистов в России был С. Г. Нечаев, который поддерживал тесную связь с Бакуниным, жившим за границей. Программа заговорщического общества была ими изложена в «Революционном катехизисе». В 1869 году Нечаев пытался создать в России узкую заговорщическую организацию «Народная расправа». Однако ему удалось организовать лишь ряд кружков в Москве. «Народная расправа» была вскоре обнаружена и в декабре 1869 года разгромлена царским правительством. Теория и тактика бакунистов была резко осуждена К. Марксом и Ф. Энгельсом. В. И. Ленин характеризовал бакунизм как миросозерцание «отчаявшегося в своем спасении мелкого буржуа» (Сочинения, 4 изд., том 18, стр. 11). Бакунизм явился одним из идейных источников народничества.

137.

Народовольцы – члены тайной политической организации народников-террористов «Народная воля», возникшей в августе 1879 года в результате раскола тайного общества «Земля и воля». Во главе «Народной воли» стоял Исполнительный комитет, в состав которого входили А.

И. Желябов, А. Д. Михайлов, М. Ф. Фроленко, Н. А. Морозов, В. Н. Фигнер, С. Л. Перовская, А. А. Квятковский и др. Ближайшей целью «Народной воли» было свержение царского самодержавия. Программа «Народной воли» предусматривала организацию «постоянного народного представительства», избранного на основе всеобщего избирательного права, провозглашение демократических свобод, передачу земли народу и разработку мер по переходу в руки рабочих заводов и фабрик. Однако народовольцы, не сумев найти дорогу к широким массам, стали на путь политического заговора и индивидуального террора. Террористическая борьба народовольцев не была поддержана массовым революционным движением, что дало возможность правительству жестокими преследованиями, казнями и провокацией разгромить организацию.

138.

Имеется в виду центральное представительное учреждение.

139.

«Социал-Демократ» – литературно-политическое обозрение, издавалось группой «Освобождение труда» за границей (Лондон – Женева) в 1890–1892 годах, сыграло большую роль в распространении идей марксизма в России; всего вышло четыре книги. Главное участие в «Социал-Демократе» принимали Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В.

И. Засулич.

140.

В. И. Ленин употребляет в нарицательном смысле имя Аракчеева – жестокого временщика при царях Павле I и Александре I, – с деятельностью которого связан период реакционного полицейского деспотизма и грубой военщины. Характерной чертой аракчеевского режима были жестокие меры против революционного движения угнетенных масс и какого-либо проявления свободы.

141.

В. И. Ленин цитирует работу К. Маркса «Критика Готской программы» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 21).

142.

Пенкосниматели, пенкоснимательство – ироническое выражение, которое неоднократно употреблял М. Е. Салтыков-Щедрин в своих произведениях для характеристики буржуазно-либеральной прессы и ее представителей. В V главе «Дневника провинциала в Петербурге» Салтыков-Щедрин, едко высмеивая либералов, писал: «За отсутствием настоящего дела и в видах безобидного препровождения времени учреждается учено-литературное общество под названием «Вольного

Союза Пенкоснимателей»», «Обязанности» этого «Союза» Салтыков-Щедрин охарактеризовал следующими словами: «Не пропуская ни одного современного вопроса, обо всем рассуждать с таким расчетом, чтобы никогда ничего из сего не выходило».

143.

См., например, рассказы и очерки Г. И. Успенского: «Из деревенского дневника», «Книжка чеков», «Письма с дороги», «Непорванные связи», «Живые цифры».

144.

Из цензурных соображений В. И. Ленин не мог прямо указать на марксистские работы, изданные группой «Освобождение труда». Он отсылает читателя к работе В. В. (Воронцова) «Очерки теоретической экономии» (Петербург, 1895), где на страницах 257–258 приводится большая цитата из статьи Плеханова «Внутреннее обозрение», напечатанной в «Социал-Демократе», книга вторая, август 1890 (см. Г. В. Плеханов. Сочинения, т. III, 1923, стр. 258–259).

145.

См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 8, стр. 207.

146.

См. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом», 1957, стр. 90.

147.
См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 91–92 (примечание 38).

148.
См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 474–475, 247, а также Сочинения, 2 изд., т. 8, стр. 157–158.

149.
См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 209.

150.
См. К. Маркс. «Капитал», т. II, 1955, стр. 113–114.

151.
В. И. Ленин имеет в виду двадцать четвертую главу первого тома «Капитала» (§ 5 – «Обратное влияние земледельческой революции на промышленность. Создание внутреннего рынка для промышленного капитала») (см. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 748).

152.
Скопщиной называлась в южных районах России натуральная, кабальная аренда, когда арендатор уплачивал землевладельцу «с копны» определенную долю урожая (половину, а иногда и более) и сверх того обычно отдавал ему часть своего труда в виде разнообразных «отработков».

153.
См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 752–753 (примечание 237).

154.
См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 746–748.

155.
См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 630, 631.

156.
Этот вопрос В. И. Ленин подробно разработал в своей книге «Развитие капитализма в России» (1899).